This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Va 10543 I

ИЗДАНІЕ Г. Ѳ. ЛЬВОВИЧА. [„В. Б.—НА РУБЕЖѢ XIX ст.“]

Blos, Wilhlem

Вильгельмъ Блосъ.

Французская Революція.

Историческій обзоръ событій и общественнаго состоянія во Франціи съ 1789 по 1804 г.

Переводъ Г. Ѳ. ЛЬВОВИЧА.

Изданіе 3-ье, исправленное.

ВЫПУЩЕНО СЕМЕННЫЙ ФОНД
Изд. Отд. Труд. Кр. Вн. Дубл. В-ва им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

ENSV
Riiklik Avalik
Raamatukogu

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Альтшулера. Фонтанка, 96.
1906.

DC149
.B65
1906

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Старая Франція.	1
Учредительное Собраніе.	35
Законодательное Собраніе.	98
Національный Конвентъ (первый періодъ).	138
Національный Конвентъ (второй періодъ).	242
Директорія.	281
Наполеонъ Бонапартъ	324
Консульство	365
Заключеніе	426

Старая Франція.

Мощное общественное движеніе, которое въ концѣ прошлаго вѣка преобразовало Францію, такъ же какъ и большую часть европейскаго материка, мы называемъ просто *Французской революціей* безъ всякихъ дальнѣйшихъ опредѣленій. Оно не было революціей только политической, простымъ государственнымъ переворотомъ, какъ революціи въ Англіи и Сѣверной Америкѣ; оно по самой сущности своей было преобразованіемъ соціальнымъ. Могучее дѣйствіе этой революціи еще и теперь чувствуется на каждомъ шагу. Она наново перестроила общество, демократизировала его. Поэтому ее нельзя ставить на ряду съ позднѣйшими революціями во Франціи, которыя являются почти только простыми государственными переворотами и могутъ быть названы революціями лишь въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Старая Франція, общественное состояніе которой произвело этотъ грандіознѣйшій переворотъ новаго времени,—можетъ быть, грандіознѣйшій изъ всѣхъ переворотовъ всѣхъ временъ,—была очень сложнымъ строеніемъ. Пьедесталомъ, поддерживавшимъ все зданіе, служила громадная масса народа, которую во время революціи называли *третьимъ сословіемъ*. Это понятіе—въ общественномъ отношеніи—обнимало собою все, что только несло государственныя и общественныя тяготы: горожанъ, рабочихъ, крестьянъ, поденщиковъ и крѣпостныхъ. На этомъ широкомъ и глубокомъ фундаментѣ возвышалась огромная надстройка господствующихъ классовъ, та причудливая масса феодальныхъ, іерархическихъ и аристократическихъ привиллегій, которая заканчивалась абсолютной монархіей, увѣнчивавшей все зданіе. Престолъ короля стоялъ наверху всего государства и общества.

Народъ, погруженный въ глубокій умственный мракъ, безропотно несъ на своихъ плечахъ эту надстройку въ теченіе многихъ вѣковъ. Наверху привыкли къ такому порядку вещей. Надстройка привиллегій становилась все разнообразнѣе; все большимъ гнетомъ ложилась она на массы народа, для котораго борьба за существованіе стала подъ конецъ въ крайней степени трудной. Восемнадцатый вѣкъ, столь богатый новыми идеями, нѣсколько разсѣялъ этотъ мракъ. Мысль о

возможности избавленія проложила себѣ дорогу. Но гнетъ все еще возрасталъ, пока онъ не достигъ послѣднихъ предѣловъ возможности и не натолкнулся, наконецъ, на противодѣйствіе. Теперь нуженъ былъ только внѣшній толчокъ, чтобы вызвать переворотъ всего общественнаго строя. Толчокъ этотъ былъ данъ, и мгновенно разверзлись глубокія пучины общества; все, что было внизу, быстро поднялось наверхъ; все, стоявшее вверху, быстро погрузилось, точно низверглось, въ бездонную пропасть. Со страшнымъ трескомъ и шумомъ рухнула вся феодально-іерархическая надстройка и развалины ея исчезли въ пучинѣ революціи. Изъ дикаго, хаотическаго водоворота, среди бурь и страданій, возникло новое общество.

Въ царствованіе Людовиковъ Франція стала абсолютной монархіей. Пресловутое изреченіе Людовика XIV: „государство—это я!" вполнѣ соотвѣтствовало дѣйствительности. Все, что могло оказывать хоть малѣйшее противодѣйствіе королевской власти, было сокрушено. Никакой конституціи государства не существовало; абсолютизмъ путемъ своего происхожденія и развитія выработался въ „историческое право". Было, впрочемъ, одно, само по себѣ незначительное, ограниченіе королевской власти, которое впослѣдствіи должно было имѣть роковое значеніе: это было право верховныхъ судебныхъ учрежденій, парламентовъ, вносить королевскіе эдикты въ свои регистры и этимъ давать имъ силу закона. Если парламенты, опираясь на это традиціонное право, отказывались внести въ регистры королевскій эдиктъ и, такимъ образомъ, отрицали его законность, король самъ являлся въ парламентъ, который долженъ былъ обсуждать дѣло и голосовать въ его присутствіи. Это называлось королевскимъ засѣданіемъ. Если оно не достигало своей цѣли, —король являлся вторично во всѣхъ регаліяхъ, со всѣми знаками своего достоинства, причемъ онъ возсѣдалъ на пяти подушкахъ. Это называлось засѣданіемъ «на подушкахъ». Теперь ужъ не было никакого обсужденія; все погружалось въ глубокое молчаніе. Принималъ ли парламентъ въ голосованіи королевскій эдиктъ, или отклонялъ его,—теперь было безразлично: король приказывалъ внести его въ регистры, причемъ лишь прибавлялись слова: «по указу короля». Иногда, именно при введеніи новыхъ налоговъ, дѣло доходило до упорной борьбы между королемъ и парламентами, которая, впрочемъ, постоянно оканчивалась побѣдой королевской власти. Парламенты были популярнѣе, чѣмъ они этого заслуживали: они состояли изъ представителей привиллегированныхъ и, разумѣется, старались защищать ихъ интересы. Но угнетенному народу по душѣ было всякое противодѣйствіе верховной власти,—противодѣйствіе, иногда направленное—какъ мы увидимъ ниже—даже во вредъ народу.

Людовикъ XIV вполнѣ возстановилъ абсолютную власть и поль-

зовался ею въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Государственные доходы должны были дать ему средства для того, чтобы сдѣлать его дворъ самымъ блестящимъ и роскошнымъ въ Европѣ; его продолжительныя войны, стоившія громадныхъ денегъ, совершенно истощили страну, не доставивъ ей ни малѣйшихъ выгодъ. Въ его царствованіе началось то господство женщинъ при дворѣ, которое лишило Францію всякаго уваженія за-границей и причинило ей невыразимыя бѣдствія. Можно сказать, что Франція болѣе пятидесяти лѣтъ управлялась по прихотямъ куртизанокъ, и направленіе политики мѣнялось, смотря по тому, предавались ли эти куртизанки ханжеству, или разврату. Двадцатипятимилліонное населеніе должно было гнуть шею въ угоду разнымъ Мэнтенонъ, Помпадуръ, Дюбарри, которыя могли свергать правительства, если только имъ не нравились поклоны первыхъ министровъ. Послѣ Людовика XIV наступило распутное регентство герцога Орлеанскаго, при которомъ управленіе превратилось въ биржевую спекуляцію и, вслѣдствіе мошенническихъ финансовыхъ операцій преслovутаго Ло, привело къ полному банкротству государства. Въ царствованіе Людовика XV безнравственность двора дошла до крайнихъ предѣловъ, и государственные доходы расточались на разныхъ фаворитовъ и куртизанокъ самымъ безумнымъ образомъ. Мы не станемъ описывать знаменитаго сераля, такъ называемаго, „парка оленей“, который устроила для короля его отцвѣтшая любовница, Помпадуръ, чтобы сохранить его расположеніе. Самаго глубокаго нравственнаго паденія правленіе Людовика XV достигло тогда, когда въ послѣдніе годы царствованія этого короля имъ овладѣла развратная Дюбарри и до самой смерти его оказывала большое вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ. Интересно было бы сосчитать суммы, въ которыя обошлись Франціи королевскія содержанки въ царствованіе этихъ двухъ Людовиковъ: онѣ громадны до невѣроятности.

Между тѣмъ все велись неудачныя войны; народныя тяготы и налоги возвышались, и масса народа впадала все въ большую нищету. Государственная колесница уже увязла въ столь глубокой трясинѣ, что вывести ее на торную дорогу могла лишь желѣзная рука такого правительства, которое бы располагало необыкновенными талантами и необыкновенной просвѣщенностью. Но послѣ развратнаго Людовика XV на престолъ вступилъ добродѣтельный, но очень ограниченный и слабый Людовикъ XVI, будто нарочно брошенный ироніей всемірной исторіи въ бурю революціи лишь для того, чтобы она смела его.

Уже передъ смертью Людовика XV были люди, предвидѣвшіе близкій и неизбѣжный взрывъ и предупреждавшіе привиллегированныхъ, что они пируютъ на вулканѣ. Но кто же сталъ бы обращать на нихъ вниманіе? Привиллегированными сословіями были дворянство и духовенство. По ихъ взглядамъ, выработаннымъ у нихъ исторіей, третье сословіе, обнимавшее собою все—отъ горожанина и рабочаго

до крестьянина и крѣпостного, имѣло лишь одно назначеніе: доставлять средства на содержаніе привиллегированныхъ сословій. Юридически среди государственныхъ чиновъ третьимъ сословіемъ считались лишь тѣ горожане, которые вели самостоятельныя дѣла и, слѣдовательно, были независимы отъ феодальныхъ господъ; но терминологія революціи именемъ третьяго сословія обозначала всѣ, указанные нами, элементы.

Посмотримъ ближе, каковы были эти три сословія Франціи.

Еще до Карла Великаго церкви, т.-е. *духовенству* принадлежала уже цѣлая треть всей земли во Франціи. Это послужило почвой, на которой сила, богатство и вліяніе церкви, а также и численность духовенства разрослись до невѣроятныхъ размѣровъ. Организація церкви, точно сѣть изъ мелкихъ петель, покрыла и опутала Францію.

Полагаютъ, что передъ революціей духовенство владѣло во Франціи пятой частью всей земли, которая приносила ему до ста милліоновъ дохода. Десятина давала до 23 милліоновъ. Во Франціи было 2800 прелатовъ и генеральныхъ викаріевъ, 5600 канониковъ и 60000 приходскихъ и викарныхъ священниковъ. Въ монастыряхъ жило 24000 монаховъ и 36000 монахинь. Эта огромная организація, точно паутина, раскинулась по всей странѣ; третье сословіе—горожане и крестьяне—должны были содержать ее посредствомъ уплаты разнообразныхъ поборовъ. При этомъ духовенство было свободно отъ налоговъ; оно пріобрѣло «историческое право» подвергать себя самообложенію только во времена особенныхъ бѣдствій и, такимъ образомъ, давало государству, въ видѣ подарка, такъ называемый, добровольный налогъ, который, замѣтимъ мимоходомъ, никогда не превышалъ 16 милліоновъ.

Среди духовенства, какъ всегда, процвѣтали богословскіе споры и преслѣдованія «еретическихъ мнѣній». Но значительное число сановниковъ церкви представляли собой такое явленіе, которое стояло въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ ученіемъ христіанства. Иные князья церкви на доходы, получавшіеся имиотъ государства, церкви и народа, вели крайне роскошную и распутную жизнь. Зараженные нѣсколько радикальной философіей восемнадцатаго вѣка, они смѣялись надъ церковью, папой, религіей, глупостью вѣрующихъ и иногда даже играли въ атеизмъ. О приближающейся революціи они говорили, какъ объ интересномъ приключеніи. Они съ большимъ удовольствіемъ читали сатиры на религію, духовенство и церковь, хотя и дѣлали все, зависѣвшее отъ нихъ, для преслѣдованія вольнодумныхъ писателей. Они раздѣляли старое мнѣніе, встрѣчающееся всегда у защитниковъ привиллегій, что религія хороша и необходима для бѣдняковъ, которымъ приходится ожидать награды на небѣ за всѣ

земныя бѣдствія; но для человѣка образованнаго и просвѣщеннаго она лишь внѣшняя форма, а церковь лишь общественное учрежденіе.

Отвращеніе къ этимъ своевольнымъ сановникамъ церкви и ихъ лицемѣрію, сказавшееся скоро во всей силѣ, поддерживалось духовнымъ пролетаріатомъ. Низшій клиръ не имѣлъ части въ огромныхъ доходахъ церкви. Доходъ приходскихъ священниковъ колебался между 500 и 2000 франковъ, изъ которыхъ они еще должны были вносить часто до 100 франковъ для такъ называемаго добровольнаго дара церкви государству. Этотъ духовный пролетаріатъ склонился къ новымъ идеямъ вѣка, и его печальное положеніе объясняетъ, отчего столь многихъ членовъ низшаго духовенства мы находимъ на сторонѣ революціи.

Церковь, какъ всегда, имѣла много благотворительныхъ учрежденій, оказывавшихъ поддержку бѣднымъ. Такія учрежденія называли достояніемъ бѣдныхъ. Это названіе причинило много зла во время революціи: лицемѣрное духовенство распространило его на все имущество церкви и, когда впослѣдствіи церковныя имѣнія были конфискованы, подняло крикъ, что этимъ отнимаютъ у бѣдныхъ ихъ достояніе. Многіе легковѣрные бѣдняки повѣрили духовенству, и вслѣдствіе этого погибъ не одинъ революціонеръ.

Французское *дворянство* было передъ революціей очень многочисленно, но точныхъ свѣдѣній о его числѣ не имѣется. Дворянъ и духовныхъ вмѣстѣ насчитывали 270,000 душъ, причемъ надо имѣть въ виду, что обѣ эти категоріи часто переходятъ одна въ другую, такъ какъ всѣ высшія, вліятельныя и доходныя мѣста въ церкви король обыкновенно раздавалъ, въ видѣ пожалованій, дворянамъ. По одному исчисленію, которое кажется намъ вѣрнымъ, число дворянъ передъ самымъ взрывомъ революціи доходило до 140,000 душъ, составлявшихъ около 30,000 семействъ.

Послѣ того, какъ сила дворянства была надломлена въ войнахъ фронды, этотъ классъ опускался все ниже и ниже и сталъ, наконецъ, лишь смѣшной каррикатурой грубаго, но сильнаго рыцарства былыхъ временъ. Уже большой рѣдкостью стали гордые феодалы стараго времени, которые хотя и строго охраняли привиллегіи своей касты, но все же стояли на высотѣ образованія своего времени и были въ патріархальныхъ отношеніяхъ со своими подчиненными. Помѣстное дворянство обѣднѣло и огрубѣло; особенно многочисленно было, такъ называемое, захолустное дворянство. Захолустные дворяне, исполненные самаго глупаго высокомѣрія, лишенные всякаго образованія, относились съ величайшей ненавистью къ бюрократамъ, которыхъ они называли «писарями». Среди дворянства того времени различаютъ дворянство придворное,—должностное, засѣдавшее въ парламентахъ,—

и помѣстное. Все дворянство пользовалось почти полной свободой отъ податей, такъ какъ способомъ веденія своего хозяйства оно ухитрялось освободиться и отъ поземельныхъ налоговъ.

Этотъ классъ считалъ для себя позоромъ заниматься какимъ бы то ни было промысломъ. Дворяне или получали средства къ жизни со своихъ владѣній и изъ поборовъ, взимавшихся съ подвластныхъ имъ крестьянъ, или служили офицерами въ войскѣ. Патенты на офицерскіе чины были почти исключительно въ рукахъ дворянъ, и Людовикъ XVI даже издалъ предписанія, которыя еще больше затрудняли покупку офицерскихъ патентовъ лицами недворянскаго происхожденія.

Придворное дворянство, вполнѣ зависѣвшее отъ милостей короля, было, можетъ быть, самымъ высокомѣрнымъ изъ всѣхъ приверженцевъ стараго строя; тѣмъ не менѣе оно состояло большею частью изъ людей жалкихъ, фривольныхъ и легкомысленныхъ, лишенныхъ всякой совѣсти и пониманія современныхъ общественныхъ отношеній. Фривольность этого дворянства часто принимаютъ за остроуміе, а его привычку къ придворному этикету—за утонченность. Во время революціи сказался его истинный характеръ.

Просвѣщенная и образованная часть дворянства дала рядъ выдающихся людей, бывшихъ передовыми борцами въ различныя фазы революціи: Мирабо, Лафайетъ, Клермонъ-Тоннеръ, Ларошфуко, Петіонъ, Барреръ и самъ Робеспьерръ вышли изъ рядовъ дворянства. Но въ качествѣ класса или сословія, дворянство, по необходимости, было врагомъ тѣхъ нововведеній, которыя явились въ первой стадіи революціи.

Чѣмъ болѣе бѣднѣло дворянство, тѣмъ большія тяготы взваливало оно на подвластныхъ ему крестьянъ въ видѣ оброка и повинностей. Если дворяне съ оскорбительнымъ презрѣніемъ смотрѣли на горожанина, не жившаго на счетъ другихъ, зарабатывавшаго средства къ существованію собственнымъ трудомъ, то въ крестьянахъ и крѣпостныхъ они видѣли скорѣе рабочій скотъ, чѣмъ людей. Своеволіе дворянъ особенно разыгрывалось во время охотъ: крестьянство столько же терпѣло отъ охотниковъ, какъ и отъ дичи, за которой они охотились.

Привиллегіи рожденія имѣли тогда рѣшающее значеніе во всѣхъ отношеніяхъ. И уничтоживъ эти привиллегіи, революція дала иное направленіе всему ходу дѣлъ.

Но еще до революціи талантливый Бомарше въ своей комедіи осмѣялъ привиллегіи дворянства. „Кто вы?“, говорится въ „Свадьбѣ Фигаро“ по адресу дворянства:—„вы дали себѣ лишь трудъ родиться!“ Истасканное дворянство, сидѣвшее въ ложахъ, смѣялось до упаду: оно и не предчувствовало, что Бомарше этой остротой возвѣстилъ ему близкую гибель.

Оба эти сословія, дворянство и духовенство, владѣли двумя третями французской земли и платили лишь самые ничтожные налоги. Горожанинъ и крестьянинъ, владѣвшіе остальной третью, должны были не только нести страшныя тяготы, налагаемыя на нихъ государствомъ, но и давать средства на содержаніе обоихъ привиллегированныхъ сословій.

Этотъ фактъ объясняетъ собою всю французскую революцію.

Сословіе горожанъ, насколько оно признавалось въ качествѣ *третьяго сословія*, состояло изъ самостоятельныхъ французскихъ подданныхъ, не находившихся на чьей-либо службѣ и независимо занимавшихся какимъ-либо промысломъ. Третье сословіе было безконечно многочисленнѣе обоихъ привиллегированныхъ, но въ собраніи государственныхъ чиновъ—генеральныхъ штатовъ — оно было представлено въ такой же степени, какъ они. Государственныя тяготы очень угнетали его, и эти тяготы были неравномѣрно распредѣлены между провинціями.

Высокомѣріе дворянства и гнетъ государственнаго строя, разумѣется, сильнѣе всего чувствовала состоятельная буржуазія. Поэтому противодѣйствіе правительству, какъ и всегда, явилось сперва въ имущихъ буржуазныхъ классахъ. Различіе между интересами имущихъ и неимущихъ сказалось лишь позже: въ началѣ, при самомъ взрывѣ революціи все единодушно ратовало за свободу, которая для всѣхъ была одинаково желанной. Что буржуазный государственный строй, увѣковѣчивающій классовыя различія, имѣетъ далеко не одинаковое значеніе для имущихъ и неимущихъ, это лишь въ дальнѣйшемъ ходѣ великаго переворота выяснилось со всей очевидностью.

Состоятельная и образованная буржуазія могла скоро выставить рядъ энергичныхъ борцовъ, которые устно и письменно смѣло выступили противъ деспотизма. Въ этихъ кругахъ поддерживали все, что явно или тайно было направлено противъ двора, дворянства и духовенства. Блестящая и радикальная философія XVIII вѣка пустила глубокіе корни въ средѣ этой буржуазіи; масса читателей увлекалась ученіями Вольтера, Руссо, Дидро и даже Гольбаха. Буржуазія въ собственномъ смыслѣ этого слова, крупная буржуазія, не имѣвшая тогда почти никакихъ политическихъ правъ, еще не опредѣлилась, какъ особый классъ. Но въ кругахъ имущественной и образованной буржуазіи уже выработались тѣ элементы, которые должны были взять въ свои руки управленіе новообразующимся государствомъ. Эта буржуазія дала новой Франціи ея государственныхъ людей, полководцевъ, юристовъ, ея бюрократію.

Буржуазія большихъ французскихъ городовъ была въ давнія времена очень сильна, такъ какъ городское управленіе имѣло тогда

большею частью демократическое коммунальное устройство. Въ XV столѣтіи оно было введено вездѣ, гдѣ только это было возможно. Города держали себя, какъ самостоятельныя республики; они долго боролись съ королями и защищали отъ нихъ свою самостоятельность. Но у нихъ не было достаточно единодушія для того, чтобы они могли устоять противъ монархической власти централизованнаго государства. Религіозныя смуты XVI и XVII вѣковъ дали королямъ столь желанный для нихъ случай сломить силу городовъ. Къ концу XVII вѣка абсолютизмъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ.

Косная масса мѣщанства гнулась подъ гнетомъ этого строя и безропотно несла бремя, которое онъ взвалилъ на нее. Но когда это бремя стало слишкомъ невыносимымъ, она заволновалась и, послѣ взрыва революціи, была увлечена общимъ потокомъ.

Въ 1789 г. въ Парижѣ было 44 цеха. Извѣстная реформаторская попытка Тюрго, о которой мы будемъ говорить ниже, уничтожила ихъ, но вскорѣ они безъ всякаго труда были снова возстановлены. Организація ихъ къ этому времени уже совершенно окостенѣла, и они находились подъ сильнымъ вліяніемъ полиціи. Казалось, что ихъ возстановили единственно затѣмъ, чтобы они платили промысловые налоги. Для того, чтобы быть принятымъ въ цехъ, надо было имѣть не менѣе двадцати лѣтъ и состоять въ ученіи не менѣе четырехъ лѣтъ. Образцовая работа для полученія званія мастера была отмѣнена; сыновья мастеровъ при принятіи въ цехъ пользовались привиллегіями.

Въ Парижѣ цеховыя собранія составлялись только изъ тѣхъ членовъ цеха, которые платили высшую сумму налоговъ, въ остальныхъ же городахъ изъ всѣхъ. Полиція всячески ограничивала эти собранія, заботясь, чтобы въ нихъ не проникла революціонная крамола. Цехи имѣли депутатовъ, надсмотрщиковъ, синдиковъ и адъюнктовъ, которые вмѣстѣ съ очень вліятельной полиціей составляли муниципальныя учрежденія. Купеческая гильдія также имѣла надсмотрщиковъ и адъюнктовъ. Синдики, надсмотрщики и адъюнкты посѣщали, по крайней мѣрѣ, четыре раза въ годъ всѣхъ мастеровъ, наблюдая за соблюденіемъ ими цеховыхъ правилъ и содержаніемъ подмастерьевъ, учениковъ и служащихъ. О всякомъ нарушеніи правилъ они доводили до свѣдѣнія собранія депутатовъ, которое вызывало провинившихся и, въ случаѣ повторенія проступка, отдавало ихъ подъ судъ.

Профессіи были раздѣлены на свободныя и несвободныя. Для занятія свободными профессіями необходимо было только заявить объ этомъ городскому лейтенанту. Къ свободнымъ относились профессіи: жестяниковъ, щеточниковъ, чесальщиковъ шерсти, цвѣточницъ, женщинъ-парикмахеровъ, веревочниковъ, старьевщиковъ, реме-

сленниковъ, приготовлявшихъ плети, коробки, четки, пробки, рогожи; торговокъ льномъ, садовниковъ, торговцевъ пряниками, танцмейстеровъ, торговцевъ птицами, содержателей бань, подметальщиковъ и ткачей льняныхъ матерій. Но и свободныя профессіи подвергались вмѣшательству и притѣсненіямъ со стороны полиціи.

Ремесленникъ, сжатый въ полицейскихъ тискахъ, долженъ былъ чувствовать себя тѣмъ тягостнѣе, заботливая опека надъ нимъ полиціи должна была казаться ему тѣмъ невыносимѣе, чѣмъ больше онъ помнилъ о своихъ предкахъ, пережившихъ періодъ расцвѣта гражданской гордости и славы въ свободныхъ коммунахъ среднихъ вѣковъ.

Промышленность также не могла свободно развиваться во Франціи. Кольберъ, этотъ идеалъ всѣхъ сторонниковъ покровительственной системы, надѣявшійся достигнуть всего посредствомъ „регламентовъ“, пытался добиться расцвѣта промышленности приказаніями свыше. Онъ видѣлъ, что его дѣло потерпѣло крушеніе еще при его жизни. Безпрестанныя войны запутали Францію въ страшные долги— уже въ 1714 г. они достигли 3500 милліоновъ—и дѣлали невозможнымъ всякое развитіе промышленности. Гдѣ же еще оставалась хоть какая-нибудь возможность этого развитія, правительство, мертвящее все живое, уничтожало ее. Спекуляція бумажными деньгами во времена Ло убила всѣ экономическія и финансовыя предпріятія. Преемники Кольбера старались еще превзойти въ регламентаціи свой первообразъ. Особенно деспотически распоряжались съ бумажнымъ и прядильнымъ производствами, такъ что обѣ эти отрасли промышленности не въ состояніи были удовлетворять требованіямъ и потребностямъ того времени. Въ 1734 г. было запрещено купцамъ выпускать рекламы, „потому что они не должны употреблять никакихъ искусственныхъ средствъ для завлеченія покупателей“. Особые „регламенты“ опредѣляли длину продольныхъ и поперечныхъ нитокъ и ихъ число въ тканяхъ, длину и ширину тканей, устройство ткацкихъ станковъ. Если ткань была длиннѣе, чѣмъ это полагалось по регламенту, королевскій надсмотрщикъ отрѣзывалъ излишекъ и отдавалъ его бѣднымъ; за несоблюденіе регламентовъ сожигалась масса тканей. За проступки подобнаго рода фабрикантъ даже могъ быть выставленъ у позорнаго столба. Посредствомъ такихъ безсмысленныхъ предписаній надѣялись держать качество товаровъ на извѣстной высотѣ, но они не достигали своей цѣли. Всѣ точно устроили заговоръ противъ властей, точно сговорились нарушать регламенты. Съ 1776 г. промышленность стала быстро развиваться, но гнетъ, тяготѣвшій надъ нею, существовалъ еще долго.

Такимъ образомъ, промышленность тоже имѣла всѣ основанія оказывать противодѣйствіе гнету стараго строя. Но она еще долго не могла подняться, стать вполнѣ на свои ноги.

Заработная плата фабричныхъ рабочихъ во Франціи передъ революціей равнялась въ среднемъ 26 су для мужчинъ и 15 су для женщинъ (20 су = 1 фр. = 25 к. золотомъ). Одинъ изъ комитетовъ, образованныхъ учредительнымъ собраніемъ, опредѣлялъ заработную плату въ 50 сантимовъ въ день. Положеніе фабричныхъ рабочихъ было очень плачевно, и мы уже рано находимъ среди нихъ движенія съ цѣлью добиться для рабочихъ лучшихъ условій жизни и труда. Центральнымъ пунктомъ этихъ движеній былъ Ліонъ и состояніе ліонской промышленности можетъ дать намъ надлежащее представленіе о положеніи фабричныхъ рабочихъ во Франціи XVIII вѣка.

Въ XV столѣтіи въ Ліонѣ была введена обработка шелка. Уже въ 1536 г. производствомъ шелковыхъ тканей здѣсь было занято 12.000 рабочихъ. По одному регламенту изъ временъ Кольбера ліонское шелковое производство выработало три класса, составлявшихъ одну общую организацію. Высшимъ классомъ были капиталисты, предприниматели и торговцы. Всѣ они были очень богаты. Второй классъ составляли мастера; ихъ было въ десять разъ больше, чѣмъ торговцевъ; они работали дома на своихъ станкахъ за свой счетъ или за счетъ капиталистовъ. Третій классъ, классъ подмастерьевъ, работалъ за наемную плату; своей численностью онъ въ десять разъ превышалъ классъ капиталистовъ. Сверхъ того, производствомъ шелковыхъ тканей была занята еще громадная масса рабочихъ въ 40,000 душъ, состоявшая изъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, не принадлежавшихъ къ организаціи и жившихъ въ страшной нищетѣ подъ гнетомъ ничѣмъ несдерживаемой эксплуатаціи. Всѣ возникавшіе споры рѣшались шестью надсмотрщиками; два изъ нихъ первоначально назначались городскими властями, а четыре избирались изъ прежнихъ надсмотрщиковъ и тридцати мастеровъ, указанныхъ мэромъ, который тогда назывался еще консуломъ. Въ царствованіе Людовика XVI было постановлено, что мелкія фабрики, т.-е. мастера, должны избирать только двухъ, крупныя же фабрики, т.-е. капиталисты и предприниматели,— четырехъ надсмотрщиковъ. Затѣмъ, въ 1731 г. послѣдовалъ декретъ государственнаго совѣта, по которому мастера, работавшіе за счетъ торговцевъ, могли имѣть у себя на дому только четыре станка; рабочимъ же, непосредственно отъ себя продававшимъ продукты своего труда, было запрещено имѣть болѣе двухъ станковъ, держать подмастерьевъ или принимать учениковъ. Въ шелковой промышленности тогда уже насчитывалось 50,000 чел. съ 90 торговцами, 800 мастеровъ и 8,000 подмастерьевъ. Декретъ 1731 г. передалъ всю организацію въ руки торговцевъ.

Правда, въ томъ же 1731 г. этотъ пагубный декретъ былъ отмѣненъ, но съ 1741 по 1744 г. издавались новыя предписанія въ пользу торговцевъ и во вредъ мастерамъ, подмастерьямъ и рабочимъ. Мастера говорили, что они, несмотря на безпрерывную и напряжен-

ную работу, должны были дѣлать ежегодно по 250 франковъ долга. Плата рабочихъ, бывшая и раньше очень ничтожной, понизилась до минимума. Въ 1744 г. дѣло дошло до массоваго прекращенія работы подмастерьями и мастерами: это была *первая крупная стачка* во Франціи. Рабочіе, не принадлежавшіе къ организаціи, поддержали ее. Стачечники требовали повышенія платы на 1 су за локоть, уравненія правъ всѣхъ классовъ организаціи при выборѣ надсмотрщиковъ, отмѣны обязательной платы въ 300 франковъ при полученіи званія мастера и предоставленія подмастерьямъ и мастерамъ свободы работать на другихъ или за свой счетъ. Почти во всѣхъ остальныхъ производствахъ Ліона работа тоже была пріостановлена, и первый промышленный городъ государства въ теченіе восьми дней находился во власти пролетаріата, тщательно воздерживавшагося отъ всякихъ излишествъ и насилій. Требованія рабочихъ были очень скромны, и консулъ удовлетворилъ ихъ. Но въ февралѣ 1745 г. снова были возстановлены прежніе порядки. Торговцы снова получили преобладаніе; вѣроятно, они подкупили министровъ. Тогда въ Ліонѣ возникли волненія, и правительство послало туда значительную военную силу. Нѣсколько рабочихъ было убито, иные отправлены на галеры. Войско было расквартировано у жителей города. Такимъ образомъ, на требованія рабочихъ правительство отвѣтило порохомъ и свинцомъ.

До 1786 г. рабочіе шелковой промышленности жили подъ страшнымъ гнетомъ. Въ этомъ же году они снова пріостановили работу. Они требовали прибавки платы въ два су на локоть. Рабочіе, вооруженные палками, толпами расхаживали по городу; городъ и испуганное консульство удовлетворили ихъ требованія. Затѣмъ, явилось войско; всѣ уступки рабочимъ были отмѣнены, и три ремесленника были «для спасительнаго примѣра» повѣшены за то, что они не уплатили мостового сбора. Тарифъ заработной платы былъ уничтоженъ, и опредѣленіе ея было предоставлено свободному соглашенію,— что, понятно, означало пониженіе платы. Въ 1788 г. сборъ шелка былъ очень плохой, и вслѣдствіе этого 5,400 станковъ остались безъ работы: 40,000 рабочихъ лишились хлѣба. Бѣдствія рабочихъ во время этого кризиса не поддаются описанію. Городу Ліону было предоставлено сдѣлать заемъ въ 300,000 франковъ для рабочихъ. Но этимъ нельзя было устранить лишенія, еще больше увеличившіяся вслѣдствіе всеобщей дороговизны и суровой зимы. Многіе рабочіе шелковой промышленности эмигрировали, многіе кончили жизнь самоубійствомъ; остальные же работали по 18 часовъ въ день, чтобы хоть какъ нибудь поддержать свое существованіе.

Уже въ 1789 г. крупная промышленность сократила число мастеровъ; крупныя фабрики имѣли 14,700 станковъ и насчитывали 58,000 рабочихъ. Изъ этихъ послѣднихъ только 3400 принадлежали къ организаціи и могли принять участіе въ выборѣ депутатовъ въ со-

браніе генеральныхъ штатовъ 1789 г., такъ какъ право на это имѣли лишь подмастерья, принадлежавшіе къ организаціи.

Филантропическій институтъ отпустилъ для рабочихъ еще 300,000 франковъ; торговцы отвѣтили на это новымъ пониженіемъ ихъ нищенской платы.

Такимъ образомъ, въ Ліонѣ рано разыгралось рабочее движеніе, и пролетаріатъ отдѣлился отъ чисто-буржуазныхъ партій. Это отразилось и на выборахъ въ генеральные штаты. Въ Парижѣ, какъ мы дальше увидимъ, рабочіе тоже выступили въ защиту своихъ классовыхъ интересовъ и тоже потерпѣли пораженіе.

Среди ремесленныхъ рабочихъ во Франціи еще въ средніе вѣка образовались союзы подмастерьевъ, извѣстные подъ именемъ компаньонажа (le compagnonnage).

Эти союзы показываютъ, какъ рано началось отдѣленіе рабочаго пролетаріата отъ мастеровъ и капиталистовъ; съ ними выступаетъ уже своего рода раздѣленіе труда и капитала. Они существовали вплоть до второй имперіи и лишь впослѣдствіи уступили мѣсто инымъ организаціямъ. Союзы эти были религіознаго происхожденія и вначалѣ имѣли религіозный характеръ; впослѣдствіи они проникись матеріальными интересами. Они имѣли демократическое устройство и много различныхъ обрядовъ, бывшихъ, повидимому, простымъ подражаніемъ религіознымъ церемоніямъ. Это были замкнутыя организаціи подмастерьевъ противъ мастеровъ; во время своего расцвѣта они много поработали въ пользу ремесленнаго пролетаріата. Они организовали массу стачекъ, и поэтому не было недостатка въ доносахъ на нихъ передъ государственной властью. Кольберъ хотѣлъ подчинить регламентамъ и образъ жизни рабочихъ, но компаньоннажъ, имѣвшій развѣтвленія по всей Франціи, держалъ себя очень самостоятельно. Послѣ руанской стачки 1679 г., когда ткачи, вслѣдствіе приглашенія постороннихъ рабочихъ, въ числѣ 3000 человѣкъ прекратили работу на цѣлый мѣсяцъ, полиція обратила вниманіе на союзы подмастерьевъ. Правда они стали избѣгать гласности, и уничтожить ихъ было невозможно, но теперь были приняты противъ нихъ строгія мѣры. Братства и союзы подмастерьевъ были запрещены; подмастерьямъ запрещено было носить оружіе и палки. Былъ установленъ оффиціальный срокъ для отказа отъ работы у мастера. Въ 1771 г. было постановлено что мясникъ-подмастерье долженъ пробыть у своего мастера не менѣе года; были введены также свидѣтельства, а въ 1781 г. и рабочія книжки—мѣропріятіе, чрезвычайно стѣснительное и ненавистное. Между самими союзами подмастерьевъ возникало много раздоровъ, которые часто приводили къ кровавымъ побоищамъ. Въ 1730 г. близъ Арля, въ 1743 г. въ Нантѣ такія побоища приняли широкіе размѣры. Въ Парижѣ, гдѣ подобныя столкновенія происходили безпре-

станно, парламентъ въ 1778 г. воспретилъ членамъ союзовъ подмастерьевъ устраивать собранія, а также носить оружіе и палки.

Промышленные и ремесленные рабочіе во Франціи, получавшіе нищенскую плату и угнетаемые полиціей, стояли во время революціонной борьбы на сторонѣ крупной и мелкой буржуазіи. Третье и многочисленное четвертое сословіе недовѣрчиво смотрѣли другъ на друга и тѣмъ не менѣе шли рука объ руку: ихъ соединялъ общій интересъ—борьба съ правительствомъ. Когда третье сословіе одержало верхъ и забрало государство въ свои руки, рабочіе требовали отъ него помощи въ своихъ бѣдствіяхъ. Мы дальше увидимъ, что отвѣтило имъ третье сословіе, овладѣвшее государственной властью.

Такимъ образомъ, отдѣленіе четвертаго сословія отъ третьяго началось очень рано [1]).

Ко времени революціи численность французскаго народа простиралась до 25 милліоновъ, изъ которыхъ 21 милліонъ занимался земледѣліемъ. Площадь французской земли представляла пространство въ 51 милліонъ гектаровъ, изъ которыхъ 35 милліоновъ были заняты земледѣльческимъ хозяйствомъ.

Третья часть этой земли, не принадлежавшая ни духовенству, ни дворянству, ни коронѣ, находилась во владѣніи мелкихъ собственниковъ. Одинъ очевидецъ сообщаетъ, что во Фландріи, Эльзасѣ и Сѣверной Бретани они были довольно зажиточны, но въ остальныхъ мѣстностяхъ, особенно въ Шампани и Лотарингіи, очень бѣдны и несчастны. Раздробленіе земли было чрезвычайно велико; были участки всего въ нѣсколько саженей, на которыхъ росло одно дерево. Средняго сословія въ сельскомъ населеніи почти совершенно не было; здѣсь были только крупные землевладѣльцы, обѣднѣвшіе мелкоучастковые крестьяне, арендаторы и сельскій пролетаріатъ всѣхъ степеней до крѣпостного. Лишь въ Вандеѣ еще сохранились извѣстныя патріархальныя отношенія между провинціальнымъ дворянствомъ и крестьянами, что впослѣдствіи и послужило причиной кровавыхъ битвъ въ этой странѣ. Почти во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ землевладѣльцы обращались съ крестьянами очень дурно и эксплуатировали ихъ въ невѣроятныхъ размѣрахъ. Чѣмъ больше дворянство бѣднѣло, тѣмъ больше дохода старалось оно выжимать изъ крестьянъ. Такимъ образомъ, ко времени революціи феодальныя тяготы достигли послѣднихъ предѣловъ возможности и вмѣстѣ со страшными государственными тяготами превратили жизнь сельскаго населенія въ адскую муку, такъ

---

[1]) По привычкѣ мы удержали названіе: „четвертое сословіе“, не упуская, однако, изъ виду, что это названіе собственно не соотвѣтствуетъ понятію **класса рабочихъ**.

что оно жадно ловило всякій слухъ объ измѣненіи существующаго порядка вещей.

Французскому крестьянину передъ революціей приходилось вести такую жизнь, которая мало чѣмъ отличалась отъ жизни животнаго. Земледѣльческое хозяйство велось еще первобытнымъ способомъ; оно не могло еще пользоваться естественнымъ плодородіемъ земли въ такой степени, которая доставила бы населенію извѣстное благосостояніе. Во Франціи было еще много запущенной и совершенно нетронутой земли, о которой никто и не думалъ. Крестьяне жили въ жалкихъ глиняныхъ лачугахъ, крытыхъ соломой, многія изъ которыхъ не имѣли оконъ. Они неизбѣжно должны были пребывать въ грязи, среди грубости и невѣжества, такъ какъ господствующіе слои нисколько не были заинтересованы въ томъ, чтобы бросить въ эту несчастную массу, погруженную въ безъисходный мракъ, спасительный лучъ образованія. Лишь очень немногіе изъ крестьянъ умѣли читать или писать. Среди сельскаго населенія передъ революціей было еще полтора милліона крѣпостныхъ, платившихъ оброкъ своимъ господамъ и отбывавшихъ повинности работой. Они были подсудны помѣщику, не могли дѣлать завѣщаній и свободно располагать своимъ движимымъ имуществомъ. Крестьянинъ долженъ былъ безропотно терпѣть убытки, причиняемые ему дичью, и подъ страхомъ большого наказанія не смѣлъ держать оружія.

Чрезвычайно обременительны для крестьянъ были десятины, которыя они обязаны были давать землевладѣльцамъ и духовенству. Десятина должна была равняться десятой части волового дохода съ хозяйства, но счеты были здѣсь такъ неопредѣленны, что она могла дойти до третьей части, половины или даже трехъ четвертей и болѣе чистаго дохода и, такимъ образомъ, могла лечь страшнымъ бременемъ на крестьянина. Значительное число участковъ должны были отдавать съ акра седьмую часть пшеницы. Крестьяне, воздѣлывавшіе виноградники, также должны были отдавать седьмую часть спирта. Со среднихъ вѣковъ удержалась, въ качествѣ «историческаго права», масса натуральныхъ повинностей; съ нѣкоторыхъ участковъ взимались экстраординарные поборы зерномъ, птицами, свиньями, яйцами, дровами, воскомъ и цвѣтами; рядомъ съ обыкновенной барщиной также существовали еще экстраординарныя натуральныя повинности. Неоднократно вводились и особые сборы деньгами. Но рядомъ съ феодальнымъ господствомъ къ крестьянину предъявляло свои требованія и государство, и государственные сборы взыскивались съ такой же строгостью. Здѣсь первое мѣсто занималъ поземельный налогъ (taille), отъ котораго дворянство почти вполнѣ избавилось, духовенство же было совершенно свободно, между тѣмъ какъ крестьянинъ долженъ былъ платить его безпрекословно. Общая сумма поземельнаго налога простиралась до 110 милліоновъ франковъ. Затѣмъ слѣдовалъ столь не-

навистный налогъ на соль съ цѣлымъ рядомъ пошлинъ съ товаровъ, съѣстныхъ припасовъ, дорожныхъ пошлинъ. Высчитано, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ поборы были особенно тяжелы, крестьянинъ платилъ съ каждыхъ 100 франковъ 53 фр. государству, въ видѣ поземельнаго, подушнаго и подоходнаго налоговъ, 14—землевладѣльцу, 14—духовенству, въ видѣ десятины. Изъ остальныхъ 19 фр. надо было платить еще налогъ на соль и предметы потребленія. Поэтому, было достаточно такихъ крестьянъ, которые всю жизнь голодали.

Къ этому страшному гнету присоединялись еще лишенія вслѣдствіе неурожаевъ. Жестокость господъ и сборщиковъ податей часто вызывала у сельскаго населенія взрывы отчаянія, которые сурово подавлялись военной силой. Въ 1775 г. дѣло дошло до возстанія крестьянъ, до, такъ называемой, мучной войны. Неурожай, дороговизна хлѣба и агитація враговъ правительства привели къ тому, что крестьяне собрались толпой къ версальскому дворцу и просили короля о помощи. Въ Парижѣ тоже возникли безпорядки и волненія; народъ грабилъ булочныя и разрушалъ хлѣбные магазины. Людовикъ XVI далъ нѣкоторыя обѣщанія, и крестьяне успокоились. Между тѣмъ министръ Тюрго, проявившій такой умъ въ другихъ случаяхъ, не могъ здѣсь придумать ничего иного, какъ двинуть солдатъ. Солдаты съ оружіемъ въ рукахъ разогнали толпу. Два человѣка для «спасительнаго примѣра» были повѣшены. Такъ поступалъ самъ Тюрго! Больше всѣхъ страдали крѣпостные. Вольтеръ, стоявшій неизмѣримо выше своихъ современниковъ, пользовался своимъ плодовитымъ перомъ и для борьбы съ варварскимъ установленіемъ крѣпостного права. „Государь!—писалъ онъ Людовику XVI:—въ вашей арміи есть болѣе 30,000 крѣпостныхъ изъ Франшконте. Если нѣкоторые изъ нихъ за свои заслуги будутъ произведены въ офицеры, если они затѣмъ получатъ отставку съ пенсіей, и вмѣсто того, чтобы вернуться со своими отцами и родными въ тѣ жалкія лачуги, гдѣ они родились, поселятся въ городѣ въ лучшихъ жилищахъ,—они не могутъ передъ смертью распоряжаться ни своей мебелью, ни своими сбереженіями; все это послѣ ихъ смерти принадлежитъ ихъ господамъ!»—Ограниченный Людовикъ XVI, погруженный въ свои развлеченія, не обращалъ вниманія на подобныя заявленія. Но Вольтеръ продолжалъ свою борьбу съ крѣпостнымъ правомъ. Жалобы, слышанныя имъ отъ крѣпостныхъ, онъ выразилъ въ слѣдующихъ безсмертныхъ словахъ: «Мы»,—говорятъ у него крѣпостные:—«рабы всѣмъ существомъ нашимъ, со всѣмъ нашимъ имуществомъ. Если мы остаемся въ домахъ нашихъ родителей и ведемъ со своими женами самостоятельное хозяйство, то послѣ смерти нашихъ родственниковъ все ихъ имущество принадлежитъ монахамъ. Насъ выгоняютъ изъ отцовскихъ лачугъ и мы должны просить милостыню у дверей того дома, гдѣ мы родились. Намъ не только отказываютъ въ милостынѣ, но господа наши имѣютъ даже

право не платить за лѣкарства и пищу, которыя давались нашимъ роднымъ во время болѣзни. Поэтому, если мы заболѣемъ, ни одинъ торговецъ не дастъ намъ въ кредитъ холста, ни одинъ мясникъ не повѣритъ намъ въ долгъ фунта мяса, аптекарь не дастъ лекарствъ, которыя, можетъ быть, спасли бы намъ жизнь. Мы умираемъ, оставленные всѣми людьми и уносимъ съ собой въ могилу лишь увѣренность, что мы оставили нашихъ дѣтей въ нищетѣ и рабствѣ. Если какой нибудь чужеземецъ, не знающій здѣшнихъ порядковъ, имѣлъ несчастіе прожить въ этомъ варварскомъ закоулкѣ, Сэнъ-Клодъ (въ Юрѣ) годъ и одинъ день, онъ становится такимъ же рабомъ монаховъ, какъ и мы. Теперь уже, если бы онъ пріобрѣлъ какое нибудь имущество даже въ иной странѣ, это имущество принадлежитъ сэнъ-клодскимъ монахамъ; они могутъ объявить объ этомъ по всему свѣту, и это называется «правомъ преслѣдованія». Если они могутъ доказать, что дѣвушка, вступившая въ бракъ, первую ночь послѣ брака провела не въ домѣ своихъ родителей, а въ домѣ мужа,—она теряетъ право наслѣдованія послѣ своего отца. Свидѣтельскія показанія такого рода часто вынуждаются посредствомъ угрозъ и наслѣдство переходитъ къ монахамъ: все равно, будетъ ли оно равняться 100 или 100,000 франковъ, они сумѣютъ получить его. Эти монахи безпощадно высасываютъ изъ насъ кровь въ теченіе всей нашей жизни и послѣ нашей смерти они сдираютъ съ насъ шкуру, а остальное бросаютъ на живодерню".—Герцогу Шуазелю Вольтеръ писалъ: „Меня посѣтили крѣпостной и крѣпостная изъ Сенъ-Клода. Крѣпостной этотъ состоитъ почтмейстеромъ въ Сэнтъ-Амурѣ и сборщикомъ у вашего родственника графа Шуазеля. Такимъ образомъ, онъ по обѣимъ этимъ причинамъ находится въ вашей власти; сэнъ-клодскій же капитулъ не имѣетъ никакого права держать этихъ людей въ качествѣ крѣпостныхъ. Ихъ истязаютъ, каноники высасываютъ изъ нихъ кровь, и вы увидите, что все населеніе уйдетъ въ Швейцарію, если вы его не защитите". Герцогъ Шуазель, понятно, не сдѣлалъ ровно ничего. Но мысли, выраженныя Вольтеромъ, факты, на которые онъ указывалъ, проложили себѣ дорогу въ революціи. Другъ Вольтера и товарищъ его по этой борьбѣ, Кристенъ (Christin), былъ предсѣдателемъ коммиссіи учредительнаго собранія, редактировавшей знаменитый докладъ о крѣпостномъ состояніи. Въ этомъ докладѣ, между прочимъ, говорится: «III статья обычнаго права Франшконте опредѣляетъ, что свободный человѣкъ, женившійся на дочери крѣпостного и поселившійся въ домѣ своей жены на землѣ «мертвой руки», не становится крѣпостнымъ, если онъ оставитъ этотъ домъ при жизни своей жены; если же онъ умретъ въ этомъ домѣ, то онъ и дѣти его, родившіяся здѣсь, становятся собственностью «мертвой руки».—Въ такомъ случаѣ, лишь только онъ заболѣетъ, его нужно немедленно же перевезти въ какую-нибудь свободную мѣстность, чтобы избавить его дѣтей отъ бѣд-

ствій и позора крѣпостного состоянія. Эта мѣра нерѣдко вызывала преждевременную смерть больного.

Какой страшный запасъ горя, отчаянія и ожесточенія долженъ былъ накопиться у этихъ несчастныхъ, у обобранныхъ крестьянъ, вѣчно-голодныхъ поденщиковъ и измученныхъ крѣпостныхъ! Ихъ держали въ нищетѣ и невѣжествѣ,—и тѣмъ ужаснѣе долженъ былъ быть взрывъ ихъ ярости, когда во время революціи возстали провинціи, и сельское населеніе поднялось на своихъ мучителей.

Правленіе въ старой Франціи было вполнѣ деспотическимъ. Оно, повидимому, имѣло лишь одну цѣль, добывать средства для роскоши и блеска двора и его любимцевъ, отстаивать привиллегіи высшихъ сословій и подавлять всякое проявленіе недовольства въ странѣ. Въ старой Франціи были лишь подданные, и у этихъ подданныхъ не было никакой личной свободы. Въ судахъ царилъ произволъ; они не пользовались никакимъ довѣріемъ, были развращены и продажны. Самыя большія насилія надъ свободой личности причинялись пресловутыми предписаніями объ арестахъ (lèttres de cachet), посредствомъ которыхъ дворъ и его любимцы могли засадить въ страшную государственную тюрьму, Бастилію, всякаго, кто имъ почему либо не нравился. Законныхъ средствъ противъ подобныхъ насилій не существовало. Каждый, провинившійся какими либо свободными выраженіями, долженъ былъ всегда быть готовымъ къ тому, чтобы по доносу шпіоновъ навѣки исчезнуть за крѣпкими стѣнами Бастиліи. Писатель, говорившій объ общественныхъ неурядицахъ, всегда долженъ былъ ожидать, что его посадятъ въ Бастилію, а сочиненія его сожгутъ чрезъ палача. Достаточно было кому нибудь просто непонравиться какому либо придворному или придворной дамѣ, и онъ могъ попасть въ Бастилію, даже самъ не зная за что. Въ этой тюрьмѣ люди просиживали цѣлые годы, ни разу не допрошенные за все это время, не зная даже причины своего ареста. Здѣсь былъ одинъ заключенный, который просидѣлъ шестнадцать лѣтъ въ Бастиліи и обратился, наконецъ, къ королю съ такой просьбой, что если не хотятъ ему сказать, за что онъ арестованъ, то пусть, по крайности, сообщатъ что сталось за эти шестнадцать лѣтъ съ его женой и дѣтьми. Много блестящихъ умовъ видала Бастилія въ своихъ стѣнахъ. Во Франціи было еще нѣсколько такихъ тюремъ, но Бастилія была самой знаменитой изъ нихъ.

Если правительство, путемъ предписаній объ арестахъ, деспотически распоряжалось личной свободой французовъ, то съ не меньшей развязностью расправлялось оно и съ ихъ имуществомъ посредствомъ налоговъ, которые вводились совершенно произвольно, несмотря на противодѣйствіе парламентовъ. Мы уже говорили о несправедливомъ

обложеніи податями народныхъ массъ и почти полной свободѣ отъ налоговъ дворянства и духовенства. Подати отдавались правительствомъ на откупъ; откупщики, уплативъ властямъ установленную сумму, выбивали изъ народа подати въ свою пользу самымъ безпощаднымъ образомъ. При этомъ употреблялись крайне жестокія мѣры, и ненависть народа къ крутымъ сборщикамъ,—откупщикамъ податей, была такъ велика, что во время террора всѣ генеральные откупщики, какихъ только удалось захватить, были отправлены на эшафотъ. Особенно ненавистенъ былъ налогъ на соль, который, вслѣдствіе отсутствія обще-государственной организаціи въ этомъ отношеніи, въ разныхъ провинціяхъ былъ различенъ, такъ что центнеръ соли въ однѣхъ провинціяхъ стоилъ 8 фр., а въ другихъ цѣна его доходила до 62 франковъ. Каждый французъ старше восьми лѣтъ долженъ былъ покупать у государства ежегодно семь фунтовъ соли; масса бѣдняковъ не могла исполнять этого требованія, что влекло за собою конфискацію ихъ жалкаго имущества. Налогъ на соль вызывалъ ежегодно около 4000 аукціоновъ. Высчитывали, что взысканіе податей ежегодно было сопряжено приблизительно съ 3500 арестовъ. Этимъ арестованнымъ грозило наказаніе плетьми или ссылка на галеры.

Громадныя толпы нищихъ, бродягъ, воровъ и всякаго сомнительнаго люда скитались по странѣ, ведя безпрестанную борьбу съ полиціей, которая не могла управиться съ ними. Образовались большія шайки разбойниковъ, державшія въ страхѣ цѣлыя провинціи. Противозаконная охота была даже правильно организована вслѣдствіе жестокихъ и несправедливыхъ законовъ объ охотѣ. На границѣ стояла таможенная стража изъ 50000 челов. для преслѣдованія контрабанды, ставшей, благодаря высокимъ пошлинамъ, очень прибыльной. Но стража не могла управиться съ контрабандой. Ежегодно производилась масса казней: преступниковъ колесовали, рубили имъ головы, вѣшали, жгли живьемъ, пытали, рвали раскаленными щипцами, иногда даже четвертовали. Для острастки прибѣгали къ самымъ ужаснымъ казнямъ. Тюрьмы были переполнены арестантами всѣхъ возрастовъ; ихъ держали въ общихъ помѣщеніяхъ; на содержаніе арестантовъ отпускалось ежедневно по пяти су на каждаго. Содержаніе арестантовъ и обращеніе съ ними были варварски-отвратительны.

Рядомъ съ этими общественными бѣдствіями рѣзко бросалась въ глаза безсмысленная расточительность двора. Цивильные листы короля, также какъ апанажи членовъ королевскаго дома, были для того времени очень высоки. Толпа блюдолизовъ, льстецовъ, проходимцевъ, мошенниковъ и лакеевъ пользовалась милостями двора и жаловалась богатыми, почти чудовищными окладами, которые брались, какъ изъ цивильнаго листа, такъ и изъ государственнаго казначейства. Дворъ состоялъ приблизительно изъ 1500 человѣкъ. О расточительности, господствовавшей при этомъ дворѣ, можно составить себѣ нѣкоторое

представленіе уже по тому, что одна лишь гувернантка королевскихъ дѣтей получала 150000 фр. въ годъ. Когда, въ царствованіе Людовика XVI, одинъ государственный секретарь жаловался, что ему не хватаетъ его годового дохода въ 180000 франковъ,—ему немедленно было прибавлено еще 40000 фр.

Жестокость полиціи, своеволіе знати относительно горожанъ, платившихъ налоги, и обобранныхъ крестьянъ, громадный и многообразный гнетъ—все это вмѣстѣ подготовило почву для философской и литературной революціи, предшествовавшей великой катастрофѣ.

Но съ какимъ бы упорствомъ господствующія сословія ни отстаивали свои привиллегіи, они прекрасно видѣли, что ихъ существованіе со всей его роскошью и пышностью было подобно пиршеству на вулканѣ, въ мрачной, клокочущей глубинѣ котораго дремлютъ страшныя силы, готовыя взорвать при первомъ толчкѣ и превратить весь старый міръ въ прахъ и развалины. Извѣстныя слова мадамъ Помпадуръ: «послѣ насъ—хоть потопъ!» ясно показываютъ, что приближающаяся буря уже предчувствовалась. Тѣмъ не менѣе эти слова стали лозунгомъ того легкомысленнаго общества, которое господствовало въ старой Франціи. Время, оставшееся до взрыва, люди эти хотѣли наполнить возможно большими и возможно болѣе утонченными удовольствіями, провести его въ чаду наслажденій, приправленныхъ блестящимъ и ѣдкимъ остроуміемъ. Это была безумная погоня за удовольствіями, какую можно наблюдать лишь въ рѣдкія эпохи всемірной исторіи, лихорадочная ловля наслажденій. Здѣсь надо искать также объясненія и того, отчего въ это пестрое, безпорядочное время всплываетъ и разыгрываетъ роли масса какихъ то сомнительныхъ, загадочныхъ личностей, рядомъ съ величественными и блестящими явленіями. Умственная безтолковщина и безтолковщина дѣйствительной жизни шли въ это время рука объ руку. Вынырнули откуда-то всякаго рода проходимцы и мошенники; ихъ всюду охотно принимали, потому что съ ними можно было пріятно провести время. Люди вернулись къ алхиміи и магическимъ искусствамъ всякаго рода; хитрый обманщикъ Каліостро наибольшій успѣхъ имѣлъ во Франціи. И при всемъ этомъ господствующее общество отнюдь не избѣгало новыхъ идей, не только указывавшихъ на предстоящее существенное преобразованіе старой Франціи, но и направленныхъ къ этой цѣли. Между тѣмъ, какъ образованная буржуазія со всей серьезностью обратилась къ новымъ идеямъ, легкомысленная аристократія стала заигрывать съ ними. Она находила это пикантнымъ, и подъ ея покровомъ, нерѣдко даже съ ея участіемъ, распространялись сочиненія, подготовлявшія революцію, которая поглотила старую Францію.

Матеріалистическая философія, такъ взволновавшая умы во

Франціи, проникла сюда изъ Англіи. Начало ей положили Локкъ и Юмъ. Еще Юмъ пришелъ къ отрицанію безсмертія души; Гельвецій же, слѣдовавшій за нимъ, сталъ искать нормальное состояніе человѣчества въ удовлетвореніи здоровой чувственности. Вольтеръ, самый выдающійся и вліятельный изъ всѣхъ этихъ философскихъ новаторовъ, направилъ свое смертоносное оружіе преимущественно противъ церкви и религіи. Онъ нанесъ имъ страшныя раны, которыя уже никогда не залѣчивались. Онъ все осмѣялъ своей ѣдкой сатирой, заразилъ французовъ скептицизмомъ и низвергъ старые авторитеты. Своихъ соотечественниковъ онъ называлъ «породой тигровъ и обезьянъ», точно желая этимъ выразить, что лишь съ него начинаются люди. Какъ мы уже видѣли, онъ съ большимъ мужествомъ и самоотверженіемъ выступалъ противъ старыхъ золъ. Французскіе суды онъ приковалъ къ позорному столбу по случаю извѣстнаго процесса Каласа. Когда его сочиненія были сожжены рукою палача, онъ презрительно воскликнулъ: «сжечь—еще не значитъ отвѣтить!» И онъ былъ правъ, потому что отвѣтомъ на его сочиненія была—революція.

Матеріалистическая философія быстро шла впередъ; скоро она дошла до отрицанія всѣхъ идей, господствовавшихъ въ государствѣ и обществѣ. Возникъ совершенно новый идейный міръ. Новый духъ времени нашелъ свое главное выраженіе въ знаменитомъ коллективномъ трудѣ, извѣстномъ подъ именемъ энциклопедіи, и вскорѣ новыхъ философовъ стали называть просто энциклопедистами. Самыми видными представителями этой новой школы были Дидро и д'Аламберъ; они все смѣлѣе и смѣлѣе развивали матеріалистическую философію, точно стараясь превзойти другъ друга. Дальше матеріалистической философіи Дидро пошелъ Ламетри въ своихъ доводахъ противъ безсмертія души; но до самыхъ крайнихъ выводовъ дошелъ Гольбахъ, нѣмецъ, жившій во Франціи. Въ своей «Системѣ Природы» онъ сводилъ все къ матеріи и движенію и дошелъ до атеизма.

Монтескье въ своихъ глубокомысленныхъ и остроумныхъ разсужденіяхъ о «духѣ законовъ» представилъ французамъ картину свободнаго государства: имъ приходилось сравнивать съ этой картиной жалкое состояніе своей страны, и невольно они должны были проникаться стремленіемъ къ свободѣ.

Въ то же время выступилъ Жанъ-Жакъ Руссо, признававшій человѣческое общество испорченнымъ и причину этой испорченности видѣвшій въ дурныхъ учрежденіяхъ. Онъ призывалъ вернуться отъ извращенности, достигшей послѣдней степени, къ естественной простотѣ природы. Новыя и смѣлыя идеи, блестящая критика этого замѣчательнаго философа привели въ движеніе все общество. Ни одна книга не имѣла такого громаднаго вліянія на весь ходъ революціи, какъ «Общественный Договоръ» Руссо, гдѣ онъ выставилъ принципъ державности народа, общественнаго договора, объединяющаго весь

народъ. По этому договору, государь имѣлъ только управлять народомъ, издавать же законы имѣлъ народъ, такъ что каждый членъ такого общества былъ одновременно и верховнымъ владыкой, и подданнымъ или гражданиномъ. Другіе пошли еще дальше. Морелли и Мабли нападали на господствующія понятія о собственности, также какъ Кондорсе и Бриссо,—извѣстные впослѣдствіи вожди партіи жирондистовъ. Бриссо принадлежитъ нѣсколько подстрекательное, преувеличивающее истину изреченіе, что собственность есть кража,—впослѣдствіи ложно приписанное Прудону.

Энциклопедисты часто подвергались судебнымъ преслѣдованіямъ, но часто также имъ оказывали защиту вліятельные члены дворянскаго сословія. Тогда любили заигрывать съ новыми идеями, и произведенія новыхъ философовъ съ удовольствіемъ читались при дворѣ. Вообще, это было время, такъ называемаго, просвѣщеннаго деспотизма. Было не мало такихъ государей, которые брали подъ свое покровительство самыхъ радикальныхъ философовъ. Фридрихъ II прусскій былъ въ большой дружбѣ съ Вольтеромъ и Ламетри; въ послѣдніе годы своей жизни онъ видѣлъ также Мирабо и Лафайета. Екатерина II состояла въ интимной перепискѣ съ выдающимися энциклопедистами. Все, что хотѣло блеснуть умомъ, играло тогда новыми идеями, какъ красивымъ, но очень опаснымъ огнемъ.

Ко всему этому присоединилась еще война за независимость американскихъ колоній, вспыхнувшая въ послѣднее время передъ революціей. Когда знаменитый Веніаминъ Франклинъ явился въ Парижъ, дворъ и дворянство встрѣтили его съ такимъ же восторгомъ, какъ и народъ. Франція давно уже соперничала съ Англіей въ Америкѣ; теперь масса французовъ, воодушевленныхъ идеей борьбы за свободу, поспѣшила въ Америку подъ знамена славнаго національнаго вождя, Вашингтона. Между ними были люди, имена которыхъ впослѣдствіи пріобрѣли извѣстность въ революціи, какъ Лафайетъ, Журданъ, Рошамбо, Кюстинъ и др. Особенное вниманіе возбудило участіе въ этой революціонной войнѣ столь знатнаго аристократа, какъ Лафайетъ; по возвращеніи во Францію, онъ получилъ отъ Людовика XVI прощеніе за свой, какъ тогда говорили, безумный поступокъ.

Такъ, всѣ обстоятельства клонились къ тому, чтобы подготовить къ концу восемнадцатаго вѣка и произвести тотъ великій потопъ, который уже давно предчувствовался. Казалось, даже воздухъ былъ насыщенъ новыми идеями, и всѣ сердца радостно бились при одной мысли о нововведеніяхъ. Люди, такъ сказать, спѣшили навстрѣчу революціи; всѣ мысленно ознакомились, сблизились съ нею. А все-таки,—когда революція настала, она оказалась совсѣмъ не тѣмъ, чего ждали, о чемъ мечтали. Философы и поэты мечтали о короткой эпохѣ судорожнаго напряженія народной силы, о непродолжительномъ вре-

мени насилій, послѣ которыхъ человѣчество войдетъ въ желанную пристань счастья и довольства. Государственные люди, конечно смотрѣли на дѣло не такъ легко, но и они не предчувствовали, что близится начало страшной бури, которая въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ будетъ оглушать громами и молніями всю Европу. Пусть говорятъ поэты, что тысячелѣтняя неправда можетъ быть съ корнемъ уничтожена въ одинъ годъ: люди мыслящіе всегда будутъ отрицать это.

Въ 1774 г. умеръ Людовикъ XV, и владычество куртизанки Дюбарри, наконецъ, прекратилось. Людовику XV наслѣдовалъ внукъ его, Людовикъ XVI. Молодой король уже по внѣшнему виду не производилъ выгоднаго впечатлѣнія; онъ держалъ себя неловко и неувѣренно. Самой большей его страстью была охота: благосостояніе же народа, можетъ быть, меньше всего интересовало его. Онъ былъ далеко не такъ добръ и простодушенъ, какимъ его часто изображаютъ: его трагическая судьба представляетъ его въ особомъ свѣтѣ, непохожемъ на тотъ, въ которомъ онъ явился бы намъ, если бы онъ остался на высотѣ абсолютной королевской власти. Онъ былъ лишенъ всякой самостоятельности: характеръ его былъ такъ слабъ, что имъ управляли окружавшіе его и въ особенности его супруга. Во время революціи ему пришлось понести кару за многое, въ чемъ онъ былъ неповиненъ, но такъ какъ онъ, въ качествѣ монарха, былъ главнымъ представителемъ старой Франціи, то и громы революціи должны были разразиться надъ его головой.

Королева Марія-Антуанета, дочь императрицы Маріи-Терезіи австрійской и сестра императора Іосифа II, по натурѣ была сильнѣе своего мужа и господствовала надъ нимъ. Она была красива, несмотря на свою отвисшую, габсбургскую нижнюю губу, — остроумна и мила. Но въ ней воплотилось все высокомѣріе стараго времени. Этой гордой женщинѣ, воспитанной во всѣхъ предразсудкахъ и предубѣжденіяхъ противъ народа, были противны всякія, даже малѣйшія, уступки духу новаго времени; дѣло дошло до того, что эта «австріячка» стала очень ненавистной народу. Ее считали безнравственной, о ней разсказывали массу романическихъ исторій: правда ли это, или нѣтъ,—мы судить не можемъ, потому что хронику скандаловъ того болтливаго времени невозможно считать заслуживающимъ довѣрія историческимъ матеріаломъ. Но легкомысленная королева въ тѣ времена была бы явленіемъ вполнѣ понятнымъ во Франціи.

Бракъ Людовика XVI съ Маріей-Антуанетой былъ заключенъ изъ политическихъ соображеній, что во время революціи только облегчило вмѣшательство иностранныхъ державъ во внутреннія дѣла Франціи.

По вступленіи на престолъ Людовикъ XVI чувствовалъ, что

управленіе государствомъ должно вестись теперь иначе, чѣмъ при Людовикѣ XV. Онъ разсуждалъ при этомъ очень просто: господство королевскихъ содержанокъ при обоихъ его предшественникахъ стало крайне ненавистнымъ народу, — Людовикъ XVI и поставилъ во главѣ правительства человѣка, для котораго владычество содержанокъ всегда было бѣльмомъ въ глазу. Онъ сдѣлалъ своимъ главнымъ министромъ графа де Морепа. При этомъ Морепа могъ дѣлать, что ему было угодно, такъ какъ судьбы государства нисколько не заботили короля. Король былъ поглощенъ своими охотами на оленей, сернъ, зайцевъ и барсуковъ; ему надо было собственноручно убить 10,000 штукъ дичи въ годъ. Охота была для этого короля столь важнымъ дѣломъ, что мѣсто собранія генеральныхъ штатовъ, которыхъ хотѣли держать подальше отъ возбужденнаго Парижа, онъ назначилъ у самой столицы, въ Версали,—собственно, какъ онъ самъ говорилъ, ради охоты. Онъ велъ дневникъ, и тѣ дни, когда не было охоты, онъ отмѣчалъ въ своемъ дневникѣ словомъ: «ничего». 14 іюля 1780 г.— день взятія Бастиліи, отмѣчено здѣсь также: «ничего». Это взятіе-то Бастиліи—было „ничего!“ Заяцъ, собственноручно убитый королемъ былъ бы для исторіи хоть—«что-нибудь!»

Между тѣмъ назначеніе Морепа имѣло для Франціи большую важность. Правда, этотъ старый придворный самъ не имѣлъ способностей государственнаго человѣка, но онъ призвалъ къ правленію людей, бывшихъ сторонниками существенныхъ реформъ. А именно: маркизъ де Верженнъ назначенъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Ламуаньонъ де Мальзербъ — министромъ внутреннихъ дѣлъ и Тюрго—министромъ финансовъ. Эти люди предвидѣли неизбѣжность крушенія и сдѣлали попытку произвести посредствомъ своевременныхъ реформъ возрожденіе Франціи мирнымъ путемъ. Ихъ идеи и планы были смѣлы для того времени, но осуществимы; тѣмъ не менѣе они пали вслѣдствіе противодѣйствія привиллегированныхъ классовъ. Слабый король колебался между своими министрами-реформаторами и представителями старыхъ привиллегій.

Мальзербъ,—натура очень мягкая, старался очистить авгіевы конюшни французской юстиціи; онъ хотѣлъ уничтожить предписанія объ арестахъ и пытки. Онъ стоялъ за свободу печати и боролся съ цензурой; онъ хотѣлъ также возстановить нантскій эдиктъ, т.-е. религіозную терпимость во Франціи. Гораздо рѣшительнѣе были реформаторскія попытки его товарища Тюрго,—котораго, замѣтимъ кстати,— совсѣмъ напрасно причисляли къ соціалистамъ. Тюрго принадлежалъ къ школѣ физіократовъ, исходившей изъ устарѣлой и теперь уже совершенно упраздненной доктрины, будто земля есть единственный источникъ богатства. Реформы Тюрго показываютъ, какъ дальновиденъ былъ этотъ человѣкъ: онъ хотѣлъ путемъ предписаній свыше устранить тѣ узы, которыя революція порвала насиліемъ. Онъ хотѣлъ

расчистить дорогу быстро поднимавшемуся третьему сословію посредствомъ уничтоженія сохранившихся отъ среднихъ вѣковъ окостенѣвшихъ формъ сношеній, торговли и производства. Тюрго былъ противъ займовъ и повышенія налоговъ: онъ стоялъ за полную свободу торговли и сношеній. Ему удалось испугать молодого, двадцати-двухлѣтняго короля страшнымъ призракомъ революціи и склонить его къ своимъ планамъ. Прежде всего онъ объявилъ свободу торговли хлѣбомъ. Это было важное нововведеніе, такъ какъ раньше перевозить хлѣбъ изъ одной провинціи въ другую можно было только съ разрѣшенія властей. За противозаконную торговлю хлѣбомъ грозила ссылка на галеры и даже смертная казнь. Поэтому въ одной провинціи могъ свирѣпствовать голодъ, тогда какъ въ другой былъ излишекъ въ хлѣбѣ. Такъ какъ урожай 1774 г. былъ плохъ, то Тюрго введеніемъ свободы хлѣбной торговли думалъ принести пользу странѣ. Но противъ него вооружились всѣ привиллегированные. Лишь чрезвычайное королевское засѣданіе «на подушкахъ» заставило парижскій парламентъ, представлявшій интересы привиллегированныхъ, внести эдиктъ о свободѣ хлѣбной торговли въ регистры. Но въ народѣ распространился слухъ, что свобода хлѣбной торговли вызвала дороговизну хлѣба, и невѣжественная толпа разъярилась противъ министра-реформатора. Дѣло дошло до мучной войны, о которой мы уже упоминали: народъ разграбилъ и разрушилъ государственные и частные хлѣбные магазины, что, конечно, только ухудшило его положеніе. Но неудача реформы Тюрго произошла, главнымъ образомъ, оттого, что сношенія были тогда еще не развиты и не организованы.

Эта первая неудача не ослабила энергіи Тюрго. Онъ снова расположилъ молодого короля въ пользу своихъ реформаторскихъ идей, и, такимъ образомъ, 6 февраля 1776 г. появилось шесть знаменитыхъ декретовъ, сильно взволновавшихъ старую Францію.

Въ этихъ декретахъ молодой король объявлялъ французамъ отмѣну барщинныхъ работъ. Затѣмъ, ими отмѣнялось много старыхъ предписаній, стѣснявшихъ торговлю предметами первой необходимости. Четвертый изъ этихъ декретовъ уничтожалъ цехи и званіе мастера, а также вводилъ полную свободу торговли и промысловъ. Только цирюльники, аптекаря, золотыхъ дѣлъ мастера, литографы и книгопродавцы были изъяты изъ дѣйствія этого декрета.

Тюрго далъ этимъ декретамъ, правда, нѣсколько доктринерскую, но удачно изложенную мотивировку. Такъ, въ декретѣ объ уничтоженіи цеховъ говорилось: „Мы считаемъ своей обязанностью обезпечить всѣмъ нашимъ подданнымъ полное и неограниченное пользованіе ихъ правами; особенно обязаны мы охранять тотъ классъ людей, который не имѣетъ иной собственности, кромѣ своего труда и прилежанія, и который поэтому больше всего имѣетъ нужду и право черпать въ полномъ размѣрѣ изъ этого единственнаго источника всѣ

средства для своего существованія. Съ болью видѣли мы многочисленныя и разнообразныя нарушенія, которымъ подвергалось это естественное и всеобщее право путемъ различныхъ ограниченій; ограниченія эти хотя имѣютъ за себя давность, но они не могутъ быть узаконены ни временемъ, ни господствующими взглядами, ни даже авторитетомъ, который ихъ, повидимому, освятилъ».—Такія слова въ устахъ французскаго короля производили тогда огромное дѣйствіе. Здѣсь формально объявлялось право на трудъ, какъ дѣйствительно и говорится въ другомъ мѣстѣ этого замѣчательнаго документа, гдѣ сказано, что Богъ, давшій людямъ раличныя потребности, далъ также въ собственность каждаго человѣка и право трудиться. „Право на трудъ", какъ мы дальше увидимъ, неоднократно снова всплывало въ различные періоды революціи. Конечно, о томъ, какъ воспользоваться этимъ «правомъ» на дѣлѣ, тогда были еще менѣе ясныя представленія, чѣмъ теперь.

Въ общемъ же, дѣятельность Тюрго была направлена лишь къ осуществленію системы свободной конкурренціи.

Тутъ-то и заволновались привиллегированные. Цехами они бы еще пожертвовали, но отмѣна барщины задѣла ихъ за живое. У дворянства и духовенства совѣсть была неспокойна: они боялись, что теперь, чего добраго, вскорѣ еще обложатъ налогами ихъ имѣнія и доходы. Цеховые мастера были въ высшей степени возбуждены: они должны были потерять привиллегированное званіе мастера. Говорили, что послѣ объявленія свободы промысловъ все сельское населеніе устремится въ города, и некому будетъ обрабатывать землю. Дворъ и парламенты, возстановленные лишь Людовикомъ XVI, вооружились противъ реформъ Тюрго. Правда, шесть его декретовъ были внесены въ регистры королевскимъ засѣданіемъ «на подушкахъ», но противодѣйствіе парламентовъ все еще продолжалось. Когда же Тюрго выразилъ мысль, что необходимо созвать собраніе народныхъ представителей, противъ него возстали соединенными силами дворъ, дворянство, духовенство и разъяренный, обманутый ими народъ, въ пользу котораго Тюрго предпринималъ свои реформы. Слабаго и безхарактернаго короля увѣрили, что Тюрго лишь притворяется, будто онъ хочетъ предотвратить революцію, что на самомъ дѣлѣ онъ старается вызвать ее. И король удалилъ Тюрго—ровно черезъ два мѣсяца послѣ того, какъ онъ заставилъ парламентъ занести въ регистры его декреты. Въ августѣ 1776 г. цехи съ нѣкоторыми измѣненіями были снова возстановлены; возстановлена была и барщина. Тюрго избавилъ фабрики отъ «регламентовъ»; теперь они снова были введены. Мальзербъ, раздѣлявшій взгляды Тюрго, тоже вышелъ въ отставку, и старый придворный Морепа былъ радъ, что избавился такимъ образомъ отъ двухъ опасныхъ реформаторовъ.

Реформаторская попытка Тюрго была сдѣлана слишкомъ поздно. Съ одной стороны, гангрена проникла уже очень далеко; съ другой—

ослѣпленіе привиллегированныхъ достигло тогда своего зенита и, наконецъ, монархія была уже слишкомъ слабой, чтобы произвесть переворотъ сверху. Жизнь пошла своей колеей.

Франція была въ страшныхъ долгахъ, и на одну уплату процентовъ по нимъ нужны были огромныя суммы. Уже во время Людовика XIV государственные долги Франціи достигли 3500 милліоновъ. Нужда въ деньгахъ стала мучительной и хронической. Дворъ не выносилъ столь бережливаго человѣка, какъ Тюрго: ему нуженъ былъ такой министръ финансовъ, который бы сумѣлъ достать деньги и давалъ бы средства для его расточительности, вмѣсто того, чтобы толковать о бережливости, подобно Тюрго. Нѣкій Клюньи, котораго призвали на этотъ опасный постъ, скоро оказался неподходящимъ. Морепа, наконецъ, пришла идея поручить государственные финансы Франціи швейцарцу Неккеру, бывшему резидентомъ женевской республики при французскомъ дворѣ.

Правда, Неккеръ, какъ мѣщанинъ, былъ непріятенъ аристократіи, но онъ пользовался репутаціей хорошаго финансиста, и поэтому надѣялись, что онъ управится съ финансовыми затрудненіями. Неккеръ былъ человѣкъ дѣловой и честный, но неособенно даровитый; назначенный генеральнымъ директоромъ финансовъ, онъ прибѣгъ къ старому средству, къ займамъ, причемъ его личный кредитъ, какъ крупнаго банкира, облегчалъ ему заключеніе такихъ сдѣлокъ. Пока— деньги были и финансовыя затрудненія на время исчезли.

Тутъ случилось еще одно событіе, привлекшее къ себѣ вниманіе французовъ. Въ Сѣверной Америкѣ какъ разъ теперь разыгралась война за независимость и сѣверо-американскій конгрессъ объявилъ свободу и независимость колоній. Де-Верженнъ устроилъ такъ, что французы пришли на помощь возставшимъ колоніямъ, и Неккеру удалось достать необходимыя для этого средства. Сѣверо-американская война оставила послѣ себя неизгладимый слѣдъ во французской арміи. Офицеры и солдаты вернулись изъ Америки съ гораздо болѣе свободными взглядами, чѣмъ тѣ, въ которыхъ они были воспитаны. И какъ разъ въ это время правительство имѣло неосторожность приступить къ введенію въ арміи новыхъ, чрезвычайно строгихъ порядковъ. Армія была тогда тѣмъ болѣе ненавистной народу, что тогда еще не было такого избытка рабочихъ рукъ, какъ теперь; особенно озлоблялись крестьяне, когда продолжительная и очень трудная военная служба отрывала ихъ сыновей отъ работы. И теперь Людовикъ XVI, еще такъ недавно говорившій о правахъ французовъ, постановилъ, что никто не можетъ быть произведенъ даже въ подпрапорщики, если не докажетъ, что четыре предка его были дворянами. Ни одинъ прапорщикъ не дворянскаго происхожденія не могъ быть произведенъ въ капитаны. Такимъ образомъ, ни одинъ солдатъ не могъ разсчитывать на повышеніе. Затѣмъ, ввели въ арміи прусскіе

военные порядки, которые считались тогда образцовыми, но были чрезвычайно суровы, а потому и ненавистны французамъ. Армія была раздражена также возстановленіемъ тѣлеснаго наказанія фухтелями и клинками сабель. Такимъ образомъ, въ войскѣ возникъ оппозиціонный духъ: это въ значительной степени объясняетъ поведеніе французской арміи во время революціи.

Между тѣмъ и Неккеръ ухудшилъ положеніе французскихъ финансовъ. Правда, онъ былъ бережливъ, но его займы только увеличили бремя долговъ и гнетъ процентовъ. Такимъ образомъ, и Неккеръ пришелъ къ тому же, что имѣлъ въ виду еще Тюрго,—къ податному обложенію дворянства и духовенства. Онъ хотѣлъ созвать для этого собраніе народныхъ представителей,—именно, представителей трехъ сословій изъ каждой провинціи. Этотъ планъ также разбился о противодѣйствіе парламентовъ, которые въ интересахъ привиллегированныхъ одновременно противились всякому расширенію правъ какъ короны, такъ и народа. Тогда Неккеръ прибѣгъ къ новому средству: онъ хотѣлъ расположить общественное мнѣніе въ пользу своей податной реформы и обнародовалъ представленный имъ королю докладъ о состояніи государственныхъ финансовъ.

Это былъ совершенно неслыханный тогда фактъ и онъ произвелъ громадное впечатлѣніе. Обнародованіе государственнаго бюджета,—явленіе самое заурядное въ настоящее время, — было тогда неслыханной новостью. Какое дѣло этимъ мѣщанамъ, крестьянамъ и поденщикамъ—какое имъ дѣло до того, сколько дворъ расходуетъ на всемилостивѣйшія пожалованія, пенсіи и ренты своимъ любимцамъ? Зачѣмъ имъ, этой «черни», знать, что они платятъ почти все, привиллегированные же—почти ничего? Зачѣмъ объявлять передъ всей Европой, какое страшное бремя государственныхъ долговъ накопило во Франціи столь продолжительное и неисправимое мотовство? Все общество стараго строя: дворъ, дворянство, духовенство, парламенты—все обрушилось на женевскаго выскочку, осмѣлившагося прибѣгнуть къ столь неслыханной мѣрѣ. Онъ долженъ былъ выйти въ отставку, но общественное мнѣніе онъ безусловно расположилъ въ свою пользу. Сверхъ того, онъ издалъ еще книгу о состояніи государственныхъ финансовъ во Франціи, въ которой онъ подвергъ строгой критикѣ старыя злоупотребленія. И хотя Неккеръ не былъ представителемъ какой-либо реформаторской идеи въ собственномъ смыслѣ слова, онъ, несмотря на свое паденіе, сталъ съ этого момента любимцемъ публики.

Душой придворной партіи въ это время была уже королева, относившаяся съ самой глубокой ненавистью ко всѣмъ новаторамъ и нововведеніямъ. Братья короля оказывали ей полную поддержку, между тѣмъ какъ самъ король колебался между разумными доводами своихъ министровъ и происками своего двора. Когда вскорѣ послѣ отставки Неккера умеръ старикъ Морепа, дворъ сумѣлъ устроить

такъ, что мѣсто главнаго министра осталось незанятымъ. Между тѣмъ, какъ раньше при назначеніи министровъ еще хоть сколько нибудь соображались съ настроеніемъ народа, теперь въ министры могли попасть лишь такіе люди, которые обѣщали доставать возможно больше денегъ. И послѣ того, какъ нѣсколько финансистовъ безуспѣшно пытались привести въ порядокъ разстроенные финансы, явился чародѣй, обѣщавшій сразу устранить затрудненія. Это былъ де-Калоннъ, выдвинутый придворной партіей. Этотъ человѣкъ, придворный стараго пошиба, отнесся къ дѣлу со всѣмъ легкомысліемъ своего времени. Бережливость въ финансовомъ управленіи казалась этому галантному кавалеру смѣшнымъ мѣщанствомъ: онъ замѣнилъ ее роскошью и расточительностью. Онъ прямо говорилъ, что роскошь двора способствуетъ развитію торговли, ремеселъ и промышленности. Безсмысленность этого взгляда очевидна,—стоитъ только сообразить, что народъ *предварительно* долженъ былъ доставить средства для этой роскоши. Слѣдовательно, роскошь двора,—самое большее,—могла лишь возвратить третьему сословію часть того, что раньше было взято у него.

Во время управленія Калонна придворные пережили веселые дни. Однихъ помѣстій имъ было продано или выгодно обмѣнено на 20 милліоновъ франковъ; но денегъ государственное казначейство не давало. Калоннъ собралъ всѣ подати, какія только можно было собрать, за нѣсколько лѣтъ впередъ и, такимъ образомъ, могъ уплатить проценты по государственному долгу. Это открыло блестящему придворному и государственному дѣятелю кредитъ, и онъ могъ теперь заключать, сколько угодно займовъ: деньги лились къ нему рѣкой. Сразу были наполнены всѣ кассы; дворъ утопалъ въ роскоши. Расточительность двора въ управленіе Калонна не разъ вызывала озлобленіе народа.

Финансовые фокусы Калонна были чрезвычайно опасной игрой; продолженіе ихъ неизбѣжно должно было вызвать катастрофу. И вотъ,—вдругъ государственная касса опустѣла такъ же быстро, какъ раньше наполнилась, и даже такой чародѣй какъ Калоннъ не могъ найти средствъ, чтобы снова наполнить ее. Люди вдругъ увидѣли, надъ какой страшной бездной они ходятъ. Государственный долгъ увеличился со времени отставки Неккера на цѣлыхъ 1200 милліоновъ, дефицитъ равнялся 30 милліонамъ, подати были взысканы отчасти за нѣсколько лѣтъ впередъ, кредитъ государства упалъ до нуля.

Дворъ пришелъ въ смятеніе; онъ привыкъ къ старой роскошной жизни и не хотѣлъ разстаться съ нею. Но въ это время начали уже дѣйствовать враги двора. Нѣсколько аристократическихъ фамилій, можетъ быть, изъ зависти, а можетъ быть, вслѣдствіе искренняго отвращенія къ кичливости двора, были враждебно настроены противъ королевы. О ней начали распространять массу самыхъ дурныхъ слуховъ, и въ 1785 г. стала извѣстной пресловутая, еще и до сихъ поръ

не вполнѣ разъясненная исторія съ ожерельемъ, въ которой фигурировало имя королевы. Невѣроятно, чтобы Марія-Антуанета могла принимать какое-либо участіе въ этомъ скандалѣ, устроенномъ кардиналомъ Роганомъ, обманщикомъ Каліостро и искателемъ приключеній Ламотъ-Валуа; но народъ, вполнѣ основательно возмущенный общимъ поведеніемъ двора, вѣрилъ тогда всему дурному, что говорили о немъ, и считалъ его на все способнымъ.

Легкомысленный Калоннъ безпомощно извивался подъ двойнымъ гнетомъ—общественнаго мнѣнія и безденежья, ставшаго просто ужаснымъ: онъ не могъ придумать ничего новаго. Наконецъ, ему пришла спасительная, хотя отнюдь не новая мысль: старый придворный Калоннъ также потребовалъ податного обложенія имѣній дворянства и духовенства. Сначала дворъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ, но у Калонна было сильное средство, чтобы убѣдить дворъ въ необходимости предлагаемой имъ реформы,—отсутствіе денегъ. Дворъ уступилъ и взаимное отношеніе силъ измѣнилось. Раньше дворъ поддерживалъ привиллегированныхъ въ ихъ борьбѣ съ министрами, теперь же онъ сталъ поддерживать министра противъ привиллегированныхъ. Извѣстно было, что парламенты будутъ такъ же упорно противодѣйствовать новому плану податного обложенія, какъ раньше они противодѣйствовали планамъ Тюрго и Неккера. Рѣшить дѣло посредствомъ простого королевскаго эдикта казалось Калонну слишкомъ рискованнымъ: онъ помнилъ о судьбѣ шести декретовъ Тюрго. Онъ колебался и, наконецъ, рѣшился предложить королю созваніе нотаблей, отъ которыхъ онъ ожидалъ осуществленія своихъ плановъ. Король подъ давленіемъ настоятельно нуждавшагося въ деньгахъ двора согласился на это, и нотабли собрались въ Версали 22 февраля 1787 г., въ первый разъ послѣ 150-лѣтняго перерыва.

Это собраніе состояло изъ 137 членовъ, среди которыхъ были высшіе сановники дворянства и духовенства. Лицъ не дворянскаго происхожденія было среди членовъ собранія только восемь, однако и о нихъ, по крайней мѣрѣ, говорили, что они стремятся стать дворянами.

Калоннъ слишкомъ понадѣялся на себя. Дѣйствительно, какъ онъ могъ ожидать, что нотабли, сами принадлежавшіе къ привиллегированнымъ, утвердятъ его проектъ податного обложенія дворянства и духовенства? Всю вину въ плачевномъ состояніи финансовъ онъ взвалилъ на Неккера. Но это не помогло ему. Нотабли заявили Калонну, что они не считаютъ его способнымъ осуществить преобразованія; этимъ они лишь желали прикрыть свою враждебность къ податной реформѣ. Къ этому выраженію недовѣрія Калонну со стороны нотаблей присоединилось еще и недовѣріе народа, который вполнѣ основательно не могъ положиться на него въ дѣлѣ серьезныхъ реформъ. И дворъ, для котораго Калоннъ устроилъ столько пышныхъ

празднествъ, оставилъ своего любимца: чародѣй, такъ торжественно провалившійся, долженъ былъ выйти въ отставку.

Во время этой агоніи стараго строя народъ, лишенный главы, вождя, не занималъ опредѣленнаго положенія. Въ массѣ еще не выдѣлились опредѣленныя партіи. Все, что страдало подъ гнетомъ стараго строя, было противъ двора. Значеніе и положеніе нотаблей сперва было понято народомъ совершенно превратно. Народъ совсѣмъ не понималъ, что дворъ подъ давленіемъ безденежья рѣшился нарушить привиллегіи дворянства и духовенства: настолько массы были еще чужды политическаго развитія. Нотаблей, бывшихъ представителями привиллегированныхъ сословій, считали креатурами двора и на улицахъ, подъ именемъ «нотаблей», продавали гипсовыя статуэтки съ согбенными шеями. Но когда они выступили противъ Калонна и двора, настроеніе массы вдругъ измѣнилось, и расположеніе народа всецѣло перешло на ихъ сторону: онъ и теперь не понялъ, что оппозиція нотаблей имѣла въ виду лишь интересы привиллегированныхъ.

Чтобы скрыть свои намѣренія, враждебные народу, нотабли заявили, что они готовы одобрить финансовую реформу, если только она будетъ поручена человѣку, который бы пользовался ихъ довѣріемъ. Король избралъ такого человѣка изъ среды большинства собранія нотаблей; это былъ Леомени-де-Бріеннъ, архіепископъ тулузскій и сансскій. Этого человѣка причисляли къ энциклопедистамъ, что въ высшемъ духовенствѣ того времени не было большой рѣдкостью. Живой, остроумный, Бріеннъ считался любимцемъ королевы, такъ что у него, казалось, не было недостатка во вліяніи. Онъ былъ назначенъ главнымъ министромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ министромъ финансовъ.

Бріеннъ снова взялся за проектъ Калонна и нотабли, своимъ заявленіемъ сами предписавшіе себѣ извѣстное отношеніе къ дѣлу, одобрили, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, нѣсколько второстепенныхъ реформъ. Бріеннъ добился уничтоженія нѣкоторыхъ косвенныхъ налоговъ, внутреннихъ таможенъ, разрѣшенія выкупа обязательныхъ работъ крѣпостныхъ и займа въ шесть милліоновъ франковъ, которые должны были выплачиваться въ видѣ пожизненной ренты. Форма, въ которой былъ сдѣланъ этотъ заемъ, опять была крайне неудачнымъ изобрѣтеніемъ, потому что, хотя государству и не надо было отдавать его, но приходилось платить громадные проценты, неизбѣжные при пожизненной рентѣ, что снова увеличивало дефицитъ и недовольство. Кромѣ того, сумма въ шесть милліоновъ при тогдашнемъ состояніи финансовъ была лишь каплей, упавшей на раскаленное желѣзо, и безденежье заставило, наконецъ, Бріенна обратиться къ его главному плану. Онъ предложилъ поземельную таксу, податное обложеніе земель дворянства и духовенства. Чтобы нѣсколько позолотить пилюлю, онъ назвалъ новый налогъ субвенціей. Но нотабли отвергли его «субвенцію» громаднымъ большинствомъ го-

лосовъ и Бріеннъ увидѣлъ, что съ этимъ собраніемъ онъ ничего не достигнетъ. Собраніе нотаблей было распущено уже 25 мая 1787 г.

Привиллегированные не только вышли побѣдителями изъ этой борьбы съ дворомъ, вѣчно нуждавшимся въ деньгахъ, но и обманули народъ, который имѣлъ наивность еще радоваться тому, что и впредь онъ лишь одинъ будетъ нести бремя государственныхъ налоговъ.

Однако Бріеннъ не оставлялъ своего плана. Несмотря на то, что Тюрго, Неккеръ и Калоннъ пали именно изъ-за подобныхъ же плановъ, Бріеннъ могъ упорно настаивать на своемъ, потому что дворъ былъ вполнѣ на его сторонѣ. Дворъ, поддерживая проектъ податного обложенія земель дворянства и духовенства, показывалъ этимъ, что онъ скорѣе готовъ былъ разстаться съ своими предразсудками, чѣмъ съ своею роскошью, пышными празднествами и иными прелестями придворной жизни.

Бріеннъ обратился теперь къ парламентамъ. Парижскій парламентъ безъ всякаго противорѣчія занесъ въ регистры всѣ королевскіе эдикты, основанные на постановленіяхъ нотаблей. Министръ финансовъ придумалъ, какъ ему казалось, чрезвычайно тонкую хитрость. Къ своей земельной таксѣ («субвенція») онъ присоединилъ еще штемпельную таксу, которая должна была лечь, главнымъ образомъ, на третье сословіе. Онъ надѣялся, что парламентъ приметъ штемпельную таксу, а вслѣдствіе этого общественное мнѣніе заставитъ его принять и таксу земельную. Если бы министръ предложилъ парламенту сперва одну лишь штемпельную таксу, его планъ, можетъ быть, и удался бы. Но онъ предложилъ обѣ таксы одновременно и этимъ далъ парламентскимъ хитрецамъ возможность мастерски отпарировать ударъ. Парламентъ заговорилъ теперь не о налогѣ на земли дворянства и духовенства, а только о штемпельной таксѣ и о томъ новомъ бремени, которое наложитъ она на народъ. Это въ высшей степени увеличило сочувствіе народа парламенту: народъ такъ же мало могъ разобраться въ военныхъ хитростяхъ привиллегированныхъ, какъ и въ интригахъ двора. Среди бурнаго одобренія народныхъ массъ парламентъ отвергъ оба проекта налоговъ. Теперь стали утверждать, что право рѣшенія вопроса о введеніи новыхъ налоговъ принадлежитъ только представительству всѣхъ сословій страны или генеральнымъ штатамъ. Чтобы окончательно разрушить всѣ планы правительства, парламентъ, наконецъ, объявилъ, что до сихъ поръ, занося въ регистры королевскіе эдикты, онъ пользовался правомъ утвержденія налоговъ, но что, присваивая себѣ это право, онъ поступалъ вопреки основнымъ законамъ страны, такъ какъ утверждать новые налоги могутъ только генеральные штаты или вообще, только представительство всей націи.

Это объявленіе взволновало всю Францію: народъ встрѣтилъ

его бурными одобреніями. Это былъ тяжелый ударъ для правительства. Привиллегированные, задѣтые за живое въ своихъ классовыхъ интересахъ, не побоялись нанести монархіи этотъ ударъ; онъ имѣлъ неисчислимыя послѣдствія, и, можетъ быть, позже привиллегированные дали бы многое и многое, лишь бы только онъ не былъ нанесенъ.

Но теперь еще никто не понималъ всей важности сдѣланнаго шага. Разыгралась обычная въ такихъ случаяхъ комедія. Парламентъ былъ созванъ въ чрезвычайное королевское засѣданіе «на подушкахъ» и эдикты были занесены въ регистры по указу короля. Но парламентъ пошелъ дальше: онъ объявилъ, что вынужденное занесеніе эдиктовъ въ регистры не имѣетъ никакого значенія. Вслѣдствіе этого парламентъ былъ сосланъ въ Труа, и эта мѣра была выполнена военными экзекуторами съ большой суровостью.

Такимъ образомъ, Бріеннъ и здѣсь потерпѣлъ неудачу. Онъ хотѣлъ подрѣзать привиллегіи дворянства и духовенства и этимъ привелъ ихъ представителей въ парламентѣ въ такое отчаяніе, что они не побоялись подрубить самые корни абсолютной монархіи.

Изъ этой классовой борьбы, въ которой французское дворянство и духовенство защищали свои привиллегіи видно съ рѣдкой въ исторіи ясностью, какъ легко отбрасываются въ сторону политическіе принципы тамъ, гдѣ рѣшающее значеніе имѣютъ классовые интересы. Привиллегированные подрубили ту вѣтвь, на которой сами они сидѣли, именно, абсолютную королевскую власть, надѣясь этой отчаянной мѣрой спасти свои привиллегіи и перенести ихъ въ новый, грядущій строй общества. Дворъ же старался ограничить привиллегіи дворянства и духовенства, потому что онъ настоятельно нуждался въ деньгахъ. Такъ двинулась лавина революціи и ни одинъ изъ борющихся противниковъ не могъ уже остановить ее.

Денежныя затрудненія все возрастали и Бріеннъ попытался мирно поладить съ парламентомъ. Но онъ взялся за дѣло снова крайне неловко. Склонивъ на свою сторону нѣсколькихъ изъ старшихъ членовъ парламента и понадѣявшись на ихъ вліяніе, онъ вызвалъ парламентъ изъ Труа и предложилъ ему проектъ займа, который имѣлъ быть сдѣланъ въ четыре года. Бріеннъ обѣщалъ, что въ эти четыре года будутъ созваны генеральные штаты, обнародованъ государственный бюджетъ и возстановленъ нантскій эдиктъ.

Но парламентъ, чтобы сохранить за собою расположеніе народа долженъ былъ держаться своего прежняго пути; къ тому же онъ былъ связанъ своимъ объявленіемъ относительно утвержденія новыхъ налоговъ. 20-го сентября состоялось рѣшительное засѣданіе. Оно сразу же получило большое значеніе вслѣдствіе поведенія на немъ принца Орлеанскаго. Этотъ принцъ, человѣкъ двусмысленный и безнравственный, перешелъ на сторону оппозиціи послѣ того, какъ у него возникли непріятности съ дворомъ. Многіе думали, что онъ на-

дѣялся вступить на престолъ послѣ сверженія старшей линіи Бурбоновъ и для этого старался пріобрѣсть популярность; другіе считали его искреннимъ сторонникомъ народа; многіе не довѣряли ему ни при какихъ условіяхъ. Чего онъ хотѣлъ? Этого, можетъ быть, онъ и самъ не зналъ; можетъ быть, лишь жажда приключеній побуждала его принимать участіе въ революціи, пока она не поглотила его. 20-го сентября онъ сталъ во главѣ оппозиціи. Когда явился король для внесенія въ регистры эдикта о займѣ, герцогъ Орлеанскій своимъ дерзкимъ поведеніемъ привелъ его въ такое замѣшательство, что Людовикъ совершенно растерялся и оставилъ собраніе. Заемъ былъ теперь отвергнутъ; въ отвѣтъ на это, король сослалъ герцога Орлеанскаго въ одинъ изъ его замковъ и велѣлъ посадить въ государственную тюрьму многихъ изъ самыхъ извѣстныхъ ораторовъ парламента. Способъ ареста членовъ парламента среди засѣданія снова возбудилъ недовольство во всей Франціи.

Теперь Бріеннъ отчаялся уже въ томъ, что ему удастся управиться съ парламентомъ обыкновенными средствами и задумалъ съ королемъ государственный переворотъ. Но какъ ни тайно велись приготовленія къ перевороту, парламентъ узналъ о нихъ; онъ съ большой энергіей и ловкостью взялся за оружіе. Уже 4-го апрѣля 1788 г. онъ объявилъ незаконными предписанія объ арестахъ и вообще произвольные аресты; 27-го же апрѣля послѣдовало объявленіе относительно основныхъ законовъ французской монархіи. Основными законами ея, между прочимъ, были объявлены: право утвержденія налоговъ генеральными штатами, несмѣняемость судей, право парламентовъ отвергать противозаконные эдикты, право гражданина на законный судъ, гарантія отъ произвольнаго ареста. Тутъ въ первый разъ было произнесено, что Франція есть монархія, управляемая королемъ *по законамъ*, и, въ виду затѣваемаго государственнаго переворота, громогласно былъ заявленъ протестъ противъ всякаго нарушенія основныхъ законовъ.

Лишь теперь увидѣли, какъ далеко зашло дѣло; дворъ испугался, но Бріеннъ все-таки предпринялъ государственный переворотъ. Появились три королевскихъ эдикта, но они заранѣе стали извѣстны парламенту, благодаря ловкости члена его д'Эспремениля, принесшаго одинъ ихъ экземпляръ. Эти эдикты лишали парламентъ всякаго политическаго значенія, отнимая у нихъ право внесенія въ регистры королевскихъ повелѣній. Мѣсто парламента должна была занять особая палата, cour plenière, имѣвшая состоять изъ лицъ, зависѣвшихъ отъ двора. Судебная власть парламентовъ была значительно ограничена и число ихъ членовъ уменьшено.

Эти декреты появились 8 мая 1788 г., но государственный переворотъ не удался. Парламенты всей Франціи протестовали противъ нарушенія основныхъ правъ и будущихъ членовъ cour plenière объ-

явили лишенными чести. Отъ дворянства являлись ко двору депутаціи съ протестами. Одну такую депутацію, состоявшую изъ двѣнадцати дворянъ изъ Бретани, король велѣлъ посадить въ Бастилію, но на мѣсто ея явилось пятьдесятъ другихъ. Во многихъ провинціяхъ вспыхнули возстанія народа, которымъ еще больше поддавали жару неурожай и голодъ. Правительство совершенно не могло располагать войсками: теперь ему отомстилось прекращеніе доступа къ офицерскимъ чинамъ лицамъ не дворянскаго происхожденія. Дворяне-офицеры прекрасно понимали, что въ борьбѣ между парламентомъ и монархіей дѣло идетъ о привиллегіяхъ дворянства и поддерживали неповиновеніе въ войскѣ. Одинъ полковникъ въ Дофинэ говорилъ, что онъ не можетъ положиться на своихъ солдатъ, начиная съ полковника,—т.-е., включая въ число ненадежныхъ и самого себя. Въ самомъ Парижѣ, казалось, съ минуты на минуту вспыхнетъ возстаніе. При такихъ обстоятельствахъ государственный переворотъ не могъ достигнуть желанныхъ результатовъ. Надъ головою Бріенна повисла постоянная, неумолимая угроза государственнаго банкротства. Такъ, дворъ, наконецъ, уступилъ и созвалъ генеральные штаты, само имя которыхъ давно уже стало паролемъ націи. Королевскій эдиктъ временно уничтожилъ cour plenière и созвалъ генеральные штаты на 1 мая 1789 г.

Бріеннъ не могъ дольше держаться, потому что онъ требовалъ денегъ еще до собранія генеральныхъ штатовъ. Онъ хотѣлъ выплатить бумагами двѣ пятыхъ процентовъ по государственному долгу и отложить платежи различныхъ срочныхъ долговъ. Поднялись громкіе крики о государственномъ банкротствѣ; теперь дворъ и король оставили Калонна. 27 августа 1788 г. онъ вышелъ въ отставку, напутствуемый радостью народа. На парижскихъ площадяхъ народъ публично сжигалъ его изображенія.

Такимъ образомъ, представители привиллегированныхъ классовъ отвоевали у абсолютной монархіи одно изъ важнѣйшихъ правъ народа, право утвержденія налоговъ народнымъ представительствомъ. Они сдѣлали это не потому, чтобы парламенты хотѣли превратить Францію въ конституціонную монархію, а единственно потому, что дворянство и духовенство надѣялись посредствомъ права утвержденія налоговъ предотвратить податное обложеніе своихъ имѣній. Вотъ, какіе странные плоды даетъ борьба за классовые интересы.

Съ созваніемъ генеральныхъ штатовъ революція была уже въ полномъ ходу. Столкновеніе придворной партіи съ привилдегированными вызвало пожаръ, который въ движеніи народныхъ массъ находилъ все новую и новую пищу. Привиллегированныя сословія встряхнули абсолютизмъ, опираясь при этомъ на плечи народной массы. Скоро должно было настать время, когда народъ сдвинетъ свои плечи и стряхнетъ привиллегіи дворянства и духовенства.

Учредительное собраніе.

Послѣ паденія архіепископа Бріенна, государственнымъ министромъ и генеральнымъ контролеромъ финансовъ снова былъ назначенъ тотъ же неизбѣжный Неккеръ. Онъ все еще былъ самымъ популярнымъ человѣкомъ во Франціи, и на этотъ разъ ему тоже удалось при помощи своего личнаго кредита, устранить самыя неотложныя финансовыя затрудненія. Сверхъ того, задачей его было созваніе генеральныхъ штатовъ, не собиравшихся еще съ 1615 г. Вся Франція, вся Европа съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за этимъ начинаніемъ, обѣщавшимъ произвести существенныя измѣненія въ общественномъ строѣ.

Но сейчасъ же возникло новое затрудненіе. Неккеръ имѣлъ въ виду только финансы; въ созваніи генеральныхъ штатовъ онъ видѣлъ лишь средство достать денегъ путемъ обложенія земель дворянства и духовенства. Но при старой организаціи генеральныхъ штатовъ ожидать этого было невозможно, такъ какъ въ нихъ всѣ три сословія были представлены равномѣрно. При такихъ условіяхъ, производилось ли бы голосованіе по числу депутатовъ, или по сословіямъ,—третье сословіе неизбѣжно должно было остаться въ меньшинствѣ, такъ какъ оба привиллегированныя сословія, естественно, держались вмѣстѣ. Неккеру надо было усилить представительство третьяго сословія въ генеральныхъ штатахъ настолько, чтобы его не могли подавить своей численностью представители дворянства и духовенства. Послѣ долгаго сопротивленія король согласился на это предложеніе. Но эдикты, которыми опредѣлялось удвоеніе числа представителей отъ третьяго сословія и голосованіе по числу депутатовъ, встрѣтили самое упорное противодѣйствіе со стороны парламента. Парламентъ отмѣнилъ также новое собраніе нотаблей, созванное Неккеромъ въ ноябрѣ 1788 г. въ Версаль. Казалось, что этотъ планъ грандіозной реформы разобьется о пустую формалистику, затѣянную ограниченнымъ и неловкимъ Неккеромъ безъ всякой надобности, потому что общественное мнѣніе, весь народъ, за исключеніемъ привиллегированныхъ сословій, стоялъ теперь на сторонѣ Неккера. Парламентъ, вслѣдствіе своего сопротивленія измѣненіямъ въ составѣ генеральныхъ штатовъ, сразу потерялъ всю свою популярность. У массы

третьяго сословія теперь открылись глаза: она поняла, что парламентъ дѣйствовалъ только въ интересахъ привиллегированныхъ. Въ борьбѣ приняла участіе пресса со своимъ разъясняющимъ и ободряющимъ голосомъ. Особенное значеніе въ этомъ отношеніи имѣла брошюра Сійеса; она съ быстротою молніи освѣтила положеніе дѣлъ. Она носила заглавіе: „Что такое третье сословіе?“ Выяснивъ въ ней кратко и ясно всю важность этого сословія, авторъ говорилъ: „Третье сословіе теперь—ничто. Чѣмъ же оно могло бы стать?—Всѣмъ!“ Сочиненіе это произвело громадное впечатлѣніе и доставило своему автору мѣсто въ генеральныхъ штатахъ.

А Неккеръ все продолжалъ дѣйствовать со своей обычной неловкостью. Онъ оставилъ нерѣшеннымъ вопросъ относительно того, будутъ ли рѣшать генеральные штаты дѣла по сословіямъ, или по числу голосовъ, и этимъ накликалъ на будущее національное собраніе массу распрей и раздоровъ. Наконецъ, онъ собрался съ духомъ и предложилъ парламенту занести въ регистръ предписаніе о созывѣ генеральныхъ штатовъ, что парламентъ и исполнилъ. Онъ не указалъ парламенту ни способа созванія генеральныхъ штатовъ, ни порядка ихъ засѣданій и совѣщаній, хотя и могъ бы рѣшиться на это.

Когда появилось окончательное предписаніе о созваніи генеральныхъ штатовъ на 27 апрѣля 1789 г., вся Франція огласилась кликами радости и восторга. Всѣ чувствовали, что настаетъ новая эпоха; отъ генеральныхъ штатовъ ожидали коренныхъ преобразованій государства и общества. Уже по избирательному движенію можно было видѣть, что генеральные штаты выступятъ противъ правительства. Но они были необходимы, потому что надо же было положить конецъ денежнымъ затрудненіямъ, и оставалось только ждать страшной бури. Дворяне и вообще привиллегированные, на сторонѣ которыхъ, въ парламентахъ, еще такъ недавно было расположеніе народа, теперь, вслѣдствіе своего сопротивленія новой организаціи генеральныхъ штатовъ, совершенно потеряли его. Они видѣли, что ихъ привиллегіи подвергаются новой опасности, и что эта опасность идетъ теперь не со стороны двора, а со стороны народа. Поэтому они снова обратились къ двору, чтобы попытаться отразить угрожающую опасность соединенными силами. Слабый, флегматичный король безучастно смотрѣлъ на собирающіяся на горизонтѣ грозныя тучи и—еще ревностнѣе предался охотѣ. Марія-Антуанета скрежетала зубами въ своемъ безсиліи. Если бы она была мужчиной, она была бы очень опасной для революціи.

Франція должна была избрать 1214 депутатовъ; изъ нихъ треть падала на третье сословіе, треть—на дворянство и треть—на духовенство. Духовенство и дворянство избирали своихъ представителей не-

посредственно, третьему же сословію были предписаны косвенные выборы посредствомъ особыхъ выборщиковъ. Права на избраніе были очень расширены. Выбирались одновременно и замѣстители для депутатовъ. Депутатовъ третьяго сословія въ городахъ выбирали по цехамъ и кварталамъ. Окружное собраніе выборщиковъ какой-либо мѣстности составлялось изъ постоянныхъ жителей этой мѣстности, не принадлежавшихъ ни къ дворянскому, ни къ духовному сословіямъ и достигшихъ 25-лѣтняго возраста. Участвовать въ выборахъ могъ каждый, занимавшій какую-нибудь должность, имѣвшій какой-нибудь чинъ или званіе мастера и, наконецъ, каждый, кто могъ представить податную квитанцію въ доказательство того, что онъ платилъ налогъ не менѣе шести франковъ въ годъ. Власти и привиллегированные употребляли всѣ усилія, чтобы не допустить оппозиціонныхъ выборовъ, но они не могли управиться съ могучимъ подъемомъ народнаго духа. Выборы третьяго сословія почти повсюду были сдѣланы въ духѣ новыхъ вѣяній, и между представителями дворянства и духовенства также было не мало людей, преданныхъ народному дѣлу. Только въ Парижѣ, отъ котораго прежде всего ожидали безусловно оппозиціонныхъ выборовъ, властямъ удалось посредствомъ разныхъ избирательныхъ маневровъ устроить выборы реакціонные. Парижъ долженъ былъ избрать 20 представителей для третьяго сословія, 10 для дворянства и 10 для духовенства. Этотъ городъ, бывшій центромъ, душою революціи, имѣлъ тогда около 600.000 жителей. Городъ былъ раздѣленъ для выборовъ на 60 округовъ (arrondissements). Населеніе рабочихъ кварталовъ почти цѣликомъ было исключено изъ участія въ выборахъ, потому что лишь немногіе изъ рабочихъ могли представить необходимыя податныя квитанціи; число мастеровъ было также незначительно. Было предпринято три избирательныхъ похода и столь тщательно просѣянные депутаты оказались сторонниками стараго режима. Такой результатъ выборовъ подѣйствовалъ на столицу угнетающимъ образомъ, и избиратели предмѣстій сильно жаловались на то, что масса рабочихъ была исключена изъ участія въ выборахъ. Общіе результаты всѣхъ выборовъ были таковы: дворянство избрало 242 депутата изъ придворныхъ и помѣстныхъ дворянъ и 28 изъ должностныхъ дворянъ, которые всѣ были членами парламентовъ. Духовенство было представлено 48 архіепископами и епископами, 35 аббатами и деканами и 208 священниками. Наконецъ, третье сословіе выбрало 2 духовныхъ, 12 дворянъ, 18 членовъ городскихъ совѣтовъ, 100 гражданскихъ чиновниковъ, 212 адвокатовъ, 16 врачей и 216 купцовъ и сельскихъ хозяевъ.

Правительство воображало, что оно поступаетъ чрезвычайно хитро, не говоря въ своихъ предписаніяхъ ни слова о той задачѣ, которую предстояло рѣшить генеральнымъ штатамъ. Но избиратели сами сумѣли помочь горю: они снабдили своихъ депутатовъ извѣст-

ными наказами (Cahiers), въ которыхъ высказали свои жалобы и желанія. Желанія избирателей, понятно, были чрезвычайно разношерстны, но всѣ они сходились въ одномъ и именно, въ томъ, что генеральные штаты должны преобразовать государство и общество и выработать съ этой цѣлью основные государственные законы,—полную конституцію государства. Эта конституція должна была дать Франціи форму наслѣдственной ограниченной монархіи: о республикѣ въ этихъ наказахъ нигдѣ не было и рѣчи. Хотѣли прежде всего, чтобы ни одинъ налогъ не могъ быть введенъ, ни одинъ заемъ не могъ быть заключенъ безъ утвержденія народнаго представительства, чтобы собственность и личная свобода были вполнѣ гарантированы отъ всякихъ посягательствъ. Относительно состава и правъ народнаго представительства были сдѣланы самыя разнообразныя предложенія.

Французская нація ожидала всего отъ этого собранія. Монархія мечтала о томъ, какъ бы прочнѣе утвердиться на почвѣ ожидаемыхъ основныхъ государственныхъ законовъ и затѣмъ уничтожить ихъ, лишь только настанетъ благопріятное для этого время; дворянство и духовенство надѣялись вынести изъ парламентскихъ дебатовъ неповрежденными свои привиллегіи. Буржуазія хотѣла добиться личной свободы и обезпеченности собственности; ремесленники надѣялись на избавленіе отъ полицейскаго гнета и на увеличеніе заработка; сельское населеніе ждало уничтоженія страшнаго бремени податей, всяческихъ поборовъ, барщины, освобожденія отъ крѣпостной зависимости. Среди этихъ надеждъ и опасеній собралось въ Версали 5 мая 1789 г. національное собраніе. Версаль былъ избранъ мѣстомъ собранія съ той цѣлью, чтобы удалить его отъ вліянія взволнованной столицы.

Открытіе собранія было совершено со всей устарѣлой торжественностью, которую дворъ обыкновенно соблюдалъ въ подобныхъ случаяхъ. Прежде всего собраніе съ королемъ, королевой, принцами и высшими сановниками двора во главѣ отправилось въ церковь. Необозримая масса народа толпилась кругомъ, чтобы увидѣть представителей націи; народъ былъ въ началѣ чрезвычайно воодушевленъ. Но скоро его воодушевленіе охладилось, когда онъ увидѣлъ, какъ дворъ, признавшій права третьяго сословія лишь противъ собственной воли и по необходимости, разными мелочными, но вызывающими мѣрами давалъ ему чувствовать всю свою враждебность къ нему. Три сословія должны были держаться отдѣльно другъ отъ друга. Дворянство явилось въ своемъ парадномъ платьѣ, въ шляпахъ, украшенныхъ перьями, и со шпагами, духовенство въ церковномъ облаченіи, третье же сословіе въ простомъ черномъ платьѣ, въ шелковыхъ плащахъ, въ шляпахъ безъ перьевъ и безъ шпагъ. Въ залъ засѣданія представители привиллегированныхъ, свысока смотрѣвшіе на третье сословіе, вошли черезъ большую парадную дверь, представители же третьяго со-

словія были впущены черезъ боковую дверь. Сидѣнія для представителей третьяго сословія были устроены ниже сидѣній для привиллегированныхъ. Представители третьяго сословія почувствовали, что ихъ хотятъ унизить, и они дали понять это. Когда явился король для произнесенія тронной рѣчи, сопровождаемый по традиціонному обычаю королевой и принцами, и надѣлъ шляпу, дворянство и духовенство покрыло головы; третье сословіе также надѣло свои шляпы: присутствовавшіе при торжествѣ королевскіе церемоніймейстеры были внѣ себя отъ этой дерзости. Третье сословіе этимъ дало понять, что время его приниженности прошло.

Тронная рѣчь была вообще ничего не выражающей: Людовикъ XVI говорилъ о денежныхъ затрудненіяхъ, высказывалъ надежду на бережливость въ будущемъ, убѣждалъ дѣйствовать единодушно и все указывалъ на свои верховныя права, что было съ его стороны въ этотъ моментъ далеко не умно. Послѣ него разразился рѣчью хранитель большой печати противъ духа новшествъ и неповиновенія. Онъ говорилъ о справедливыхъ требованіяхъ, на которыя король соизволилъ дать свое одобреніе, совершенно забывая при этомъ, что именно для установленія этихъ требованій теперь и было созвано собраніе; говорилъ о безразсудныхъ толкахъ новаторовъ, которымъ король благоволилъ не придавать должнаго значенія, объ утопіяхъ и опасныхъ новшествахъ, которыя хотятъ ввести вмѣсто неизмѣнныхъ основныхъ законовъ монархіи. Затѣмъ, генеральнымъ штатамъ сообщалось, что они должны дѣлать. Они должны были по всѣмъ вопросамъ, за исключеніемъ финансовыхъ, голосовать по сословіямъ, т.-е. они должны были привлечь привиллегированныхъ къ податному обложенію и доставить правительству деньги. Затѣмъ, имъ предстояло обсудить законъ о свободѣ прессы, а также измѣненія въ уголовномъ и гражданскомъ законодательствѣ. Ни о чемъ больше не было и рѣчи. Послѣ этого заговорилъ Неккеръ,—точно лишь затѣмъ, чтобы показать, что онъ вовсе не былъ государственнымъ человѣкомъ. Человѣкъ, который провелъ созваніе генеральныхъ штатовъ, любимецъ третьяго сословія, человѣкъ, пользовавшійся всеобщимъ довѣріемъ, въ своей трехчасовой рѣчи, напичканной массой цифръ, трактовалъ о финансовыхъ дѣлахъ и больше ни о чемъ. Ни слова онъ не сказалъ о голосованіи,—о главномъ и существенномъ вопросѣ, голосовать ли генеральнымъ штатамъ по числу депутатовъ или по сословіямъ.

Такое поведеніе двора и его министровъ вполнѣ разъяснило представителямъ третьяго сословія ихъ положеніе. Они увидѣли, что дворъ и министры рѣшились просто игнорировать тѣ желанія и требованія, которыя были выражены въ ихъ наказахъ. При другихъ условіяхъ между ними, можетъ быть, возникли бы раздоры и несогласія, но теперь, въ виду всего этого, они единодушно рѣшились отстаи-

вать свои права и требованія своихъ избирателей до послѣдней крайности. Правительство назначило для каждаго изъ трехъ сословій отдѣльный залъ. Третьему сословію, какъ самому многочисленному, былъ отведенъ залъ общихъ засѣданій. Этимъ, самимъ по себѣ незначительнымъ обстоятельствомъ третье сословіе воспользовалось съ большой ловкостью. Оно послало обоимъ другимъ сословіямъ приглашеніе явиться въ общій залъ для провѣрки выборовъ. Но гордые представители привиллегированныхъ игнорировали это приглашеніе, хотя требованіе совмѣстной провѣрки выборовъ было вполнѣ справедливымъ. Они хотѣли конституироваться отдѣльно, между тѣмъ какъ третье сословіе очень разумно не сдѣлало этого; оно объявило, что депутаты, засѣдающіе въ общей залѣ, не представляютъ какого-либо отдѣльнаго сословія, но составляютъ лишь часть общаго собранія. Переговоры не приводили ни къ чему. Страна съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за собраніемъ генеральныхъ штатовъ,—между тѣмъ, прошло уже почти шесть недѣль, а собраніе все еще не конституировалось. Знаменитый ученый Балльи, ставшій позже парижскимъ мэромъ, открылъ теперь революцію, въ которой ему предстояло погибнуть: онъ былъ избранъ президентомъ собранія, засѣдавшаго въ общей залѣ совѣщанія. Онъ и аббатъ Сійесъ ясно видѣли, что должно совершиться что-нибудь особенное для того, чтобы заставить собраніе объединиться и провести голосованіе по числу депутатовъ. Между тѣмъ, удалось склонить нѣкоторую часть священниковъ присоединиться къ депутатамъ, засѣдавшимъ въ общей залѣ: низшее духовенство почти все было предано дѣлу народа. 17 іюня 1789 г., наконецъ, былъ сдѣланъ рѣшительный шагъ. По предложенію Сійеса было рѣшено 491 голос. противъ 90, что депутаты, собравшіеся въ общей залѣ засѣданій, считаютъ себя представительствомъ всей французской націи подъ именемъ *національнаго собранія*. Къ этому рѣшенію были немедленно же прибавлены и дальнѣйшія, а именно, что одно лишь національное собраніе имѣетъ право утверждать новые налоги, что налоги, существовавшіе до того времени, хотя они и противозаконны, должны оставаться въ силѣ, пока національное собраніе не будетъ распущено. Далѣе, было рѣшено, что государственный долгъ гарантируется чувствомъ чести французской націи, но лишь до тѣхъ поръ, пока національное собраніе будетъ имѣть возможность работать безъ всякихъ помѣхъ надъ преобразованіемъ Франціи. Эти рѣшенія были очень разумны и особенно послѣднее, которое связало интересы кредиторовъ государства съ существованіемъ собранія.

Масса населенія, увидѣвшая, наконецъ, настоящее дѣло, съ криками востсторга встрѣтила рѣшенія депутатовъ третьяго сословія: они почувствовали, что за ними стоитъ народная сила. Рѣшительность третьяго сословія привела въ страшное смятеніе дворъ и привиллегичныхъ. Дворянство и духовенство были совершенно безпомощны;

объявить себя верхней палатой, что имъ предлагалъ Монтескіу (Monteskiou), они не рѣшались. Король, побуждаемый дворянствомъ, духовенствомъ и парламентами выступить противъ третьяго сословія, по своей слабости и ограниченности, снова всецѣло перешелъ теперь на сторону привиллегированныхъ. Неккеръ совѣтовалъ королю собрать всѣ три сословія, всѣ рѣшенія третьяго сословія объявить неимѣющими никакого значенія, обѣщать нѣкоторыя реформы и пригрозить собранію въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія распущеніемъ. Настолько безхарактернымъ оказался теперь этотъ женевскій банкиръ. Но еще безхарактернѣе былъ парижскій парламентъ. Эта корпорація, которая недавно декретировала, что право утвержденія налоговъ принадлежитъ только генеральнымъ штатамъ, теперь предложила королю признавать законными всѣ эдикты о налогахъ, какіе только онъ издастъ, если онъ распуститъ генеральные штаты.

Король поддался вліянію привиллегированныхъ и согласился исполнить ихъ желанія. Но вышло нѣчто совсѣмъ неожиданное, совсѣмъ непохожее на то, о чемъ думали, на что надѣялись дворъ и привиллегированные.

Смѣлость и рѣшительность всегда импонируютъ и образъ дѣйствій національнаго собранія не могъ не произвести громаднаго вліянія на тѣхъ членовъ другихъ сословій, которые были склонны защищать народные интересы. Большинство представителей духовенства рѣшило присоединиться къ національному собранію. Дворъ задумалъ помѣшать этому присоединенію или оттянуть его до того дня когда король явится въ собраніе и положитъ конецъ наглости черни, какъ выражались благородные chevaliers. Для этого затѣваемаго насилія придумали самый смѣшной предлогъ, будто залъ надо приготовить для королевскаго засѣданія, и будто поэтому засѣданіе національнаго собранія необходимо отложить. Это было сообщено письменно оберъ-церемоніймейстеромъ, графомъ Дрё-Брезе (Dreux-Brésé), утромъ 20 іюня президенту Балльи. Балльи отвѣтилъ также письменно, что соотвѣтствующее предписаніе короля имъ не получено, на сообщеніе же оберъ-церемоніймейстера онъ не можетъ обращать вниманія. Когда депутаты собрались, залъ засѣданій оказался запертымъ и окруженнымъ солдатами, которые не пропускали ихъ. Но это насиліе не лишило депутатовъ присутствія духа: они заранѣе были готовы къ подобнымъ сюрпризамъ. Они рѣшили, по предложенію доктора Гильотена, котораго сдѣлала слишкомъ извѣстнымъ названная по его имени машина для исполненія смертныхъ приговоровъ, перейти въ городское Зданіе Мяча. Въ этомъ зданіи былъ большой залъ, приспособленный для игры въ мячъ, лишенный всякой мебели, здѣсь и собрались депутаты. Они должны были обсуждать дѣла стоя

и въ совершенно пустой залѣ. Принесли скамью и съ этой скамьи полились пламенныя, возбужденныя рѣчи. Было сдѣлано предложеніе отправиться въ Парижъ и отдать себя подъ защиту парижскаго населенія. Но Мунье предложилъ, чтобы собраніе дало клятву не расходиться до тѣхъ поръ, пока не будетъ окончательно выработана столь желанная, столь настоятельно требуемая народомъ конституція. Собраніе съ самоотверженнымъ воодушевленіемъ минуты приняло предложеніе Мунье, и Балльи, ставъ на стулъ, прочелъ депутатамъ слѣдующую присягу:

«Вы клянетесь впредь не расходиться и собираться повсюду, гдѣ лишь позволятъ обстоятельства, до тѣхъ поръ, пока не будетъ создана и утверждена на прочныхъ основаніяхъ конституція королевства!»

Съ бурнымъ воодушевленіемъ все собраніе подняло руки и дало эту достопримѣчательную присягу. *«Клянемся!»* раздалось шестьсотъ голосовъ депутатовъ, а тысячная масса народа, толпившаяся вокругъ Зданія Мяча, отвѣтила на эту клятву шумнымъ крикомъ бѣшенаго восторга:

«Да здравствуетъ національное собраніе!»

Немедленно было рѣшено сейчасъ же подписать формулу присяги, чтобы этимъ вполнѣ связать себя, причемъ только одинъ государственный депутатъ, юристъ, протестовалъ противъ присяги. У третьяго сословія оказался лишь одинъ депутатъ, не оправдавшій довѣрія народа.

На другой день національное собраніе собралось въ церкви св. Людовика; здѣсь къ нему присоединилось 149 депутатовъ духовенства. Такъ, по мѣрѣ возрастанія рѣшительности національнаго собранія возрастала и его сила. Клятва въ Зданіи Мяча уничтожила весь авторитетъ правительства у французской націи. Опираясь на симпатіи и довѣріе народа, національное собраніе шагъ за шагомъ шло впередъ, приближаясь къ исполненію своей громадной задачи, къ разрушенію стараго феодальнаго строя. Клятва эта стала скалой, о которую разбились всѣ затѣи насильственныхъ переворотовъ со стороны правительства.

Неккеръ предложилъ королю лишить рѣшенія третьяго сословія всякой силы и значенія, объявить наказы депутатовъ несуществующими, подсластивъ эту пилюлю обѣщаніемъ нѣкоторыхъ реформъ, какъ уменьшеніе налоговъ, уничтоженіе предписаній объ арестахъ, свободу печати и т. п. Король согласился было на это предложеніе, но королева убѣдила его взять назадъ свое согласіе. Вслѣдствіе этого Неккеръ не явился на важное засѣданіе 23 іюня, что снова нѣсколько возстановило его популярность, такъ какъ въ послѣднее время онъ совершенно было лишился расположенія народа.

Людовикъ XVI явился 23 іюня съ такой же торжественностью, какъ и во время открытія генеральныхъ штатовъ въ большой залѣ засѣданій. Всѣ три сословія собрались, но депутатовъ третьяго сословія долго держали на улицѣ подъ дождемъ, и только когда они вторично заявили о себѣ, ихъ впустили черезъ боковую дверь. Король держалъ рѣчь, въ которой онъ порицалъ раздоры, возникшіе между представителями отдѣльныхъ сословій, и объявилъ рѣшенія третьяго сословія, «такъ называемаго національнаго собранія», неимѣющими никакого значенія. Внушенія королевы и двора сказывались въ этой рѣчи со всей ясностью. Онъ увѣрялъ, будто онъ всегда заботился исключительно о благѣ народа, что всякому разумному человѣку должно было показаться очень комичнымъ. Затѣмъ, король обѣщалъ дать конституцію съ тремя палатами и ввести обложеніе налогами имуществъ привиллегированныхъ, если они сами согласятся на это, что опять звучало насмѣшкой. Онъ имѣлъ въ виду обезпечить свободу личности «въ надлежащихъ размѣрахъ» и даровать правильно собирающимся генеральнымъ штатамъ право утвержденія налоговъ. При всѣхъ реформахъ собственность каждаго лица должна остаться неприкосновенной: эта оговорка уничтожала все, что онъ обѣщалъ сдѣлать. Въ общемъ, внутренняя фальшь и двусмысленность этихъ обѣщаній просвѣчивали такъ ясно, что у всѣхъ, дѣйствительно желавшихъ реформъ, недовѣріе къ двору еще больше увеличилось. Въ концѣ своей рѣчи Людовикъ сказалъ самымъ высокомѣрнымъ тономъ: «Я повелѣваю вамъ, господа, немедленно разойтись, и завтра пусть каждый явится въ залъ, отведенный для его сословія!»

Дворянство и духовенство исполнили королевское повелѣніе: по уходѣ короля они оставили залъ. Но депутаты, объявившіе себя національнымъ собраніемъ, остались въ залѣ въ глубокомъ молчаніи. Они рѣшились не подчиняться впредь приказаніямъ короля. Молчаніе представителей народа было очень краснорѣчиво, но еще краснорѣчивѣе былъ голосъ, который теперь раздался въ залѣ и вышелъ изъ устъ человѣка, открывшаго собой длинный рядъ импонирующихъ дѣятелей этой революціи, голосъ *Мирабо*.

Оноре-Габріэль-Викторъ-Рикети графъ де-Мирабо, сынъ одного провансальскаго дворянина, извѣстнаго писателя,—геніально одаренная, пылкая, страстная натура,—рано попалъ въ конфликтъ со своимъ суровымъ отцомъ и людьми сѣрой, будничной жизни. Онъ поступилъ въ армію, но она оказалась ему не по вкусу, и онъ велъ разнузданную жизнь въ морѣ долговъ и страстей. Отецъ при помощи пресловутыхъ предписаній объ арестахъ заключилъ его въ казематы острова Ре (Rhé), потомъ въ Ифъ (If) и, наконецъ, въ Жу (Joux). Изъ Жу онъ бѣжалъ въ Голландію и увезъ съ собой молодую, красивую жену одного стараго члена парламента. За это онъ былъ приговоренъ къ смерти, и его изображеніе было повѣшено. Голландія

выдала его, и онъ просидѣлъ два года въ Венсенѣ. Освобожденный, наконецъ, изъ тюрьмы, онъ былъ посланъ съ дипломатическимъ порученіемъ въ Берлинъ. Здѣсь онъ написалъ книгу о Пруссіи, и его за нее выслали. Вернувшись во Францію, онъ своими сочиненіями противъ французскаго государственнаго строя, который онъ такъ страстно ненавидѣлъ, навлекъ на себя новое предписаніе объ арестѣ; но тутъ настала революція. Дворянство инстинктивно ненавидѣло этого выдающагося человѣка, и онъ примкнулъ къ третьему сословію. Народъ часто устраивалъ смѣлому писателю овація и тріумфы. Для того, чтобы быть избраннымъ въ генеральные штаты, онъ долженъ былъ пріобрѣсти себѣ общественное положеніе среди третьяго сословія и съ этой цѣлью открылъ магазинъ для продажи сукна. Такъ онъ явился въ генеральные штаты, исполненный жажды мести правительству, такъ долго таскавшему его по тюрьмамъ, дворянству, вытолкнувшему его изъ своей среды. Старый режимъ не могъ найти болѣе страшнаго противника, также какъ третье сословіе—болѣе желаннаго вождя. Мирабо обладалъ высокими талантами государственнаго человѣка; это былъ одинъ изъ величайшихъ парламентскихъ ораторовъ всѣхъ временъ, политическій геній первой величины. Къ сожалѣнію, онъ навсегда запятналъ свое столь блестящее имя, унизившись до того, что позволилъ двору подкупить себя. Но теперь онъ быстро поднялся на всю высоту своего значенія. Мирабо было тогда ровно сорокъ лѣтъ. Его могучая фигура съ лицомъ, изрытымъ оспой, съ рѣзкими жестами, съ сильнымъ пафосомъ, страшнымъ сарказмомъ и громовымъ голосомъ была живымъ протестомъ противъ жестокости правительства; для двора и привиллегированныхъ, которымъ предстояло вынести всю страшную силу нападенія Мирабо, она была воплощеннымъ судомъ исторіи.

Теперь онъ говорилъ, что королю нечего обращаться къ этому собранію. Онъ съ жаромъ напоминалъ о клятвѣ въ Залѣ Мяча. Въ эту минуту вошелъ несчастный оберцеремоніймейстеръ Дре-Брезе и спросилъ президента Балльи, слыхалъ ли онъ повелѣніе короля? Балльи отвѣчалъ уклончиво, что собраніе должно еще предварительно обсудить этотъ вопросъ. Тутъ выступилъ противъ придворнаго сановника Мирабо. Давъ ему понять, что онъ въ этомъ собраніи не только не имѣетъ права говорить, но и вообще никакихъ правъ, онъ прогремѣлъ своимъ грознымъ голосомъ: «*Мы собрались здѣсь по волѣ народа, и насъ можно прогнать отсюда только силой штыковъ! Передайте это вашему господину!*» Среди бури одобреній придворный исчезъ, и Сійесъ обратился къ собранію съ короткими, но знаменательными словами: «Мы сегодня—все то же, что были и вчера. Обсудимъ, какъ намъ быть!» И такъ какъ показалось войско, то собраніе, по предложенію Барнава, молодого, пылкаго, краснорѣчиваго адвоката, установило неприкосновенность членовъ національнаго

собранія и объявило всякаго, кто осмѣлится коснуться ихъ, лишеннымъ чести, измѣнникомъ народу и уголовнымъ преступникомъ, котораго національные суды должны подвергнуть надлежащему наказанію.

Слова Мирабо были очень разумны. Если бы онъ объявилъ, какъ это впослѣдствіи часто говорилось, что депутаты умрутъ на своихъ мѣстахъ, и если бы собраніе было, тѣмъ не менѣе, разогнано,— оно попало бы въ очень смѣшное положеніе. Депутаты не могли сопротивляться штыкамъ, поэтому Мирабо и призналъ, что передъ штыками они уступятъ. Но штыки не предпринимали нападенія, потому что за представителями націи стоялъ парижскій народъ. Всеобщее броженіе привело дворъ въ замѣшательство, и онъ оставилъ свою затѣю государственнаго переворота, за выполненіе которой онъ уже было принялся. Людовикъ моментально потерялъ все присутствіе духа и отвѣтилъ оберцеремоніймейстеру, передавшему ему слова Мирабо: «Если господа представители третьяго сословія не хотятъ оставить залъ, то они могутъ оставаться въ немъ». И они остались, отстаивая свое право выработать конституцію. Они стали *Учредительнымъ Собраніемъ*. Дворъ же потерялъ 23 іюня послѣдніе остатки своего авторитета.

Неккеръ просилъ-было объ отставкѣ, но вслѣдствіе настояній короля и королевы, причемъ эта послѣдняя обѣщала слѣдовать всѣмъ его совѣтамъ, взялъ свою просьбу обратно. Между тѣмъ, 47 членовъ дворянскаго сословія, съ герцогомъ Орлеанскимъ во главѣ, также присоединились къ національному собранію. Король, признавшій теперь уже значеніе національнаго собранія, сталъ говорить съ нимъ мягко и дружелюбно. Но при дворѣ рѣшили удалить собраніе изъ Версаля, чтобы лишить его защиты парижскаго населенія. Затѣмъ, разсчитывали принудить его военной силой утвердить всѣ финансовые планы двора и, наконецъ, разогнать. Этотъ планъ, можетъ быть, и удался бы, если бы населеніе Парижа, чувствовавшее, что затѣвается государственный переворотъ, не приняло своихъ мѣръ. Англичанинъ Юнгъ (Young), издавшій въ 1789 г. описаніе своихъ путешествій по Франціи, разсказываетъ въ немъ о сплошной нищетѣ и крайней деморализаціи народа въ провинціяхъ и прибавляетъ: «Могъ ли бы этотъ народъ когда-нибудь стать свободнымъ? Никогда! Тысячи лѣтъ жилъ бы онъ въ рабствѣ! Просвѣщенное населеніе Парижа—оно одно, среди массы брошюръ и публикацій, сдѣлало все!»

Приготовленія къ удару, который дворъ хотѣлъ нанести народному представительству, скоро стали всѣмъ видны. Правительство стягивало войска къ Парижу и Версали; начальство надъ этими войсками поручено было грубому до звѣрства маршалу де-Броліо. Большая часть этихъ полковъ состояла изъ солдатъ, навербованныхъ

за границей, такъ какъ французскія войска были ненадежны. 30000 солдатъ стояли вокругъ страшно взволнованной столицы, съ минуты на минуту должны были подойти еще 20000. Мирабо предложилъ потребовать черезъ депутацію у короля отозванія войскъ. Но король отказалъ наотрѣзъ, заявивъ, что войска созваны «для защиты» генеральныхъ штатовъ. Кромѣ того, онъ прибавилъ, что онъ можетъ перевесть собраніе, если оно чего либо опасается, въ Суассонъ или Анжу. Король, меньше всего обладавшій дипломатическими талантами, этимъ выдалъ весь планъ двора.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ Парижѣ узнали объ открытыхъ приготовленіяхъ къ государственному перевороту, городъ пришелъ въ страшное волненіе. Народъ толпами собирался на городскихъ площадяхъ: онъ видѣлъ, что опасность, угрожающая національному собранію, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и опасность для всего народа. Между тѣмъ, какъ рабочіе собирались на улицахъ, представители горожанъ явились въ городскую ратушу. Здѣсь представители 60 секцій или округовъ образовали политическій союзъ. Массы народа наполняли сады Пале-Рояля, которые были нарочно съ этой цѣлью открыты герцогомъ Орлеанскимъ. Здѣсь со столовъ и скамей произносились рѣчи, выяснявшія народу положеніе дѣлъ. Говорили только о войскахъ и о затѣваемомъ государственномъ переворотѣ. Вдругъ, 11 іюля Неккеръ былъ уволенъ. При дворѣ вообразили, будто онъ хочетъ стать во главѣ ожидаемаго возстанія, что, конечно, этому трезвому финансисту и въ голову не приходило. Онъ немедленно же уѣхалъ въ Брюссель, вслѣдствіе далеко не безосновательныхъ опасеній, что его арестуютъ. Мѣсто Неккера занялъ извѣстный аристократъ и врагъ народа, баронъ де-Бретель, который и подобралъ себѣ соотвѣтствующихъ товарищей по управленію. Отставка Неккера ошеломила парижское населеніе; возбужденіе дошло до крайней степени; теперь народъ уже зналъ, чего онъ можетъ ожидать отъ двора. Гнѣвъ и воодушевленіе, ярость и нерѣшительность быстро смѣняли другъ друга у многотысячной массы народа, толпившейся въ садахъ Пале-Рояля. Молодой адвокатъ, Камиллъ Демуленъ, которому такъ же, какъ и многимъ другимъ, суждено было прославиться въ этой революціи и въ ней же погибнуть, далъ, наконецъ, лозунгъ среди этого всеобщаго замѣшательства. Среди частью испуганной, а частью разъяренной массы народа, онъ вспрыгнулъ на столъ съ пистолетомъ въ рукѣ. Онъ нѣсколько заикался, но теперь, въ минуту воодушевленія, его рѣчь лилась, какъ расплавленное золото. «Граждане!» воскликнулъ онъ: «нельзя терять ни одного мгновенія. Отставка Неккера—это набатъ, раздавшійся съ Лувра, это призывъ къ Варфоломеевской ночи для всѣхъ патріотовъ. Еще въ этотъ вечеръ нахлынутъ съ Марсова поля нѣмецкіе и швейцарскіе батальоны, чтобы истребить насъ. Одно спасеніе осталось намъ теперь: *къ оружію, граждане, къ оружію!*»

Взрывъ бурнаго одобренія многотысячной толпы былъ отвѣтомъ на слова смѣлаго оратора. Ораторъ сорвалъ съ ближайшаго дерева листъ и прикрѣпилъ его къ своей шляпѣ; всѣ послѣдовали его примѣру. Зеленый цвѣтъ, цвѣтъ надежды, сталъ эмблемой патріотовъ. Впослѣдствіи эта эмблема была отвергнута, потому что зеленый цвѣтъ былъ цвѣтомъ графовъ д'Артуа. Съ криками: «къ оружію!» толпа разлилась по улицамъ безъ всякой опредѣленной цѣли. Народъ слонялся по городу, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, безъ всякихъ опредѣленныхъ намѣреній. Изъ одного магазина взяли бюстъ Неккера и герцога Орлеанскаго и понесли ихъ въ торжественной процессіи по улицамъ на площадь Людовика XV. Всѣхъ, кто попадался навстрѣчу, заставляли обнажать головы передъ этими бюстами. Когда бюсты несли вокругъ статуи этого короля, появился князь де-Ламбекъ съ королевскимъ нѣмецкимъ полкомъ драгуновъ. Этотъ грубый солдатъ скомандовалъ своей кавалеріи броситься въ атаку съ обнаженнымъ оружіемъ: много народа было изрублено или смято копытами лошадей. Безоружная толпа разбѣжалась по городу съ криками: «къ оружію!». Даже герцогъ Орлеанскій совѣтовалъ теперь вооружиться, и союзъ избирателей въ городской ратушѣ открылъ народу находившійся тамъ оружейный складъ. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, оружейные мастера и торговцы оружіемъ отдавали хранившееся у нихъ оружіе, чего нельзя назвать грабежомъ, потому что большинство ихъ сами охотно дѣлали это. Ничего во всемъ городѣ не было разграблено или расхищено. Французская гвардія держала сторону народа, такъ какъ народъ освободилъ нѣсколько гвардейцевъ, заключенныхъ въ аббатствѣ. Гвардію заперли въ ея казармахъ и у казармъ поставили стражу изъ нѣмцевъ королевскаго нѣмецкаго полка. Когда гвардія услыхала шумъ народнаго волненія, она вырвалась изъ казармъ, не обращая никакого вниманія на распоряженія своихъ офицеровъ. «Вы—за третье сословіе?» спросили гвардейцы у драгунъ.—«Мы—за нашихъ командировъ!» отвѣтили драгуны. Возникла драка; гвардейцы дали ружейный залпъ, причемъ много драгуновъ было убито, остальные разбѣжались. Гвардія направилась въ боевомъ порядкѣ на площадь Людовика XV, чтобы здѣсь вмѣстѣ съ народомъ отразить ожидаемое нападеніе войскъ.

Но этого нападенія не послѣдовало. Правда, де Безанваль, командовавшій войскомъ на Марсовомъ полѣ, двинулся-было въ городъ, но онъ не могъ склонить своего войска къ нападенію на гвардію. Многія части этого войска перешли къ народу, и Безанваль вслѣдствіе этого отступилъ опять на Марсово поле. Народъ тѣмъ временемъ излилъ свой гнѣвъ на зданія королевскихъ таможенъ и заставы и разрушилъ ихъ до основанія. Для двора это возстаніе отнюдь не было непріятнымъ: онъ разсчитывалъ быстро и легко подавить его вооруженной рукой и затѣмъ, безъ всякаго уже противодѣйствія,

разогнать національное собраніе. Парижскій городской совѣтъ, во главѣ котораго стоялъ купецъ Флесселль, оставилъ свой постъ, потому что онъ не хотѣлъ ничего предпринимать противъ двора. Но на его мѣсто выступилъ комитетъ собранія избирателей, засѣдавшихъ въ ратушѣ; онъ объявилъ себя постояннымъ и заставилъ Флесселя принять въ немъ предсѣдательство. На слѣдующій день, 13 іюля, раннимъ утромъ раздался набатъ, и народъ устремился на улицы, отыскивая оружіе. Но оружія было найдено мало: Флесселль и въ этомъ случаѣ измѣнилъ народу. Онъ въ своихъ указаніяхъ, гдѣ можно достать оружіе, лишь обманывалъ народъ: онъ, очевидно, хотѣлъ помѣшать народу вооружиться, пока на него не двинется армія. Но комитетъ избирателей много поработалъ для народнаго дѣла. Онъ распорядился объ образованіи гражданскаго ополченія, національной гвардіи, которая должна была носить сине-красныя кокарды, — цвѣта города Парижа. Такъ какъ нельзя было немедленно достать оружія, необходимаго для ополченія въ 48,000 человѣкъ, комитетъ избирателей велѣлъ приготовить 50,000 пикъ, которыя и были приготовлены въ неимовѣрно короткій срокъ. Такимъ образомъ, можно было надѣяться на успѣшное сопротивленіе, но въ этотъ день также не было сдѣлано никакого нападенія, такъ какъ Безанваль не могъ въ достаточной степени положиться на свое войско и ожидалъ подкрѣпленій, которыя приходили очень медленно. Національное собраніе объявило себя постояннымъ, потребовало отступленія войскъ, учрежденія національной гвардіи, выразило сожалѣніе по поводу отставки Неккера и объявило совѣтниковъ короны отвѣтственными за все, что уже произошло и впредь произойдетъ. Въ этихъ рѣшеніяхъ принимали участіе также дворянство и духовенство. Дворъ въ своемъ ослѣпленіи былъ вполнѣ увѣренъ, что ему удастся повернуть дѣло по своему. Ждали только прибытія подкрѣпленій, затѣмъ войска должны были раздавить возстаніе парижанъ и положить конецъ противодѣйствію національнаго собранія. Здѣсь вполнѣ положились на штыки, и штыки на этотъ разъ должны были оказаться совершенно безсильными.

14 іюля снова раздался набатъ. Народъ опять бросился искать оружія и нашелъ въ подвалахъ дома инвалидовъ 30,000 ружей, массу сабель, шпагъ и нѣсколько пушекъ. Толпа вооружилась; рабочіе предмѣстій Сэнъ-Антуанскаго и Сэнъ-Марсо, пришедшіе подъ предводительствомъ пивовара Сантерра, соединились съ гвардіей. Вооруженная толпа жаждала боя и искала, на что бы ей сдѣлать нападеніе. Совершенно самъ собой взрывъ народной ярости направился на Бастилію, эту страшную государственную тюрьму, разрушеніе которой къ тому же требовалось въ наказахъ нѣкоторыхъ депутатовъ. Сверхъ того, предводители возстанія могли также опасаться, что Бастилія станетъ несокрушимой точкой опоры для войскъ, которыя будутъ

дѣйствовать противъ Парижа. Этого было достаточно. Послѣ обѣда 14 іюля раздались крики: «*къ Бастиліи! къ Бастиліи!*». Крики эти повторялись тысячами народа и мгновенно охватили весь Парижъ: вооруженныя толпы устремились къ этой ненавистной тюрьмѣ.

Бастилія была крѣпость, находившаяся внутри города и основанная еще въ XVI столѣтіи; она состояла изъ восьми крѣпкихъ башенъ, имѣвшихъ въ высоту до 100 футовъ и соединенныхъ стѣной, имѣвшей 9 футовъ въ толщину. Все сооруженіе окружалъ широкій ровъ въ 25 футовъ глубины, и въ крѣпость можно было проникнуть только по висячимъ мостамъ. 14 іюля гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ 82 инвалидовъ и 33 швейцарцевъ. Этотъ старинный оплотъ французскаго правительства былъ снабженъ провіантомъ только на 24 часа, дворъ даже не позаботился снабдить эту важную крѣпость средствами необходимыми для защиты.

Вокругъ крѣпкихъ стѣнъ Бастиліи клокотало волненіе народа, и безпрерывно раздавались грозные крики: «Бастилію! Сдайте Бастилію!» Висячіе мосты были подняты; гарнизонъ ничего не предпринималъ, и губернаторъ крѣпости Делонэ оставлялъ требованіе о сдачѣ безъ всякаго отвѣта. Тогда выступило два человѣка: сержантъ Эли и Гюленъ, часовой мастеръ изъ Женевы, ставшій впослѣдствіи извѣстнымъ генераломъ имперіи. Они подрубили топорами цѣпи самаго большого моста, и мостъ упалъ. Море народа устремилось на мостъ и уперлось въ ворота. Делонэ велѣлъ стрѣлять. Загремѣли орудія Бастиліи, въ массу направленъ былъ сильный огонь изъ бойницъ. Много было убитыхъ, много раненыхъ. Народъ отвѣчалъ оживленной перестрѣлкой, но выстрѣлы осаждающихъ не могли причинить никакого ущерба сидѣвшимъ за толстыми стѣнами защитникамъ крѣпости. Залпъ картечи прогналъ осаждающихъ за мостъ. Но Эли и Гюленъ снова двинулись впередъ, и битва возгорѣлась снова. Во время четырехъ-часовой безуспѣшной осады земля вокругъ Бастиліи покрылась лужами крови. Въ этой крови получила крещеніе побѣда третьяго сословія. Громъ орудій, трескъ ружейныхъ выстрѣловъ нагналъ страхъ на комитетъ избирателей въ городской ратушѣ. Онъ послалъ депутацію въ Бастилію, предлагая свое посредничество, но напрасно. Онъ только возбудилъ этимъ недовѣріе и подозрѣніе въ народѣ. Битва продолжалась. Къ Бастиліи явились гвардейцы, вѣрные союзники народа, со своими орудіями. Они навели орудія на стѣны Бастиліи и открыли сильный огонь. Делонэ отвѣчалъ не менѣе энергично, и снова многіе изъ осаждающихъ пали убитыми и ранеными. Но гарнизонъ Бастиліи потерялъ мужество, увидѣвъ, что крѣпость осаждаетъ гвардія. Скоро онъ выкинулъ бѣлый флагъ въ знакъ того, что крѣпость сдается. Делонэ хотѣлъ взорвать себя на воздухъ вмѣстѣ съ пороховымъ складомъ, но гарнизонъ удержалъ его отъ этого. Теперь замолкли орудія, и офицеръ-швейцарецъ потребовалъ

черезъ бойницу свободнаго пропуска гарнизону. Толпа закричала: «Опустите мостъ!». Эли и Гюленъ прибавили: «Ничего дурного съ вами не случится!». Мостъ упалъ, и масса осаждающихъ устремилась въ крѣпость. Было 5 часовъ вечера; крѣпость была завоевана, но эта побѣда была куплена громадными жертвами крови.

Гарнизону была дарована жизнь, но губернатора и коменданта Бастиліи нельзя было защитить отъ ярости народа, видѣвшаго, какъ сотни его собратій пали подъ ихъ выстрѣлами. Они были убиты, и головы ихъ были воткнуты на пики. Скоро толпа возставшихъ явилась въ городскую ратушу; она захватила здѣсь измѣнника Флесселя. Говорили, будто у Делонэ найдено было его письмо такого содержанія: «Продержитесь до вечера: вы получите подкрѣпленіе». Флесселя отправили въ Пале-Рояль, чтобы тамъ произвести надъ нимъ судъ, но на пути подошелъ какой-то неизвѣстный человѣкъ и застрѣлилъ его изъ пистолета. Въ Бастиліи было найдено только семь государственныхъ преступниковъ: два изъ нихъ сошли съ ума отъ продолжительнаго тюремнаго заключенія. Этотъ фактъ часто эксплуатируется въ пользу правленія Людовика XVI, какъ будто вслѣдствіе этого случайнаго обстоятельства Бастилія становится менѣе отвратительной и предписанія объ арестахъ хоть сколько нибудь терпимыми!

Когда часть парижскаго населенія при радостныхъ крикахъ разрушала ненавистный оплотъ деспотизма, Парижъ готовился къ сопротивленію угрожающимъ войскамъ, собиравшимся на Марсовомъ полѣ. Городъ превратился въ военный лагерь. Набатъ не прекращался; отливали пули, ковали пики; вырывали камни на мостовыхъ и воздвигали баррикады. Дома приспособлялись къ защитѣ, и гражданская милиція стояла подъ ружьемъ. Все съ несокрушимой рѣшимостью ожидало битвы. Но нападенія и на этотъ разъ не послѣдовало, такъ какъ король потерялъ уже совершенно присутствіе духа. Дворъ доставлялъ этому государю безусловно ложныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ и о событіяхъ въ Парижѣ. Наконецъ, проникъ къ королю герцогъ-де-Ліанкуръ, обергардеробмейстеръ двора и членъ генеральныхъ штатовъ; онъ изобразилъ ему дѣйствительное положеніе дѣлъ и разсказалъ, какъ Парижъ вооружился, какъ народъ взялъ Бастилію и какъ ненадежно полагаться на войско.

«Ахъ», воскликнулъ Людовикъ: «да вѣдь это настоящій бунтъ!»— «Нѣтъ, ваше величество», отвѣтилъ герцогъ де-Ліанкуръ: «*это революція*!».

Маршалъ Броліо хотѣлъ ночью съ 14 на 15 іюля напасть на Парижъ въ семи пунктахъ; послѣ покоренія города хотѣли разогнать національное собраніе, и парламентъ долженъ былъ занести въ регистры финансовые эдикты короля. Хотѣли просто объявить государственное банкротство и выпустить новыя долговыя обязательства.

Этимъ планомъ правительство такъ же мастерски оттѣснило крупную буржуазію на сторону революціи, какъ и мелкую, потому что буржуа всегда несравненно храбрѣе отстаиваетъ свой кошелекъ, чѣмъ общія права человѣка. Но, между тѣмъ какъ Людовикъ XVI двумъ депутаціямъ національнаго собранія наотрѣзъ отказалъ отозвать войска, послѣ сообщенія Ліанкура онъ немедленно велѣлъ имъ отступить. Дворъ былъ побѣжденъ мужествомъ и храбростью парижскаго населенія. Національное собраніе, возбужденное событіями, только что разыгравшимися въ Парижѣ, засѣдало всю ночь съ 14 на 15 іюля. 15 іюля ему было сообщено, что король явится въ собраніе въ сопровожденіи только своихъ двухъ братьевъ. Раздались выраженія одобренія. Но Мирабо, эта могучая натура, подавилъ возвращеніе старой приниженности. Онъ напомнилъ собранію о крови, пролитой въ Парижѣ, рекомендовалъ ему гордую сдержанность и воскликнулъ: «Молчаніе народовъ—это прекрасный урокъ для государей!» Король былъ встрѣченъ мрачнымъ молчаніемъ, что произвело на него большое впечатлѣніе. Онъ обратился теперь къ депутатамъ, какъ къ національному собранію, объявилъ, что онъ стоитъ за одно съ націей и, наконецъ, воскликнулъ трогательнымъ голосомъ: «Хорошо, представители народа моего, я ввѣряю себя вамъ!» Бурное одобреніе было отвѣтомъ на его слова со стороны увлеченнаго собранія. Оно примирилось съ королемъ, который только что хотѣлъ разогнать его силой оружія, котораго лишь страхъ передъ силой парижскаго населенія загналъ въ столь ненавистное ему собраніе. Иногда бываютъ сантиментальны и цѣлыя собранія, не только отдѣльныя личности. Собраніе послало мирную депутацію въ Парижъ, состоявшую изъ Балльи, Лалльи-Толяндаля, Ліанкура и Лафайета. Эта депутація объявила объ отозваніи войскъ, объ увольненіи министерства Бретеля и о возвращеніи Неккера на постъ министра. Народъ встрѣтилъ депутацію съ опьяняющимъ восторгомъ, но когда она сообщила, что король *прощаетъ* французскую гвардію, послышались такія бурныя выраженія недовольства, что ихъ едва удалось утишить: народъ говорилъ, что гвардія не нуждается ни въ какомъ прощеніи. 16 іюля Бастилія была совершенно стерта съ лица земли. Затѣмъ былъ избранъ по новой коммунальной конституціи большой совѣтъ изъ 60 секцій и общинный совѣтъ, состоявшій изъ 30 членовъ, также избранныхъ секціями; знаменитый ученый Балльи былъ избранъ мэромъ города Парижа, а Лафайетъ — комендантомъ національной гвардіи, какъ назвали гражданское ополченіе. Лафайетъ далъ національной гвардіи военную организацію; она носила красно-бѣло-синія кокарды. Эти цвѣта стали съ тѣхъ поръ эмблемой національной свободы.

Король вернулся въ Парижъ; у воротъ города встрѣтилъ его новый мэръ Балльи съ слѣдующими словами: «Государь! подношу

вашему величеству ключи добраго города Парижа. Это тѣ самые ключи, которые нѣкогда были вручены Генриху Четвертому. Онъ тогда вернулъ себѣ свой народъ,—теперь народъ снова вернулъ себѣ своего короля!» Эта рѣчь не понравилась народу; народъ молча, мрачно стоялъ съ оружіемъ въ рукахъ, образуя шпалеры, черезъ которыя долженъ былъ пройти король. Въ ратушѣ король прикрѣпилъ къ своей шляпѣ красно-бѣло-синюю кокарду, что вызвало одобрительныя восклицанія народа. Но видно было, что эта роль очень тяготитъ короля. Въ Парижѣ можно было еще замѣтить судорожныя вспышки утихшаго возстанія. Фулонъ, жестокій и ненавистный народу человѣкъ, бывшій министромъ финансовъ въ министерствѣ Бретеля, былъ арестованъ и привезенъ въ Парижъ. При видѣ его, народъ вспомнилъ всѣ притѣсненія, которыя онъ дѣлалъ ему, вспомнилъ слова, сказанныя имъ голодавшему народу: «чернь должна жрать сѣно!» Онъ былъ вырванъ у прикрытія и повѣшенъ на фонарѣ. Такая же судьба и по тѣмъ же причинамъ постигла и его зятя, Бертье. Неккеръ былъ снова призванъ къ власти; онъ въ третій разъ занялъ постъ министра. Онъ былъ встрѣченъ, какъ тріумфаторъ; народъ даже выпрягъ лошадей изъ его экипажа. Но уже первыя его распоряженія вызвали озлобленіе народа: онъ немедленно объявилъ амнистію Безанвалю и его товарищамъ, затѣвавшимъ государственный переворотъ. Мирабо ожесточенно напалъ на него, и этотъ женевскій банкиръ, не обладавшій ни малѣйшимъ политическимъ талантомъ, скоро совершенно потерялъ расположеніе народа. Онъ палъ такъ низко во мнѣніи народа, что народъ даже не почувствовалъ ненависти къ нему: онъ просто забылъ этого человѣка, имя котораго было одно время самымъ популярнымъ во Франціи.

При такомъ исходѣ дѣлъ все во Франціи исполнилось самыхъ розовыхъ надеждъ. Особенно радовался народъ, заплатившій своей кровью за вновь пріобрѣтенную свободу. Онъ еще не могъ понять вполнѣ свои интересы, онъ не зналъ, что представители третьяго сословія, носители парламентской революціи, были основателями новаго класса, имѣвшаго на мѣсто старыхъ привиллегій лишь ввести новыя. Они приняли изъ рукъ народа революціонную власть и постарались дать общественнымъ отношеніямъ новый порядокъ въ интересахъ развивающейся буржуазіи. Такъ называютъ теперь тотъ имущественный классъ гражданъ, который пріобрѣлъ тогда политическую власть. Народъ долженъ былъ стать пьедесталомъ для новаго буржуазнаго общественнаго строя и попрежнему изнывать подъ бременемъ труда. Теперь еще и не подозрѣвали, что національная гвардія, учрежденная для защиты народа, скоро станетъ защищать новый привиллегированный классъ, скоро обратитъ свое оружіе противъ того самаго народа, который взялъ Бастилію. И такъ всегда дѣлается въ подобныхъ революціяхъ. Едва лишь народъ низвергнетъ старыя привиллегіи,

немедленно же подъ именемъ свободы появляются новыя, которыя приносятъ народу лишь новое рабство.

Побѣда революціи 14 іюля произвела громадное дѣйствіе на всю страну, на всѣ общественныя отношенія.

Старинное дворянство, наконецъ, почувствовало, что настало новое время; началась эмиграція, выселеніе этой касты, которая такимъ образомъ думала спастись отъ грядущей и съ часу на часъ ожидаемой бури. Эмигранты надѣялись съ помощью иностранныхъ державъ возстановить старый порядокъ во Франціи. Графъ д'Артуа, принцъ Конде, принцъ Конти, маркизъ де-Бретель, семейство Полиньякъ, де-Калоннъ и много другихъ членовъ стариннаго дворянства оставили Францію и направились въ Туринъ, гдѣ они и принялись за свои конспираціи противъ новаго порядка вещей во Франціи. Мы скоро увидимъ этихъ заговорщиковъ въ открытой войнѣ противъ ихъ отечества. Все, что осталось при дворѣ, заняло выжидательное положеніе. Король и королева дѣлали видъ, будто они сочувствуютъ собранію съ тайнымъ намѣреніемъ всѣми силами тормозить дѣло. Собраніе спокойно приступило къ исполненію своей задачи, къ выработкѣ для Франціи новой конституціи, соотвѣтствующей потребностямъ времени. Ему бы нужно было выработать полный проектъ конституціи, принять его послѣдовательно, пунктъ за пунктомъ и затѣмъ все принятое объявить основными законами государства. Но собраніе не сдѣлало этого: оно сразу объявило законами цѣлый рядъ предложеній депутатовъ и создавало новыя учрежденія по мѣрѣ того, какъ они становились необходимыми съ устраненіемъ старыхъ злоупотребленій. И такъ какъ для каждаго изъ этихъ рѣшеній оно нуждалось въ соизволеніи короля, то между собраніемъ и королемъ возникъ цѣлый рядъ разнообразныхъ конфликтовъ. Прежде всего хотѣли установить основныя положенія конституціи въ видѣ *деклараціи правъ человѣка*, какъ это было сдѣлано въ Сѣверной Америкѣ. Это предложеніе сдѣлалъ Лафайетъ, у котораго съ тѣхъ поръ какъ онъ принималъ участіе въ войнѣ за независимость, постоянно носился предъ глазами образъ Сѣверной Америки; предложеніе Лафайета было принято. Но между тѣмъ, какъ собраніе обсуждало права человѣка, которыя должны были служить путеводной нитью при выработкѣ конституціи,—вспыхнуло возстаніе въ провинціяхъ, и все пришло въ движеніе.

14 іюля вызвало громадное возбужденіе во всей странѣ, но это возбужденіе проявилось только тогда, когда столица снова уже нѣсколько успокоилась. Всѣ города Франціи ввели у себя муниципальныя учрежденія, образовали общинные совѣты, національную гвардію, устраивая все это по образцу Парижа. Но сельское населеніе

поняло 14-ое іюля и взятіе Бастиліи, какъ сигналъ для освобожденія отъ феодальныхъ тяготъ, сдѣлавшихъ его жизнь совершенно невыносимою. Въ провинціяхъ свирѣпствовалъ голодъ: пагубные порядки и непомѣрные налоги еще больше увеличивали бѣдствія, вызванныя голодомъ. При такомъ печальномъ положеніи сельскаго населенія вѣсть о взятіи Бастиліи была искрой, попавшей въ порохъ. Ко всему этому прибавилось еще одно случайное происшествіе. Нѣкто де-Месмэ, ленный владѣлецъ Кенсэ, устроилъ въ своемъ замкѣ большой праздникъ собственно для своихъ крестьянъ; на этотъ праздникъ сошлось чрезвычайно много народа. Забавлялись, между прочимъ, стрѣльбой, и такъ какъ въ праздничной суматохѣ держали себя очень неосторожно, то взорвало одну бочку пороха. Этотъ взрывъ убилъ нѣсколькихъ крестьянъ, и возбужденное сельское населеніе вообразило, что весь этотъ праздникъ былъ только западней, въ которую господинъ хотѣлъ заманить крестьянъ, чтобы убить ихъ этимъ взрывомъ. Вѣсть объ этомъ происшествіи быстро распространилась по всей странѣ; крестьяне повсюду собирались въ банды и поднимались противъ свѣтскихъ и духовныхъ господъ. Возставшіе крестьяне мстили своимъ угнетателямъ, какъ это могутъ дѣлать лишь люди, лишенные благъ образованія и цивилизаціи. Дворцы и замки дворянъ, монастыри и дворцы духовенства были взяты приступомъ и разрушены. Въ продолженіе цѣлыхъ недѣль небо Франціи было краснымъ отъ ночныхъ пожаровъ, въ которыхъ гибли замки и монастыри. Въ Франшконтэ, послѣ взятія Бастиліи, жгли каждую ночь, по крайней мѣрѣ, одинъ монастырь или замокъ; въ Дофинэ въ теченіе 14 дней было сожжено 240 замковъ. Старинные документы, владѣльческія грамоты бросались въ огонь, и тѣ лица изъ привиллегированныхъ сословій, которыя особенно были ненавистны сельскому населенію, убивались. Много землевладѣльцевъ скиталось по странѣ, ища убѣжища, много ихъ бѣжало за границу: они несли кару за ту безпощадность, съ которой они пользовались своими привиллегіями. Образовались разбойничьи шайки, которыя наводили страхъ на страну и повсюду жгли, грабили и убивали.

Все пришло въ замѣшательство,—и національное собраніе увидѣло, что только быстрымъ принятіемъ соотвѣтствующихъ мѣръ можно помочь горю. Отмѣна феодальныхъ правъ была поставлена на очередь. Начались совѣщанія, и среди обычныхъ парламентскихъ преній дѣло, вѣроятно, пошло бы медленно, если бы въ вечернемъ засѣданіи 4-го августа 1789 г. все собраніе не пришло въ рѣдкое воодушевленіе. Внезапный подъемъ духа въ этомъ ночномъ засѣданіи можно объяснить только вліяніемъ чрезвычайныхъ событій, которыя быстро слѣдовали другъ за другомъ въ это великое время и подняли людей выше будничныхъ, личныхъ интересовъ. Прежде всего виконтъ де-Ноалль произнесъ блестящую рѣчь, въ которой онъ говорилъ, что

теперь дѣло не въ томъ, чтобы усмирить возставшихъ крестьянъ, какъ это обыкновенно дѣлается, силою оружія. Напротивъ, надо возможно скорѣе устранить тѣ несправедливости, которыя принудили крестьянъ къ возстанію. Онъ предложилъ отмѣнить ленныя права и феодальныя тяготы, угнетавшія народъ. Онъ самъ отъ имени своихъ избирателей торжественно отрекся отъ всѣхъ ленныхъ правъ. Его рѣчь вызвала бурныя одобренія собранія. Послѣ Ноалля говорилъ Леганъ-де-Керангаль; онъ набросалъ картину того страшнаго вреда, который причиняла ленная система, и также предложилъ отмѣну ея. Опьяняющее воодушевленіе овладѣло собраніемъ; члены его соперничали другъ съ другомъ въ самоотверженности, съ которой они отказывались отъ своихъ привиллегій, и, такимъ образомъ, еще до полуночи всѣ старыя привиллегіи были уничтожены. Дворянство отказалось отъ своихъ ленныхъ правъ, духовенство—отъ десятины, города—отъ цеховъ. Такимъ образомъ, среди бурныхъ одобреній были положены основы гражданскаго равенства. Въ эту достопамятную ночь были уничтожены: крѣпостное право, патримоніальные суды, право охоты на чужой землѣ, свобода отъ налоговъ дворянства и духовенства, продажа должностей, городскія и провинціальныя привиллегіи и цеховыя стѣсненія. Кромѣ того, была введена отчуждаемость земли и десятинъ, всѣмъ гражданамъ было дано одинаковое право на занятіе гражданскихъ и военныхъ должностей и уничтожены всѣ незаконно назначенныя пенсіи.

Въ память этой ночи была выбита медаль, и Лалльи-Толяндаль предложилъ дать королю почетный титулъ «возстановителя французской свободы». Людовикъ XVI принялъ титулъ и даже участвовалъ въ церковномъ празднествѣ, устроенномъ въ ознаменованіе этого событія,—точно лишь затѣмъ, чтобы впослѣдствіи отказать въ утвержденіи рѣшеній 4 августа. Эта легальная революція, совершившаяся парламентскимъ путемъ, была большимъ шагомъ впередъ. Она уничтожила многія привиллегіи, хотя далеко не всѣ. И если она способствовала появленію новыхъ привиллегій, то полное уничтоженіе феодализма провело рѣзкую границу между старой и новой Франціей. Съ этого года во всей цивилизованной Европѣ феодализмъ уже лишь едва держался. Современное буржуазное общество явилось на смѣну ему.

До 4 августа члены національнаго собранія были единодушны, споры возникали только между сословіями, но сила событій заставила ихъ умолкнуть. Теперь же выступилъ вопросъ о конституціи, и при обсужденіи основъ конституціи и новой организаціи государственной власти національное собраніе обязательно должно было раздѣлиться

на партіи. Сторонники стараго порядка должны были отдѣлиться отъ новаторовъ.

Неккеръ готовъ былъ еще отложить обсужденіе конституціи, потому что его угнетали финансовыя затрудненія: ему нужны были деньги, много денегъ. Государственный кредитъ былъ исчерпанъ; двѣ попытки займовъ не удались. Неккеръ предложилъ собранію проектъ подоходнаго налога. Но Мирабо и его сторонники не хотѣли, съ одной стороны, терять время и, съ другой,—брать на себя отвѣтственность за такой рѣшительный шагъ. Поэтому Мирабо предложилъ принять новый налогъ въ формѣ выраженія довѣрія правительству. Этимъ онъ хотѣлъ взвалить отвѣтственность за новый налогъ на министра. Собраніе затруднялось принять предложеніе Мирабо. Тогда онъ поднялся и произнесъ одну изъ самыхъ блестящихъ своихъ рѣчей: онъ настолько увлекъ собраніе, что оно немедленно приняло его предложеніе. Онъ задѣлъ самую чувствительную струнку собранія, указавъ на грозящее государственное банкротство, и сказалъ: «Самое позорное банкротство грозитъ поглотить васъ, вашу собственность, вашу честь,—и вы еще колеблетесь?!». Неккеръ получилъ налогъ, и собраніе снова принялось за прерванное возстаніями въ провинціи обсужденіе правъ человѣка. Декларація правъ должна была предшествовать конституціи; она представляла собой прекрасное и ясное изложеніе естественныхъ и гражданскихъ правъ человѣка. „Права человѣка“ выражали собой духъ всѣхъ новыхъ демократическихъ идей и торжественно противопоставляли его предразсудкамъ прожитой эпохи. Здѣсь открыто было указано на верховенство народа, на равенство правъ всѣхъ людей—и привиллегіи отброшены въ мракъ среднихъ вѣковъ. Свобода была опредѣлена такъ, что человѣкъ можетъ дѣлать все, что только не нарушаетъ правъ его ближнихъ. Здѣсь было высказано, что цѣлью человѣческаго общества должно быть счастье всѣхъ и декретировано *право на существованіе*.

Мы позволимъ себѣ привести здѣсь цѣликомъ этотъ знаменитый документъ. Національное собраніе признало, какъ говорится въ этомъ декретѣ, слѣдующія права человѣка и гражданина и установило ихъ «предъ очами Всевышняго»:

«I. Люди родятся свободными и равноправными и остаются такими на всю жизнь. Различія между ними въ общественномъ отношеніи могутъ имѣть свое основаніе только въ общемъ благосостояніи.

II. Цѣль всякаго гражданскаго союза состоитъ въ сохраненіи естественныхъ и никогда не теряющихъ своего значенія правъ человѣка. Эти права суть: *свобода, собственность, безопасность и сопротивленіе насилію.*

III. Первоначальный источникъ всякой верховной власти, по самой ея сущности, есть нація. Ни одна корпорація, ни одинъ част-

ный человѣкъ не могутъ имѣть никакого вліянія, если онъ не происходитъ отъ нея.

IV. Свобода состоитъ въ томъ, что *каждый можетъ дѣлать все, что только не вредитъ никому другому*; такимъ образомъ, пользованіе естественными правами каждаго человѣка можетъ быть стѣснено лишь тѣми ограниченіями, которыя обезпечиваютъ остальнымъ членамъ общества пользованіе ихъ естественными правами. Эти ограниченія могутъ быть опредѣлены только закономъ.

V. Законъ въ правѣ воспретить только тѣ поступки, которые вредны обществу. Никто не можетъ дѣлать какихъ бы то ни было препятствій тому, что закономъ не воспрещено, или принуждать кого бы то ни было дѣлать то, чего законъ не предписываетъ.

VI. Законъ есть выраженіе общей воли. Всѣ граждане имѣютъ право принимать участіе въ выработкѣ его лично или посредствомъ своихъ уполномоченныхъ. Какъ охраняющіе, такъ и карающіе законы должны быть одинаковы для всѣхъ. Такъ какъ въ глазахъ закона всѣ граждане равны, то всѣ они должны пользоваться въ одинаковой степени доступомъ ко всѣмъ общественнымъ чинамъ, мѣстамъ и должностямъ—безъ всякихъ различій, кромѣ тѣхъ, которыя устанавливаютъ между ними добродѣтель и таланты.

VII. Никто не можетъ быть обвиненъ, задержанъ или взятъ подъ стражу, кромѣ тѣхъ случаевъ, которые опредѣлены закономъ и съ соблюденіемъ закономъ же опредѣленныхъ формъ. Всякій, кто добивается произвольныхъ распоряженій, даетъ ихъ, исполняетъ или позволяетъ исполнять, долженъ понести наказаніе; но всякій гражданинъ, которому будетъ предъявлено какое-либо требованіе на основаніи закона, или который на основаніи закона же будетъ задержанъ,—немедленно долженъ повиноваться: всякое противодѣйствіе въ этомъ случаѣ наказуемо.

VIII. Законъ не можетъ налагать никакихъ иныхъ наказаній, кромѣ тѣхъ, которыя очевидны и въ самомъ строгомъ смыслѣ необходимы. Никто не можетъ быть наказанъ иначе, какъ на основаніи закона, даннаго и обнародованнаго раньше соотвѣтствующаго преступленія и притомъ съ самымъ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ его точныхъ требованій.

IX. Такъ какъ каждый долженъ считаться невиновнымъ до тѣхъ поръ, пока его виновность не доказана, то если окажется неизбѣжнымъ взять кого-либо подъ стражу, — закономъ должны быть строжайшимъ образомъ воспрещены всѣ стѣсненія, не необходимыя для его задержанія.

X. Никто не долженъ терпѣть какихъ бы то ни было безпокойствъ изъ-за своихъ мнѣній, включая сюда и мнѣнія религіозныя, если только ихъ обнародованіе не нарушаетъ порядка, установленнаго закономъ.

XI. Свободный обмѣнъ мыслей и мнѣній есть одно изъ драгоцѣннѣйшихъ правъ человѣка; поэтому каждый гражданинъ можетъ свободно говорить, писать, печатать, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что—въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ — онъ отвѣтственъ за злоупотребленіе этой свободой.

XII. Огражденіе правъ человѣка и гражданина дѣлаетъ необходимой общественную власть. Такимъ образомъ, эта власть учреждена для блага всѣхъ, а не для частной пользы тѣхъ, кому она ввѣрена.

XIII. Для содержанія общественной власти и для расходовъ по управленію взносы въ общественную казну необходимы. Они должны быть распредѣлены между всѣми гражданами соотвѣтственно ихъ состоянію.

XIV. Всѣ граждане имѣютъ право непосредственно или посредствомъ своихъ уполномоченныхъ опредѣлять необходимость общественныхъ взносовъ, свободно утверждать ихъ, надзирать за ихъ расходованіемъ, а также опредѣлять часть, которая приходится на долю каждаго, распредѣленіе и способы собиранія ихъ и установлять ихъ продолжительность.

XV. Общество имѣетъ право требовать отъ всякаго общественнаго агента отчета въ его дѣйствіяхъ.

XVI. Всякое общество, въ которомъ права не обезпечены и не установлено раздѣленіе полномочій, лишено прочныхъ установленій.

XVII. Такъ какъ собственность есть неприкосновенное и священное право, то никто не можетъ быть лишенъ ея, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда этого явно требуютъ общественныя и надлежащимъ образомъ взвѣшенныя нужды, и то лишь подъ условіемъ точнаго, заранѣе опредѣленнаго вознагражденія».

Опредѣленіе относительно права на существованіе, можетъ быть, самое важное для большей части народа, было включено въ одинъ изъ первыхъ пунктовъ конституціи, гдѣ говорилось: «Должно быть создано учрежденіе общественной помощи для воспитанія дѣтей, оставленныхъ родителями, для поддержки рабочихъ, неспособныхъ къ труду и для того, чтобы доставлять работу тѣмъ здоровымъ рабочимъ, которые сами не могутъ достать ее». Въ этихъ словахъ мы видимъ признаніе «права на трудъ». Но тѣмъ не менѣе «учрежденіе общественной помощи» создано не было, если мы не станемъ называть этимъ именемъ національныхъ мастерскихъ, дававшихъ ничтожную поддержку рабочимъ. Затѣмъ собраніе думало, что этими утѣшительными словами оно сдѣлало для рабочихъ уже достаточно для того, чтобы имѣть право отвергать всѣ ихъ дальнѣйшія требованія. Мы видимъ, что парламентскіе революціонеры 1789 года не въ состояніи были понять идею новой организаціи труда. Они взглянули на это дѣло, какъ на вопросъ о вспомоществованіяхъ.

Декларація правъ человѣка съ ея прекрасными принципами каза-

лась французамъ утренней зарей новаго времени. Просвѣщенные умы другихъ націй завидовали имъ въ этихъ правахъ, и они сами вѣрили своему счастью. Но когда дѣло дошло до практическаго примѣненія этихъ очаровательныхъ теорій, народъ увидѣлъ, что счастье гораздо дальше отъ него, чѣмъ это казалось ему въ первые дни увлеченія свободой.

Теперь приступили къ обсужденію конституціи; прежде всего предстояло рѣшить важнѣйшіе вопросы: располагать ли королю правомъ вето, т.-е. правомъ объявлять рѣшенія, принятыя собраніемъ, недѣйствительными, и должно ли будущее народное представительство состоять изъ одной или изъ двухъ палатъ? Тутъ-то и выяснились партіи, которыя раньше въ собраніи были совершенно незамѣтны. Первая изъ нихъ, враждебно относившаяся ко всякимъ нововведеніямъ, хотѣла посредствомъ парламентаризма снова вернуть все, что ея сторонники потеряли въ бурное время революціи. Это была партія старыхъ привиллегированныхъ сторонниковъ *абсолютной монархіи*, которые допускали лишь нѣкоторые реформы. Казалесъ, бывшій раньше офицеромъ, и аббатъ Мори были вождями этой партіи. Ближе всего къ ней стояла *аристократическо-конституціонная* партія: идеаломъ ея былъ англійскій конституціонализмъ. Она примкнула къ Неккеру, но его уже павшее величіе не могло придать этой партіи того значенія, на которое она разсчитывала. Вождями ея были: Мунье, Лалльи Толяндаль и Клермонъ-Тоннеръ. Третьей и самой многочисленной была *либеральная* или *демократически-конституціонная* партія, которая собственно и была носительницей парламентской революціи. Въ ней, кромѣ представителей третьяго сословія, находились и либеральные члены дворянства и духовенства. Мирабо былъ главой и руководителемъ этой партіи; кромѣ Мирабо, среди выдающихся членовъ ея были: изобрѣтатель новой политической системы Сійесъ, Лафайетъ, «шпага либерализма», и мэръ Балльи. Демократическо-конституціонная партія хотѣла передать законодательную власть народу, но вмѣстѣ съ тѣмъ она хотѣла также оставить часть этой власти и за короной. Этого послѣдняго не хотѣла *демократическая* партія; она была теперь довольно слаба; въ рядахъ ея находились: Барнавъ, братья Ламетъ и другіе Взаимныя отношенія этихъ партій другъ къ другу впослѣдствіи, какъ мы дальше увидимъ, значительно измѣнились. Для партіи Мори и Казалеса вопросы относительно вето, одной или двухъ палатъ совершенно не существовали, она хотѣла видѣть въ народномъ представительствѣ корпорацію, имѣющую лишь совѣщательный голосъ. Сторонники аристократическо-конституціонной партіи добивались абсолютнаго вето для короля и двухъ палатъ: аристократической и народной. Мирабо и его сторонники хотѣли одной только палаты и вето, лишь въ смыслѣ права отсрочки постано-

вленій собранія. Наконецъ, демократическая партія добивалась одной палаты и не хотѣла никакого вето.

Неудивительно, что демократическая партія не могла провести своихъ требованій, которыя оставляли за монархіей лишь тѣнь власти: въ 1789 г. никто еще и не думалъ о республикѣ,—не думалъ о ней даже и Маратъ. Мирабо и его сторонники вышли побѣдителями изъ этой борьбы за преобразованіе государственной власти. 12 сентября было рѣшено, что народное представительство будетъ состоять изъ одной палаты, которая должна обновляться посредствомъ выборовъ черезъ каждые два года; дѣятельность палаты никогда не пріостанавливается, и король не можетъ ее распустить. Такое рѣшеніе этого вопроса было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всѣхъ предшествовавшихъ событій. За королемъ было оставлено на четыре года право вето—въ смыслѣ отсрочки. Такимъ образомъ, неограниченная королевская власть была превращена въ конституціонную монархію, которая съ теченіемъ времени должна была всецѣло подпасть подъ вліяніе народнаго представительства.

Но Мирабо и его сторонники забыли или нарочно не обратили вниманія на то, чтобы добиться постановленія, что рѣшенія національнаго собранія должны имѣть силу закона, не нуждаясь для этого въ утвержденіи короля. Поэтому король отказалъ въ санкціи рѣшеній 4 августа, несмотря на то, что онъ принялъ отъ собранія слишкомъ преувеличивающій его значеніе титулъ «возстановителя французской свободы». Впослѣдствіи онъ былъ вынужденъ утвердить рѣшенія 4 августа, но теперь возникъ новый вопросъ,—вопросъ объ одной палатѣ народнаго представительства и объ отсрочивающемъ вето. Дворъ видѣлъ, что если эти рѣшенія собранія будутъ приняты,—королевская власть будетъ навсегда ослаблена, и королева вмѣстѣ съ графомъ Прованскимъ снова стали подумывать о государственномъ переворотѣ. Взятіе Бастиліи было пораженіемъ двора, но оно отнюдь не послужило для него урокомъ. Иначе — при дворѣ бы сразу увидѣли, что то, что не было достигнуто 23 іюня и 14 іюля, теперь стало еще менѣе достижимымъ. Франція успѣла за это время вооружиться; повсюду была введена національная гвардія. По парижской національной гвардіи—даже совершенно игнорируя народныя массы — можно было заранѣе предвидѣть, что она будетъ съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать рѣшенія національнаго собранія. Но злоба совершенно помрачила разсудокъ придворной партіи. По соглашенію съ губернаторомъ Лотарингіи Буллье, который вмѣстѣ со своимъ войскомъ былъ очень преданъ двору, рѣшено было перевезти короля въ Мецъ. Отсюда король долженъ былъ затѣмъ двинуться на Парижъ, распустить національное собраніе и подавить революціонные элементы столицы.

Въ то же самое время,—можетъ быть, потому, что планы двора были извѣстны или ихъ предчувствовали,—въ Версали возникъ планъ

перевезти короля въ Парижъ. Мысль—передать короля въ руки парижскаго населенія и этимъ создать гарантію отъ все повторяющихся затѣй государственнаго переворота—подалъ Мирабо. Говорятъ, герцогъ Орлеанскій потратилъ много денегъ, чтобы провести эту мысль въ народныя массы. Какъ бы то ни было, парижскій народъ готовъ былъ заранѣе нанести ударъ двору и тѣмъ защитить собраніе и самого себя отъ затѣваемаго государственнаго переворота.

Парижскій народъ былъ въ безпрестанномъ волненіи. Дебаты національнаго собранія возбуждали его, но еще больше возбуждалъ его голодъ, свирѣпствовавшій въ это время. Въ столицѣ чувствовался большой недостатокъ въ хлѣбѣ. Среди рабочихъ уже началось движеніе въ интересахъ ихъ класса. Подмастерья-портные, парикмахеры и даже прислуга—устраивали свои клубы, гдѣ они правильно собирались и обсуждали какъ общіе политическіе вопросы, такъ и свои дѣла и свое положеніе. Женщины-работницы также пришли въ движеніе. Торговки рыбой и зеленью скоро стали уже обращаться съ петиціями къ избирателямъ третьяго сословія. Въ это время часто приходится наталкиваться на требованіе полнаго уравненія правъ женщинъ съ правами мужчинъ; выставлялось даже требованіе избирательныхъ правъ для женщинъ. Теперь особенное вниманіе обратила на себя красивая Теруань-де-Мерикуръ изъ Лютиха, знаменитая амазонка революціи. Роялистическіе журналы отзывались о ней, какъ о куртизанкѣ, но, очевидно, она вовсе не была куртизанкой. Она являлась вооруженной и обращалась къ народу съ пламенными рѣчами, для чего она обыкновенно усаживалась въ живописной позѣ на пушкѣ.

Народъ изломалъ въ Пале-Роялѣ рѣшетку и вообще былъ настолько неспокоенъ, что національная гвардія выставила противъ него пушки. Но это не дало голодавшему народу хлѣба, и онъ приходилъ все въ большее и большее возбужденіе. Къ озлобленію народа, вызванному отказомъ короля утвердить права человѣка, теперь еще прибавилась вѣсть о дорогомъ празднествѣ, которое офицеры королевской лейбъ-гвардіи устроили офицерамъ фландрскаго полка. Этотъ полкъ былъ приведенъ въ Версаль, чтобы сопровождать короля въ Мецъ. На пиршество явились король и королева; офицеры, подъ вліяніемъ вина и обычной въ подобныхъ случаяхъ несдержанности, воспользовались этимъ обстоятельствомъ для роялистической манифестаціи: они набрасывались съ обнаженными шпагами на ложи, точно это были мѣста, гдѣ засѣдали члены національнаго собранія; прикалывали себѣ бѣлыя кокарды и топтали ногами бѣло-красно-синія. Черезъ два дня снова было устроено такое же празднество, и королева открыто выразила свое величайшее удовольствіе по поводу этихъ манифестацій.

Если эти роскошныя пиршества могли возмутить народъ, измученный голодомъ, то бѣлыя кокарды довели возмущеніе его до взрыва. Уже 3 и 4 октября происходили на улицахъ бурныя собранія народа, но они были разсѣяны національной гвардіей, которая уже теперь проявила свой истинный характеръ. 5 октября возмутились парижскія женщины. Это движеніе тайно и очень ловко раздували изъ Версаля. Утромъ 5 октября парижскія женщины не могли достать хлѣба, такъ какъ въ городѣ не было муки; онѣ толпами собирались на улицахъ, и разогнать ихъ было невозможно. Одна молодая дѣвушка взяла изъ караульной барабанъ и пошла съ барабаннымъ боемъ по улицамъ города крича: «хлѣба; хлѣба!» За энергичной барабанщицей собралась громадная толпа женщинъ и направилась къ городской ратушѣ. Здѣсь женщины требовали хлѣба и оружія. Скоро между ними появились и болѣе рѣшительные мужчины, очевидно, находившіеся въ соглашеніи съ національнымъ собраніемъ; особенно выдавался бывшій huissier Малльяръ, выдвинувшійся во время взятія Бастиліи и имѣвшій выполнить страшную роль въ сентябрьскіе дни 1792 г. Раздались крики: «въ Версаль!», и Мальяръ сталъ во главѣ женщинъ, чтобы вести ихъ въ Версаль. Послышался набатъ, и женщины вооружились оружіемъ, найденнымъ ими въ ратушѣ. Одинъ батальонъ національной гвардіи двинулся-было на женщинъ, но онѣ прогнали его градомъ камней. Много мужчинъ примкнуло къ этимъ женщинамъ, упрекавшимъ ихъ въ томъ, что они не умѣютъ обдѣлать дѣло надлежащимъ образомъ. Когда женщины, подъ предводительствомъ Малльяра, ушли въ Версаль, толпы мужчинъ съ оружіемъ въ рукахъ устремились туда же; ими предводительствовалъ мясникъ громаднаго роста, Журданъ, прозванный «головорѣзомъ» (coupe-tête), грубая жестокость котораго такъ часто компромметировала дѣло народа. Французская гвардія, извѣстная своей преданностью народнымъ интересамъ, также приняла участіе въ этомъ шествіи.

Теперь заволновалась и національная гвардія: она также потребовала у своего командира, Лафайета, чтобы онъ велъ ее въ Версаль. «Герой стараго и новаго свѣта», какъ съ большимъ преувеличеніемъ называли этого маркиза, совершенно не зналъ, что ему дѣлать. Этотъ Лафайетъ былъ человѣкъ самаго заурядняго ума и никогда не могъ понять духа и требованій своего времени. Во время монархіи онъ былъ республиканцемъ, во время республики—монархистомъ. Онъ хотѣлъ конституціоннаго королевства и суверенитета третьяго сословія, причемъ онъ совершенно не понималъ, что во времена революціонныхъ движеній изъ столкновеній между этими двумя факторами возникаютъ непоправимые конфликты. Въ національной гвардіи онъ видѣлъ только средство для подавленія народныхъ волненій. Тѣмъ не менѣе онъ въ продолженіе долгаго времени былъ очень популяренъ, и народъ каждый разъ привѣтствовалъ его восторженными криками,

лишь только онъ появлялся на своемъ бѣломъ конѣ во главѣ батальоновъ національной гвардіи. Мужество этого человѣка было такъ же велико, какъ и его ограниченность.

Семь часовъ сопротивлялся Лафайетъ настояніямъ вести національную гвардію въ Версаль. Но національная гвардія хотѣла во что бы то ни стало оказать поддержку партіи Мирабо и ея плану переселить короля въ Парижъ; очевидно, агенты Мирабо и принца Орлеанскаго совершенно расположили ее въ свою пользу. Фразистыя увѣщанія Лафайета оставить эту затѣю не достигли никакихъ результатовъ, потому что гвардія также была сильно заинтересована въ томъ, чтобы не допустить государственнаго переворота. «Генералъ,—сказалъ ему одинъ гвардеецъ: — вы насъ не обманете. Мы не хотимъ поднимать оружіе противъ женщинъ,—мы хотимъ, чтобы король поселился среди насъ, *чтобы мы были застрахованы отъ его намѣреній!*». Теперь, наконецъ, «герой стараго и новаго свѣта» понялъ, въ чемъ дѣло, и отправился со своими батальонами въ Версаль. Онъ, однако, не обошелся безъ того, чтобы получить отъ общиннаго совѣта удостовѣреніе, будто онъ отправляется туда для охраны «спокойствія и порядка». Такимъ образомъ, Парижъ двинулся въ Версаль.

Мальяръ ловко взялся за свое дѣло. На Елисейскихъ поляхъ онъ велѣлъ приведеннымъ имъ женщинамъ сложить оружіе, чтобы не испугать національное собраніе. Далѣе, онъ велѣлъ задерживать всѣхъ курьеровъ, отправлявшихся изъ Парижа въ Версаль, чтобы придти въ Версаль совершенно неожиданно. Національное собраніе, озлобленное противъ двора за манифестацію офицеровъ, какъ разъ въ это время обсуждало средства, которыми можно было бы добиться отъ двора утвержденія декларацій правъ, между тѣмъ какъ при дворѣ уже дѣлались приготовленія къ отъѣзду короля въ Мецъ. Въ это время у рѣшетки собранія является Мальяръ съ депутаціей женщинъ и требуетъ хлѣба и согласія національнаго собранія, чтобы президентъ Мунье повелъ депутацію женщинъ къ королю. Собраніе, изумленное тѣмъ, что во главѣ возстанія стояли женщины, приняло оба эти требованія. Мунье отправился съ депутаціей къ королю. Король обѣщалъ все, чего отъ него требовали; женщины въ его присутствіи были далеко не такъ развязны, какъ на улицѣ, и ихъ ораторша, одна молодая дѣвушка, едва ли произнесла больше одного слова: «хлѣба!». Король обѣщалъ также принять мѣры противъ голода и обнялъ ораторшу; тронутая этимъ, депутація ушла. Но все это не понравилось женщинамъ, ожидавшимъ во дворѣ; здѣсь возникла суматоха, въ которую вмѣшалась королевская лейбъ-гвардія. Версальская національная гвардія приняла сторону женщинъ; были уже и раненые. Лейбъ-гвардія держала себя такъ грубо, что къ тому времени, какъ прибылъ Журданъ, во дворѣ замка было уже настоящее побоище. Два лейбъ-гвардейца были убиты, и головы ихъ были воткнуты на пики

до такого озлобленія довела толпу лейбъ-гвардія своимъ поведеніемъ. Поздно вечеромъ явился Лафайетъ съ національной гвардіей и раздѣлилъ борющіяся стороны, чему много помогъ и начавшійся сильный ливень. Лейбъ-гвардія заняла внутреннія помѣщенія двора, національная гвардія—внѣшнія. Казалось, что все уже улеглось.

Но на слѣдующій день въ 5 часовъ утра народъ ворвался черезъ рѣшетчатыя ворота, остававшіяся открытыми, въ замокъ съ цѣлью овладѣть королемъ. Толпа проникла почти до самыхъ королевскихъ комнатъ, и королева, не одѣтая, съ босыми ногами, едва успѣла убѣжать въ помѣщеніе своего мужа. Снова было убито нѣсколько ненавистныхъ народу лейбъ-гвардейцевъ. Лафайетъ поспѣшилъ въ замокъ, и его популярность у народа была такъ велика, что ему удалось, хотя и съ опасностью собственной жизни, остановить кровопролитіе. Но безчисленная масса народа, собравшаяся вокругъ замка, грозно требовала, чтобы король переселился въ Парижъ. Лафайетъ увидѣлъ, что его популярность окончательно погибнетъ, если онъ будетъ противодѣйствовать этому требованію. Поэтому онъ посовѣтовалъ королю уступить и позволить увезти себя въ Парижъ, на что король послѣ нѣкотораго колебанія, въ виду грозной народной толпы, наконецъ, рѣшился. Лафайетъ рискнулъ теперь всей своей популярностью, чтобы нѣсколько успокоить народъ, и убѣдилъ короля и королеву выйти на балконъ вмѣстѣ съ однимъ лейбъ-гвардейцемъ. Здѣсь Лафайетъ поцѣловалъ руку королевы, встрѣченной озлобленными криками народа, прикололъ лейбъ-гвардейцу бѣло-красно-синюю кокарду, — этой комедіи было достаточно, чтобы успокоить массу. Такимъ образомъ, главная цѣль народнаго движенія была достигнута; королевское семейство отправилось въ сопровожденіи національной гвардіи въ Парижъ. Необозримыя массы народа сопровождали это шествіе; однако сообщеніе, которое такъ часто повторяютъ, будто за королемъ несли въ Парижъ головы убитыхъ лейбъ-гвардейцевъ, оспаривается самымъ рѣшительнымъ образомъ. Изголодавшіеся парижане, которые могли достать въ Версали лишь крайне незначительное количество съѣстныхъ припасовъ, часто останавливались по дорогѣ, такъ что шествіе достигло Парижа лишь поздно вечеромъ. Короля, состоявшаго теперь уже подъ надзоромъ парижскаго народа, встрѣтилъ у городской ратуши президентъ Балльи лицемѣрной и льстивой рѣчью; король принужденно отвѣтилъ ему: «Съ удовольствіемъ и полнымъ довѣріемъ я остаюсь среди моего парижскаго народа». Королевское семейство поселилось теперь въ королевскомъ дворцѣ Тюльери, стоявшемъ пустымъ до того времени. Охрана Тюльери была возложена на Лафайета и его національную гвардію. 19 октября національное собраніе, объявившее себя неотдѣлимымъ отъ особы короля, также переселилось въ Парижъ. Оно стало теперь подъ непосредственную

охрану парижскаго народа, который, съ парижскими женщинами во главѣ, снова разстроилъ планы государственнаго переворота.

Вопросъ о томъ, насколько это народное движеніе было самостоятельнымъ и насколько оно обусловливалось вліяніемъ Мирабо и принца Орлеанскаго, не имѣетъ особеннаго значенія. Оно достигло своей цѣли—поселить въ Парижѣ королевское семейство въ видѣ заложниковъ, обезпечивающихъ народъ отъ дальнѣйшихъ плановъ государственнаго переворота. Конечно, голода это нисколько не устранило, на что надѣялись наивные люди: онъ все также продолжалъ мучить парижское населеніе и держать его въ сильномъ возбужденіи.

Съ переселеніемъ собранія въ Парижъ здѣсь началась совершенно новая кипучая политическая жизнь. Партіи рѣзче опредѣлились. Парламентскія фракціи подъ давленіемъ событій измѣнились. Аристократическо-конституціонная партія, предводительствуемая Мунье и Лалльи-Толендалемъ, была очень возмущена событіями 5 и 6 октября, обезопасившими собраніе отъ государственныхъ переворотовъ на будущее время. Оба ея вождя сложили свои полномочія, въ виду того, что дѣла шли не такъ, какъ они разсчитывали. Теперь образовалась большая *абсолютно-монархическая* партія, которая заняла мѣста справа отъ президента и поэтому была названа правой. Въ центрѣ сидѣла *демократическо-конституціонная* партія съ Сійесомъ и Мирабо во главѣ и, наконецъ, слѣва отъ президента помѣстилась партія *абсолютно-демократическая*. Вождями этой послѣдней были пока Барнавъ, братья Ламетъ и Дюпоръ. Но эти вожди абсолютно-демократической партіи скоро перешли вмѣстѣ со своими личными приверженцами къ партіи демократическо-конституціонной и собственно демократическая лѣвая стала такъ слаба, что Мирабо однажды иронически требовалъ *«спокойствія для тридцати голосовъ!»*. Эта партія занимала самыя высокія мѣста на лѣвой сторонѣ, поэтому ее назвали горой — Montagne и ея членовъ — людьми горы, монтаньярами. Среди ея членовъ были люди будущаго, какъ Петіонъ и Робеспьеръ.

Населеніе примыкало къ этимъ партіямъ сообразно со своими нуждами и интересами. Привиллегированные естественно видѣли своихъ представителей въ членахъ правой; центръ опирался на всю буржуазію и сельское населеніе; это была самая сильная партія, она совершенно господствовала въ національномъ собраніи. Демократическая же лѣвая искала точки опоры и нашла ее въ массѣ неимущихъ гражданъ и рабочихъ парижскихъ предмѣстій.

Такимъ образомъ, возникала собственно политическая жизнь, и теперь выступила во всей силѣ борьба партій. Депутаты хотѣли быть въ сношеніяхъ со своими сторонниками и внѣ собранія и стали съ

этой цѣлью основывать клубы, гдѣ они подготовлялись къ своей дѣятельности въ собраніи. Сперва, еще въ Версалѣ, основали для себя клубъ депутаты изъ Бретани, къ которому послѣ перенесенія собранія въ Парижъ присоединилось также много другихъ депутатовъ. Члены этого клуба называли себя сторонниками конституціи, а позже—сторонниками революціи. Этотъ клубъ былъ чрезвычайно популяренъ и силенъ, такъ какъ скоро онъ сталъ принимать въ свою среду не только депутатовъ, но и всѣхъ вообще гражданъ. Онъ устраивалъ свои собранія въ залѣ доминиканскаго монастыря св. Іакова, поэтому его стали называть просто *клубомъ якобинцевъ*; подъ этимъ именемъ онъ и занялъ мѣсто въ исторіи. У него скоро появились филіальныя отдѣленія во всѣхъ городахъ; такимъ образомъ, онъ сталъ чрезвычайно сильной организаціей, которая покрыла собой всю Францію. Она влекла за собой французскій народъ все дальше и дальше въ бурю революціонной борьбы и вдохновила его страстнымъ, пламеннымъ желаніемъ свободы. Этотъ всесильный клубъ съ теченіемъ времени измѣнялъ свою политическую физіономію. Въ началѣ къ нему принадлежали всѣ вожди демократическо-конституціонной партіи: среди якобинцевъ можно было видѣть Мирабо, Лафайета, Балльи, Сійеса. Но впослѣдствіи, когда воззрѣнія клуба становились все болѣе и болѣе демократическими, демократы-конституціоналисты вышли изъ него и предоставили клубъ якобинцевъ демократіи въ собственномъ смыслѣ слова, вслѣдствіе чего эта послѣдняя, какъ ни слаба она была въ собраніи, пріобрѣла громадное вліяніе на народъ. Жирондисты, Робеспьеръ, Маратъ послѣдовательно другъ за другомъ господствовали въ клубѣ якобинцевъ въ теченіе дальнѣйшаго хода революціи, и Робеспьеръ имѣлъ даже здѣсь свою ораторскую трибуну, гдѣ онъ ежедневно говорилъ, приготовляясь къ своей роли. Мирабо и его сторонники образовали *клубъ 1789 года*, который, впрочемъ, не имѣлъ особеннаго вліянія на массы. Сторонники абсолютной монархіи собирались въ монархическомъ или „безпристрастномъ“ клубѣ; этотъ клубъ не могъ добиться рѣшительно никакого значенія. Съ другой стороны, нѣкоторые изъ демократовъ не могли столковаться въ клубѣ якобинцевъ съ братьями Ламетъ, Барнавомъ и Дюпоромъ, такъ какъ эти послѣдніе слишкомъ строго придерживались идей конституціонализма. Камиллъ Демуленъ, ораторъ 22 іюля въ Пале-Роялѣ, Дантонъ, одинъ изъ самыхъ любимыхъ народомъ ораторовъ, и Маратъ, редакторъ журнала «Другъ Народа» основали поэтому особый клубъ кордельеровъ, названный такъ по мѣсту, въ которомъ онъ устраивалъ свои собранія—монастырю францисканцевъ или босоногихъ — cordeliers. Всѣ кордельеры принадлежали также къ якобинцамъ—по крайней мѣрѣ, въ началѣ.

Не меньшее вліяніе на политическую жизнь, чѣмъ клубы, оказывала пресса, которая пріобрѣла теперь громадное, небывалое раньше,

значеніе. До революціи существовало лишь незначительное число періодическихъ изданій,—теперь Парижъ и вся Франція были наводнены ими. Всѣ выдающіеся вожди партій имѣли свои собственные органы печати, но эти органы выходили лишь въ незначительномъ числѣ экземпляровъ. Привиллегированные и дворъ могли защищать свои интересы лишь въ мало распространенныхъ и мало читаемыхъ изданіяхъ. Демократическія же народныя изданія очень скоро пріобрѣли громадное вліяніе въ Парижѣ. Таковы были: «Парижскія Революціи»—журналъ, выходившій въ 20,000 экземплярахъ, издаваемый молодымъ и талантливымъ журналистомъ Лустало (Loustalot), умершимъ слишкомъ рано для своего дѣла; «Революціи Фландріи и Брабанта», издаваемыя остроумнымъ, даровитымъ и пылкимъ Камилломъ Демуленомъ, первымъ журналистомъ своего времени; «Père Duchesne» Гебера и, наконецъ, «Другъ Народа» Марата. Всѣ они самымъ жестокимъ образомъ нападали на дворъ и привиллегированныхъ, но дальше всѣхъ шелъ Маратъ; онъ нападалъ также и на національное собраніе—и, главнымъ образомъ, на Лафайета. Преслѣдуемый безпрестанно властями, Маратъ долженъ былъ работать надъ своимъ журналомъ въ погребахъ и потаенныхъ подвалахъ.

Подъ вліяніемъ демократическихъ клубовъ и демократической печати народъ въ своихъ воззрѣніяхъ и стремленіяхъ пошелъ гораздо дальше національнаго собранія, которое, какъ мы скоро увидимъ, старалось приспособить новую конституцію къ интересамъ крупной и мелкой буржуазіи. Громадная масса народа, которая и была носительницей революціи, стремилась впередъ; демократической лѣвой предстояло въ дальнѣйшемъ развитіи революціи взять верхъ надъ конституціоналистами. Парижъ, два раза уже поднимавшійся на защиту національнаго собранія отъ государственныхъ переворотовъ, скоро понялъ, что онъ не можетъ идти дальше въ полномъ единеніи съ этимъ собраніемъ.

Національное собраніе съ новой энергіей принялось теперь за выработку конституціи. Однако теперь уже незамѣтно было прежней рѣшительности въ его поведеніи относительно двора. Между тѣмъ, какъ защитники абсолютной монархіи утверждали, что король не свободенъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ находится подъ надзоромъ въ Тюльери, и этимъ не безъ успѣха спекулировали на сантиментальность вѣрноподданничества,—собраніе само упустило благопріятное время воспользоваться своей властью и объявить конституцію имѣющей силу и обязательность закона. Оно оставило за королемъ право утвержденія и, благодаря этому, запуталось въ противорѣчіяхъ и конфликтахъ.

За королемъ была признана неприкосновенность его особы и

титулъ короля французовъ, чѣмъ хотѣли обозначить характеръ власти конституціоннаго короля, какъ верховнаго сановника государства въ противоположность абсолютной королевской власти. Королевскіе домэны были объявлены государственной собственностью; королю же, сверхъ различныхъ замковъ, былъ назначенъ цивильный листъ въ 30 милліоновъ франковъ ежегодно. Вторымъ важнѣйшимъ мѣропріятіемъ собранія была конфискація церковныхъ имуществъ. Въ рукахъ клира, какъ мы видѣли въ началѣ настоящаго обзора, находились громадныя имущества въ видѣ недвижимыхъ имѣній. Собраніе обратило свое вниманіе на эти имущества, которыя не принадлежали членамъ клира лично: они находились только въ ихъ пользованіи и замѣняли, такимъ образомъ, содержаніе со стороны государства. Талейранъ, этотъ замѣчательный человѣкъ, который 25 лѣтъ спустя поддерживалъ попытку возстановленія старой Франціи, сдѣлалъ теперь соотвѣтствующее предложеніе и достигъ того, что 2-го ноября 1789 г. всѣ церковныя имѣнія были объявлены собственностью государства. Взамѣнъ ихъ духовенству было назначено жалованье отъ государства въ различныхъ суммахъ, начиная съ 12000 франковъ, такъ что громадные доходы высшаго духовенства были уменьшены, и увеличены ничтожные оклады низшаго. Кромѣ того, были отдѣлены отъ государства духовные ордена: они были объявлены частными корпораціями. Еще не рѣшались на то, чтобы декретировать полное отдѣленіе церкви отъ государства.

Это рѣшеніе національнаго собранія имѣло громадное вліяніе. Его дѣйствія мы увидимъ только впослѣдствіи.

Между тѣмъ Сійесъ, человѣкъ глубокаго ума, значеніе котораго тѣмъ не менѣе, какъ намъ кажется, всегда преувеличиваютъ, занялся внѣшнимъ преобразованіемъ Франціи. Франція все еще была раздѣлена на старыя провинціи, хотя революція и уничтожила ихъ привиллегіи. Сійесъ хотѣлъ добиться дѣйствительнаго объединенія Франціи, чтобы упростить правленіе и управленіе страной. 12 ноября 1789 г. вся Франція была раздѣлена на 83 департамента, такъ что дѣло управленія можно было теперь одинаково регулировать во всей странѣ. Избирательные законы были приведены также въ согласіе съ этимъ раздѣленіемъ. Сійесъ, конечно, не могъ предчувствовать, что впослѣдствіи Наполеонъ воспользуется этимъ раздѣленіемъ страны, чтобы забрать Францію въ ежовыя рукавицы и основать на немъ свое владычество. Избирательные законы основывались на цензѣ: тогда еще не дошли до идеи всеобщаго избирательнаго права. Собраніе начинало уже чувствовать нѣкоторый страхъ передъ пролетаріатомъ, которому оно само было обязано своимъ значеніемъ и силой. Поэтому оно поспѣшило еще болѣе обострить противорѣчіе между, такъ называемыми, почтенными гражданами и массой народа. Все мужское населеніе Франціи было раздѣлено на двѣ категоріи: на

активныхъ и *пассивныхъ гражданъ*. Активнымъ гражданиномъ назывался каждый, кто достигъ 25-лѣтняго возраста и платилъ налогъ въ суммѣ не менѣе трехъ франковъ въ годъ; всѣ, не удовлетворявшіе этому требованію, назывались пассивными гражданами. Избирательное право имѣли только активные граждане: они могли участвовать въ избраніи выборщиковъ. Для того, чтобы стать выборщикомъ, надо было имѣть участокъ земли стоимостью отъ 150 до 400 франковъ. Депутатамъ же, которыхъ избирали выборщики, не предъявлялось никакихъ требованій, кромѣ того, что они должны быть не моложе 25 лѣтъ. Демократія сильно нападала на этотъ избирательный фильтръ, и Камиллъ Демуленъ вполнѣ основательно писалъ, что категорія «активныхъ гражданъ» совершенно неосновательна, потому что при такомъ пониманіи ея всякій рантье будетъ «активнымъ гражданиномъ», обремененный же работой земледѣлецъ, который не можетъ уплатить трехъ франковъ налога, является «пассивнымъ» и лишается всѣхъ политическихъ правъ.

Департаменты были раздѣлены на округа, округа на кантоны; эти послѣдніе, впрочемъ, были введены только для выборовъ. Самой низшей общественной единицей въ государствѣ являлись общины, которыя съ 14 іюля были организованы повсюду. Онѣ впослѣдствіи стали очень сильны и часто оказывали рѣшающее вліяніе на ходъ революціи. Особенную силу скоро проявила община Парижа. Она входила въ составъ сенскаго департамента и управлялась общимъ совѣтомъ (le conseil général) и муниципалитетомъ (le conseil municipal), члены которыхъ назначались по выборамъ. Національное собраніе рѣшило выработать для Парижа особую общинную организацію. Подъ вліяніемъ Лафайета и Балльи парижская община оставалась пока преданной интересамъ «почтенныхъ гражданъ». Муниципалитетъ избралъ особый комитетъ для выработки плана организаціи Парижской общины, но національное собраніе отвергло этотъ планъ. Теперь національное собраніе само составило планъ организаціи Парижа. Парижъ раздѣлили на 48 секцій. Городское управленіе состояло изъ мэра и 16 администраторовъ. Муниципальный совѣтъ состоялъ изъ 32 членовъ; кромѣ того, для каждой секціи было назначено по два нотабля, такъ что эти 96 человѣкъ составляли представительство парижской общины или коммуны. Это представительство называли также для краткости просто коммуной. Секціи избирали мэра. Былъ назначенъ также генеральный прокуроръ и два его замѣстителя. Такова была организація парижской общины, которая въ дальнѣйшемъ ходѣ революціи попала въ руки народа и крайнихъ демократовъ и должна была сыграть такую громадную роль. Но пока Балльи все еще оставался мэромъ, и Лафайетъ командовалъ національной гвардіей, такъ что вся сила общины была въ распоряженіи конституціоналистовъ, которые и употребляли ее противъ демократіи.

Финансовыя затрудненія стали въ это время тягостнѣе, чѣмъ когда бы то ни было: настоятельно нужно было найти какой-нибудь выходъ изъ нихъ. Особенно угнетали государственное казначейство проценты по государственнымъ долгамъ, которые довели дефицитъ до 400 милліоновъ франковъ; поэтому рѣшено было продать церковныя имѣнія, объявленныя національной собственностью. Декретъ 2 декабря 1789 г. опредѣлилъ, что должно быть продано государственныхъ имуществъ на сумму 400 милліоновъ франковъ. Само собою разумѣется, что эта продажа не могла быть произведена скоро, этого даже и не хотѣли, изъ опасенія понизить цѣны на землю большимъ предложеніемъ. Парижскій муниципалитетъ далъ государству въ долгъ большую сумму денегъ подъ соотвѣтствующій залогъ въ видѣ государственныхъ земель; муниципалитеты другихъ городовъ послѣдовали его примѣру. Они платили при этомъ не наличными деньгами, а выдавали особыя квитанціи, которыя и назывались муниципальными квитанціями; эти квитанціи должны были удовлетворять претензіи государственныхъ кредиторовъ и немедленно погашаться муниципалитетами, по мѣрѣ полученія денегъ отъ продажи уступленныхъ имъ національныхъ имуществъ. Но скоро отъ муниципальныхъ квитанцій перешли къ государственнымъ, и государство стало выпускать подъ именемъ *ассигнатовъ* извѣстныя бумажныя деньги революціи. Этимъ оно удовлетворяло требованія государственныхъ кредиторовъ. Бумажные денежные знаки имѣли принудительный курсъ, поэтому они обращались какъ деньги во всей странѣ. Такимъ образомъ, они переходили въ руки покупщиковъ національныхъ земель, и національное собраніе принимало ассигнаты по опредѣленному закономъ курсу въ счетъ платы за означенныя земли. Ассигнаты, внесенные въ видѣ платы за государственныя земли, должны были уничтожаться, но впослѣдствіи ихъ не уничтожали, и это вызвало большое замѣшательство. Надо замѣтить, что эти бумажныя деньги, въ выпускѣ которыхъ обыкновенно обвиняютъ демократію, были введены во время учрежденія *конституціонной монархіи* съ цѣлью погасить долги, взваленные на плечи Франціи абсолютнымъ королевствомъ.

Благодаря введенію ассигнатовъ, государство скоро избавилось отъ своихъ долговъ. Но позже, когда количество бумажныхъ денегъ было увеличено до громадныхъ размѣровъ,—въ теченіе семи лѣтъ было выпущено ассигнатовъ на сумму приблизительно въ 40,000 милліоновъ франковъ,—они стали причиной безпрестаннаго финансоваго кризиса во Франціи. Товары поднимались въ цѣнѣ съ такой быстротой, съ какой понижался курсъ бумажныхъ денегъ. Посредствомъ продажи національныхъ земель была создана масса мелкихъ землевладѣльцевъ, которые сперва были ярыми приверженцами революціи, но когда они увидѣли въ своихъ рукахъ прочную собственность, они стали консерваторами и начали вздыхать по такомъ правительствѣ, ко-

торое бы положило конецъ революціи во что бы то ни стало. Мелкое, участковое крестьянство было совершенно равнодушно ко всякимъ политическимъ пріобрѣтеніямъ и чуждо всякихъ идеаловъ. Наполеонъ Бонапартъ былъ именно такой человѣкъ, какого крестьянамъ было нужно, и они вслѣдствіе этого такъ охотно пополняли контингенты его арміи. Имперія Наполеона была для нихъ гарантіей, что ни духовенство, ни дворяне-эмигранты, имущества которыхъ были нѣсколько позже также объявлены національной собственностью, не отнимутъ у нихъ ихъ участковъ. Никогда во всей исторіи Франціи не представлялось такого удобнаго случая для введенія въ странѣ крупнаго государственнаго земледѣльческаго хозяйства, какъ въ 1789 г. Если бы тогда этимъ случаемъ воспользовались, идея свободы получила бы совершенно иную и болѣе прочную почву. Только третья часть французской земли была тогда раздроблена и раздѣлена между мелкими землевладѣльцами. Но національное собраніе, проникнутое мелко буржуазными взглядами на земледѣльческое хозяйство, не только не взяло на себя организаторской роли въ этомъ отношеніи, но и уничтожило даже то немногое, что еще удержалось отъ стараго, основаннаго на общинномъ землевладѣніи земледѣльческаго строя. Правда, общинамъ были возвращены земли, отнятыя у нихъ феодальными господами, но эти земли были раздроблены, и, такимъ образомъ, были уничтожены послѣдніе остатки общинной собственности. Три великія собранія революціи: учредительное, законодательное и конвентъ—всѣ проявили одинаковое нерасположеніе къ общинной собственности и ослабили земли и землевладѣльцевъ, осудивъ ихъ на безпрестанные раздѣлы. Раздробленность земли была доведена до безконечности, и этимъ было увѣковѣчено мелкое производство въ земледѣльческомъ хозяйствѣ въ самой первобытной формѣ. Мелкій, участковый крестьянинъ, который былъ обязанъ революціи своимъ освобожденіемъ отъ феодальныхъ тяготъ, скоро сталъ тормазомъ для всякаго подъема духа; безчисленный классъ участковаго крестьянства сталъ коснымъ элементомъ, враждебнымъ свободѣ, стѣснявшимъ дальнѣйшее соціальное развитіе. Такимъ образомъ, продажа національныхъ земель, мѣра, вызывавшая такой восторгъ и удивленіе, посредствомъ которой разсчитывали еще болѣе увеличить привязаниость населенія къ революціи, принесла плоды, совершенно противоположные тѣмъ, какихъ отъ нея ожидали. Были и такія провинціи, гдѣ сельское населеніе не понимало или понимало превратно это грандіозное мѣропріятіе, затѣянное въ его же интересахъ, потому что духовенство, потерявшее теперь свои приходы, стало со времени конфискаціи церковныхъ имѣній во враждебное отношеніе къ революціи. Оно называло эту мѣру святотатствомъ и сумѣло передать свою ненависть къ революціи той части населенія, которая жила еще въ условіяхъ патріархальнаго быта. Во время позднѣйшихъ кризисовъ революціи оно дѣй-

ствительно довело дѣло до того, что именно тогда, когда на Францію обрушилась большая коалиція иностранныхъ державъ, въ странѣ вспыхнуло пламя гражданской войны. Кровавая война въ Вандеѣ находилась въ тѣсной связи со всѣми этими обстоятельствами. Духовенство, между тѣмъ, своимъ шумнымъ поведеніемъ въ національномъ собраніи и тайными происками въ провинціяхъ старалось воспламенить религіозный фанатизмъ противъ революціи. Все это даетъ объясненіе тѣмъ страшнымъ мѣрамъ, къ которымъ изъ чувства самосохраненія должны были прибѣгать революціонныя правительства.

Собраніе уничтожило дворянское сословіе такъ же, какъ и всѣ гербы, родовые титулы и ордена. Оно хотѣло этимъ уничтожить всѣ слѣды прежняго рабства. Народъ довѣрчиво смотрѣлъ на эти начинанія и терпѣливо несъ свои невзгоды, поддерживая себя надеждой, что при новомъ порядкѣ вещей уменьшатся и его бѣдствія. Но скоро всплыли наружу всякіе происки придворной партіи, дворянства, духовенства и эмигрантовъ. Армію собраніе расположило въ свою пользу, облегчивъ солдатамъ полученіе повышеній; придворная партія поэтому не могла разсчитывать на особенную поддержку со стороны арміи. Попытки духовенства вызвать религіозныя волненія на югѣ Франціи пока также не имѣли успѣха. Въ Парижѣ былъ открытъ комплотъ, руководимый однимъ маркизомъ, де-Фавра. Этотъ Фавра хотѣлъ убить Лафайета и Балльи, разогнать національное собраніе и увезти короля. Несомнѣнно было, что онъ состоялъ въ сношеніяхъ съ дворомъ, но лица, посредствомъ которыхъ онъ поддерживалъ эти сношенія, остались неоткрытыми. Приговоренный къ смертной казни чрезъ повѣшеніе, онъ предлагалъ полное сознаніе. Но судъ не хотѣлъ компрометировать дворъ и постановилъ не обращать никакого вниманія на его сознаніе. «Такъ я умру со своей тайной!» сказалъ Фавра. Онъ съ ней и умеръ. Все это вызвало такое броженіе, что стали бояться новаго взрыва революціи. Король, чувствовавшій, какъ велико всеобщее недовѣріе къ нему, отправился 4 февраля 1790 г. въ національное собраніе, гдѣ онъ, стоя, обратился съ рѣчью къ спокойно сидѣвшимъ на своихъ мѣстахъ депутатамъ. Въ этой хитро составленной рѣчи онъ утверждалъ, будто онъ собственно желалъ всего того, что было сдѣлано собраніемъ. Онъ обѣщалъ также *принять и защищать конституцію*, которую предстояло закончить собранію. Собраніе было тронуто и поклялось оставаться вѣрнымъ закону, королю и націи, а также защищать всѣми силами конституцію, которая будетъ выработана имъ и принята королемъ. Эта клятва, полная противорѣчій, которая потеряла всякое значеніе, лишь только король попалъ въ конфликтъ съ націей и закономъ, была названа гражданской клятвой.

Затѣмъ снова начались интриги двора. Прежде всего подкупили Мирабо, потому что этому великому политику нужно было много

денегъ для удовлетворенія его мелкихъ страстей, для его распутной жизни. Онъ получалъ большія суммы, предлагаемыя ему дворомъ, не связывая себя, однако, никакими прямыми обязательствами. Можетъ быть, теперь именно онъ задумалъ умиротворить революцію по окончаніи конституціи,—планъ, въ которомъ онъ слишкомъ высокимъ мнѣніемъ о себѣ, о своей силѣ обнаружилъ все свое самомнѣніе. Вообще, въ это время дворъ потратилъ много денегъ на подкупы, но они не достигли ожидаемыхъ результатовъ. Особенно Мирабо часто совершенно не заботился объ интересахъ двора. Это проявилось при обсужденіи вопроса о самораспущеніи собранія. Правая полагала, что полномочія собранія по смыслу наказовъ депутатовъ имѣли силу только на одинъ годъ, и что по истеченіи этого срока собраніе изъ уваженія къ волѣ народа должно разойтись. Противъ этого демагогическаго крючкотворства Мирабо выступилъ съ одной изъ самыхъ сильныхъ своихъ рѣчей. Онъ напомнилъ о клятвѣ въ Залѣ Мяча и сказалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ собраніе дало клятву выработать конституцію Франціи, полномочія его измѣнились существеннымъ образомъ. «Клянусь!» воскликнулъ онъ своимъ могучимъ голосомъ, обращаясь къ лѣвой и центру: «клянусь, что вы спасли Францію!» Собраніе въ порывѣ увлеченія отвергло предложеніе о распущеніи. Были попытки низвергнуть Мирабо, тайныя сношенія котораго съ дворомъ многіе угадывали, но эти попытки не удавались. По вопросу о правѣ объявленія войны и заключенія мира на Мирабо жестоко нападалъ краснорѣчивый вождь лѣвой, Барнавъ. Но Мирабо вышелъ побѣдителемъ изъ дебатовъ по этому вопросу, и король получилъ право иниціативы въ объявленіи войны и заключеніи мира съ утвержденія собранія. Вліяніе Мирабо на народъ въ это время уже пошатнулось, и демократическіе журналы крайне рѣзко нападали на него. Нѣсколько позже должны были всплыть наружу и прямыя доказательства измѣны, которой этотъ геніальный человѣкъ опозорилъ себя.

Послѣ этихъ постановленій собраніе выработало новый порядокъ судопроизводства, который былъ приспособленъ къ раздѣленію страны на департаменты, и дало гражданскую организацію духовенству, также соотвѣтствовавшую департаментамъ. Каждый департаментъ сталъ епархіей. Католическое духовенство было превращено такимъ образомъ въ чиновниковъ государства. Это привело къ долгой и упорной борьбѣ духовенства съ государственной властью, такъ какъ священники, въ качествѣ государственныхъ чиновниковъ, должны были давать гражданскую присягу. Большая часть духовенства, даже низшіе члены этого сословія, которые до сихъ поръ такъ горячо стояли за революцію, стали теперь во враждебное отношеніе къ новой конституціи. Людовикъ XVI, еще такъ недавно обѣщавшій принять конституцію, радовался этимъ раздорамъ и поддерживалъ ихъ, отка-

зывая въ своемъ утвержденіи гражданской организаціи духовенства. Позже конституціонное (принявшее присягу) и отвергавшее присягу духовенства отлучали другъ друга отъ церкви и вели между собой самую безпощадную борьбу. Въ эту борьбу вмѣшался, наконецъ, папа и запретилъ духовенству давать гражданскую присягу.

Такимъ образомъ, собраніе создало себѣ упорную и опасную оппозицію, благодаря именно тому, что оно не рѣшилось объявить полное отдѣленіе церкви отъ государства. Люди всегда несутъ заслуженную кару, если они не имѣютъ мужества быть послѣдовательными. Всякая непослѣдовательность въ тревожныя времена создаетъ только новыя бѣдствія.

Между тѣмъ, какъ во Франціи, волнуемой революціей, подготовлялись новыя бури, приближался день годовщины взятія Бастиліи, 14 іюля 1790 г. Было рѣшено превратить этотъ день въ величественный національный праздникъ. Иниціатива этого плана вышла изъ парижскаго общиннаго совѣта. Какъ въ отдѣльныхъ городахъ въ критическіе дни революціи народъ, національная гвардія и линейныя войска соединялись и братались другъ съ другомъ, такъ въ день годовщины взятія Бастиліи долженъ былъ побрататься весь народъ и этимъ отпраздновать тотъ день, въ который правительство было побѣждено народомъ. Для этого празднества дѣлались громадныя приготовленія. Мѣстомъ торжества было назначено Марсово поле; здѣсь были приготовлены помѣщенія для 400,000 человѣкъ. Посрединѣ его возвышался алтарь отечества, устроенный въ античной формѣ; вокругъ него амфитеатромъ были расположены мѣста для короля, національнаго собранія и муниципалитета. Восторгъ охватилъ всю Францію, когда это торжество было установлено; но самой высшей степени воодушевленіе достигло въ Парижѣ. Для выполненія работъ на Марсовомъ полѣ было назначено 12,000 рабочихъ. Но эти работы подвигались очень медленно, и возникло опасеніе, что онѣ не будутъ окончены до 14 іюля: само собой появилось объясненіе, что рабочіе подкуплены реакціонерами, и тысячи парижскаго населенія устремились на Марсово поле, чтобы окончить нужныя работы къ назначенному сроку. Знатныя дамы рядомъ съ поденщиками работали лопатами и заступами. «Здѣсь съ полнымъ единодушіемъ рука объ руку», разсказываетъ одинъ очевидецъ: «работали, распѣвая пѣсни свободы, мужчины и женщины, старики и дѣти, герцоги и поденщики, епископы и парикмахеры, генеральные откупщики и повара, кавалеры ордена св. Людовика и публичныя женщины». Такимъ образомъ, необходимыя приготовленія могли быть окончены, и празднество вышло блестящимъ, хотя именно оффиціальная часть его была, можетъ быть, самой незначительной. Значеніе этого торжества состояло, главнымъ

образомъ, въ томъ, что воодушевленные свободой французы изъ всѣхъ частей страны здѣсь перезнакомились между собой и приняли непоколебимое рѣшеніе всѣми силами и средствами отстаивать пріобрѣтенія революціи.

На «праздникъ союза» явилось безчисленное множество представителей департаментовъ, и это торжество, которое должно было произвести сильное впечатлѣніе на весь культурный міръ, было отпраздновано 14 іюля со всей пышностью. Шествіе «союзниковъ» открывалось баталіономъ вооруженныхъ дѣтей и замыкалось батальономъ вооруженныхъ стариковъ; оно началось съ того мѣста, гдѣ прежде стояла Бастилія, направилось къ Тюльери, взяло здѣсь дворъ и вмѣстѣ съ національной гвардіей и національнымъ собраніемъ отправилось на Марсово поле. Необозримая масса народа сопровождала шествіе; городъ былъ разукрашенъ флагами и цвѣтами, и изъ пушекъ былъ данъ 101 выстрѣлъ. Въ процессіи можно было замѣтить также нѣмецкаго барона Жана-Баптиста Клотца, атеиста и защитника всемірной республики, который переодѣлъ значительное число людей въ иностранныя національныя платья, выдалъ ихъ за представителей всѣхъ націй и съ этой странной, надѣлавшей много шума, депутаціей предсталъ предъ національное собраніе. Массы народа расположились въ полномъ порядкѣ на Марсовомъ полѣ. Прежде всего была отслужена месса на алтарѣ отечества—иронія всемірной исторіи возложила выполненіе этой роли именно на извѣстнаго Таллейрана,—причемъ 300 священниковъ окружали алтарь въ бѣлыхъ облаченіяхъ и красно-бѣло-синихъ шарфахъ. Таллейранъ благословилъ орифламму,—старинное знамя французскихъ королей, и знамена 83 департаментовъ. Затѣмъ явился Лафайетъ, герой этого торжества, назначенный главнокомандующимъ всѣхъ національныхъ гвардій королевства. Два гренадера при радостныхъ восклицаніяхъ народа поднесли его къ алтарю отечества, и онъ здѣсь передъ всѣмъ собраніемъ произнесъ клятву: «Мы клянемся оставаться всегда вѣрными націи, закону и королю, поддерживать и защищать всѣми силами конституцію, выработанную національнымъ собраніемъ и принятую королемъ, и оставаться соединенными со всѣми французами неразрывными узами братства!» Масса воспламенилась. «Клянусь!» воскликнули 400,000 человѣкъ. Грянули орудія, загремѣла музыка, и «союзники» и національная гвардія забряцали своимъ оружіемъ. Буря воодушевленія овладѣла всѣмъ громаднымъ Марсовымъ полемъ. Затѣмъ выступилъ король и далъ присягу «непоколебимо и вѣрно соблюдать конституцію, какъ выработанную уже собраніемъ, такъ и ту, которую ему еще предстоитъ выработать», чѣмъ онъ указывалъ на то, что выработка конституціи еще далеко не была закончена. Королева подняла своего сына и воскликнула: «Вотъ мой сынъ: мы съ нимъ раздѣляемъ образъ мыслей народа!». Тысячи голосовъ отвѣтили радостными криками на слова

этой «австріячки», «мадамъ Вето», какъ ее прозвали впослѣдствіи. Народъ серьезно относился къ этому единенію, онъ вѣрилъ присягѣ на вѣрность конституціонной монархіи. Вскорѣ должно было обнаружиться, какъ не серьезно относился ко всему этому дворъ. Но теперь все потонуло въ радости и восторгѣ, и даже начавшійся дождь не могъ нарушить праздничнаго настроенія народа. Насквозь промокшіе, но опьяненные идеей свободы, французы танцовали на мѣстѣ торжества. Въ городѣ была устроена масса народныхъ увеселеній, которыя продолжались далеко за полночь, и даже на томъ мѣстѣ, гдѣ еще годъ тому назадъ стояла Бастилія, на развалинахъ страшныхъ казематовъ можно было прочесть надпись: «*здѣсь устраиваются танцы!*»

Участники торжества разошлись по домамъ, вернулись на родину; Франція казалась счастливой, имѣя прочные виды на конституцію, которая уже была обѣщана, на вѣрность которой уже заранѣе присягнули король и народъ. Но это только казалось. Праздникъ союза только показалъ, какъ легко разумное правительство, обладающее хоть сколько-нибудь доброй волей, могло бы устроиться тогда съ французами, проникнутыми въ то время истинно конституціоннымъ духомъ. Но едва лишь прошло праздничное настроеніе, дворъ, опять завладѣвшій слабымъ королемъ, снова принялся за свои темные планы возстановленія неограниченной королевской власти. Сторонники стараго режима никакъ не могли помириться съ мыслью, что впредь народъ долженъ быть рѣшающимъ факторомъ государственной жизни Франціи. Но между тѣмъ, какъ они употребляли всѣ средства, чтобы уничтожить верховную власть народа, они достигли результатовъ, совершенно противоположныхъ тому, къ чему они стремились: они низвергли монархію.

Въ эпохи славы, когда разыгрывается великая и рѣшительная борьба, народъ всегда долженъ платиться за нее. Ему приходится не только проливать свою кровь: онъ долженъ для удовлетворенія потребностей общества страдать, голодать, терпѣть лишенія всякаго рода, лишь только политическое возбужденіе станетъ столь сильнымъ, что произойдетъ застой въ нормальномъ ходѣ дѣлъ и предпріятій въ странѣ. Если въ такія времена возбужденія нарушится правильность и уменьшатся размѣры производства продуктовъ первой необходимости и товарнаго обращенія,—это немедленно должно отозваться на массѣ рабочаго люда самымъ чувствительнымъ образомъ. Въ то время, когда во Франціи велась бурная борьба за свободу, французскій народъ, и въ особенности населеніе Парижа часто должно было терпѣть самыя страшныя лишенія. Если, съ одной стороны, эти лишенія были, такъ сказать, возбуждающимъ средствомъ для массы, вызывав-

шимъ у нея все новыя и новыя напряженія для завоеванія лучшаго общественнаго строя, то съ другой,—можно лишь удивляться тому героизму, съ которымъ народъ выносилъ именно эти лишенія.

При безпрестанныхъ волненіяхъ въ провинціяхъ, при неурядицахъ рынка, вызванныхъ политическими событіями, снабженіе провіантомъ Парижа стало чрезвычайно затруднительнымъ. Легковѣрные, ожидавшіе, что съ возвращеніемъ королевскаго семейства въ Парижъ прекратится въ столицѣ голодъ, скоро увидѣли, какъ жестоко они обманулись въ своихъ ожиданіяхъ, потому что голодъ и страшная дороговизна продолжались всю зиму 1789/90 г. Хлѣбные торговцы часто становились «хлѣбными ростовщиками», что сплошь и рядомъ бываетъ у людей этого сорта: они безсердечно удерживали у себя хлѣбъ, чтобы дождаться благопріятнаго момента и сбыть его по возможно высокой цѣнѣ. Соотвѣтственно этому и ненависть народа къ «хлѣбнымъ ростовщикамъ» и скупщикамъ хлѣба была велика, и вполнѣ понятно, что должны были происходить вспышки, и нѣкоторые изъ «хлѣбныхъ ростовщиковъ» и вообще людей, повышавшихъ цѣны на хлѣбъ, должны были пасть жертвой озлобленія народа. Такъ палъ жертвой народной ярости одинъ булочникъ, по имени Франсуа, вслѣдствіе чего въ Парижѣ было объявлено осадное положеніе, и муниципалитету было дано полномочіе при малѣйшихъ волненіяхъ народа, послѣ предварительныхъ приглашеній народныхъ сборищъ разойтись, разгонять ихъ оружіемъ. Почтенная буржуазія, предводительствуемая Лафайетомъ и Балльи, послѣ того, какъ она добилась съ помощью народа политической власти, такимъ образомъ показала, что у нея не было никакихъ средствъ противъ народныхъ бѣдствій, кромѣ тѣхъ, къ которымъ прибѣгало и старое королевство,—кромѣ пороха и свинца. Дѣйствительно, много мужества нужно было имѣть народу, чтобы воодушевляться любовью къ конституціи и гражданской свободѣ въ то время, когда ему рѣшительно нечего было ѣсть. Въ то время, какъ скупщики различныхъ припасовъ загребали въ свои карманы громадные барыши, въ предмѣстьяхъ господствовалъ такой страшный голодъ, что въ одномъ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ богатый пивоваръ Сантерръ, одинъ изъ вождей демократіи въ предмѣстьяхъ, роздалъ 150.000 франковъ голодающему населенію для пріобрѣтенія предметовъ первой необходимости. Безработица увеличивалась повсюду, и въ Парижѣ были предприняты земляныя работы, чтобы доставить хоть какой-нибудь заработокъ слонявшемуся безъ всякихъ занятій населенію. Но этихъ работъ было слишкомъ недостаточно. Національное собраніе, которому депутатъ Малуэ изобразилъ бѣдствія рабочихъ, совершенно не знало, что предпринять. Тѣмъ безпощаднѣе былъ муниципалитетъ, руководимый Лафайетомъ и Балльи, въ преслѣдованіи дѣйствительныхъ или мнимыхъ зачинщиковъ волненій, что охотно выполняла національная гвардія, состоявъ-

шая изъ «почтенныхъ гражданъ». Созданная для защиты народа, эта гвардія имѣла стать орудіемъ его угнетенія.

Демократическіе писатели рѣзко нападали на муниципалитетъ. Лустало называлъ слѣдственный комитетъ ея гражданской инквизіей. Среди журналистовъ, стоявшихъ за интересы неимущаго населенія, больше всѣхъ выдавался Жанъ-Поль Маратъ. Этотъ писатель своимъ смѣлымъ и рѣзкимъ перомъ сталъ наводить страхъ на почтенную буржуазію. Его сначала считали просто фикціей, такъ какъ онъ долженъ былъ скрываться отъ преслѣдованій Лафайета, и никогда не удавалось его захватить. Маратъ, родомъ швейцарецъ и врачъ по спеціальности, послѣ жизни, полной приключеній, поселился въ Парижѣ и въ послѣднее время служилъ ветеринаромъ у графа д-Артуа. Когда началась революція, онъ бросился въ нее со всей своей энергіей. Онъ сталъ во главѣ пролетаріата, и поэтому буржуазія, всплывшая наверхъ во время революціи, совершенно инстинктивно ненавидѣла его. Этимъ объясняется, почему съ его именемъ связана такая масса клеветы, почему такъ сильно преувеличивали его значеніе. Маратъ много размышлялъ, онъ писалъ философскія, естественно-научныя и юридическія сочиненія. Между тѣмъ, какъ цеховые ученые питали къ нему отвращеніе за его свободныя воззрѣнія и даже Вольтеръ нападалъ на него, онъ могъ гордиться признаніемъ со стороны великаго Франклина. Онъ былъ озлобленъ и «неуживчивъ», какъ охарактеризовалъ его Дантонъ. Но это былъ единственный человѣкъ, который стоялъ въ своемъ журналѣ за дѣло пролетаріата и ужъ ни въ коемъ случаѣ онъ не былъ такимъ извергомъ, какимъ стараются представить его историки. Самой большей ложью, какую только распространяли о немъ, и которая еще теперь иногда повторяется, было то, будто онъ требовалъ 270.000 головъ. Онъ нападалъ на муниципалитетъ и на свирѣпую полицію; онъ осмѣивалъ смѣшное тщеславіе и важничанье національной гвардіи, которую онъ называлъ буржуазной милиціей, и требовалъ, чтобы муниципалитетъ былъ преобразованъ въ интересахъ народа. Онъ проповѣдывалъ, что *право на существованіе* есть первое и важнѣйшее изъ всѣхъ правъ человѣка. Но онъ направилъ свои острыя стрѣлы также въ Лафайета и этимъ такъ озлобилъ противъ себя тщеславнаго «героя Стараго и Новаго свѣта», что Лафайетъ въ январѣ 1790 г. двинулся съ 4,000 національныхъ гвардейцевъ, чтобы захватить Марата. Но Маратъ незамѣтно проскользнулъ сквозь ряды національныхъ гвардейцевъ и бѣжалъ на время въ Лондонъ.

Муниципальныя власти обращались съ народомъ все болѣе и болѣе сурово. Онѣ возстановили государственную тюрьму въ Венсеннѣ, чтобы упрятывать туда неудобныхъ для нихъ «бунтовщиковъ». Возмущенное такой мѣрой Сентъ-Антуанское предмѣстье поднялось всей массой противъ этой новой Бастиліи, но возставшіе были разсѣяны

ковалеріей національной гвардіи. Столкновенія между муниципальной властью и народомъ, приведшія къ большому кровопролитію на Марсовомъ полѣ, теперь уже не прекращались. Муниципалитетъ который бы долженъ былъ въ снабженіи Парижа провіантомъ видѣть самую настоятельную и неотложную свою задачу, держалъ себя съ рабочими, вынесшими на своихъ собственныхъ плечахъ революцію, какъ съ бунтовщиками. Улицы и общественныя мѣста Парижа ежедневно были переполнены рабочими, лишенными работы, которые теперь еще не могли отправляться въ армію, какъ позже во время войнъ революціи. Были заняты только рабочіе тѣхъ производствъ, которыя приготовляли вооруженіе для національной гвардіи во всѣхъ же остальныхъ отрасляхъ труда господствовала полная безработица. Сапожники, плотники, каменщики, слесаря, типографщики и т. под. робочіе организовывали собранія, на которыхъ они составляли петиціи муниципалитету, требуя у него работы. Отвѣтомъ муниципалитета на эти петиціи было то, что національной гвардіи было предписано разгонять собранія рабочихъ. Мэръ Балльи сталъ вслѣдствіе этого особенно ненавистнымъ народу, чѣмъ объясняется та безпощадность, съ которой народъ относился къ нему впослѣдствіи, когда его везли на эшафотъ. Онъ велѣлъ развѣсить объявленія, въ которыхъ онъ коалиціи рабочихъ, составленныя съ цѣлью добиться «установленія равномѣрной платы посредствомъ опредѣленія рабочаго дня и принужденія рабочихъ данныхъ производствъ подчиниться этому опредѣленію», старался заклеймить, какъ преступленіе и «нарушеніе общественнаго порядка».

Рабочіе, такъ сурово третируемые муниципалитетомъ, льстили себя надеждой, что имъ удастся склонить національное собраніе сдѣлать что-нибудь для облегченія бѣдствій. Но и здѣсь ихъ приняли не лучше, чѣмъ въ муниципалитетѣ. Депутаты очень неохотно отрывались отъ своихъ занятій по составленію конституціи. Здѣсь господствовали такіе же странные взгляды на рабочія общества, какъ и въ муниципалитетѣ: на нихъ смотрѣли, какъ на комплоты бунтовщиковъ. Шапелье, представившій собранію докладъ о петиціяхъ рабочихъ, говоритъ о нихъ то же самое, что и Балльи. Онъ дошелъ до такой нелѣпости, что характеризовалъ организаціи рабочихъ, какъ возстановленіе старыхъ цеховъ, уничтоженныхъ 4 августа. И если онъ признавалъ въ принципѣ вполнѣ законными и помощь со стороны государства, и право на трудъ, то онъ отказывалъ рабочимъ въ правѣ организовывать собранія и обсуждать совмѣстно ихъ спеціальныя дѣла и интересы. Но прекрасно понимая, что онъ этимъ становится въ противорѣчіе съ конституціей, первый пунктъ которой обезпечивалъ за всѣми право собраній, онъ говорилъ, что рабочіе могутъ собираться только въ качествѣ простыхъ гражданъ для обсужденія общегражданскихъ дѣлъ. Онъ говорилъ, что рабочіе добивались права

собираться въ интересахъ поддержки своихъ больныхъ и безработныхъ товарищей, но прибавлялъ, что эта обязанность лежитъ на націи, и потому невозможно позволить рабочимъ устраивать собранія съ означенной цѣлью. При этомъ онъ выражалъ большое сожалѣніе, что заработная плата, которая, по его убѣжденію, опредѣлялась свободнымъ соглашеніемъ, была такъ низка.

Теперь можно было бы ожидать, что національное собраніе постарается возможно скорѣе оказать больнымъ и безработнымъ рабочимъ поддержку «со стороны націи», на которуюуказалъ Шапелье, и которая дѣйствительно предусмотрѣна въ конституціи. Тѣмъ не менѣе оно не только не сдѣлало этого, но еще издало извѣстный декретъ отъ 14 іюня 1791 г., который существуетъ во Франціи до настоящаго времени и воспрещаетъ всѣ рабочія общество и ассоціаціи. Этотъ законъ, который еще теперь, во время третьей республики, не вызвалъ противъ себя серьезныхъ нападеній, могъ, къ сожалѣнію, за все продолжительное время своего существованія принести достаточно зла. Правительства часто надолго оставляли его безъ всякаго примѣненія, какъ старое заржавѣвшее оружіе, и потомъ вдругъ извлекали его на свѣтъ божій, и онъ снова оказывался сохранившимъ свою силу. Такъ, Луи-Наполеонъ воспользовался этимъ закономъ, чтобы уничтожить производительныя ассоціаціи французскихъ рабочихъ, съ громадными жертвами призванныя къ жизни послѣ революціи 48 года. Изданіемъ этого закона національное собраніе само надругалось надъ всѣми правами человѣка, съ такой помпой объявленными предъ всѣмъ міромъ, и дало рѣзкое выраженіе своему буржуазному, классовому эгоизму. Съ этого момента рабочіе отдѣлились отъ почтенной буржуазіи третьяго сословія. Но тогда не могло еще возникнуть классовое движеніе рабочихъ, такъ какъ не было еще современнаго экономическаго развитія, которое сперва должно было рѣзко оттѣнить классовыя противоположности и классовые интересы; сверхъ того, пролетаріатъ вскорѣ поглотили войны и походы революціи, противъ которой вооружилась вся Европа.

Предприниматели, взявшіе на себя выполненіе общественныхъ и частныхъ работъ, соединились съ враждебной къ рабочимъ муниципальной властью. Закономъ противъ ассоціацій воспользовались самымъ тщательнымъ образомъ. Изъ революціи рабочіе дѣлали такіе выводы, которые были не по сердцу «почтеннымъ гражданамъ». Они видѣли, что революція улучшила положеніе буржуа, мелкихъ землевладѣльцевъ, крестьянъ. Изъ этого они выводили, что та же революція, для торжества которой они такъ много сдѣлали своими собственными руками, должна также удовлетворить и ихъ требованія болѣе сносныхъ условій жизни. Поэтому рабочіе требовали повышенія заработной платы и участія въ доходахъ предпринимателей. Но предприниматели не обнаруживали ни малѣйшаго желанія вводить

такъ часто восхваляемую теперь partnership-system. Самые энергичные изъ рабочихъ были указаны муниципалитету, который и посадилъ ихъ въ тюрьму.

Рабочіе, лишенные даже права участія въ выборахъ, такъ какъ избирательное право было поставлено въ зависимость отъ имущественнаго ценза, обратились съ чрезвычайно простымъ, трогательнымъ письмомъ къ Марату, сохранившимся до нашего времени. Они называли его, соотвѣтственно воззрѣніямъ и способу выраженія того времени, своимъ „дорогимъ пророкомъ“ и истиннымъ защитникомъ *класса нуждающихся*. Здѣсь уже сказалось ихъ классовое самосознаніе. Они жаловались ему на притѣсненія со стороны предпринимателей и говорили, что именно тѣ предприниматели, которые раньше были только подмастерьями у каменщиковъ, впослѣдствіи же разжились и стали богатыми подрядчиками по строительному дѣлу,—именно они особенно отличались въ притѣсненіи своихъ бывшихъ товарищей. „Они вообразили себѣ,—писали рабочіе,—будто теперь, нарядившись въ мундиръ и эполеты національной гвардіи, они могутъ себѣ все позволить!“ Маратъ, признававшій совершенно справедливыми всѣ стремленія рабочихъ къ улучшенію своего положенія, стоялъ за этотъ угнетенный классъ, гдѣ и какъ только могъ. Его «Другъ Народа» сталъ органомъ рабочихъ, чѣмъ и объясняется громадная популярность Марата. Въ „Другѣ Народа“ избирательный законъ лишившій рабочихъ избирательныхъ правъ, подвергался самой безпощадной критикѣ. Въ журналѣ Марата рабочіе напоминали о своихъ заслугахъ предъ революціей. „Мы являлись,—говорится здѣсь между прочимъ,—вездѣ, куда только призывала насъ опасность, готовые проливать свою кровь въ защиту васъ; три мѣсяца подъ-рядъ мы одни выносили всѣ тяжести трудной походной жизни, страдая по цѣлымъ днямъ отъ солнечнаго зноя, голода и жажды, между тѣмъ какъ богатые прятались въ своихъ подземельяхъ и вылѣзали оттуда только во время кризисовъ, чтобы захватить въ свои руки власть, почетныя мѣста и общественныя должности. Мы, такимъ образомъ, жертвовали собой за васъ, и теперь, въ видѣ награды за всѣ наши жертвы, мы лишены даже того утѣшенія, что на насъ смотрятъ, какъ на членовъ государства,—государства, которое мы же сами спасли. Какое вы имѣете основаніе такъ недостойно обращаться съ нами? Вѣдь бѣднякъ такой же гражданинъ, какъ и богачъ: это вы признаете! Но вы утверждаете, что бѣдняка скорѣе можно подкупить? Въ самомъ дѣлѣ? Посмотрите вокругъ себя, посмотрите на всѣ монархіи всего міра! Кто образуетъ тамъ продажныя толпы придворныхъ,—не богатые ли?“

По мѣрѣ того, какъ популярность Марата возрастала въ народныхъ массахъ, увеличивалась также и ненависть къ нему Лафайета и Балльи. 14 сентября эти господа вторглись съ 300 національныхъ гвардейцевъ въ типографію, гдѣ печатался «Другъ Народа», изрубили

топорами типографскіе прессы и арестовали персоналъ типографіи. Но „Другъ Народа“ все-таки не прекратился: Маратъ съ большими личными жертвами и опасностями продолжалъ издавать его. Онъ, конечно, не могъ издавать журналъ на свой собственный счетъ: средства для этого доставляла ему его подруга Симонія Эвраръ, которую историки часто смѣшиваютъ съ его сестрой Альбертиной. Эта женщина бросила мужа, чтобы раздѣлить съ гонимымъ писателемъ его судьбу. Послѣ смерти Марата она жила только воспоминаніями о немъ, держась совершенно въ сторонѣ отъ общественной жизни. Но правительство считало эту женщину опасной и строго слѣдило за нею. Когда вслѣдствіе покушенія посредствомъ извѣстной адской машины на Наполеона Бонапарта 30 декабря 1800 г. была схвачена масса демократовъ, арестовали также и Симонію Эвраръ, но не могли найти ни малѣйшихъ доказательствъ ея виновности.

Если бы противники рабочихъ не видѣли, что они готовы были подняться по первому зову и не чувствовали поэтому нѣкотораго страха передъ ними, несомнѣнно, что ничего не было бы сдѣлано въ ихъ пользу. Но, наконецъ, коммуна увидѣла, что необходимо что-нибудь предпринять для уменьшенія бѣдствій рабочихъ. Поэтому она потребовала у національнаго собранія кредита съ цѣлью доставить какой-нибудь заработокъ безработнымъ. Собраніе назначило для этого 15 милліоновъ франковъ. На эти деньги были устроены въ Парижѣ государственныя мастерскія, которыя тогда называли *благотворительными* мастерскими, Ateliers de charité. Одно уже названіе ихъ показываетъ, какъ понимали господствующіе классы это учрежденіе. Мастерскія были расположены въ различныхъ кварталахъ, и въ нихъ работали не только парижскіе рабочіе, но и рабочіе изъ провинцій. Въ мастерскія принимали рабочихъ по рекомендаціи депутатовъ или департаментовъ. Рабочіе толпами съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ сходилась въ Парижъ. Въ одномъ Монмартрскомъ кварталѣ работало въ государственныхъ мастерскихъ 17,000 человѣкъ. Эти рабочіе и составляли тѣ революціонныя массы, которыя выступили въ возстаніяхъ 1792, 1793 и 1795 годовъ. Во время ихъ шествій обнаруживалась вся ихъ нищета, и населеніе зажиточныхъ кварталовъ съ ужасомъ увидѣло, какая масса голоднаго и оборваннаго народа скопилась въ Парижѣ. Аристократы презрительно называли этихъ изголодавшихся, оборванныхъ людей безштанниками, санкюлотами,—слово, которое, подобно прозвищу „гёзовъ“, демократы сдѣлали своимъ почетнымъ названіемъ.

Государственныя мастерскія, понятно, тоже не могли устранить нищеты рабочихъ, хотя онѣ временно удовлетворяли самыя настоятельныя потребности. Рабочіе часто жаловались на то, что имъ платятъ ассигнатами, что заработная плата крайне низка. Они жертвовали собой для революціи, вынося крайнюю нужду, чтобы поддержать де-

мократію въ ея борьбѣ со старымъ міромъ. Ни одинъ классъ въ теченіе этой великой революціи не проявилъ такого великодушія, такого самопожертвованія, какъ парижскіе рабочіе.

Сейчасъ же послѣ праздника союза на Марсовомъ полѣ, дворъ снова принялся за свои старые планы и снова заставилъ короля попытаться низвергнуть все то, что соблюдать и охранять онъ только-что клялся предъ алтаремъ отечества. Дворъ все еще считалъ возможнымъ уничтожить всѣ пріобрѣтенія революціи и возстановить старый абсолютизмъ. Такъ какъ дворъ со своими сторонниками во Франціи не чувствовалъ себя достаточно сильнымъ для подавленія революціи, то онъ вступилъ съ этой цѣлью въ заговоръ съ иностранными державами,—затѣя, которая, послѣ продолжительной и перемѣнчивой борьбы, привела къ полному низверженію монархіи во Франціи.

Большая часть арміи была такъ настроена, что дворъ не могъ разсчитывать на нее. Правда, дворяне-офицеры были раздражены противъ національнаго собранія тѣмъ, что оно дало офицерамъ и солдатамъ изъ третьяго сословія такія же права на повышеніе, какими раньше пользовались только они,—но именно это уравненіе правъ и привлекло на сторону революціи симпатіи значительной части арміи. Дворяне-офицеры привыкли чрезвычайно сурово обращаться съ солдатами; солдаты теперь ужъ не позволяли мудрить надъ собой: этимъ объясняется возстаніе шатовьесскаго полка въ Нанси, подавленное генераломъ Буллье съ большимъ кровопролитіемъ. Между тѣмъ, какъ армія все больше и больше склонялась къ революціи, дворъ надѣялся найти поддержку своимъ стремленіямъ въ другихъ общественныхъ факторахъ. Онъ вслѣдствіе настоянія собранія утвердилъ, хотя и послѣ долгаго сопротивленія, гражданскую организацію духовенства. Священники, отвергавшіе гражданскую присягу, возбуждали волненія въ провинціяхъ и подготовляли гражданскую войну, которая въ 1793 г. опустошила южныя и западныя провинціи Франціи. Они сумѣли внушить народу, будто революція стремится отнять у него религію, и привели въ броженіе сельское населеніе, которое едва только успѣло почувствовать благодѣтельность нововведеній. Король и дворъ разсчитывали на эти волненія въ случаѣ контръ-революціи. Въ Кобленцѣ тѣмъ временемъ собирались подъ начальствомъ графа д'Артуа эмигранты, называвшіе себя „заграничной Франціей", и старались склонить европейскія державы выступить съ оружіемъ въ рукахъ противъ революціи во Франціи. Дѣйствительно, уже 20 мая 1791 г. эмигранты получили отъ Австріи обѣщаніе, что Франціи будетъ объявлена война, и что старый порядокъ вещей будетъ возстановленъ въ ней силою оружія. Теперь эмигранты принялись за всяческіе происки во Франціи, съ цѣлью подготовить вторженіе ино-

странныхъ войскъ. Дѣйствія ихъ происковъ были скоро замѣчены. Національное собраніе хотѣло издать законъ объ оставленіи отечества, направленный противъ эмиграціи, по которому, въ случаѣ возникновенія безпорядковъ, должна быть учреждена особая коммиссія, состоящая изъ трехъ членовъ, причемъ никто не могъ оставить страну безъ разрѣшенія этой коммиссіи. Подкупленный дворомъ, Мирабо бросилъ теперь на вѣсы все свое вліяніе, оспаривая этотъ законопроектъ тѣмъ соображеніемъ, что собраніе не въ правѣ ограничивать личную свободу гражданъ. Законъ этотъ вполнѣ основательно былъ отвергнутъ; эмиграція все увеличивалась, и собраніе пришло въ такое замѣшательство, что когда двѣ тетки короля захотѣли уѣхать въ Римъ, оно цѣлыхъ три дня дебатировало о томъ, можно ли отпустить этихъ двухъ старухъ изъ Франціи.

Съ тѣхъ поръ какъ Неккеръ вышелъ въ отставку, дворъ всецѣло сталъ опираться на Мирабо. Неккеръ, бывшій нѣкогда столь популярнымъ во Франціи, былъ теперь совершенно забытъ; въ сентябрѣ 1790 г. онъ удалился съ политическаго поприща, и удаленіе его не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія. Къ услугамъ двора теперь былъ Мирабо:—этотъ человѣкъ не поколебался закончить свою блестящую и величественную карьеру позорной измѣной. Онъ составилъ проектъ новой конституціи, которая давала королю гораздо большую власть. Предполагалось, что король угрозами изъ Ліона запугаетъ собраніе, и Мирабо воспользуется этимъ, чтобы вынудить у него утвержденіе своего проекта конституціи. Когда одинъ изъ друзей Мирабо предостерегалъ его, что не слѣдуетъ слишкомъ довѣряться двору, онъ цинически отвѣтилъ: „Они мнѣ все обѣщали и, если они не сдержатъ своего слова, я накажу ихъ республикой!“ Но организмъ Мирабо былъ уже надломленъ его распутствомъ и напряженной работой послѣднихъ двухъ лѣтъ. Онъ сразу подался, и скоро смерть положила (2 апрѣля 1791 г.) конецъ величественной карьерѣ этого выдающагося человѣка. Его измѣна еще была неизвѣстна, поэтому у его гроба соединились всѣ партіи, и день его похоронъ сталъ днемъ національнаго траура. Его тѣлу было отведено первое мѣсто въ Пантеонѣ,—въ храмѣ, въ которомъ возрожденная Франція хотѣла погребать своихъ великихъ людей. На этомъ зданіи красовалась надпись: „Своимъ великимъ людямъ—благодарное отечество!“

Теперь дворъ рѣшился на открытую борьбу съ національнымъ собраніемъ. Разсчитывали на маркиза де Буллье и на армію, преданную этому генералу, на священниковъ, отвергавшихъ присягу, на эмиграцію и иностранныя державы. Но король хотѣлъ прежде всего обезопасить себя лично отъ парижанъ. 18 апрѣля 1791 г. онъ хотѣлъ оставить Парижъ подъ предлогомъ отпраздновать пасху въ Сенъ-Клу. Въ дѣйствительности же онъ имѣлъ въ виду отправиться къ Буллье. Но народъ воспротивился отъѣзду двора, и національная гвардія на

этотъ разъ воздержалась отъ всякаго вмѣшательства въ дѣло, она не заступилась за короля. Людовикъ долженъ былъ вернуться въ Тюльери и рѣшилъ теперь уйти изъ Парижа тайно. Бѣгство короля подготовлялось очень тщательно и осторожно. Буллье стоялъ со своимъ войскомъ въ Монмеди на бельгійской границѣ, чтобы принять здѣсь короля и двинуться съ нимъ на Парижъ. Народъ сумѣли обмануть самымъ хитрымъ лицемѣріемъ. Отъ двора удалили всѣхъ лицъ, не пользовавшихся любовью народа, и даже приняли конституціонныхъ священниковъ. Обнародовали циркуляръ, съ которымъ министръ иностранныхъ дѣлъ Монмортенъ долженъ былъ обратиться къ французскимъ посламъ за границей. Въ этомъ циркулярѣ говорилось; „То, что называютъ революціей, есть не что иное, какъ только устраненіе ряда злоупотребленій, накопившихся въ теченіе вѣковъ вслѣдствіе невѣжества народа и власти министровъ, которая никогда не была властью короля. Самыми опасными изъ внутреннихъ враговъ являются тѣ, которые притворяются, будто настроеніе короля для нихъ сомнительно. Эти люди или очень ослѣплены, или очень преступны. Они считаютъ себя сторонниками короля, тѣмъ не менѣе они единственные враги королевства. Они безпрестанно повторяютъ, что король несчастенъ, недоволенъ,—какъ будто для короля возможно какое-нибудь иное счастье, кромѣ благосостоянія его народа! Они говорятъ, что его достоинство и вліяніе унижены, какъ будто достоинство и вліяніе, когда они опираются на насиліе, не ниже, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда они основаны на законѣ! Они утверждаютъ, будто король несвободенъ. Но это наглая клевета, если говорятъ, что надъ нимъ совершено насиліе; страшная клевета считать ограниченіемъ свободы то, на что его величество столько разъ выражалъ свое согласіе—поселеніе среди гражданъ въ Парижѣ,—что его величество обязанъ былъ сдѣлать изъ любви къ отечеству, можетъ быть, и вслѣдствіе опасеній, но во всякомъ случаѣ также и изъ любви къ своему народу. Распространяйте поэтому тѣ идеи относительно французской конституціи, какія раздѣляетъ относительно нея король, и старайтесь не оставить ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что его величество имѣетъ въ виду поддерживать и защищать ее всѣми силами“. Кромѣ того, было обнародовано еще письмо короля къ принцу Конде слѣдующаго содержанія. „Вернитесь въ отечество, дорогой кузенъ, и воспользуйтесь всѣмъ счастьемъ, какое оно предлагаетъ вамъ. Вернитесь: здѣсь вмѣсто враговъ вы найдете лишь братьевъ. Я приказываю вамъ сдѣлать это именемъ націи и моимъ собственнымъ именемъ. Заклинаю васъ узами, которыя насъ соединяютъ, кровью, которая течетъ въ нашихъ жилахъ—повинуйтесь моему приказанію: берегитесь, чтобы вамъ не пришлось испытать печальныхъ послѣдствій неосмотрительнаго обольщенія!“ Эти публикаціи уничтожили раздраженіе

народа: народъ повѣрилъ конституціонализму короля. Онѣ усыпили даже подозрительность осторожнаго Лафайета.

Спустя четыре дня послѣ того, какъ было написано письмо къ принцу Конде, король бѣжалъ со всѣмъ своимъ семействомъ изъ Тюльери и изъ Парижа. Бѣгство это совершилось въ полночь 20 іюня 1791 г. Члены королевской фамиліи, переодѣтые и съ большими предосторожностями, выбрались по одиночкѣ изъ замка, чтобы не попасть въ руки стражи Лафайета. Они сошлись на каруселькой площади, гдѣ ихъ ожидали двѣ кареты: въ одной изъ нихъ графъ д'Артуа хотѣлъ бѣжать за бельгійскую границу, что ему дѣйствительно и удалось; въ другой—король разсчитывалъ пробраться черезъ Шалонъ въ Монмеди къ генералу Буллье. Обо всемъ этомъ Буллье было сообщено; онъ стянулъ къ Монмеди значительную часть войска и выставилъ на станціяхъ, черезъ которыя долженъ былъ проѣхать король, отряды кавалеріи. Въ старомодномъ берлинѣ, въ которомъ король совершалъ свое бѣгство, помѣстилась, кромѣ него, королева, его сынъ и дочь, принцесса Елизавета и гувернантка королевскихъ дѣтей, мадамъ де-Турзель. Гувернантка была снабжена подложнымъ паспортомъ: она ѣхала подъ именемъ русской княгини Корфъ; Людовикъ фигурировалъ въ качествѣ ея камердинера, Елизавета и Марія-Антуанета—ѣхали въ качествѣ компаньонокъ. На козлахъ сидѣло три лейбъ-гвардейца, переодѣтые слугами. Женская прислуга ѣхала въ особомъ экипажѣ. Бѣгство короля нѣсколько затянулось: Людовикъ выѣхалъ на три дня позже, чѣмъ было у него условлено съ Буллье. Поэтому отряды кавалеріи, не желавшіе обращать на себя вниманія, одинъ за другимъ ушли, такъ что Людовикъ остался безъ прикрытія. Затѣмъ еще сломалось колесо ветхаго экипажа, что вызвало потерю цѣлаго часа времени. Можетъ быть, отъ этого колеса зависѣла тогда вся судьба династіи Бурбоновъ.

Проѣхавъ Шалонъ, король считалъ себя въ полной безопасности. Но его судьба настигла его въ Менегу 22 іюня, когда онъ былъ уже такъ близко къ своей цѣли. Въ этомъ городѣ Людовикъ выглянулъ въ окно экипажа, чтобы поторопить почтальона. Почтмейстеръ, Жанъ-Баптистъ Друэ, увидѣлъ его толстую фигуру съ горбатымъ носомъ на типичной бурбонской физіономіи: его сразу поразило сходство проѣзжаго съ портретомъ короля на ассигнатахъ. Онъ узналъ также королеву, которую ему приходилось видѣть въ Парижѣ, гдѣ онъ раньше служилъ въ драгунахъ. Друэ, молодой, пылкій и энергичный человѣкъ, былъ безусловно преданъ революціи; онъ уже не сомнѣвался, что это королевское семейство, бѣжавшее изъ Парижа,—тѣмъ болѣе, что лошади для проѣзжихъ были заказаны де-Шуазелемъ и только что вошелъ въ городъ отрядъ кавалеріи. Само собой разумѣется, что, послѣ неудачной попытки короля уйти изъ Парижа 18 апрѣля, вся Франція была переполнена слухами о новыхъ планахъ

побѣга короля. Рѣшительный почтмейстеръ быстро созвалъ національную гвардію, которая могла бы оказать противодѣйствіе кавалерійскому отряду, а самъ поѣхалъ верхомъ окольнымъ путемъ въ Варенн'ъ, стараясь опередить королевскій поѣздъ. Онъ успѣлъ пріѣхать въ Варенн'ъ лишь на самое незначительное время раньше короля, но здѣсь онъ немедленно принялся за дѣло со всей своей энергіей. Онъ, съ помощью нѣсколькихъ молодыхъ людей, загородилъ дорогу королю, опрокинувъ телѣгу на мосту, черезъ который онъ долженъ былъ проѣхать при выѣздѣ изъ Варенна. Затѣмъ Друэ разбудилъ мэра, мелкаго торговца Сосса (Sausse), и сообщилъ ему о бѣгствѣ короля. Мэръ немедленно созвалъ національную гвардію. Лишь только показался въ Варенн'ѣ экипажъ короля, Друэ подбѣжалъ къ лошадямъ, схватилъ возжи и именемъ мэра потребовалъ паспортъ. Ему показали документы, написанные на имя княгини Корфъ. Но Друэ заявилъ, что мэръ долженъ тщательно просмотрѣть паспортъ, а пока все это происходило—раздался набатъ, и на м ѣсто происшествія сбѣжалось вооруженное населеніе города. Теперь король могъ увидѣть, что не одни только парижане, а весь французскій народъ стоялъ за конституцію. Мэръ Соссъ объявилъ королю, что онъ узнанъ и не можетъ ѣхать дальше. Людовикъ XVI отрицалъ, что онъ французскій король. Но Соссъ не поддался на эту уловку и отвѣтилъ, что во всякомъ случаѣ только національное собраніе рѣшитъ, можетъ ли онъ продолжать свое путешествіе. Во время спора между королемъ и мэромъ въ королевѣ вспыхнула вся старинная гордость; она крикнула на мэра: „если онъ король, такъ обращайтесь же съ нимъ съ надлежащимъ почтеніемъ!“ Тѣмъ не менѣе мэръ велѣлъ національной гвардіи задержать бѣглецовъ. Въ это время явился кавалерійскій отрядъ, квартировавшій въ Варенн'ѣ; офицеры скомандовали ему двинуться противъ національной гвардіи и разсѣять ее. Мэръ обратился къ солдатамъ съ рѣчью, въ которой онъ напомнилъ имъ, что они обязаны оставаться вѣрными націи и не смѣютъ выступать противъ національной гвардіи. Солдаты стояли неподвижно, національная же гвардія была подкрѣплена сотнями вооруженнаго населенія, сбѣжавшагося на звонъ набата изъ окрестныхъ деревень. Офицеры вступили-было въ рукопашную съ національной гвардіей, но солдаты потребовали, чтобы надъ ними принялъ начальство одинъ изъ офицеровъ національной гвардіи. Король и королева, только-что державшіе себя съ такимъ высокомѣріемъ, перешли теперь къ просьбамъ. Людовикъ падаетъ на грудь мэру и клянется, что онъ бѣжалъ отъ штыковъ и кинжаловъ парижанъ, что онъ постарается изъ Монмеди сдѣлать Францію болѣе счастливой, чѣмъ она была теперь. Марія-Антуанета указываетъ мэру на своихъ дѣтей и умоляетъ его спасти ихъ. Но мэръ, прекрасно понимавшій, что дѣло тутъ вовсе не въ дѣтяхъ, остался столь же нечувствителенъ къ просьбамъ, какъ и къ угрозамъ. Тѣмъ временемъ

ходитъ ночь; на слѣдующій день въ 7 часовъ утра является мо-
ой адъютантъ Лафайета, Ромефъ, съ приказаніемъ національнаго
ранія задержать короля съ его семействомъ, гдѣ бы они ни были.
рія-Антуанета въ порывѣ гнѣва вырвала изъ рукъ адъютанта пред-
ланіе объ арестѣ, но сейчасъ же бросила его со словами: „это мо-
гъ насъ только запачкать!“ Ромефъ отвѣтилъ на эту выходку:
-ше, не правда ли, вамъ было бы пріятнѣе, если бы не я, а кто-
будь иной былъ свидѣтелемъ этой вспышки?“ Съ этой минуты ко-
лева стала держать себя покойнѣе. Королевскій поѣздъ былъ от-
авленъ назадъ и въ сопровожденіи цѣлыхъ полчищъ національной
ріи направился въ Парижъ. Буллье, слишкомъ поздно узнавшій
задержаніи короля, въ порывѣ ярости двинулся съ однимъ полкомъ
гуновъ, но онъ не могъ уже ничего подѣлать. Бѣгство короля по-
чѣло полную неудачу, благодаря, главнымъ образомъ, рѣшитель-
сти Друэ. Друэ, послѣ этого происшествія, которое прославило его
оставило ему признаніе и похвалы со стороны общества и 30000 фран-
въ—со стороны національнаго собранія, выступилъ на поприще об-
ственной и политической жизни. Его ожидалъ выборъ въ конвентъ
жизнь, полная приключеній.

Утромъ 21 іюня въ Парижѣ съ быстротой молніи распростра-
лась вѣсть о бѣгствѣ короля. Лафайетъ разослалъ гонцовъ во всѣ
роны съ предписаніемъ властямъ задержать короля. Немедленно же
бралось національное собраніе. Оно предписало арестовать бѣжав-
го короля и объявило себя законодательной и исполнительной
астью, такъ что Франція въ это время была собственно республикой.
инистры должны были повиноваться собранію, которое затѣмъ при-
лось за обсужденіе манифеста, оставленнаго королемъ въ Тюльери.
этомъ манифестѣ король сбросилъ маску, которой онъ обманы-
лъ народъ, и показалъ себя въ своемъ настоящемъ видѣ. Онъ объ-
лялъ себя противникомъ всѣхъ нововведеній, предпринятыхъ съ
89 г., и разразился самыми рѣзкими нападками на національное
браніе, на новую конституцію, на парижское населеніе. Онъ обви-
лъ собраніе въ томъ, что оно уничтожило его наслѣдственныя права,
яло у него его домены и принудило его утвердить постановленія,
торыя были для него омерзительны. Онъ говорилъ далѣе, что па-
жское населеніе держало его въ неволѣ и наносило ему оскор-
енія, что онъ не можетъ жить на двадцать пять милліоновъ, на-
аченныхъ ему цивильнымъ листомъ, и наконецъ, что онъ уходитъ,
обы въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ отыскать свободу, которой
ъ не могъ найти въ Парижѣ. Противорѣчіе между этимъ манифе-
омъ и мыслями, такъ лицемѣрно выраженными въ циркулярѣ къ
ламъ и въ письмѣ къ принцу Конде, было очевидно. Король здѣсь
мъ объявлялъ, что его расположеніе къ конституціи было только
ской и что оно никогда не станетъ правдивымъ и искреннимъ. Онъ,

какъ мы видимъ, далеко не былъ такъ наивенъ и добродушенъ, какимъ хотятъ представить его историки, потому что мало можно найти въ исторіи примѣровъ такого коварства, нарушенія даннаго слова, присяги, какія онъ проявилъ въ этомъ манифестѣ. Пусть даже этотъ манифестъ составила придворная партія,—Людовикъ все-таки былъ и остается отвѣтственнымъ за него. Но и въ этомъ случаѣ онъ оказался столь же неосмотрительнымъ, какъ и всегда. Онъ говорилъ съ парижанами и вообще съ французами такъ, какъ будто онъ уже былъ въ лагерѣ Буллье. И вотъ, послѣ всего этого, ему пришлось вернуться плѣнникомъ снова въ Парижъ!

Постоянное возбужденіе, въ которомъ находилась тогда Франція, перешло въ бурное негодованіе, когда былъ обнародованъ королевскій манифестъ. Въ клубахъ настойчиво выставлялось требованіе низложенія короля. По полученіи извѣстія объ арестѣ короля въ Вареннѣ, собраніе назначило изъ своей среды трехъ коммисаровъ, которые должны были препроводить короля и его семейство въ Парижъ. Коммисарами были назначены: Барнавъ, Петіонъ и Латуръ-Мобургъ. Они встрѣтили въ Эпернэ громадную массу національныхъ гвардейцевъ и вооруженныхъ гражданъ, сопровождавшихъ короля въ Парижъ. Барнавъ и Петіонъ сѣли въ экипажъ вмѣстѣ съ королемъ и королевой, Латуръ-Мобургъ помѣстился съ ихъ свитой. Петіонъ, какъ республиканецъ, держался холодно и сдержанно съ королемъ и его супругой. Но Барнавъ, 29-лѣтній молодой человѣкъ, былъ плѣненъ королевой, которая съ нѣкоторымъ кокетствомъ вступала съ нимъ въ разговоръ и говорила ему любезности. Она настолько очаровала его, что онъ ради красиваго лица этой женщины совершенно измѣнилъ свои политическіе взгляды и изъ защитника конституціи сталъ защитникомъ двора. Онъ, можетъ быть, и самъ тогда не чувствовалъ, какъ сильно онъ провинился противъ своей родины, и нѣсколько позже заплатилъ своей жизнью на эшафотѣ за свою измѣну. Подъ прикрытіемъ шестнадцати орудій король былъ привезенъ въ Парижъ. Граждане, разстроившіе побѣгъ короля, съ тріумфомъ вошли въ городъ. Повсюду на улицахъ виднѣлись плакаты съ надписью: „Кто выразитъ свою радость при встрѣчѣ Людовика XVI, будетъ наказанъ; кто его оскорбитъ,—будетъ повѣшенъ“. Поэтому безчисленная масса народа, который переполнялъ всѣ улицы, покрывалъ деревья, даже кровли домовъ, встрѣтила шествіе съ глубокимъ, но грознымъ молчаніемъ; молчаніе это произвело на королевское семейство неизгладимое впечатлѣніе. Когда Людовикъ снова вошелъ въ Тюльери, онъ бросился въ кресло и произнесъ: „И глупую же поѣздку я сдѣлалъ!“ Когда явился камердинеръ, онъ воскликнулъ: „А! ты здѣсь? Какъ видишь, и я тоже снова здѣсь!“. Къ великому огорченію королевы, которая умѣла владѣть собой, онъ постоянно въ критическія минуты произносилъ такія тривіальныя изреченія.

Пока что, король былъ лишенъ своей власти и находился по стражей въ Тюльери. Собраніе же издало прокламацію къ фра нузамъ, въ которой говорилось, будто король былъ *увезенъ* врага общественнаго блага. Притворялись, будто вѣрятъ этому странно объясненію. Бѣгство короля вызвало такія послѣдствія, какихъ о самъ несомнѣнно всего менѣе ожидалъ: оно собственно созда республиканское направленіе въ народѣ. Это направленіе проявило въ крайней лѣвой національнаго собранія; еще яснѣе выступило о въ клубѣ якобинцевъ. Робеспьеръ, демократическія рѣчи котора осыпались насмѣшками національнаго собранія, пріобрѣлъ уже бол шую любовь народа и имя „Неподкупнаго“. 21 іюня онъ явился клубъ якобинцевъ и произнесъ здѣсь длинную рѣчь, въ которой о съ одинаковой рѣзкостью нападалъ на короля и на національное браніе. Онъ говорилъ между прочимъ: „Мнѣ кажется, что бѣгст перваго сановника государства вовсе не составляетъ большого счастія. Сегодняшній день могъ бы быть самымъ лучшимъ изъ всѣ дней революціи. Онъ можетъ стать такимъ еще и теперь, и эконом въ сорокъ милліоновъ, отпускаемыхъ на содержаніе короля, была самымъ ничтожнымъ изъ пріобрѣтеній этого дня“. Робеспьеръ объ нялъ національное собраніе въ измѣнѣ уже потому, что оно об явило, будто король былъ увезенъ: это обвиненіе вызвало шумн одобреніе слушателей. Послѣ Робеспьера на ораторскую трибу взошелъ Дантонъ, тотъ даровитый агитаторъ, который пріобрѣ себѣ имя народнаго оратора и выдвинулся во время волне 18 апрѣля, помѣшавшаго бѣгству короля. Онъ нападалъ теперь с ственно на генерала Лафайета. По странной игрѣ случая Лафайе какъ разъ въ это время вошелъ въ залъ засѣданія якобинцев „Отвѣчайте!—грозно воскликнулъ Дантонъ, обращаясь къ Лафайету. Вы дали присягу, что король не уѣдетъ. Вы самимъ собой поруч лись за короля. Слѣдовательно,—вы—или измѣнникъ, продавшій св отечество, или глупецъ, который ручается за того, за кого онъ можетъ поручиться!“ Лафайетъ лишь слабо защищался проти этой страшной альтернативы. Съ этихъ поръ республиканское тече въ обществѣ все болѣе и болѣе усиливалось, и знаменитый учен Кондорсе обнародовалъ сочиненіе, въ которомъ высказывался республику.

Франція была въ страшномъ возбужденіи; повсюду возника волненія, которыя часто кончались кровопролитіями. Озлобленіе н рода направилось противъ дворянства, которое обвиняли въ загово съ королемъ, составленномъ для низверженія конституціи, и ко генералъ Буллье обратился къ національному собранію съ суровы и полнымъ угрозъ письмомъ, дворянство многихъ мѣстностей увидѣл что оно отдано въ жертву озлобленному населенію. Если бы собра возбудило теперь процессъ противъ короля, вслѣдствіе его доказа

наго соглашенія съ врагами конституціи и лишило его власти, оно этимъ избавило бы страну отъ большихъ кровопролитій, потому что, — послѣ того, какъ Людовикъ XVI своимъ поведеніемъ такъ сильно поколебалъ, въ народѣ же почти совершенно ослабилъ уваженіе къ монархіи,—можно было уже предвидѣть, что враждебное монархіи стремленіе разовьется въ республику. Если бы собраніе теперь же объявило республику,—а оно могло сдѣлать это,—это измѣненіе государственнаго строя, можетъ быть, совершилось бы безъ всякихъ дальнѣйшихъ потрясеній. Нельзя предположить, чтобы собраніе, (въ которомъ было такъ много просвѣщенныхъ умовъ), которое провело такъ много смѣлыхъ нововведеній,—не понимало всего значенія этого момента. Собраніе не могло не видѣть, что Людовикъ XVI навсегда останется противникомъ выработанной имъ конституціи. Но какъ разъ въ это время произошла совершенно новая группировка партій. Барнавъ, котораго такъ очаровали прекрасные глаза Маріи-Антуанеты, оставилъ демократическую лѣвую и страшно ослабилъ ее своимъ вліяніемъ. Онъ увлекъ за собой Дюпора, братьевъ Ламетъ и массу другихъ членовъ этой партіи: всѣ они вступили вмѣстѣ съ нимъ въ либерально-конституціонный клубъ 1789 года. Этотъ, такъ значительно усиленный теперь клубъ собирался въ монастырѣ цистерціанской конгрегаціи фельяновъ, и съ этихъ поръ его называли просто клубомъ фельяновъ. Національное собраніе, по настоянію фельяновъ, объявило теперь, что нѣтъ никакого основанія возбуждать процессъ противъ короля за его бѣгство въ Вареннъ. Барнавъ въ фразистой рѣчи защищалъ это предложеніе комитетовъ, и большинство собранія поддержало его. Но собраніе чувствовало, что этимъ постановленіемъ оно можетъ возмутить народъ, поэтому оно прибавило, что, если король нарушитъ присягу на вѣрность конституціи или воспользуется военной силой противъ конституціи и націи,—онъ перестаетъ быть королемъ, и тогда можно возбудить противъ него процессъ за поступки, совершенные имъ послѣ лишенія его престола. Но народъ тѣмъ не менѣе не успокоился; броженіе усилилось особенно въ Парижѣ вслѣдствіе этого постановленія собранія, снова передавшаго власть въ руки короля.

Такъ-то иногда малыя причины вызываютъ великія слѣдствія. Если бы Марія-Антуанета была менѣе красива и Барнавъ менѣе впечатлителенъ, не было бы и фельяновъ. На Барнавѣ и его товарищахъ лежитъ тяжелая отвѣтственность передъ исторіей за позднѣйшія катастрофы, повлекшія за собой низверженіе королевства.

---

16 іюля 1791 г. фельяны снова передали власть въ руки короля, и Лафайетъ со своей національной гвардіей разогналъ народъ, толпившійся вокругъ залы, въ которой засѣдало собраніе. Въ тотъ

же день въ клубѣ якобинцевъ была приготовлена петиція, составленная извѣстнымъ писателемъ и редакторомъ „Французскаго Патріота", Бриссо, и секретаремъ герцога Орлеанскаго Лакло, требовавшая устраненія короля. Петиція эта была расклеена на стѣнахъ. На другой день, 17 іюля, народъ долженъ былъ подписывать ее на Марсовомъ полѣ, для чего сюда собралась громадная масса народа. Съ алтаря отечества говорили къ народу Дантонъ и Камиллъ Демуленъ въ смыслѣ петиціи. Народъ былъ оченъ возбужденъ. Нашли двухъ человѣкъ, которые сидѣли здѣсь, спрятавшись подъ ступеньками лѣстницы, ведущей къ алтарю отечества: они выдавали себя за инвалидовъ. Народъ заподозрилъ въ нихъ переодѣтыхъ полицейскихъ, хотя они утверждали, что пришли сюда только изъ любопытства. Они были убиты разъяреннымъ народомъ. На Марсовомъ полѣ раздались крики: „Прогнать Бурбоновъ! Разогнать національное собраніе!" Такъ возбудило теперь противъ себя это собраніе народъ, который уже два раза поднимался на его защиту.

Балльи перевелъ муниципальную полицію въ домъ инвалидовъ, чтобы она была ближе къ Марсову полю. Когда было замѣчено, что на Марсовомъ полѣ происходитъ волненіе, туда двинулись сперва два баталіона національной гвардіи подъ предводительствомъ Лафайета. Они были встрѣчены камнями и насмѣшками. Лафайетъ, на котораго было наведено ружье, велѣлъ сперва арестовать четырехъ лицъ; замѣчательно, что между арестованными былъ одинъ берлинецъ и одинъ гамбуржецъ. Народъ освободилъ этихъ плѣнниковъ. Между тѣмъ національное собраніе постановило, чтобы муниципальныя власти всѣми мѣрами воспрепятствовали подписыванію петиціи. Муниципалитетъ велѣлъ ударить тревогу и дать нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ; были объявлены законы военнаго положенія. Лафайетъ и Балльи явились на Марсово поле съ 1.200 чел. пѣхоты, нѣсколькими эскадронами кавалеріи, тремя орудіями. Балльи потребовалъ, чтобы народъ разошелся. Толпа отвѣтила крикомъ: „долой красное знамя!" и градомъ камней. Лафайетъ велѣлъ стрѣлять сперва холостыми зарядами, а затѣмъ и пулями въ густую толпу народа. Народъ съ дикимъ воплемъ разбѣжался, оставивъ на полѣ много убитыхъ и раненыхъ. Невозможно было опредѣлить число жертвъ этого дня. Фелльяны говорили, что было убито тридцать человѣкъ, якобинцы же считали убитыхъ сотнями. Этимъ кровавымъ побоищемъ собраніе упрочило основанное имъ конституціонное королевство. Было назначено слѣдствіе, и многіе вожди республиканской партіи, какъ Дантонъ, Демуленъ, сочли за лучшее скрыться на нѣкоторое время. Маратъ, укрывавшійся тогда въ подземельяхъ, едва могъ издавать свой органъ; онъ направлялъ теперь свои жестокія нападки на Лафайета и Балльи и называлъ этого послѣдняго „выдающимся мошенникомъ".

Бойня на Марсовомъ полѣ была послѣднимъ геройскимъ дѣ-
іемъ „простяка Лафайета“, какъ прозвалъ этого „героя Стараго и
ваго Свѣта“ Наполеонъ. Онъ и Балльи не могли уже долго
ять во главѣ парижскаго муниципалитета.

Волны революціи достигли скоро французскихъ колоній. Подъ
йнымъ небомъ Антильскихъ острововъ воодушевленіе свободой
шло до точки кипѣнія, и вскорѣ явилась въ національное собра-
депутація изъ этого отдаленнаго края. Депутація эта прибыла
ъ Санъ-Доминго; она состояла изъ цвѣтныхъ, которые требовали
авненія своихъ правъ съ правами бѣлыхъ. Движеніе въ прекрасной
анцузской колоніи Санъ-Доминго сразу приняло видъ борьбы
ѣтныхъ съ бѣлыми, между тѣмъ какъ одна изъ здѣшнихъ партій
ралась вмѣстѣ съ тѣмъ добиться и независимости этой колоніи
метрополіи. Собраніе рѣшило, что конституція не должна
пространяться на колоніи, и только права мулатовъ уравняло съ
вами бѣлыхъ. Вслѣдствіе этого на С.-Доминго вспыхнули волне-
, которыя скоро приняли такіе размѣры, что французы не могли
равиться съ ними. Возстаніе за независимость колоніи было по-
лено самымъ жестокимъ образомъ, и цвѣтной Оже, человѣкъ, за-
шійся грандіозными планами, который участвовалъ въ депутаціи
ѣтныхъ къ національному собранію и руководилъ возстаніемъ,
ъ осужденъ на смертную казнь посредствомъ колесованія. Но
мъ только подлили масла въ огонь, такъ какъ въ 1791 году дѣло
шло до всеобщаго возстанія негровъ и цвѣтныхъ противъ бѣлыхъ.
лыхъ убивали массами, и негры мстили имъ самымъ звѣрскимъ
разомъ за продолжительное и жестокое угнетеніе, которому они
ь раньше подвергали. Пока эта колонія была почти совершенно
терянной для Франціи, и продолжительная кровавая война, кото-
о вели здѣсь французы, имѣла вовсе не тотъ исходъ, какого ожи-
и: конечнымъ его результатомъ было объявленіе независимости
нъ-Доминго.

Папа вмѣшался во внутреннія дѣла Франціи еще тогда, когда
ь запретилъ духовенству принять гражданскую организацію, и всѣ
иски духовенства, отвергавшаго присягу, велись съ соизволенія и
ласія Ватикана. Теперь же папство потеряло одно изъ лучшихъ
ихъ владѣній, именно графство Авиньонъ. Эта область, располо-
нная во Франціи, была нѣкогда продана папѣ одной малолѣтней
инцессой. Населеніе Авиньона безусловно сочувствовало революціи
хотѣло войти въ составъ Франціи. Дѣло дошло до кровавой
ьбы, въ которой игралъ видную роль упомянутый нами выше
оворѣзъ“ Журданъ. Партіи боролись между собой самымъ же-
кимъ образомъ; рѣзня слѣдовала за рѣзней, пока, наконецъ, пап-

ская партія не была совершенно побѣждена, и 14 сентября 1791 г. собраніе постановило, что Авиньонъ съ этихъ поръ принадлежитъ Франціи.

Между тѣмъ эмигранты организовались уже на границахъ Франціи. Извѣстіе о бѣгствѣ короля исполнило ихъ самой оживленной радостью, и они уже выставили свои легіоны, чтобы съ тріумфомъ встрѣтить Людовика XVI. Тѣмъ сильнѣе было ихъ смущеніе, когда они узнали объ его арестѣ и возвращеніи въ Парижъ. Они дошли до смѣшного ребячества, объявивъ графа Прованскаго регентомъ Франціи, подъ тѣмъ предлогомъ, будто Людовикъ XVI находится въ плѣну. Этотъ „регентъ“ немедленно же образовалъ себѣ дворъ. Между тѣмъ какъ Буллье писалъ свое посланіе къ національному собранію, въ которомъ высокомѣрно угрожалъ ему разрушеніемъ Парижа, эмигранты вооружались. Они имѣли арміи въ Кобленцѣ, Вормсѣ и Эттенгеймѣ; они интриговали при всѣхъ нѣмецкихъ дворахъ, отъ которыхъ они ожидали поддержки. Они назвали себя „заграничной Франціей“. Арміи этихъ эмигрантовъ состояли почти исключительно изъ конницы, такъ какъ „благородные“ не хотѣли служить въ пѣхотѣ. Въ своемъ странномъ вооруженіи они казались привидѣніями, явившимися изъ погибшей старой Франціи. Съ сѣделъ этихъ курьезныхъ рыцарей спускались съ обѣихъ сторонъ маленькія кожаныя сумки; подъ каждой изъ нихъ помѣщался жестяной ящикъ съ восьмью патронами. Въ сумкахъ находились: топоръ, пила и два пистолета. За сѣдломъ висѣло по двѣ сумки бо́льшихъ размѣровъ; въ нихъ, кромѣ патроновъ, были рубаха, штифелькнехтъ, ящикъ съ пудрой, бритва, гребешки, бѣлила и бѣлыя кокарды. Мундиръ они носили голубой, и на высокихъ сапогахъ у каждаго изъ нихъ были прикрѣплены длинныя желѣзныя острія, чтобы можно было даже пинками ногъ уничтожать вражескую пѣхоту. За поясомъ торчало у каждаго нѣсколько пистолетовъ; кромѣ того, у каждаго такого эмигранта были сабля, палка и карабинъ. Съ шляпъ ихъ свѣшивались громадные султаны изъ перьевъ. Эти рыцари печальнаго образа со всѣмъ своимъ вооруженіемъ были мало опасны новой Франціи: но „заграничная Франція“ скоро стала страшной вслѣдствіе своихъ связей при дворахъ. Еще на конференціи въ Мантуѣ графу д'Артуа было обѣщано вооруженное вмѣшательство Австріи во внутреннія дѣла Франціи, и Людовикъ XVI незадолго до своего бѣгства въ Вареннъ довелъ до свѣдѣнія австрійскаго двора, что онъ въ тайнѣ не признаетъ постановленій своихъ министровъ и своихъ собственныхъ. Теперь императоръ Леопольдъ II австрійскій, тесть Людовика XVI, и прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ II устроили конгрессъ въ Пильницѣ, близъ Дрездена, и 27 августа 1791 г. издали манифестъ такого содержанія, что событія во Франціи затрагиваютъ интересы всѣхъ государей Европы и что поэтому всѣ государи должны соеди-

ниться, чтобы дать Франціи „соотвѣтствующее правленіе“. Подъ „соотвѣтствующимъ правленіемъ“ они, естественно, понимали только возстановленіе неограниченной королевской власти.

Пильницкій манифестъ послужилъ введеніемъ къ тѣмъ большимъ коалиціямъ, которыя ввергли Европу въ кровавыя войны почти на двадцать пять лѣтъ. Это вмѣшательство европейскихъ государей во внутреннія дѣла Франціи послужило причиной тѣхъ страшныхъ кризисовъ и катастрофъ, которыми такъ богата французская революція. Оно сдѣлало невозможнымъ мирное развитіе Франціи, вызвало французовъ на страшную, отчаянную борьбу со всѣми, кто только хотѣлъ коснуться пріобрѣтеній французской революціи и возстановить старую Францію. Французскій буржуа и крестьянинъ должны были защищать въ этой борьбѣ свою свободу и свою землю. Отвѣтственность передъ исторіей за всѣ крайности, имѣвшія мѣсто во время революціи, падаетъ на тѣхъ эмигрантовъ, которые призвали военную силу иностранныхъ державъ противъ своего собственнаго отечества.

1791

Національное собраніе, между тѣмъ, приближалось къ концу своихъ работъ. 3 сентября оно закончило и утвердило конституцію. Эта конституція превращала Францію въ конституціонную — точнѣе, въ полу-демократическую конституціонную монархію. Законодательная власть была передана въ руки національнаго собранія, члены котораго избирались косвенно гражданами, платившими налоги. Особа короля была неприкосновенна; король правилъ посредствомъ отвѣтственныхъ министровъ. Онъ располагалъ правомъ отстрочивающаго вето, которое должно было имѣть силу въ продолженіе двухъ законодательныхъ періодовъ. Онъ былъ главнымъ начальникомъ арміи, но для объявленія войны или заключенія мира онъ нуждался въ согласіи собранія. Собранію принадлежало право помилованія. Конституція давала гражданамъ равенство передъ закономъ,—которое, впрочемъ, далеко не было послѣдовательно проведено, — свободу печати, свободу личности, защиту собственности и чести, насколько это можно осуществить при такой конституціи, насколько всѣ эти вещи не обусловливались внѣшними, лежащими внѣ конституціи обстоятельствами. Эта конституція была скроена по мѣркѣ „почтеннаго гражданства“, почтенной буржуазіи, которая уже потому была въ восторгѣ отъ нея, что она вводила свободу производства. Она представляла собой государственныя рамки буржуазнаго общества и давала буржуазіи ту свободу, въ которой она нуждалась, чтобы стать міровой силой. Масса народа, конечно, чувствовала, что устраненіемъ феодализма сдѣланъ громадный шагъ впередъ, но гораздо меньше увлекалась этой конституціей, чѣмъ „почтенное гражданство“, такъ какъ она не находила въ ней ника-

кихъ гарантій для своего экономическаго благосостоянія. Особенно пролетаріатъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ и угнетеннымъ классовыми противоположностями и исключительными постановленіями, изданными собраніемъ противъ него и превращавшими прекрасныя слова конституціи въ безсодержательные, пустые звуки.

Конституція содержала въ себѣ массу матеріала для новой борьбы, для новыхъ конфликтовъ. Можно было предвидѣть, что король воспользуется предоставленною ему властью для безпрестанныхъ попытокъ возстановить абсолютизмъ. Съ другой стороны,—конституція со своими демократическими учрежденіями должна была ободрить народъ и побуждать его стремиться къ дальнѣйшему расширенію свободы. Жестоко заблуждался тотъ, кто думалъ, что эта конституція подѣйствуетъ на революцію, какъ масло, вылитое въ море во время бури. Между тѣмъ, какъ она игнорировала множество важнѣйшихъ вопросовъ и очень мало коснулась или даже вовсе не касалась экономическихъ интересовъ громадной массы народа,—она вооружила народъ и государственную власть другъ противъ друга. Дворъ, можетъ быть, лучше всѣхъ видѣлъ недостатки конституціи. Онъ надѣялся, что она вызоветъ замѣшательства, которыми онъ сможетъ воспользоваться для ея уничтоженія, путь, которымъ пользовались такъ часто и съ такимъ успѣхомъ. Даже королева думала, что еще не все потеряно, если только имѣть достаточно терпѣнія, твердости и постоянства. Король между тѣмъ разыгрывалъ конституціонную комедію съ такой ловкостью и такъ удачно, что снова вернулъ расположеніе къ себѣ собранія, тогда какъ само собраніе съ каждымъ днемъ теряло расположеніе народа. Король писалъ 13 сентября 1791 г. собранію, что онъ готовъ принять конституцію, между тѣмъ какъ едва прошло двѣ недѣли съ того дня, какъ съ его тайнаго согласія и съ открыто выраженнаго согласія его братьевъ былъ изданъ пильницкій манифестъ. Онъ говорилъ, будто онъ готовъ охранять конституцію внутри государства и защищать ее отъ всякихъ посягательствъ извнѣ.

Еще раньше собраніе возвратило Людовику XVI королевскую власть и лейбъ-гвардію. Теперь же оно встрѣтило его заявленіе съ восторгомъ. Оно считало революцію оконченной; буржуазія теперь думала, что она уже добилась государственныхъ формъ, соотвѣтствующихъ ея историческому назначенію: теперь, какъ и всегда, она хотѣла лишь превратить государство въ орудіе, которое бы служило ея классовымъ интересамъ. Ей казалось, что взятіе Бастиліи и всѣ другія усилія народа должны были служить единственно этой цѣли. Она хотѣла показать себя великодушной и, по предложенію Лафайета, издала амнистію для всѣхъ преслѣдуемыхъ по политическимъ соображеніямъ.

14 сентября Людовикъ отправился въ собраніе и здѣсь снова присягнулъ на вѣрность конституціи: онъ повторилъ присягу, которую онъ еще раньше далъ на Марсовомъ полѣ и которую онъ по всей

формѣ нарушилъ своимъ манифестомъ во время бѣгства въ Вареннъ. Собраніе распустило себя 30 сентября, такъ какъ его задача была уже окончена. Когда собраніе расходилось, народъ показалъ, какъ мало оно пользовалось теперь его любовью. Только Петіонъ и Робеспьеръ были встрѣчены одобрительными криками народа: остальные депутаты вызывали у него лишь насмѣшки.

Собраніе еще раньше постановило, по предложенію Робеспьера, что члены перваго національнаго собранія не могутъ быть избраны въ слѣдующее. Это предложеніе обнаруживаетъ замѣчательную политическую проницательность. Оно вполнѣ основательно предполагало дальнѣйшее развитіе революціи и привело къ тому, что представители старой Франціи были исключены изъ второго національнаго собранія, что въ него были введены представители демократической идеи. Это предложеніе имѣло неисчислимыя послѣдствія.

Съ введеніемъ новой конституціи „почтенное гражданство," буржуазія была принята въ среду господствующихъ классовъ. Восторгъ, опьяненіе, которымъ предались эти выскочки конституціонной и парламентской революціи, были слишкомъ велики для того, чтобы пробужденіе не было для нихъ непріятнымъ.

В. Блосъ.

Законодательное собраніе. 1791.

Выборы въ законодательное собраніе были произведены быстро, такъ что 30 октября 1791 г. оно уже могло открыть свои засѣданія. Составъ этого собранія показалъ, что предложеніе о томъ, чтобы члены перваго собранія не могли избираться во второе, было разсчитано вполнѣ вѣрно. Изъ національнаго представительства Франціи исчезли всѣ элементы, желавшіе возстановленія старины въ какой бы то ни было формѣ. Не видно было здѣсь уже ни одного изъ представителей абсолютно-монархической и аристократическо-конституціонной партій: во всей Франціи не избранъ ни одинъ изъ сторонниковъ этихъ партій,—такъ сильно было стремленіе страны къ обновленію. Высшая аристократія и духовенство, отвергавшее гражданскую присягу, также не были представлены въ этомъ собраніи.

Демократическо-конституціонная партія, которая еще такъ недавно господствовала въ національномъ представительствѣ, и, въ качествѣ творца новой конституціи, революціонно выступала противъ абсолютизма,—теперь, въ законодательномъ собраніи была оттиснута изъ центра направо и образовала консервативный элементъ этого учрежденія. Прежніе фелльяны были не очень многочисленны и называли себя конституціоналистами. Такъ какъ старые, прославившіеся вожди этой партіи уже не могли быть избраны, то въ законодательномъ собраніи вождями ея явились люди, имена которыхъ до сихъ поръ были мало извѣстны, какъ Рамонъ, Вобланъ и Жирарденъ. Этихъ конституціоналистовъ народъ называлъ теперь аристократами и реакціонерами, потому что въ конфликтахъ между королемъ и народнымъ представительствомъ они обыкновенно становились на сторону короля. Настоящіе же ихъ вожди: Лафайетъ, Балльи, Барнавъ занимали большею частью различныя должности. Этой партіи держалась высшая буржуазія, но въ народѣ она не пользовалась рѣшительно никакимъ сочувствіемъ. Кромѣ того, къ этому времени Лафайетъ и Балльи, уступая демократическому теченію, оставили свои мѣста начальника національной гвардіи и мэра. Національная гвардія—пока что — не получала главнаго начальника: обязанности главнокомандующаго исполнялись поочереди черезъ каждые два мѣсяца полковниками ея шести легіоновъ. Клубъ фелльяновъ такъ же мало могъ

придать значенія правой законодательнаго собранія, какъ и салонъ г-жи Сталь-Гольштейнъ, въ которомъ собирались знаменитости конституціональной партіи. Этой женщинѣ было тогда около двадцати лѣтъ; она была дочерью Неккера. Значеніе ея талантовъ, ея политическаго ума сильно преувеличено: роль ея состояла просто въ томъ, что она служила посредницей между дворомъ и конституціоналистами. Въ салонѣ г-жи Сталь сходились прежніе демократы и якобинцы, отступникъ Барнавъ, Дюпоръ, братья Ламетъ и ихъ друзья со сторонниками двора, взгляды которыхъ они теперь раздѣляли. Г-жа Сталь и ея мужъ, шведскій посланникъ Сталь-Гольштейнъ, жили той иллюзіей, что можно еще оживить пустѣйшую изъ всѣхъ политическихъ системъ, систему Неккера.

Всѣ остальныя мѣста въ собраніи были заняты демократами, преимущественно молодыми, пылкими людьми, многіе изъ которыхъ явились въ Парижъ съ самою страстною любовью къ свободѣ.

Въ центрѣ помѣщалась та умѣренно-демократическая партія, которая прославилась подъ именемъ жирондистовъ. Это имя она получила оттого, что самые видные ея члены и лучшіе ея ораторы почти всѣ явились изъ департамента Жиронды. Вожди этой партіи, бывшіе вмѣстѣ съ тѣмъ и самыми энергичными людьми, заняли возвышенныя мѣста въ центрѣ, тогда какъ, такъ-называемую, долину заняла масса людей, которые хотя и были расположены къ новизнѣ, но не хотѣли окончательно порвать и со стариной. Поэтому „долину“ центра въ насмѣшку прозвали также болотомъ (le marais), а депутатовъ, помѣстившихся здѣсь,—болотными жабами.

Жирондисты чрезвычайно увлекались общимъ и неопредѣленнымъ понятіемъ „свободы“ и обыкновенно вдохновлялись идеями и примѣрами классической древности: Эллады и Рима. Они не понимали, что идеи древнихъ философовъ уже не соотвѣтствуютъ времени французской революціи, и Дюмурье поэтому очень мѣтко характеризовалъ ихъ, сказавъ однажды, что „они—лишь плохой переводъ съ латинскаго“. Жиронда охотнѣе всего рѣшала бы на почвѣ парламентаризма ту великую борьбу между народомъ и королевской властью, которая возникла изъ ошибокъ конституціи 1791 г. Эта партія, иронически названная Маратомъ партіей государственныхъ людей, не хотѣла понять, что для того, чтобы можно было разсчитывать на прочность пріобрѣтеній революціи, необходимо предварительно позаботиться объ ихъ укрѣпленіи. Она вела себя такъ, какъ будто объявленіемъ личной свободы всѣхъ и каждаго былъ уже достигнутъ идеалъ стремленій того времени, между тѣмъ какъ именно тогда прежде всего нужно было энергично бороться съ безпрестанными интригами двора и другихъ враговъ новой Франціи. Жирондисты были представителями той части буржуазіи, которую увлекло демократическое теченіе. Соціальнымъ принципомъ ихъ былъ индивидуализмъ, который они, — какъ

это дѣлаютъ и нѣкоторыя изъ теперешнихъ политическихъ направленій, — умышленно или неумышленно смѣшивали со свободой личности. Вслѣдствіе одного уже этого они должны были стать въ противорѣчіе съ массой, ожидавшей отъ новаго государства уменьшенія своихъ бѣдствій. Жирондисты мечтали о такой республикѣ, въ которой бы господствовали природные таланты, образованіе и совершенно забывали, что парижскій народъ возсталъ прежде всего за свое освобожденіе отъ всякаго гнета сверху. Съ такими воззрѣніями партія жирондистовъ во Франціи была осуждена на трагическую участь.

Эта партія имѣла въ своихъ рядахъ самые блестящіе таланты новой Франціи, поэтому она сразу могла выступить въ собраніи съ большимъ шумомъ. Къ Жирондѣ принадлежали многіе изъ самыхъ талантливыхъ ораторовъ, писателей, политиковъ и философовъ. Главнымъ ораторомъ ея былъ Верніо, адвокатъ съ юга Франціи, пламенныя и изящно обработанныя рѣчи котораго часто приводили въ волненіе всю страну, но онъ былъ слишкомъ флегматиченъ для того, чтобы пріобрѣсти значеніе въ качествѣ государственнаго человѣка. Инсаръ, купецъ изъ Марсели, умѣлъ увлекать своими бурными вспышками все собраніе. Гадэ и Жансоннэ пугали дворъ своими ярыми нападками. Лувэ, давно пользовавшійся славой, какъ писатель, также былъ въ этой партіи. Но настоящимъ политическимъ главой ея былъ Жанъ-Пьерръ Бриссо, талантливый и опытный писатель, принимавшій горячее участіе въ борьбѣ за свободу въ Америкѣ и вернувшійся изъ-за моря во время взрыва революціи. Его сочиненія много способствовали подготовленію революціи, и онъ въ свое время сидѣлъ въ Бастиліи. Передъ революціей онъ иногда выступалъ въ качествѣ соціалистическаго теоретика; теперь же въ своей газетѣ: „Французскій Патріотъ“, онъ явился представителемъ высшей буржуазіи, старавшейся основать въ республикѣ что-то въ родѣ буржуазной аристократіи. Но, принявъ за образецъ античныхъ гражданъ Эллады и Рима, Бриссо забылъ, что роль, взятая на себя французскимъ народомъ, была совсѣмъ непохожа на рабство, составлявшее основу античнаго общества. У Бриссо было больше враговъ, чѣмъ у кого-либо иного изъ жирондистовъ; всю его партію называли „бриссотинцами“ (Brissotins), и говорили о „бриссотствѣ“ (Brissotage), въ смыслѣ хвастовства. Кондорсэ, знаменитый ученый, другъ Тюрго и д'Аламбера, редактировалъ политическіе манифесты жирондистовъ. Партія эта имѣла много сторонниковъ въ департаментахъ—именно, на западѣ и югѣ, что вполнѣ соотвѣтствовало ея составу, такъ какъ въ рядахъ ея было много республиканцевъ, но также много и такихъ конституціоналистовъ, которые боялись республики. Жирондисты старались утвердиться въ клубѣ якобинцевъ, но здѣсь вліяніе ихъ ослаблялось Робеспьеромъ, популярность котораго постоянно возрастала и который завладѣлъ ораторскую трибуну этого клуба.

Внѣ собранія жирондисты имѣли поддержку въ Петіонѣ, избранномъ теперь въ парижскіе мэры. У нихъ былъ также свой политическій салонъ, именно у г-жи Роланъ; эта замѣчательная женщина играла часто руководящую роль главы партіи. Она была замужемъ за пожилымъ человѣкомъ, прежнимъ финансовымъ чиновникомъ, Роланомъ. Душа этой красивой женщины, проникнутой пламенной любовью къ свободѣ, была полна идеалами классической древности, которые въ бурное время французской революціи не могли найти для себя никакой почвы. Воодушевленіе, политика и любовь поставили эту женщину на опасный путь, конецъ котораго былъ на эшафотѣ. Разрывъ между жирондистами и якобинцами тогда еще не былъ очевиднымъ, такъ какъ жирондисты еще старались удержаться въ клубѣ якобинцевъ. И тѣ люди, которые вскорѣ стали преслѣдовать другъ друга на смерть, встрѣчались въ салонѣ г-жи Роланъ самымъ пріятельскимъ образомъ.

Лѣвая законодательнаго собранія состояла изъ республиканцевъ. Ихъ называли также просто якобинцами. Со времени бѣгства короля въ Вареннъ республиканское направленіе сдѣлало во Франціи громадные успѣхи. Лѣвая была не только противъ двора, но и противъ конституціи, которую она считала недостаточной и ненародной. Она хотѣла демократической республики со всеобщимъ избирательнымъ правомъ, полной гражданской свободой и равноправностью.—У лѣвой, можно сказать, не было въ собраніи значительныхъ ораторовъ, если не считать такими Мерлена изъ Тіонвилля, бывшаго капуцина Шабо и Базира. Она не могла тягаться съ блестящими ораторами Жиронды. Карно, Кутонъ и др., достигшіе впослѣдствіи такого значенія, еще не выступали въ законодательномъ собраніи.

Сила лѣвой была внѣ собранія. Ея опорой былъ всемогущій клубъ якобинцевъ, ставшій тогда рычагомъ республиканскаго движенія. Около этого времени появилась на сцену и красная шапка. Возставшіе въ Нанси солдаты шатовьесскаго полка были приговорены къ работамъ на галерахъ и впослѣдствіи помилованы; брестскіе якобинцы, желая оказать имъ особенную честь, взяли у нихъ красныя шапки галерныхъ каторжниковъ и надѣли на свои головы. Этотъ головной уборъ сталъ общераспространеннымъ, но распространенію его больше способствовали жирондисты, чѣмъ настоящіе якобинцы, и Робеспьеръ даже говорилъ однажды противъ него.

Среди якобинцевъ господствовалъ Робеспьеръ. Этотъ адвокатъ изъ Араса, являвшійся всегда въ голубомъ фракѣ, желтомъ жилетѣ и желтыхъ брюкахъ, началъ теперь входить въ славу. Буржуа и аристократы перваго собранія смѣялись надъ его демократическими рѣчами и держали себя такъ, какъ будто на него не стоило обращать серьезнаго вниманія. Онъ теперь еще издавалъ журналъ подъ названіемъ: „Защитникъ конституціи“; нѣкоторое время онъ занималъ

должность государственнаго прокурора. Робеспьеръ пріобрѣлъ извѣстность еще до революціи, когда онъ выигралъ процессъ относительно громоотвода, который духовенство считало „произведеніемъ дьявола". Теперь онъ обратился къ республиканской партіи. Но въ этомъ человѣкѣ, державшемъ въ первомъ собраніи рѣчь противъ смертной казни, не замѣчали еще ничего такого, по чему можно было бы предугадать въ немъ будущаго диктатора, которому суждено было занести свое имя въ исторію столь страшными дѣяніями. Его ораторское искусство также теперь еще только вырабатывалось. Но народъ относился съ неимовѣрнымъ уваженіемъ къ „неподкупному" Ребеспьеру, неизмѣнная фигура котораго ежедневно врѣзывалась ему въ память.

Лѣвая стояла въ непосредственной связи съ народомъ черезъ клубъ кордельеровъ,—вѣтвь клуба якобинцевъ. Здѣсь собирались всѣ энергичные и пылкіе люди, придававшіе рѣчамъ меньше значенія, чѣмъ Робеспьеръ. Главною цѣлью ихъ было—сокрушить всѣхъ враговъ революціи и сдѣлать совершенно невозможнымъ возвращеніе къ старымъ порядкамъ; лишь послѣ этого они имѣли въ виду органическое обновленіе государства и общества. Въ этомъ клубѣ собиралось много рѣшительныхъ людей. Здѣсь можно было видѣть бывшаго адвоката, Жоржа-Жака Дантона, могучаго оратора массъ. Дантонъ имѣлъ много сходства съ Мирабо; его громовой голосъ, смѣлые обороты его рѣчей увлекали за нимъ массы. Его некрасивая громадная фигура съ негро-подобнымъ лицомъ скоро стала одной изъ самыхъ обычныхъ при всякихъ сборищахъ народа. Онъ могъ то проявлять самую бурную энергію, то погружаться въ полную бездѣятельность и апатію. Его обвиняли въ томъ, будто онъ былъ подкупленъ дворомъ, но, по нашему мнѣнію, для этого обвиненія нѣтъ положительныхъ доказательствъ, а его образъ дѣйствій не даетъ никакихъ основаній думать, что онъ былъ въ заговорѣ съ дворомъ. У кордельеровъ можно было встрѣтить и Камилла Демулена, смѣлаго оратора 12 іюля 1789 года, а также Сантерра, коменданта сенантуанской національной гвардіи, мясника Лежандра, у котораго часто скрывался Маратъ, Малльяра, Журдана и другихъ. Наконецъ, въ этотъ клубъ являлся также и Маратъ, когда онъ не былъ вынужденъ скрываться. Онъ тогда впалъ въ мрачный пессимизмъ и писалъ: „второе собраніе такъ же никуда не годится, какъ и первое".

Между тѣмъ и парижская коммуна тоже получила новый составъ. Балльи сложилъ съ себя обязанности мэра; Лафайетъ охотно занялъ бы его мѣсто, но на выборахъ громаднымъ большинствомъ побѣдилъ Петіонъ, котораго поддерживалъ дворъ, такъ какъ Марія-Антуанетта питала личную ненависть къ генералу Лафайету. Петіонъ принадлежалъ къ партіи жирондистовъ; онъ былъ республиканецъ и пользовался любовью народа. Въ первомъ національномъ собраніи онъ блестящимъ образомъ защищалъ свободу негровъ и часто не безъ успѣха

состязался съ Мирабо. Занимая должность мэра, онъ не стѣснялъ народныхъ движеній, но въ своихъ рѣшеніяхъ онъ былъ непостоянъ и невоздержанъ. Прокуроръ муниципалитета Манюэль такъ же, какъ и Петіонъ, былъ сторонникомъ Жиронды. Однимъ изъ помощниковъ Манюэля былъ Дантонъ. Коммуна состояла изъ 16 администраторовъ, муниципальнаго и генеральнаго совѣтовъ: въ первомъ изъ нихъ было 32, а во второмъ—96 членовъ. Но теперь началось уже господство 48 секцій, въ рукахъ которыхъ была также и полиція.

Такимъ образомъ, рядомъ съ законодательнымъ собраніемъ въ Парижѣ образовалась новая сила, власть надъ которой была въ рукахъ секцій. Коммуна стала руководительницей революціи, и двору скоро пришлось почувствовать на себѣ ея тяжелую руку.

При такихъ обстоятельствахъ можно было предвидѣть, что конфликты между законодательнымъ собраніемъ и дворомъ не заставятъ себя долго ждать. Они, дѣйствительно, и начались, лишь только законодательное собраніе открыло свои засѣданія.

Народъ напряженно ожидалъ, что предприметъ новое собраніе, и пока предоставилъ иниціативу ему. Сейчасъ же начались и конфликты между собраніемъ и королемъ. Собраніе довело до свѣдѣнія короля, что оно уже конституировалось. Людовикъ XVI всецѣло отдался въ руки двора, дворъ же хотѣлъ импонировать собранію своимъ высокомѣріемъ. Поэтому король не принялъ депутаціи, посланной собраніемъ: ей велѣли явиться на второй день. Въ отместку за это собраніе отмѣнило титулы: „государь“ и „ваше величество“ (sire и majesté). Король вышелъ изъ себя и объявилъ, что онъ не явится въ собраніе, раньше чѣмъ это рѣшеніе не будетъ отмѣнено. Собраніе отмѣнило его. Но когда король явился въ собраніе и сѣлъ,—депутаты также сѣли. Было ясно, что собраніе полно недовѣрія къ королю, король же проникнутъ глубокой ненавистью къ собранію. Съ этого и начались конфликты, которые должны были кончиться полнымъ низверженіемъ королевской власти.

Собраніе сейчасъ же занялось эмиграціей, которая послѣ пильницкаго манифеста приняла грозный видъ. Эмигранты легко могли выставить на границѣ войско въ 60,000 человѣкъ. И вотъ, 10 сентября 1791 года появился такъ называемый кобленцскій манифестъ въ формѣ письма къ королю, въ которомъ графъ Прованскій и графъ д'Артуа сообщали ему, что все, совершившееся во Франціи съ 1789 года, они считаютъ противозаконнымъ.

Этотъ манифестъ сильно взволновалъ собраніе, и Иснаръ въ своей блестящей рѣчи потребовалъ энергичныхъ мѣръ. „Дерзость вашихъ враговъ,—воскликнулъ онъ,—возросла, благодаря лишь потачкѣ съ вашей стороны. Они не перестанутъ вредить вамъ, пока въ ихъ

рукахъ останутся хоть какія-нибудь средства къ этому. Ихъ необходимо побѣдить,—иначе они васъ побѣдятъ!" 9 ноября собраніе постановило, что каждый эмигрантъ, который къ 1 января 1792 года не вернется во Францію, присуждается къ смертной казни, какъ заговорщикъ in contumatiam, съ конфискаціей его имущества, но безъ нарушенія правъ оставшихся во Франціи женъ, дѣтей эмигрантовъ и ихъ законныхъ кредиторовъ.

На этотъ декретъ король сейчасъ же наложилъ свое вэто, чѣмъ и обнаружилъ передъ всѣмъ свѣтомъ, что онъ хочетъ оградить эмигрантовъ отъ всякихъ бѣдъ. Понятно, недовѣріе къ королю еще болѣе возросло; для ослабленія его король издалъ высокопарную прокламацію къ эмигрантамъ, въ которой онъ приглашалъ ихъ вернуться во Францію.—Одновременно съ этимъ онъ написалъ своимъ обоимъ братьямъ, требуя и ихъ возвращенія, чтобы, какъ онъ выражался, устранить недовѣріе. Но эти мѣры только еще больше увеличили недовѣріе: народъ вспомнилъ, что такая же комедія была разыграна передъ бѣгствомъ короля въ Варенны. Да и простой здравый смыслъ говорилъ, что если бы король серьезно желалъ возвращенія эмигрантовъ, то ему оставалось бы только утвердить декретъ собранія. Но народъ догадывался—и онъ не ошибался,—что король поддерживаетъ тайныя сношенія съ тѣми самыми эмигрантами, которыхъ онъ оффиціально приглашалъ вернуться на родину.

Конфликту между собраніемъ и королемъ далъ новую пищу декретъ относительно духовенства, не принимавшаго гражданской присяги. Собраніе увидѣло себя вынужденнымъ принять рѣшительныя мѣры противъ происковъ этихъ агентовъ всѣхъ реакціонныхъ стремленій и постановило, что директоріи департаментовъ могутъ высылать священниковъ, не принявшихъ присяги, изъ своихъ департаментовъ, заключать ихъ подъ стражу и, въ случаѣ надобности, смѣщать и лишать окладовъ. Постановленіе это было нѣсколько террористическимъ, но оно вполнѣ оправдывалось положеніемъ дѣлъ. Король наложилъ свое вэто и на него. Онъ даже сказалъ, что онъ скорѣе разстанется съ жизнью, чѣмъ подпишетъ подобный декретъ,—и измѣнникъ Барнавъ нашелъ это извѣстіе очень возвышеннымъ.

Въ обоихъ этихъ случаяхъ значеніе вэто выступило крайне рѣзко и обнаружило ту громадную пропасть конфликтовъ, къ какой неизбѣжно должна была привести конституція, потому что она установила такое раздѣленіе властей, которое стояло въ полномъ противорѣчіи съ фактическимъ распредѣленіемъ силъ. Людовикъ XVI имѣлъ, конечно, полнѣйшее право пользоваться своимъ вэто. Но, пользуясь имъ, онъ становился въ противорѣчіе со всѣми требованіями и духомъ времени; значеніе же такого противорѣчія Камиллъ Демуленъ мѣтко характеризовалъ въ одной петиціи слѣдующими словами: „Посредствомъ вэто нельзя помѣшать взятію Бастиліи!" Безсмысленность системы консти-

туціоннаго равновѣсія и безпочвенность вэто выступали все яснѣе и яснѣе. Въ народѣ происходилъ поворотъ въ сторону демократіи; вскорѣ это движеніе переросло всѣ измышленія учредительнаго собранія, въ которыхъ еще такъ недавно видѣли потрясеніе основъ.

Король, увидѣвъ, какое скверное впечатлѣніе на народъ произвело примѣненіе вэто, и, желая загладить его, предпринялъ перемѣну въ личномъ составѣ министерства. Изъ абсолютистовъ онъ удержалъ только Бертрана де-Молльвилля и Делессара: перваго, въ качествѣ главнаго министра финансовъ и судоходства, второго — въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Къ нимъ онъ назначилъ Нарбонна военнымъ министромъ, Дюпоръ-Дютертра—министромъ юстиціи и Кайе де Жервилля—министромъ внутреннихъ дѣлъ. Эти люди были взяты изъ фелльяновъ, изъ правой собранія. Но назначеніе ихъ не произвело ожидаемаго впечатлѣнія. Происки же эмигрантовъ начали совершенно овладѣвать общественнымъ мнѣніемъ.

Особенно вызывающе держали себя эмигранты въ областяхъ духовныхъ курфюрстовъ — Майнцскаго и Трирскаго. Здѣсь они нетолько выставили вооруженную силу противъ Франціи, но и осмѣлились чинить жестокія расправы надъ тѣми нѣмцами, которые сочувствовали новому порядку вещей во Франціи. Собраніе, взволнованное этимъ безстыдствомъ, единогласно постановило потребовать отъ курфюрстовъ Майнцскаго и Трирскаго обезоруженія эмигрантовъ и удаленія ихъ отъ границъ. Къ этому постановленію побудилъ собраніе своей сильной рѣчью Иснаръ. „Обратитесь,—говорилъ онъ, — къ министрамъ, къ королю, къ Европѣ. Но говорите съ ними тѣмъ языкомъ, какой приличествуетъ представителямъ Франціи. Скажите министрамъ, что вы крайне мало довольны ихъ теперешнимъ поведеніемъ, скажите, что *подъ отвѣтственностью вы понимаете смерть*. Скажите Европѣ, что вы уважаете внутренній строй всѣхъ государствъ, но если вызовутъ войну государей противъ Франціи, то вы воспламените войну народовъ противъ государей!“

Людовикъ съ удовольствіемъ утвердилъ этотъ декретъ, потому что онъ желалъ войны, которая—какъ онъ надѣялся—привела бы къ пораженію французовъ и къ вступленію союзныхъ иностранныхъ войскъ во Францію. Король, поклявшійся въ вѣрности конституціи, отъ такого оборота дѣлъ ожидалъ возстановленія своей абсолютной власти. Незадолго передъ этимъ къ вѣнскому и берлинскому дворамъ былъ посланъ Малле дю-Панъ съ тайнымъ порученіемъ Людовика склонить эти дворы къ войнѣ съ Франціей. Такъ, дворъ снова принялся за заговоры противъ новаго порядка вещей во Франціи; эмигранты, иностранныя державы, духовенство, отвергавшее присягу, поддерживали его. Всѣ они и не подозрѣвали, какъ сильна у французскаго народа, страстно отстаивавшаго свою свободу, способность къ противодѣйствію.

Нарбоннъ, человѣкъ честный, не имѣвшій ничего общаго съ предательствами своей партіи, всѣми силами старался обезопасить границы Франціи отъ нападенія. Онъ собралъ четыре арміи. На югѣ стоялъ роялистъ, маркизъ де Монтескіу (de Montesquiou), чтобы защищать Францію отъ возможнаго вторженія со стороны Италіи. Въ Лотарингіи начальствованіе войсками принялъ Лафайетъ: онъ раньше испортилъ свою роль начальника національной гвардіи,—теперь ему предстояло еще испортить взятую имъ на себя роль полководца. Въ Эльзасѣ начальствовалъ Люккнеръ, нѣмецъ, пріобрѣвшій добрую славу въ прусской арміи во время семилѣтней войны, но въ политическомъ отношеніи человѣкъ очень недалекій. На сѣверо-западѣ стоялъ Рошамбо, роялистъ, участвовавшій въ американской войнѣ. Нарбоннъ дѣлалъ все, что было въ его силахъ, для надлежащаго подготовленія этихъ армій къ войнѣ; но Делессаръ и Молльвилль всѣми силами старались создавать ему затрудненія. Людовикъ даже уволилъ Нарбонна въ отставку. Но когда онъ увидѣлъ, какъ неразуменъ былъ этотъ шагъ, снова вызвавшій волненіе въ народѣ, то уволилъ также Бертрана де-Молльвилля.

Но это ему нисколько не помогло, потому что теперь вмѣшалось въ дѣло національное собраніе и возбудило обвиненіе противъ министровъ Бертрана де-Молльвилля и Делессара. Во время этого дѣла двору пришлось почувствовать всю силу могучаго краснорѣчія Верніо. „Съ этой трибуны,—воскликнулъ ораторъ, воспламенявшій тогда сердца всѣхъ,—съ этой трибуны, съ которой я говорю, видѣнъ тотъ дворецъ, гдѣ преступные министры дурачатъ и обманываютъ конституціоннаго короля. Я вижу окна замка, въ которомъ подготовляютъ контръ-революцію, въ которомъ придумываютъ средства къ тому, чтобы насъ снова ввергнуть въ рабство. Въ старые годы и во имя деспотизма часто исходилъ ужасъ изъ этого стараго дворца: пусть же онъ теперь вернется въ него во имя закона и проникнетъ въ сердца всѣхъ, живущихъ въ немъ. Пусть всѣ, живущіе тамъ, узнаютъ, что наша конституція признаетъ неприкосновенность за однимъ лишь королемъ!“

Бертранъ де-Молльвилль съ великимъ трудомъ ускользнулъ отъ обвиненія. Делессаръ же вскорѣ послѣ этого былъ переданъ орлеанскому государственному суду по обвиненію въ небрежномъ и недостойномъ исполненіи обязанностей по должности.

Теперь король увидѣлъ, что если онъ хочетъ ладить съ собраніемъ, то онъ долженъ назначить министровъ изъ партіи жирондистовъ. Дворъ не безъ удовольствія смотрѣлъ на это, такъ какъ эти люди были столь ограничены, что искусство государственнаго управленія серьезно считали привиллегіей дворянства и были убѣждены, что министерство изъ горожанъ можетъ только осрамиться.

Главой новаго правительства сталъ Дюмурье, не принадлежавшій ни къ Жирондѣ, ни къ какой иной партіи, человѣкъ, обладавшій большимъ умомъ, остроуміемъ и глубокимъ знаніемъ людей. Его прошлое было полно приключеній. Въ качествѣ дипломата онъ превысилъ свои полномочія и за это долго сидѣлъ въ Бастиліи, въ качествѣ солдата онъ сражался съ поляками противъ русскихъ. Это былъ въ одно и то же время и военный, и государственный человѣкъ, блестящій талантъ, какъ метеоръ быстро поднявшійся вверхъ, чтобы упасть и утонуть въ грязи измѣны отечеству. Онъ льстилъ всѣмъ партіямъ, такъ что каждая изъ нихъ считала его своимъ, и обманулъ всѣ партіи. Дюмурье получилъ министерство иностранныхъ дѣлъ, а Роланъ де-ля-Платьеръ, мужъ г-жи Роланъ, о которой мы уже говорили, честный и строгій, но нѣсколько ограниченный и очень педантичный человѣкъ, — министерство внутреннихъ дѣлъ. Съ нимъ проникла въ правительство и г-жа Роланъ, душа партіи жирондистовъ, и Маратъ называлъ Ролана „кухоннымъ драгуномъ своей жены“. Министерство финансовъ получилъ женевецъ Клавьеръ, военное — Серванъ, оба сторонники жирондистовъ, Дюрантонъ получилъ министерство юстиціи, а Лакостъ—морское.

Министерство это прозвали „министерствомъ безъ штановъ“, чѣмъ аристократы хотѣли осмѣять его народный характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ указать на то вліяніе, какое имѣла въ немъ г-жа Роланъ. Тутъ произошла неслыханная вещь: министры явились къ королю не въ парадныхъ одѣяніяхъ, а въ простомъ, обыкновенномъ платьѣ горожанъ, безъ париковъ, безъ пряжекъ на башмакахъ. „Ахъ!.. въ башмакахъ безъ пряжекъ!“ воскликнулъ оберцеремоніймейстеръ, указывая на Ролана; „Ахъ, сударь, все погибло!“ со смѣхомъ отвѣтилъ ему Дюмурье.

Между тѣмъ Австрія и Пруссія 27 февраля 1792 года заключили между собою формальный союзъ, по которому Австрія должна была выставить 180,000, а Пруссія—60,000 чел. войска, чтобы помочь французскому королю возстановить его абсолютную власть. Вопросъ о будущей конституціи Франціи долженъ былъ рѣшить конгрессъ. Когда это стало извѣстнымъ, фёльяны и жирондисты начали энергично требовать войны. Дворъ, казалось, радъ былъ войнѣ; такъ было и на самомъ дѣлѣ, потому что онъ ждалъ отъ нея возстановленія абсолютной королевской власти. Робеспьеръ, политическая дальнозоркость котораго тутъ неоспорима, боялся въ случаѣ войны государственнаго переворота со стороны Лафайета и съ чрезвычайной энергіей боролся у якобинцевъ противъ войны. Жирондисты же поддались патріотическому увлеченію. Король притворялся, будто его принуждаютъ къ войнѣ, которой онъ въ дѣйствительности такъ сильно желалъ. 20 апрѣля 1792 года Людовикъ XVI явился въ собраніе и предложилъ объявить войну Австріи; собраніе среди бурныхъ одоб-

реній приняло это предложеніе; оно было принято почти единогласно; такъ начался рядъ тѣхъ походовъ, которые почти четверть вѣка опустошали Европу.

Ни Австрія, ни Пруссія не были готовы къ войнѣ. Но это ихъ не смущало. Тамъ знали, что французскіе генералы, командующіе дѣйствующей арміей, не особенно предпріимчивы, имѣли свѣдѣнія и о томъ, что состояніе французскаго войска также не блестяще. Въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ вполнѣ серьезно относились ко всякимъ похвальбамъ эмигрантовъ. Говорили только о „большой военной прогулкѣ въ Парижъ", а извѣстный духовидецъ, генералъ Бишофсвердеръ сказалъ въ Магдебургѣ: „эта армія адвокатовъ будетъ скоро разсѣяна!"

Въ Бельгіи стоялъ принцъ Альбертъ Саксенъ-Тешенскій съ австрійской арміей, и Дюмурье, вниманіе котораго въ особенности было обращено на Бельгію, рѣшилъ здѣсь сдѣлать нападеніе. Лафайетъ получилъ приказъ вступить въ Бельгію; оба корпуса арміи Рошамбо, подъ начальствомъ Теобальда Диллона и Бирона, должны были служить авангардомъ. Лафайетъ тотчасъ направился къ границѣ, чтобы прорваться черезъ нее противъ Нэмура; Диллонъ и Бирон пошли на Турнэ и Монсъ.

Оттого ли, что войска еще не привыкли къ войнѣ и ими овладѣла безпричинная паника, или дѣйствительно существовала измѣна, но когда корпусъ генерала Бирона натолкнулся у Кьервэна на нѣсколько отрядовъ австрійской арміи, то еще раньше, чѣмъ дѣло дошло до стычки, изъ рядовъ французскихъ драгунъ раздались крики: „насъ предали!" Драгуны обратились въ бѣгство и привели весь корпусъ въ такое замѣшательство, что австрійцы почти безъ труда могли разсѣять его. У Турнэ то же самое вышло съ корпусомъ Теобальда Диллона. Здѣсь также кавалерія съ дикими криками: „насъ предали!" открыла безпорядочное бѣгство, причемъ Диллонъ своими же подчиненными былъ обвиненъ въ измѣнѣ и убитъ.

Нападеніе потерпѣло неудачу, и Лафайетъ отступилъ. Рошамбо отказался отъ командованія и былъ замѣщенъ Люккнеромъ, мѣсто котораго въ Эльзассѣ занялъ генералъ Кюстинъ.

Эти событія вызвали во Франціи и въ особенности въ Парижѣ необычайное волненіе. Народъ кричалъ объ измѣнѣ и, конечно, не безъ основанія. Правда, измѣнниковъ нельзя было указать, но дѣятельность ихъ чувствовалась. Говорили объ „австрійскомъ комитетѣ" и этимъ именемъ часто называли дворъ. Говорили, что у этого комитета есть планъ провести австрійцевъ внутрь страны. Что такой планъ существовалъ,—это несомнѣнно; иниціаторшей его называли королеву и въ особенности бывшихъ министровъ: Бертрана де-Молльвилля и Монморена.

Явились и внѣшніе признаки приготовленій къ государственному перевороту. Лейбъ-гвардія, назначенная королю, сверхъ его швейцар-

ской гвардіи, по конституціи должна была состоять только изъ 1.800 чел., теперь ее увеличили до 6.000 чел. Герцогъ де-Бриссакъ, любовникъ Дюбари, начальствовалъ надъ этимъ отрядомъ: онъ считался отъявленнымъ абсолютистомъ. Дворъ, въ ожиданіи сильнаго нападенія извнѣ, держалъ себя съ такой увѣренностью и такъ мало скрывалъ свои намѣренія, что собраніе, въ виду опасностей, угрожающихъ отечеству, объявило себя безпрерывнымъ. Когда оно узнало объ увеличеніи лейбъ-гвардіи, оно распустило ее и предало герцога де-Бриссака орлеанскому суду.

Въ это критическое время собраніе проявило большую энергію; это было самое лучшее время жирондистовъ. Собраніе постановило, что священники, не принявшіе присяги, которые теперь снова пришли въ движеніе, могутъ быть подвергнуты ссылкѣ, если они станутъ агитировать противъ конституціи. Затѣмъ, было постановлено къ предстоящей годовщинѣ взятія Бастиліи образовать близъ Парижа лагерь изъ 20.000 „союзниковъ“ изъ провинцій для защиты города. Собраніе было того мнѣнія, что для его защиты уже недостаточно національной гвардіи. Петіонъ еще раньше жаловался на своевольства многихъ богатыхъ людей и называлъ ихъ „новой аристократіей“. Было постановлено также открыть доступъ въ національную гвардію и рабочимъ и вооружить ихъ пиками, съ цѣлью держать этимъ въ соотвѣтствующихъ границахъ высшую буржуазію, уже тогда болѣе или менѣе симпатизировавшую двору.

Тутъ снова обнаружилось, какъ велики были недостатки конституціи: какъ на декретъ относительно духовенства, отвергавшаго присягу, такъ и на декретъ относительно федераціоннаго лагеря, король наложилъ свое вэто. Съ этихъ поръ и стали называть короля monsieur Veto, а королеву—madame Veto.

Общественное возбужденіе усилилось снова, и ярая партійная борьба проникла даже въ правительство. Три жирондистскихъ министра совершенно расходились со своими товарищами. Людовикъ, къ которому, въ виду предстоящихъ дѣйствій иностранныхъ державъ въ его пользу, снова вернулась бодрость духа, придумывалъ, какъ бы ему избавиться отъ этихъ трехъ неудобныхъ министровъ. Въ это время Ролланъ обратился къ королю съ знаменитымъ, очевидно, составленнымъ г-жей Ролланъ, письмомъ, въ которомъ шла рѣчь о неутвержденіи королемъ двухъ вышеупомянутыхъ декретовъ и король призывается къ *честному подчиненію конституціи*. Въ этомъ письмѣ сказалась вся жирондистская непослѣдовательность и путаница: вѣдь пользуясь своимъ правомъ вэто, король поступалъ вполнѣ согласно съ конституціей. Можно было бы требовать отъ него отреченія отъ права вэто: это, по крайности, имѣло бы смыслъ.

Король, раздраженный вольнымъ письмомъ Роллана, обратился къ Дюмурье за совѣтомъ, что ему дѣлать; Дюмурье далъ ему хитрый

совѣтъ утвердить оба декрета и отставить трехъ жирондистскихъ министровъ. Дѣйствительно, этимъ король защитилъ бы себя отъ того упрека, что онъ уволилъ министровъ вслѣдствіе ихъ политическихъ взглядовъ. Дюмурье взялся самъ оправдать этотъ поступокъ передъ законодательнымъ собраніемъ. Теперь Ролланъ, Клавьеръ и Серванъ были отставлены, Дюмурье же получилъ военное министерство, чтобы на всякій случай, имѣть возможность даже въ послѣднюю минуту лишить значенія проектъ относительно федераціоннаго лагеря. Въ собраніи Дюмурье былъ встрѣченъ бурею презрительныхъ возгласовъ. Но этотъ замѣчательный человѣкъ сохранилъ все свое хладнокровіе. Ему кричали, что его отошлютъ въ Орлеанъ (на судъ). „Ладно!— отвѣтилъ всегда столь же находчивый, какъ и ненадежный Дюмурье:— я буду тамъ купаться, стану пить сыворотку, — теперь мнѣ все это крайне полезно!“

Но король нарушилъ теперь обѣщаніе, данное имъ Дюмурье: онъ не утвердилъ декретовъ. Это такъ раздражило Дюмурье, что онъ тоже взялъ отставку и отправился въ армію. Когда Дюмурье ушелъ, Людовикъ злобно воскликнулъ: „Какъ, этотъ человѣкъ побудилъ меня отставить трехъ министровъ за то, что они требовали отъ меня утвержденія этихъ декретовъ, а теперь самъ требуетъ того же!“ Хотѣлъ ли онъ оправдать этимъ передъ собой и передъ другими нарушеніе даннаго имъ слова?

Король взялъ теперь министровъ снова изъ фелльяновъ. Эта партія все больше сближалась съ дворомъ, и даже глава ея, Лафайетъ, унизился до того, что сталъ все больше и больше превращаться въ простое орудіе двора. Этотъ злополучный человѣкъ, сотворившій себѣ кумира изъ конституціи, безпомощно носился по волнамъ событій бурнаго времени. Его рѣшенія были всегда такъ неумны, что хуже ничего и придумать было невозможно. Онъ далъ въ распоряженіе двора свою подпись на листѣ чистой бумаги, и такимъ образомъ 18 іюня собраніе получило угрожающее письмо за его подписью, въ которомъ авторъ обвинялъ собраніе за его дѣятельность и грозилъ ему военной силой. Жирондистъ Гадэ, очень остроумный адвокатъ, доказалъ на основаніи числа, которымъ было помѣчено письмо, что Лафайетъ, находившійся тогда при арміи на границѣ, не могъ самъ написать его, а долженъ былъ дать свою подпись въ распоряженіе кого-либо иного, что совершенно уничтожило все впечатлѣніе этого, и безъ того очень неудачнаго, письма.

Жирондисты, люди парламентарной борьбы, не могли найти никакихъ средствъ для устраненія королевскаго вэто. Казалось, что они считали теперь вэто единственной большой помѣхой дѣлу свободы въ ихъ смыслѣ слова. Тутъ имъ пришло въ голову устрашить короля проявленіемъ народной силы и этимъ заставить его пользоваться своимъ правомъ вэто съ большей умѣренностью. Съ этой цѣлью они рѣшили

поднять народныя массы парижскихъ предмѣстій и устроить демонстрацію. Предмѣстья, готовыя на все, согласились. Петіонъ долженъ былъ поддерживать демонстрацію тѣмъ, что онъ ничего противъ нея не предпринималъ и ни во что не вмѣшивался; агитаторы въ предмѣстьяхъ должны были привести въ движеніе массы. Якобинцы и кордельеры мало принимали участія въ этой демонстраціи, которую они вполнѣ основательно считали безполезной и неумѣлой; только Сантерръ и Лежандръ склонились въ ея пользу. Демонстрація 20 іюня была дѣломъ жирондистовъ.

Въ предмѣстьяхъ дѣятельно подготовлялась демонстрація на 20 іюня. Надѣялись образовать процессію изъ 40,000 вооруженныхъ людей, которые должны были вручить петиціи національному собранію, засѣдавшему въ зданіи манежа, и королю. Этимъ жирондисты разсчитывали достигнуть своей цѣли, - принудить короля къ болѣе умѣренному пользованію правомъ вэто. Предлогомъ этой процессіи было выставлено то, что будто хотѣли отпраздновать годовщину клятвы въ Залѣ Мяча и посадить дерево свободы въ память этого знаменательнаго дня.

Петіонъ участвовалъ въ этомъ заговорѣ; для обсужденія дѣла созывались предварительныя собранія, на которыхъ присутствовали: Сантерръ, Манюэль, Силльери и другіе — все жирондисты. Но когда рабочіе предмѣстій обратились въ муниципалитетъ съ просьбой о разрѣшеніи явиться на демонстрацію съ оружіемъ, то муниципалитетъ не далъ на это разрѣшенія. Опасаясь отвѣтственности въ случаѣ неудачи предпріятія, Петіонъ довелъ дѣло до свѣдѣнія департаментальнаго управленія и предложилъ, чтобы процессію сопровождала національная гвардія. Управленіе отвергло это предложеніе и предписало мэру принять всѣ мѣры къ подавленію возможныхъ противозаконныхъ выходокъ. Но Петіонъ самъ участвовалъ въ заговорѣ и не принялъ никакихъ соотвѣтствующихъ мѣръ, такъ что демонстрація могла разыграться безъ всякихъ стѣсненій.

Раннимъ утромъ 20 іюня петиціонеры съ оружіемъ въ рукахъ собрались на площади Бастиліи. Ихъ было всего 1,500 человѣкъ; но когда процессія тронулась, число ихъ скоро возросло до 30,000. Въ процессіи было много женщинъ и дѣтей; во главѣ ея шли музыканты. Мужчины были вооружены ружьями, саблями, пиками и ножами; тутъ можно было видѣть очень странное, старинное оружіе. На флагахъ, которые несли въ процессіи, часто попадалась надпись: „конституція или смерть!“ — чѣмъ выражалась жирондистская тенденція всей демонстраціи, такъ какъ король, пользуясь своимъ правомъ вэто, нисколько не нарушалъ конституціи. Но тутъ виднѣлись также и иныя надписи, какъ:—„долой вэто!“, „свобода или смерть!“, „народъ

усталъ страдать!". На одномъ шестѣ болтались изорванные штаны съ надписью: „да здравствуютъ санкюлоты!" Въ концѣ шелъ копейщикъ и несъ на пикѣ бычачье сердце съ надписью: „аристократическое сердце". Этотъ символъ былъ направленъ противъ эмигрантовъ. Всѣ эти значки, нѣсколько отдававшіе подстрекательствомъ, были пущены въ дѣло жирондистами съ цѣлью напугать дворъ, но они большею частью не достигли своей цѣли, такъ какъ въ нихъ въ общемъ не видѣли ничего серьезнаго; но ими воспользовались, какъ предлогомъ, для криковъ о крайностяхъ революціи. Въ теченіе нѣкотораго времени вся Европа была полна криками объ изорванныхъ штанахъ на шестѣ, о бычачьемъ сердцѣ на пикѣ,—вещахъ, которыя сами по себѣ имѣли очень ничтожное значеніе.

Пивоваръ Сантерръ, мясникъ Лежандръ и маркизъ Сентъ-Юрюгъ (Saint-Hurugues), нѣсколько захудалый дворянинъ съ очень сомнительной репутаціей, повели массу къ національному собранію. Гюгененъ, бывшій адвокатъ изъ Нанси, сказавшій какъ-то, что революціонеръ долженъ имѣть набатный колоколъ въ сердцѣ, былъ ораторомъ демонстрантовъ. Петиція, предназначенная для подачи, была насквозь проникнута жирондистскимъ духомъ. Въ ней говорилось: „Должно ли счастье свободнаго народа зависѣть отъ прихотей короля, и можетъ ли этотъ король имѣть иную волю, отличную отъ воли закона?"—Но вѣдь Людовикъ XVI, примѣняя вэто, пользовался только своимъ законнымъ правомъ.

Гюгененъ явился передъ барьеромъ законодательнаго собранія и угрожающимъ тономъ потребовалъ возвращенія на посты отставныхъ министровъ. Собраніе разрѣшило петиціонерамъ пройти черезъ залу засѣданій. Верніо говорилъ: „Эти собравшіеся люди съ полнымъ основаніемъ опасаются за будущее. Они хотятъ показать, что вопреки всѣмъ кознямъ, устраиваемымъ противъ свободы, они все еще готовы защищать свободу". А показать эту готовность и было главной цѣлью жирондистовъ. Прохожденіе черезъ залу засѣданій продолжалось три часа, причемъ пѣли извѣстную пѣсню: „Ça ira". Затѣмъ, процессія двинулась по Карусельской площади передъ Тюльльери, чтобы потребовать у короля утвержденія двухъ вышеупомянутыхъ декретовъ собранія.

Если бы Людовикъ въ этотъ моментъ показался народу и, пожалуй, крикнулъ: да здравствуетъ конституція! — то, вѣроятно, вся эта жирондистская комедія лопнула бы, какъ мыльный пузырь. Но онъ не вышелъ, и масса теперь стала требовать пропуска въ Тюльльери. Муниципальные чиновники удалили караулъ,—очевидно, съ той цѣлью, чтобы избѣжать борьбы при входѣ. Въ этомъ ясно видна рука Петіона. Масса устремилась въ замокъ, но двери королевскихъ покоевъ оказались запертыми. Принялись рубить ихъ топорами. Но Людовикъ теперь уже увидѣлъ всю безопасность этой демонстраціи, имѣвшей

побудить его къ болѣе умѣренному примѣненію вэто. Онъ велѣлъ отпереть двери, и народъ устремился въ королевское жилище. Конечно, Людовику пришлось выслушать много жесткихъ словъ,— въ особенности отъ Лежандра, — но онъ отнесся къ нимъ равнодушно. „Чего же вы хотите отъ меня?“ спросилъ Людовикъ. Его охраняли нѣсколько гренадеровъ національной гвардіи. Людовикъ зналъ, съ какой цѣлью устроено все это, но онъ и теперь еще имѣлъ мужество снова отказать въ утвержденіи декретовъ. На одинъ изъ столовъ поставили стулъ, и Людовикъ сѣлъ на него. Ему подали на пикѣ красную шапку, и онъ оказался достаточно хитрымъ, чтобы надѣть ее, что народъ встрѣтилъ самыми бурными одобреніями. Когда же одинъ рабочій предложилъ ему выпить изъ своей бутылки и король, дѣйствительно, выпилъ, то радость народа вышла изъ всякихъ предѣловъ. Гремѣли крики радости и одобренія королю; когда же Лежандръ выступилъ впередъ и потребовалъ утвержденія декретовъ, Людовикъ твердымъ голосомъ отвѣтилъ: „теперь не время, да и не мѣсто требовать отъ меня этого!“ — Но добродушный народъ оглушаетъ радостными криками короля въ красной шапкѣ, и тутъ начинается больше комичный, чѣмъ серьезный обмѣнъ вопросовъ и отвѣтовъ между королемъ и народомъ, пока, наконецъ, въ половинѣ пятаго пополудни не явился въ замокъ мэръ Петіонъ и не потребовалъ, чтобы народъ разошелся,—что народъ сейчасъ же и сдѣлалъ.

Въ общемъ, надо сказать, что эта жирондистская демонстрація оказалась позорно-неудачной, потому что теперь нечего было уже и думать объ утвержденіи декретовъ. Дворъ увидѣлъ, какъ слабы и нерѣшительны жирондисты, которыхъ онъ до сихъ поръ такъ боялся, какъ готовъ народъ, подъ ихъ вліяніемъ, продѣлывать всякія комедіи. 20 іюня имѣло почти такія же послѣдствія, какъ неудавшееся возстаніе; поведеніе короля, по крайней мѣрѣ, по внѣшности, казалось очень рѣшительнымъ, и это снова сильно подняло его репутацію. Высшая же буржуазія, напуганная странной процессіей предмѣстій, почувствовала влеченіе снова броситься въ объятія двора. Король получалъ адресы съ изъявленіями преданности, покрытые тысячами подписей.

Когда вооруженные рабочіе предмѣстій ушли, къ фёльянамъ снова вернулась бодрость духа. Лафайетъ набрался энергіи. Этотъ странный человѣкъ все еще не вѣрилъ, что его популярность совершенно погибла. Несмотря на то, что онъ стоялъ передъ непріятельской арміей, онъ рѣшилъ отправиться въ Парижъ, чтобы потребовать объясненій отъ законодательнаго собранія. Онъ надѣялся импонировать народнымъ представителямъ своимъ военнымъ видомъ. Но скоро ему пришлось увидѣть, что онъ жестоко ошибся въ своихъ разсчетахъ: собраніе отнеслось къ нему, какъ къ просителю, и если онъ хотѣлъ присутствовать на засѣданіи, то долженъ былъ занять мѣсто проси-

теля. Гадэ съ уничтожающей язвительностью спросилъ, не побѣждены ли уже австрійцы, если генералъ Лафайетъ явился сюда? Лафайетъ требовалъ преслѣдованія зачинщиковъ 20 іюня, закрытія клуба якобинцевъ и принятія мѣръ противъ нарушеній конституціи. Собраніе просто передало его требованія въ комиссію прошеній, и этимъ оно очень оскорбило „героя стараго и новаго свѣта“. Но Лафайетъ чувствовалъ потребность въ еще большихъ униженіяхъ. Онъ предложилъ свои услуги двору: тотъ самый человѣкъ, который держалъ короля подъ стражей, который преслѣдовалъ его во время бѣгства въ Варенн, теперь готовъ былъ увезти того же самаго короля въ провинціальный городъ, чтобы оттуда вмѣстѣ съ нимъ напасть на законодательное собраніе. Но дворъ, ожидавшій теперь помощи отъ Австріи и Пруссіи, рѣзко отказалъ Лафайету, которому онъ не желалъ обязываться. Теперь Лафайетъ хотѣлъ собрать буржуа національной гвардіи, чтобы напасть на якобинцевъ, разогнать ихъ и заложить камнями залу ихъ собраній. Но на его зовъ не явилось даже и тридцати человѣкъ. Тутъ только этотъ „герой стараго и новаго свѣта“ почувствовалъ себя достаточно опозореннымъ и осмѣяннымъ и вернулся къ арміи.

Хотя Франція объявила войну только Австріи, но въ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ французской демократіи приняла участіе также и Пруссія. Прусское войско было собрано на французской границѣ, и Фридрихъ-Вильгельмъ II объявилъ манифестомъ, что онъ явился за оружіе для защиты нарушенныхъ интересовъ германской имперіи, для подавленія во Франціи „анархіи и духа сумасбродства“ и возстановленія монархической власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ говорилъ, что Людовикъ XVI принялъ конституцію неискренно и недобровольно.

Это новое нападеніе иностранной державы очевидно, находившейся въ союзѣ съ дворомъ, вызвало во Франціи новое возбужденіе, не поддающееся никакому описанію. Въ то время, какъ въ Тюльери высчитывали, когда придутъ пруссаки, французскій народъ увидѣлъ, что всѣ пріобрѣтенія революціи подвергаются страшной опасности. Горожане боялись возстановленія стараго деспотическаго режима; крестьяне боялись возвращенія феодальныхъ тяготъ, подъ бременемъ которыхъ они обречены были на вѣчное голоданіе. Судорожное волненіе охватило весь народъ; на дворъ обрушилась невыразимая ярость народа; народъ чувствовалъ, что это именно дворъ призвалъ иностранцевъ противъ революціи. Уже никто не обращалъ вниманія на то, что король не утвердилъ постановленія собранія объ устройствѣ лагеря для 20.000 союзниковъ. Изъ провинцій, особенно изъ тѣхъ, въ которыхъ имѣли вліяніе жирондисты, устремились въ Парижъ

массы народа, записавшагося въ списки. Подъ именемъ „союзниковъ“ подразумѣвались всѣ, явившіеся съ оружіемъ въ рукахъ изъ провинцій въ столицу. Собственно, уже ихъ движеніе въ Парижъ было возстаніемъ. Особенно извѣстными были бретанскіе и марсельскіе союзники; марсельцы впервые принесли съ собою тотъ могучій революціонный гимнъ, сочиненный инженернымъ офицеромъ Руже-де-Лилемъ, который съ этихъ поръ носитъ названіе марсельезы. Руже-де-Лиль въ пылу патріотическаго воодушевленія въ одну ночь написалъ текстъ и мелодію этого гимна,—говорятъ, впрочемъ, что мелодія ея заимствована изъ одной старинной нѣмецкой религіозной пѣсни. Онъ исполнилъ ее въ первый разъ въ семьѣ тогдашняго мэра Дитриха и увлекъ всѣхъ присутствовавшихъ. Когда же этотъ гимнъ впервые запѣли хоромъ нѣсколько сотъ волонтеровъ въ Страссбургѣ,—сразу все воспламенилось огнемъ патріотическаго воодушевленія. Скоро эта побѣдная, бурная пѣсня раздалась по всей Франціи; она повсюду увлекала массы съ равной силой и вела республиканскія колонны въ битвы.

Собраніе послѣ неудачи 20 іюня воспрянуло съ новой энергіей. Оно поняло, что при наступленіи враговъ, соединившихся съ дворомъ, уже невозможно останавливаться передъ вэто. Верніо и Бриссо нападали на дворъ съ чрезвычайной яростью и рѣчи ихъ дѣйствовали, какъ пушечные выстрѣлы, направленные противъ Тюльльери. „Король!—восклицалъ Верніо:—ты, который думалъ, что людей нужно сдерживать клятвами, точно дѣтей игрушками, который притворялся, будто ты любишь законы, а хотѣлъ только имѣть власть сопротивляться имъ,—ты прикинулся сторонникомъ конституціи единственно затѣмъ, чтобы собрать силу для уничтоженія ея... Человѣкъ, въ которомъ благородство французовъ не вызываетъ никакого отклика, котораго можетъ тронуть лишь любовь къ деспотизму, теперь ты уже—ничто для конституціи, столь недостойно нарушенной тобою, ты уже—ничто для народа, измѣннически преданнаго тобою!“ Бриссо шелъ еще дальше и прямо призывалъ къ возстанію. „Вамъ говорятъ,—взывалъ онъ: бойтесь королей венгерскаго и прусскаго! А я скажу вамъ: главная сила этихъ враговъ — при дворѣ: *тамъ* сперва ихъ нужно побѣдить. Вамъ говорятъ: ударьте на враждебное духовенство. А я скажу вамъ: ударьте на тюльльерійскій дворъ, такъ вы однимъ ударомъ поразите и духовенство. Вамъ говорятъ: преслѣдуйте интригановъ, и заговорщиковъ. А я скажу вамъ: они исчезнутъ сами собой, если вы ударите на тюльльерійскій кабинетъ. Кабинетъ этотъ—центральный пунктъ, въ которомъ сходятся всѣ нити, гдѣ замышляются всѣ интриги. Нація—игрушка въ рукахъ этого кабинета. Вотъ въ чемъ тайна нашего положенія; вотъ гдѣ источникъ зла; вотъ куда надо направить энергію!“ Собраніе постановило, что въ случаѣ, если положеніе станетъ критическимъ, оно имѣетъ право

объявить *отечество въ опасности*. Объявленіе это должно быть возвѣщено по всему государству выстрѣлами въ знакъ тревоги. Съ этого момента всѣ правительственныя учрежденія общинъ и департаментовъ функціонируютъ безпрерывно; всѣ мужчины, способные къ ношенію оружія, должны вступить въ національную гвардію; все оружіе должно быть роздано. Возстаніе или попытка къ нему должны наказываться смертью и ношеніе всякихъ значковъ, кромѣ національныхъ, должно разсматриваться, какъ возстаніе.

Этими постановленіями были положены границы королевскому вето, но вмѣстѣ съ ними долженъ былъ вспыхнуть полный и безусловный конфликтъ между короною и народнымъ представительствомъ. Однако въ собраніи предварительно еще разыгралась одна замѣчательная сцена. Конституціонный епископъ Ліонскій, Ламутенъ, держалъ очень сантиментальную рѣчь о примиреніи партій, — примиреніи, совершенно невозможномъ при тогдашнихъ условіяхъ. Однако присутствующіе на время увлеклись: явилось какое-то опьяненіе этой идеей. Люди стали обниматься; конституціоналисты, жирондисты, якобинцы, казалось, объединились какъ братья; въ собраніе явился король, и его встрѣтили съ энтузіазмомъ. Эту трогательную сцену, разыгравшуюся 7 іюля 1792 года, иронически назвали Ламуртеновскимъ поцѣлуемъ мира. Черезъ два дня сила событій изгладила всѣ слѣды этой сцены, послѣ того какъ въ клубѣ якобинцевъ ее прозвали поцѣлуемъ Іуды.

Дворъ, ободренный выступленіемъ пруссаковъ, всего менѣе былъ склоненъ къ примиренію. Сейчасъ же послѣ поцѣлуя мира Петіонъ былъ отставленъ за то, что онъ не воспрепятствовалъ демонстраціи 20 іюня. Но народу этотъ ударъ пришелся не по вкусу. Повсюду шумно требовали возвращенія Петіона на постъ, и по улицамъ раздавались дикіе крики: „Петіонъ—или смерть!"—возгласъ, бывшій въ эти дни лозунгомъ революціоннаго Парижа. Собраніе просто снова назначило Петіона на его должность. Дворъ пришелъ въ великое изумленіе отъ этой настойчивости и сталъ нерѣшительнымъ. Тутъ 11 іюля получилось извѣстіе о приближеніи пруссаковъ, и собраніе теперь дѣйствительно объявило отечество въ опасности, — мѣра, совершенно изолировавшая и парализовавшая дворъ. Якобинцы сейчасъ же воспользовались этимъ, чтобы потребовать смѣщенія короля; первое такое предложеніе исходило изъ Марселя.

Теперь Лафайетъ снова явился ко двору съ своими предложеніями. Онъ склонилъ слабаго маршала Люкнера въ пользу плана увезти короля въ Компьенъ. Отсюда Людовикъ долженъ былъ отправиться за границу и принять свои мѣры противъ якобинцевъ. Лафайетъ, какъ онъ говорилъ, ожидалъ отъ честности короля, что онъ сохранитъ новыя учрежденія. Ожиданія эти очень плохо подходили къ этому моменту, когда король призвалъ чужеземцевъ для

низверженія конституціи, на вѣрность которой онъ присягалъ. Людовикъ отвѣтилъ генералу фелльяновъ крайне пренебрежительно и велѣлъ сказать ему, что пусть онъ, молъ, служитъ „вороньимъ, пугаломъ" однимъ республиканцамъ и усердно займется своимъ „генеральскимъ ремесломъ". Лафайетъ, повидимому, даже не особенно обидѣлся этимъ презрѣніемъ.

14 іюля праздновалась годовщина взятія Бастиліи, но на этотъ разъ при совершенно иныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ два года тому назадъ. Народъ шелъ теперь на Марсово поле не въ строгомъ порядкѣ, а пестрой, смѣшанной толпой. 83 палатки представляли департаменты; близъ алтаря отечества стояло высокое дерево, увѣшанное символическими значками феодализма, которое нужно было сжечь. Король, холодно встрѣченный толпою, снова повторилъ одну изъ своихъ присягъ. Въ этотъ день онъ былъ одѣтъ въ кольчугу. Предложеніе зажечь дерево феодализма онъ отклонилъ со словами: „теперь уже нѣтъ феодализма!" Затѣмъ національные гвардейцы проводили его домой. Народъ самъ зажегъ дерево феодализма и демонстрировалъ съ криками: „да здравствуетъ нація и мэръ Петіонъ!" или: „Петіонъ— или смерть!"

Такимъ образомъ, праздникъ союза нисколько не смягчилъ конфликта, на что надѣялись нѣкоторые наивные люди. Напряженность отношеній между королевской властью, собраніемъ и народомъ достигла высшей степени. Стороны открыто говорили другъ другу, что дѣло дойдетъ до борьбы и готовились къ этой борьбѣ.

1792

Десятое августа 1792 года было тѣмъ днемъ, въ который парижское населеніе взяло приступомъ Тюльльери и низвергло старинную, такъ долго царствовавшую во Франціи, династію Бурбоновъ. Людовикъ XVI понесъ кару за свои собственные грѣхи и за грѣхи своихъ предковъ.

Кто же сдѣлалъ десятое августа?

„Союзники" и революціонные рабочіе парижскихъ предмѣстій!

Оно такъ. Но не въ меньшей степени — и такъ называемый *брауншвейгскій манифестъ*, появившійся какъ разъ въ этотъ критическій моментъ.

Прусской арміей, назначенной для вторженія во Францію, командовалъ герцогъ Карлъ-Вильгельмъ-Фердинандъ Брауншвейгскій. Этотъ герцогъ счелъ нужнымъ предпослать своему вторженію манифестъ. Людовикъ XVI доставилъ ему чрезъ своего повѣреннаго Малле дю-Пана проектъ такого манифеста. Но графъ д'Артура нашелъ этотъ проектъ слишкомъ мягкимъ; онъ хотѣлъ наполнить манифестъ угрозами. Поэтому онъ поручилъ одному эмигранту составить другой проектъ по своему вкусу, въ которомъ французы тре-

тировались, какъ мальчишки, и имъ грозили самыми суровыми наказаніями. Герцогъ Брауншвейгскій сдѣлалъ лишь ничтожныя измѣненія въ проектѣ графа д'Артуа и 25 іюля 1792 г. издалъ этотъ манифестъ.

Въ этомъ манифестѣ герцогъ Браунгшвейгскій объявлялъ именемъ императора австрійскаго и короля прусскаго, что онъ положитъ конецъ анархіи во Франціи, сокрушитъ всѣ ковы, направленныя противъ престола и алтаря, возстановитъ законную власть, возвратитъ королю свободу и безопасность, которыхъ его лишили, и снова упрочитъ его царствованіе. Тутъ, между прочимъ, говорилось: „Жители городовъ, мѣстечекъ и селъ, которые *осмѣлятся защищаться* отъ войскъ его императорскаго и его королевскаго величествъ и стрѣлять въ нихъ, будутъ немедленно наказаны по всей строгости военнаго суда и ихъ дома будутъ разрушены и сожжены... Городу Парижу и всѣмъ его жителямъ безъ всякаго различія предписывается немедленно и неукоснительно подчиниться королю. Всѣ чиновники отвѣчаютъ его императорскому и королевскому величествамъ своими головами по законамъ военнаго времени, безъ всякой надежды на снисхожденіе за все, что случится. Далѣе, ихъ величества даютъ свое императорское и королевское слово, что—если будетъ произведено нападеніе на тюльерійскій замокъ, или нанесена хоть ничтожнѣйшая обида ихъ французскимъ величествамъ, или не будетъ имъ немедленно же предоставлена свобода и безопасность,—то они произведутъ примѣрное наказаніе, которое останется памятнымъ на вѣчныя времена: городъ подвергнутъ военной экзекуціи и полному разрушенію, а также наложатъ заслуженное наказаніе и на тѣхъ мятежниковъ, которые провинятся въ этомъ... Но его императорское и его королевское величества обѣщаютъ жителямъ города Парижа, если они немедленно и неукоснительно исполнятъ вышеуказанныя требованія, ходатайствовать передъ его христіаннѣйшимъ величествомъ о прощеніи ихъ провинностей и заблужденій... Наконецъ, ихъ величества могутъ признать законами во Франціи только тѣ законы, которые изданы королемъ тогда, когда онъ еще пользовался полною свободою".

Этотъ безпримѣрный манифестъ подѣйствовалъ на Францію, какъ электрическая искра. Весь народъ отъ страшнаго оскорбленія, нанесеннаго ему, вздрогнулъ, какъ раненный левъ. Городъ Парижъ, куда со всѣхъ сторонъ стекались вооруженные „союзники", былъ похожъ на море, волнуемое страшною бурею. И среди этого бѣшено-бурнаго океана, въ Тюльери, сидѣлъ дворъ съ королемъ, о которомъ прекрасно знали, что онъ состоитъ въ заговорѣ съ наступающимъ врагомъ. Океанъ *долженъ* былъ поглотить дворъ; и ни къ какому иному моменту всемірной исторіи не подходятъ лучше слова, сказанныя Гёте

Эккерману,—именно, что въ великихъ революціяхъ никогда не виноваты народы, а всегда—правительства.

Французы снова увидѣли, что пріобрѣтеніямъ ихъ революціи грозитъ великая опасность. Но если эмигранты и ихъ союзники надѣялись на то, что парижское населеніе испугается страшныхъ угрозъ манифеста, то они этимъ только показали, какъ плохо знали они этотъ народъ. Онъ проявилъ такое страстное воодушевленіе въ борьбѣ за свою свободу, такую революціонную энергію, о какихъ до сихъ поръ никогда еще и не слыхали. Угрожаемый государственнымъ переворотомъ со стороны двора, отдѣленный отъ врага войскомъ, командуемымъ неспособными и ненадежными генералами, Парижъ въ это критическое время спасъ пріобрѣтенія великой революціи своими собственными силами.

Сантерръ, вліятельный агитаторъ Сенъ-Антуанскаго предмѣстья, повидимому состоялъ въ тайныхъ связяхъ съ дворомъ. Онъ увѣрялъ, будто король задумалъ произвести 12 августа государственный переворотъ, отъ чего будто бы онъ, Сантерръ, отговорилъ его. Онъ сообщалъ, будто онъ слыхалъ, какъ королева сказала королю: „государь, они издѣваются надъ вашимъ величествомъ; за это они должны получить отмщеніе,—и *все уже готово*“. Возможно, что эти связи съ дворомъ и были причиной того, что Сантерръ держалъ себя 10 августа съ нѣкоторымъ колебаніемъ.

Дворъ напрягалъ тогда всѣ усилія на то, чтобы посредствомъ подкуповъ пріобрѣсти себѣ сторонниковъ, такъ какъ съ тѣми немногочисленными дворянами, которые служили изъ убѣжденія,—прозванными „рыцарями кинжала“, оттого что они постоянно носили при себѣ кинжалы,—онъ немного могъ сдѣлать. Изъ національныхъ гвардейцевъ и голытьбы образовали французскій клубъ, на который расходовалось ежедневно по 10,000 франковъ. Другой роялистическій клубъ образовалъ нѣкій Льетанъ. Но оба эти клуба мало что могли подѣлать, такъ какъ теперь, за исключеніемъ дворянства и духовенства, отвергавшаго присягу, противъ двора стояла дѣйствительно вся нація. Высшая буржуазія увидѣла, что Брауншвейгскій манифестъ угрожаетъ конституціи, которая была ея идоломъ, гарантировала ей свободу и личную неприкосновенность. Она пришла въ ярость и обратилась противъ двора, призвавшаго пруссаковъ. Жирондисты были представителями этого класса и дали ему пароль: смѣщеніе короля! Этого громко требовали во всей странѣ, а въ особенности тамъ, гдѣ жирондисты имѣли вліяніе и силу. Средняя и мелкая буржуазія, также какъ и сельское населеніе, съ ужасомъ смотрѣли на вторженіе пруссаковъ. Горожанинъ боялся за свою личную независимость, завоеванную съ такимъ трудомъ. Едва онъ избавился отъ мукъ стараго режима, какъ пруссаки захотѣли снова подвергнуть его имъ. И онъ съ радостью поддерживалъ жирондистовъ, кричавшихъ: „ударьте

на дворъ!“ Но оживленнѣе всѣхъ были сошедшіеся въ Парижъ „союзники“ и рабочіе предмѣстій. Марсельскіе „союзники“ были помѣщены въ зданіи кордельеровъ. Ихъ склонили къ стычкѣ; они были на все готовы. По почину Дантона ихъ приняли крайне радушно и 30 іюля имъ устроили пирушку; въ той же самой мѣстности дворъ также устроилъ пирушку для сочувствовавшихъ ему національныхъ гвардейцевъ; поэтому тутъ произошла кровавая борьба, по которой можно было предвидѣть всю ярость предстоящихъ столкновеній.

Рабочіе предмѣстій также были на все готовы. Имъ приходилось жить въ нищетѣ и тяжко страдать отъ недостаточнаго снабженія Парижа провіантомъ. Имъ платили ассигнатами, которые уже тогда имѣли очень низкую стоимость, между тѣмъ какъ цѣны товаровъ быстро возрастали. Къ конституціи они были довольно равнодушны, потому что она не принесла никакого облегченія ихъ участи. Мы уже видѣли, какъ они жаловались на это Марату. Если они требовали повышенія заработной платы, то органы высшей буржуазіи отказывали имъ въ жесткихъ словахъ. Многія волненія и столкновенія въ предмѣстьяхъ находятся въ самой тѣсной связи съ увеличеніемъ и уменьшеніемъ голода въ Парижѣ. Эти рабочіе прекрасно понимали, что плоды революціонной борьбы пожали иные. Они ненавидѣли буржуазію не меньше, чѣмъ дворянство и духовенство; но это не ослабляло ихъ ненависти къ двору. Они инстинктивно чувствовали, что конституція есть прогрессъ, хотя она и не доставила имъ никакихъ непосредственныхъ выгодъ. Ихъ нужда не позволяла имъ ждать пароля, а уже 26 іюля въ предмѣстьяхъ была сдѣлана попытка возстанія. Хотѣли взять короля въ плѣнъ и препроводить его въ Венсеннъ. Но Петіонъ велѣлъ подавить это возстаніе, чтобы избѣжать пораженія.

Якобинцы и кордельеры, увидѣвъ, что жирондисты 20 іюня сумѣли воспользоваться массами населенія предмѣстій лишь для пустой демонстраціи, рѣшились съ всегда готовыми къ этому рабочими предмѣстій предпринять организованное возстаніе. Приближеніе пруссаковъ и приготовленія двора принуждали ихъ къ такому шагу Всѣ видѣли, какъ въ Тюльери дѣлаются приготовленія къ борьбѣ, какъ вооружаются швейцарскіе гвардейцы и буржуазные баталіоны національной гвардіи, чтобы подавить возможное возстаніе, а въ случаѣ надобности, съ дальнѣйшимъ приближеніемъ пруссаковъ, предпринять нападеніе на клубы и собраніе. Швейцарскіе гвардейцы были въ Парижѣ единственными надежными защитниками двора. Эти республиканцы служили иноземному монарху за деньги; они сражались и умерли за дворъ. Въ чужой землѣ они такъ же храбро защищали деспотизмъ, какъ предки ихъ— свободу Швейцаріи. Роль эта была трагична, но—не благородна.

Якобинцы и кордельеры организовали возстаніе, между тѣмъ

какъ жирондисты позаботились оставить за собою свободу дѣйствій. Болѣе энергичные жирондисты, какъ молодой, пылкій Барбару изъ Марселя, Лувэ, Карра и др., примкнули къ якобинцамъ. Кордельеры установили связи съ рабочими предмѣстій. Былъ избранъ инсурреккіонный комитетъ, который назначилъ возстаніе на 10 августа, чтобы предупредить нападеніе, угрожавшее со стороны двора. Руководителемъ всего дѣла явился Дантонъ, проявившій здѣсь громадную дѣятельность и рѣдкую энергію. Казалось, что этотъ человѣкъ прямо разрывался на части. Его громовой голосъ раздавался и въ клубахъ, и на улицахъ; его могучая фигура съ повелительнымъ челомъ высоко поднималась надъ толпами народа въ предмѣстьяхъ. И если этотъ революціонеръ дѣйствительно былъ подкупленъ дворомъ, то его дѣятельность въ эти дни была, конечно, не въ интересахъ двора.

Такъ, дворъ и народъ стояли другъ противъ друга въ полномъ вооруженіи, и столкновеніе стало неизбѣжнымъ.

Жирондисты думали, что они смогутъ устранить кризисъ однимъ постановленіемъ собранія. 3 августа Петіонъ явился передъ барьеромъ собранія и подалъ петицію генеральнаго совѣта парижской коммуны, въ которой коммуна обвиняла короля въ комплотахъ и требовала его смѣщенія. Секціи подавали грозные адресы съ требованіемъ возбудить процессъ противъ короля за его противо-революціонные замыслы. Приходили петиціи за петиціями; всѣ требовали смѣщенія короля.

Жирондисты все еще колебались; были признаки, что нѣкоторые изъ нихъ не устояли противъ подкуповъ двора. Но они не могли избѣжать рѣшительнаго шага и на 3 августа назначили обсужденіе вопроса о смѣщеніи короля.

Якобинцы черезъ Коло д'Эбруа, человѣка очень энергичнаго, потребовали обвиненія Лафайета. Дѣло въ томъ, что Люккнеръ, слабый, старый человѣкъ, проговорился, что Лафайетъ хотѣлъ склонить его къ нападенію на собраніе. 8 августа собраніе обсуждало этотъ вопросъ и 446 голосами противъ 224 оправдало Лафайета. Это еще болѣе усилило волненіе народа, и многихъ депутатовъ, голосовавшихъ въ пользу Лафайета, народъ осыпалъ оскорбленіями, угрозами, а нѣсколькихъ даже поколотилъ. Народъ сжегъ изображеніе Лафайета, а позже, по предложенію Дантона, была уничтожена черезъ палача медаль, выбитая Парижемъ въ честь его.

9 августа начались обсужденія вопроса о смѣщеніи короля. Конституціоналисты требовали, чтобы „союзники“ ушли изъ Парижа. Явилось много предвѣстій наступающей бури; народъ былъ возбужденъ до крайнихъ предѣловъ. Секція Quinze-Vingts заявила собранію, что если король не будетъ смѣщенъ до полуночи, то раздастся набатъ. Всѣ остальныя секціи, за исключеніемъ только одной, присоединились къ этому заявленію. Собраніе пригласило мэра и проку-

рора департамента; но они сказали, что ничего не могутъ подѣлать. Собраніе закрыло засѣданіе, не придя ни къ какому рѣшенію.

Тутъ и произошло то, чѣмъ грозили секціи.

Въ полночь раздался набатъ; „союзники“ взялись за оружіе, и предмѣстья возстали. На улицахъ гремѣлъ генералъ-маршъ, и выстраивались длинныя наступательныя колонны народа. Дантонъ, Камиллъ Демуленъ, Шабо, Барбару энергично работали, поджигая массы народа къ возстанію. Дантонъ предсѣдательствовалъ въ эту ночь въ буриомъ клубѣ кордельеровъ. Въ полночь онъ велѣлъ ударить въ набатъ и выстрѣлилъ изъ пистолета на Карусельской площади. Затѣмъ, онъ явился въ зданіе кордельеровъ у марсельцевъ и въ сильной рѣчи возбуждалъ ихъ къ битвѣ; марсельцы согласились; они всей толпой устремились на улицы, и вотъ, по улицамъ Парижа раздалась марсельеза, побѣдный гимнъ революціи, воспламеняя и увлекая народныя массы.

Начальствованье надъ возставшими было возложено на бывшаго прусскаго унтеръ-офицера, друга Дантона,—Вестермана. Этотъ талантливый солдатъ построилъ свои колонны съ опытностью стараго генерала. Сантерръ колебался, и, говорятъ, Вестерманъ долженъ былъ приложить шпагу къ его груди, чтобы заставить его дать знакъ Сентъ-Антуанскому предмѣстью къ возстанію.

Между тѣмъ, въ городской ратушѣ также совершался революціонный актъ; здѣсь свергли старую коммуну. Въ ратушу, во главѣ секцій, явился Гюгененъ. Полномочія коммуны объявлены прекратившимися, и избрана новая коммуна, состоявшая изъ отъявленныхъ революціонеровъ. Президентомъ ея избранъ Гюгененъ; теперь во главѣ возстанія было учрежденіе, которое сейчасъ же принялось за дѣло со всей энергіей.

Когда раздался набатъ, Петіонъ былъ въ Тюльери и роялисты хотѣли задержать его въ качествѣ заложника. Но собраніе узнало о его критическомъ положеніи и особымъ декретомъ велѣло ему явиться къ себѣ. Теперь выпустили Петіона изъ Тюльери, послѣ того какъ онъ далъ новому коменданту національной гвардіи, бывшему раньше гвардейскимъ капитаномъ, Манда, письменный приказъ, въ случаѣ нападенія, отразить силу силою. Конституціоналистъ Манда, вмѣстѣ съ комендантомъ швейцарцевъ, принялъ свои мѣры. Они располагали швейцарской гвардіей, состоявшей приблизительно изъ 1,000 человѣкъ, и нѣсколькими баталіонами національной гвардіи, но относительно этихъ послѣднихъ никто не зналъ навѣрное, станутъ ли они серьезно защищать Тюльери. Явилось, сверхъ того, еще около 120 дворянъ, вооруженныхъ шпагами и пистолетами. Манда велѣлъ все приготовить къ упорному сопротивленію.

Гюгененъ приказалъ взять мэра Петіона подъ стражу, чтобы этимъ избавить его отъ всякой отвѣтственности. Въ пять часовъ Манда

былъ посланъ приказъ явиться въ ратушу. Онъ сперва не хотѣлъ идти, но прокуроръ департамента Редереръ, игравшій въ этотъ день такую замѣчательную роль, убѣдилъ его явиться. Манда отправился. Прибывъ въ ратушу, онъ увидѣлъ здѣсь все новыя лица; но скоро онъ узналъ среди нихъ своихъ политическихъ враговъ. Его спросили, на какомъ основаніи онъ принималъ мѣры для защиты дворца. Онъ сослался на предписаніе Петіона, но показать это предписаніе не хотѣлъ. Во время его обыска коммунѣ представили письменное распоряженіе, данное Манда батальонамъ національной гвардіи, въ которомъ онъ приказывалъ имъ сдѣлать нападеніе съ тыла на колонны возставшихъ, идущія на замокъ. Теперь Манда погибъ. Гюгененъ велѣлъ арестовать его и препроводить въ аббатство. Говорятъ, будто Гюгененъ сдѣлалъ при этомъ горизонтальное движеніе рукой. На лѣстницѣ ратуши Манда былъ убитъ выстрѣломъ изъ пистолета.

За отсутствіемъ коменданта, въ Тюльери возникло замѣшательство; національные гвардейцы, имѣвшіе защищать замокъ, были раздражены тѣмъ, что они должны сражаться на сторонѣ ненавистныхъ имъ дворянъ. Редереръ совѣтовалъ удалить дворянъ, но какъ король, такъ и королева не согласились на это. Въ пять часовъ король долженъ былъ сдѣлать смотръ своимъ защитникамъ. Но Людовикъ совсѣмъ не годился для этого: онъ не имѣлъ воинственнаго вида, былъ очень неловокъ. Изъ національной гвардіи только два батальона изъ кварталовъ крупной буржуазіи изъявили желаніе сражаться за короля; остальные батальоны открыто выражали свое сочувствіе возставшимъ. Раздавались крики: „да здравствуетъ нація!“, „долой вэто!“ Пушкари вынимали заряды изъ орудій.—Король вернулся со смотра блѣдный, испуганный. Теперь онъ увидѣлъ, что дѣло его погибло. Пока онъ совѣтовался съ министрами, что дѣлать, одинъ членъ муниципалитета принесъ извѣстіе, что приближаются колонны возставшихъ: они взяли пейтусъ и вооружились. Тутъ было 15.000 чел. изъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья и 5.000 изъ предмѣстья Сенъ-Марсо; они везли съ собою пушки. Во главѣ ихъ шли марсельцы и бретонскіе „союзники“ подъ предводительствомъ Вестермана. Защитники Тюльери, увидѣвъ приближающіяся массы возставшихъ, потеряли всякое присутствіе духа. Людовикъ сперва безусловно отклонилъ предложеніе Редерера отправиться для безопасности въ законодательное собраніе. Тутъ одинъ изъ министровъ спросилъ: „Чего же они хотятъ?“ Одинъ муниципальный чиновникъ отвѣтилъ: „Смѣщенія!“ — „А послѣ смѣщенія?...“ спросила королева. Чиновникъ молча опустилъ голову. Редереръ снова сталъ совѣтовать отправиться въ собраніе. „Лучше пусть прибьютъ здѣсь меня гвоздями къ стѣнѣ!“ воскликнула королева.— „Такъ вы хотите взять на себя отвѣтственность за смерть короля, за вашу смерть и смерть вашихъ дѣтей и защитниковъ?!“ сказалъ ей Редереръ. Эти слова побудили короля оставить Тюльери и отпра-

виться въ собраніе. Его сопровождали 300 швейцарцевъ и 300 національныхъ гвардейцевъ. Нужно было пройти сквозь большую толпу народа, собравшуюся передъ зданіемъ манежа, гдѣ засѣдало собраніе: толпа осыпала Людовика ругательствами и проклятіями. Собраніе выслало навстрѣчу ему депутацію. Войдя въ залу засѣданій, король сказалъ: „Я пришелъ затѣмъ, чтобы предотвратить великое преступленіе. Я полагаю, что я нигдѣ не могу быть въ большей безопасности, чѣмъ среди васъ". Верніо, предсѣдательствовавшій въ собраніи, отвѣтилъ двусмысленно, что собраніе дало клятву охранять права народа и установленныя имъ учрежденія, что, собственно говоря, онъ можетъ увѣрить короля, что *народъ* направился къ замку единственно затѣмъ, чтобы предупредить преступленіе — именно, государственный переворотъ, затѣянный въ союзѣ съ иностранцами.

Король сѣлъ возлѣ президента. Но Шабо напомнилъ о томъ параграфѣ конституціи, по которому король не можетъ присутствовать на засѣданіяхъ собранія. Поэтому король долженъ былъ со своимъ семействомъ удалиться въ помѣщеніе писца, записывавшаго здѣсь протоколы засѣданій. Отсюда онъ видѣлъ весь ходъ дѣла; онъ слушалъ, какъ депутаціи требовали у собранія его смѣщенія. Марія-Антуанетта, которой нельзя отказать въ мужествѣ и самообладаніи, сохранила свою гордость и упрямство даже тогда, когда послышались ружейные и пушечные выстрѣлы битвы за Тюльери. Король потребовалъ ѣсть. И у него былъ еще аппетитъ въ такой моментъ!—Когда корона падала съ его головы, онъ мирно ѣлъ птицу.

Между тѣмъ, вооруженныя народныя массы проникли въ замокъ и наводнили тюльерійскій дворъ. Швейцарцы стояли неподвижно, они, повидимому, не хотѣли открывать битвы. Стороны обмѣнивались насмѣшками и, казалось, дѣло обойдется безъ кровопролитія; кромѣ того, швейцарцы могли думать, что послѣ бѣгства короля защита замка становится безцѣльной. Но шутки и остроты перешли въ дѣло. Неизвѣстно, съ чьей стороны начались враждебныя дѣйствія. Пошла рукопашная, и швейцарцы дали убійственный залпъ, поразившій наповалъ массу возставшихъ. Испуганная и смѣшавшаяся толпа разсѣялась и устремилась къ выходамъ, оставивъ съ испуга даже свои орудія. Швейцарцы овладѣли орудіями и стали стрѣлять изъ нихъ въ народъ. Картечь повалила массу народа; дворъ покрылся трупами, но Вестерманъ хладнокровно и мужественно спасъ этотъ день для народа и свободы. Онъ собралъ бѣглецовъ и двинулъ ихъ впередъ. Народъ оттиснулъ швейцарцевъ, обдавая ихъ огнемъ изъ ружей и орудій. Большая лѣстница уже взята приступомъ, и битва разыгралась въ коридорахъ и залахъ Тюльери. Теперь король приказываетъ швейцарцамъ прекратить битву, но разыгравшіяся страсти укротить не такъ-то легко, и почти весь отрядъ швейцарцевъ палъ подъ ударами разсвирѣпѣвшаго народа, залившаго своею кровью тюльерійскій дворъ.

Дворяне и придворные лакеи также пали жертвою вышедшей изъ всякихъ предѣловъ ярости народа. Но на женщинъ народъ не поднялъ рукъ. Нѣкоторые хотѣли убить нѣсколькихъ придворныхъ дамъ, но тутъ раздались крики: „Не срамите націи! Пощада женщинамъ!“, и онѣ уцѣлѣли,—тѣ самыя дамы, которыя съ такой любовью принимали участіе въ комплотахъ двора. Толпа разлилась по коридорамъ замка, заняла всѣ помѣщенія и повсюду истребляла знаки монархіи Бурбоновъ. Можетъ быть, при этомъ погибло много произведеній искусства, но ничего не было похищено. Народъ сражался, а не грабилъ, какъ это бываетъ и во всѣхъ великихъ народныхъ движеніяхъ. Нѣсколько лицъ, попытавшихся кое-что украсть, были сейчасъ же повѣшены съ обозначеніемъ ихъ преступленій на особой надписи. Народъ совершенно основательно хотѣлъ, чтобы его не загрязнили эти подонки, проскользнувшіе въ возстаніе. Изъ драгоцѣнностей, найденныхъ въ замкѣ, многія были представлены въ собраніе, а многія — въ общинный совѣтъ.

Во время борьбы собраніе было въ сильномъ волненіи. Депутаты клялись умереть на своихъ мѣстахъ, что—скажемъ мимоходомъ—было совершенно излишнимъ, такъ какъ движеніе предмѣстій было направлено вовсе не противъ собранія. Когда ружейные и пушечные выстрѣлы стали слабѣе, сюда явилось нѣсколько народныхъ борцовъ, испачканныхъ кровью и порохомъ: они возвѣстили побѣду возстанія. Собраніе не знало, что ему дѣлать; поэтому оно издало объявленіе, призывавшее народъ къ спокойствію и повиновенію властямъ, что въ данный моментъ, когда народъ находился въ возстаніи, было просто смѣшнымъ. Но революціонная коммуна, бывшая въ это время подъ руководствомъ Дантона и чувствовавшая себя на вершинѣ народной силы, рѣшила воспользоваться этою побѣдою. Въ собраніе гордо явилось посольство общиннаго совѣта; передъ нимъ несли знамя, на которомъ виднѣлась надпись: „Отечество! Свобода! Равенство!“ Общинный совѣтъ требовалъ смѣщенія короля и притомъ такимъ тономъ, который не допускалъ никакихъ колебаній. Пришла еще масса депутацій: онѣ поддерживали требованіе общиннаго совѣта. Жирондисты держали себя робко, двусмысленно; они колебались; они бы съ удовольствіемъ замяли этотъ вопросъ, но у нихъ не было выбора. Вернio чувствовалъ, что его партія должна или низвергнуть короля, или пасть вмѣстѣ съ нимъ. Онъ избралъ первое. Поэтому онъ сдѣлалъ предложеніе о томъ, чтобы лишить короля престола, прекратить платежи по цивильному листу и назначить воспитателя наслѣднику престола. Это предложеніе было принято; тутъ же было постановлено созвать національный конвентъ. Королевское семейство было передано подъ надзоръ общиннаго совѣта и содержалось подъ стражею, въ такъ называемомъ Тамплѣ. Тампль—это старинное, громадное зданіе, получившее свое названіе отъ имени тампліеровъ (рыцари храма), нѣкогда пав-

шихъ жертвою произвола Бурбоновъ. Это зданіе избрали потому, что оно было изолировано, и здѣсь легче всего было помѣшать бѣгству или освобожденію короля.

Услыхавъ о своемъ низверженіи, король сказалъ нѣсколькимъ членамъ собранія: „Все, что вы дѣлаете здѣсь, не особенно мирится съ конституціей!"—Призваніе пруссаковъ и австрійцевъ мирилось съ нею еще меньше.

Низверженіе королевской власти, на которое само собраніе не могло рѣшиться, народъ долженъ былъ окупить множествомъ жертвъ. Сообщенія о потеряхъ возставшихъ колеблются между 1,500 и 5,000 чел. Конечно, истина, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, должна быть посерединѣ. Швейцарцевъ пало около 700 чел.; кромѣ того, погибло много національныхъ гвардейцевъ и дворянъ, явившихся для защиты короля. Далѣе, озлобленный народъ убилъ де-Клермонъ-Тоннера, извѣстнаго конституціоналиста-аристократа перваго собранія, а также и извѣстнаго писателя Суло, оклеветавшаго Теруань де-Меркуръ, которая теперь и отмстила ему за это. Теруань принимала участіе въ борьбѣ, чѣмъ и закончилась ея политическая карьера, такъ какъ она принадлежала къ жирондистамъ, а потому вскорѣ послѣ этого нѣсколько женщинъ изъ народа обезчестили ее, сорвавъ съ нея платье. Это потрясло ее такъ сильно, что она сошла съума, — фактъ, доказывающій, что она не была низкой женщиной. Четверть вѣка жила она еще въ одной палатѣ въ Сальпетріерѣ, постоянно одержимая той мыслью, что все еще продолжается 1793 годъ.

Относительно того, что происходило въ эти бурные дни въ домахъ и семействахъ вождей демократіи, оставила интересное письмо Люсиль Демуленъ, жена Камилла, одна изъ самыхъ симпатичныхъ жертвъ революціи; изъ этого письма видно, какая неувѣренность господствовала относительно исхода возстанія, противъ котораго высказалось даже ненадежное собраніе, — неувѣренность въ результатахъ возстанія, если бы народъ не сумѣлъ побѣдить.

Рабочіе снова ушли въ предмѣстья, предоставивъ клубамъ и коммунѣ упорядочить кризисъ, вызвавшій ихъ. Эти рабочіе окупили собственною кровью свободу всѣхъ. Они получили за это очень мало, но пока что—они были довольны, если имъ не приходилось умирать съ голоду. Они т[illegible] народной республики, а потому имъ вскорѣ пришлось вести борьбу съ жирондистами, желавшими республики высшей буржуазіи. Поэтому рабочіе предмѣстій всегда являлись на сцену, когда ихъ призывали вожди рѣшительной демократіи. Мы увидимъ, какъ эти рабочіе голодаютъ и удерживаютъ при этомъ въ рукахъ въ теченіе нѣкотораго времени власть надъ всѣми дѣлами Парижа. Время ихъ господства — это одинъ изъ самыхъ интересныхъ эпизодовъ французской революціи.

Низверженіе Людовика не встрѣтило въ департаментахъ никакого противодѣйствія. Но въ арміяхъ, на границѣ было еще достаточно вліятельныхъ лицъ, преданныхъ двору и желавшихъ видѣть Парижъ скорѣе въ рукахъ иностранцевъ, чѣмъ въ рукахъ демократіи. Однако наступленіе прусскаго войска заставило большинство генераловъ признать перемѣны, происшедшія въ Парижѣ, и подчиниться новымъ властямъ. Такъ сдѣлали: Дюмурье, Кюстинъ, Келлерманъ, Биронъ. Одинъ лишь Лафайетъ, стоя передъ врагомъ, не задумался обратиться противъ Парижа: онъ былъ увѣренъ, что его армія, приблизительно въ 30,000 человѣкъ, послѣдуетъ за нимъ. Онъ велѣлъ арестовать въ Седанѣ трехъ комиссаровъ, посланныхъ къ нему собраніемъ, чтобы потребовать отъ него признанія всего совершившагося. Затѣмъ, Лафайетъ велѣлъ своей арміи присягнуть на вѣрность королю и собирался двинуться на Парижъ, на который въ то же самое время шли также пруссаки и австрійцы.

Законодательное собраніе издало противъ генерала, предпринявшаго такой измѣнническій бунтъ, обвинительный декретъ, и армія оставила Лафайета. Тутъ-то онъ понялъ, что его роль уже сыграна. Вмѣстѣ съ Латуръ-Мобуромъ, Ламетомъ и еще нѣсколькими изъ своихъ друзей онъ хотѣлъ бѣжать въ Голландію, но попалъ въ руки австрійцевъ, которые отнеслись къ нему, возставшему на защиту короля, какъ къ революціонеру. Они сурово держали его въ плѣну, и онъ былъ освобожденъ изъ своего плѣненія только Кампо-Формійскимъ миромъ въ 1797 году. Такъ „простякъ“ Лафайетъ исчезъ изъ французской революціи, чтобы лѣтъ сорокъ спустя еще разъ выступить на сцену и еще разъ разыграть не менѣе смѣшную роль. Начальствованіе надъ войскомъ возложено теперь на Дюмурье, который проявилъ во время этого тяжелаго кризиса всѣ свои блестящія дарованія.

Съ переворотомъ 10 августа въ Парижѣ возникли новыя власти. Законодательное собраніе постаралось взять вмѣсто короля въ свои руки исполнительную власть. Оно отставило прежнихъ министровъ и учредило новое правительство подъ именемъ Исполнительнаго Совѣта. Отставленные королемъ, жирондистскіе министры были снова назначены на посты, а именно: Ролланъ—министромъ внутреннихъ дѣлъ, Клавьеръ—финансовъ и Серванъ—военнымъ министромъ. Министерство иностранныхъ дѣлъ передано было Лебрэну, тоже жирондисту, морское—Монжу, получившему этотъ постъ, благодаря своимъ математическимъ познаніямъ. Но жирондисты хотѣли также дать мѣсто и людямъ 10 августа, и такимъ образомъ Дантонъ былъ назначенъ министромъ юстиціи. Это именно назначеніе и придало новому министерству его характеръ, потому что Дантонъ, опиравшійся на революціонную власть народа, вскорѣ совершенно овладѣлъ остальными министрами, которые могли опираться только на собраніе. Дантонъ оказался здѣсь на высотѣ своей исторической роли. Этотъ молодой человѣкъ, кото-

рый, въ качествѣ адвоката, не могъ добиться никакого значенія, вдругъ проявилъ геній и умѣнье настоящаго государственнаго человѣка. Его средства были жестоки, его рѣчи—грубы, но изъ столь страшнаго кризиса могла вывести только такая страшная, ни передъ чѣмъ не останавливающаяся энергія, какой располагалъ Дантонъ. Въ періодъ отъ 10 августа до собранія Національнаго Конвента онъ стоялъ во главѣ Франціи; эта эпоха французской революціи носитъ его имя. Его короткая, могучая и кровавая диктатура послужила введеніемъ къ новому періоду: къ борьбѣ французской республики съ феодально-монархической Европой. Что бы мы ни думали о средствахъ Дантона, значеніе его энергичной, безпощадной политики мы должны признать.

Изъ людей, которые черезъ годъ должны были стать властелинами Франціи, многіе находились въ муниципалитетѣ, куда ихъ провела сильная рука Дантона. И не одинъ изъ тѣхъ, которые впослѣдствіи должны были низвергнуть Дантона за его умѣренность, въ этотъ моментъ съ ужасомъ смотрѣлъ на его безпощадныя мѣры. Секціи, лишивъ въ ночь съ 9 на 10 августа полномочій своихъ представителей въ муниципалитетѣ, вездѣ на мѣста монархистовъ назначили рѣшительныхъ республиканцевъ. Петіонъ остался мэромъ, а Манюэль—прокуроромъ коммуны. Національная гвардія поступила подъ начальство Сантерра. Но въ общинномъ совѣтѣ уже явился Робеспьеръ; здѣсь раздавался его столь популярный голосъ, тогда какъ его враги увѣряли, будто онъ во время борьбы 10 августа прятался въ подвалахъ. Онъ не могъ подняться на высоту мыслей Дантона и все еще оставался агитаторомъ, между тѣмъ какъ Дантонъ уже явился государственнымъ человѣкомъ. Здѣсь можно было видѣть также Камилла Демулена, Лувэ, Талльяна, молодого экзальтированнаго журналиста, поэта Жозефа Шенье, автора знаменитаго: «Chant du départ», Билло-Варенна, мрачнаго, непреклоннаго и неумолимаго профессора изъ Ла-Рошели, Колло д'Эбруа, бывшаго раньше актеромъ и желавшаго теперь отмстить за себя публикѣ, освистывавшей его, Фабра д'Эглантина, поэта и друга Дантона. На мѣсто Дантона помощникомъ прокурора былъ назначенъ Шометтъ, бывшій раньше журналистомъ, человѣкъ большихъ талантовъ, который впослѣдствіи долженъ былъ стать однимъ изъ руководителей коммуны.

Этотъ общинный совѣтъ имѣлъ громадное вліяніе, потому что онъ располагалъ довѣріемъ народа и черезъ Дантона господствовалъ въ министерствѣ. Такимъ образомъ, онъ представлялъ собою самостоятельную власть, настоящимъ главой которой былъ Дантонъ.

Выступилъ на сцену также и Маратъ, получившій теперь свободу дѣйствія. Онъ оставилъ свою подпольную жизнь и уже 10 августа распространилъ прокламаціи, въ которыхъ онъ требовалъ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ. Маратъ не былъ членомъ коммуны, но онъ былъ однимъ изъ вождей той партіи, которая группировалась вокругъ ком-

муны. Его вліяніе на коммуну было очень велико и она дала ему ораторскую трибуну въ залѣ своихъ засѣданій. Воспоминаніе о гоненіяхъ, вынесенныхъ Маратомъ, побудило коммуну разрушить нѣсколько типографій реакціонныхъ листковъ; остальныя были предоставлены въ распоряженіе Марата.

Теперь законодательное собраніе объявило вошедшими въ силу тѣ декреты, на которые положилъ свое вэто Людовикъ XVI, а именно: декретъ противъ эмигрантовъ, объявлявшій конфискацію ихъ имущества и приговорившій ослушниковъ къ смертной казни; затѣмъ, декретъ противъ духовенства, отвергавшаго присягу, и декретъ относительно федераціоннаго лагеря. Лагерь былъ немедленно же устроенъ, собраніе также разослало въ арміи и по провинціямъ ораторовъ и комиссаровъ. Они должны были объявить новое правительство, принять присягу на вѣрность свободѣ и равенству и смѣстить съ помощью народа враждебныхъ новому порядку должностныхъ лицъ. Но эти мѣры казались коммунѣ недостаточными. Она видѣла, какъ сторонники низвергнутаго двора поднимали головы все смѣлѣе и смѣлѣе, по мѣрѣ приближенія пруссаковъ къ Парижу. Надо было опасаться контръ-революціи, и слѣдовало принять мѣры противъ нея.

Маратъ всегда былъ за диктатуру, такъ какъ онъ думалъ, что революція можетъ быть проведена только строгой диктатурой. Но онъ хотѣлъ, чтобы диктаторъ былъ подъ контролемъ: у него, какъ образно выражался Маратъ, должно быть приковано ядро къ ногѣ. Маратъ полагалъ, что республика не можетъ устоять, если она тѣмъ или инымъ путемъ не сдѣлаетъ всѣхъ своихъ враговъ безвредными. Эти взгляды оспаривали многіе, впослѣдствіи присоединившіеся къ нимъ; Робеспьеръ былъ также противъ нихъ, такъ какъ боялся, чтобы диктаторомъ не сталъ Бриссо. Дантонъ тѣмъ меньше могъ отвергать идею диктатуры, что онъ самъ теперь дѣйствовалъ по-диктаторски. Онъ столковался съ Маратомъ, и они пришли къ тому, чтобы диктатуру, которой не хотѣли и не имѣли основанія ввѣрять собранію, передать обновленному общинному совѣту, какъ представительству парижскаго населенія. Дантонъ и Маратъ, вообще не бывшіе въ близкихъ личныхъ отношеніяхъ другъ съ другомъ, теперь сблизились и однажды даже обнимались въ ратушѣ. Но когда Дантонъ передалъ диктатуру общинному совѣту, она перешла въ его руки.

Коммуна прежде всего взяла въ свои руки полицію, состоявшую до сихъ поръ въ вѣдѣніи мировыхъ судей. Депутація общиннаго совѣта заставила собраніе издать законъ объ общественной безопасности, возлагавшій полицейскія обязанности на общины. Всѣ общины, имѣвшія болѣе 20,000 жителей, могли дѣлать дополненія къ этому закону, какія онѣ найдутъ нужными. Теперь парижская коммуна немедленно учредила новую, революціонную полицію; члены муниципалитета стали чиновниками безопасности. Затѣмъ, общинный совѣтъ избралъ коми-

тетъ надзора (comité de surveillance), въ которомъ господствовалъ Маратъ, и который могъ давать приказанія объ арестахъ. Этотъ комитетъ сейчасъ же произвелъ массу арестовъ, а именно: онъ велѣлъ арестовать всѣхъ тѣхъ лицъ, относительно которыхъ ему было извѣстно, что они стояли или еще стоятъ въ какихъ либо отношеніяхъ къ двору. Тогда тюрьмы наполнились множествомъ реакціонеровъ, между которыми были и прежніе демократы: Барнавъ, Дюпоръ и Шарль-Ламетъ. Теперь нужно было нарядить судъ надъ заключенными, и собраніе должно было назначить для нихъ особое судебное учрежденіе. Но оно не рѣшалось сдѣлать это. Тогда явился въ собраніе Билло-Вареннъ, въ качествѣ депутата общиннаго совѣта, и объявилъ, что если судъ не будетъ назначенъ въ тотъ же день, то въ полночь раздастся набатъ. На такой энергичный поступокъ общинный совѣтъ былъ вынужденъ поведеніемъ жирондистовъ, потому что послѣ того, какъ Робеспьеръ безуспѣшно требовалъ передъ барьеромъ собранія революціоннаго суда, прошло предложеніе Бриссо о томъ, чтобы призвать парижское населеніе къ соблюденію фактически уже уничтоженной конституціи.

17 августа было рѣшено учредить судъ, названный трибуналомъ 17 августа. Онъ немедленно же былъ учрежденъ. Судей въ немъ было восемь. Въ президенты трибунала избрали-было Робеспьера, но онъ отказался. Судьи назначались косвенными выборами, и это до того разозлило Марата, что онъ разразился рѣзкими словами противъ „сброда адвокатовъ и судейскихъ чиновниковъ“ и уже тогда требовалъ такихъ мѣръ, какія впослѣдствіи были приняты въ сентябрѣ. Трибуналъ былъ снабженъ *гильотиною*, въ качествѣ орудія казни. Говорятъ, будто эту машину изобрѣлъ врачъ Гильотенъ, принимавшій участіе въ первомъ національномъ собраніи. Но въ дѣйствительности мы находимъ ее еще въ древности у Персовъ и въ средніе вѣка въ Шотландіи, въ Голландіи, Богеміи и Италіи. Для смертныхъ казней первое національное собраніе еще въ 1789 назначило обезглавленіе; гильотину называли также Луазанной или Луизеттой отъ имени врача Луи (Louis), давшаго свое заключеніе въ пользу этой машины.

Трибуналъ 17 августа осудилъ нѣсколькихъ сторонниковъ двора, между которыми были журналистъ Дюразуаръ и интендантъ цивильнаго листа Лапортъ. Они были казнены гильотиной. Но возбужденный народъ остался недоволенъ этими мѣрами. Масса жертвъ 10 августа поддерживала сильную жажду мести, а приближеніе пруссаковъ привело къ тому, что народъ постоянно находился въ лихорадочномъ волненіи. Хотѣли произвести массовое вооруженіе народа и двинуть его противъ врага. Но въ такомъ случаѣ изъ Парижа и остальныхъ городовъ должны были бы уйти самые энергичные сторонники революціи. Возникло опасеніе, что при такихъ обстоятельствахъ послѣ-

дуетъ возстаніе аристократовъ и роялистовъ, и революція очутится между двухъ огней. Коммуна, Дантонъ, Маратъ, Робеспьеръ, Камиллъ Демуленъ совѣщались, что предпринять. Они пришли къ мысли произвести государственный переворотъ въ пользу демократіи, такъ какъ комитетъ, назначенный собраніемъ, казался имъ недостаточно энергичнымъ. Но имъ не легко было столковаться относительно того, какъ произвести этотъ переворотъ. Робеспьеръ и его друзья отступили передъ насильственными мѣрами, которыхъ нельзя было бы оправдать закономъ. Дантонъ и Маратъ такъ же, какъ и рѣшительные революціонеры общиннаго совѣта, Билло-Вареннъ, Талльянъ и члены комитета надзора, не придавали никакого значенія юридическимъ возраженіямъ противъ революціоннаго насильственнаго переворота. Они основывали свои смѣлые планы на томъ, что, по ихъ мнѣнію, изъ столь необычайнаго положенія Франція и ея независимость, угрожаемыя внутренними и внѣшними врагами, могутъ быть спасены только необычайными средствами.

Историческую отвѣтственность за этотъ переворотъ и пролитую во время него кровь пытались взвалить на Марата, Дантона и даже на Робеспьера. Въ дѣйствительности же въ этомъ революціонномъ актѣ отчаянія участвовало гораздо больше лицъ, чѣмъ казалось. Государственный переворотъ открыто подготовлялся въ министерствѣ юстиціи, и министры, за исключеніемъ Ролана, знали объ этомъ и не оказывали никакого противодѣйствія, потому что они не видѣли иныхъ средствъ спасенія. Дантонъ и Маратъ имѣли достаточно смѣлости, чтобы взять на себя его выполненіе. Но въ общемъ, этотъ демократическій переворотъ былъ стихійнымъ взрывомъ негодованія и отчаянія парижскаго населенія. Народъ инстинктивно устремился на своихъ внутреннихъ враговъ, чтобы обезопасить свой тылъ въ борьбѣ съ наступающими извнѣ союзниками заключеннаго въ Тамплѣ короля. Правительство Дантона предложило только свои руки этому народному взрыву. Дантона и Марата обыкновенно обвиняютъ въ жестокости и кровожадности. Это совершенно невѣрно! Сердечная доброта Дантона неоспорима; мы ее можемъ видѣть уже изъ того, что въ эти дни, когда Дантонъ долженъ былъ принимать очень суровыя рѣшенія, онъ не забылъ своихъ прежнихъ дружественныхъ отношеній къ Барнаву, Шарлю Ламету и Дюпору, доставилъ имъ возможность уйти изъ тюрьмы и этимъ спасъ ихъ отъ неизбѣжной смерти. Душа Марата была суровѣе, но также чужда личной жестокости. Онъ извѣдалъ страданія бѣдности и посвятилъ свое сердце, также какъ и свое перо, народу. Его возмущалъ гнетъ, тяготѣвшій надъ неимущими; его возмущало своеволіе богатыхъ. Его любовь къ народу проявлялась буйно, но она такъ же, какъ и его философскіе взгляды, всегда обнаруживала его сильный идеализмъ.

24 августа пруссаки взяли крѣпость Лонгви и двинулись на

Верденъ. Если бы Верденъ палъ, то передъ ними была бы совершенно открытая дорога въ Парижъ. Крики: „долой роялистовъ!“ раздавались по всѣмъ улицамъ. Народъ ожидалъ отъ коммуны и Дантона государственнаго переворота, и переворотъ былъ сдѣланъ.

Когда въ Парижѣ съ неусыпной дѣятельностью снаряжались волонтеры—чему Дантонъ также очень энергично содѣйствовалъ,—такъ что можно было отправить въ армію генерала Дюмурье 40.000 челов., коммуна принимала свои мѣры противъ роялистовъ. 26 августа собраніе объявило декретъ о священникахъ, не принимавшихъ присяги, вошедшимъ въ законную силу, и вслѣдъ за этимъ произведены многочисленные аресты. Комитетъ надзора помѣщалъ такихъ священниковъ въ аббатствѣ, въ кармелитскомъ монастырѣ и Сенъ-Фирменѣ. Съ 29 по 31 августа комитетъ произвелъ массу обысковъ, вслѣдствіе чего всѣ тюрьмы наполнились арестованными роялистами. Кромѣ указанныхъ трехъ тюремъ, арестованныхъ помѣщали также въ Ла-Форсѣ, Шателе, Консьержери, Бисетрѣ, Сальпетрьерѣ и Бернардинскомъ монастырѣ. Объятое ужасомъ собраніе хотѣло возстать противъ мѣропріятій коммуны, но коммуна послала депутацію для защиты своихъ дѣйствій, въ которой также принималъ участіе Петіонъ, и 1 сентября всемогущій министръ юстиціи, Дантонъ, обращаясь къ изумленному собранію, произнесъ своимъ громовымъ голосомъ: „Среди всѣхъ предложенныхъ средствъ спасенія нѣтъ ни одного рѣшительнаго. Вы стоите между двухъ огней: передъ вами внѣшніе враги, а за вами враги внутренніе, роялисты. Они дѣйствуютъ въ союзѣ другъ съ другомъ: роялистическая директорія въ Парижѣ сносится съ прусской арміей. Чтобы разрушить эти планы, есть лишь одно средство, а именно: *мы должны внушить страхъ роялистамъ*“.

Это было ясно. Но и опасности были достаточно велики, потому что сельское населеніе, поджигаемое духовенствомъ, отвергавшимъ присягу, во многихъ мѣстахъ поднималось и совершало кровавыя насилія надъ республиканцами. Въ Вандеѣ появились первые симптомы возстанія противъ революціи.

1 сентября пришло ложное извѣстіе, будто Верденъ палъ и пруссаки двинулись прямо на Парижъ. Тогда народъ зашумѣлъ на улицахъ; волонтеры требовали, чтобы ихъ вели противъ непріятелей; повсюду громко раздавались крики о мести лицамъ, состоявшимъ въ заговорѣ съ непріятелемъ. Могучій голосъ Дантона снова загремѣлъ въ собраніи. „Набатъ, который раздастся,—говорилъ онъ, — не есть знакъ тревоги; это призывъ къ нападенію на враговъ отечества. Чтобы побѣдить ихъ, господа, намъ *нужна только смѣлость, и еще смѣлость, и опять таки смѣлость*; тогда Франція будетъ спасена“.

Въ два часа пополудни раздался набатъ и генералъ-маршъ; въ тюрьмахъ начался народный самосудъ. Комиссары секцій тщательно допрашивали всѣхъ арестованныхъ и всѣхъ неподозрительныхъ лицъ

выпускали на свободу. Комитетъ надзора еще разъ произвелъ тщательную провѣрку. 24 священника, отвергавшіе присягу,—этихъ священниковъ народъ, надо думать, особенно ненавидѣлъ,—были отправлены изъ ратуши въ аббатство. По дорогѣ на нихъ напала вооруженная толпа народа и переколола всѣхъ до одного пиками, саблями, штыками. Въ кармелитской церкви та же самая толпа убила 180 священниковъ: лишь четыремъ изъ нихъ удалось уйти черезъ ограду сада. Въ тюрьмахъ дикій народный самосудъ принялъ правильный характеръ. Дѣло началось въ аббатствѣ. Собравшійся народъ образовалъ судъ. Малльяръ, извѣстный, какъ участникъ взятія Бастиліи и предводитель шествія женщинъ въ Версаль, явился здѣсь народнымъ судьей. Онъ еще за нѣсколько дней приготовился къ этой роли и—страстно преданный революціи—рѣшился взять на себя громадную отвѣтственность руководства народнымъ судомъ. Онъ сидѣлъ съ обнаженной шпагой; передъ нимъ лежали провѣренные министромъ юстиціи списки арестованныхъ. Народъ сгруппировался въ судъ присяжныхъ. Затѣмъ, поодиночкѣ выводились и допрашивались арестованные. Если арестованный оказывался невиннымъ, народный судья поднималъ шпагу вверхъ, и арестованнаго сейчасъ же отпускали на свободу. Когда же выяснялось, что обвиняемый виновенъ, президентъ опускалъ внизъ остріе шпаги и произносилъ: „отправьте этого господина въ Форсъ!“ или: „въ Кобленцъ!“ Малльяръ такъ устроилъ затѣмъ, чтобы избавить арестованныхъ отъ тяжелыхъ и мучительныхъ сценъ. За дверью они падали на пики и сабли палачей или убійцъ (tueurs), выполнявшихъ эту ужасную работу, какъ ремесло, и получавшихъ за нее отъ коммуны высокую поденную плату. Въ остальныхъ тюрьмахъ происходило то же самое. Эта бойня продолжалась нѣсколько дней; послѣднія убійства совершены 6 сентября. Само собою разумѣется, что при такомъ ужасномъ народномъ судѣ было также много жестокаго и дикаго. Въ особенности же это имѣло мѣсто въ Бисетрѣ, гдѣ въ толпу арестованныхъ стрѣляли картечью. Но когда одинъ человѣкъ сказалъ, что нужно тщательнѣе отдѣлять виновныхъ отъ невинныхъ, то ему отвѣтили: „Если бы пруссаки вошли въ Парижъ и стали уничтожать городъ, какъ сказано въ ихъ манифестѣ,—развѣ они предварительно отыскивали бы виновныхъ?“. Были въ этой кровавой драмѣ также и прекрасныя проявленія великодушія и мягкости. Впрочемъ, Маратъ разсказываетъ въ своемъ журналѣ, что, услыхавъ о бойнѣ въ аббатствѣ, онъ съ Пани, въ комитетѣ, „точно по какому то внушенію“, сейчасъ же воскликнулъ: „спасемте мелкихъ преступниковъ, бѣдныхъ должниковъ и лицъ, арестованныхъ за драки!“, но что эта предосторожность оказалась излишней, такъ какъ списки, находившіеся въ рукахъ народнаго судьи, были очень тщательно провѣрены и не допускали никакой ошибки. „Дворъ,—замѣ-

чаетъ Маратъ,—не принялъ бы этой предосторожности, если бы онъ 10 августа побѣдилъ".

Тампль, въ которомъ находилось королевское семейство, охранялся муниципальными чиновниками, и на это зданіе не было даже сдѣлано нападенія.

Число роялистовъ, погибшихъ во время этого дикаго народнаго суда, опредѣляютъ приблизительно въ 1000 человѣкъ; точно его никогда нельзя было опредѣлить. Роялисты говорили о многихъ тысячахъ казней, но это, очевидно, преувеличено. Между убитыми была княгиня Ламбалль, ненавистная народу, какъ наперстница королевы. Ее хотѣли спасти, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы она отреклась отъ своей привязанности къ королю и королевѣ. Она отказалась сдѣлать это и пала подъ пиками и саблями разъяреннаго народа. Голову ея воткнули на пику и носили передъ Тамплемъ. Варвары, которыхъ всегда и вездѣ много во всѣхъ большихъ катастрофахъ, производили надъ ея тѣломъ невыразимыя мерзости. Былъ убитъ также бывшій министръ Монморенъ. Въ Версали убито много арестантовъ, предназначенныхъ для сомюрскаго суда, причемъ сопровождавшая ихъ національная гвардія не препятствовала этому; между ними былъ прежній министръ Делессаръ и герцогъ де-Бриссакъ. Экзекуціи совершались еще и въ нѣкоторыхъ иныхъ мѣстахъ.

Когда начался въ тюрьмахъ самосудъ, потрясенный Робеспьеръ вмѣстѣ съ Петіономъ и Барреромъ пришелъ къ Дантону. Онъ требовалъ, чтобы Дантонъ вмѣшался въ это дѣло. Но Дантонъ холодно отвѣтилъ ему: „пусть погибнетъ моя репутація,—лишь бы Франція была спасена!"

3 сентября у Дантона собрались всѣ министры, за исключеніемъ Ролана, секретари собранія: Петіонъ, Робеспьеръ, Демуленъ, Фабръ д'Эглантинъ, Манюэль и много комиссаровъ изъ секцій. Они совѣщались о средствахъ отраженія пруссаковъ и спасенія Парижа. Жирондисты тогда еще одобряли государственный переворотъ и народный самосудъ, и Лувэ открыто восхвалялъ въ своемъ журналѣ „Le Sentinelle" коммуну за то, что она спасла отечество. Они лишь впослѣдствіи воспользовались переворотомъ для нападеній на Марата, Дантона и Робеспьера, разжигая этимъ ярость партійной борьбы. Комитетъ надзора обратился къ коммунамъ въ департаментахъ съ циркуляромъ, въ которомъ говорилось: „Парижская коммуна, узнавъ о движеніи пруссаковъ на Парижъ, спѣшитъ сообщить своимъ братьямъ во всѣхъ департаментахъ, что часть заговорщиковъ, сидѣвшихъ подъ стражею въ тюрьмахъ, убита народомъ. Эта мѣра правосудія явилась безусловно необходимой, для того, чтобы обуздать легіоны заговорщиковъ въ нашихъ стѣнахъ въ то время, когда народъ собирался выступить противъ непріятеля. Безъ всякаго сомнѣнія, нація, длиннымъ рядомъ предательствъ приведенная на край погибели, поспѣ-

шитъ воспользоваться этимъ средствомъ, необходимымъ для общественнаго благосостоянія, и всѣ французы скажутъ то же, что говорятъ парижане: „выступая противъ непріятеля, мы не хотимъ оставлять у себя за спиною разбойниковъ, которые бы убили нашихъ женъ и дѣтей".

Таковъ былъ государственный переворотъ демократіи въ сентябрѣ 1792, вызвавшій такъ много рѣзкихъ нападокъ историковъ. Никто не станетъ радоваться кровопролитіямъ; но послѣ тщательной оцѣнки всѣхъ обстоятельствъ становится яснымъ, что дикая политика Дантона была вынуждена прибѣгнуть къ такимъ средствамъ. Въ виду угрозъ брауншвейгскаго манифеста люди убивали, чтобы ихъ самихъ не убили. И нужна большая ограниченность для того, чтобы въ политикѣ Дантона и Марата не видѣть великихъ началъ и думать, что она была лишь политикой кровожадности. Если вы сравните жертвы сентябрьскихъ дней съ большими кровавыми оргіями исторіи, съ массовыми бойнями во время реформаціи, во время крестьянскихъ войнъ, съ варѳоломеевскою ночью и драгонадами, то вы согласитесь, что количество крови, пролитой въ сентябрьскіе дни 1792 года, совершенно ничтожно передъ тѣми рѣками крови, которыя выпущены изъ религіозной и политической демократіи во время этихъ катастрофъ.

Дѣйствіе демократическаго переворота было громадно. Теперь наступила полная перемѣна во всемъ. Разверзлась широкая и глубокая пропасть и совершенно отдѣлила новую Францію отъ всего, что еще осталось отъ старой Франціи. Революціонная демократія въ лицѣ парижской коммуны овладѣла Франціей и повергла въ страхъ и ужасъ враговъ свободы. Истекая кровью, она ринулась въ борьбу съ Европой, и народъ, еще только что съ дикой яростью истреблявшій роялистовъ и сторонниковъ низверженнаго двора, теперь самъ массами умиралъ на границахъ за независимость своей родины. Великая черта страстной любви къ свободѣ, такъ сказать, отчетливо видна на лицѣ Парижа даже тогда, когда оно обезобразилось страшными судорогами сентябрьскихъ дней.

Между тѣмъ, герцогъ Брауншвейгскій шелъ все дальше и дальше. Онъ уже соединился подъ Люксенбургомъ съ австрійцами, подъ начальствомъ Клерфэ, и направился теперь на юго-западъ Франціи. Французскія войска вездѣ отступали. Тіонвилль и Ландау были окружены; 20 августа завоеванъ Лонгви, 1 сентября Клерфэ отбросилъ французовъ при Стенэ, а 2 сентября сдался Верденъ, послѣ того какъ его комендантъ Бореперъ застрѣлился, желая избавить себя отъ позора сдачи города.

Теперь дорога въ Парижъ была открыта, и опасность, угрожав-

шая въ эти дни центру революціи, возрасла до крайнихъ предѣловъ. Но подобно тому, какъ въ сентябрьскіе дни былъ нанесенъ рѣшительный ударъ внутреннимъ врагамъ, такъ и теперь нашлись средства для защиты отъ враговъ внѣшнихъ. Дюмурье со своимъ войскомъ, поступившимъ подъ его начальство послѣ измѣны Лафайета, стоялъ далеко на сѣверѣ; было опасеніе, что герцогъ Брауншвейгскій перейдетъ Аргонны раньше, чѣмъ Дюмурье сможетъ загородить пруссакамъ дорогу къ Парижу. Но Карлъ-Вильгельмъ-Фердинандъ Брауншвейгскій былъ методичный тактикъ; поэтому онъ дѣйствовалъ столь медленно, что двигавшійся быстрыми переходами Дюмурье успѣлъ еще во-время смѣлыми маневрами и достигнуть Аргони, и занять ея проходы. Французскій генералъ считалъ дѣло уже выиграннымъ и писалъ военному министру Сервану: „Верденъ взятъ, но я жду пруссаковъ. Аргоньскіе проходы—Ѳермопилы Франціи, но я буду счастливѣе Леонида“... Однако пріобрѣтенныя выгоды отчасти были снова потеряны, когда рѣшительный Клерфэ съ австрійцами и эмигрантами взялъ приступомъ одинъ изъ аргонньскихъ проходовъ. Но дорога въ Парижъ была теперь загорожена Дюмурье, и если пруссаки хотѣли идти въ столицу, то имъ необходимо было дать сраженіе. Готовый ко всему, Дюмурье остановился при Сенъ-Менегу. Теперь онъ былъ бы вынужденъ принять сраженіе. Но герцогъ Брауншвейгскій самъ не хотѣлъ сраженія, и это было на руку Дюмурье, потому что исходъ битвы казался ему столь же сомнительнымъ, какъ и герцогу. Дюмурье хотѣлъ остановить движеніе пруссаковъ, чтобы продержать ихъ до зимы въ Шампани. Зимой здѣсь земля, вслѣдствіе продолжительныхъ дождей, превращается въ болото, и илистая, мѣловая почва съ глубокой грязью легко вызываетъ болѣзни людей, непривычныхъ къ этому климату. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ началъ переговоры съ пруссаками, обманывая ихъ обѣщаніемъ содѣйствовать возстановленію королевской власти. Можетъ быть, онъ серьезно думалъ объ этомъ. Но теперь онъ на всякій случай хотѣлъ выиграть время.

Между тѣмъ, пруссаки, не желая понапрасну терять время, напали на одинъ корпусъ арміи Дюмурье, стоявшій при Вальми подъ начальствомъ генерала Келлермана. Келлерманъ густыми рядами занялъ Вальмійскія высоты, и пруссаки направили на это мѣсто сильный огонь изъ орудій. Французская артиллерія отвѣчала съ такой же энергіей, и герцогъ Брауншвейгскій по настоянію прусскаго короля, находившагося при арміи, рѣшилъ взять Вальмійскія высоты приступомъ. Келлерманъ, увидѣвъ приближающихся пруссаковъ, выстроилъ пѣхоту, велѣлъ прекратить огонь, подпустить враговъ ближе и ударить на нихъ въ штыки. Онъ поднялъ на шпагѣ вверхъ свою шляпу и крикнулъ громкимъ голосомъ: „да здравствуетъ нація!“ Этотъ лозунгъ оказался очень счастливымъ: воодушевленные защитники рес-

публики подхватили его, и онъ гуломъ разнесся по французскимъ рядамъ.

Пруссаки остолбенѣли; французы ударили въ штыки и энергично отбросили враговъ назадъ. Теперь снова началась канонада съ еще большей силой. „Была такая пушечная пальба, какъ будто стрѣляли цѣлые взводы", говорилъ Гете, находившійся при прусской арміи. Пруссаки отступали подъ огнемъ своихъ же орудій. Одна прусская граната ударила во французскій пороховой ящикъ: послѣдовалъ взрывъ, разстроившій боевой порядокъ французовъ какъ разъ въ то время, когда Клерфэ шелъ съ австрійцами въ аттаку. Но французы, уже привыкшіе къ огню, отстояли свою позицію. Канонада продолжалась до самаго вечера. Французы потеряли около 700 чел., пруссаки и австрійцы—нѣсколькими сотнями больше.

Канонада при Вальми сама по себѣ была незначительной, но она произвела громадное дѣйствіе. Республика получила здѣсь крещеніе огнемъ непріятельскихъ орудій. Молодые солдаты республиканской Франціи держали себя здѣсь, точно посѣдѣвшіе въ бояхъ ветераны; могучіе клики: „да здравствуетъ нація!" выражали ихъ страстное воодушевленіе; Вальми подѣйствовало на Францію, какъ побѣда.

Враждебныя войска стояли неподвижно другъ противъ друга; Дюмурье продолжалъ свои переговоры, и, наконецъ, пруссаковъ застигли въ негостепріимной Шампани всѣ бѣдствія зимы. Заразительныя болѣзни быстро уменьшали прусскіе полки, и, такимъ образомъ, черезъ десять дней послѣ стычки при Вальми герцогъ Брауншвейгскій началъ свое отступленіе къ Рейну, между тѣмъ какъ Клерфэ направился на сѣверъ. Лонгви и Верденъ снова перешли въ руки французовъ.

Келерманъ, нѣмецъ изъ Франконіи, получившій впослѣдствіи отъ Наполеона титулъ герцога Вальмійскаго, ни однимъ изъ своихъ военныхъ дѣлъ не гордился такъ, какъ канонадой при Вальми.

Парижъ былъ спасенъ отъ вторженія союзниковъ. Прусскіе и австрійскіе дворяне, еще утромъ 20 сентября собиравшіеся, какъ выражается Гете, „переколоть и съѣсть всѣхъ французовъ", были изумлены: „дѣло осталось въ такомъ положеніи, какъ будто ничего и не было". Они не могли понять такого оборота дѣла и вечеромъ послѣ стычки молча сидѣли вокругъ сторожевого костра. Лишь одинъ изъ присутствовавшихъ понялъ все значеніе этого всемірно-историческаго момента. Гете, когда его спросили, что онъ думаетъ объ этомъ событіи, сказалъ:

„Здѣсь и въ этотъ день начинается новая эпоха всемірной исторіи, и вы можете сказать, что вы были при ея началѣ".

Веймарскій философъ понялъ громы вальмійской канонады.

Національный конвентъ.

(Первый періодъ).

Послѣ сентябрьскихъ дней законодательное собраніе потеряло всякое значеніе и влачило уже лишь призрачное существованіе до того дня, когда оно должно было уступить мѣсто конвенту, созваніе котораго оно рѣшило 10 авг. Конвенту предстояло осуществить державность народа и установить новые порядки въ демократическомъ и нардномъ смыслѣ. Собраніе прежде всего рѣшило установить для выборовъ всеобщее избирательное право. До сихъ поръ существовалъ избирательный цензъ: избирателями были лишь тѣ французы, которые платили прямые налоги стоимостью въ три рабочихъ дня. Средняя заработная плата равнялась тогда 50 сантм., какъ что избирательное право было пріурочено къ налогу въ 150 сантм. (около 40 к. зол.). Законодательное собраніе отмѣнило это постановленіе, лишавшее избирательнаго права большинство рабочихъ; оно постановило, что избирательное право принадлежитъ каждому французу, достигшему 25-л-ге возраста и живущему своимъ трудомъ. Но жирондисты, господствовавшіе въ собраніи, не могли рѣшиться дать народу *непосредственное* избирательное право. Выборы остались косвенными. Маратъ, отстаивавшій въ своемъ журналѣ интересы рабочихъ энергично боролся противъ этого недемократическаго ограниченія избирательнаго права. „Вашему просвѣщенному и непоколебимому чувству права,—обращался онъ въ своемъ журналѣ къ секціямъ: — обязана столица отчасти успѣхомъ своихъ жителей; ему и отечество будетъ обязано своимъ торжествомъ. Стойте твердо за наше спокойствіе, за нашу славу и благосостояніе государства! Не выпускайте изъ своихъ рукъ перешедшаго къ вамъ кормила общественной власти, пока конвентъ не освободитъ насъ отъ деспота и его породы, пока онъ не исправитъ ужасныхъ ошибокъ конституціи, этого источника вѣчной анархіи и несчастій, пока онъ не утвердитъ общественной свободы на незыблемыхъ основахъ. Но для этого настойте на уничтоженіи пагубнаго декрета относительно выборовъ депутатовъ, изъ которыхъ долженъ состоять конвентъ. Разъясните дѣло народу, созовите секціи“ Однако этотъ призывъ не имѣлъ желанныхъ послѣдствій; косвенные выборы остались.

Парижъ былъ въ страшномъ броженіи, и въ такомъ же броженіи были и провинціи. Положеніе дѣлъ на границахъ было въ это время критическое; еще никто не зналъ, удастся ли отразить нападеніе соединенныхъ войскъ Пруссіи и Австріи. Въ Парижѣ народная масса начала уже чувствовать недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ припасахъ, и задача продовольствованія столицы становилась для коммуны все труднѣе и труднѣе. Почувствовался недостатокъ въ хлѣбѣ, мукѣ, мясѣ и многихъ другихъ предметахъ первой необходимости. Но рабочіе настолько прониклись идеей преобразованія Франціи, что они готовы были выносить свои лишенія, хотя ихъ жены, сотнями *чвшіяся* передъ хлѣбными и мясными лавками, должны были

подходить длинной цѣпью до глубокой ночи, чтобы получить кусокъ хлѣба или мяса. Все это предстояло устранить конвенту: голодъ въ столицѣ, безпорядки въ странѣ и угнетенія, которыя позволяли себѣ богатые собственники; онъ долженъ былъ упрочить республику и побѣдить внѣшнихъ враговъ. При такихъ обстоятельствахъ происходили выборы въ конвентъ.

Парижъ взялъ своихъ депутатовъ почти исключительно изъ крайней демократіи и избралъ тѣхъ лицъ, на которыхъ съ большимъ или меньшимъ основаніемъ старались взвалить вину за переворотъ 2 сентября. Этими выборами Парижъ еще разъ далъ свое подтвержденіе энергичнымъ мѣрамъ переворота.

Большинство голосовъ въ Парижѣ получилъ Робеспьеръ; теперь началась его великая политическая роль. Послѣ него по большинству голосовъ слѣдовалъ Дантонъ, оставившій постъ министра, чтобы баллотироваться въ конвентъ, такъ какъ онъ понялъ, что правительство будетъ теперь въ самомъ конвентѣ. Въ Парижѣ былъ избранъ также Маратъ. Такимъ образомъ, Парижъ послалъ въ конвентъ трехъ вождей демократіи. Кромѣ того, въ Парижѣ были избраны: Дюссо, котораго Маратъ называлъ „неопаснымъ, старымъ болтуномъ“; затѣмъ, другъ Дантона Фабръ д'Эглантинъ, Билло-Вареннъ, котораго таланты и энергія скоро должны были провести въ правительство, Колло д'Эбруа, имѣвшій раздѣлить судьбу Билло, Камиллъ Демуленъ, Осселенъ; затѣмъ, Сержанъ и Пани изъ комитета надзора коммуны, Буше и знаменитый живописецъ Давидъ, бывшій въ то время ярымъ якобинцемъ. Среди парижскихъ депутатовъ меньше всего голосовъ получилъ герцогъ Орлеанскій. Этотъ замѣчательный принцъ старался побѣдить недовѣріе народа своимъ экзальтированнымъ поведеніемъ и поэтому назвалъ себя—„Равенствомъ“, Egalité. Что преслѣдовалъ, чего хотѣлъ этотъ человѣкъ,—никому неизвѣстно; его друзья считали его искреннимъ республиканцемъ; враги же говорили, будто онъ ждетъ только благопріятнаго момента, чтобы самому взобраться на престолъ. Можетъ быть, послѣдніе и не ошибались. Egalité, казалось, нарочно опьяняетъ себя крайностями, чтобы легче перенести бурю революціи. Онъ никогда не упускалъ случая льстить народу самымъ отвратительнымъ образомъ. Революція поглотила его, а спустя 37 лѣтъ сына его, Людовика-Филиппа, находившагося теперь въ штабѣ генерала Дюмурье, революція взнесла на престолъ Франціи, чтобы потомъ снова низвергнуть его.

Распредѣленіе партій въ конвентѣ соотвѣтствовало тогдашнему состоянію Франціи. Онъ состоялъ изъ республиканцевъ, хотя между этими республиканцами были и такіе, которые внутренно питали отвращеніе къ республикѣ; но въ эпоху революціи они также исповѣдывали республику.

Правую въ этомъ знаменитомъ собраніи, самомъ интересномъ и величественномъ изъ всѣхъ парламентовъ, какіе только видѣлъ свѣтъ, составляли жирондисты. Здѣсь снова оказались всѣ знаменитые вожди этой партіи. Тутъ былъ Бриссо, глава партіи, Верніо, знаменитый ораторъ, Гадэ и Жансонэ, люди ѣдкаго краснорѣчія, Бюзо, человѣкъ сильнаго ума и большой энергіи, относительно котораго теперь извѣстно, что онъ состоялъ въ столь же чистыхъ, какъ и невинныхъ любовныхъ отношеніяхъ къ г-жѣ Ролланъ, Кондорсэ глубокій мыслитель, бурный Иснаръ и сатирическій Лувэ, Петіонъ, отказавшійся отъ должности мэра, чтобы попасть въ конвентъ, Манюэль, Гранженевъ и Барбару. Многіе изъ этихъ блестящихъ талантовъ были республиканцами еще до 10 августа; другіе же стали республиканцами подъ давленіемъ обстоятельствъ. Эти люди составили себѣ о народѣ какое-то идеальное понятіе, которымъ они и украшали свои красивыя рѣчи. Но когда они увидѣли народъ ближе во всей его ярости, въ его грязи и нищетѣ, то въ ихъ груди проснулось высокомѣріе буржуазіи. Они хотѣли любить этотъ народъ,—но любить издали, par distance. Равенство было у нихъ лишь пустой фразой. Они хотѣли устроить республику по своему буржуазно-аристократическому вкусу и подчинить ее господству умственной и имущественной аристократіи. Конституція 1791 г. безъ короля казалась имъ совершенно достаточной для удовлетворенія всѣхъ потребностей этого времени. Въ Парижѣ у нихъ были сторонники только между высшей буржуазіей; но на западѣ и югѣ страны сторонники ихъ были очень многочисленны. Народъ, какъ борющаяся масса и какъ „пушечное мясо монархіи", сослужилъ хорошую службу этимъ буржуа-аристократамъ уже 10 августа. Они забыли, что народное движеніе, разъ ему данъ толчокъ, нельзя остановить, когда угодно. Они предприняли безразсудную попытку сдѣлать невозможное и думали, что народъ, завоевавъ свободу для всѣхъ, удовольствуется лишь той частью верховныхъ правъ, какую они соблаговолятъ дать ему. Этимъ они разъединили Францію и парализовали ея силу сопротивленія внѣшнему врагу. Они, дѣйствительно, какъ сильно и картинно выразился Дантонъ, терзали грудь націи. Низверженіе ихъ стало необходимостью, и оно было совершено тѣмъ же самымъ парижскимъ народомъ, который вмѣстѣ съ жирондистами низвергъ престолъ.

Лѣвую заняли якобинцы; она называлась также Горою (montagne), оттого что ея члены или партія Горы (montagnards) сидѣли на высокихъ мѣстахъ; подъ этимъ именемъ она и прославилась во всемірной исторіи. Партія эта стремилась къ демократической республикѣ со свободой и равенствомъ для всего народа. Она никогда не была разборчивой въ своихъ средствахъ, что неизбѣжно вытекало изъ положенія Франціи въ данную минуту. Она обладала жаромъ воодушевленія, преданностью дѣлу и способностью къ самопожертвованію,—каче-

ствами, необходимыми для того, чтобы вывести Францію изъ ея критическаго положенія и отстоять пріобрѣтенія революціи. Эта демократія ставшая столь страшной государямъ, прокладывала путь своимъ принципамъ мечомъ, потому что ей со всѣхъ сторонъ грозилъ мечъ ея враговъ. Въ страшной борьбѣ, которую она должна была выдержать, она поражала своимъ мечомъ все, что стояло на пути свободы и равенства; призывая французскій народъ къ оружію противъ коалиціи иностранныхъ державъ, она низвергла партіи возстанія и реакціи и казнила трусливыхъ и измѣнническихъ генераловъ. Подавляющая масса труда, совершеннаго этой партіей, представляетъ собой нѣчто единственное въ своемъ родѣ во всей всемірной исторіи, потому что она еще нашла достаточно времени для того, чтобы заняться соціально-экономическимъ строемъ Франціи, выработать чисто демократическую конституцію и сдѣлать такія распоряженія, которыя давали народу понятіе о преимуществахъ демократическаго общества. Въ достижимой дали показала она народу новыя общественныя формы, точно мирно зеленѣющій островъ, пробираться къ которому нужно было черезъ пепелища возстаній и битвъ. Она и себя принесла въ жертву революціи: и ее, наконецъ, поглотили революціонныя бури, которымъ она дала просторъ. Но дѣла ея, ея созданія остались въ своихъ историческихъ дѣйствіяхъ.

Въ первый періодъ конвента, такъ какъ въ немъ еще преобладали жирондисты, партія Горы была совершенно сплоченной, и три ея могучихъ вождя: Дантонъ, Маратъ и Робеспьеръ употребляли всѣ свои силы на борьбу съ жирондистами. Гора заключала въ себѣ цѣлый рядъ высоко одаренныхъ людей, полныхъ силы и энергіи. Тутъ были: Камиллъ Демуленъ, Шабо, Колло д'Эбруа, Билло Вареннъ, Кутонъ—человѣкъ хотя и разбитый физически, но тѣмъ болѣе сильный духомъ,—все еще экзальтированный Талльянъ, епископъ Грегуаръ, стоическій республиканецъ Карно, военный геній котораго теперь расправилъ свои мощныя крылья, Геро-де-Сешелль, блиставшій именемъ, талантомъ и красотою, Лежандръ, необузданный мясникъ изъ предмѣстья, Фабръ д'Эглантинъ, авторъ республиканскаго календаря, Сенъ-Жюстъ, геній котораго внушалъ идеи его учителю Робеспьеру, Анахарсисъ Клоотцъ, „личный врагъ Бога", мечтавшій о всемірной республикѣ, и герцогъ Орлеанскій, называвшійся Эгалитэ. Гора имѣла сторонниковъ въ среднихъ, сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ департаментахъ, но больше всего въ Парижѣ. Внѣ конвента она имѣла опору въ общинномъ совѣтѣ, клубѣ якобинцевъ и клубѣ кордельеровъ; національная гвардія, находившаяся теперь подъ начальствомъ Сантерра, была, за немногими исключеніями, совершенно предана ей, и рабочіе предмѣстій готовы были подниматься по каждому зову Горы.

Въ центрѣ конвента сидѣли нерѣшительные, державшіеся то правой, то лѣвой, смотря по обстоятельствамъ, и опредѣлявшіе своимъ

голосами исходъ дебатовъ. Здѣсь сгруппировались люди боязливые и осторожные, но среди нихъ также были и сильные характеры. Центръ иронически называли долиной, или болотомъ, или еще чревомъ конвента. Главой его былъ Барреръ, ловкій и сладкорѣчивый адвокатъ изъ Пиринеевъ, о которомъ говорили, будто у него въ карманѣ всегда имѣются наготовѣ двѣ рѣчи: одна — за, а другая — противъ даннаго рѣшенія. Здѣсь сидѣлъ Сійэсъ и молчалъ въ теченіе двухъ лѣтъ; здѣсь былъ Барра, прежній дворянинъ, и поджидалъ случая забрать власть въ свои руки; затѣмъ—Камбассересъ и Томасъ Пенъ: послѣдній прославился во время возстанія Сѣверной Америки, и за его услуги дѣлу американской свободы французы дали ему право гражданства. Люди центра, прозванные въ насмѣшку „болотными жабами", притаились на время бурь, которыя пришлось вынести этому собранію; они не хотѣли погибать ни съ правой, ни съ лѣвой. Ураганъ терроризма пронесся надъ ихъ головами, но они остерегались рисковать ими. Послѣ паденія системы ужаса, они стали зачинщиками и приспѣшниками реакціи.

Таковъ былъ составъ конвента, собравшагося въ Тюльльери 20 сентября 1792 года, въ день вальмійской канонады и принявшаго въ свои руки бразды правленія республикой.

Жирондисты господствовали въ конвентѣ, такъ какъ онъ избралъ своимъ первымъ президентомъ Петіона, а секретарями — все жирондистовъ. Прежде всего рѣшено было выработать конституцію и предложить ее на утвержденіе народа въ его первичныхъ собраніяхъ; дѣйствующіе органическіе законы должны были сохранять свою силу впредь до ихъ отмѣны; налоги также должны были взиматься до ихъ уничтоженія. Эти постановленія были совершенно во вкусѣ жирондистовъ. Но тутъ поднялся Колло д'Эбруа и предложилъ уничтожить королевскую власть. Послѣ того, какъ епископъ Грегуаръ прекратилъ всѣ дебаты своими знаменитыми словами: „исторія государей— это книга страданій народовъ"! конвентъ единогласно принялъ предложеніе д'Эбруа. Это постановленіе было введеніемъ къ новой эрѣ во Франціи, хотя оно лишь подтверждало то, что фактически было сдѣлано 10 августа.

На слѣдующій день, по предложенію Билло-Варенна, было введено новое лѣтосчисленіе. Началомъ этого лѣтосчисленія былъ принятъ 1792 годъ съ 22 сентября, какъ *первый годъ республики*, а 14 іюля и 10 августа объявлены національными праздниками. Далѣе, было постановлено, что ни одинъ изъ членовъ конвента не можетъ занимать общественной должности, и поэтому Дантонъ оставилъ постъ министра. Мѣсто его въ исполнительномъ совѣтѣ занялъ Гара, человѣкъ слабый, желавшій угождать всѣмъ, въ чьихъ рукахъ была сила. Сер-

ванъ, военный министръ, скоро также оставилъ постъ, и его мѣсто занялъ Пашъ, бывшій раньше чиновникомъ морского вѣдомства, рѣшительный революціонеръ. Роланъ, Клавьеръ, Лебрэнъ и Монжъ остались въ исполнительномъ совѣтѣ, но власть его была уже такъ ограничена комитетами конвента, что онъ сталъ совершенно излишнимъ, вслѣдствіе чего онъ позже былъ вовсе уничтоженъ, и вся правительственная власть была передана комитетамъ. Петіонъ также оставилъ мѣсто мэра и хотя его было снова избрали, но онъ отказался отъ выбора, чтобы остаться въ конвентѣ. Лишь съ трудомъ можно было найти кандидата на постъ мэра и, наконецъ, въ мэры былъ избранъ якобинецъ, человѣкъ незначительный, врачъ Шамбонъ.

До сихъ поръ конвентъ принималъ свои постановленія единогласно. И 23 сентября, когда было рѣшено сдѣлать новый выпускъ ассигнатовъ, единогласіе все еще существовало. Но 24 сентября разразилась буря. Дѣло началъ своею неосторожностью Роланъ. Онъ не могъ забыть, что комитетъ надзора коммуны въ сентябрьскіе дни издалъ предписаніе объ его арестѣ, хотя оно и не было приведено въ исполненіе. Возможно, что этого мрачнаго стараго филистера раздражали тѣ насмѣшки, которыя ему безпрестанно приходилось выносить вслѣдствіе умственнаго превосходства надъ нимъ его жены. Недавно Маратъ называлъ его въ своемъ журналѣ „кухоннымъ драгуномъ", говорилъ, что его водитъ за ухо жена. Роланъ жаловался въ письмѣ къ конвенту, что ему вездѣ ставятъ препятствія, что совершились новыя убійства, какъ въ сентябрѣ и т. п. Поднялся жирондистъ Керсенъ и воскликнулъ, что необходимо воздвигнуть эшафоты для убійцъ, а также для зачинщиковъ и подстрекателей къ убійствамъ. Намекъ на лѣвую конвента былъ очевиденъ, и этимъ началась борьба, которая должна была привести къ паденію жирондистовъ. Гора оспаривала предложеніе Керсена, но Верніо защищалъ его и, такимъ образомъ, оно прошло. Произошло сильное волненіе, во время котораго конвентъ разошелся.

Жирондисты держали себя все болѣе и болѣе вызывающе. На слѣдующій день жирондистъ Ласурсъ открыто напалъ на Гору; его намеки мѣтили въ Марата и Робеспьера. Обоихъ ихъ жирондисты страшно ненавидѣли. Ласурсъ говорилъ о честолюбцахъ, которые льстятъ народу, клевещутъ на лучшихъ патріотовъ, оттачиваютъ кинжалы противъ депутатовъ и стремятся къ тираніи, къ диктатурѣ.

— „Кто,—воскликнулъ Осселенъ:—кто этотъ наглый гражданинъ, котораго призвалъ сюда голосъ народа, а онъ осмѣливается попирать ногами народныя права, стремясь къ диктатурѣ?!".

— „*Это Робеспьеръ*!"—крикнулъ жирондистъ Ребеки.

Робеспьеръ еще молчалъ; заговорилъ Дантонъ о томъ, что теперь истина должна всплыть наружу. Онъ требовалъ доказательствъ. Робеспьеръ сталъ опровергать заявленіе Ребеки, но такъ какъ онъ го-

ворилъ нѣсколько длинно, то жирондисты его прервали. Барбару сказалъ, что передъ 10 августа онъ былъ у Пани, и тамъ ему расписывали Робеспьера, какъ добродѣтельнаго человѣка, который долженъ стать диктаторомъ Франціи. Пани отрицалъ это, а Ребеки поддерживалъ.

Тутъ всходитъ на трибуну Маратъ. Жирондисты и „болотныя жабы" встрѣтили его страшнымъ шумомъ. Но Маратъ стойко выдержалъ поднявшуюся противъ него бурю.—„Повидимому, у меня здѣсь есть много личныхъ враговъ", сказалъ онъ холодно.—„*Вонъ! Вонъ!*" закричали жирондисты:—„*Въ такомъ случаѣ,—да будетъ вамъ стыдно*!—отвѣтилъ Маратъ:—за что вы оскорбляете человѣка, который оказалъ такъ много услугъ свободѣ?!". Онъ говорилъ о преслѣдованіяхъ, вынесенныхъ имъ, и открыто заявилъ, что мысль о диктатурѣ принадлежитъ ему одному, что онъ желалъ диктатора, который бы уничтожалъ враговъ свободы, но диктатора съ ядромъ, прикованнымъ къ ногѣ. Если же иные не въ состояніи возвыситься до его взглядовъ, то это не его вина.

Тогда заговорилъ Верніо. Онъ произнесъ фразистую рѣчь и прочелъ циркуляръ комитета надзора. Марата онъ осыпалъ бранью. Жирондистъ Буало прочелъ одну статью изъ журнала Марата и потребовалъ обвиненія его. Маратъ защищался, и конвентъ отклонилъ обвиненіе. Маратъ вынулъ изъ кармана пистолетъ и сказалъ, что онъ раздробилъ бы себѣ голову, если бы прошелъ декретъ о его обвиненіи. Во время рѣчи Марата, жирондисты толкали его и кричали: „въ аббатство!" „на гильотину!" Своимъ поведеніемъ они нанесли себѣ большой ущербъ во мнѣніи парижскаго народа; народная же любовь къ Марату вслѣдствіе этой исторіи еще больше возросла. Онъ проявилъ мужество и хладнокровіе, а эти качества всегда нравятся.

У Марата было мало друзей, и Робеспьеръ говорилъ, что Маратъ не внушаетъ ему увѣренности въ томъ, что онъ обладаетъ умомъ и смѣлостью государственнаго человѣка. Во всякомъ случаѣ, уживчивымъ Маратъ не былъ; его внѣшность тоже не была ни красивой, ни элегантной. Но высшая буржуазія ненавидѣла его, какъ защитника бѣдныхъ, и это объясняетъ все.

Съ этого дня партійная борьба въ конвентѣ не прекращалась. Она перешла изъ него и на улицы. „Союзники" и рабочіе предмѣстій, соединенными силами взявшіе 10 августа Тюльльери, стали теперь во враждебныя отношенія другъ къ другу. „Союзники" съ юга Франціи, державшіеся жирондистовъ, требовали головы Робеспьера; рабочіе предмѣстій грозили возстаніемъ. Парижская коммуна также подверглась нападеніямъ со стороны жирондистовъ; они упрекали ее въ сентябрьскихъ убійствахъ и всевозможныхъ грабительствахъ. Г-жа Роланъ разжигала борьбу. Въ одномъ докладѣ, составленномъ ею и представленномъ ея мужемъ конвенту, въ качествѣ своего собствен-

наго, она снова нападала на Гору и коммуну за сентябрьскія убійства. Противъ Робеспьера снова поднялись обвиненія въ стремленіи къ диктатурѣ. Онъ воскликнулъ: „Кто осмѣлится открыто обвинять меня?“ Тутъ поднялся жирондистъ Лувэ и началъ свою длинную, переполненную бранью, рѣчь противъ Горы и спеціально противъ Робеспьера. Онъ сгруппировалъ всѣ обвиненія и утверждалъ, что сентябрьскія убійства не были народнымъ самосудомъ, что они совершены толпой наемныхъ убійцъ. Шабо возразилъ, что онъ, пробираясь въ аббатство, долженъ былъ пройти подъ *цѣлымъ сводомъ изъ десятковъ тысячъ скрещенныхъ сабель*. Робеспьеръ потребовалъ восьмидневнаго срока, чтобы представить свое оправданіе. Онъ сдѣлалъ это очень умѣло, и слабое съ фактической стороны обвиненіе Лувэ совершенно пало.

Отношенія между обѣими этими партіями стали столь враждебными, что уничтоженіе одной изъ нихъ было неизбѣжнымъ. Если жирондисты упрекали людей Горы въ сентябрьскихъ убійствахъ, то Гора не безъ основанія возбудила противъ нихъ обвиненіе въ томъ, что они хотятъ раздробить Францію. Жирондистовъ обвиняли въ федерализмѣ, потому что они постоянно обращались къ департаментамъ. Гора очень удачно заставила конвентъ объявить *единство и нераздѣльность республики* и смертную казнь каждому, кто пожелалъ бы раздробить Францію.

Но личная борьба между Горой и Жирондой была лишь внѣшнимъ выраженіемъ непримиримой принципальной противоположности между этими партіями. Жирондисты хотѣли свободы *индивида*, безъ всякаго ущерба для привиллегій имущихъ; они были представителями того принципа, который называютъ индивидуализмомъ. Партія же Горы требовала преобразованій для *общества* во имя свободы, равенства и братства. Эта противоположность дѣлала борьбу неизбѣжной—въ какой бы области она ни разыгралась.

Во время этой борьбы конвентъ не оставлялъ и другихъ дѣлъ. Онъ подготовлялся къ своимъ великимъ трудамъ и избиралъ свои комитеты и коммиссіи. Пока были только комитеты для охраны общественной безопасности, для военныхъ дѣлъ, для бюджета и законодательства, для финансовъ и для конституціи. Въ этихъ комитетахъ, понятно, господствовали жирондисты.

Послѣ отступленія пруссаковъ, Дюмурье направился на сѣверъ, чтобы выполнить давно лелѣянный имъ планъ вторженія въ Бельгію. Онъ стянулъ войска, стоявшія на сѣверной границѣ, и двинулся къ границѣ Бельгіи. Близъ Мона его ждалъ принцъ Саксенъ-Тешенскій въ очень сильной позиціи. Этотъ принцъ, командовавшій австрійцами, стоялъ до сихъ поръ подъ городомъ Лиллемъ. Его жена, Марія-

Христина Австрійская, нарочно пріѣхала, чтобы посмотрѣть, какому наказанію подвергнется этотъ „городъ бунтовщиковъ", и принцъ безжалостно велѣлъ въ теченіе шести дней обстрѣливать городъ изъ мортиръ. Уже около двухъ-сотъ домовъ было разрушено. Но „городъ бунтовщиковъ" не сдавался, а съ воодушевленіемъ отстаивая дѣло республики, оказывалъ самое геройское сопротивленіе. Конвентъ послалъ въ городъ комиссаровъ, чтобы они вмѣстѣ съ жителями его выдерживали осаду. И они держались, когда тяжелыя австрійскія осадныя орудія метали въ городъ бомбу за бомбой. Получивъ извѣстіе о приближеніи генерала Дюмурье, принцъ прекратилъ свою столь же безполезную, какъ и жестокую, бомбардировку, и отступилъ къ своимъ укрѣпленнымъ позиціямъ. Дюмурье напалъ на него, и, такимъ образомъ, 6 ноября 1792 года произошла кровавая битва при Жемаппѣ, въ которой австрійцы были совершенно разбиты.

Нападеніе французовъ на укрѣпленныя позиціи австрійцевъ было произведено съ большой отвагой. Исходъ битвы колебался то въ ту, то въ другую сторону; два раза французы безуспѣшно предпринимали штурмъ австрійскихъ позицій. Но храбрость республиканскихъ батальоновъ была необычайна; молодые республиканцы безстрашно, массами жертвовали собою за свободу. Герцогъ Шартрскій, сынъ герцога Орлеанскаго,—впослѣдствіи Людовикъ-Филиппъ, король Франціи,—собралъ разстроившееся лѣвое крыло французовъ, образовалъ отрядъ самыхъ отважныхъ воиновъ, который онъ назвалъ жемаппскимъ батальономъ, и съ неотразимой силой ударилъ въ штыки на австрійцевъ. Генералъ Данпьерръ напалъ на австрійскій центръ, гдѣ былъ большой редутъ, разстраивавшій своими орудіями колонны аттакующихъ. Пылкій и отважный генералъ схватываетъ знамя и ведетъ свои колонны противъ изрыгающихъ огонь шанцовъ. Онъ первый всходитъ на нихъ, утверждаетъ трехцвѣтное знамя, а австрійскіе канониры въ это время избиваются при своихъ орудіяхъ. Между тѣмъ, самъ Дюмурье выстроилъ для новаго приступа отбитое и разстроенное правое крыло французовъ. Охваченный воодушевленіемъ, генералъ запѣваетъ марсельезу, войско подхватываетъ; пламенный гимнъ революціи, прерываемый лишь громомъ орудій, далеко-далеко разносится въ воздухѣ, и республиканскія колонны съ непреоборимою силою идутъ все дальше и дальше впередъ. Нужно взять деревню Кюэсмъ (Cuesmes): это рѣшитъ битву. Подъ страшнымъ огнемъ непріятельскихъ орудій французы удачно брасаются въ штыки,—и австрійцы прогнаны: побѣда осталась за французами.

Австрійскіе ветераны съ ужасомъ говорили, что они еще никогда не видали столь яраго врага.

Принцъ Альбертъ, бомбардировавшій Лилль, былъ внѣ себя. Онъ не могъ понять, какъ это его, затя императрицы Маріи-Терезіи, могъ

побѣдить какой-то республиканскій генералъ; въ гнѣвѣ онъ отказался отъ командованія войскомъ.

Дюмурье, не встрѣчая никакого противодѣйствія, двинулся на Брюссель. Слѣдствія его побѣды были грандіозны; вся Бельгія была завоевана. Вскорѣ сдались крѣпости.

Конвентъ съ живою радостью привѣтствовалъ успѣхи Дюмурье и рѣшилъ соединить Бельгію съ Франціею.—Онъ хотѣлъ демократизировать Бельгію: онъ хотѣлъ дать этой странѣ свободу, за которую она, какъ думали, поднялась противъ Австріи еще до французской революціи. Но бельгійскій народъ, руководимый попами и аристократами, не понималъ идей французской демократіи. Конвентъ уничтожилъ феодализмъ въ Бельгіи, призналъ всѣ земли аристократовъ и духовенства національною собственностью и объявилъ свободу и равенство. Бельгійскій народъ посмотрѣлъ на это, какъ на вторженіе въ его права; онъ смѣшивалъ „историческія права“ своего духовенства и аристократіи, руководившихъ нѣкогда движеніемъ противъ Австріи, со своими собственными правами. А тутъ еще поднялись обвиненія, что комиссары, посланные конвентомъ для выполненія его рѣшеній,—комиссары, между которыми былъ и Дантонъ, вели себя, какъ грабители. Въ этомъ отношеніи не доказано ничего или, по крайней мѣрѣ, не много, но шумъ былъ большой, и народъ пришелъ въ сильное возбужденіе.

Дюмурье, который долженъ былъ организовать эту новую провинцію, придумывалъ всевозможные планы. Онъ сталъ посредникомъ между партіями, и до нѣкоторой степени ему удалось пріобрѣсти расположеніе бельгійцевъ. Этотъ побѣдоносный генералъ уже теперь подумывалъ объ уничтоженіи республики и возстановленіи королевской власти. Онъ представлялъ себя въ роли генерала Монка, возстановившаго въ 1660 году англійскую монархію.

А пока что, этотъ талантливый генералъ и государственный человѣкъ обманывалъ демократію. Съ роялистами онъ былъ роялистъ, съ жирондистами—жиродистъ и якобинецъ—съ якобинцами. Всѣ съ одинаковою увѣренностью разсчитывали на него. Лишь дальновидный Маратъ угадалъ измѣну, зарождавшуюся въ душѣ генерала, и открыто говорилъ это въ своемъ журналѣ. Близорукіе люди объявляли его клеветникомъ. Но оказалось, что онъ былъ правъ.

На Рейнѣ, послѣ отозванія неспособнаго Люккнера, начальствованіе надъ войскомъ принялъ генералъ Кюстинъ. Хотя этотъ человѣкъ, сражавшійся въ Сѣверной Америкѣ подъ знаменами Вашингтона, и происходилъ изъ стариннаго дворянства, но былъ, повидимому, искренно преданъ республикѣ. Кюстинъ еще ни разу не былъ въ битвѣ. Но онъ зналъ, что по-рейнское населеніе въ значительной

части расположено къ нововведеніямъ во Франціи, и поэтому рѣшилъ двинуться на Майнцъ. При Шпейерѣ онъ разбилъ часть майнцскихъ и австрійскихъ войскъ подъ начальствомъ полковника Винкельмана: французофобскія родомонтады Винкельмана были очень любимы при курфюршескомъ дворѣ въ Майнцѣ, но передъ пушками Кюстина они оказались несостоятельными.

Населеніе лѣваго берега Рейна жило подъ гнетомъ тяжелаго феодальнаго бремени. Тутъ было множество свѣтскихъ и духовныхъ, князей и господъ. Обыкновенно, чѣмъ мельче были эти господа, тѣмъ большими тиранами являлись они; въ особенности же сельское населеніе изнывало подъ тяжестью барщины и налоговъ. И лишь только подошли первые французскіе отряды, весь этотъ пестрый феодальный строй моментально исчезъ, точно по манію волшебнаго жезла; господа бѣжали, горожане и крестьяне стали свободными. Майнцъ былъ тогда курфюршествомъ, къ которому принадлежали также Ашаффенбургъ и Эрфутъ. Княжилъ здѣсь послѣдній курфюрстъ, Фридрихъ-Карлъ-Іосифъ фонъ-Эрталь, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ и княземъ-епископомъ вормскимъ; государство находилось въ крайне жалкомъ состояніи: майнцская армія вслѣдствіе своей трусости и деморализаціи стала притчей во языцѣхъ. Государственные финансы расточались на фаворитовъ; пагубное хозяйничанье метрессъ руководило политикой правительства. Эрталь привлекъ въ Майнцскій университетъ, дававшій хорошіе оклады, множество знаменитыхъ ученыхъ и разыгрывалъ роль покровителя наукъ и искусствъ, чтобы отклонить вниманіе отъ своей распутной жизни. Большинство ученыхъ, жившихъ въ Майнцѣ, впрочемъ, принадлежали къ просвѣщенному ордену иллюминатовъ и были расположены къ принципамъ французской революціи, какъ знаменитый Георгъ Форстеръ, профессоръ Гоффманъ изъ Вюрцбурга, богословъ Бляу и профессоръ Меттернихъ.

Разслабленная майнцская буржуазія жила расточительностью двора и держала его сторону, но низшіе классы народа встрѣтили французскую революцію съ полнымъ сочувствіемъ.

Когда Кюстинъ послѣ стычки при Шпейерѣ пошелъ на Майнцъ, этой старой имперской крѣпостью овладѣлъ паническій страхъ. Курфюрстъ со всѣмъ своимъ дворомъ моментальво исчезъ, захвативъ при этомъ „по ошибкѣ“ и денежныя суммы, вовсе не принадлежавшія ему; экипажи, переполненные бѣглецами, запрудили улицы, суда съ бѣглецами покрыли весь Рейнъ. Курфюршескій министръ Альбини держалъ рѣчь къ гражданамъ; онъ говорилъ о защитѣ до послѣдней капли крови, а между тѣмъ, во время этой рѣчи, телѣги съ его драгоцѣнностями уже переѣзжали рейнскій мостъ.

Крѣпость была хорошо снабжена гарнизономъ, орудіями, аммуниціей и провіантомъ и могла бы выдержать продолжительную осаду. Но комендатъ ея, австрійскій генералъ фонъ-Гимнихъ, былъ такъ

трусливъ, что 21 октября сдалъ Майнцъ, послѣ одной лишь угрозы Кюстина бомбардировать городъ.

Говорятъ, будто Майнцъ палъ вслѣдствіе измѣны, но это недоказано, хотя возможно, что французы имѣли единомышленниковъ въ крѣпости. Курфюршескій офицеръ, обвиняемый въ измѣнѣ, потому что онъ впослѣдствіи поступилъ на французскую службу и сталъ французскимъ генераломъ, Эйккемайеръ былъ единственнымъ человѣкомъ, высказавшимся за упорную защиту Майнца и дѣлавшимъ соотвѣтствующія распоряженія.

Въ Майнцѣ, сейчасъ же послѣ вступленія въ него французовъ, образовался знаменитый клубъ, принявшій имя: „Друзья свободы и равенства"; здѣсь собиралась демократія. Кюстинъ взялъ въ свои руки правленіе и управленіе страной и замѣстилъ всѣ общественныя должности сторонниками новыхъ идей. Но скоро онъ показалъ, что ни въ политическомъ, ни въ военномъ отношеніи онъ не стоитъ на высотѣ своего положенія.

23 октября французы, подъ предводительствомъ генерала Нейвингера, подошли къ старинному имперскому городу, Франкфурту на Майнѣ. Мѣщанство, господствовавшее во Франкфуртѣ, не мало испугалось и стало увѣрять французовъ, что оно всегда питало къ нимъ дружескія чувства. Кюстинъ потребовалъ съ франкфуртцевъ милліонъ военной контрибуціи; для франкфуртцевъ это было слишкомъ много: они предлагали только полмилліона. Но Кюстинъ настаивалъ на милліонѣ и этимъ навсегда испортилъ дѣло съ франкфуртцами. По поводу такого грабительства въ Германіи поднялся страшный шумъ; журналы еще очень преувеличили это дѣло. Кюстинъ, дѣйствительно, не сумѣлъ завоевать въ Германіи сочувствіе къ Франціи и ея нововведеніямъ. Но между тѣмъ онъ занималъ Майнцъ только до 12 декабря; въ этотъ день пруссаки, подошедшіе изъ Кобленца, оправившіеся послѣ своего неудачнаго отступленія изъ Шампани, и одинъ гессенскій корпусъ напали на Франкфуртъ. Кюстинъ оставилъ во Франкфуртѣ лишь слабый отрядъ войска; пруссаки и гессенцы одолѣли его, причемъ Кюстинъ, стоявшій очень близко, даже не явился на помощь. Пруссаки и гессенцы взяли Франкуфртъ, а Кюстинъ, своими высокопарными прокламаціями взволновавшій всю Германію, теперь совершенно потерялъ голову и отступилъ къ стѣнамъ Майнца. Такое поведеніе его способствовало тому, что его взвели на эшафотъ.

Къ этому времени французскій генералъ Монтескіу отнялъ у сардинскаго короля Ниццу и Савойю и присоединилъ ихъ къ республикѣ.

Надзоръ за королевскимъ семействомъ былъ порученъ парижской коммунѣ или, вѣрнѣе—коммуна изъ недовѣрія къ жирондистамъ не выпускала этого надзора изъ своихъ рукъ. Обращеніе, которому

подвергался Людовикъ XVI и его семейство въ Тамплѣ, роялисты изображаютъ безчеловѣчнымъ и грубымъ. Но если не упускать изъ виду того, что дворъ и демократія вели другъ съ другомъ войну на жизнь и смерть, то въ достовѣрныхъ фактахъ, извѣстныхъ намъ относительно обращенія съ плѣннымъ королевскимъ семействомъ, невозможно усмотрѣть ни безчеловѣчности, ни грубости. Присмотръ за узниками сталъ нѣсколько строже, когда было замѣчено, что роялисты завязываютъ съ ними сношенія съ цѣлью ихъ освобожденія. Башня Тампля имѣла четыре этажа; въ каждомъ изъ нихъ было по двѣ комнаты и одному кабинету. Окна были снабжены рѣшетками; входъ запирался тяжелыми дверями. Въ нижнемъ этажѣ помѣщалась стража, взятая изъ революціонныхъ секцій; главный надзоръ за нею принадлежалъ Сантерру. Въ первомъ (послѣ нижняго) этажѣ жилъ король съ сыномъ, во второмъ—королева съ дочерью, а въ третьемъ—принцесса Елизавета. Узники могли, подъ присмотромъ, гулять въ саду Тампля; днемъ сношенія между этажами были свободны, но на ночь лѣстница запиралась. Узникамъ доставляли книги, письменныя принадлежности и т. п. въ этомъ родѣ, чего они требовали; лишь позже происки роялистовъ вызвали нѣкоторыя ограниченія. Людовикъ могъ до самаго послѣдняго времени держать при себѣ своего камердинера, Клери. Содержаніе было хорошо; въ кухнѣ около башни работало 13 поваровъ. Коммуна за два мѣсяца выдала болѣе 28,000 франковъ на содержаніе королевскаго семейства. Королю было передано 2,000 франковъ на мелкіе расходы; позже, изъ опасенія подкуповъ, ему не давали денегъ.

За королемъ хотѣли имѣть наблюденіе, поэтому его держали подъ строгимъ надзоромъ, но мучить его не хотѣли. Если принять во вниманіе, какъ обыкновенно правительства обращаются съ людьми, на которыхъ они смотрятъ, какъ на политическихъ преступниковъ,—если вспомнить, какому обращенію подвергались въ царствованіе Людовика XVI политическіе заключенные въ Бастиліи, Венсенѣ и другихъ государственныхъ тюрьмахъ, то нужно сознаться, что, въ сравненіи съ этимъ, демократическій муниципалитетъ Парижа обращался очень мягко съ Людовикомъ XVI и его семействомъ. Людовикъ больше всего возмущался тѣмъ, что его, фактически уже не бывшаго королемъ, называютъ по имени основателя его династіи Людовикомъ Капетомъ, что его караульные курятъ; онъ жаловался также что привратникъ башни, Роше, относится къ нему не съ тѣмъ почтеніемъ, какое онъ считалъ нужнымъ.

Уже съ разныхъ сторонъ раздавались требованія, чтобы былъ возбужденъ процессъ противъ короля. Конвентъ долженъ былъ рѣшить, что дѣлать съ Людовикомъ XVI. Его можно было или освободить, или держать въ заключеніи, или казнить. Въ конвентѣ никто не былъ за освобожденіе; жирондисты стояли за заключеніе; Гора—

за казнь. Дѣло Людовика XVI вскорѣ поглотило вниманіе всей Европы. Всѣ дворы смотрѣли на дѣло короля, какъ на свое собственное. Въ отвѣтъ на это конвентъ взглянулъ на дѣло народовъ, какъ на свое собственное дѣло. 19 ноября онъ издалъ декретъ, въ которомъ говорилось: „Національный Конвентъ симъ объявляетъ, что онъ предлагаетъ помощь и братство всѣмъ народамъ, желающимъ вернуть свою свободу, и поручаетъ исполнительной власти дать приказъ генераламъ французскихъ армій, чтобы они оказывали помощь тѣмъ гражданамъ, которые подвергаются или впослѣдствіи будутъ подвергаться угнетеніямъ за дѣло свободы".

Что король состоялъ въ заговорѣ съ иностранцами, съ духовенствомъ, отвергавшимъ присягу, и эмигрантами противъ свободы французскаго народа,—въ этомъ было уже больше доказательствъ, чѣмъ бѣгство Людовика въ Вареннъ въ связи съ обстоятельствами этого бѣгства. Въ бюро цивильнаго листа были найдены доказательства, что онъ писалъ епископу клермонскому въ 1791 году, будто онъ снова возстановитъ свою власть и возвратитъ духовенству его прежнее значеніе. Коммуна представила конвенту документы, изъ которыхъ видно, что во время законодательнаго собранія дворъ израсходовалъ полтора милліона франковъ на подкупъ депутатовъ. Маратъ потребовалъ, чтобы былъ приложенъ инвентарь этихъ документовъ, и предложеніе его было принято. Но когда онъ потребовалъ, чтобы документы были немедленно же напечатаны и опубликованы, то жирондисты обнаружили, что совѣсть ихъ нечиста. Они обвиняли Марата, будто онъ хочетъ натравить на нихъ народъ. Это предложеніе его было отклонено.

Жирондисты, дѣйствительно, вели переговоры съ дворомъ. Но результатовъ этихъ переговоровъ невозможно возстановить.

Въ это время въ Тюльери былъ открытъ „желѣзный шкафъ", собственно, потайной ящикъ, въ которомъ король пряталъ свою секретную корреспонденцію. Людовикъ, какъ извѣстно, любилъ слесарную работу; онъ часто работалъ вмѣстѣ съ однимъ слесаремъ, по имени Гаменомъ. Гаменъ зналъ этотъ секретный ящикъ и еще раньше говорилъ о немъ другимъ; затѣмъ, королева, по его словамъ—вѣрно ли это, или нѣтъ, неизвѣстно—хотѣла избавиться отъ него посредствомъ отравленнаго печенія, которое будто бы она собственноручно предложила ему. Гаменъ былъ долго боленъ, а тѣмъ временемъ король при посредствѣ одной придворной дамы удалилъ часть бумагъ, находившихся въ желѣзномъ шкафу. Вскорѣ послѣ этого Гаменъ явился къ министру Ролану и указалъ ему на этотъ желѣзный шкафъ. Роланъ былъ настолько безтактенъ, что безъ свидѣтелей, даже безъ составленія протокола взялъ бумаги къ себѣ и предварительно просмотрѣлъ ихъ. Вслѣдствіе этого его обвиняли—правда ли это, или нѣтъ, рѣшить невозможно,—что онъ скрылъ и уничтожилъ

тѣ бумаги, которыя могли бы компрометировать его друзей, жирондистовъ. Но и то, что Роланъ передалъ конвенту, служило достаточнымъ обвиненіемъ противъ короля; въ этихъ бумагахъ найдены письменныя доказательства комплотовъ, подкуповъ и заговорщическихъ связей двора. Измѣна Мирабо, его договоръ съ дворомъ всплыли наружу. Происки Буллье и Лафайета были разоблачены, и доказаны связи двора съ иностранными правительствами, эмигрантами и отдѣльными членами обоихъ первыхъ національныхъ собраній. Это открытіе произвело громадное впечатлѣніе, потрясшее всю Францію. Народъ пришелъ въ ярость, увидѣвъ, какъ его обманывали торжественными обѣщаніями и клятвами. Память измѣнниковъ и заговорщиковъ была предана презрѣнію. Въ клубѣ якобинцевъ разбили бюстъ Мирабо, а въ конвентѣ его завѣсили.

Теперь со всѣхъ сторонъ стали поступать петиціи, являться депутаціи съ требованіями энергичныхъ мѣръ относительно короля. Раненые 10 августа дефилировали передъ конвентомъ и требовали мести. Что король стремился къ уничтоженію французской конституціи,—это было ясно. Но какъ же обвинять его? Конституція гарантировала ему неприкосновенность; отвѣтственными были только министры. Въ конституціи говорилось: „Послѣ отчетливаго и согласнаго съ предписаніями закона (legal) отреченія короля отъ престола, король принадлежитъ къ классу гражданъ и, также какъ и они, можетъ за свои поступки, совершенные послѣ отреченія отъ престола, подвергаться судебнымъ преслѣдованіямъ". Понятіе неприкосновенности—одна изъ многихъ неопредѣленностей, вытекающихъ изъ конституціонализма. Логически ясно, что конституціоннаго монарха можно признать неприкосновеннымъ только за его общественную и правительственную дѣятельность, такъ какъ совершенно немыслимо, чтобы ему могла быть гарантирована эта конституціонная неприкосновенность и безнаказанность за всѣ проступки противъ закона. Поэтому вопросъ о неприкосновенности сейчасъ же выступилъ на первый планъ. Комитетъ законодательства долженъ былъ представить докладъ по дѣлу Людовика, и его докладчикъ Мэль (Maëlhe) реферировалъ 7 ноября. Мэль говорилъ, что конвентъ въ правѣ судить короля. Онъ доказывалъ, что неприкосновенность не распространяется на частную дѣятельность короля, а такой дѣятельностью и были его тайные комплоты съ иностранными правительствами и эмигрантами. Конвентъ,—говорилъ онъ,—представляетъ собою французскій народъ; онъ долженъ превратиться въ судебную палату, чтобы судить Людовика согласно съ опредѣленіями закона относительно измѣнниковъ и заговорщиковъ. Пренія объ этомъ предложеніи комитета законодательства начались 13 ноября. Крайняя правая утверждала, что короля нельзя ни судить, ни наказывать, потому что его неприкосновенность распространяется на всѣ его поступки. Если же король и

наказуемъ, то Людовикъ XVI уже наказанъ лишеніемъ престола. Это именно доказывалъ Мориссонъ; онъ говорилъ, что потеря такого престола столь же тяжела, какъ и смертная казнь. Затѣмъ, онъ старался изобразить короля жертвой окружавшихъ его, и всю вину взвалилъ на нихъ. Противъ этого взгляда и выступили Робеспьеръ и Сенъ-Жюстъ. Они выступали въ этомъ дѣлѣ, какъ безусловные послѣдователи Руссо, и въ своихъ рѣчахъ ссылались на его „Общественный Договоръ". Маратъ раздѣлялъ ихъ взгляды. Раньше онъ составилъ проектъ уложенія о наказаніяхъ и допускалъ смертную казнь лишь съ большими оговорками, какъ и Робеспьеръ однажды въ учредительномъ собраніи высказался безусловно противъ смертной казни. Но Руссо въ своемъ „Общественномъ Договорѣ" отчетливо говоритъ: „Если для государства полезно, чтобы ты умеръ, то ты долженъ умереть,—потому что лишь подъ этимъ условіемъ ты до сихъ поръ жилъ въ безопасности, и потому что твоя жизнь—уже не только благодѣяніе природы, но и условный даръ государства". Догматики государственной и соціальной философіи Руссо думали, что къ дѣлу Людовика XVI необходимо примѣнить это положеніе въ его буквальномъ смыслѣ,—также какъ и впослѣдствіи во время ужаса „Общественный договоръ" всегда лежалъ на столѣ комитета благосостоянія.

Теперь выступилъ Сенъ-Жюстъ, молодой человѣкъ 24 лѣтъ, бывшій маркизъ, избранный въ конвентъ, благодаря вліянію Робеспьера. Это былъ нѣжный юноша, прекрасный, какъ дѣвушка, одаренный геніальными способностями, мыслитель, которому суждено было въ бурное время революціи пройти свой короткій, но величественный жизненный путь. Онъ возражалъ Мориссону, что короля нельзя судить по гражданскимъ законамъ, такъ какъ онъ, въ качествѣ короля, исключенъ изъ общественнаго договора, что съ нимъ нужно поступить на основаніи международнаго права. „Граждане,—говорилъ этотъ юный фанатикъ:—если римскій народъ послѣ 600 лѣтъ добродѣтели, если Англія послѣ смерти Кромвеля, вопреки всей энергіи этого человѣка,—увидѣли, что королевская власть снова ожила, то чего же должны бояться добрые граждане, друзья свободы, если они видятъ, какъ сѣкира уже теперь дрожитъ въ рукахъ народа, и онъ съ благоговѣйнымъ страхомъ приближается къ памятнику своего рабства?!" Большинство конвента не хотѣло такихъ мѣръ. Сенъ-Жюста съ жаромъ оспаривали. Но тутъ выступаетъ Робеспьеръ, такъ часто подхватывавшій мысли Сенъ-Жюста и развивавшій ихъ дальше. Онъ тоже не хотѣлъ процесса. „Собраніе,—сказалъ онъ:—слишкомъ далеко уклонилось отъ сущности дѣла. Дѣло идетъ тутъ вовсе не о процессѣ. Людовикъ Капетъ—не обвиняемый, а вы—не судьи его. Вы—политическіе дѣятели и не можете быть ничѣмъ инымъ. Вамъ предстоитъ не произнести вашъ приговоръ надъ человѣкомъ, а принять мѣру общественнаго блага, совершить актъ политической предусмотритель-

ности. Развѣнчанный король годится только на два дѣла: или своею жизнью погубить спокойствіе и свободу государства, или своею смертью укрѣпить ихъ. Вотъ въ чемъ разрѣшеніе занимающаго насъ вопроса. Людовикъ уже осужденъ, — или самой республикѣ нѣтъ оправданія!" Конвентъ не принялъ этой страшной альтернативы, но она проникла въ народъ, гдѣ голосъ Робеспьера значилъ чрезвычайно много,—даже почти все. Предмѣстья привыкли радостными криками поддерживать „Неподкупнаго". Такимъ образомъ, общественное мнѣніе стояло за его взгляды, и хотя конвентъ не соглашался съ нимъ, но все-таки увидѣлъ себя вынужденнымъ начать процессъ противъ короля. Впрочемъ, и Маратъ не раздѣлялъ взглядовъ Робеспьера по этому дѣлу. Онъ тутъ же сказалъ одному своему другу, что поведеніе Робеспьера заставляетъ предчувствовать въ немъ будущаго диктатора. И предчувствіе Марата не обмануло его.

Пренія тянулись еще долго, но 3 декабря конвентъ, по предложенію Петіона, объявилъ, что противъ короля будетъ начатъ процессъ съ соблюденіемъ судебныхъ формальностей. Былъ избранъ особый комитетъ, который долженъ былъ сгруппировать всѣ обвиненія, возбужденныя противъ бывшаго короля Франціи, и составить обвинительный актъ. Обвиненіе говорило о государственной измѣнѣ и распадалось на двѣ части. Первая часть представляла собою до нѣкоторой степени введеніе, снабженное историческими фактами; здѣсь перечислялись всѣ враждебныя дѣйствія короля, направленныя противъ конституціи, попытки государственныхъ переворотовъ, комплоты, бѣгство въ Вареннъ, нарушенія присягъ и т. д. Во второй части обвиненія приводились факты, свидѣтельствовавшіе о враждебной народу и конституціи дѣятельности короля вплоть до 10 августа. Но все это собственно не было обвинительнымъ матеріаломъ, а должно было лишь доказывать, что изъ прошлаго Людовика нужно заключать, что онъ, дѣйствительно, способенъ на тѣ преступленія, въ которыхъ его обвиняли. Эти преступленія состояли въ заговорѣ, въ связяхъ короля съ иностранными державами, съ эмигрантами, и его согласіи съ намѣреніями и планами двора относительно низверженія существующаго во Франціи строя. Конвентъ рѣшилъ пригласить короля на свое засѣданіе и допросить его. 11 сентября Сантерръ и мэръ Шамбонъ явились въ Тампль и прочли королю декретъ конвента. Король протестовалъ противъ имени Людовикъ Капетъ и сказалъ: „Это— лишь продолженіе того, что я выстрадалъ за эти четыре мѣсяца. Я пойду съ вами, но не потому, чтобы я признавалъ надъ собою власть конвента, а потому, что въ рукахъ моихъ враговъ—сила!"

Къ королю при этомъ отнеслись съ большимъ почтеніемъ. Его посадили въ элегантную карету, дали эскортъ изъ 600 человѣкъ національной гвардіи и повезли въ конвентъ. Народъ большими мас-

сами толпился на улицахъ и молча пропускалъ этотъ замѣчательный поѣздъ.

Въ конвентѣ предсѣдательствовалъ ловкій Барреръ, всегда умѣвшій найти вѣрный лозунгъ дня. Когда было доложено о прибытіи короля, президентъ обратился къ собранію съ такими словами: „Граждане! Вся Европа смотритъ на васъ. Потомство васъ будетъ судить съ неумолимой строгостью. Поэтому соблюдайте то достоинство, ту безпристрастность, которыя приличествуютъ судьямъ. Вспомните о томъ *страшномъ молчаніи*, которымъ былъ встрѣченъ Людовикъ XVI, когда его везли изъ Варенна въ Парижъ!“

Король вошелъ. „Людовикъ!—сказалъ Барреръ:—французская нація обвиняетъ васъ. Вамъ будетъ прочитанъ актъ, содержащій фактическое обвиненіе. Людовикъ, садитесь!“ —Барреръ впослѣдствіи придавалъ очень большое значеніе тому, что онъ въ этомъ случаѣ не употребилъ имени Капетъ.

Обвиненіе было прочитано, и допросъ начался. Каждый обвиняемый склоненъ отрицать свою виновность. Но Людовикъ отрицалъ все,—не только относительно своей правительственной дѣятельности, отвѣтственность за которую онъ взваливалъ на своихъ министровъ, но даже утверждалъ, что ничего не знаетъ о желѣзномъ шкафѣ, и не признавалъ писемъ, собственноручно имъ же подписанныхъ. Это озлобило конвентъ и коммуну и вызвало прежде всего то, что его разлучили съ его семьей. Во время обратнаго пути короля въ Тампль народъ былъ въ волненіи. Вблизи кареты короля неоднократно раздавались крики: „да здравствуетъ республика!“ Проявленіе участія къ королю были рѣдки.

Конвентъ постановилъ, что король можетъ выбрать себѣ защитниковъ. Король указалъ на Тронше и Тарже; Тарже отказался защищать его, якобы по болѣзни, но на самомъ дѣлѣ изъ трусости. Мальзербъ добровольно предложилъ свои услуги, и онѣ были приняты; кромѣ того, былъ приглашенъ еще одинъ молодой, довольно незначительный юристъ, по имени Десезъ, имя котораго, благодаря только этому процессу, и сохранилось для потомства.

23 декабря Людовикъ снова предсталъ передъ конвентомъ въ сопровожденіи своихъ защитниковъ. Десезъ держалъ защитительную рѣчь. Этотъ адвокатъ, котораго впослѣдствіи Бурбоны не забыли своими милостями, не оказалъ хорошихъ услугъ своему кліенту; онъ былъ даже такъ неуменъ, что сталъ на точку зрѣнія крайней правой. Онъ говорилъ, что конвентъ не можетъ быть въ одно и то же время и обвинителемъ, и судьей и взывалъ къ суду исторіи:—все это такія вещи, которыя, понятно, не могли произвести никакого впечатлѣнія на конвентъ. Къ рѣчи своего защитника король прибавилъ еще нѣсколько словъ, и послѣ этого его снова препроводили въ Тампль.

Затѣмъ, начались длинныя пренія по вопросу о виновности.

Вслѣдствіе колебанія жирондистовъ все дѣло приняло новый оборотъ. Они не знали, какъ имъ поступить. Они находились въ томъ положеніи, въ какое попадаютъ всѣ нерѣшительные люди. Они боялись признать виновность короля; но, съ другой стороны, они боялись парижскаго народа, если не произнесутъ обвинительнаго приговора. Изъ этого затрудненія они придумали себѣ чрезвычайно хитроумный выходъ. Они притворились, будто произнесеніе конвентомъ окончательнаго приговора надъ королемъ оскорбляетъ ихъ демократическую совѣсть, и требовали, чтобы на предстоящій приговоръ была допущена апелляція къ націи, чтобы окончательное рѣшеніе дѣло получило въ первичныхъ собраніяхъ.

Мысль объ апелляціи къ націи вызвала оживленную борьбу между Горой и Жирондой. Гора видѣла, что жирондисты желаютъ спасти короля: она знала, что при всеобщемъ голосованіи смертнаго приговора, котораго она добивалась, невозможно ожидать. Поэтому, когда жирондисты во имя державныхъ правъ народа требовали апелляціи къ націи, Гора утверждала, что Жиронда желаетъ этимъ голосованіемъ вызвать гражданскую войну. Робеспьеръ говорилъ, что нужно отличать націю отъ народа· „*Нація*, сказалъ онъ:—*это порядочные, нькогда привиллегированные классы, а народъ—это бѣдные, трудящіеся классы*“. Онъ говорилъ, что въ первичныхъ собраніяхъ „порядочные люди“ господствуютъ надъ народомъ. Въ этомъ процессѣ Робеспьеръ проявилъ всю свою настойчивость и въ борьбѣ съ жирондистами онъ, также какъ Маратъ, былъ ихъ смертельнымъ врагомъ.

Парижъ пришелъ въ волненіе; на улицахъ и въ театрахъ происходили шумныя демонстраціи. Сторонники короля демонстрировали преимущественно въ театрахъ. Коммуна употребляла всѣ усилія, чтобы предупредить волненія. Среди этихъ обстоятельствъ всплыло наружу все отвращеніе большинства конвента къ коммунѣ. Въ особенности же жирондисты ненавидѣли этотъ сильный муниципалитетъ, имѣвшій возможность опираться на многія тысячи вооруженныхъ рабочихъ. Но все же мэра Шамбона пригласили дать отчетъ о состояніи Парижа. Мэръ изобразилъ бѣдствія рабочихъ въ предмѣстьяхъ, положеніе которыхъ къ этому времени снова стало ухудшаться. Онъ также далъ свѣдѣнія относительно національной гвардіи. Она состояла изъ 110,000 чел.; сверхъ того, было 5,000 союзниковъ, жандармеріи и т. п. 2,500 и 2,600 конницы: въ общемъ,—130,000 человѣкъ. Копейщики требовали ружей. Къ этому времени секціямъ были также даны пушки.

Между тѣмъ, какъ коммуна предупреждала всякіе безпорядки,—конвентъ рѣшалъ судьбу короля. Трибуны конвента были заняты густыми массами народа, что производило значительное вліяніе на голосованіе многихъ депутатовъ. Голосованіе продолжалось съ 14 по 17 января. Первымъ подлежалъ рѣшенію вопросъ о виновности. Фор-

мула его была такова: *„Виновенъ ли Людовикъ Капетъ въ заговорѣ противъ свободы націи и въ покушеніи на общую безопасность государства?“*

На засѣданіи присутствовало 720 членовъ, полное число всѣхъ членовъ конвета равнялось 749; 683 члена на вопросъ о виновности отвѣтили безусловно утвердительно, 37 же членовъ отвѣтили тоже утвердительно, но объявили себя некомпетентными въ рѣшеніи вопроса о наказаніи. Такимъ образомъ, въ вопросѣ о виновности короля весь конвентъ былъ единодушенъ.

Затѣмъ голосовался вопросъ объ апелляціи къ націи. Формула его гласила: *„Каково бы ни было рѣшеніе конвента относительно Людовика Капета,—должно ли оно быть предложено на утвержденіе народа?“*

Изъ 720 членовъ конвента, присутствовавшихъ на засѣданіи, 423 отвѣтили: „нѣтъ“, 281 — „да“, 11 поставили разныя условія и 5 воздержались отъ голосованія.

Такимъ образомъ, маневръ жирондистовъ не удался. Теперь приступили къ голосованію третьяго вопроса: *„Какому наказанію долженъ подвергнуться Людовикъ Капетъ?“*

Голосованіе относительно рода наказанія продолжалось 24 часа, потому что конвентъ постановилъ, чтобы каждый депутатъ высказалъ свое мнѣніе громко съ мотивировкой его съ трибуны. Масса народа, толпившаяся на трибунахъ, сопровождала каждое мнѣніе, смотря по характеру его, шиканьемъ или аплодисментами. Эгалите подалъ голосъ за смертную казнь своего двоюроднаго брата и въ длинныхъ словахъ хотѣлъ оправдать свой поступокъ, послѣ чего Сійэсъ, слѣдовавшій за нимъ, раздражительно воскликнулъ: „смерть—безъ разговоровъ!“ la mort sans phrase! Слова эти роялисты впослѣдствіи припоминали аббату, и онъ счелъ за лучшее отречься отъ нихъ. Жирондисты проявили тутъ свою настоящую натуру: двусмысленность и лицемѣріе. Они хотѣли голосовать противъ смертной казни. Но когда Верніо увидѣлъ на галлереяхъ грозныя массы народа, онъ подалъ свой голосъ за смертную казнь; то же самое сдѣлали и остальные члены его партіи, кромѣ Кондорсе, высказавшагося за пожизненное тюремное заключеніе. Когда потомъ Верніо, въ качествѣ президента, объявилъ приговоръ, онъ выразилъ свое глубокое сожалѣніе, что приговоръ изрекалъ смертную казнь, — а самъ онъ все таки подалъ голосъ за смертную казнь.

На засѣданіи присутствовали 726 членовъ конвента, изъ которыхъ 5 воздержались отъ голосованія, такъ что абсолютное большинство составляло 361. За смертную казнь безъ всякихъ ограниченій вотировали какъ разъ 361 депутатъ; 46 вотировали за смерть съ отсрочкою казни; 26—за смерть съ тѣмъ, чтобы еще былъ разсмотрѣнъ вопросъ объ отсрочкѣ; 286 — за тюремное заключеніе или ссылку; 2 — за ра-

боты на галерахъ. Такимъ образомъ, надъ Людовикомъ XVI въ конвентѣ былъ произнесенъ смертный приговоръ.

Передъ барьеромъ явились защитники короля, и Тронше представилъ то возраженіе, что по уголовнымъ законамъ для осужденія необходимо большинство двухъ третей. Но Мерленъ изъ Дуэ, знаменитый юристъ, опровергъ это возраженіе, доказавъ, что законъ требуетъ большинства двухъ третей только по вопросу о самомъ фактѣ, виновенъ ли обвиняемый, или нѣтъ, а вопросъ о виновности рѣшенъ. „Кромѣ того, — воскликнулъ Сенъ-Жюстъ: — сами законы создаются лишь простымъ большинствомъ голосовъ!“, на что одинъ голосъ изъ правой отвѣтилъ: „законы можно отмѣнить, — а человѣческой жизни ужъ не вернете!“—Доводы Мерлена были совершенно убѣдительны и конвентъ согласился съ нимъ.

Смертный приговоръ былъ объявленъ королю въ Тамплѣ министромъ юстиціи Гара и мэромъ Шамбономъ.

Людовикъ потребовалъ черезъ своихъ защитниковъ отсрочки на три дня; жирондисты поддерживали это требованіе. Но конвентъ отказалъ Людовику и 20 января 1793 года постановилъ, чтобы приговоръ былъ исполненъ въ 24 часа.

Прошелъ слухъ, что группа молодыхъ людей составила заговоръ съ цѣлью освобожденія короля, вслѣдствіе чего коммуна приняла энергичныя мѣры.

Людовикъ простился со своею семьею и затѣмъ попросилъ разрѣшенія быть при немъ одному священнику, по имени Эджеворту: Людовикъ зналъ, что Эджевортъ скрывается въ Парижѣ, такъ какъ онъ отказался дать присягу. Этотъ священникъ былъ ему доставленъ. Мальзербу, явившемуся въ Тампль, король сказалъ, что онъ постоянно желалъ лишь блага своего народа.

* * *

Въ день казни Сантерръ хотѣлъ отказаться отъ начальствованія надъ національною гвардіею. Но его не отпустили, а пригрозили ему строгимъ наказаніемъ и поставили надъ нимъ генерала Берюйе, командовавшаго линейными войсками въ Парижѣ.

21 января 1793 года, въ 9 часовъ утра Сантерръ взялъ Людовика изъ Тампля. Людовикъ сѣлъ въ карету мэра; рядомъ съ нимъ сѣлъ Эджевортъ. На переднемъ сидѣніи помѣстились два жандарма, а за каретой везли заряженныя пушки. Карета ѣхала среди длинныхъ шпалеровъ національной гвардіи, молча стоявшей подъ ружьемъ. Людовикъ читалъ молитвы на исходъ души. Эшафотъ былъ устроенъ на площади революціи, называвшейся раньше площадью Людовика XVI, противъ Тюльери. Вокругъ эшафота были разставлены пушки, а кругомъ обширное пространство, какое только можно было охватить глазомъ, было покрыто вооруженными людьми. Тутъ стояло, вѣроятно, 40,000 чел., и хотя Парижъ находился въ волненіи, въ

этотъ день въ немъ господствовало замѣчательное и всеобщее спокойствіе и тишина. На мѣстѣ казни король былъ встрѣченъ также глубокимъ молчаніемъ. Во время этой послѣдней поѣздки короля нѣсколько роялистовъ бѣгали по дорогѣ и кричали: „сюда, къ намъ,— кто хочетъ спасти короля!“ Но кавалерія разсѣяла ихъ.

Ровно въ 10 часовъ Людовикъ прибылъ на мѣсто казни. Помощники палача Самсона окружили его, чтобы связать ему руки. Онъ страшно защищался и не позволялъ снять съ себя сюртукъ. Тогда подошелъ къ нему Эджевортъ и сталъ уговаривать его покориться неизбѣжному. Король послушался его, но онъ все еще былъ очень возбужденъ; лицо его было красное. Палачи привели его въ раздраженіе.

Людовикъ взошелъ на эшафотъ, и когда въ этотъ моментъ барабанщики національной гвардіи умолкли, онъ подошелъ къ краю эшафота и воскликнулъ громкимъ голосомъ:

„Французы! Я умираю — неповиннымъ въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя взводятъ на мени; я прощаю виновниковъ моей смерти и желаю, чтобы моя кровь спаяла счастье Франціи!“...

Въ этотъ мигъ генералъ Берюйе велѣлъ ударить въ барабаны; палачи схватили короля, и въ 10 часовъ 20 минутъ голова его упала на землю. Говорятъ, что Эджевортъ сказалъ ему: „взыди на небо,— сынъ Людовика Святого!“ Но это оспаривается.

Такъ кончилъ жизнь этотъ король, котораго одни преувеличенно восхваляли, а другіе преувеличенно порицали. Его ошибки были велики; еще больше была та историческая вина, которою его предки обременили династію. Онъ понесъ кару за себя,— но еще больше за другихъ. Разъ судьба бросила его въ ту страшную бурю, которая должна была поглотить его, то онъ могъ явиться лишь во всей своей слабости, какъ онъ и явился. Въ иное время, можетъ быть, о немъ можно было бы сказать не много хорошаго, но также—и не много дурного.

Послѣ казни короля партійная борьба въ конвентѣ затихла-было лишь на одинъ мигъ, именно, до тѣхъ поръ, пока не похоронили депутата Мишеля Лепеллетье де Сенъ-Фарго, убитаго однимъ бывшимъ королевскимъ лейбъ-гвардейцемъ, по имени Пари, за то, что онъ подалъ свой голосъ за казнь короля. Вслѣдъ за этимъ борьба между Горою и Жирондою возгорѣлась снова. Жиронда, потерпѣвшая пораженіе въ процессѣ короля, почувствовала страхъ передъ населеніемъ предмѣстій и потребовала особой стражи для конвена. Эту стражу нужно было взять изъ департаментовъ, и для каждаго депутата нужно было дать по шести человѣкъ пѣшихъ и по два конныхъ. Но это предложеніе, вызвавшее противъ себя массу адресовъ, не прошло.

Рабочее населеніе Парижа терпѣло все большія и большія ли-

шенія. Курсъ бумажныхъ денегъ падалъ все ниже и ниже, а цѣны товаровъ поднимались все выше и выше. Безработица, эта неразлучная спутница всѣхъ политическихъ кризисовъ, достигла высшей степени. Запутанность всѣхъ дѣлъ приняла въ это время уже очень широкіе размѣры; торговыя отношенія и область сношеній пришли въ большое разстройство. Продовольствованіе Парижа стало однимъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ. Частныя предпріятія не могли уже удовлетворять ежедневныхъ потребностей населенія этого большого города, потому что большая часть товаровъ и запасовъ исчезла съ рынка. Скупщики и спекулянты, вопреки всѣмъ энергичнымъ мѣрамъ, совершали свои безчинства. Мелкіе торгорцы и землевладѣльцы не хотѣли принимать сомнительныхъ бумажныхъ денегъ и придерживались съ продажею своихъ товаровъ. Эти обстоятельства должны были вызвать впослѣдствіи цѣлый рядъ энергичныхъ мѣръ, но пока что—конвентъ дѣлалъ мало. Всѣ слои народа терпѣли отъ этихъ бѣдствій, даже рантье, получавшіе свою ренту отъ государства въ ассигнатахъ. Рабочіе подъ гнетомъ нужды часто обращались къ конвенту, но онъ мало что дѣлалъ въ ихъ пользу. Якобинцы все взваливали на аристократовъ и обѣщали принять рѣшительныя мѣры противъ измѣнниковъ. Этимъ они надѣялись или, по крайней мѣрѣ, дѣлали видъ, что надѣятся, помочь горю. Коммуна приняла дѣятельное участіе въ рабочихъ, и на будущее время продовольствованіе Парижа стало ея главною задачею.

Маратъ заговорилъ о лишеніяхъ рабочихъ въ своемъ журналѣ. Онъ открылъ имъ страницы своего изданія, и они публиковали въ немъ свои жалобы. Они прекрасно понимали свое положеніе. Это проявилось уже въ заявленіи 18,000 бѣдняковъ, поданномъ въ учредительное національное собраніе и напечатанномъ въ журналѣ Марата: „Отчего, говорили рабочіе депутатамъ:—отчего вы забываете ваши хорошіе принципы, лишь только дѣло зайдетъ объ активныхъ и пассивныхъ гражданахъ? Бастилія пала, потому что ее взяли десятки тысячъ рабочихъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья. Отказывались ли мы когда-нибудь отъ дѣла? Дрожали ли когда-нибудь въ такихъ случаяхъ наши руки, не мы ли побили гвардію? Низвергнуть *родовую аристократію*, чтобы подпасть господству *аристократіи денежной*,—это было бы слишкомъ плохой мѣной. Когда плотины прорваны, морская вода съ шумомъ низвергается внизъ: она не остановится до тѣхъ поръ, пока вверху и внизу она не станетъ на одномъ уровнѣ. Напрасно вы хотите положить предѣлъ реформамъ тамъ, гдѣ это вамъ желательно. Поистинѣ,—равенство правъ ведетъ къ равенству въ наслажденіи жизнью, и лишь на этомъ можетъ успокоиться мысль".

Многіе жирондисты сами до революціи проповѣдывали подобныя же теоріи, но теперь онѣ стали слишкомъ крайними для нихъ. Сантерръ же потребовалъ, чтобы отпустили полмилліона франковъ на пріоб-

рѣтеніе продовольствія ,народу. Милостыни этого рода не нравились рабочимъ. Многихъ изъ нихъ можно было занять работами въ укрѣпленномъ лагерѣ близъ Парижа. Коммуна нарядила для этого массу рабочихъ. Но конвентъ увидѣлъ политическую опасность въ этомъ массовомъ скопленіи рабочихъ; дѣло разслѣдовала комиссія изъ муниципальныхъ чиновниковъ и членовъ конвента. Она нашла, что полмилліона франковъ были затрачены безполезно, и выработала регламентъ, который и былъ принятъ конвентомъ. Послѣ этого рабочихъ раздѣлили на бригады и ввели для нихъ поштучную заработную плату. Рабочіе сильно возставали противъ такой мѣры; они говорили въ одномъ заявленіи конвенту: „Вознагражденіе всѣхъ лицъ, состоящихъ на службѣ націи, должно распредѣляться въ справедливомъ отношеніи. Рабочіе—основа націи, потому что—это они поднялись 10 августа". Конвентъ не принялъ во вниманіе этого требованія, и дѣло дошло до пріостановки работъ, послѣ чего конвентъ прекратилъ общественныя работы. 23 октября 1792 года въ конвентъ явилась депутація изъ двадцати рабочихъ. Она снова требовала уничтоженія поштучной платы, но безуспѣшно.

Коммуна, поддерживавшая эти требованія рабочихъ, выдала квитанціи на хлѣбъ и теперь потребовала у конвента денегъ для погашенія этихъ квитанцій. Жирондисты упрекали коммуну въ томъ, что она не представила отчета. Цѣны повышались, а товаровъ становилось все меньше и меньше. Между тѣмъ, какъ коммуна дѣлала все, что было въ ея силахъ, для уменьшенія народныхъ бѣдствій, жирондисты упрекали ее, что она вызываетъ безпорядки. Ролланъ говорилъ, что если только возстановить свободу сношеній, то окажется избытокъ во всемъ; что арендаторы и поселяне перестали являться на рынокъ изъ страха передъ парижскимъ населеніемъ; что коммуна отдаетъ муку по покупной цѣнѣ и этимъ причиняетъ ежедневный убытокъ въ 12,000 франковъ; что коммуна—это очагъ всѣхъ интригъ. Коммуна въ своемъ отвѣтѣ на эти обвиненія, показала, что она экономическое положеніе понимаетъ лучше жирондистовъ. Она говорила, что она не хочетъ новой революціи: революція, молъ, уже сдѣлана; что народъ обреченъ на лишенія, потому что коалиція капиталистовъ, крупныхъ торговцевъ и скупщиковъ желаетъ завладѣть сельско-хозяйственными и промышленными продуктами; что властямъ необходимо дать право *назначать таксу* на предметы первой необходимости. Нужда вызвала самыя разнообразныя предложенія. Такъ, одна петиція требовала, чтобы у арендаторовъ были произведены обыски и чтобы было опредѣлено, сколько земли можетъ каждый обрабатывать. Въ конвентѣ около этого времени одинъ изъ жирондистовъ предложилъ, чтобы государство взяло хлѣбную торговлю въ свои руки, но безуспѣшно. Въ мотивировкѣ этого предложенія говорилось: „Если бы въ какой нибудь завоеванной странѣ богатые люди скрывали свой

хлѣбъ отъ нашихъ солдатъ, а наши солдаты терпѣли бы голодъ,— должны ли были бы они уважать эту якобы свободу собственности?" Нельзя не замѣтить, что изъ этихъ предложеній возникли позднѣйшія мѣропріятія: максимумъ цѣнъ и реквизиціи.

Коммуна продолжала выдавать хлѣбъ по покупной цѣнѣ, и конвентъ увидѣлъ, что нельзя возвышать цѣны на хлѣбъ, а нужно доставить коммунѣ средства для покрытія убытковъ. Коммунѣ было предоставлено взимать подати на сумму четырехъ милліоновъ, что она осуществила въ формѣ *прогрессивнаго подоходнаго налога*. Доходы ниже 900 франковъ были освобождены отъ налога. Лица, подвергавшіяся податному обложенію, были раздѣлены на пятнадцать классовъ: первый классъ платилъ 3, а пятнадцатый—20 процентовъ своего дохода. Подобныя же мѣры были приняты и въ другихъ городахъ: Ліонѣ, Марселѣ и Тулонѣ.

Въ Парижѣ было не мало роялистическихъ агентовъ, которые воспользовались народной нуждой, чтобы возбудить народъ противъ конвента. Слѣдствіемъ этого было не мало волненій, и оказалось нужнымъ прибѣгнуть къ рѣзкимъ мѣрамъ. Конвентъ уполномочилъ коммуну немедленно дать тревогу, лишь только она найдетъ нужнымъ. Но коммуна этимъ не удовлетворилась: она хотѣла имѣть средства для продовольствія города. Своихъ налоговъ она еще не могла собрать; вопреки возраженіямъ жирондистовъ, она добилась того, что ей дали ссуду на сумму поступленія налоговъ за два года. Она получила 7 милліоновъ. Понятно, что жирондисты, противодѣйствуя всѣмъ мѣрамъ, направленнымъ къ уменьшенію всеобщихъ бѣдствій, должны были становиться все болѣе ненавистными народу.

Тѣмъ временемъ роялистическіе агенты продолжали свои козни. Однажды они распространили слухъ, будто у булочниковъ уже нѣтъ муки, и парижанамъ предстоитъ умирать съ голоду. Коммуна велѣла осмотрѣть запасы булочниковъ и нашла, что мука, хоть и не въ большомъ количествѣ, у нихъ имѣется. Роялисты подожгли также къ безпорядкамъ прачекъ. 23 февраля 1793 года прачки обратились въ конвентъ съ жалобой на дороговизну съѣстныхъ припасовъ и мыла. Онѣ въ сильныхъ выраженіяхъ нападали на ростовщиковъ и скупщиковъ и требовали ихъ смерти. Конвентъ выразилъ порицаніе этому, но допустилъ прачекъ въ свое засѣданіе. На слѣдующій день женщины предприняли нашествіе на мелочныя лавки и забирали въ нихъ кофе, сахаръ, мыло, свѣчи по такимъ цѣнамъ, какія онѣ сами установили. Зачинщиками этихъ безпорядковъ, принимавшихъ все большіе и большіе размѣры, называли аристократовъ; но говорили также, что Жакъ Ру, прежній священникъ, бывшій теперь комиссаромъ коммуны, всегда рѣзко выступавшій противъ крупныхъ собственниковъ, тоже участвовалъ въ безпорядкахъ. Коммуна подавила эти безпорядки, именно при посредствѣ Сантерра, который аресто-

валъ около сорока лицъ, подстрекавшихъ народъ. Среди арестованныхъ были аббаты, прежніе аристократы и ихъ слуги и одна графиня. Они подстрекали прачекъ съ цѣлью дискредитировать республику. Впрочемъ, Жакъ Ру былъ тоже исключенъ изъ коммуны. Онъ навлекъ на себя ненависть Робеспьера, что и привело его къ гибели.

Маратъ рѣзко писалъ въ своемъ журналѣ противъ ростовщиковъ и ажіотеровъ. Онъ показалъ, что онъ гораздо глубже понималъ экономическое положеніе, чѣмъ большинство революціонеровъ. „Причина бѣдствій,—писалъ онъ въ своемъ журналѣ,—лежитъ въ массѣ ассигнатовъ, цѣнность которыхъ постоянно уменьшается, какъ вслѣдствіе ихъ умноженія, такъ и вслѣдствіе фальсификаціи; но уменьшеніе ихъ цѣнности ведетъ къ повышенію цѣнъ припасовъ. Припасы вздорожали уже до такой степени, что бѣднымъ классамъ невозможно ихъ пріобрѣтать. Готовьтесь поэтому къ самымъ страшнымъ волненіямъ, потому что голодный народъ не знаетъ никакихъ законовъ; первѣйшій изъ всѣхъ законовъ состоитъ въ томъ, что люди хотятъ жить. Три года тому назадъ предвидѣлъ я эти волненія—и чего только я ни дѣлалъ, чтобы устранить систему ассигнатовъ, въ особенности же мелкихъ ассигнатовъ! Частичными мѣропріятіями невозможно устранить гибельныхъ слѣдствій этой системы, а лишь широкою, единственно-дѣйствительною мѣрою, которую я постоянно предлагалъ, а именно: погашеніемъ общественнаго долга посредствомъ немедленной уплаты всѣмъ и каждому изъ государственныхъ кредиторовъ національнымъ имуществомъ, въ размѣрахъ ихъ долговыхъ требованій,—словомъ, посредствомъ платежа національными имуществами, вмѣсто безчисленнаго множества принудительныхъ бумажныхъ денегъ".

Секціи обратились въ конвентъ съ требованіемъ высшаго податного обложенія крупныхъ имуществъ, реквизиціи для армій и строгихъ мѣръ противъ ростовщиковъ. Тутъ уже замѣтны тѣневыя стороны позднѣйшей политики комитета благосостоянія. Однако конвентъ, находившійся подъ господствомъ жирондистовъ, не сдѣлалъ пока ничего, кромѣ того, что отмѣнилъ по предложенію Дантона задержаніе за долги. Рабочіе терпѣли большую нужду. Но многіе изъ нихъ могли служить за два франка въ день въ вооруженныхъ секціяхъ. Эти рабочіе, вынося свои лишенія, терпѣли за республику. Но они бросали полные ненависти взоры на тѣ партіи, которыя противились принятію мѣръ къ уменьшенію бѣдствій. Эта ненависть объясняетъ низверженіе Жиронды. Жирондисты, ставшіе представителями буржуазіи, повидимому, думали, что своими фразами о римской добродѣтели и свободѣ они облегчатъ населенію предмѣстій его бѣдствія. Такъ какъ народъ не видѣлъ никакой или, по крайности, очень мало помощи со стороны вдохновляемаго жирондистами кон-

вента, то онъ тѣмъ легче поддавался подстрекательствамъ роялистовъ.

Коммуна и партія Горы соединились съ народомъ для низверженія Жиронды; поэтому дѣло ихъ не представляло имъ никакихъ трудностей въ Парижѣ. Народъ съ готовностью шелъ имъ навстрѣчу.

Такимъ образомъ, низверженіе Жиронды является актомъ классовой борьбы.

Казнь Людовика XVI привела въ движеніе всѣ державы Европы противъ Франціи. Они соединились для подавленія французской революціи, и душой этихъ стремленій сталъ англійскій министръ Питтъ, смертельный врагъ новой Франціи.

Уильямъ Питтъ, 23 лѣтъ ставшій уже министромъ, рѣшилъ вести борьбу съ французской революціей самыми широкими средствами. Къ этому побудили его ненависть къ демократіи и торговые интересы старой Англіи. Въ своихъ средствахъ этотъ государственный человѣкъ былъ неразборчивъ. Образовавъ союзъ всѣхъ болѣе крупныхъ европейскихъ державъ, онъ блокировалъ всѣ гавани Франціи и заперъ своими судами всѣ моря. Онъ прибѣгалъ даже къ безчестнымъ средствамъ, выпуская милліарды поддѣльныхъ ассигнатовъ, чтобы уничтожить кредитъ республики. Враждебность Питта проявлялась въ совершенно ясныхъ фактахъ. Послѣ 10 августа онъ отказался признать французскаго посла Шовелена, а послѣ казни Людовика XVI принудилъ его уѣхать изъ Англіи. Конвентъ, зная, что Питтъ давно подготовляетъ на англійскія деньги большую коалицію противъ Франціи, отказался отъ всякихъ дипломатическихъ интригъ и хотѣлъ имѣть передъ собою открытаго врага. 1 февраля онъ объявилъ войну Англіи и Голландіи, генералъ-штатгалтеръ которой Вильгельмъ V былъ въ тѣсномъ союзѣ съ Англіей.

Теперь явилась первая великая коалиція Питта. Англія заключила цѣлый рядъ субсидіонныхъ договоровъ—съ Австріей, Пруссіей, Россіей, Германской имперіей, Сардиніей, Испаніей, Португаліей, Неаполемъ, Тосканой, Пармой, Моденой и папой. Англійское золото рѣками потекло въ карманы этихъ союзниковъ, ставшихъ въ коалиціонной войнѣ наемниками Англіи.

Республика увидѣла, что ей грозятъ враги со всѣхъ сторонъ. Испанцы явились въ Пиринеяхъ, австрійцы и сардинцы въ Приморскихъ Альпахъ, пруссаки и имперскія войска стояли на Среднемъ Рейнѣ, англичане, голландцы и австрійцы собрались на Нижнемъ Рейнѣ и въ Бельгіи, и англійскій флотъ оставилъ гавани.

Внутренніе враги республики были также энергичны и многочисленны. Мы видѣли, какія усилія употребляли роялисты въ Па-

рижѣ, чтобы натравить народъ на конвентъ и коммуну. Въ провинціяхъ козни духовенства, не принявшаго присяги, и бывшихъ феодальныхъ господъ, никогда не прекращались. Угрозы коалиціи и своеволія реакціонеровъ всегда находились въ пропорціональномъ отношеніи другъ къ другу; по мѣрѣ того, какъ увеличивались вооруженія коалиціи, реакціонеры поднимали свои головы все выше и выше.

Явились уже и первые признаки предстоящаго возстанія въ Вандеѣ, имѣвшаго принести республикѣ такую страшную борьбу. Вандейскій народъ, простодушный и ограниченный, упорно держался за свои традиціи, свое дворянство и духовенство. Крестьяне здѣсь были большею частью наслѣдственными арендаторами и дѣлились доходами со своихъ фермъ съ дворянами, которымъ принадлежала земля. Отношенія здѣсь оставались патріархальными, и для ограниченныхъ вандейскихъ крестьянъ феодальный гнетъ былъ не такъ чувствителенъ, какъ для остальныхъ французовъ. Вандейцы очень дорожили религіей и монархіей. Смерть короля должна была вызвать, какъ реакцію, возстаніе въ Вандеѣ.

А на сѣверной границѣ съ Дюмурье было не ладно. Онъ вскорѣ попалъ въ конфликтъ съ якобинцами. Во время процесса короля онъ безуспѣшно пытался вмѣшаться въ дѣло въ пользу короля. Исполненный честолюбивыхъ плановъ, онъ считалъ себя призваннымъ положить конецъ революціи и возстановить монархію. Въ своей арміи онъ былъ увѣренъ: вѣдь онъ ее велъ къ побѣдѣ при Жемаппѣ. Измѣна, затѣваемая имъ, еще не была открытой: ее еще только предчувствовали. У него были сообщники въ Парижѣ, и нельзя было съ увѣренностью сказать, не принадлежалъ ли къ нимъ и Дантонъ. Генералъ имѣлъ намѣреніе возстановить конституцію 1791 года и находившагося при его арміи, молодого герцога Орлеанскаго провозгласить королемъ. Но онъ ошибся относительно времени.

Жирондисты стали друзьями генерала-измѣнника. Они были съ нимъ въ открытомъ согласіи. Для спасенія Франціи отъ грозившихъ ей опасностей нужна была чрезвычайная энергія. Жирондисты же были людьми половинчатыми. Они не рѣшались согласиться на энергическія мѣры противъ происковъ реакціонеровъ. Мы видѣли, какъ они отказывались дать въ распоряженіе коммуны средства для обезпеченія голодающаго парижскаго населенія. Они грозили Горѣ возстаніемъ департаментовъ; они раздробляли силы и связывали руки республикѣ. Низверженіе этой партіи стало необходимостью.

Чтобы справиться со всѣми внѣшними и внутренними врагами,— для этого нужна была почти нечеловѣческая сила и энергія. Партія Горы, взнесенная волнами революціи на высоту времени, обладала этой энергіей: взявъ управленіе республикой въ свои руки, она поразила всѣхъ ея враговъ.

Энергія партіи Горы увлекла конвентъ, хотя въ немъ еще господствовали жирондисты. Кромѣ того, произошли значительныя перемѣны среди лицъ, игравшихъ руководящую роль. Роланъ, бывшій не въ силахъ уже выносить нападки якобинцевъ, рѣшился оставить свой постъ. Конвентъ ассигновалъ 100,000 франковъ для распространенія свѣдѣній о переворотѣ 10 августа и о сущности республики; Ролланъ израсходовалъ эти деньги почти исключительно на пропаганду въ духѣ жирондистовъ. Поэтому нападенія якобинцевъ оказались основательными, и Роланъ послѣ казни короля вышелъ въ отставку. Постъ его занялъ бывшій министръ юстуціи Гара, человѣкъ слабый, искавшій расположенія у всѣхъ партій, а на мѣсто Гара былъ назначенъ столь же слабый Гойе. Правда, сторонникъ якобинцевъ, военный министръ Пашъ, также вышелъ въ отставку, потому что никакъ не могъ поладить съ жирондистами, и его мѣсто занялъ Бернонвилль, солдатъ безъ всякихъ политическихъ убѣжденій, но другъ Дюмурье. Шамбонъ, жирондистскій мэръ Парижа, также оставилъ должность, и на его мѣсто теперь былъ избранъ Пашъ, пріобрѣтшій довѣріе массъ своей безкорыстною преданностью народному дѣлу. Пашъ былъ идеалистъ, человѣкъ честный и рѣшительный, чуждый всякаго фанатизма. Его военныя заслуги пытались выставить выше заслугъ Карно, но это неосновательно.

Такимъ образомъ, напряженное состояніе дѣлъ усилило вліяніе якобинцевъ, какъ самой энергичной партіи. На великую европейскую коалицію они отвѣтили постановленіемъ конвента, призывавшимъ къ оружію 300,000 человѣкъ.

Воодушевленіе французовъ помогло выполнить это постановленіе безъ всякихъ затрудненій. Со всѣхъ сторонъ стекались молодые люди и записывались въ списки арміи. Французская молодежь вся бросилась къ оружію, чтобы прогнать наемныя войска Питта. Выше всего поднялись волны воодушевленія въ Парижѣ. Театры были закрыты; люди забыли объ удовольствіяхъ и думали только объ отечествѣ и объ окруженной опасностями республикѣ. Секціи всегда были въ сборѣ. Коммуна еще больше воодушевляла парижанъ. Она выставила на городской ратушѣ черное знамя и въ пламенной прокламаціи призывала народъ къ оружію.

Молодежь стала опорою республики, потому что молодые люди пылали страстной любовью къ новой государственной формѣ. Но между тѣмъ, какъ эта молодежь массами стекалась въ войско, признаки роялистическихъ заговоровъ становились все отчетливѣе и отчетливѣе. Рука роялистовъ снова сѣяла смуты въ предмѣстьяхъ. Люди припоминали убійство Лепеллетье, двусмысленность поведенія генерала Дюмурье, видѣли, что въ Вандеѣ подготовляется возстаніе и питали недовѣріе къ жирондистамъ. Поэтому партія Горы придумывала мѣры для обезпеченія республики отъ опасности со стороны

роялистовъ, агитировавшихъ въ тылу войска и конспирировавшихъ съ иностранцами; прежде всего она предложила учредить чрезвычайный судъ. Жирондисты всѣми силами противились этому предложенію, но Гора настояла на своемъ, и рѣшено было ввести то судебное учрежденіе, которое играло столь страшную роль подъ именемъ революціоннаго трибунала.

Коммуна черезъ Шоммета потребовала учрежденія чрезвычайнаго суда для того, „чтобы судить дурныхъ гражданъ". Дантонъ поддержалъ петицію коммуны, и, такимъ образомъ, появился этотъ судъ. Онъ имѣлъ безапелляціонно рѣшать всѣ дѣла о противореволюціонныхъ предпріятіяхъ, о всѣхъ покушеніяхъ на свободу, равенство, единство и нераздѣльность республики, на внѣшнюю и внутреннюю безопасность государства, дѣла о всѣхъ комплотахъ съ цѣлью возстановленія королевской власти. Этотъ трибуналъ состоялъ изъ одного обвинителя, двухъ его помощниковъ, пяти судей и двѣнадцати присяжныхъ. Онъ могъ только или приговаривать къ смертной казни, или оправдывать; для оправдываемыхъ было назначено вознагражденіе. Приговоры его должны были исполняться въ 24 часа, и имущества осужденныхъ переходили къ государству. Съ учрежденіемъ этого суда карающій мечъ республики повисъ надъ головами всѣхъ заговорщиковъ. Гора лишь съ большими усиліями принудила конвентъ ввести этотъ трибуналъ. Дѣятельностью и ошибками его въ рукахъ фанатиковъ мы займемся впослѣдствіи.

Затѣмъ конвентъ ввелъ чрезвычайный военный налогъ. Главная часть этого налога падала на богатыхъ людей, отъ которыхъ считали умѣстнымъ требовать денежныхъ жертвъ, когда бѣдное населеніе проливало свою кровь за свободу и терпѣливо выносило всѣ лишенія, вызванныя политическими потрясеніями. Военный налогъ взимался съ годовыхъ доходовъ отъ 1000 до 50,000 франковъ въ суммѣ отъ 30 до 20,000 франковъ; лица, получавшія болѣе 30,000 дохода могли удержать у себя 30,000, а остальное должны были отдавать государству. Кромѣ того, была учреждена чрезвычайная комиссія набора, которая посылала въ каждый департаментъ по два представителя съ широкими полномочіями. Эти комиссары конвента имѣли право повсюду вводить демократическія учрежденія и назначать соотвѣтствующихъ чиновниковъ; они должны были завѣдывать наборомъ рекрутъ и арестами враговъ республики.

Этимъ энергическимъ мѣрамъ жирондисты противились до послѣдней степени. Когда же они увидѣли, что не могутъ воспрепятствовать введенію чрезвычайнаго суда, то постарались устроить это учрежденіе такъ, чтобы впослѣдствіи они могли воспользоваться имъ противъ своихъ противниковъ въ конвентѣ. По предложенію жирондистовъ было постановлено, что конвентъ можетъ и своихъ членовъ

предавать суду революціоннаго трибунала. Такимъ образомъ, жирондисты сдѣлали вступленіе къ господству ужаса.

Борьба между партіей Горы и Жирондою снова возгорѣлась сострашною силою,—и стало яснымъ, что концомъ ея могла быть только гибель одной изъ этихъ партій. Маратъ въ насмѣшку называлъ жирондистовъ „государственными людьми“ или интриганами; онъ громилъ ихъ въ секціяхъ и клубахъ и доказывалъ, что вслѣдствіе ихъ слабости и двусмысленности ихъ поведенія республика неизбѣжно погибнетъ. Робеспьеръ нападалъ на вождей жирондистовъ въ конвентѣ. Возбужденіе якобинцевъ было такъ велико, что они рѣшили вынудить посредствомъ возстанія исключеніе жирондистовъ изъ конвента и этимъ устранить главное препятствіе къ энергичной политикѣ. Выполненіе этого плана назначено было на 10 марта. Но дѣло не удалось, потому что жирондистовъ предупредили; кромѣ того, сильный и продолжительный дождь разсѣялъ собравшіяся было толпы народа. Преувеличенные слухи, исходившіе отъ г-жи Лувэ, разносили, будто затѣвалось избіеніе жирондистовъ, но въ дѣйствительности имѣлось въ виду только исключеніе ихъ изъ конвента. На слѣдующій день ерніо въ сильной рѣчи жаловался на затѣвавшееся насиліе. Онъ предсказывалъ, что революція, какъ Сатурнъ, пожретъ своихъ собственныхъ дѣтей и приведетъ къ деспотизму. Это нѣсколько филистерское пророчество пріобрѣло большую извѣстность. Но оно можетъ импонировать развѣ только филистеру. Ибо—колесо революціи, разъ оно приведено въ движеніе, дѣйствуетъ безъ разбора во всѣ стороны. Революція пожрала много своихъ дѣтей, но — еще больше своихъ враговъ.

Для жирондистовъ не было никакой необходимости погибать отъ революціи. Имъ надо было лишь поменьше разсматривать народъ, какъ отвлеченное понятіе, и побольше видѣть въ немъ общество живыхъ и мыслящихъ, хотя и бѣдныхъ людей, глубоко проникнутыхъ идеями свободы, братства и равноправности. Народъ требовалъ правъ человѣка въ видѣ энергическихъ мѣропріятій и средствъ къ жизни жирондисты давали ему ихъ лишь въ видѣ красивыхъ фразъ. Это и было ихъ гибелью.

Между тѣмъ Дюмурье, выполняя свой завѣтный планъ, вторгся въ Голландію. Голландцы приняли его лучше, чѣмъ бельгійцы; народъ радостно встрѣчалъ французовъ, какъ своихъ освободителей отъ оранско-англійскаго ига. Французскій генералъ быстро проникъ вглубь Голландіи: онъ скоро завоевалъ бы ее всю, потому что генералъ-Штатгальтеръ принималъ свои мѣры противодѣйствія очень медленно и неумѣло. Но когда Дюмурье взялъ Бреда и Гертруйденбургъ, съ сѣверо-запада австрійцы вторглись въ Бельгію. Защиту Бельгіи

Дюмурье поручилъ своему подчиненному Миранда; это былъ южноамериканецъ, увлекавшійся примѣромъ Лафайета. Клерфэ, командовавшій австрійцами, разбилъ предварительно при Аахенѣ французскаго генерала Мязинскаго (Miazinski), которому пришлось искупить свои ошибки на эшафотѣ. Миранда, осадившій Мастрихтъ, также былъ отброшенъ и разбитъ. Угрожаемый съ тыла, Дюмурье быстро выступилъ изъ Голландіи и соединился съ остатками корпуса Миранда. Дюмурье со своей обычной отвагой рѣшилъ все поставить на карту и дать сраженіе австрійцамъ. Это сраженіе произошло 18 марта 1793 года при Неервинденѣ. Австрійцами здѣсь предводительствовали Клерфэ и молодой эрцгерцогъ Карлъ Австрійскій, громадные таланты котораго здѣсь впервые проявились во всемъ блескѣ. Лѣвое свое крыло Дюмурье поручилъ неспособному Миранда и далъ ему значительное войско. Но австрійцы отбросили Миранда; войско его, несмотря на то, что оно своею численностью превосходило австрійцевъ, было прогнано и разсѣяно, такъ что правое крыло австрійцевъ могло броситься на Дюмурье, какъ разъ собиравшагося окружить врага. Теперь, когда на него напала преобладающая сила австрійцевъ, онъ долженъ былъ отступить: однако говорили, будто его сопротивленіе не было достаточно энергичнымъ, будто онъ изъ ненависти къ республикѣ нарочно позволилъ австрійцамъ одержать побѣду. Онъ потерялъ 7,000 человѣкъ, большую часть своихъ орудій и долженъ былъ очистить Бельгію. Онъ потерялъ ее въ одной этой битвѣ, которая имѣла не менѣе громадныя послѣдствія, чѣмъ битва при Жемаппѣ.

Теперь Дюмурье открыто выступилъ противъ конвента. Еще до битвы при Неервинденѣ онъ написалъ конвенту письмо, полное угрозъ и жаловался на якобинцевъ. Теперь онъ послалъ въ конвентъ, второе письмо съ еще болѣе сильными угрозами. Якобинцы вслѣдствіе нападокъ Марата уже давно питали злобу противъ Дюмурье; теперь они послали трехъ членовъ своего клуба для наблюденія за генераломъ, который снова сблизился съ жирондистами. Конспирируя съ жирондистами, Дюмурье вступилъ въ переговоры и съ австрійскимъ генераломъ Маккомъ. Онъ заключилъ перемиріе съ австрійцами, во время котораго онъ хотѣлъ двинуться на Парижъ и на конвентъ, чтобы возстановить конституцію 1791 года и объявить королемъ герцога Шартрскаго. Когда послы якобинцевъ: Проли, Дюбюиссонъ и Перейра, стали разспрашивать его о его мнѣніяхъ, онъ сказалъ, что конвентъ — сборище изъ 200 разбойниковъ и 600 дураковъ, что невозможно допустить революціоннаго трибунала. „Вы не хотите конституціи?“ спросилъ его Проли.—„Новая слишкомъ глупа!“ отвѣтилъ Дюмурье и сказалъ, что онъ хочетъ возстановить конституцію 1791 г. съ королемъ. Послѣ этого конвентъ послалъ въ лагерь Дюмурье въ Сентъ-Аманѣ четырехъ комиссаровъ: Камю, Банкаля, Кинетте и Ла-

марка съ военнымъ министромъ Бёрнонвилемъ; они должны были привести генерала въ конвентъ, а въ случаѣ его сопротивленія, удалить отъ должности. Когда эти комиссары прибыли къ Дюмурье, его соглашеніе съ австрійцами дошло уже до того, что онъ окружилъ себя австрійскими гусарами, въ качествѣ лейбъ-гвардіи. Дюмурье обращался съ Бёрнонвиллемъ, своимъ другомъ, очень вѣжливо, къ комиссарамъ же отнесся крайне надменно. Онъ отказался подчиниться постановленію конвента, призывавшему его въ Парижъ, повернулся спиной къ комиссарамъ и ушелъ. Но комиссары пошли за нимъ въ его генеральный штабъ. Камю спросилъ генерала въ присутствіи его офицеровъ: „Хотите ли вы повиноваться конвенту, или нѣтъ?"—„Нѣтъ!" отвѣтилъ Дюмурье.—„Въ такомъ случаѣ, вы удалены отъ должности,— сказалъ Камю: — ваши бумаги будутъ опечатаны и вы сами — арестованы." —„Ну, это ужъ слишкомъ сильно!—воскликнулъ Дюмурье.— Эй, гусары, сюда!"—Такимъ образомъ, этотъ генералъ-измѣнникъ велѣлъ австрійскимъ гусарамъ арестовать комиссаровъ, передалъ ихъ австрійцамъ, у которыхъ тѣ и должны были вынести продолжительный и постыдный плѣнъ. Бернонвилль былъ также арестованъ. „Этимъ я спасаю васъ, — сказалъ ему Дюмурье, — отъ революціоннаго трибунала".

Эта позорная измѣна возмутила офицеровъ арміи Дюмурье противъ генерала. Преданный конвенту, Данпьерръ сталъ во главѣ его противниковъ, какъ нѣкогда поступилъ и самъ Дюмурье послѣ отложенія Лафайета. Нѣкоторое время армія оставалась неподвижной, но когда декретъ конвента объявилъ генерала-измѣнника внѣ закона, гнѣвъ арміи обрушился на него. Дюмурье, преслѣдуемый выстрѣлами и прклоятіями французовъ, едва успѣлъ подъ охраною австрійскихъ гусаръ бѣжать въ австрійскій лагерь, вмѣстѣ съ герцогомъ Шартрскимъ и другими своими единомышленниками. Начальствованіе надъ войскомъ было передано Данпьерру.

Австрійцы надѣялись на противу-революціонную дѣятельность Дюмурье; теперь онъ былъ безсиленъ, и они отвернулись отъ него. Англія изъ милости выдавала ему содержаніе, и онъ, отчасти презираемый, а отчасти совершенно забытый, составлялъ за это планы противъ своего отечества. Судьба обрекла его еще на долгую жизнь, во время которой онъ уже никогда не могъ выступить въ видной роли.

Измѣна Дюмурье была тяжелымъ ударомъ для Жиронды, потому что она набрасывала на нее подозрѣніе въ соучастіи въ планахъ генерала и оправдывала нападенія Горы.

Когда французское оружіе терпѣло такія тяжелыя неудачи и въ лагеряхъ гнѣздилась измѣна, когда коалиція снаряжалась, когда Вандея грозила подняться за короля, а южные департаменты—за жи-

рондистовъ,—въ самомъ конвентѣ свирѣпствовала ожесточенная борьба между Жирондою и Горою. Гора, опираясь на парижское населеніе, начинала получать все большее и большее преобладаніе въ конвентѣ. Но жирондисты не хотѣли легко сдаться, и, такимъ образомъ, борьба партій приняла небывалую еще въ парламентскихъ собраніяхъ рѣзкость. Возбужденіе этого времени сдѣлало свое дѣло. Стороны осыпали другъ друга ругательствами и угрозами, обвиняли другъ друга въ соглашеніи съ иностранцами и аристократами. Иногда на сцену появлялось оружіе, и дѣло доходило до рукопашной свалки. Судороги, въ которыхъ билась Франція, угрожаемая Европой и предательствомъ, терзаемая множествомъ разнообразныхъ интересовъ и страстей,—со всей силою отзывались и въ конвентѣ. Въ это бурное время, казалось, здѣсь идетъ борьба титановъ. Тутъ раздавался патетическій голосъ Верніо, жаловавшійся на угрозы смертью, ядовитыя выходки Гадэ, бурные взрывы Иснара и Барбару. Рѣзкій голосъ Марата обвинялъ „государственныхъ людей“ въ подготовленіи гражданской войны; могучая гортань Дантона, точно набатъ, гремѣла противъ реакціонеровъ, и Робеспьеръ изливался въ широковѣщательныхъ жалобахъ на вездѣсущую измѣну. Среди этого шума и гама притаились люди долины, „болотныя жабы“; они радовались, что буря проносится надъ ихъ головами, не задѣвая ихъ. Были тутъ глубокіе мыслители, размышлявшіе среди этого шума о труднѣйшихъ вопросахъ обновленія государства и общества.

Энергическія требованія Горы большею частью проходили. Такъ, 28 марта по предложенію парижской коммуны было постановлено организовать общественную помощь, которую объявили общественнымъ долгомъ господствующихъ классовъ. Затѣмъ, принялись за раздѣлъ общинныхъ земель. Triage, „историческое право“ землевладѣльцевъ на треть общинныхъ имуществъ еще раньше было уничтожено; общины получили обратно всѣ свои имущества. Но и теперь люди не сумѣли концентрировать общинную собственность и устроить хозяйство въ крупныхъ размѣрахъ. Общинныя имущества и общинное самоуправленіе, какъ говоритъ одинъ современный писатель, могли бы образовать самые прочные устои демократіи. Но конвентъ, въ противоположность парижской коммунѣ, не хотѣлъ и знать ничего о широкомъ самоуправленіи общинъ; такимъ образомъ, общинныя имущества были раздроблены. Сперва было постановлено раздѣлить общинныя угодья между тѣми гражданами, которые имѣли не болѣе 100 франковъ дохода, впослѣдствіи декретомъ 10 іюня было предписано раздѣлить общинныя угодья между всѣми жителями по числу душъ. Но этотъ раздѣлъ былъ произведенъ лишь до извѣстной степени.

Такимъ образомъ, конвентъ увеличилъ число собственниковъ мелкихъ участковъ. Этимъ онъ создалъ тотъ классъ, который дол-

женъ былъ стать такимъ сильнымъ тормазомъ дальнѣйшаго демократическаго развитія Франціи. Конвентъ не воспользовался удобнымъ случаемъ для организаціи обработки земли въ крупныхъ размѣрахъ. Люди не думали о томъ, чтобы возстановить старинное общинное хозяйство въ улучшенномъ и болѣе совершенномъ видѣ: въ мелкихъ собственникахъ они видѣли настоящихъ буржуазно-нормальныхъ людей. Такимъ образомъ, новая демократія стала на наклонную плоскость что не могло обѣщать ей долговѣчности. Можно возразить, что эта демократія въ борьбѣ съ внутренними и внѣшними врагами не имѣла времени основательно подумать о преобразованіи земледѣльческаго хозяйства. Но ни у одного изъ ея самыхъ свѣтлыхъ умовъ не появилось даже мысли о томъ, что увѣковѣченіе карликоваго хозяйства воспитаетъ эгоистическое, недоступное для идеаловъ поколѣніе. Двѣ наполеоновскихъ имперіи были плодомъ этой системы мелкихъ участковъ.

Гора принуждала конвентъ ко все болѣе и болѣе энергичнымъ мѣрамъ. Когда, по предложенію коммуны, было рѣшено устроить близъ Парижа лагерь на 40,000 человѣкъ, и домовладѣльцамъ было предписано обозначать на дверяхъ имена, состояніе и возрастъ ихъ квартирантовъ,—послѣдовало отложеніе генерала Дюмурье, и Горѣ удалось осуществить свой планъ образованія сильнаго диктаторскаго правительства въ самомъ конвентѣ. Возбужденіе, вызванное измѣной Дюмурье, привело 6 апрѣля 1793 года къ учрежденію знаменитаго комитета благосостоянія, чѣмъ было осуществлено Маратовское требованіе диктатуры. Этотъ комитетъ стоялъ выше министерствъ, и его девять членовъ были уполномочены дѣлать все, что они найдутъ нужнымъ для благосостоянія страны. Комитетъ благосостоянія, совѣщанія котораго были тайными, надзиралъ за министрами, и министры должны были слѣдовать его предписаніямъ. Надъ нимъ не было никакой власти, кромѣ того, что мѣры, принятыя имъ, впослѣдствіи подтверждались конвентомъ. Но идея комитета благосостоянія не совсѣмъ соотвѣтствовала мысли Марата о диктатурѣ. Маратъ хотѣлъ соединить власть въ рукахъ одного лица; „ядро на ногѣ“ диктатора должно было состоять въ его отвѣтственности передъ конвентомъ. Конвентъ же вручилъ диктатуру различнымъ лицамъ, раздробилъ ея силу и создалъ почву для тѣхъ внутреннихъ нестроеній, которыя привели къ паденію демократіи.

Въ рукахъ комитета безопасности и комитета благосостоянія была внутренняя полиція; но комитетъ благосостоянія могъ отдавать приказы и объ арестахъ чиновниковъ. Поэтому власть комитета благосостоянія была всемогущей. Отразивъ нападеніе Европы на республику и поразивъ ея внутреннихъ враговъ, онъ пріобрѣлъ великую славу. Но пока что—жирондистамъ удалось парализовать его дѣятельность. Правда, они дали свое согласіе на предложеніе арестовать членовъ

Орлеанскаго дома за его заговоры съ Дюмурье, такъ какъ они хотѣли очистить себя отъ подозрѣнія въ томъ, что они сами содѣйствовали планамъ Дюмурье. Но они постарались, чтобы въ комитетъ благосостоянія были избраны почти исключительно люди долины, и поэтому комитетъ не проявлялъ той энергіи, какой ожидала отъ него Гора.

Когда, такимъ образомъ, Жиронда, пользуясь своимъ перевѣсомъ въ конвентѣ, въ значительной степени парализовала усилія Горы и увеличивала опасности, грозившія республикѣ, въ партіи Горы и въ парижскомъ населеніи озлобленіе противъ жирондистовъ возрасло до того, что было рѣшено уничтожить ихъ и этимъ избавить республику отъ столь сильнаго тормаза.

Уже въ тѣхъ угрозахъ, которыми партіи осыпали другъ друга, можно было предвидѣть трагическій исходъ дѣла. Въ жару борьбы партіи взводили другъ на друга страшныя обвиненія: Гора утверждала, что жирондисты подкуплены Питтомъ; Жиронда же говорила, что Гора продалась пруссакамъ и австрійцамъ. Стороны грозили другъ другу смертью. Когда Дантонъ объявилъ жирондистамъ войну на жизнь и смерть, Робеспьеръ называлъ ихъ врагами революціи, а Маратъ въ своемъ журналѣ требовалъ ихъ уничтоженія,—на улицахъ Парижа явились „союзники“ и солдаты, преданные жирондистамъ, и требовали головъ Марата, Дантона и Робеспьера. Разъ даже должны были вмѣшаться въ дѣло власти, потому что разъяренные марсельцы хотѣли поджечь домъ, въ которомъ жилъ Маратъ.

Маратъ въ это время предсѣдательствовалъ въ клубѣ якобинцевъ; появился за его подписью адресъ клуба, призывавшій населеніе провинціи подняться противъ жирондистовъ. Въ этомъ адресѣ встрѣчались сильныя выраженія, бывшія обычными въ этой страшной партійной борьбѣ и употреблявшіяся всѣми. Жирондисты, считавшіе Марата своимъ главнымъ врагомъ, рѣшили употребить противъ него мѣры, введенныя Горою. Пугливые люди центра помогли имъ, и послѣ большихъ усилій имъ удалось провесть въ конвентѣ декретъ объ обвиненіи Марата. Такимъ образомъ, Маратъ предсталъ передъ революціоннымъ трибуналомъ. Но это обвиненіе, вмѣсто того, чтобы погубить Марата, привело къ его тріумфу.

Революціонный трибуналъ до сихъ поръ произнесъ четыре смертныхъ приговора; между прочимъ, страннымъ образомъ, была приговорена къ смертной казни одна кухарка за то, что она говорила противъ республики, такъ какъ ея любовникъ долженъ былъ уйти на войну. Теперь жирондисты ожидали отъ него осужденія Марата. Но извѣстіе объ обвиненіи Марата взволновало Парижъ, и коммуна со всей энергіей вступилась за него. Мэръ Пашъ явился передъ барьеромъ конвента и въ петиціи, одобренной 35 секціями, потребовалъ исключенія изъ конвента 22 выдающихся жирондистовъ, какъ

враговъ революціи. Петиція требовала народнаго голосованія относительно жирондистовъ. Но жирондисты, сами требовавшіе народнаго голосованія въ процессѣ короля, теперь отвергли это предложеніе, и друзья Дантона поддержали ихъ. Конвентъ отвергъ петицію 35 секцій, какъ исполненную злобы и клеветы. Такимъ образомъ, нападеніе коммуны на жирондистовъ пока потерпѣло крушеніе, и Маратъ 24 апрѣля 1793 года предсталъ передъ революціоннымъ трибуналомъ. Онъ обвинялся въ возбужденіи къ грабежамъ и убійствамъ, въ стремленіи къ власти, враждебной народу, и къ уничтоженію конвента,—слѣдовательно, въ своего рода государственной измѣнѣ.

Маратъ держалъ себя съ полной увѣренностью и далъ совсѣмъ иной оборотъ дѣлу, выступивъ съ обвиненіемъ противъ жирондистовъ. Его единогласно оправдали. Передъ зданіемъ трибунала его ждала необозримая толпа народа; какъ Маратъ ни сопротивлялся, народъ посадилъ его на убранныя цвѣтами носилки, возложилъ ему на голову вѣнокъ и на рукахъ понесъ его въ конвентъ. Здѣсь онъ снова занялъ свое мѣсто; тутъ одинъ бородатый саперъ выступилъ изъ толпы и сказалъ конвенту: „Мы принесли вамъ Марата назадъ. Маратъ всегда былъ другомъ народа, и народъ всегда будетъ другомъ Марата. Если же слетитъ голова Марата, то, раньше его головы, слетитъ голова сапера“. Онъ взмахнулъ своимъ топоромъ, и народъ прошелъ черезъ залу засѣданій, а Маратъ въ это время съ трибуны заявилъ конвенту, что онъ принесъ съ собою оправданное имя.

Этотъ процессъ былъ прелюдіей низверженія жирондистовъ, и кличъ объ исключеніи двадцати двухъ сталъ паролемъ для Парижа и провинцій. Между тѣмъ, какъ жирондисты опирались на конвентъ и свои департаменты, Гора взывала къ Парижскому населенію. Исходъ этой борьбы въ конвентѣ не могъ быть сомнительнымъ.

На сѣверной границѣ Франціи было сконцентрировано множество союзныхъ войскъ; неспособный принцъ Іосія Кобургскій и Клерфэ командовали здѣсь австрійцами, а герцогъ Іоркскій—англичанами. Положеніе Данпьерра, принявшаго начальствованіе надъ французами послѣ Дюмурье, было очень тяжелымъ. Армія была дезорганизована, и съ нею не легко было рѣшиться на битву въ открытомъ полѣ. Произошли мелкія стычки, и въ одной изъ нихъ Данпьерръ былъ убитъ. Мѣсто его занялъ Кюстинъ, не сумѣвшій раньше ни отстоять Франкфурта, ни помѣшать пруссакамъ осадить завоеванный имъ Майнцъ. Онъ укрѣпился въ такъ называемомъ Цезаревомъ лагерѣ при Канбрэ, но его отсюда прогнали. Его неспособность стала внѣ всякихъ сомнѣній, и его поведеніе привело его на эшафотъ.

Опасности были грозныя, и если бы теперь во главѣ союзни-

ковъ стоялъ какой-нибудь энергичный полководецъ, то Парижу и республикѣ пришлось бы очень круто. Но принцъ Кобургскій, Клерфэ, герцоги Іоркскій и Брауншвейгскій были люди слишкомъ неопасные. Когда эти неспособные полководцы осаждали крѣпости и давали время республикѣ вооружиться, одно лишь счастье охраняло Францію, потому что массовое ополченіе нужно было еще собрать. Пруссаки стояли подъ Майнцемъ, герцогъ Іоркскій—подъ Дюнкирхеномъ, а герцогъ Кобургскій—подъ Мабежомъ. Такимъ образомъ, въ распоряженіи конвента было немного времени, которымъ онъ и воспользовался съ необычайной энергіей. Воодушевленіе народа возрастало вмѣстѣ съ опасностями, такъ какъ теперь, увидѣвъ, что конвентъ охваченъ партійною борьбою, подняли свои головы и внутренніе враги.

Комиссіи набора во многихъ департаментахъ были приняты очень плохо. Большіе южные города: Ліонъ, Марсель и Бордо держали сторону жирондистовъ. Особенно сильную непріязнь къ Горѣ проявлялъ большой торговый городъ Ліонъ. Купечество этого города не хотѣло ничѣмъ жертвовать для демократіи. Когда въ Парижѣ были низвергнуты жирондисты, Ліонъ въ тотъ же день возсталъ противъ своего якобинскаго муниципалитета и свергъ его. Возстаніе Ліона противъ конвента вызвало продолжительную и кровавую гражданскую войну.

Но гораздо страшнѣе была опасность, возникшая для конвента въ Вандеѣ. Мы уже до нѣкоторой степени изобразили состояніе этой провинціи. Здѣсь дворянство и духовенство, отвергавшее присягу, не сочли нужнымъ эмигрировать, такъ какъ народъ столь прочно держался за своихъ помѣщиковъ и священниковъ, что правительственныя учрежденія, насколько они сами не симпатизировали роялистамъ, не пользовались ни властью, ни уваженіемъ. Для демократическихъ идей въ этой странѣ не было мѣста, и феодализмъ, казалось, былъ здѣсь такъ же силенъ, какъ и до 1789 года. Въ этой провинціи, казалось, еще существуетъ старая Франція. Охотой здѣсь по патріархальнымъ обычаямъ дворянство занималось сообща съ крестьянами, поэтому крестьяне были прекрасными стрѣлками, что имѣло громадное значеніе въ инсуррекціи. Мелкія хозяйства наслѣдственныхъ арендаторовъ приносили по большей части отъ 500 до 600 франковъ дохода, изъ чего еще часть отдавалась помѣщику. Одичалое крестьянское населеніе было довольно своими скудными средствами къ существованію, потому что его пріучили ограничивать свои потребности до послѣдней степени. Дворянство и духовенство пользовались у этихъ простодушныхъ и ограниченныхъ крестьянъ громаднѣйшимъ вліяніемъ. Можетъ быть, конвентъ могъ бы разумнѣе распорядиться съ Вандеей, но столкновеніе было неизбѣжнымъ, потому что дворянство и духовенство послѣ казни короля не могли оставить своихъ подстрекательствъ вандейскаго населенія противъ конвента.

Рѣшенное конвентомъ массовое ополченіе послужило поводомъ къ возстанію. Вандейцы не хотѣли сражаться за республику. Комиссары и солдаты, производившіе здѣсь наборъ, повсюду наталкивались на враждебную сдержанность или открытое сопротивленіе. Въ деревнѣ Машекуль былъ убитъ офицеръ, руководившій составленіемъ ополченія, и возстаніе съ поразительной быстротой распространилось по всей провинціи. Крестьяне нападали ва республиканскіе отряды и истребляли ихъ. Съ самаго же начала этой инсуррекціи сказались вся жестокость и фанатизмъ вандейцевъ. У нихъ была очень своеобразная тактика, вполнѣ подходящая къ характеру мѣстности ихъ родины. Они изъ-за кустовъ и деревьевъ стрѣляли въ республиканцевъ и своими мѣткими выстрѣлами приводили ихъ въ замѣшательство; затѣмъ, они съ дикими криками выскакивали изъ засады и избивали республиканцевъ дубинами. Вскорѣ нашлись у этихъ инсургентовъ популярные вожди, какъ бывшій извозчикъ Кателино, Шаретть, офицеръ флота, Стофле, лѣсничій, Бошанъ, Лекюръ, д'Эльбэ и Ларошъ-Жакеленъ. Возстаніе имѣло сперва большой успѣхъ—уже потому, что конвентъ поручалъ усмиреніе его неспособнымъ генераламъ. Англія давала деньги на возстаніе, и оно скоро вполнѣ организовалось; цѣлью его было возведеніе на престолъ Людовика XVII, маленькаго сына Людовика XVI, сидѣвшаго въ заключеніи вмѣстѣ со своею матерью, и возстановленіе католической церкви въ ея прежнемъ видѣ.

Война велась со страшною жестокостью съ обѣихъ сторонъ и поставила республику въ столь опасное положеніе, что конвентъ рѣшился на самыя крайнія мѣры. Жирондисты противились этимъ мѣрамъ, и, такимъ образомъ, возстаніе въ Вандеѣ послужило однимъ изъ поводовъ къ низверженію этой партіи, нѣкогда столь ревностно боровшейся съ дворомъ.

Конвентъ прибѣгъ къ самымъ крайнимъ средствамъ; онъ постановилъ, что всѣ священники и дворяне, которые будутъ принимать участіе въ какомъ либо народномъ волненіи, объявляются внѣ закона, что всѣ бывшіе привиллегированные должны быть обезоружены, что эмигранты изгоняются навсегда изъ Франціи и въ случаѣ возвращенія подвергаются смертной казни.

Противъ этихъ мѣропріятій многое можно сказать съ точки зрѣнія гуманности и свободы. Но Гора не входила ни въ какія разсужденія, потому что дѣло шло не о теоріяхъ, а о спасеніи республики, во что бы то ни стало. Конвентъ принялъ эти мѣры, потому что онъ не могъ придумать ничего иного. Одни лишь жирондисты во время этого неслыханнаго до сихъ поръ кризиса все продолжали противиться энергичнымъ мѣрамъ Горы. Они, казалось, свои доктрины и партійныя распри ставили выше Франціи и республики. Эта партія до крайности озлобила противъ себя Парижъ, завоевав-

шій для Франціи свободу. Озлобленный Парижъ долженъ былъ уничтожить ее.

Изгнаніе жирондистовъ изъ конвента стало требованіемъ государственнаго блага, и Дантонъ, Маратъ и Робеспьеръ соединились съ коммуной, чтобы устранить эту партію, которая, казалось, поставила себѣ единственной задачей ослабленіе силъ революціи. Правда, Дантонъ долго противился этому; ему казалось, что арестъ и обвиненіе членовъ конвента должны имѣть опасныя послѣдствія. Но его возраженія исчезли во время борьбы.

Секціи образовали комитетъ, открыто засѣдавшій въ городской ратушѣ. Но изъ довольно значительнаго числа членовъ этого учрежденія былъ избранъ еще болѣе тѣсный комитетъ, засѣдавшій въ архіепископскомъ дворцѣ, гдѣ предсѣдательствовалъ нѣкій Добсанъ. Этотъ центральный комитетъ занялся подготовленіемъ возстанія противъ жирондистовъ, и такъ какъ онъ состоялъ въ связи съ комитетомъ секцій въ городской ратушѣ, то онъ въ каждую минуту могъ поднять на ноги секціи и призвать ихъ къ оружію.

Объ этихъ планахъ и подготовленіяхъ стало извѣстнымъ въ конвентѣ, и жирондисты хотѣли предупредить коммуну. Президентомъ былъ избранъ Иснаръ, вызывающее поведеніе котораго относительно лѣвой еще ускорило дѣло. Гадэ, одинъ изъ самыхъ горячихъ противниковъ Горы и коммуны, думалъ, что грозящее возстаніе можно предупредить постановленіемъ конвента. Онъ разразился противъ заговора 10 марта и потребовалъ, чтобы конвентъ удалилъ парижскій муниципалитетъ и призвалъ на его мѣсто президентовъ секцій; затѣмъ, чтобы были созваны въ Буржъ замѣстители членовъ конвента, которые бы и функціонировали въ качествѣ конвента, если конвентъ, засѣдающій въ Парижѣ, будетъ уничтоженъ.

Гора на минуту растерялась отъ такихъ притязаній; затѣмъ произошла большая суматоха. Раздались грозные крики по адресу Гадэ, что заговорщики теперь сами разоблачили свои планы, направленные противъ единства республики. Барреръ положилъ конецъ этой суматохѣ: онъ, по соглашенію съ тогда еще довольно вялымъ комитетомъ благосостоянія, предложилъ учредить особую комиссію изъ двѣнадцати членовъ подъ именемъ инспекторовъ залы, которая бы занялась разслѣдованіемъ всѣхъ плановъ, направленныхъ противъ жирондистовъ. Въ комиссію двѣнадцати были избраны все враги Горы, и понятно, что теперь все озлобленіе Горы обрушилось на эту комиссію. Уничтоженіе комиссіи стало паролемъ революціоннаго Парижа, и заранѣе было рѣшено, что 31 мая произойдетъ возстаніе, которое уничтожитъ эту комиссію. Но съ комиссіей должна была пасть также и Жиронда. Возстаніе это уже теперь называли «моральнымъ», такъ какъ можно было заранѣе сказать, что дѣло обойдется безъ крово-

пролитій. Начальствованіе національной гвардіи было возложено на Анріо, потому что Сантерръ былъ посланъ съ войскомъ противъ вандейцевъ. Этотъ Анріо (Henriot) былъ человѣкъ очень сомнительнаго прошлаго, фразеръ и мало-способный, но въ данную минуту, для той роли, которую ему поручили, онъ оказался совершенно подходящимъ.

Комиссія двѣнадцати предприняла много арестовъ рѣшительныхъ революціонеровъ. Она арестовала, между прочимъ, и Гебера, помощника прокурора общины. Геберъ былъ очень популяренъ и любимъ народомъ за свой журналъ: „Père Duchêsne". Журналъ этотъ говорилъ очень рѣзкимъ языкомъ, но не рѣзче, чѣмъ журналы жирондистовъ и роялистовъ. Коммуна протестовала противъ ареста Гебера и объявила себя постоянной; то же самое сдѣлали революціонные комитеты и клубы. 27 мая въ конвентъ явилась депутація общиннаго совѣта и потребовала освобожденія Гебера и уничтоженія комиссіи двѣнадцати. Одна секція требовала даже, чтобы комиссія двѣнадцати была предана суду революціоннаго трибунала. Иснаръ отвѣтилъ: „Если возстаніе затронетъ народное представительство, то я объявляю, что *Парижъ будетъ уничтоженъ, и впослѣдствіи нужно будетъ отыскивать, на какомъ берегу Сены онъ стоялъ!*"

Это было ужъ слишкомъ сильно. „Такое безстыдство,—воскликнулъ Дантонъ,—становится невыносимымъ; мы окажемъ свое противодѣйствіе".

Возникла страшная суматоха, и такъ какъ жирондисты призвали для своей защиты вооруженныхъ людей, то дѣло грозило дойти до кровопролитія. Народъ массами врывался въ залу. Стали кричать, что вооруженные люди угрожаютъ конвенту, и призвали министра внутреннихъ дѣлъ и мэра, чтобы разспросить ихъ о состояніи Парижа. Министръ и мэръ увѣряли, что конвенту не грозитъ никакой опасности, что движеніе имѣетъ цѣлью только уничтоженіе комиссіи двѣнадцати, а Пашъ прибавилъ, что виною всѣхъ волненій была комиссія двѣнадцати.

Было поздно, и жирондисты, чтобы уклониться отъ рѣшенія вопроса, хотѣли закрыть засѣданіе. Но Гора настаивала на своемъ, и Иснаръ оставилъ мѣсто президента, которое и занялъ другъ Дантона, Геро де-Сешелль. Геро сказалъ: „Власть разума и власть народа—одно и то же. Народу будетъ оказана справедливость". Произошло голосованіе, и конвентъ постановилъ уничтожить комиссію двѣнадцати, освободить Гебера и арестованныхъ съ нимъ лицъ. Торжество народа, толпившагося вокругъ конвента, вышло изъ всякихъ предѣловъ; Гебера увѣнчали и на рукахъ отнесли въ клубъ кордельеровъ.

На слѣдующій день Лянжюинэ, ярый жирондистъ, заявилъ, что этотъ декретъ недѣйствителенъ. Дантонъ грозно предостерегалъ, что въ такомъ случаѣ онъ доведетъ борьбу до послѣдней степени. Но

ослѣпленные, своевольные, исполненные ненавистью къ Горѣ, жирондисты сами стремились къ своей гибели. Конвентъ послушался ихъ болтовни, и хотя освобожденныя лица не были снова арестованы, но комиссія двѣнадцати была возстановлена. Это постановленіе снова усилило озлобленіе секцій. Комитетъ, засѣдавшій въ архіепископскомъ дворцѣ, со всей энергіей подготовлялъ возстаніе. Но все еще имѣлось въ виду произвести только „моральное“ возстаніе. 30 мая Лянжюинэ напалъ въ конвентѣ на секціи, когда эти послѣднія явились толпой и требовали уничтоженія и обвиненія комиссіи двѣнадцати. Онѣ не получили никакого отвѣта, и коммуна привела теперь въ движеніе народныя массы. Утромъ 31 мая возстали предмѣстья; раздался набатъ, и Анріо велѣлъ въ знакъ тревоги стрѣлять изъ пушекъ. Секціи моментально явились съ оружіемъ въ рукахъ и окружили конвентъ, собравшійся въ 6 часовъ утра. Все это движеніе все-таки носило характеръ „моральнаго“ возстанія, потому что нигдѣ дѣло не дошло до борьбы.

Собраніе обсуждало вопросъ объ уничтоженіи комиссіи двѣнадцати. Тюріо и Дантонъ требовали этого уничтоженія при бурныхъ крикахъ съ галлерей, занятыхъ женщинами, которыхъ называли швейками Робеспьера. Робеспьеръ былъ любимцемъ этихъ женщинъ; онъ разразился длинной и сильной рѣчью противъ жирондистовъ и обвинялъ ихъ въ томъ, что они старались спасти короля и вели заговоры съ Дюмурье. Онъ требовалъ обвинительнаго декрета противъ нихъ. Но Барреръ и центръ снова выступили въ качествѣ посредниковъ. Они теперь сами предложили уничтожить ими же введенную комиссію двѣнадцати,—смущенные и испуганные депутаціями, предъявлявшими то же требованіе. Затѣмъ было рѣшено оставить вооруженную силу Парижа постоянной и поручить комитету благосостоянія разслѣдованіе всѣхъ возможныхъ комплотовъ. Конвентъ принялъ предложеніе Баррера, и, такимъ образомъ, моральное возстаніе одержало относительно комиссіи полную побѣду. Но предводители возстанія были недовольны результатами 31 мая. Они хотѣли полнаго низверженія Жиронды и видѣли, что опасность, грозившая имъ, отнюдь не устранена уничтоженіемъ комиссіи двѣнадцати. Они хотѣли ковать желѣзо, пока оно горячо. Исключеніе изъ конвента и арестъ 22 его членовъ были цѣлью новаго движенія, подготовлявшагося 1 іюня. Коммуна снова взяла на себя руководство возстаніемъ и поручила Гассенфратцу 1 іюня прочесть передъ конвентомъ грозный адресъ, въ которомъ она требовала удаленія жирондистовъ. Маратъ проявилъ въ это время необычайную дѣятельность; онъ и его другъ Гусманъ, испанецъ, впослѣдствіи казненный вмѣстѣ съ Дантономъ, собственноручно звонилъ въ набатный колоколъ.

Съ разсвѣтомъ 2 іюня парижское населеніе снова поднялось съ оружіемъ въ рукахъ и двинулось на конвентъ. Подъ начальствомъ

Анріо было около 100,000 чел. съ 60 орудіями. О „моральномъ“ возстаніи теперь уже не было и рѣчи, и Анріо объявилъ, что возставшіе не сложатъ оружія, пока они не добьются ареста 22 членовъ конвента. Жирондисты два дня тому назадъ видѣли страшное озлобленіе народа, и нѣкоторые изъ нихъ боялись всего, самаго худшаго. Поэтому въ 10 часовъ утра 2 іюня, когда возставшіе окружили конвентъ, на правой сторонѣ конвента было лишь немного депутатовъ. Когда по улицамъ возмутившагося города шли толпы вооруженнаго народа, раздавался набатъ и гремѣли пушечные выстрѣлы, возбужденіе охватило и конвентъ. Лянжюинэ, человѣкъ реакціонныхъ взглядовъ, но очень мужественный, быстро взошелъ на трибуну и сталъ обвинять коммуну, говоря, что она тащила свою петицію по уличной грязи. „Замолчи!“—яростно крикнулъ на него мясникъ Лежандръ:—„замолчи! или я тебя убью!“ на что Лянжюинэ съ настоящимъ юморомъ висѣльника отвѣтилъ: „Пусть прежде конвентъ постановитъ, что я—быкъ!“ Якобинцы и жирондисты устремились къ ораторской трибунѣ: одни, чтобы стащить съ нея Лянжюинэ, другіе—чтобы защищать его. Возникаетъ побоище, являются на сцену пистолеты и кинжалы. Кто-то приставилъ пистолетъ ко лбу Лянжюинэ. Наконецъ, суматоха мало-по-малу утихаетъ, является новая депутація коммуны и заявляетъ: „Четыре дня уже парижскіе граждане не выпускаютъ изъ рукъ оружія; четыре уже дня требуютъ они отъ своихъ уполномоченныхъ возстановленія своихъ столь недостойно попранныхъ правъ, и четыре дня эти уполномоченные смѣются надъ спокойствіемъ и бездѣйствіемъ своихъ довѣрителей. Необходимо исключить и временно арестовать заговорщиковъ. Необходимо немедленно же спасти народъ,—*или онъ спасетъ себя самъ!*“

Конвентъ колеблется; говорятъ, нельзя принять никакого рѣшенія, потому что конвентъ несвободенъ. Рѣшаютъ передать петицію комитету благосостоянія. Депутація съ угрозами оставляетъ залъ, и Левассеръ предлагаетъ просто арестовать жирондистовъ, какъ подозрительныхъ людей. Но это предложеніе не обсуждается. Жирондистовъ приглашаютъ сложить свои полномочія, но они отказываются всѣ, кромѣ Иснара, Фоше и Лантена. Барреръ хочетъ испытать свободно ли собраніе. Онъ предлагаетъ, чтобы собраніе съ президентомъ Геро во главѣ оставило залъ и убѣдило народъ, собравшійся передъ зданіемъ, разойтись. „Представители народа,—говоритъ онъ,—воспользуйтесь вашей свободой, перенесите ваше засѣданіе на улицу и заставьте опуститься передъ вами штыки, окружающіе васъ!“

Конвентъ принимаетъ предложеніе Баррера, но Маратъ спѣшитъ на улицу и говоритъ Анріо, чтобы онъ задержалъ конвентъ до тѣхъ поръ, пока у него не вынудятъ постановленія объ арестѣ двадцати двухъ. Конвентъ длинной процессіей съ Геро во главѣ выходитъ на каруселькую площадь. Здѣсь Геро наталкивается на коменданта Анріо,

который верхомъ на конѣ стоитъ у своихъ орудій. „Чего хочетъ народъ?—спрашиваетъ президентъ конвента:—конвентъ занимается лишь счастьемъ его! “ Но Анріо не безъ иронiи отвѣчаетъ ему: „Геро, народъ возсталъ не затѣмъ, чтобы слушать красивыя слова; онъ хочетъ, чтобы ему выдали 22 виновныхъ. Раньше чѣмъ вы не сдѣлаете такого постановленія, вы не уйдете!“ Геро хочетъ убѣдить національныхъ гвардейцевъ арестовать своихъ офицеровъ, какъ бунтовщиковъ, но Анріо командуетъ громкимъ голосомъ: *„канониры,* къ орудіямъ!“ Жерла двухъ пушекъ направляются на конвентъ и депутаты малодушно возвращаются въ залу засѣданій. Конвентъ жертвуетъ жирондистами, и Маратъ, распоряжающійся теперь, точно диктаторъ, вычеркиваетъ одни имена изъ списка изгоняемыхъ и пишетъ другія. Наконецъ, принимается декретъ, который гласитъ:

„Конвентъ приказываетъ подвергнуть домашнему аресту нижепоименованныхъ депутатовъ, оставляя ихъ подъ охраной французскаго народа, національнаго конвента и честности парижскихъ гражданъ. Депутаты эти---слѣдующіе: Жансонэ, Гадэ Бриссо, Гара, Пе́тіонъ, Верніо, Салль, Барбару, Шамбонъ, Бюзо, Бирото, Лидонъ, Рабо, Сэнтъ-Этьеннъ, Ласурсъ, Лянжюинэ, Гранженевъ, Легарди, Лесажъ, Лувэ, Валязэ, Кервелеганъ, Гардьянъ, Буало, Бертранъ, Вижé Молльво, Ляривьеръ, Гомэръ, Бергоенъ. Подобнымъ же образомъ домашнему аресту подвергаются граждане: Клавьеръ, министръ налоговъ и Лебрэнъ, министръ иностранныхъ дѣлъ“.

Такъ пала партія жирондистовъ, трагическая судьба которой можетъ вызвать большое участіе къ ней, нисколько не ослабляя того убѣжденія, что только полнымъ низверженіемъ этой партіи можно было спасти республику. Не геройское это было дѣло—пушками и штыками изгонять изъ конвента какихъ-нибудь двѣ дюжины депутатовъ, но врядъ ли можно было найти иной выходъ. Парижскій народъ однимъ ударомъ избавился отъ этихъ людей, имѣвшихъ притязаніе играть роль буржуазныхъ аристократовъ въ республикѣ. Между ними были люди, оказавшіе громадныя услуги революціи. Но они вообразили, что революція остановится тамъ, гдѣ имъ хочется. При такихъ тщетныхъ и безумныхъ стремленіяхъ ихъ поглотилъ водоворотъ революціи.

Жиронда могла бы пріобрѣсти себѣ лучшее имя въ исторіи, еслибы она съ честью приняла участіе въ великой оборонительной войнѣ, предпринятой Горою противъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ республики. Но она лишь ставила препятствія энергическимъ мѣропріятіямъ Горы, сама же была не въ состояніи дать лучшія или вообще какія-либо иныя гарантіи республикѣ. Ее низвергли перевороты 31 мая и 2 іюня. Гора можетъ взять на себя отвѣтственность передъ исторіей за эти безкровные перевороты, потому что они имѣли полное оправданіе въ своей безусловной необходимости.

2 іюня 1793 г. кончился жирондистскій періодъ конвента и начался періодъ террористическій или время ужаса. Опираясь на народныя массы, Гора господствовала въ конвентѣ и посредствомъ конвента держала въ своихъ сильныхъ рукахъ всю машину правленія государствомъ. 31 мая имѣло еще свой эпилогъ въ конвентѣ: 73 члена правой (долины) протестовали противъ исключенія жирондистовъ и воздержались отъ всякихъ голосованій. Но съ этихъ поръ борьба партій въ конвентѣ затихла на долгое время. Теперь здѣсь меньше раздавалось изящно отдѣланныхъ рѣчей, но тѣмъ громаднѣе были труды, совершаемые теперь конвентомъ въ его комитетахъ и засѣданіяхъ.

Гора, овладѣвшая всѣмъ и принявшая на себя отвѣтственность за все, въ этомъ чрезвычайномъ положеніи, при столь многочисленныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ врагахъ, почувствовала необходимость единодушнаго дѣйствія. Въ партіи Горы были три направленія, группировавшіяся около трехъ главныхъ вождей демократіи: Дантона, Робеспьера и Марата. Различія между ними въ эту эпоху еще не выступали отчетливо: впослѣдствіи они должны были послужить причиною раздоровъ и кровавыхъ катастрофъ. Жирондисты изъ-за партійныхъ распрей совсѣмъ потеряли изъ глазъ благосостояніе республики; Гора была достаточно благородна и патріотична, чтобы имѣть въ виду лишь одно: спасеніе отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Эта могучая демократія ради спасенія своей свободы бросилась въ самую пучину революціи, какъ нѣкогда бросился въ пропасть римлянинъ Курцій. И пожертвовавъ собою, она одержала побѣду.

Единодушіе Горы вызвало также единодушіе конвента. Комитетъ благосостоянія, вскорѣ занятый людьми Горы, не встрѣчалъ уже противодѣйствія въ конвентѣ. Члены долины тоже подчинились необходимости и признали, что чрезвычайное положеніе требуетъ также и чрезвычайныхъ средствъ. Такимъ образомъ, диктаторское правительство получило силу, единство и быстроту дѣйствія, которыя ему были такъ нужны, чтобы управиться съ чрезвычайными обстоятельствами. Потому что, можетъ быть, никогда ни одно правительство не было въ столь страшномъ положеніи, какъ правительство французской республики лѣтомъ 1793 года. Жирондисты, точно свинцовая тяжесть, затрудняли до сихъ поръ всѣ дѣйствія республики. Но теперь Гора могла уже развернуть свои силы и за нею дѣло не стало.

Англо-испанскій флотъ стерегъ берега Франціи, отрѣзалъ всякій подвозъ въ нее извнѣ, уничтожилъ ея торговлю и старался усилить бѣдствія голода въ странѣ. Но сама природа пришла на помощь республикѣ: сборъ хлѣба и винограда въ 1793 году былъ необычайно обиленъ, такъ что французская земля, несмотря на внутренній кризисъ Франціи, могла прокормить свои двадцать пять милліо-

оновъ обитателей. Но на всѣхъ границахъ стояли непріятельскія войска, готовыя обрушиться на республику. Еще болѣе страшныя опасности возникли въ самой республикѣ. Вандея образовала три значительныхъ арміи, которыя выступили противъ конвента. Главное начальствованіе надъ ними принадлежало Кателино. Въ каждой арміи было около 12,000 человѣкъ. Бошанъ съ Анжуйской арміей стоялъ на Лаурѣ; „великая армія» подъ начальствомъ д'Эльбэ составляла центръ вандейскихъ войскъ, а въ нижней Вандеѣ стоялъ Шареттъ съ „арміей болотъ“.

Къ этому еще присоединились возстанія въ пользу низвергнутыхъ жирондистовъ. Вслѣдствіе событій 31 мая и 2 іюня большинство южныхъ и сѣверныхъ департаментовъ поднялось противъ конвента. Муниципальную власть въ городахъ большею частью взяли въ свои руки якобинцы, тогда какъ господствовавшая въ секціяхъ высшая буржуазія держалась жирондистовъ. Отсюда вездѣ возникла ожесточенная борьба. Этой инсуррекціи дали названіе „федералистической“, хотя жирондисты протестовали противъ такого названія. Федерализмъ, дѣйствительно, сталъ политическимъ преступленіемъ въ это время, когда одна лишь желѣзная власть могла спасти республику.

Якобинскіе муниципалитеты на Югѣ и Сѣверо-Западѣ были большею частью низвергнуты и замѣнены жирондистскими. Бордо, Тулуза, Марсель, Тулонъ и Ліонъ поднялись противъ конвента еще до низверженія Жиронды. Роялисты, бывшіе вездѣ на-сторожѣ, проникали въ эти мѣстныя и провинціальныя возстанія и придавали имъ характеръ совершенно отличный отъ того, какой имѣли въ виду ихъ инициаторы. Ліонъ совершенно попалъ въ руки роялистовъ, потому что въ этомъ торговомъ городѣ только рабочіе держались Горы. Здѣшнія секціи были всецѣло подъ вліяніемъ купечества. Онѣ низвергли муниципалитетъ и казнили главу якобинцевъ, Шалье. Затѣмъ, въ городъ были приняты эмигранты, и начальствованіе надъ военными силами Ліона вручено роялисту стараго пошиба, маркизу де-Преси. Когда этотъ второй городъ въ государствѣ поднялся противъ правительства, положеніе его стало чрезвычайно критическимъ, и это объясняетъ то страшное наказаніе, которому конвентъ подвергъ возмутившійся городъ.

Съ жирондистами, арестованными въ Парижѣ, сперва обращались не строго, они даже получали по 18 франковъ въ день,—содержаніе, назначенное для членовъ конвента. Но значительная часть ихъ бѣжала въ провинціи и присоединилась къ возставшимъ, слѣдствіемъ чего, понятно, должны были явиться болѣе строгія мѣры противъ ихъ товарищей, оставшихся въ Парижѣ. Роланъ бѣжалъ въ Руанъ, между тѣмъ какъ его жена была арестована въ Парижѣ; бѣжали также Кондорсэ и Ляревелльеръ-Лепо, между тѣмъ какъ Верніо и Жансонэ остались въ Парижѣ; Бриссо былъ арестованъ въ

Муленѣ, а Манюэль въ Монтаржи. Изъ-подъ домашняго ареста ушло нѣсколько жирондистовъ при помощи подкупа караульныхъ; бѣжали Гадэ, Лувэ, Бюзо, Петіонъ, Барбару, Испаръ, Кервелеганъ, Ляржуинэ и другіе; они ушли въ Нормандію и собрались въ Кальвадо въ Каенѣ. Каенъ сталъ центральнымъ пунктомъ жирондистскаго возстанія, охватившаго вскорѣ всю Нормандію и Бретань. Такимъ образомъ, 60 департаментовъ находились въ открытомъ вооруженномъ возстаніи противъ конвента, тогда какъ онъ могъ вполнѣ положиться врядъ ли и на двадцать департаментовъ.

Изъ этого видно, что Горѣ нужно было почти нечеловѣческое мужество, чтобы сразу же не упасть духомъ въ этой борьбѣ. Людямъ предпринявшимъ такую борьбу и побѣдоносно вышедшимъ изъ нея —что бы ни говорили о нихъ въ другихъ отношеніяхъ—принадлежитъ поэтому одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи.

Окруженный со всѣхъ сторонъ возставшими, угрожаемый на границахъ внѣшними врагами, конвентъ прибѣгъ къ самымъ сильнымъ и страшнымъ мѣрамъ, между тѣмъ какъ люди, способные къ ношенію оружія, толпами стекались подъ знамена республики. Революціонный трибуналъ удвоилъ свою дѣятельность, и бѣжавшіе жирондисты были объявлены внѣ закона, такъ что если они попадали въ руки властей, то этимъ послѣднимъ оставалось только установить ихъ личность и отправить на эшафотъ. Со всею скоростью были образованы особыя арміи и отправлены противъ возставшихъ: централизованная власть оказалась несравненно сильнѣе федералистическаго возстанія.

Конвентъ имѣлъ такой успѣхъ, что нѣкоторые изъ возставшихъ городовъ испуганные строгостью его мѣропріятій, сейчасъ же снова подчинились ему. Другіе же только ждали подходящаго случая, чтобы сдѣлать то же самое. Конвентъ хотѣлъ предоставить имъ такой случай и съ этой цѣлью среди бурь гражданской войны и революціонной борьбы выработалъ конституцію. Жирондисты безпрестанно обвиняли Гору въ тираніи и анархіи. Гора же, составивъ конституцію, показала, какъ она думала устроить республику, когда окончится внѣшняя и внутренняя война. Этотъ пріемъ былъ не менѣе удаченъ, чѣмъ и направленный противъ федерализма декретъ объ единствѣ и нераздѣльности республики.

Конституціонный комитетъ конвента еще раньше работалъ надъ составленіемъ конституціи и Кондорсэ выработалъ уже основныя положенія ея. Разумѣется, въ своемъ проектѣ онъ провелъ взгляды жирондистовъ. Теперь Гора отвергла работу Кондорсэ и для составленія конституціи избрала новый комитетъ, который весь состоялъ изъ якобинцевъ. Президентомъ этого комитета былъ Геро де-Се

шель: отъ него-то и исходитъ конституція 1793 года. Она была составлена въ нѣсколько дней, потому что Гора не имѣла времени работать надъ ней такъ долго, какъ, примѣрно, впослѣдствіи работалъ франкфуртскій парламентъ надъ составленіемъ германской имперской конституціи.

Тьеръ говоритъ, что эта конституція была составлена „въ моментъ демократическаго бѣшенства"—упрекъ, котораго, конечно, невозможно сдѣлать такому философскому уму, такому спокойному мыслителю, какъ Геро.

Эта конституція служила выраженіемъ абсолютной и чистой демократіи. Она устанавливала, что каждый французъ, достигшій 21 года, становится гражданиномъ, получаетъ всѣ политическія права безъ всякихъ имущественныхъ ограниченій. Граждане образуютъ первичныя собранія, и съ этой цѣлью страна должна быть раздѣлена на округа съ 50,000 жителей въ каждомъ. Первичныя собранія созываются ежегодно 1 мая. Они избираютъ депутатовъ въ національное собраніе посредствомъ прямыхъ выборовъ. Національное собраніе должно быть верховнымъ учрежденіемъ и вести въ своихъ комитетахъ всѣ дѣла правленія и управленія республикою. Его постановленія должны быть законами, если въ теченіе опредѣленнаго времени противъ нихъ не выскажутся первичныя собранія. Вэто, такъ много способствовавшее низверженію Людовика XVI, было здѣсь превращено въ демократическую институцію и передано въ руки державнаго народа. Исполнительная власть должна была состоять изъ исполнительнаго совѣта, въ которомъ имѣло быть двадцать четыре члена. Этотъ исполнительный комитетъ—замѣтимъ мимоходомъ: совершенно излишнее прибавленіе къ конституціи—долженъ былъ избираться первичными собраніями посредствомъ прямыхъ выборовъ. Они должны были представлять списки кандидатовъ, въ которыхъ національное собраніе имѣло вычеркивать столько лицъ, пока, наконецъ, не оставалось 24.

Введеніе къ этой конституціи содержало также указаніе на право на трудъ. Здѣсь говорилось: „Общественныя вспомоществованія составляютъ священный долгъ. Общество обязано оказывать поддержку несчастнымъ гражданамъ тѣмъ, что оно доставляетъ имъ работу, или тѣмъ, что оно обезпечиваетъ средства къ существованію неспособнымъ къ труду". Въ этомъ пунктѣ проявилось, что конституція должна была основать чисто буржуазную демократію, предполагающую классовыя различія. Она давала народу полное равенство политическихъ правъ, но она не коснулась великаго вопроса, какъ обезпечить существованіе гражданина, и для этого у нея не было никакихъ иныхъ средствъ, кромѣ общественныхъ подачекъ, на которыя теоретики партіи Горы – напр., Робеспьеръ въ своей декларации правъ— смотрѣли, какъ на *долгъ богатыхъ передъ бѣдными*, потому что съ этой точки зрѣнія смотрѣли тогда и на работу, которую нужно

было доставлять нуждающимся. Объ организаціи труда никто вообще и не думалъ.

Тѣмъ не менѣе, народныя массы крѣпко стояли за эту конституцію. Во время большихъ возстаній предмѣстій въ 1795 году, Сентъ-Антуанскіе рабочіе написали мѣломъ на своихъ шляпахъ: *„Хлѣба и конституцію 93 года!“* Они, такимъ образомъ, прекрасно понимали, что одна конституція 93 г. еще не дастъ имъ хлѣба. Эта конституція была принята конвентомъ 24-го іюня, но сейчасъ же пріостановлена съ той мотивировкой, что во время такой борьбы невозможно управлять на основаніи демократической конституціи: это, конечно, было совершенно вѣрно, потому что безъ строгой диктатуры Горы республика должна была бы распасться на части.

Врядъ ли стоитъ говорить о томъ, осуществима ли конституція 1793 года, такъ какъ она никогда не вступала въ силу и поэтому объ осуществимости ея нельзя ничего сказать на основаніи опыта. Но если заявляютъ, будто она была неосуществимой, потому что она допускала къ участію въ дѣлахъ правленія людей всѣхъ слоевъ народа, то это возраженіе совершенно не выдерживаетъ критики, такъ какъ противъ него именно говоритъ правительство конвента, которое состояло изъ людей всѣхъ слоевъ и спасло Францію отъ одного изъ самыхъ страшныхъ кризисовъ всѣхъ временъ.

Принятіе этой конституціи сейчасъ же имѣло то послѣдствіе, что значительная часть департаментовъ снова перешла на сторону конвента. Конституцію нужно было предложить на утвержденіе департаментовъ, и конвентъ далъ для этого первичнымъ собраніямъ только трехдневный срокъ. Но провинціи теперь увидѣли, что тѣ обвиненія, которыя безпрестанно выдвигали противъ Горы, будто она стремится къ монархіи или къ постоянной диктатурѣ, были клеветой.

Такимъ образомъ, конституція укрѣпила власть Горы и увеличила довѣріе къ ней.

Послѣ низверженія жирондистовъ, Маратъ сталъ нѣсколько меньше посвящать себя общественной дѣятельности; онъ полагалъ, что республика спасена,—послѣ того, какъ „государственные люди и интриганы“ изгнаны изъ конвента и лишены политическаго вліянія. Напряженная дѣятельность послѣднихъ мѣсяцевъ переутомила его, и прежнее проживаніе въ подвалахъ и подземельяхъ оставило на его кожѣ сыпь, за которую враги злостно клеветали на него. Онъ видѣлъ, что республика приняла его идеи, и что правительство, снабженное диктаторскою властью, поразило и сдѣлало безвредными явныхъ и тайныхъ враговъ. Въ этотъ моментъ судьба положила конецъ дѣятельности замѣчательнаго человѣка, когда онъ достигъ пятидесятаго года своей жизни и величайшаго вліянія на парижское населеніе.

Изъ всѣхъ революціонеровъ враги революціи больше всего ненавидѣли Марата, потому что онъ никого не щадилъ, проникалъ своимъ взоромъ во всѣ комплоты, не боялся никакихъ послѣдствій и обладалъ величайшей энергіей. Жирондисты, какъ представители высшей буржуазіи, ненавидѣли Марата, какъ представителя интересовъ пролетаріата. Они изображали Марата какимъ-то чудовищемъ, исполненнымъ кровожадности, грубости и низости. Они безпрестанно клеветали на него и оплели его цѣлою сѣтью лжи и извращеній. Такъ какъ онъ въ столь сильной степени способствовалъ ихъ низверженію, то они приписывали ему самые ужасные и безумные планы, точно всѣ его мысли и стремленія были направлены на то, чтобы залить Францію моремъ крови. Они не знали большаго несчастія для Франціи, чѣмъ жизнь Марата.

Эти взгляды проникли въ душу одной двадцати-двухлѣтней дѣвушки дворянскаго происхожденія, Шарлотты Кордэ д'Арманъ, жившей въ Каенѣ и состоявшей въ сношеніяхъ съ бѣглыми жирондистами. Эта замѣчательная дѣвушка относилась къ революціи съ самымъ пламеннымъ увлеченіемъ. Изъ сочиненій древнихъ она усвоила идеалы республиканской добродѣтели и, также какъ и г-жа Ролланъ,— чрезвычайно изумилась, когда увидѣла, что французская республика такъ мало подходила къ этимъ идеаламъ. Шарлотта Кордэ раздѣляла взгляды жирондистовъ; она чтила вождей этой партіи и ненавидѣла якобинцевъ, потому что они были врагами жирондистовъ. Говорятъ, будто прекрасная, серьезная и талантливая Шарлотта любила одного роялистическаго офицера, который былъ казненъ за свои убѣжденія и будто его смерть зажгла въ ней непримиримую ненависть къ якобинцамъ. Эта дѣвушка въ Маратѣ видѣла несчастье своей родины и приняла твердое рѣшеніе убить Марата, чтобы спасти родину.

Мотивы, укрѣпившіе въ ней это рѣшеніе, конечно, въ своей существенной части останутся навсегда тайной. Играли ли здѣсь роль суетность и тщеславіе, хотѣла ли эта дѣвушка сыграть роль въ революціи, чтобы передать свое имя потомству? Были ли въ ней ненависть къ якобинцамъ и сочувствіе къ ея гонимымъ друзьямъ достаточно сильными для того, чтобы въ ея душѣ могло созрѣть такое рѣшеніе? Впослѣдствіи говорили, будто она питала страстную любовь къ жирондисту Барбару, человѣку необычайной красоты, а Барбару не отвѣчалъ на ея любовь, и будто эта безнадежная любовь сдѣлала для Шарлотты жизнь невыносимой, и она рѣшила пожертвовать своею жизнью и уничтожить вмѣстѣ съ тѣмъ самаго опаснаго и ненавистнаго врага жирондистовъ. Но для этого нѣтъ никакихъ доказательствъ, также какъ невозможно доказать и того, чтобы жирондисты подстрекали Шарлотту Кордэ къ убійству Марата.

Какъ бы то ни было, Шарлотта въ первой половинѣ іюля 1793 г. уѣхала изъ Каена въ Парижъ. Она была настолько всецѣло погло-

щена своимъ планомъ, что отвергла одно очень подходящее предложеніе руки, вызванное ея красотою и сдѣланное ей по дорогѣ. Она прибыла въ Парижъ и запаслась большимъ острымъ ножомъ, который она спрятала въ платкѣ, покрывавшемъ ея грудь. Сперва она хотѣла убить Марата въ самомъ конвентѣ, на Горѣ; но тутъ она узнала, что Маратъ боленъ и сидитъ теперь дома. Два раза должна была она приходить къ нему, раньше чѣмъ ее допустили къ Марату. Шарлотта сказала, что она ревностная патріотка изъ Кальвадо, что она имѣетъ сообщить Марату важныя вѣсти и этимъ устранила подозрѣнія подруги Марата, Симони. Она также письменно сообщила Марату, что хочетъ разоблачить передъ нимъ жирондистскіе комплоты въ Каенѣ.

Когда Шарлотта снова пришла къ Марату, работница изъ типографіи не хотѣла пропустить ее къ нему. Маратъ сидѣлъ въ это время въ ваннѣ и писалъ; онъ услыхалъ разговоръ за своей дверью и велѣлъ впустить незнакомку. Симони, бывшая въ комнатѣ Марата, вышла. Шарлотта сѣла возлѣ Марата, закутаннаго простыней, такъ что онъ не могъ хорошо наблюдать за нею. Онъ и не подозрѣвалъ ничего дурного и спросилъ, что новаго въ Каенѣ. Шарлотта сказала, что тамъ собралось восемнадцать бѣглыхъ жирондистовъ, которые съ согласія управленія департамента захватили власть въ свои руки. Она назвала ихъ имена и Маратъ записалъ ихъ. Затѣмъ онъ сказалъ: „Ладно; недолго уже имъ своевольничать: скоро пойдутъ они на гильотину!“ Шарлотта вскакиваетъ, вынимаетъ ножъ, который она держала наготовѣ, и вонзаетъ его по самую рукоятку въ грудь ничего не предчувствовавшаго Марата. „Сюда, милый другъ, сюда!“ вскрикиваетъ Маратъ надломленнымъ голосомъ къ Симони и, испуская духъ, падаетъ въ окрававленную воду. Когда прибѣжала Симони, жизнь его уже угасла. Шарлотта Кордэ стоитъ, какъ окаменѣлая; сбѣжавшіеся сосѣди схватили ее и передали властямъ, которымъ лишь съ трудомъ удалось защитить ее отъ взрыва народной ярости.

Въ Парижѣ было необычайное возбужденіе; убитаго „друга народа“ съ большимъ торжествомъ похоронили въ саду кордельеровъ. Знаменитый живописецъ Давидъ нарисовалъ его портретъ, который былъ помѣщенъ въ конвентѣ и впослѣдствіи уничтоженъ роялистами.

Послѣ Марата остался наличными деньгами одинъ ассигнатъ въ 25 sols (около 30 копѣекъ золотомъ). Демократія, послѣ его смерти, идолопоклонствовала передъ нимъ, что было столь же пошло, какъ и мерзости реакціонеровъ и „порядочныхъ людей“, которые впослѣдствіи взяли прахъ Марата изъ Пантеона и бросили его въ клоаку.

Въ крайностяхъ системы ужаса всегда обвиняли, главнымъ образомъ, Марата. Но въ дѣйствительности, настоящая система ужаса началась лишь послѣ его смерти, потому что съ 17 августа 1792 года, когда былъ учрежденъ первый революціонный комитетъ, до дня

смерти Марата осуждено въ Парижѣ, въ качествѣ заговорщиковъ, всего 64 человѣка. Со дня же смерти Марата до низверженія Робеспьера, въ промежутокъ времени нѣсколько больше 11 мѣсяцевъ, казнено 2,572 челов. Маратъ никогда даже не пытался взводить на эшафотъ настоящихъ демократовъ изъ личной ненависти; всѣ свои нападенія онъ направлялъ на враговъ демократіи. Судьба пощадила его отъ того зрѣлища, какъ Гора стала терзать свою же собственную грудь. Онъ называлъ себя „окомъ народа"—и совершенно основательно, потому что своимъ зоркимъ взглядомъ онъ видѣлъ дальше всѣхъ. Его постигла та же участь, которая не миновала и многихъ иныхъ: за то, что онъ отстаивалъ интересы бѣднаго люда, на него обрушилась ненависть людей богатыхъ и сильныхъ и ихъ приспѣшниковъ. Клевета исказила его образъ. Безпристрастные же люди видятъ въ немъ человѣка страстнаго, неугомоннаго, но исполненнаго любовью къ народу и справедливости, а отнюдь не то пугало, какимъ его стараются выставить реакціонные и мѣщанскіе историки.

Шарлотта Кордэ была предана суду революціоннаго трибунала; здѣсь она проявила большое и непоколебимое мужество. Но на допросѣ она сама признала безуміе своего поступка. „Чего хотѣли вы достигнуть убійствомъ Марата?" спросилъ ее президентъ трибунала.—„Я хотѣла положить конецъ волненіямъ во Франціи,—отвѣтила Шарлотта:—и возвратить моей родинѣ миръ".—„Думаете ли вы, что вы убили всѣхъ Маратовъ?" спросилъ ее снова президентъ.—„Нѣтъ", печально сказала Шарлотта; но затѣмъ она воскликнула громкимъ голосомъ: „Я убила *одного* человѣка, чтобы спасти сотни тысячъ,—убила *одного* злодѣя, чтобы спасти многихъ людей!" Этимъ Шарлотта показала, что она не понимала хода революціи.

Она была приговорена къ смертной казни и казнена 15 іюля. Парижане тысячами толпились, когда ее везли на эшафотъ; ея молодость и красота волновали многихъ. Рабочіе же, лишенные своего могучаго защитника, пылали къ ней дикой яростью. Одинъ депутатъ, нѣмецъ Люксъ изъ Майнца, влюбился въ нее до безумія; онъ заявилъ, что она „выше Брута", и пошелъ на эшафотъ. Сама же Шарлотта умерла съ большимъ мужествомъ. Палачъ поднялъ ея отрубленную голову и далъ ей пощечину; народъ отвѣтилъ на это ропотомъ негодованія, и власти наказали палача.

Шарлотта Кордэ ошиблась. Думая, что однимъ ударомъ ножа она можетъ дать миръ Франціи, она преувеличивала свое собственное значеніе и значеніе Марата.

Герцогъ Брауншвейгскій, оправившись отъ невзгодъ, вынесенныхъ имъ въ Шампани, рѣшилъ напасть на занятый французами Майнцъ. Онъ перешелъ Рейнъ, близъ Бахараха, и оттѣснилъ отъ

Майнца французовъ, стоявшихъ здѣсь подъ начальствомъ неспособнаго генерала Богарнэ, такъ что теперь онъ могъ уже совершенно блокировать крѣпость.

Въ Майнцѣ съ помощью французовъ достигла полнаго господства и взяла въ свои руки все правленіе и управленіе страной демократическая партія, которую отъ клуба, засѣдавшаго въ старинномъ курфюршескомъ замкѣ, называли „клубистами". Былъ созванъ рейнско-нѣмецкій національный конвентъ, президентомъ котораго былъ рѣшительный республиканецъ, профессоръ Гофманъ изъ Вюрцбурга. Этотъ конвентъ объявилъ всѣ земли отъ Ландау до Бингена республикой и удалилъ всѣхъ крупныхъ и мелкихъ владѣтельныхъ особъ, всѣ духовныя и свѣтскія власти. Затѣмъ было рѣшено о включеніи страны въ составъ французской республики и съ этой цѣлью была послана въ Парижъ депутація изъ трехъ членовъ, между которыми находился и знаменитый ученый Георгъ Форстеръ.

Но тѣмъ временемъ пруссаки окружили Майнцъ и все дальше и дальше оттѣсняли Богарнэ. Они подвергли Майнцъ страшной бомбардировкѣ, но онъ держался съ неменьшимъ упорствомъ. Полъ-города лежало уже въ развалинахъ, и 22 іюля 1793 г. французскій гарнизонъ, за отсутствіемъ продовольствія, долженъ былъ сдаться. Побѣдители сурово расправлялись съ демократами и клубистами, помѣстивъ ихъ въ майнцскія крѣпости Кенигштейнъ и Петерсбергъ (близъ Эрфурта). Кюрфуршеское правительство было снова возстановлено. Такъ исчезло рейнско-нѣмецкая республика съ той же быстротой, съ какой она и возникла; французскій же гарнизонъ Майнца отправился въ Вандею, потому что онъ для полученія свободнаго пропуска долженъ былъ дать обѣщаніе не участвовать впредь въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ союзниковъ. А въ Вандеѣ дѣла конвента шли плохо. Правда, войскамъ конвента легко удалось уничтожить вызванное жирондистами федералистическое возстаніе. Роялистическій генералъ Вимпффенъ (Wimpffen), командовавшій отрядами, собравшимися въ Каенѣ, потерпѣлъ 15 іюля 1793 г. при Вернонѣ столь позорное пораженіе, что жирондистовъ охватилъ паническій страхъ, и они бѣжали изъ Каена. Города: Ліонъ, Бордо, Марсель и Тулонъ ограничивались лишь принятіемъ оборонительныхъ мѣръ. Тулуза же подчинилась конвенту.

Но Вандея оказывала конвенту энергичное и страшное сопротивленіе. Отряды инсургентовъ почти вездѣ разбивали республиканскія войска. Въ Сомюрѣ, разбивъ неспособнаго генерала Мену, они захватили 80 орудій и 10.000 ружей; они взяли также Анжеръ. Вандейскія арміи сошлись на нижней Луарѣ и хотѣли взять Нантъ, напавъ на него въ числѣ 30,000 человѣкъ. Республиканскій генералъ Канкло, защищавшій Нантъ, едва имѣлъ въ своемъ распоряженіи 10,000 ч., и то еще половина ихъ состояла изъ національныхъ гвардей-

цевъ. Уже казалось, что яростное нападеніе вандейцевъ на Нантъ удастся, какъ былъ смертельно раненъ пулею главнокомандующій инсургентовъ, Кателино. Смерть любимаго и уважаемаго вождя такъ испугала вандейцевъ, что они отступили. Такимъ образомъ, Нантъ устоялъ въ большой битвѣ 29 іюня. Тѣмъ временемъ Вестерманъ, командовавшій республиканскимъ войскомъ и побѣдоносно прошедшій до Шатильона, потерпѣлъ 5 іюля такое пораженіе, что потерялъ все свое войско и орудія. Вандейскія войска неоднократно отступали въ лѣса, но тамъ они снова пополнялись, и, послѣ каждаго пораженія, снова являлись столь же страшными, какъ и прежде.

Эта ужасная гражданская война велась съ самыми изысканными жестокостями съ обѣихъ сторонъ. Республиканцы, озлобленные возстаніемъ, предательски напавшимъ съ тыла на республику, когда на нее шла почти вся Европа, повсюду свирѣпствовали огнемъ и мечомъ, за что вандейцы мстили имъ разстрѣливаніемъ плѣнныхъ; ихъ ставили при этомъ передъ ямами, выкопанными для ихъ труповъ, и вандейцы хвастались, что они поступаютъ человѣчнѣе республиканцевъ, потому что они позволяютъ плѣннымъ исповѣдываться передъ разстрѣляніемъ.

Эта гражданская война терзала внутренности Франціи. Жестокости, столь обычныя въ гражданскихъ войнахъ, всегда оскорбляютъ чувство человѣчности, но здѣсь политическій фанатизмъ, достигшій крайней степени у обѣихъ сторонъ, довелъ эти жестокости до невѣроятныхъ размѣровъ.

Когда правительство республики вооружало и обучало военному дѣлу громадныя массы народа, чтобы защищать границы отъ угрожающихъ враговъ; когда внутри Франціи свирѣпствовали возстанія и наступило разстройство во всѣхъ дѣлахъ, доведшее во многихъ мѣстностяхъ недостатокъ продовольствія и вообще бѣдствія до самой послѣдней степени,—конвентъ придумывалъ средства дать новый толчекъ народному воодушевленію. Положеніе Франціи было теперь,—если это возможно,—еще хуже, чѣмъ въ сентябрѣ 1792 года, когда пруссаки шли на Парижъ, а реакція поднимала голову внутри страны. Возникла мысль, почтить принятіе конституціи 1793 года празднествомъ братства и именно 10 августа, въ день низверженія династіи Бурбоновъ. При этомъ можно было видѣть, какъ быстро повернулось колесо революціи, потому что многіе изъ выдающихся политиковъ, подготовившихъ 10 августа, сидѣли теперь въ тюрьмахъ или скрывались, какъ объявленные внѣ закона.

Представители 44,000 общинъ Франціи толпой устремились въ Парижъ; явилось, можетъ быть, около 8,000 представителей первичныхъ собраній. Только Вандея, Корсика, Марсель, Тулонъ и Ліонъ не послали своихъ представителей. Въ другихъ мѣстахъ первичныя

собранія вездѣ приняли конституцію; одна лишь община Сенъ-Точнатъ въ Сѣверномъ департаментѣ отвергла конституцію и высказалась за Бурбоновъ.

10 августа состоялся торжественный праздникъ федераціи: празднество это устраивалъ знаменитый живописецъ Давидъ, одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ членовъ партіи Горы.

Утромъ въ 4 часа на площадь Бастиліи явился конвентъ, представители общинъ и 83 старѣйшинъ изъ департаментовъ. Здѣсь былъ устроенъ большой фонтанъ, фонтанъ возрожденія. Изъ грудей высокой статуи, изображавшей природу, текла въ водоемъ холодная вода. Геро де-Сешелль, президентъ конвента, руководилъ празднествомъ. Подоспѣли клубы и вооруженныя секціи, восходъ солнца былъ встрѣченъ громовыми звуками Марсельезы, вырывающимися изъ многихъ тысячъ грудей. Затѣмъ, Геро, красивый молодой человѣкъ, выступилъ впередъ и взялъ сосудъ. Онъ зачерпнулъ воду изъ источника возрожденія, окропилъ ею землю и выпилъ самъ. 83 старѣйшины также пили эту воду. Затѣмъ, торжественное шествіе направилось на площадь революціи. Члены конвента несли пучки колосьевъ и въ особомъ ковчегѣ—конституціонную грамоту. Старѣйшины несли масличныя вѣтви и копья.

На площади революціи была сожжена «колесница несчастныхъ грѣшниковъ», нагруженная эмблемами рабства, и изъ ея пламени возстала статуя свободы, привѣтствуемая громомъ орудій. Тысячи птицъ, украшенныя трехцвѣтными лентами, взлетѣли на воздухъ, чтобы разнести вѣсть о свободѣ и братствѣ французовъ во всѣ страны.

Затѣмъ, шествіе двинулось на Марсово Поле, гдѣ были возложены на алтарь отечества грамоты голосованій департаментовъ. Здѣсь, среди грома орудій была произнесена клятва защищать конституцію до послѣдняго издыханія. Послѣ этого президентъ связалъ копья старѣйшинъ въ одинъ пучекъ, изображая этимъ узы, соединяющія департаменты. Этотъ пучекъ копій сталъ эмблемой республики, какъ нѣкогда fasces у римлянъ.

Народныя торжества завершились великолѣпнымъ празднествомъ, которое оставило глубокое и неизгладимое впечатлѣніе во всѣхъ участникахъ, и французскій народъ дружно собрался вокругъ конвента. Представители коммунъ согласились, чтобы конституція не вступала въ силу до окончанія великой борьбы, и одобрило энергичную и террористическую политику Горы.

Послѣ праздника федераціи Гора была сплочена и укрѣплена. Но Геро, руководившій праздникомъ федераціи и составившій конституцію 1793 года, уже черезъ три четверти года долженъ былъ взойти на эшафотъ.

Если Гора была неразборчива въ средствахъ, принимавшихся ею для защиты Франціи, то къ этому она была вынуждена поведеніемъ Питта, который оказался еще менѣе разборчивымъ въ своихъ средствахъ. Британскій государственный дѣятель, казалось, рѣшилъ уничтожить республику во что бы то ни стало,—во-первыхъ, потому, что онъ надѣялся этимъ навсегда ослабить Францію и доставить прочныя выгоды англійской торговлѣ, а во-вторыхъ, также и потому, что, какъ настоящій британскій аристократъ, онъ всею душою ненавидѣлъ революцію. Онъ не задумывался пускать въ дѣло всѣ средства, чтобы ввергнуть французскій народъ въ самыя страшныя лишенія, и надѣялся уморить демократію голодомъ. Послѣ низверженія жирондистовъ, Англія блокировала всѣ французскія гавани и даже захватывала нейтральные корабли, подвозившіе товары во Францію. Это увеличило бѣдствія во Франціи до крайней степени.

Кромѣ того, Питтъ выпускалъ цѣлые милліарды поддѣльныхъ ассигнатовъ и распространялъ ихъ во Франціи изъ Швейцаріи и Италіи. Это еще быстрѣе понижало и безъ того падавшій курсъ ассигнатовъ: англійскій государственный мужъ не стыдился прибѣгать къ такому средству, на которое частные люди смотрятъ, какъ на самое гнусное преступленіе. Французовъ, понятно, очень раздражала эта масса поддѣльныхъ ассигнатовъ, и за распространеніе ихъ они наказывали смертью. Было извѣстно, что въ одномъ городкѣ, Кузелѣ, въ Пфальцѣ близъ французской границы существуетъ фабрика для поддѣлыванія ассигнатовъ. Такъ какъ этой фабрики нельзя было открыть, то по приказанію депутата Гентца, былъ сожженъ весь городъ, что, понятно, не помѣшало англичанамъ продолжать распространеніе поддѣльныхъ ассигнатовъ ко вреду республики.

Еще въ началѣ 1793 года ассигнатовъ было выпущено на сумму номинальной стоимости около $3^1/_2$ милліардовъ. Первоначально было постановлено уничтожать эти квитанціи, ставшія бумажными деньгами, если онѣ поступаютъ въ уплату за отчуждаемыя національныя имущества. Камбонъ изъ Монпеллье, управлявшій, въ качествѣ члена комитета благосостоянія, финансами, прозванный, хотя и неосновательно, „палачемъ финансовъ“, сжегъ на 1 милліардъ ассигнатовъ; но въ остальныхъ случаяхъ поступавшіе ассигнаты снова пускались въ обращеніе, а если правительство нуждалось въ деньгахъ, то печатало новые ассигнаты, въ какомъ угодно количествѣ.

Этой бумажно-финансовой системой, служившей гипотекой національнымъ имуществамъ, правительство могло спасать себя изъ кризисовъ революціи, но народъ страшно страдалъ отъ колебанія цѣнностей денежнаго и товарнаго рынковъ. Если торговля была подорвана и почти уничтожена уже блокадой гаваней и закрытіемъ границъ, то переполненіе страны революціонными бумажными деньгами страшно подняло цѣны на всѣ товары. Металлическія деньги, став-

шія въ данномъ случаѣ также товаромъ, попадались крайне рѣдко; масса товаровъ совершенно исчезла съ рынка, потому что владѣльцы не хотѣли отдавать ихъ за бумажныя деньги. Безъ реквизицій и раціоновъ хлѣба, выдаваемыхъ коммуною, парижскому населенію пришлось бы умереть съ голоду. Къ этому еще присоединились ростовщичество и спекуляція. Все еще было достаточно безсовѣстныхъ людей, которые среди этихъ бѣдствій старались обогатиться и способствовали увеличенію зла. По одному указателю курса изъ Базеля въ январѣ 1793 года сто ливровъ ассигнатами стоили 55 ливровъ на металлическія деньги; этотъ курсъ падалъ каждый мѣсяцъ, упалъ въ сентябрѣ до 29, затѣмъ, въ ноябрѣ поднялся снова до 44; а въ декабрѣ до 51. Такое повышеніе было слѣдствіемъ побѣдъ, одержанныхъ республиканскими войсками.

Продавцамъ товаровъ было еще хорошо потому, что они брали ассигнаты по курссу: иначе они не отпускали товаровъ. Но раньтье и государственные кредиторы должны были получать свои проценты по номинальной стоимости; рабочіе и чиновники получали плату и жалованье ассигнатами также по номинальной стоимости. Несоотвѣтствіе между цѣнами товаровъ и денежнымъ курсомъ стало столь значительнымъ и бѣдствія дошли до такой степени, что уже въ маѣ рѣшено было прибѣгнуть къ чрезвычайной мѣрѣ противодѣйствія, къ такъ называемому максимуму цѣнъ. Мѣра эта была предложена Тиріономъ и принята въ конвентѣ уже въ началѣ мая. Жирондисты настойчиво возражали противъ нея; она нѣсколько смягчила самыя рѣзкія бѣдствія, но слѣдствіемъ ея было множество волненій и противодѣйствій. Сперва было воспрещено подъ страхомъ строгаго наказанія обмѣнивать золото и серебро на ассигнаты выше номинальной стоимости. Этимъ хотѣли уничтожить ажіотажъ. Но такъ какъ невозможно было устранить экономическіе законы, управляющіе денежнымъ рынкомъ, то зло осталось въ прежней силѣ, золотая и серебряная монета все-таки цѣнилась выше ассигнатовъ, циркулировавшихъ въ громадномъ количествѣ. Ажіотажъ продолжался. Былъ воспрещенъ вывозъ и сбереганіе металлическихъ денегъ. 4 мая 1793 г. была установлена максимальная цѣна на хлѣбъ, затѣмъ,— на мясо, зелень, горючіе матеріалы, мыло, овощи, напитки, обувь, платье и т. п. всевозможные предметы. Но скоро конвентъ увидѣлъ себя вынужденнымъ опредѣлить максимальную цѣну не только готовыхъ товаровъ, но и сырого матеріала. Примѣненіе этого закона было очень затруднительно. Оказалось нужнымъ безчисленное множество обысковъ, разслѣдованій, отнимавшее много времени изготовленіе таблицъ и т. п. Порядокъ, установившійся въ торговлѣ и торговыхъ сношеніяхъ, былъ уничтоженъ. Товары все больше и больше уходили съ рынка, такъ что впослѣдствіи скрытіе запасовъ предметовъ первой необходимости наказывалось смертью. Скоро стало яснымъ, что эти

мѣропріятія и частная торговля должны всегда стоять въ непримиримомъ противорѣчіи другъ къ другу, и членъ комитета Дюбуа-Крансэ предложилъ поэтому, чтобы власти основали во всѣхъ городахъ и селахъ магазины, въ которыхъ бы продавались съѣстные припасы за сумму, равную стоимости ихъ производства съ небольшою надбавкою. Но этотъ призывъ къ національзаціи торговли хлѣбомъ и предметами первой необходимости остался безуспѣшнымъ. Въ рѣшеніи вопроса о цѣнахъ конвентъ не пошелъ дальше максимума.

Партія Горы не пришла къ организаціи производства и потребленія по новымъ идеямъ; да и идей такого рода тогда не было. Лишь Бабефъ представилъ продуманную новую соціально-экономическую систему, но и она, сравнительно съ выработаннымъ теперь соціализмомъ, является очень недостаточною. Гора издавала экономическія правила, которыя казались ей самыми подходящими въ данную минуту, но она не всегда была счастлива съ ними. Ассигнаты и максимумъ помогали поддерживать революцію — въ связи съ терроромъ, выдвинутымъ національной юстиціей противъ враговъ революціи. Но можно сказать, что страшная борьба, которую конвенту пришлось вести со столь многочисленными врагами, не давала ему времени заняться глубокими соціально-экономическими проблемами.

Парижское населеніе чрезвычайно страдало отъ недостатка припасовъ, отъ паденія курса бумажныхъ денегъ и соединенныхъ съ этимъ золъ. Что оно, помогая уничтоженію враговъ, геройски терпѣло такія бѣдствія, это величайшая жертва, принесенная парижскимъ населеніемъ ради революціи.

Гора уже давно возвѣстила міру свои демократическіе принципы, основанные на соціальной философіи Жанъ-Жака Руссо; въ противоположность жирондистамъ, которые умѣли отстаивать лишь интересы „порядочныхъ людей“, она явилась представительницей всенародной демократіи со свободой, равенствомъ и братствомъ. Она хотѣла основать республику для всего народа, а не для одного лишь класса. Но чрезвычайныя обстоятельства принудили ее теперь подавить въ себѣ всѣ чувства человѣчности и прибѣгнуть къ тѣмъ мѣрамъ насилія, отъ которыхъ только и можно было ожидать спасенія Франціи.

Представители муниципалитетовъ, явившіеся на праздникъ союза въ Парижъ, потребовали отъ конвента трехъ крупныхъ мѣропріятій: пріостановки дѣйствія конституціи до заключенія мира, народнаго ополченія, продолженія революціоннаго состоянія или революціоннаго правленія, которое дѣйствовало бы самыми энергичными мѣрами, и, наконецъ, ареста всѣхъ подозрительныхъ лицъ.

Конвентъ безъ колебаній выполнилъ эти требованія. 23 августа

было рѣшено новое массовое ополченіе; этимъ рѣшеніемъ всѣ французы, способные къ ношенію оружія, призывались явиться на защиту отечества. Декретъ гласилъ: „Французскій народъ объявляетъ черезъ своихъ представителей, что онъ всей своей массой поднимется для защиты своей свободы, конституціи и для окончательнаго освобожденія своей земли отъ враговъ. Съ этого момента до тѣхъ поръ, пока непріятели не будутъ прогнаны съ территоріи республики, всѣ французы готовы нести военную службу въ арміяхъ. Молодежь пойдетъ въ битвы; женатые люди будутъ ковать оружіе и заботиться о доставкѣ продовольствія; женщины будутъ приготовлять палатки, одежду, бѣлье и служить въ госпиталяхъ; дѣти станутъ щипать корпію и, наконецъ, старики выступятъ на общественныя площади, чтобы всенародно поддерживать мужество воиновъ".

Конвентъ вдохнулъ свою страстную энергію во всю Францію; больше милліона французовъ сбѣжалось подъ знамена, и было образовано четырнадцать армій.

28 августа объявлено, что революціонное состояніе продолжается. Этимъ было распространено на всю Францію военное положеніе, что въ данномъ случаѣ являлось мѣрой, необходимой для общественнаго блага. Наконецъ, 17 сентября явился законъ о подозрительныхъ, предписывавшій арестовывать всѣхъ лицъ, заподозрѣнныхъ во враждебности къ республикѣ. Сѣть эту выплелъ Мерленъ изъ Дуэ, и всѣ подозрительные должны были попасть въ нее.

Революціонное правительство, вновь образовавшееся теперь подъ именемъ комитета благосостоянія и имѣвшее достаточно смѣлости, чтобы вступить въ борьбу со столь многочисленными врагами, было совершенно диктаторскимъ, что и требовалось въ данную минуту; оно наложило свою руку на всѣ дѣла Франціи. Комитетъ благосостоянія получилъ новую силу. Въ этомъ знаменитомъ комитетѣ собрались самые рѣшительные и энергичные государственные дѣятели революціи. Здѣсь находился Барреръ, бывшій обыкновенно оффиціальнымъ ораторомъ комитета въ конвентѣ; его умѣло составленные доклады вызывали новое воодушевленіе народа; Колло д'Эбруа и Билло-Вареннъ, давно уже выдвинувшіеся въ клубѣ якобинцевъ, завѣдывали сношеніями комитета съ департаментами; здѣсь былъ Сенъ-Жюстъ, юноша бурныхъ порывовъ и стремленій, вмѣстѣ съ другимъ другомъ Робеспьера, Кутономъ, разбитое тѣло котораго не могло ослабить его революціонной энергіи; здѣсь же были: Геро де-Сешелль, Ландэ, оба Пріера и Жанъ-Бонъ Сентъ-Анре. Дантонъ не вступилъ въ комитетъ. Тюріо и Гаспаренъ вышли изъ комитета и вмѣсто нихъ теперь поступили два человѣка, которые собственно и должны были придать комитету его полное значеніе: Робеспьеръ и Карно.

Робеспьеръ, входя въ составъ правительства, дѣлалъ его очень популярнымъ. Изъ руководящихъ государственныхъ людей этого вре-

мени онъ пользовался самымъ большимъ вліяніемъ на массы. Народъ почтилъ его именемъ „Неподкупнаго“. Ему была знакома простая фигура Робеспьера, такъ же какъ и его простая жизнь. Онъ жилъ у одного столяра, на дочери котораго онъ впослѣдствіи хотѣлъ жениться, когда настанутъ болѣе спокойныя времена. Его непритязательность много способствовала увеличенію его популярности; онъ всегда являлся въ одномъ и томъ же простомъ синемъ сюртукѣ, желтомъ жилетѣ и желтыхъ брюкахъ. Рѣчи его были очень тщательно обработаны и разсчитаны преимущественно на революціонныя страсти. Онъ безпрестанно обвинялъ враговъ народа, и народъ отвѣчалъ ему полнымъ довѣріемъ. Послѣ смерти Марата, Робеспьеръ еще больше выступилъ на первый планъ. Своимъ участіемъ въ комитетѣ благосостоянія онъ чрезвычайно увеличилъ его силу. Онъ уже началъ затемнять собою Дантона, у котораго проявленія необычайной энергіи смѣнялись полною вялостью. Съ этихъ поръ голосъ Робеспьера слыхала вся Европа. Показалась уже тѣнь его грядущей диктатуры.

Съ Карно явился, наконецъ, въ комитетѣ военный геній, въ которомъ онъ такъ нуждался. До революціи Карно былъ инженернымъ офицеромъ. Гордый и вмѣстѣ съ тѣмъ скромный, человѣкъ строгихъ правилъ, онъ какъ въ опасностяхъ революціи, такъ и во время наполеоновскаго деспотизма, всегда обнаруживалъ одинъ и тотъ же благородный характеръ. Его геній создалъ совершенно новое военное искусство. Безпорядочныя толпы массового ополченія Карно превратилъ въ стройныя, прекрасно вооруженныя арміи. Противъ коалиціи онъ выставилъ четырнадцать армій, которыя оперировали на границахъ по его плану. Противъ союзниковъ, все еще державшихся старой тяжеловѣсной линейной тактики, арміи Карно дѣйствовали стычками, въ разсыпную и имѣли полнѣйшій успѣхъ. Геній Карно отразилъ союзниковъ, вторгшихся во Францію, на всѣхъ границахъ,—и никто въ большей степени, чѣмъ онъ, не заслужилъ своего почетнаго имени, когда его назвали „Организаторомъ Побѣды“.

Комитетъ благосостоянія взялъ на себя, хотя и непризнанную, но фактическую диктатуру, и конвентъ не представлялъ никакихъ возраженій, потому что она была необходима. Комитетъ безопасности получилъ новый составъ: онъ состоялъ изъ различныхъ членовъ партіи Горы, между которыми, впрочемъ, было нѣсколько грубыхъ людей, продѣлывавшихъ жестокія издѣвательства надъ арестованными и осужденными. Комитетъ безопасности представлялъ собою высшее полицейское учрежденіе въ правительствѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, революціонный трибуналъ также получилъ новый составъ. Президентомъ его теперь былъ Дюма, который, впрочемъ, впослѣдствіи относился къ этому суду, какъ къ своего рода неистовству, и Фукье-Тенвилль, въ качествѣ обвинителя, началъ создавать себѣ свое страшное имя. Но дѣятельность этого трибунала не

мало компрометировала революцію, такъ какъ вслѣдствіе того, что приходилось рѣшать дѣла съ соблюденіемъ судебныхъ формальностей, часто нужно было выдумывать преступленія тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было. Фукье-Тенвилль былъ человѣкъ, довольно подходящій для этого дѣла, но его обвиненія и заключенія не часто отличались умомъ.

Трибуналъ долженъ былъ въ этой борьбѣ оглушать враговъ республики быстрыми и страшными ударами. Но онъ съ самаго же начала впалъ въ опасную ошибку, осуждая за пустяки и совершенно незначительныхъ людей. „Думали,—говоритъ одинъ современникъ: —что трибуналъ учрежденъ не для большихъ преступниковъ".

Такъ было организовано то революціонное правительство, которое носитъ имя правительства ужаса, потому что оно обезоружило своихъ враговъ ужасомъ своихъ мѣропріятій. Если бы одержали верхъ враги этого правительства, то Францію постигли бы несравненно большіе ужасы.

Комитетъ благосостоянія принималъ свои мѣры для защиты республики въ широкихъ размѣрахъ; коммуна же занялась положеніемъ парижскаго населенія. Рабочіе этого большого города въ своихъ недавнихъ движеніяхъ сдѣлали все, чтобы двинуть впередъ конвентъ. 31 мая и 2 іюня они массами явились на призывъ набата. Они готовы были каждую минуту все сдѣлать для республики, но они не могли удовольствоваться только одними политическими мѣропріятіями Горы. Они требовали хлѣба. Еще во время низверженія жирондистовъ, предмѣстья требовали учрежденія, такъ называемой, революціонной арміи; затѣмъ, они требовали установленія постоянной цѣны на хлѣбъ въ три су за фунтъ и основанія оружейныхъ фабрикъ для народа. Конвентъ колебался. Но 4 сентября 1793 г. бѣдствія въ предмѣстьяхъ снова до того возрасли, что возникло большое волненіе на площади Гревэ. Прокуроръ коммуны, Шометтъ прочелъ декретъ конвента объ установленіи максимума, но толпа отвѣчала, что она ничего не можетъ сдѣлать съ этимъ декретомъ, что ей сейчасъ же нуженъ хлѣбъ. Коммуна доставила все, самое необходимое. На слѣдующій день Шометтъ и Пашъ съ депутаціей коммуны явились въ конвентъ. Они изобразили бѣдствія народа, и конвентъ рѣшилъ организовать революціонную армію въ 6,000 человѣкъ. Эта армія, начальство надъ которой вручено генералу Ронсену,—бывшему раньше писателемъ,—должна была ходить по странѣ, задерживать аристократовъ, обезпечить собираніе и доставку предметовъ первой необходимости и всѣми способами содѣйствовать дѣлу республики. Эту армію сопровождалъ подвижной эшафотъ.

Коммуна взяла на себя выполненіе закона о подозрительныхъ, и конвентъ возобновилъ позволеніе производить ночные обыски. Ре-

волюціонные комитеты въ муниципалитетахъ были замѣщены новыми людьми и члены ихъ получали по три франка въ день. Затѣмъ, по иниціативѣ коммуны было постановленно, что каждая секція въ Парижѣ должна имѣть по два засѣданія въ недѣлю. За участіе въ этихъ засѣданіяхъ каждому члену секціи, живущему своимъ трудомъ, должно было уплачиваться по 40 су (2 франка). Это постановленіе стояло въ связи съ другимъ, по которому рабочіе за службу въ вооруженныхъ секціяхъ получали по 2 франка поденной платы.

Эти мѣропріятія имѣли гораздо болшее значеніе, чѣмъ самыя красивыя декламаціи самыхъ лучшихъ ораторовъ конвента. Они дали пролетаріату предмѣстій то убѣжденіе, что руководящія силы революціи рѣшились улучшить участь также и бѣднаго человѣка. Положеніе Парижа было совершенно необычайное; торговля и ремесла остановились и невозможно было ничего заработать. Поэтому было вполнѣ справедливымъ, что правительство подало руку помощи народу, который былъ его лучшей опорой и терпѣлъ величайшія лишенія, и увеличило вмѣстѣ съ тѣмъ его интересъ къ политическимъ дѣламъ, какъ бы вмѣнивъ ему въ обязанность посѣщеніе секціонныхъ собраній. Реакціонные историки сравнивали эти вспомоществованія народу съ „panem et circenses“ въ древнемъ Римѣ. Но они забыли, что Парижъ былъ въ исключительныхъ условіяхъ, и что древне-римскій пролетаріатъ содержался на счетъ общества, тогда какъ современное общество само основано на трудѣ пролетаріата.

Конвентъ и коммуна дѣйствовали въ это время въ полномъ согласіи, хотя власть коммуны была ослаблена возобновленіемъ революціонныхъ комитетовъ, „этого чудовища, державшаго Францію въ 44.000 рукъ“.

Таковы были основы, на которыхъ опиралась, такъ называемая, система ужаса. Правительство революціи, обладая громадною властью, которую ему доставила эта система, взяло на себя отвѣтственность за все и поразило всѣхъ враговъ. Мы увидимъ, какъ дѣйствовала система ужаса и какъ она вслѣдствіе своего вырожденія стала пагубной.

Энергіей и предусмотрительностью руководящей власти конвентъ въ непродолжительное время одержалъ верхъ во Франціи. Вскорѣ подчинился ему Бордо. Городъ этотъ былъ подвергнутъ довольно мягкому наказанію, потому что коммисаръ конвента, Талльянъ, посланный въ Бордо, познакомился здѣсь съ дочерью испанскаго банкира Кабаррю, г-жею де-Фонтенэ, которая совсѣмъ обворожила его своею красотою и склонила къ мягкимъ мѣрамъ. Впослѣдствіи она стала его женою, и мы еще снова встрѣтимъ ее послѣ паденія системы ужаса.

Марсель сдался еще въ августѣ, и конвентъ черезъ депутата

Фрерона подвергъ его кровавому наказанію. Городъ потерялъ свое имя и сталъ называться „Безымянной Общиной".

Участь Марселя вызвала въ Тулонѣ страшную панику; тулонцы, страшась мести конвента, бросились въ объятія англичанъ. Почти всѣ военные корабли Франціи стояли въ тулонской гавани; теперь они были переданы англичанамъ, и англійскій адмиралъ Гудъ (Hood) явился въ Тулонъ, гдѣ онъ обявилъ конституцію 1791 года и восьмилѣтняго Людовика XVII королемъ. За эту измѣну Тулонъ долженъ былъ понести страшное наказаніе. Тѣмъ временемъ шла ожесточенная борьба за Ліонъ, гдѣ собралось много роялистовъ, защищавшихъ городъ съ мужествомъ и умѣньемъ. Дюбуа-Крансэ долго не могъ взять Ліонъ, и осада затянулась до октября. Тутъ явился Кутонъ съ народнымъ войскомъ въ 25,000 челов., и послѣ убійственной бомбардировки городъ долженъ былъ сдаться. По предложенію Баррера, конвентъ учинилъ жестокую расправу надъ этимъ городомъ, который подвергъ своимъ возстаніемъ республику крайней опасности. Декретъ конвента гласилъ: „Комиссія изъ пяти депутататовъ отправится въ Ліонъ, чтобы задержать и наказать по военнымъ законамъ всѣхъ контръ-революціонеровъ, поднявшихъ оружіе въ этомъ городѣ. Всѣ жители города будутъ обезоружены, за исключеніемъ тѣхъ, которые не принимали участія въ возстаніи. *Городъ Ліонъ будетъ разрушенъ.* Въ немъ останутся только дома бѣдныхъ, фабричныя постройки, мастерскія, госпитали, школы и общественныя зданія. Городъ этотъ впредь будетъ называться не Ліономъ, а „Освобожденной Общиной". На развалинахъ города будетъ сооруженъ памятникъ съ такою надписью: *Ліонъ поднялъ оружіе противъ свободы—и нынѣ уже Ліона!*" Этотъ страшный декретъ выполнили Кутонъ, Колло д'Эбруа и Фушэ. Въ Ліонѣ послѣдовали массовыя казни, и было приступленно къ разрушенію города.

Но фанатизмъ гражданской войны свирѣпствовалъ не только здѣсь; главная борьба разыгралась въ Вандеѣ. Барреръ въ пламенной рѣчи требовалъ подавленія возстанія въ Вандеѣ. „*Уничтожьте Вандею!*" говорилъ онъ. „Каждый ударъ, нанесенный вами Вандеѣ, отразится и на возставшихъ городахъ федералистическихъ департаментовъ, и на границахъ. *Вандею и прежде всего Вандею!*" Конвентъ приказалъ окончить войну въ Вандеѣ до 20 октября. Здѣшнія войска были соединены и усилены майнцскимъ гарнизономъ, и такимъ образомъ составлена западная армія; начальствованіе надъ нею вручено неспособному генералу Лешелю, какъ и вообще въ вандейской войнѣ было много неспособныхъ генераловъ, которые хотя и могли произносить въ клубахъ прекрасныя рѣчи, но въ военномъ дѣлѣ ровно ничего не понимали. Однако подъ начальствомъ Лешеля были: Вестерманъ, Клеберъ и Марсо—три дѣльныхъ полководца; они дали инсургентамъ большое сраженіе при Шолле, въ которомъ 13,000

республиканцевъ совершенно разбили 40,000 инсургентовъ. Въ этой кровавой битвѣ пали лучшіе вожди вандейцевъ: Бошанъ, Лекюръ и д'Эльбэ.

Комитетъ благосостоянія приказалъ вырубить въ Вандеѣ лѣса, уничтожить хлѣбъ на поляхъ и захватывать стада скота; стариковъ, женщинъ и дѣтей онъ велѣлъ удалять отсюда и позаботиться объ ихъ содержаніи. Изъ этого можно видѣть, какой страшный характеръ приняла эта гражданская война. Остатки вандейской инсурреціонной арміи бѣжали — и рѣшили уйти подъ предводительствомъ Ларошъ-Жаккелена въ Бретань, гдѣ они разсчитывали на помощь англичанъ. 30.000 человѣкъ, между которыми было много женщинъ и дѣтей, бросились въ Бретань. Англія не оказала имъ никакой помощи, въ Бретани же къ нимъ присоединились только шуаны, шайка прежнихъ контрабандистовъ. Вестерманнъ и Клеберъ двинулись на пришедшихъ въ отчаяніе вандейцевъ и при Леманѣ 12 декабря разбили ихъ до полнаго уничтоженія, послѣ чего плѣнные цѣлыми массами были разстрѣляны. Все, что только спаслось, было настигнуто республиканцами на Лаурѣ. Стофле и Ларошъ-Жаккеленъ позорно бросили при Савенэ слѣпо довѣрившихся имъ крестьянъ, и вандейцы послѣ кровавой битвы были совершенно уничтожены (23 декабря), такъ что вандейская война въ настоящемъ смыслѣ слова кончилась, и вожди вандейцевъ могли еще дѣйствовать нѣкоторое время только небольшими бандами. Генералъ Тюрро со своими „адскими колоннами“ опустошилъ Вандею огнемъ и мечемъ.

Эта борьба отразилась въ Парижѣ усиленною дѣятельностью комитетовъ безопасности и благосостоянія. Когда жирондисты возстали въ провинціяхъ, въ Парижѣ было рѣшено предать суду трибунала 22 арестованныхъ депутата этой партіи; были арестованы также 73 депутата, протестовавшихъ противъ исключенія жирондистовъ изъ конвента.

Съ арестованными, какъ фактически доказано, обращались очень снисходительно; имъ не отказывали въ такихъ послабленіяхъ, которыхъ другія правительства часто не даютъ лицамъ, задержаннымъ за самые ничтожные проступки. Арестованные могли жить на свои средства, какъ имъ было угодно, могли принимать посѣщенія, переписываться. Французская подвижность и грація сказались даже въ этихъ тюрьмахъ; здѣсь устраивались праздники, маскарады, ученыя собранія, велись политическіе дебаты и любовныя интриги; но все это, время отъ времени, прерывалось безпощадною рукой обвинителя, каждый день извлекавшаго свои жертвы.

14 октября должна была предстать передъ революціоннымъ трибуналомъ и „вдова Капетъ“ — 38-ми-лѣтняя королева Марія-Антуанета, послѣ того какъ ее разлучили съ сыномъ, который былъ отданъ въ ученіе къ сапожнику Симону. Говорятъ, что Симонъ сурово обра-

щался съ этимъ ребенкомъ; повидимому, онъ обращался съ нимъ такъ, какъ обыкновенно обращаются мастера съ своими учениками. Во время процесса королеву обвиняли въ участіи въ комплотахъ съ иностранцами и въ поджиганіи гражданской войны. Присяжными были: одинъ парикмахеръ, два портныхъ, два столяра, слесарь, живописецъ, хирургъ, одинъ служитель изъ суда и одинъ человѣкъ безъ опредѣленной профессіи. Процессъ тянулся три дня; въ качествѣ свидѣтелей явились: Балльи, Манюэль и Валазé. Однимъ позорнымъ свидѣтельскимъ показаніемъ, къ которому Геберъ привелъ маленькаго Капета, трибуналъ очень разумно не воспользовался. Марія-Антуанета была признана виновной и приговорена къ смертной казни; казнь ея была совершена въ присутствіи всѣхъ вооруженныхъ секцій, 16 октября. Эта женщина, несомнѣнно, обладала умомъ и мужествомъ; но ея ненависть къ народу и демократіи, ея высокомѣріе и интриги вызвали значительную часть тѣхъ катастрофъ, которыя залили Францію моремъ крови и огня. Человѣкъ, обращенный ею изъ демократіи въ роялизмъ, отступникъ Барнавъ, послѣдовалъ за нею на эшафотъ 29 ноября.

24 октября начался процессъ арестованныхъ жирондистовъ. Ихъ было 21 человѣкъ, а именно: Бриссо, Верніо, Жансонэ, Валазé. Ласурсъ, Гардьянъ, Буало, Легерди, Вижé, Фонфредъ, Дюко, Дюперре, Фошэ, Силлери, Кара, Дюпаръ, Бовэ, Дюшатель, Менвьелль и Ляказъ. Эти люди обвинялись въ соучастіи въ жирондистскомъ возстаніи въ департаментахъ; они защищались съ большею настойчивостью, и Верніо пустилъ въ ходъ передъ трибуналомъ всѣ чары своего увлекательнаго краснорѣчія. Но по одному закону, внесенному Робеспьеромъ, трибуналъ могъ прекратить дебаты, если присяжные черезъ три дня заявили, что они достаточно выяснили себѣ дѣло. Присяжные сдѣлали это 30 октября, и жирондисты были признаны виновными и присуждены къ смертной казни. Во время объявленія приговора Валазé закололъ себя кинжаломъ; его трупъ также былъ отвезенъ на мѣсто казни. Жирондисты были казнены 31 октября. Они умерли съ большою твердостью, что не представляло ничего необыкновеннаго въ эти необыкновенныя времена. У подножья эшафота они обнялись и запѣли пѣсни свободы.

Таковъ былъ конецъ этой партіи, которая имѣла среди своихъ членовъ такъ много блестящихъ и глубокихъ умовъ, но вслѣдствіе недостатка энергіи и пониманія стала тормазомъ революціи. Ея уничтоженіе было почти полнымъ, потому что и въ провинціяхъ также погибли выдающіеся вожди этой партіи. Гадэ, Салль и Барбару казнены въ Бордо, Рабо Сентъ-Этьеннъ былъ преданъ однимъ ложнымъ другомъ; Кондорсе оставилъ свое надежное убѣжище, гдѣ онъ написалъ книгу о способности рода человѣческаго къ совершенствованію, былъ арестованъ близъ Парижа и отравился въ тюрьмѣ. Петіонъ и

Бюзо были растерзаны волками близъ Бордо, гдѣ и найдены ихъ трупы. Г-жа Ролланъ была осуждена въ Парижѣ, и 8 ноября ее повели на казнь. Когда ее уводили изъ тюрьмы, ея соузницы плакали и съ почестями провожали ее. Она умерла съ римскимъ мужествомъ и гордостью, а мужъ ея, узнавъ въ Руанѣ о ея смерти, оставилъ свое убѣжище и закололъ себя кинжаломъ на дорогѣ.

Въ это же время были отправлены на эшафотъ: Манюэль, Балльи и герцогъ Орлеанскій, Эгалитэ. Народъ жестоко отнесся къ Балльи, которому онъ не могъ простить бойни на Марсовомъ Полѣ. Въ великихъ переворотахъ ничто не остается безнаказаннымъ. Эгалитэ былъ осужденъ за участіе въ заговорѣ Дюмурье. Этотъ двусмысленный человѣкъ сказалъ своимъ судьямъ: *„Такъ какъ вы, во что бы то ни стало, хотите осудить меня, то вамъ бы слѣдовало, по крайности, позаботиться о лучшей мотивировкѣ моего осужденія!“* Этимъ онъ попалъ въ самую слабую струнку революціоннаго трибунала.

Республика мечомъ прокладывала себѣ дорогу, и мечъ трибунала повисъ надъ головами всѣхъ. Страхъ и ужасъ, охватившіе теперь Францію, вышли изъ всякихъ предѣловъ; но все таки отвѣтственность за нихъ падаетъ на тѣхъ, которые оставили Горѣ лишь одинъ выборъ: или побѣдить посредствомъ ужаса, или погибнуть вмѣстѣ со всѣми пріобрѣтеніями революціи. Вина въ кровопролитіяхъ этого времени въ гораздо большей степени падаетъ на Питта, чѣмъ на Робеспьера.

Необычайныя усилія Карно ускорили вооруженіе республики, и уже въ августѣ можно было увеличить сѣверную армію настолько, что она раздѣлилась на двѣ большихъ колонны. Герцогъ Іоркскій все еще осаждалъ Дюнкирхенъ, и противъ него выступило лѣвое крыло республиканской арміи подъ предводительствомъ Гушара, отличившагося на Рейнѣ подъ начальствомъ Кюстина. Кюстинъ былъ удаленъ отъ должности. 7 сентября 1793 г. враждебныя войска встрѣтились при Гондшоотенѣ, и здѣсь произошла кровавая битва, продолжавшаяся два дня. Гушаръ держалъ себя плохо, и находившійся при арміи комиссаръ конвента Левассеръ, чѣловѣкъ рѣшительный, долженъ былъ пригрозить генералу гильотиной, чтобы принудить его къ болѣе энергичнымъ дѣйствіямъ. Воодушевленіе французовъ здѣсь также преодолѣло всѣ препятствія, и англо-голландское войско сильнымъ ударомъ въ штыки было обращено въ бѣгство. Если бы не небрежность Гушара, то герцогу Іоркскому было бы отрѣзано отступленіе.

Со времени измѣны Дюмурье, комитетъ благосостоянія сталъ очень недовѣрчивымъ къ генераламъ: Гушаръ былъ удаленъ отъ должности и отправленъ на эшафотъ.

Въ этотъ критическій моментъ комитетъ благосостоянія крайне энергично обращался съ генералами. Онъ посылалъ имъ *приказанія побѣждать*, а это значило, что въ случаѣ пораженія они должны были бы предстать передъ революціоннымъ трибуналомъ. Такъ, генералъ Журданъ получилъ теперь приказъ освободить Мобежъ или умереть, и Журданъ, пламенный республиканецъ, сражавшійся въ сѣверной Америкѣ подъ знаменами Вашингтона, принялъ эту альтернативу.

Онъ направился къ Мобежу, осажденному принцемъ Кобургскимъ. Генералъ Клерфэ выступилъ противъ Журдана, и враждебныя войска встрѣтились при Ватиньи, гдѣ 15 октября началось кровавое сраженіе, продолжавшееся два дня. Карно, славный „организаторъ побѣды“, самъ явился на поле битвы; въ пылу воодушевленія, въ самый разгаръ стычки, онъ схватилъ ружье, сталъ во главѣ уже подавшихся французскихъ колоннъ и непреодолимой аттакой привелъ ихъ къ побѣдѣ. Австрійцы отступили далеко на сѣверъ, и Журданъ, назначенный начальникомъ всей сѣверной арміи, совершенно очистилъ сѣверную границу.

На Рейнѣ Богарнэ не везло, и самъ Богарнэ не проявилъ талантовъ полководца. Онъ былъ отброшенъ при Ландау, велѣлъ состоявшему подъ его начальствомъ Моро напасть на непріятеля при Пирмансѣ, но, потерпѣвъ пораженіе, совершенно потерялъ голову и, наконецъ, былъ удаленъ отъ должности. Впослѣдствіи онъ былъ казненъ. Теперь рейнская армія получила значительное подкрѣпленіе, и начальствованіе надъ нею было поручено молодому генералу Гошу, отличившемуся въ сѣверной арміи. Этотъ 25-ти лѣтній генералъ, открытый геніемъ Карно, раньше былъ конюхомъ и затѣмъ поступилъ въ гвардію. Самообразованіемъ онъ развилъ свои блестящія дарованія. Пламенный республиканецъ, молодой, красивый, одаренный большими талантами, онъ быстро былъ взнесенъ наверхъ волнами революціи. Поручая ему рейнскую армію, комитетъ благосостоянія писалъ: „Ландау—или смерть!“ Гошъ сдѣлалъ этотъ ордеръ лозунгомъ въ знакъ того, что онъ долженъ побѣдить или умереть.

Къ пруссакамъ, стоявшимъ подъ начальствомъ герцога Брауншвейгскаго, присоединился еще одинъ австрійскій корпусъ подъ командою стараго маршала Вурмзера. На этихъ двухъ ветерановъ напалъ молодой республиканскій генералъ 28 ноября при Кайзерлаутернѣ. Здѣсь послѣ трехдневной битвы онъ былъ отброшенъ съ тяжелыми потерями, такъ какъ союзники занимали крѣпкую позицію. Но уже 22 декабря Гошъ напалъ на стараго Вурмзера при Фрешвилерѣ и прогналъ его до Вайссенбурга, гдѣ стояли пруссаки. Черезъ четыре дня Гошъ напалъ на пруссаковъ при Гайсбергѣ близъ Вайссенбурга; послѣ кровопролитнаго сраженія пруссаки должны были отступить и ушли къ Майнцу, между тѣмъ какъ Вурмзеръ при

Шпейерѣ ретировался къ Рейну. Герцогъ Брауншвейгскій, раздраженный тѣмъ, что его побѣдилъ 25-ти-лѣтній генералъ, сложилъ съ себя начальствованіе войскомъ.

Въ Италіи союзники, австрійцы и сардинцы, сначала было одержали верхъ надъ генераломъ Келлерманомъ, командовавшимъ войскомъ на этой границѣ. Онъ долженъ былъ отступить до Ліона. Но скоро онъ снова двинулся впередъ и при Альбаретскомъ проходѣ нанесъ чувствительное пораженіе своимъ противникамъ. На испанской же границѣ дѣла французовъ шли плохо, испанскій генералъ Рикардосъ одержалъ побѣду при Вилльелонгѣ и оттѣснилъ французовъ до Бэйтона.

Противъ Тулона, занятаго англо-испанскимъ флотомъ подъ начальствомъ адмираловъ Гуда и Лонгары, обратился теперь старый, но энергичный генералъ Дюгомье. Комитетъ благосостоянія приказалъ взять этотъ городъ до конца года. Но здѣсь въ первый разъ выступилъ человѣкъ, которому суждено было черезъ шесть лѣтъ увидѣть у своихъ ногъ Францію, объятую теперь бурею революціи,—Наполеонъ Бонапартъ. Геній этого 24-хъ-лѣтняго лейтенанта артиллеріи блеснулъ яркимъ свѣтомъ, когда онъ указывалъ въ военномъ совѣтѣ тотъ путь, которымъ надо взять Тулонъ. Онъ доказалъ, что Тулонъ можно взять, если предварительно прогнать изъ его гавани англо-испанскій флотъ, а для этого и также для того, чтобы имѣть возможность успѣшно обстрѣливать флотъ, необходимо взять сперва фортъ Эгилеттъ и направить теперь всѣ силы на осаду этого форта. Предложенія Бонапарта были приняты; взявъ фортъ, французы направили изъ него на непріятельскій флотъ такой страшный огонь, что онъ вмѣстѣ съ 15 тысячнымъ англійскимъ гарнизономъ оставилъ гавань. Гудъ, жестокій морякъ, сжегъ французскій флотъ, такъ что изъ 56 французскихъ кораблей осталось только 18; тулонцевъ, сильно скомпрометированныхъ возстаніемъ противъ конвента и трепетавшихъ теперь отъ страха передъ местью его, Гудъ оставилъ на произволъ судьбы; испанскіе же корабли взяли часть тулонцевъ. Страшная была сцена, когда въ гавани горѣли корабли, англичане удалялись, сопровождаемые воплями оставленныхъ ими тулонцевъ, а съ высотъ, господствующихъ надъ городомъ, Бонапартъ обстрѣливалъ изъ своихъ орудій плотины, истребляя толпившіяся на нихъ массы народа. Съ этой-то сцены взошла звѣзда того человѣка, который долженъ былъ стать наслѣдникомъ революціи и желѣзной рукой замѣнить всѣ ея пріобрѣтенія, военной диктатурой. Теперь онъ выдавалъ себя за террориста и якобинца и былъ другомъ Робеспьера-младшаго, находившагося въ качествѣ комиссара конвента при арміи, осаждавшей Тулонъ. Но въ серьезной головѣ молодого артиллерійскаго лейтенанта изъ Аячіо уже тогда возникали грандіозные планы.

Тулонъ сдался 20 декабря 1793 г., и конвентъ велѣлъ своимъ

комиссарамъ, Барра и Фрерону, подвергнуть кровавому наказанію этотъ городъ, отдавшійся въ руки враговъ и провозгласившій короля. Здѣсь было совершено около 200 казней, и городъ получилъ имя „гавани Горы".

За моремъ, въ колоніяхъ французы терпѣли рѣшительныя неудачи. Они потеряли почти всѣ свои владѣнія въ Остъ-Индіи и Южной Америкѣ; на островѣ Гаити негры объявили себя независимыми, истребили большую часть бѣлыхъ и соединились съ испанцами противъ французовъ, такъ какъ французы не хотѣли признать независимость негрской республики Гаити.

Такимъ образомъ, не считая частныхъ неудачъ, республика въ 1793 г. устояла противъ сильнѣйшей коалиціи ея враговъ. Она обезопасила свои границы, положила конецъ гражданскимъ войнамъ внутри страны, подавила возстанія. Франція плавала въ крови, пролитой республикой, чтобы побѣдоносно отразить своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ.

Революція порвала со всѣмъ старымъ міромъ, съ его традиціонными нравами и обычаями. Возможно, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она зашла слишкомъ далеко, потому что формы личныхъ сношеній, платье, обычаи домашней жизни—дѣло личнаго вкуса и ни въ коемъ случаѣ не должны подвергаться принужденію. Въ обращеніи, вмѣсто „господинъ", стало обычнымъ: „гражданинъ" и всеобщее „ты". Одежда санкюлотовъ, такъ-называемая, карманьола, камзолъ безъ рукавовъ, широкіе шаровары суденшиковъ и якобинская шапка стали почти общеупотребительными. Законодательство конвента создало частью очень полезныя, частью же очень интересныя нововведенія. Произвольная система монетнаго счета, мѣръ и вѣса была преобразована, и въ основу ея положена десятичная система. Франкъ сталъ основаніемъ монетной системы, метръ, литръ и граммъ стали основными единицами мѣры и вѣса.

Конвентъ не былъ атеистической корпораціей, но онъ настолько былъ проникнутъ значеніемъ основанія республики, что уничтожилъ христіанское лѣтосчисленіе и замѣнилъ его новымъ, начинавшимся съ учрежденія французской республики. I годъ начинался 22 сентября 1792 г. (христ. лѣт.); съ этимъ днемъ случайно совпало осеннее равноденствіе, точно сама природа хотѣла стать въ гармонію съ новымъ лѣтосчисленіемъ. Это новое лѣтосчисленіе послужило основой для знаменитаго республиканскаго календаря, принятаго конвентомъ 24 октября 1793 года. Депутатъ Роммъ предлагалъ этотъ календарь еще въ началѣ дѣятельности конвента; Фабръ д'Эглантинъ, поэтъ и другъ Дантона, сдѣлалъ въ немъ нѣкоторыя улучшенія. Новый календарь дѣлилъ годъ на 12 мѣсяцевъ по 30 дней въ каждомъ; мѣсяцы назы-

вались по временамъ года, а именно, — для осени: *Вандемьеръ* (мѣс. сбора винограда), *Брюмэръ* (мѣс. тумановъ), *Фримэръ* (мѣс. морозовъ); для зимы: *Нивозъ* (мѣс. снѣга), *Плювіозъ* (мѣс. дождя), *Вантозъ* (мѣс. вѣтра); для весны: *Жерминаль* (мѣс. произрастанія), *Флореаль* (мѣс. цвѣтенія), *Прэріаль* (мѣс. луговъ); для лѣта: *Мэссидоръ* (мѣс. жатвы), *Тэрмидоръ* (мѣс. зноя), *Фрюктидоръ* (мѣс. плодовъ). Каждый мѣсяцъ распадался на три декады; десятый день каждой декады былъ праздничнымъ днемъ и назывался декадй. Оставшіеся же затѣмъ пять—а для высокоснаго года шесть—дополнительныхъ дней, къ ужасу филистеровъ, носили названіе *санкюлотидовъ* и были объявлены днями національныхъ праздниковъ. Первый изъ санкюлотидовъ былъ посвященъ уму, второй—труду, третій—добрымъ дѣламъ, четвертый—наградѣ, пятый—общественному мнѣнію, такъ что всѣ слова, сказанныя въ этотъ день, оставались безнаказанными: каждый могъ говорить и писать все, что ему угодно, каждый могъ располагать въ свою пользу общественное мнѣніе и опровергать всякія клеветы. Шестой санкюлотидъ высокоснаго года былъ назначенъ для національнаго праздника.

Для перевода республиканскаго календаря на христіанскій (новаго стиля) можетъ служить слѣдующая таблица:

Съ 1 по 30 вандемьера	— съ 22 сентября	по	21 октября
„ 1 „ 30 брюмэра	— „ 22 октября	„	20 ноября
„ 1 „ 30 фримэра	— „ 21 ноября	„	20 декабря
„ 1 „ 30 нивоза	— „ 21 декабря	„	19 января
„ 1 „ 30 плювіоза	— „ 20 января	„	18 февраля
„ 1 „ 30 вантоза	— „ 19 февраля	„	20 марта
„ 1 „ 30 жерминаля	— „ 21 марта	„	19 апрѣля
„ 1 „ 30 флореаля	— „ 20 апрѣля	„	19 мая
„ 1 „ 30 прэріаля	— „ 20 мая	„	18 іюня
„ 1 „ 30 мэссидора	— „ 19 іюня	„	18 іюля
„ 1 „ 30 тэрмидора	— „ 19 іюля	„	17 августа
„ 1 „ 30 фрюктидора	— „ 18 августа	„	16 сентября
„ 1 „ 5 санкюлотиды	— „ 17 сентября	„	21 сентября

Этотъ календарь оставался въ силѣ двѣнадцать лѣтъ и лишь въ 1805 г., послѣ того, какъ Наполеонъ Бонапартъ сталъ императоромъ французовъ, былъ снова замѣненъ христіанскимъ счисленіемъ.

По поводу этого нововведенія поднялся страшный шумъ; введеніе новаго календаря сочли нападеніемъ на само христіанство. Но конвентъ не имѣлъ этого въ виду: онъ ввелъ республиканскій календарь просто потому, что грегоріанскій казался ему устарѣлымъ и одностороннимъ. Духовенство воспользовалось этимъ случаемъ, чтобы прокричать, будто конвентъ—сборище богоотступниковъ, иконоборцевъ и враговъ всякой религіи, и снова расписывать весь переворотъ французскаго строя, какъ результатъ безбожности.

Нападеніе на христіанство произошло, но оно исходило не отъ конвента.

Маратъ, бывшій раньше руководителемъ коммуны, не высказывалъ особенной враждебности ни къ религіямъ, ни къ духовенству. Разъ даже, когда его преслѣдовалъ Лафайетъ, онъ нашелъ убѣжище у одного священника. Въ его „Планѣ уголовнаго законодательства", сочиненіи, вышедшемъ во время революціи новымъ изданіемъ, назначены наказанія за преступленія противъ религіи, и для атеиста, распространяющаго свои воззрѣнія, опредѣлено тюремное заключеніе. При этомъ говорится: „Несомнѣнно, государству полезно, если его члены вѣрятъ въ Бога, но еще полезнѣе, если они не преслѣдуютъ другъ друга".

Послѣ смерти Марата между его сторонниками одержало верхъ противу-религіозное и матеріалистическое направленіе. Клоотцъ, вдохновлявшійся сочиненіями матеріалистическихъ философовъ, человѣкъ эксцентричный, повидимому, склонилъ сторонниковъ Марата къ атеистическимъ воззрѣніямъ. Онъ называлъ себя „личнымъ врагомъ Іеговы" и принялъ имя Анахарсиса; въ подражаніе ему прокуроръ общины Шометтъ назвалъ себя Анаксагоромъ. Шометтъ и Геберъ стали вождями коммуны и вмѣстѣ съ многими радикальными революціонерами образовали партію, которую называли „гебертистами". Къ нимъ близко стоялъ Пашъ и военный министръ Бушотъ. Венсанъ, секретарь военнаго министерства, Ронсонъ, генералъ революціонной партіи, Моморо, извѣстный типографъ родомъ изъ Испаніи и Клоотцъ присоединились также къ нимъ.

Геберъ оказывалъ тогда громадное вліяніе на народныя массы посредствомъ своего журнала „Père Duchêsne", въ которомъ онъ яро нападалъ на враговъ республики и революціи. Онъ писалъ въ этомъ журналѣ аффектированнымъ, грубымъ языкомъ, чтобы возбуждать народныя страсти. Журналъ его выходилъ въ 80,000 экземпляровъ. Революція подняла Гебера изъ низкаго положенія; за свою нечестность онъ потерялъ мѣсто при театрѣ, о чемъ много кричали его враги. Его революціонныя брошюры доставили ему извѣстность, а ораторскій талантъ и симпатичная наружность создали ему вліяніе въ клубахъ. Онъ женился на одной монахинѣ, оставившей монастырь, по имени Гупиль. Послѣ низверженія жирондистовъ, Геберъ стоялъ за уменьшеніе кровопролитій. Но выступивъ въ защиту атеизма, онъ навлекъ на себя крайнюю ненависть власть имущихъ и былъ осыпанъ массою клеветы, которая еще и теперь повторяется.

Геберъ, Шометтъ и Клоотцъ соединились для того, чтобы выдвинуть противъ церкви простой разумъ или здравый человѣческій смыслъ. Клоотцъ говорилъ въ конвентѣ: „Нѣтъ иного повелителя, кромѣ человѣчества. Природа не падаетъ передъ собой же на колѣни... Граждане, разумъ соединилъ всѣхъ людей въ одно общее представительство".

18 октября общинный совѣтъ постановилъ отмѣнить религіоз-

ныя церемоніи; процессіи, хожденія по святымъ мѣстамъ были запрещены; мощи, изображенія святыхъ и т. п. — удалены. Такъ какъ парижане съ одобреніемъ встрѣтили эти мѣры, то Геберъ и Шометтъ рѣшили побудить состоявшаго въ дружбѣ съ ними конституціоннаго парижскаго епископа, Гобеля, сложить съ себя санъ для примѣра другимъ. Гобель съ готовностью согласился на это; 7 ноября 1793 г. онъ явился со своими викаріями въ конвентъ въ сопровожденіи Шометта, сложилъ знаки своего священническаго достоинства и надѣлъ красную шапку. Гобель сказалъ при этомъ: „Я принялъ санъ, возложенный на меня народомъ. Я сталъ епископомъ, когда народъ еще хотѣлъ епископовъ; я оставляю этотъ санъ, когда народъ уже не желаетъ епископовъ. Духовенство, подчиненное мнѣ, проникнуто такими же мыслями". Священникъ Вожираръ подтвердилъ это заявленіе, и многіе священники сложили съ себя санъ. Другіе же остались священниками; между ними былъ и Грегуаръ, который, при всемъ своемъ республиканствѣ, всегда оставался вѣрующимъ христіаниномъ.

Такая сцена произошла передъ барьеромъ конвента 7 ноября 1793 года, но тутъ отнюдь не было рѣшено уничтожить христіанство, какъ это лекомысленно утверждали. Поступокъ общиннаго совѣта и Гобеля вызвалъ много подражаній въ департаментахъ. Драгоцѣнности забирались изъ церквей и представлялись въ конвентъ для употребленія ихъ на пользу отечества. Изъ колоколовъ отливались пушки. Приносились кресты, золотыя и серебряныя издѣлія всякаго рода, и люди, сносившіе ихъ, наряжались обыкновенно самымъ причудливымъ образомъ въ ризы, рясы и другія священническія облаченія. Одинъ изъ этихъ людей передразнилъ герцога Христіана Брауншвейгскаго, который взялъ нѣкогда 12 серебряныхъ апостоловъ въ Гальберштадтскомъ соборѣ и послалъ ихъ на монетный дворъ со словами: „идите по всему свѣту и учите всѣ народы!..."

Желавшимъ оставить христіанство дорога была показана, и въ этомъ отношеніи уже ничего не оставалось дѣлать, потому что никто не имѣлъ ни права, ни разумнаго основанія насильственно отвращать отъ христіанства и церкви тѣхъ людей, которые хотѣли остаться христіанами и имѣть священниковъ. Дѣло не дошло даже до отдѣленія церкви отъ государства, такъ какъ священники по прежнему оставались государственными чиновниками. Но вожди противурелигіознаго движенія впали въ очень обыкновенную ошибку: они полагали, что послѣ устраненія христіанскаго культа необходимо на его мѣсто ввести иной культъ. Такимъ образомъ, гебертисты пришли къ мысли установить культъ разума, который долженъ былъ совершаться въ каждую декади. Соборъ Парижской Богоматери былъ превращенъ въ храмъ разума; поклоненіе разуму совершалось также и въ другихъ церквяхъ. Народъ собирался въ церкви; чита-

лись конституція и декларація правъ человѣка или устраивались иныя чтенія и сообщались извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій; играла музыка, пѣлись патріотическія пѣсни. Тутъ стоялъ ящикъ, въ видѣ головы животнаго, называвшійся ртомъ мудрости; въ него опускались анонимныя предложенія, жалобы и совѣты по вопросамъ общественнаго блага. Двѣ трибуны были назначены исключительно для стариковъ и беременныхъ женщинъ.

Вѣтреннымъ парижанамъ понравился этотъ культъ, и они громадными толпами стеклись на первый большой праздникъ разума. Этотъ праздникъ, о которомъ сочинено столько басенъ, самъ по себѣ былъ очень простымъ и невиннымъ торжествомъ. Люди длинной процессіей пошли къ собору Парижской Богоматери. Въ шествіи виднѣлись бюсты Лепеллетье и Марата. Затѣмъ въ процессіи явилась и „богиня разума“, изъ чего видно, что новый культъ опять приблизился къ формамъ стараго. Богиня разума сидѣла на сѣдалищѣ античной формы; ее несли четверо мужчинъ. Это была стройная женщина съ очень красивымъ лицомъ и очаровательными формами. Еще и теперь держится ложь, будто это была проститутка; но на самомъ дѣлѣ богиней разума былъ никто иной, какъ извѣстная своею красотою г-жа Моморо, которая къ тому же, говорятъ, сперва очень противилась возложенію на нее этой театральной роли и, наконецъ, взяла ее, только уступая желанію своего мужа. Она была одѣта въ бѣлое платье, на плечи ея былъ живописно накинутъ голубой плащъ, а ея красивая головка была покрыта фригійской шапкой, изъ подъ которой волнами ниспадали распущенные черные волосы. Около нея была одна актриса, изображавшая богиню свободы. Само собою разумѣется, что этимъ красивымъ женщинамъ не „поклонялись“, какъ иные увѣряли, а онѣ представляли собою только живыя картины. Увѣренія, будто съ праздниками разума были соединены оргіи, — тоже гнусная клевета. Напротивъ, именно Шометтъ уговаривалъ экзальтированныхъ женщинъ не выходить изъ предѣловъ женственности. 18 ноября толпа фантастически разубранныхъ женщинъ проникла, подъ предводительствомъ нѣкоей Розы Лакомбъ, въ залу коммуны и держала себя здѣсь очень навязчиво, Шометтъ напомнилъ имъ объ ихъ обязанностяхъ, какъ матерей и хозяекъ, и восхваливъ вѣрную и заботливую супругу, закончилъ такими словами: „Мы должны презирать безстыдную женщину,—плевать на ту женщину, которая одѣвается въ мужское платье и отвратительно мѣняетъ красоту, данную ей природою, на пику и красную шапку“. Было рѣшено не принимать впредь подобныхъ женскихъ депутацій, не вторгаясь, впрочемъ, какъ сказалъ Шометтъ, въ ихъ права.

Сверхъ того, еще раньше было постановлено, по предложенію Жанъ-Бона Сентъ-Андрэ, что проститутки изгоняются изъ республики: мѣры этой, конечно, невозможно было привести въ исполненіе. При

старомъ режимѣ на этихъ несчастныхъ женщинъ и дѣвушекъ даже не смотрѣли, какъ на людей; если онѣ заболѣвали или попадали въ конфликтъ съ полиціей, ихъ просто забирали въ Сальпетьеръ или Бисетръ, гдѣ имъ часто по цѣлымъ годамъ приходилось ждать врача и погибать отъ болѣзней, грязи и лишеній. Національный конвентъ въ 1792 г. вывелъ этихъ несчастныхъ изъ такого ужаснаго положенія и помѣстилъ ихъ въ иныхъ мѣстахъ.

Являясь самой крайней партіей революціи, гебертисты навлекли на себя ненависть сильныхъ людей Горы. Этимъ послѣднимъ, можетъ быть, не нравились и тѣ рѣчи съ соціалистическимъ оттѣнкомъ, которыя иногда произносилъ Шометтъ. Но до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній, по которымъ можно было бы точнѣе судить объ идеяхъ гебертистовъ относительно полнаго преобразованія общества.

Комитетъ благосостоянія уже давно ревниво смотрѣлъ на популярную власть коммуны, которая была всецѣло въ рукахъ гебертистовъ. Революціонные комитеты лишили коммуну значительной части ея власти. Она хотѣла подчинить своему руководству революціонные комитеты Парижа и пригласила ихъ въ городскую ратушу; но Билло-Вареннъ провелъ въ конвентѣ одно постановленіе, по которому за созваніе революціонныхъ комитетовъ какимъ-либо учрежденіемъ полагалось очень строгое наказаніе.

Праздники разума, встрѣтившіе такой откликъ среди французскаго народа, тѣмъ болѣе возбудили у Робеспьера и Сенъ-Жюста желаніе выступить противъ атеизма со своей идеей добродѣтели. Это произвело большой расколъ въ партіи и должно было вызвать распаденіе Горы.

Когда это диктаторское правительство боролось съ внѣшними и внутренними врагами, когда массы народа поднимались и устремлялись на границы, когда во всей странѣ происходили аресты, совершались казни и во всѣхъ большихъ городахъ стояли постоянные эшафоты, когда остановилась торговля и сношенія, и народъ страдалъ подъ гнетомъ страшныхъ лишеній, — въ самой Горѣ медленно назрѣвали раздоры, которые должны были повлечь за собою уничтоженіе этой столь сильной и энергичной партіи.

Въ Горѣ замѣтно было три направленія: ихъ можно назвать правымъ, среднимъ и лѣвымъ. Главой праваго направленія былъ Дантонъ со своимъ другомъ Камилломъ Демуленомъ, Геро де-Сешеллемъ, Филиппо, Шабо, Тюріо, Барра, Фрерономъ, Мерленомъ и др., отъ чего людей этого направленія называли дантонистами. Эти люди по большей части были воспитаны въ принципахъ Вольтера и были неравнодушны къ радостямъ жизни. Были между ними и люди очень распутные. Самъ Дантонъ, послѣ сильныхъ и бурныхъ напря-

женій предыдущаго времени, еще не могъ снова воспрянуть къ дѣятельности; кромѣ того, на немъ сильно отозвалось низверженіе жирондистовъ. Послѣ смерти своей первой жены, онъ женился на одной благочестивой женщинѣ, которая имѣла на него очень большое вліяніе, такъ что онъ высказывался противъ атеизма Гебера. Дантона, казалось, утомила революція; система ужаса не нравилась ему. Онъ всей душой желалъ окончанія ея. Его партія стала пользоваться репутаціей умѣренной, что очень опасно въ столь бурныя времена. Строгіе революціонеры стали считать ее безнравственной.

Лѣвая фракція Горы въ лицѣ Марата потеряла своего настоящаго вождя, и ея важнѣйшая опора, съ тѣхъ поръ какъ главой ея сталъ Геберъ, была внѣ конвента. Пашъ и Шометтъ, такъ же какъ и Ропсенъ и Моморо, принадлежавшіе къ руководителямъ этой партіи, хотѣли довести революцію до осуществленія крайней демократіи. Въ конвентѣ этой партіи держался Клоотцъ, также какъ и нѣсколько депутатовъ, не обладавшихъ громкими именами; другіе, повидимому, колебались между лѣвой и остальными фракціями Горы. Лѣвая фракція опиралась на общинный совѣтъ и на пролетаріатъ предмѣстій. Правительство комитета благосостоянія считало ее крайней, ультра-революціонной; на нее нападали за ея атеизмъ и энергическую защиту интересовъ того пролетаріата, который производилъ возстанія. Взгляды ея основывались на принципахъ философіи Дидро и Гольбаха.

Самой сильной фракціей Горы была въ это время средняя, въ рукахъ которой была правительственная власть и главой которой нужно считать Робеспьера. Робеспьеръ со своими сторонниками, Сенъ-Жюстомъ и Кутономъ, благодаря своему вліянію на массы и на конвентъ, господствовалъ надъ всѣми, и постепенно подготовлялась его диктатура. Средняя фракція Горы исповѣдывала идеи Жанъ-Жака Руссо, и въ бюро правительства его сочиненія всегда лежали открытыми. Билло-Вареннъ, Колло д'Эбруа и большинство членовъ Горы принадлежали къ этой партіи, потому что, хотя многіе изъ нихъ и сами были склонны къ атеизму, власть коммуны противодѣйствовала ихъ стремленіямъ къ строгому единству, и они не могли представить себѣ интересовъ буржуазіи иначе, какъ въ полномъ сліяніи съ интересами пролетаріата.

Робеспьеръ до сихъ поръ принималъ участіе во всѣхъ фазисахъ революціи и ея наступательномъ движеніи; его личность такъ срослась съ революціей, что онъ самъ развивался съ нею. Все увеличивающаяся власть Робеспьера вызвала въ немъ стремленіе преобразовать государство по своимъ вкусамъ, по своимъ личнымъ идеямъ. Его взгляды на государство обнаруживали его слабую сторону, и онъ оказался одностороннимъ доктринеромъ. Онъ видѣлъ ошибки, преступленія и пороки, погубившіе старую Францію; передъ его глазами

раскрылись неизмѣримыя бѣдствія народа, доставлявшія пищу революціи. Но его ввелъ въ заблужденіе Руссо, философія котораго видѣла причину несчастій въ испорченности людей. У Монтескье онъ нашелъ, что добродѣтель или нравственность есть отличительное свойство республиканскаго государства. При влеченіи Робеспьера къ республикамъ древности, абстрактное понятіе добродѣтели стало его идеаломъ, что вполнѣ соотвѣтствовало всей его натурѣ, строгости его нравовъ и простотѣ жизни. Онъ хотѣлъ, по его собственнымъ словамъ, ввести въ новомъ государствѣ вмѣсто эгоизма нравственность, вмѣсто чести честность, вмѣсто обычаевъ принципы, вмѣсто произвола долгъ, вмѣсто презрѣнія къ несчастью презрѣніе къ пороку, вмѣсто наглости гордость, вмѣсто тщеславія величіе духа, вмѣсто любви къ золоту любовь къ славѣ, вмѣсто интриги заслугу, вмѣсто остроумія умъ, вмѣсто скуки похотей прелесть счастья, вмѣсто дерзости людей великихъ величіе человѣка. *„Принципъ демократическаго правленія,* — говорилъ онъ, — *есть добродѣтель, а средство ея, когда она переходитъ въ дѣло,—ужасъ“.*

Но онъ забывалъ, что добродѣтель или нравственность цѣлаго народа нельзя утвердить въ воздухѣ, также какъ и внушить ее народу ужасомъ, подобно тому, какъ устрашающія наказанія уголовныхъ законовъ не могутъ уничтожить преступленій. Добродѣтели нельзя ввести предписаніями; она можетъ процвѣтать только на прочной основѣ матеріальнаго благосостоянія и „земного“ счастья. Увѣковѣченіе бѣдности и нужды увѣковѣчитъ также преступленія и пороки. Робеспьеръ не понялъ связи между революціей и измѣненіями въ области собственности. У народа, который можетъ достаточно питаться, одѣваться, какъ слѣдуетъ, жить въ удобныхъ жилищахъ и получать образованіе, соотвѣтствующее времени, добродѣтель и свобода явятся скоро; пороки и преступленія будутъ у него быстро уменьшаться. Но Робеспьеръ не думалъ о томъ, чтобы дать экономическимъ основамъ общества такую организацію, которая бы доставила всему народу возможность жить въ лучшихъ условіяхъ и обезпечила его существованіе. Противъ господствующихъ бѣдствій принимались лишь жалкія, недостаточныя мѣры, а во всемъ остальномъ Робеспьеръ не могъ предложить ничего, кромѣ безсмертія души и вѣры въ Высшее Существо. Голодающій народъ, въ своей преданности республикѣ выносившій всѣ лишенія, увидѣлъ, что его надежды обмануты, и намъ понятно, отчего паденіе Робеспьера совершилось столь быстро, столь внезапно.

Предвѣстія распаденія Горы проявлялись все яснѣе и яснѣе. Уже въ ноябрѣ 1793 года Робеспьеръ напалъ въ клубѣ якобинцевъ на атеизмъ. Онъ сталъ при этомъ на ту обычную, мѣщанскую точку зрѣнія, что, молъ, образованный человѣкъ можетъ обойтись безъ религіи, но для народа она необходима.—*„Атеизмъ“*, говорилъ онъ, —

„*аристократиченъ*. Мысль о великомъ существѣ, которое охраняетъ угнетенную невинность, караетъ торжествующее преступленіе, — въ высшей степени народна. *Если бы Бога и не было, то его нужно было бы выдумать?*“

Мы увидимъ, что онъ его впослѣдствіи и выдумалъ.

Дантонисты въ это время шли еще рука объ руку съ Робеспьеромъ, и Камиллъ Демуленъ издавалъ свой журналъ: „Старый Кордельеръ“. Онъ было удалился на нѣкоторое время въ лоно своей семьи, гдѣ его милая супруга, Люсиль Дюплесси, принесшая ему и пламенную любовь, и состояніе, разглаживала морщины на его челѣ. Теперь онъ снова выступилъ на сцену. Его журналъ былъ назначенъ спеціально для нападеній на гебертистовъ, и въ этихъ предѣлахъ онъ пользовался одобреніемъ Робеспьера. Но Камиллъ Демуленъ пошелъ дальше; онъ нападалъ на гебертистовъ также и за то, что они требовали самыхъ крайнихъ мѣръ противъ враговъ республики. Революціонный трибуналъ въ Парижѣ дѣйствовалъ въ то время со всей энергіей; были казнены генералы-измѣнники и почти ежедневно отправлялись на эшафотъ лица, распространявшія поддѣльные ассигнаты или участвовавшія въ заговорахъ и преступленіяхъ противъ законовъ республики. Такой же ужасъ господствовалъ въ провинціяхъ, и законъ о подозрительныхъ переполнилъ всѣ тюрьмы.

Камиллъ Демуленъ—то-ли по собственному увлеченію, то-ли по внушенію Дантона — скоро сталъ нападать и на революціонное правительство. Гебертистовъ онъ обвинялъ въ соглашеніи съ Питтомъ; теперь онъ сталъ примѣнять къ революціонному правительству и его органамъ безсмертныя слова Тацита о тираніи въ древнемъ Римѣ. Онъ сравнивалъ доносчиковъ съ деляторами [1]) древняго Рима и говорилъ: „Каковы обвинители—таковы и судьи; суды, которые должны бы защищать жизнь, превратились въ бойни, гдѣ то, что называлось смертной казнью и конфискаціей имущества, стало лишь разбоемъ и грабежомъ“. Дѣйствіе закона о подозрительныхъ онъ сравнивалъ съ состояніемъ Рима въ царствованіе Нерона: „Люди должны были выражать радость по поводу смерти своихъ друзей, родственниковъ, — если они сами не хотѣли подвергнуться смертной казни. Въ царствованіе Нерона многіе шли благодарить боговъ за то, что убили ихъ родственниковъ; они устраивали иллюминаціи. Нужно было, по крайней мѣрѣ, притворяться довольнымъ, веселымъ и спокойнымъ. Все вызывало подозрѣніе тирана. Если гражданинъ пользовался популярностью,—онъ былъ соперникомъ государя, онъ могъ возбудить гражданскую войну. Это подозрительно! Если же вы избѣгали популярности, держались въ сторонѣ, — ваша замкнутая жизнь вызывала вниманіе, надзоръ надъ вами. Подозрительно! Были вы бѣдны, — о»

[1]) Delator—доносчикъ, предатель. *П. П.*

въ такомъ случаѣ надо имѣть за вами усиленный надзоръ! Никто такъ не предпріимчивъ, какъ тотъ, у кого ничего нѣтъ. Подозрительно! Если у васъ былъ мрачный, меланхолическій характеръ или вы небрежно одѣвались,—значитъ, вы всецѣло были поглощены той мыслью, что общественныя дѣла идутъ не такъ-то хорошо. Подозрительно! Кто отличается добродѣтелью, строгими нравами,—это былъ новый Брутъ, желавшій своей бѣдностью уязвить роскошный, разукрашенный дворъ. Подозрительно! Если кто былъ философомъ, ораторомъ или поэтомъ, — ну, еще не доставало, чтобы онъ пріобрѣлъ бо́льшую славу, чѣмъ тѣ, которые управляли! Подозрительно! Если вы отличились на войнѣ, то тѣмъ лишь опаснѣе ваши таланты. Съ неспособностью полководца можно было еще помириться: если онъ измѣнитъ, то онъ не сумѣетъ выдать непріятелю армію такъ, чтобы ни одинъ не спасся. Но если измѣнитъ заслуженный полководецъ, то ужъ никто не уйдетъ! Лучше всего совершенно избавиться отъ такихъ людей. По крайности, ихъ нужно немедленно же удалять изъ арміи. Подозрительно! Надо думать, что еще хуже приходилось тому, кто былъ родственникомъ государя: вѣдь, онъ могъ имѣть виды на престолъ! Подозрительно! Такимъ образомъ, нельзя было обладать какимъ бы то ни было качествомъ,—если вы не дѣлали его орудіемъ тиранніи, чтобы не возбудить ревности деспота и не пойти на вѣрную гибель. Преступленіемъ было занимать видное мѣсто или оставлять его. Но величайшимъ изъ всѣхъ преступленій была неподкупность... Людей предавали и убивали кинжалами и рабы, и враги. У кого же не было враговъ, того убивалъ другъ, близкій человѣкъ, сынъ. Словомъ, во время этого правленія естественная смерть человѣка знаменитаго или занимающаго хоть какую-нибудь должность стала такой рѣдкостью, что о ней объявляли, какъ о необычайномъ событіи, и историки записывали ее на память грядущимъ вѣкамъ. Во время этого консульства (consulat) былъ лишь одинъ священникъ, умершій естественной смертью, на что смотрѣли, какъ на настоящее чудо".

Эта страшная сатира, соскользнувшая съ блестящаго пера Камилла Демулена, произвела громадное впечатлѣніе. Демуленъ писалъ смѣло, талантливо, остроумно, но—не благоразумно, потому что реакціонеры съ злобной радостью прислушивались къ этимъ нападкамъ, которыя должны были вызвать раздоры въ Горѣ. „Старый Кордельеръ" читался повсюду и производилъ огромное дѣйствіе. Камиллъ Демуленъ предложилъ учредить комитетъ помилованій; многіе думали, что уже пришелъ конецъ терроризму, потому что не за долго передъ этимъ и Робеспьеръ предложилъ назначить комитетъ справедливости.

Комитетъ благосостоянія колебался, потому что сила гебертистовъ увеличивалась, по мѣрѣ того, какъ Камиллъ Демуленъ давалъ понять, что его партія хочетъ умиротворенія революціи. Всѣ были

согласны въ томъ, что это умиротвореніе должно когда-нибудь наступить, но гебертисты считали систему ужаса необходимой до тѣхъ поръ, пока враги республики достаточно сильны и иностранныя войска стоятъ съ оружіемъ въ рукахъ. Колло д'Эбруа, вернувшійся тѣмъ временемъ изъ Ліона, принялъ сторону гебертистовъ, и Робеспьеръ теперь оставилъ Камилла Демулена, который до сихъ поръ передавалъ на его цензуру свой журналъ. Онъ въ клубѣ якобинцевъ порвалъ съ Демуленомъ, своимъ школьнымъ товарищемъ, и предложилъ сжечь его журналъ. Камиллъ отвѣтилъ словами Вольтера: *„сжечь—еще не значитъ опровергнуть!“* Теперь вражда съ Робеспьеромъ была на-лицо, и по тогдашнимъ условіямъ она могла имѣть только кровавый исходъ.

Гебертисты Рожэнъ и Венсанъ были арестованы по совершенно пустымъ причинамъ; теперь ихъ освободили. Но затѣмъ комитетъ благосостоянія принялъ рѣшеніе относительно своего дальнѣйшаго образа дѣйствій. Рѣшено было устранить дантонистовъ, какъ умѣренныхъ и тормозящихъ дѣло революціи, а гебертистовъ низвергнуть, какъ крайнихъ революціонеровъ, способныхъ скомпрометировать революцію своимъ атеизмомъ.

Люди добродѣтели были неразборчивы въ своихъ средствахъ. Дантонисты и гебертисты были, по ихъ понятіямъ, людьми недобродѣтельными; поэтому ихъ нужно было устранить. Сенъ-Жюстъ выступилъ въ конвентѣ съ обвиненіями противъ обѣихъ этихъ фракцій: дантонистовъ онъ обвинялъ въ желаніи превратить республику въ вакханку, а гебертистовъ въ желаніи сдѣлать изъ нея распутницу. „Граждане!—воскликнулъ онъ:—вы хотѣли республики. Если вы вмѣстѣ съ тѣмъ не хотите тѣхъ вещей, которыя создаютъ ее, то народъ погибнетъ подъ ея развалинами. Нужно наказывать того, кто сожалѣетъ объ арестованныхъ; *нужно наказывать того, кто не хочетъ добродѣтели; нужно наказывать того, кто не хочетъ ужаса!*“

Робеспьеръ также обвинялъ умѣренныхъ и крайнихъ революціонеровъ. „При теперешнихъ обстоятельствахъ,—говорилъ онъ,—невозможно управлять по законамъ мирнаго времени; революціонное правительство есть *деспотизмъ свободы, направленный противъ тиранніи*“. Онъ утверждалъ, что крайніе революціонеры хотятъ распустить конвентъ, чтобы учредить диктатуру. А самъ онъ низвергъ обѣ партіи лишь затѣмъ, чтобы основать свою собственную диктатуру!

Раздались кровавыя угрозы. Камиллъ Демуленъ сказалъ о Сенъ-Жюстѣ: „Онъ такъ пустъ, такъ много воображаетъ о себѣ, что носитъ свою голову на плечахъ съ такимъ благоговѣніемъ, точно святые дары!“ Сенъ-Жюстъ отвѣтилъ на это: *„А Демулена я заставлю нести его голову, какъ святой Діонисій!“* (подъ мышкой).

Изъ двухъ партій, подвергшихся теперь нападенію, сильнѣе были гебертисты, потому что они господствовали въ коммунѣ и имѣли много сторонниковъ въ народѣ. Коммуна, снабжая Парижъ провіантомъ, пріобрѣла большую любовь народа. Зима съ 1793 на 1794 г. была крайне сурова; трудно было достать воду; народъ долженъ былъ таскать себѣ топливо изъ отдаленныхъ лѣсовъ. Провіанта было мало; передъ хлѣбными лавками женщины еще съ ранняго утра выстраивались длинной цѣпью. Мясо, овощи и стручковые плоды стали рѣдкостью, и коммуна могла доставлять парижскому населенію лишь черезъ два дня по одному фунту мяса на человѣка. Но она дѣлала все, что могла, она реквизировала предметы первой необходимости или скупала ихъ, и безъ ея дѣятельности голодъ въ эту зиму страшно уменьшилъ бы парижское населеніе.

Но люди добродѣтели не принимали въ разсчетъ этихъ заслугъ гебертистовъ, когда заговорилъ фанатизмъ партійныхъ воззрѣній. Послѣ одной рѣчи Сенъ-Жюста конвентъ далъ самыя широкія полномочія комитету благосостоянія. Сенъ-Жюстъ такъ же, какъ Камиллъ Демуленъ, не упускалъ случая, чтобы не оклеветать гебертистовъ. Утверждали, будто они состоятъ на жалованьи у иностранныхъ державъ и будто имъ поручено крайностями и въ особенности атеизмомъ скомпрометировать республику въ глазахъ Европы и этимъ привесть ее къ гибели. Но за этими клеветами скрывалась своего рода классовая борьба, которую тогда можно было лишь почувствовать, для которой еще не было имени. Государственные люди конвента и комитета благосостоянія прекрасно чувствовали, что представители интересовъ пролетаріата, взявъ въ свои руки коммуну, въ качествѣ наслѣдія Марата, и ведя ее съ такой энергіей дальше впередъ,—выходили изъ границъ республики добродѣтели, скроенной по мѣркѣ „почтенныхъ гражданъ“. Еще не рѣшались оффиціально отдѣлить интересы трудящагося люда отъ интересовъ состоятельной буржуазіи и поэтому для нападеній на гебертистовъ прибѣгали къ самой грубой клеветѣ.

Гебертисты увидѣли, что имъ грозитъ опасность. Былъ пущенъ также слухъ, будто они хотятъ произвести государственный переворотъ и ввести диктатуру, при которой вся правительственная власть должна быть сосредоточена въ рукахъ одного трибунала, подъ предсѣдательствомъ верховнаго судьи; говорили, будто здѣсь цензоръ долженъ быть обвинителемъ, а генералиссимусъ долженъ руководить борьбой съ внутренними и внѣшними врагами. Утверждали будто Пашъ имѣетъ быть верховнымъ судьею, а Ронсенъ—генералиссимусомъ. Но эти обвиненія были лишь пустыми вымыслами, и противъ Паша даже не возбуждали обвиненія.

Геберъ говорилъ въ клубѣ новыхъ кордельеровъ, что самые худшіе люди—не воры, а честолюбцы: онъ мѣтилъ въ Робеспьера. Ге-

бертисты завѣсили въ этомъ клубѣ „Права человѣка"; казалось, что они хотятъ подготовиться къ возстанію. Но у нихъ не было никакого плана, а противъ нихъ, сверхъ того, была преобладающая сила. И не такъ-то легко было привести въ движеніе довольно тяжеловѣсный аппаратъ, которымъ можно было бы вызвать возстаніе въ предмѣстьяхъ. Комитетъ былъ сильнѣе и дѣйствовалъ быстрѣе ихъ. Въ ночь 13 марта были арестованы вожди гебертистовъ, а именно: Геберъ, Ронсенъ, Моморо, Венсанъ, Дюкрокэ и Сомюръ. Къ нимъ еще присоединили: голландскаго банкира и патріота Кока, у котораго часто собирались гебертисты; затѣмъ Дефье, Дюбюиссона, Перейра и Проли: три послѣдніе были нѣкогда комиссарами якобинцевъ при Дюмурье,—Проли былъ незаконный сынъ извѣстнаго политическаго дѣятеля Каунитца; далѣе была арестована жена казненнаго за свои неудачи въ Вандеѣ генерала Гетино и, наконецъ—Клоотцъ, нѣмецкій дворянинъ, единственный изъ членовъ конвента. Робеспьеръ добился исключенія Клоотца изъ клуба якобинцевъ, за то, что онъ получалъ ренту въ 100,000 франковъ и интересовался больше счастьемъ Персіи и Мономотапы, чѣмъ счастьемъ Франціи. Бѣдный Клоотцъ столь же искренно мечталъ о своей всемірной республикѣ, какъ и Робеспьеръ о своемъ государствѣ добродѣтели. Черезъ нѣсколько дней арестованы также Шометтъ, Гобель и Пашъ. Пашъ былъ устраненъ отъ должности мэра, и къ нему отнеслись, какъ къ человѣку подозрительному.

Процессъ противъ гебертистовъ продолжался три дня; обвиняемые, на которыхъ взваливали всевозможныя позорныя обвиненія —такъ, ихъ обвиняли даже въ кражѣ бѣлья—почти совершенно отказались отъ всякихъ средствъ защиты. „Это,—сказалъ Ронсенъ,—*процессъ политическій*. Къ чему вамъ ваши бумаги и всѣ приготовленія къ защитѣ? Вѣдь васъ все равно обвинятъ. Вы болтали, когда нужно было дѣйствовать; такъ покажите теперь, что вы сумѣете мужественно умереть!"

24 марта 1794 года осужденныхъ повезли на казнь. На пути къ эшафоту ихъ осыпали насмѣшками, потому что здѣсь собралось много роялистовъ, чтобы полюбоваться уничтоженіемъ революціонной коммуны. Ронсенъ и Клоотцъ проявили на эшафотѣ большое мужество.

Революціонная армія была распущена. Шометтъ и Гобель были также казнены: Шометта обвиняли предъ трибуналомъ въ томъ, будто онъ хотѣлъ выморить голодомъ Парижъ, на что онъ отвѣтилъ лишь презрительнымъ молчаніемъ. Коммуна была составлена изъ сторонниковъ Робеспьера.

Такъ остановился Робеспьеръ, послѣ того какъ онъ постоянно шелъ впередъ съ революціей. Здѣсь уже началась реакція въ его вкусѣ.

На гебертистовъ много и сильно клеветали историки: такая судьба постигаетъ всѣхъ, кто держится бѣднаго люда. Между ними, пожалуй, были фанатичные и слишкомъ увлекающіеся люди, но республиканскій патріотизмъ у этой партіи былъ столь же искрененъ, какъ и у другихъ партій. Они пали жертвой классовой ненависти, ограниченной идеи государства добродѣтели и властолюбія людей добродѣтели. Но когда комитетъ благосостоянія парализовалъ коммуну и истребилъ ея вождей, онъ подрубилъ тотъ сукъ, на которомъ онъ самъ держался. Парижское населеніе питало полное довѣріе къ людямъ коммуны, постоянно доставлявшимъ ему средства къ жизни, когда его лишенія возрастали. Впредь, когда онъ станетъ жаловаться на свою нужду, его будутъ угощать лишь усиленными строгостями противъ враговъ республики. Парижское населеніе не такъ легко отнеслось къ казни гебертистовъ, какъ предполагали въ комитетѣ благосостоянія.

Реакція, начавшаяся паденіемъ гебертистовъ, должна была поглотить и людей добродѣтели, и всю Гору.

Едва пали вожди гебертистовъ, какъ комитетъ благосостоянія приготовился истребить и правую фракцію Горы, дантонистовъ. Отправивъ на эшафотъ крайнихъ революціонеровъ, Робеспьеръ боялся, какъ бы не навлечь на себя подозрѣнія въ симпатіяхъ къ умѣреннымъ. Отрубленныя головы умѣренныхъ должны были доказать, что Робеспьеръ не имѣетъ ни малѣйшаго влеченія къ умѣренности.

Дантонъ пробылъ нѣкоторое время у себя на родинѣ, въ Арси на Обѣ (Arcis sur Aube), и вернулся съ самыми мрачными предчувствіями. Прибывъ по вызову своихъ друзей въ Парижъ, онъ имѣлъ свиданіе съ Робеспьеромъ. Прежняя дружба этихъ вождей революціи, въ которой посредникомъ между ними былъ Камиллъ Демуленъ, охладѣла, и они разстались, не придя къ сближенію. Дантонъ видѣлъ, что на него собирается гроза, и ничего не предпринималъ противъ нея. Да и что же ему было дѣлать? Бѣжать? Но какая же страна приняла бы его? Если бы онъ захотѣлъ возвысить свой могучій голосъ въ конвентѣ и предупредить правительство, то еще сомнительно, не высказался ли конвентъ за Робеспьера и комитетъ благосостоянія? Онъ флегматически отдался на волю судьбы... „Лучше пойти на гильотину, чѣмъ самому гильотинировать!“ говорилъ онъ. Онъ замѣчалъ, что жизнь ему надоѣла. И одному другу, который совѣтовалъ ему бѣжать, онъ отвѣтилъ: *„Развѣ можно унести съ собою родину на подошвахъ сапоговъ?!“*

Вечеромъ 30 марта 1794 г. одинъ канцелярскій чиновникъ сообщилъ ему, что въ комитетѣ благосостоянія была рѣчь объ его арестѣ.

Дантонъ, оглянувшись на свою роль въ революціи, отвѣтилъ: *„Они не осмѣлятся!“*

Однако они осмѣлились.

Ночью, по приказанію всесильнаго комитета благосостоянія, вслѣдствіе доклада Сенъ-Жюста, Дантонъ былъ арестованъ; арестованы также Камиллъ Демуленъ, Геро де-Сешелль, Лакруа, Филиппо, Вестерманъ и еще нѣкоторые дантонисты. Нѣсколько приверженцевъ Дантона: Шабо, Фабръ д'Эглантинъ, Базиръ и еще четыре человѣка были арестованы за поддѣлку одного декрета изъ корыстолюбія; теперь нарочно соединили этотъ процессъ о поддѣлкѣ съ процессомъ Дантона, и дантонистовъ всѣхъ вмѣстѣ представили предъ трибуналъ. Дантонистовъ такъ же, какъ и гебертистовъ, обвиняли въ томъ, что они подкуплены иностранцами — съ той лишь разницею, что гебертисты якобы имѣли намѣреніе погубить республику своими крайностями, а дантонисты будто бы хотѣли достигнуть того же своею умѣренностью. Противъ Дантона откопали старое обвиненіе, будто онъ былъ подкупленъ дворомъ и участвовалъ въ грабежахъ въ Бельгіи, но ни того, ни другого, по нашему мнѣнію, нельзя доказать, несомнѣнными данными.

У Дантона не было опоры въ конвентѣ и въ клубахъ; но когда распространилась вѣсть объ его арестѣ, Парижъ все-таки заволновался. Въ конвентѣ поднялся другъ Дантона, Лежандръ, и потребовалъ, чтобы арестованнаго привели въ конвентъ. Но Робеспьеръ разбилъ Лежандра своимъ краснорѣчіемъ и угрозами, и когда онъ воскликнулъ: *„мы не хотимъ идоловъ!“* конвентъ отвѣтилъ ему бурными одобреніями. Сенъ-Жюстъ прочелъ ловко составленный докладъ, въ которомъ онъ сгруппировалъ всѣ клеветы на дантонистовъ и изобразилъ ихъ людьми, подкупленными иностранными державами. Конвентъ сдѣлалъ видъ, будто онъ вѣритъ всѣмъ этимъ вещамъ, и депутаты изъ страха передъ силой комитетовъ пожертвовали головами Дантона и его друзей,—чтобы спасти свои собственныя.

Арестованные сидѣли въ заключеніи въ Люксенбургѣ, гдѣ Дантонъ изрекалъ свои сильныя крылатыя слова, а бѣдный Камиллъ Демуленъ, проживши чудную идиллію со своей прекрасной, молодой женой, Люсиль Дюплесси, писалъ тѣ незабвенныя письма, которыя принадлежатъ къ самымъ трогательнымъ изліяніямъ, какія когда-либо исторгалъ ужасъ смерти изъ любящаго сердца. Но передъ трибуналомъ Дантонъ и его друзья предстали исполненные мужества и гордости. Они, повидимому, еще имѣли надежду избѣжать эшафота, хватались за всякія процессуальныя формальности и защищались съ большимъ краснорѣчіемъ. Передъ трибуналомъ на допросѣ они давали оригинальные и достопримѣчательные отвѣты. Когда Дантону предложили вопросъ объ его имени, возрастѣ и мѣстѣ жительства, онъ отвѣтилъ: „Я Дантонъ—достаточно извѣстный въ революціи, 35 лѣтъ;

мое мѣстопребываніе скоро будетъ въ небытіи, — а имя мое будетъ жить въ Пантеонѣ исторіи!"

Народъ массами сбѣгался, чтобы посмотрѣть на знаменитыхъ вождей революціи передъ трибуналомъ; было неспокойно; народъ проникся участіемъ, когда увидѣлъ, какъ прекрасная, молодая жена Камилла въ отчаяніи блуждала близъ тюрьмы своего супруга. Громовой голосъ Дантона возбуждалъ народъ; онъ заглушалъ колокольчикъ предсѣдателя. Присяжные колебались, а обвиняемые все настойчивѣе и настойчивѣе требовали, чтобы имъ представили ихъ обвинителей и клеветниковъ. Но трибуналъ прекратилъ дебаты подъ тѣмъ предлогомъ, что обвиняемые оскорбили его. Ихъ приговорили къ смертной казни. И вотъ, въ послѣдній разъ послышался страшный голосъ Дантона; онъ пророчески воскликнулъ: „Нами жертвуютъ честолюбію трусливыхъ разбойниковъ, — но они не долго будутъ пользоваться плодами своей преступной побѣды. *Я потащу за собой Робеспьера... Робеспьеръ пойдетъ за мною!*"

Это пророчество должно было исполниться.

Дантонистовъ повезли на казнь 5 апрѣля 1794 г. Они умерли мужественно; Дантонъ потребовалъ, чтобы палачъ показалъ его голову народу, что тотъ и сдѣлалъ.

Такъ кончилъ жизнь Дантонъ, бурная энергія котораго спасла нѣкогда Францію отъ нападенія иностранныхъ державъ и реакціи въ самой странѣ. Это былъ человѣкъ дикихъ вспышекъ, но не систематической жестокости. Съ нимъ умеръ и Камиллъ Демуленъ, блестящій, поэтическій талантъ, ѣдкія замѣчанія котораго часто производили свое дѣйствіе даже тамъ, гдѣ онъ этого не хотѣлъ. На позорной колесницѣ онъ вспомнилъ тотъ день, 12 іюля, когда онъ въ Пале-Роялѣ призывалъ народъ къ оружію противъ двора, и онъ съ сердечной болью произнесъ: „такъ вотъ, какова награда первому апостолу свободы!" Бѣдный Камиллъ! Онъ былъ созданъ изъ матеріи, слишкомъ нѣжной для этой революціи, которая и желѣзные колоссы разбивала въ щепки. Эти два друга дѣлали все, чтобы придать жару и энергію революціи. Теперь они не во-время потребовали умѣренности,—и головы ихъ достались палачу.

Послѣ низверженія гебертистовъ и дантонистовъ, Робеспьеръ сталъ первымъ человѣкомъ въ республикѣ. Не было уже ни одного блестящаго имени, которое можно было бы противопоставить его имени, и никто такъ не сросся со всѣми великими событіями революціи, какъ онъ, депутатъ изъ Араса. Послѣ того, какъ онъ расчистилъ себѣ дорогу, его диктатура вырабатывалась совершенно сама собою изъ обстоятельствъ того времени. Съ помощью Сенъ-Жюста и Кутона, его друзей, совершенно преданныхъ ему, онъ завладѣлъ коми-

тетомъ благосостоянія, а посредствомъ него и конвентомъ. Внѣ конвента Робеспьеръ старался упрочить свое положеніе тѣмъ, что онъ всѣ выдающіяся должности замѣщалъ своими сторонниками. Революціонный трибуналъ состоялъ все изъ его сторонниковъ. Составъ коммуны былъ измѣненъ. Флеріо сталъ мэромъ, Пэйанъ—національнымъ агентомъ; этотъ послѣдній замѣнилъ прежняго прокурора Шометта. Оба они были безусловно преданы Робеспьеру, также какъ и начальникъ національной гвардіи, Анріо. Революціонная армія была распущена, потому что она состояла преимущественно изъ гебертистовъ. Министерства были уничтожены, а вмѣсто нихъ, для веденія государственныхъ дѣлъ, учреждено двѣнадцать бюро. Въ вѣдѣніи бюро состояли: 1) Полиція и судебное вѣдомство; 2) Народное просвѣщеніе; 3) Земледѣліе и искусства; 4) Торговля и наблюденіе за магазинами; 5) Общественныя сооруженія; 6) Организація общественной помощи; 7) Почта, транспортное дѣло и посольства: 8) Финансы; 9) Организація арміи и управленіе ею; 10) Судоходство и колоніи; 11) Вооруженіе; 12) Внѣшія дѣла. Такимъ образомъ, отъ министерствъ, которыя, впрочемъ, сохраняли лишь тѣнь самостоятельности, правительственная власть совершенно перешла къ комитету, органами котораго и были двѣнадцать бюро. Клубъ кордельеровъ былъ закрытъ, потому что этимъ надѣялись окончательно парализовать гебертистовъ; оставленъ только клубъ якобинцевъ, какъ признанное и поощряемое правительствомъ народное общество, гдѣ Робеспьеръ попрежнему ежедневно являлся на трибунѣ. Собранія же секцій были прекращены,—мѣра крайне непопулярная, такъ какъ вслѣдствіе нея рабочіе, получавшіе до сихъ поръ по два франка за посѣщеніе секцій, лишились поддержки, столь необходимой въ это время безработицы и голода.

Таково было внѣшнее устройство того аппарата, который долженъ былъ управлять республикой добродѣтели и ужаса. Довольно характеристично, что самъ Робеспьеръ взялъ на себя бюро общей полиціи. Сенъ-Жюстъ, такъ сильно выдвинувшійся при низверженіи гебертистовъ и дантонистовъ, сталъ теперь рядомъ съ Робеспьеромъ во главѣ республики. Этотъ молодой человѣкъ свелъ свои политическіе взгляды и требованія къ формуламъ, которыя онъ хладнокровно проводилъ, не давая никакого мѣста движеніямъ сердца, чувства. Его рѣшительность и фанатизмъ дѣлали его страшнымъ. Онъ носился съ грандіозными планами, отъ которыхъ до насъ сохранилось лишь немногое. Онъ хотѣлъ преобразовать все общество и вернуть его къ естественной простотѣ по идеалу Руссо. Онъ хотѣлъ превратить Францію въ демократическое земледѣльческое государство; для молодежи хотѣлъ онъ ограничить потребленіе мяса. Онъ всегда настаивалъ, что человѣкъ имѣетъ право на хлѣбъ, на существованіе, и 3 мая 1794 г. по его предложенію было постановлено: „Собственность патріотовъ священна и неприкосновенна; имущества же враговъ республики кон-

фискуются въ общую пользу". Постановленіе это выполнялось такъ: нужно было составить списокъ нуждающихся патріотовъ во всѣхъ общинахъ; нуждающіеся должны были получать вспомоществованія изъ кассы республики. Черезъ Баррера, который остался въ комитетѣ благосостоянія и подладился къ тріумвирату Робеспьера, Сенъ-Жюста и Кутона, чтобы впослѣдствіи, съ перемѣной вѣтра, оставить его,— былъ предложенъ декретъ, долженствовавшій уничтожить бѣдность и нищенство. На это смотрѣли слишкомъ легко. Декретъ предписывалъ продажу всѣхъ госпиталей, ихъ имущества и строенія, потому что общественная благотворительность должна была выполняться только республикою. Она должна была дать нуждающемуся извѣстную земельную собственность, доставлять ему работу, если онъ самъ не могъ достать ее, обезпечить ему содержаніе и уходъ, когда онъ заболѣетъ или станетъ неспособнымъ къ труду, и заботиться о воспитаніи его дѣтей.

Всѣ эти мѣропріятія вынуждались потребностями минуты и могли лишь на очень короткое время закрыть страшно зіяющую и все увеличивающуюся язву народныхъ бѣдствій. Здѣсь тоже люди не вышли изъ рамокъ государственной благотворительности, въ которую включили даже право на трудъ. Экономическія мѣропріятія правительства Сенъ-Жюста и Робеспьера были недостаточны. Ассигнаты снова стали падать въ курсѣ. Въ декабрѣ 1793 г. ихъ курсъ былъ еще $51^1/_2$. Теперь онъ падалъ быстро и гильотина, казнившая за ажіотажъ и ростовщичество, не могла остановить этого паденія. Съ января 1794 г. по іюль того же года курсъ ассигнатовъ понизился съ 40 до 31, а затѣмъ, когда система ужаса вдругъ ослабѣла, онъ сталъ падать еще ниже и быстрѣе.

Комитетъ благосостоянія долженъ былъ выполнять неимовѣрную работу, какую врядъ ли когда-либо выполняло иное правительство. Робеспьеръ, Сенъ-Жюстъ и Кутонъ руководили общей политикой, Барреръ былъ докладчикомъ комитета, Каньонъ управлялъ финансами, Билло-Вареннъ и Колло д'Эбруа завѣдывали сношеніями съ департаментами, а Карно по прежнему руководилъ военнымъ управленіемъ. Оба Пріера, Жанъ-Бонъ, Сентъ-Андрэ и Роберъ Лендрэ обыкновенно посылались въ провинціи для производства реквизицій или наказанія бунтовщиковъ. Работы, какъ говорилъ впослѣдствіи Карно, была такая масса, что члены комитета вынуждены были поручать другъ другу расписываться за себя, потому что невозможно было вмѣстѣ обсуждать дѣла: въ одинъ день приходилось рѣшать по шести сотъ дѣлъ. У этихъ правителей едва оставалось время на принятіе пищи, и самъ Карно долженъ былъ наскоро обѣдать въ одномъ скверномъ трактирѣ, чтобы сейчасъ же снова приниматься за работу.

Тріумвиратъ, правительственными принципами котораго были добродѣтель и ужасъ, вступилъ на опасный путь. Онъ вращался ме-

жду революціонными актами и реакціонными выходками. Сила этой диктатуры зависѣла отъ единенія властей, установленнаго популярностью Робеспьера и его вліяніемъ на массы, а также и устраненіемъ всѣхъ выдающихся его противниковъ. Но это единеніе могло нарушиться, и тогда все искусное сооруженіе диктатуры добродѣтельнаго и неподкупнаго Робеспьера немедленно должно было рухнуть. Если бы комитетъ благосостоянія пересталъ повиноваться тріумвирату или у конвента возникли препирательства съ комитетомъ благосостоянія, то диктатура Робеспьера оказалась бы висящей въ воздухѣ.

Но тріумвиры дѣлали все, чтобы упрочить свою власть и преклонить даже конвентъ передъ ужасомъ.

Добродѣтель предписывалась государственной властью, о ней говорилось во всѣхъ правительственныхъ публикаціяхъ. Старались внушить народу скромность, справедливость, честность, довольство малымъ, — словомъ, всю робеспьеровскую серію добродѣтелей. Но эти слова такъ и оставались словами и не могли, какъ декорація, скрыть слабыхъ сторонъ республики добродѣтели. Другой же правительственный принципъ людей добродѣтели,—ужасъ достигъ во время диктатуры Робеспьера крайнихъ предѣловъ.

Ужасъ въ это время уничтожилъ всѣхъ враговъ комитета благосостоянія внутри Франціи. Возстанія большихъ городовъ, жирондистовъ, Вандеи были подавлены, и въ провинціяхъ трибуналы цѣлыми массами казнили враговъ республики. Однако число жертвъ было не такъ велико, какъ обыкновенно говорятъ,—за исключеніемъ немногихъ мѣстностей, гдѣ озлобленіе борьбы разожгло партійныя страсти до бѣлаго каленія. Это было на сѣверѣ въ мѣстности Араса, гдѣ Жозефъ Лебонъ функціонировалъ, въ качествѣ комиссара комитета благосостоянія, и послалъ на эшафотъ массу лицъ. На югѣ, въ Оранжѣ, Мэнье (Maignet) назначилъ трибуналъ, произносившій множество обвинительныхъ приговоровъ, между тѣмъ какъ самъ онъ огнемъ и мечомъ разносилъ ужасъ по всей окрестности. Въ Нантѣ поселился Каррье, и когда адскія колонны ходили по Вандеѣ, плѣнные, отправляемые ими въ Нантъ, массами обрекались на смерть. Къ этимъ страшнымъ сценамъ примѣшались жестокія, кровавыя издѣвательства; при массовыхъ потопленіяхъ, совершавшихся по распоряженію Каррье, связывали, какъ говорили впослѣдствіи члены революціоннаго трибунала, по-парно голыхъ мужчинъ и женщинъ, и бросали ихъ въ воду; пробуравливались также лодки, наполненныя плѣнными, и погружались на дно. Это называли республиканскими свадьбами и крестинами. Безъ сомнѣнія, въ свѣдѣніяхъ, дошедшихъ до насъ, есть много преувеличеннаго, но многочисленныя кровавыя остроты, сохранившіяся отъ того времени, свидѣтельствуютъ, что люди тогда

свыклись съ ужасомъ и относились къ нему съ чисто-французскимъ легкомыслiемъ. Гильотину тогда называли „національнымъ окномъ“ или „rasoir national,“ говорили о „красной литургіи“ и о „чиханіи въ мѣшокъ“ казненныхъ. Крайности системы ужаса станутъ намъ понятными, если мы вспомнимъ о томъ продолжительномъ страшномъ гнетѣ, который тяготѣлъ на французскомъ народѣ. А сверхъ того, мы увидимъ, что послѣ низверженія Горы, революціонеры должны были вынести столь же кровавыя преслѣдованія, какъ раньше ихъ враги Это было въ духѣ того времени, взбудораженнаго столь страшными потрясеніями. Нужно, впрочемъ, упомянуть и о томъ, что извѣстный нѣмецкій ученый, Евлогій Шнэйдеръ, введшій систему ужаса въ Эльзасѣ и ставшій обвинителемъ въ страсбургскомъ революціонномъ трибуналѣ, былъ по распоряженію комитета благосостоянія арестованъ Сенъ-Жюстомъ и осужденъ революціоннымъ трибуналомъ за злоупотребленіе властью.

Парижскій революціонный трибуналъ быстро покончилъ съ самыми видными изъ обвиняемыхъ. Взошли на эшафотъ: королева, жирондисты, г-жа Роланъ, принцъ Орлеанскій; генералы: Люккнеръ, Кюстинъ, Гушаръ, Богарнэ и Бирон; затѣмъ, Барнавъ, Дюпоръ, Шапелье, Дантонъ, Геберъ, Клоотцъ и принцесса Елизавета. Тутъ дѣятельность трибунала стала превращаться въ безсмысленную бойню; убивали лишь затѣмъ, чтобы убивать. Примѣръ той кухарки, которая сейчасъ же послѣ учрежденія революціоннаго трибунала пошла на эшафотъ за то, что она желала короля, чтобы ея любовникъ не былъ вынужденъ идти на войну,—примѣръ этотъ можетъ служить типомъ многихъ подобныхъ случаевъ. Когда уже не было знаменитыхъ плѣнниковъ, стали отправлять на эшафотъ множество бѣдныхъ, неизвѣстныхъ людей, о проступкахъ которыхъ врядъ ли и стоило говорить. Тутъ были ремесленники, крестьяне, прислуга, повара, швеи, прачки и женщины всякаго рода; они умирали за самые ничтожные проступки. Приведемъ изъ всей этой массы нѣсколько примѣровъ.

5 декабря 1793 г. казнена Дюбарри, пресловутая метресса Людовика XV. Она страшно кричала, умерла трусливо, что вполнѣ къ ней и подходитъ. За нею слѣдовали все менѣе и менѣе извѣстныя жертвы. Одинъ молодой человѣкъ, по имени Грондель, умираетъ за то, что написалъ на ассигнатѣ: „Да здравствуетъ король!“ Вмѣстѣ съ нимъ умираетъ 26-ти-лѣтняя учительница школы для бѣдныхъ. 2 декабря идутъ на эшафотъ два сапожника, яко бы за „плохіе сапоги“, которые они доставляли въ армію. За однимъ богатымъ голландскимъ банкиромъ, Ванденивэ, двумя его сыновьями и жирондистскимъ депутатомъ, Ноэлемъ, 9 декабря слѣдуютъ четыре портныхъ, а 12 января падаетъ голова одной 34-хъ-лѣтней проститутки. Между ними идутъ на эшафотъ бывшіе члены магистрата, духовныя лица и военные; за господами часто слѣдуетъ и ихъ прислуга: такъ, 21 де-

[illegible] [illegible] [illegible] [

28 мая—винодѣлъ, портной съ женою, поденщикъ, опять винодѣлъ и портной, мельникъ, чернорабочій одного извозчика, бочаръ, слуга, швея, опять поденщикъ, рабочій табачной фабрики, стекольщикъ; 13-го іюня — портной, два стекольщика, торговецъ деревомъ, извозчикъ, живописецъ, мясникъ, садовникъ, типографщикъ и одна 24-хълѣтняя прачка изъ Гамбурга, по имени Гармассинъ. Что могла сдѣлать эта бѣдная прачка? Можетъ быть, она содѣйствовала реакціи тѣмъ, что стирала роялистамъ бѣлье.

Съ этихъ поръ дневные списки становятся длинными; число жертвъ доходитъ до 80 въ день. Уже списокъ 16 іюня содержитъ 54 жертвы: между ними 39 рабочихъ и 10 человѣкъ служащихъ.

Но довольно перечней. Списки остаются такими вплоть до низверженія Робеспьера; на пятьдесятъ осужденныхъ всегда приходится около сорока лицъ изъ *бѣдныхъ, трудящихся классовъ;* т.-е. изъ народа, по опредѣленію самого же Робеспьера.

Какъ судьи, изъ которыхъ особенно неистовствовалъ президентъ Дюма, такъ и нѣкоторые члены обоихъ комитетовъ, повидимому, старались преувеличеніями системы ужаса доказать свои патріотическія убѣжденія. Они соперничали другъ съ другомъ, и это соревнованіе многимъ стоило жизни. Мы упомянемъ лишь одну такую гекатомбу. Нѣкій Лядмираль, бывшій слуга, стрѣлялъ въ Колло д'Эбруа и промахнулся. Народъ проявилъ большое сочувствіе Колло. Робеспьеромъ овладѣла зависть: ему тоже нужно было имѣть покушеніе! Поэтому, когда одна двадцатилѣтняя, очевидно, фанатичная, дѣвушка, по имени Сэсиль Рено, дочь владѣльца бумажной фабрики, явилась въ тотъ домъ, гдѣ жилъ Робеспьеръ, и спросила его,—ее задержали. При ней нашли два маленькихъ карманныхъ ножика, и когда она еще сказала: „я хотѣла посмотрѣть, какъ выглядитъ тиранъ!"—то покушеніе было готово. На Лядмираля и Сэсиль посмотрѣли, какъ на главъ большого заговора, устроеннаго Питтомъ, и всѣхъ, кто только былъ близокъ къ арестованнымъ, привлекли къ этому дѣлу. Вмѣстѣ съ Сэсилью обвиняли ея отца, братьевъ, ея тетку. Въ это дѣло впутали г-жу Сентъ-Амарантъ, ея дочь, сына, зятя и прежнюю любовницу этого послѣдняго, а также и всѣхъ ихъ слугъ. Тутъ было 61 человѣкъ и среди нихъ—десять женщинъ. Всѣ протесты оказались тщетными, и Лядмираля, когда онъ заявлялъ, что не знаетъ всѣхъ этихъ людей, даже не слушали. Эти лица были приговорены къ смертной казни, въ качествѣ членовъ одного и того же заговора, и 17 іюня отправлены на эшафотъ въ красныхъ рубахахъ, какъ „отцеубійцы". Этотъ необычайный процессъ раздувалъ, главнымъ образомъ, старый Вадье, такъ какъ онъ зналъ, что Сентъ-Амарантъ содержала игорный домъ гдѣ, какъ говорили, бывалъ братъ Робеспьера. Онъ хотѣлъ этимъ скомпрометировать Робеспьера.

Тогда даже въ тюрьмахъ открывали заговоры. Къ арестован-

нымъ сажали шпіоновъ, которые сообщали ихъ дѣйствительныя или измышленныя слова, зачѣмъ, обыкновенно, слѣдовали казни.

Фукье-Тэнвилль скоро уже не могъ самъ управляться съ дѣлами трибунала; ему должны были дать помощника, а впослѣдствіи—раздѣлить трибуналъ на секціи. Даже самого Фукье ужасали эти массовыя бойни, и однажды ночью, проходя по сенскому мосту, онъ сказалъ своему проводнику, что ему кажется, будто въ Сенѣ, вмѣсто воды, течетъ кровь.

Народъ никогда не проявлялъ особенныхъ симпатій къ революціонному трибуналу. Онъ прекрасно понималъ, что эти избіенія, для которыхъ жертвы набирались преимущественно изъ него же, не могли улучшить его положенія. Поэтому за позорными колесницами часто слышались свистки и крики, а обитатели тѣхъ улицъ, по которымъ слѣдовали печальныя шествія къ эшафоту, закрывали ставни. Теперь правительство распорядилось, чтобы позорныя колесницы направлялись черезъ Сентъ-Антуанское предмѣстьѣ въ той надеждѣ, что революціонные рабочіе этого предмѣстья станутъ одобрять казни. Но и рабочіе встрѣчали позорныя колесницы выраженіями отвращенія, которыя относились не къ осужденнымъ, и также закрывали ставни. Они даже не позволяли своимъ любопытнымъ женамъ смотрѣть на казни.

Среди 2750 жертвъ гильотины въ Парижѣ людей состоятельныхъ, вліятельныхъ и высокопоставленныхъ было 650; остальные 2100 человѣкъ—всѣ люди бѣдные. Такимъ образомъ, бѣдные, трудящіеся классы дали значительно бо́льшую часть той крови, которую люди добродѣтели выпустили изъ французскаго народа. Они не могли понять, зачѣмъ это для отраженія союзныхъ европейскихъ державъ нужно проливать кровь бѣдныхъ, безвѣстныхъ рабочихъ, крестьянъ, поденщиковъ, женщинъ, дѣвушекъ, швей и прачекъ. И когда впослѣдствіи, въ трудную минуту, агенты Робеспьера явились въ предмѣстья и призывали народъ явиться на помощь этому человѣку добродѣтели, то имъ здѣсь злобно отвѣтили: *„Мы умираемъ отъ голода, а вы думаете накормить насъ казнями!“*

Между тѣмъ, какъ по улицамъ Парижа ежедневно проѣзжали позорныя колесницы, наполненныя осужденными, диктаторъ Робеспьеръ придумывалъ, какъ бы дать своему государству добродѣтели соотвѣтствующую религіозную основу. И онъ, наконецъ, пришелъ къ рѣшенію побудить конвентъ признать бытіе Высшаго Существа и безсмертіе души.

Робеспьеръ, въ сознаніи своего могущества, не чувствовалъ, какъ смѣшно требовать рѣшенія такого вопроса по большинству голосовъ. 7 мая онъ держалъ въ конвентѣ длинную рѣчь, въ которой

онъ, между прочимъ, говорилъ: *„Невинность на эшафотѣ заставляетъ блѣднѣть тирана въ его тріумфальной колесницѣ; обладала ли бы она этой силой, если бы смерть не уравнивала угнетателя и угнетеннаго?“* Онъ доказывалъ, что вѣра въ безсмертіе души увеличитъ мужество и патріотизмъ. Рабски приниженный конвентъ покрылъ эти фразы аплодисментами, и никто не осмѣлился сказать, что постановленіе конвента еще не есть доказательство. Такимъ образомъ, рѣшено было декретировать Высшее Существо, и декретъ этотъ гласилъ:

„Французскій народъ признаетъ бытіе Высшаго Существа и безсмертіе души. Онъ признаетъ, что достойное служеніе Высшему Существу состоитъ въ исполненіи обязанностей человѣка. Должны быть установлены праздники, чтобы напоминать людямъ идею божества и величіе его бытія. Праздники эти должны получить свои названія отъ славныхъ событій нашей революціи, отъ драгоцѣннѣйшихъ и полезнѣйшихъ для человѣка добродѣтелей, отъ величайшихъ благодѣяній природы. 20 прэріаля должно состояться празднество въ честь Высшаго Существа“.

Можно себѣ представить, какими насмѣшками втайнѣ осыпали скептическіе французы этотъ декретъ. Но диктаторъ съ добродѣтелью, ужасомъ и Высшимъ Существомъ скоро долженъ былъ замѣтить, что конвентъ лишь для вида аплодировалъ его новой религіи.

8 іюня 1794 г. состоялся праздникъ Высшаго Существа, имъ завѣдывалъ снова живописецъ Давидъ, пламенный приверженецъ Робеспьера. Народа на немъ присутствовало не такъ много, какъ обыкновенно на иныхъ національныхъ праздникахъ. Робеспьеръ былъ избранъ на этотъ день президентомъ конвента, и онъ держалъ себя совершенно, какъ первосвященникъ. Первая часть празднества состоялась въ Тюльерійскомъ саду. Конвентъ помѣстился на возвышеніи въ видѣ амфитеатра, окруженный группами народа обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ. Въ рукахъ депутатовъ были небольшіе букеты; головы дѣтей были украшены вѣнками изъ фіалокъ, юношей — изъ миртовъ, мужчинъ изъ дубовыхъ листьевъ, стариковъ — изъ виноградныхъ гроздей и оливковыхъ вѣтокъ; женщины несли корзинки съ цвѣтами. Заиграла музыка, и Робеспьеръ въ синемъ фракѣ—болѣе свѣтлаго цвѣта, чѣмъ у остальныхъ его товарищей,—съ напыщеннымъ видомъ, точно тріумфаторъ, произнесъ свою крайне фразистую рѣчь. Затѣмъ, онъ подошелъ къ группѣ аллегорическихъ статуй, сдѣланныхъ изъ картона, которыя должны были изображать раздоръ, атеизмъ и эгоизмъ; ихъ нужно было уничтожить. Новый первосвященникъ зажегъ факеломъ статуи; изъ ихъ пепла должно было подняться изображеніе мудрости. Изображеніе это показалось нѣсколько почернѣвшимъ отъ дыма и, когда кто-то замѣтилъ, что мудрость новаго первосвященника помрачилась, конвентъ засмѣялся. Робеспьеръ про-

изнесъ вторую рѣчь, относившуюся къ этому акту. Затѣмъ, конвентъ направился на Марсово поле, причемъ Робеспьеръ съ сіяющимъ лицомъ шелъ на нѣсколько шаговъ впереди конвента. Это выдѣленіе озлобило членовъ конвента; послышалось слово: тиранъ, а какой-то голосъ даже крикнулъ высокомѣрному, напыщенному диктатору: *„отъ Капитолія до Тарпейской скалы — лишь одинъ шагъ!“* Говорятъ, будто это сказалъ Билло-Вареннъ.

На Марсовомъ полѣ былъ устроенъ холмъ съ деревомъ на вершинѣ его. Процессія расположилась здѣсь и народныя группы пѣли пѣсни въ честь Высшаго Существа. Юноши обнажили мечи и произнесли клятву защищать отечество и республику. Затѣмъ, Робеспьеръ держалъ третью рѣчь и закончилъ ее словами: „Сегодня мы предадимся восторгу чистаго умиленія, а *завтра — снова будемъ поражать порокъ и тирановъ!*“

Празднество кончилось народными увеселеніями. Оно умножило враговъ диктатора, такъ какъ его высокомѣрное поведеніе возмутило многихъ. Отъ него ждали государственнаго переворота; но онъ полагалъ, что время для этого еще не пришло.

Огромныя вооруженія республики были закончены зимой 1793—1794 г., и Карно выставилъ на сѣверѣ и западѣ для отраженія союзниковъ четыре большихъ арміи. Когда внутри Франціи свирѣпствовала кровавая партійная борьба и мечъ ужаса повисъ надъ головами, — полководцамъ удалось приковать побѣду къ знаменамъ республики.

Сѣверной арміей командовалъ Пишегрю, — тогда еще республиканецъ. Пишегрю, бывшій раньше учителемъ въ бріеннскомъ военномъ училищѣ, тоже участвовалъ въ американской войнѣ. Одаренный большими талантами, онъ скоро сталъ генераломъ. Теперь онъ черезъ сѣверную границу, черезъ западную Фландрію двинулся на агло-голландскую армію и 22 мая 1794 г. близъ Турнэ разбилъ ее на голову. Бельгія была снова завоевана, крѣпости ея сдались, и Пишегрю вступилъ въ Голландію, гдѣ народъ съ воодушевленіемъ встрѣтилъ его и радостно привѣтствовалъ свое освобожденіе отъ англо-орангскаго ига. Пишегрю, захвативъ, благодаря своему военному искусству, одинъ важный островъ, разъединилъ англо-голландское войско и могъ уже предпринять окончательное завоеваніе Голландіи.

Журданъ, командовавшій самбрской и маасской арміей, при которой, въ качествѣ представителя конвента и комитета благосостоянія, находился Сенъ-Жюстъ, долженъ былъ выполнить трудную задачу занятія Самбра, что, послѣ огромныхъ усилій и потерь, ему и удалось. Сенъ-Жюстъ, по внушеніямъ Карно, неутомимо побуждалъ генерала къ энергичнымъ дѣйствіямъ; этотъ молодой депутатъ про-

явилъ здѣсь много энергіи и храбрости. Главныя силы австрійцевъ находились подъ начальствомъ принца Іосіи Кобургскаго. Враждебныя арміи столкнулись 24 іюня, и произошла страшная битва при Флерю,— самая кровавая изъ всѣхъ битвъ этого похода. Позиціи были очень разбросаны, и французская боевая линія занимала пространство на десять часовъ пути. Австрійцы сдѣлали нападеніе; они были отброшены съ такой силой, что къ вечеру принцъ Іосія отдалъ приказъ о всеобщемъ отступленіи. Журданъ и Пишегрю вмѣстѣ вошли въ Брюссель и между тѣмъ, какъ Пишегрю пошелъ дальше вглубь Голландіи, Журданъ прогналъ австрійцевъ до Кельна и передалъ весь лѣвый берегъ Рейна въ руки Франціи.

Рейнской арміей командовалъ Мишо, такъ какъ Гошъ по проискамъ Сенъ-Жюста былъ арестованъ. Пруссаки подъ начальствомъ Меллендорфа и австрійцы подъ начальствомъ Вурмзера стояли въ Пфальцѣ; Англія выдавала большія субсидіи. Мишо сперва, во второй битвѣ при Кайзерляутернѣ 22 мая, былъ отброшенъ Меллендорфомъ и долженъ былъ отступить до Саара. Но здѣсь онъ получилъ подкрѣпленія и съ яростью бросился на своихъ противниковъ. Онъ прорвалъ линіи Вурмзера при Эдесгеймѣ и 15 іюля, въ третьей битвѣ при Кайзерляутернѣ, разбилъ стараго Меллендорфа на голову. Пруссаки и австрійцы отступили за Рейнъ, и вскорѣ по среднему теченію Рейна весь лѣвый берегъ этой рѣки до самаго Майнца былъ въ рукахъ французовъ. Французы отнеслись довольно строго къ тѣмъ мѣстностямъ, которыя оказывали поддержку союзникамъ; нѣкоторыя изъ нихъ были подвергнуты наказаніямъ.

Въ сѣверной Италіи Келлерманъ побѣдоносно вступилъ въ Пьемонтъ, и народъ радостно встрѣчалъ его, какъ освободителя. Въ Пиринеяхъ Карно вручилъ теперь начальствованіе надъ стоявшими тамъ французскими войсками Дюгомье, завоевателю Тулона, и генералу Мюллеру; оба они были дѣльные полководцы. Испанское войско было отброшено Мюллеромъ близъ Сэрэ (Ceret), и теперь французы перешли Пиринеи. Въ большой четырехдневной (17—20 ноября) битвѣ при Монте-Неро Дюгомье разбилъ испанцевъ; онъ самъ, также какъ и предводитель испанцевъ де ля-Уніонъ (de la Union), палъ въ этой битвѣ. Мюллеръ и Монсэ завоевали Навару и прошли до Арагоніи, такъ что Испанія попала въ довольно затруднительное положеніе. Республика вездѣ одерживала побѣды. Но на морѣ ей не везло. Корсика была завоевана англійскимъ адмираломъ Гудомъ съ помощью Паскаля Паоли, и близъ Кессана 1 іюня произошло несчастное для французовъ морское столкновеніе. Адмиралъ Вильярэ-Жуаезъ (Villaret-Joyeuse) отправился изъ Бреста, чтобы дать прикрытіе 200 судамъ, везшимъ хлѣбъ изъ Вестъ-Индіи. Англійскій адмиралъ Говъ (Howe) напалъ на французовъ и послѣ страшной морской битвы,— въ которой особенно отличился своей беззавѣтной храбростью эки-

пажъ пробитаго внизу французскаго судна „Ванжеръ“, — французы должны были прекратить битву. Они потеряли семь кораблей, но суда съ хлѣбомъ счастливо прибыли въ брестскую гавань.

Островъ Гаити снова склонился къ французской республикѣ, послѣ того, какъ Туссэнъ ль'Увэртюръ, талантливый негръ, пріобрѣтшій здѣсь большое вліяніе, перешелъ на сторону французовъ. Этимъ испанское владычество въ Гаити было уничтожено. Туссэнъ пришелъ на помощь уже разбитому и окруженному врагами французскому войску на Гаити и освободилъ его; конвентъ произвелъ Туссэна въ генералы. Онъ остался фактическимъ правителемъ и представителемъ республики на островѣ Гаити, ставшемъ къ Франціи въ отношеніе республики-дочери.

Празднество въ честь Великаго Существа и первосвященническое поведеніе Робеспьера во время этого празднества вызвали большое волненіе умовъ. Революціонеры перешептывались, что Робеспьеръ носится съ реакціонными планами; реакціонеры начали возлагать на него надежды. Онъ получалъ анонимныя письма, то переполненныя угрозами, то побуждавшія его къ государственному перевороту. Боясь упасть во мнѣніи общества, если ему станутъ приписывать реакціонныя стремленія, онъ сталъ усиливать систему ужаса, чтобы доказать свою ревность къ дѣлу революціи. Этотъ демагогическій поворотъ сказался уже черезъ два дня послѣ праздника Высшаго Существа. 10 іюня 1794 г. (22 прэріаля II г. респ.) Кутонъ предложилъ конвенту свой страшный законопроектъ относительно преобразованія революціоннаго трибунала. Законъ этотъ лишалъ обвиняемыхъ еще хоть сколько-нибудь защищавшихъ ихъ формальностей; допросъ и защитники отмѣнялись. „Если трибуналъ заявитъ, — говорилось въ этомъ законѣ:—что у него есть фактическія или моральныя доказательства противъ обвиняемаго, то *допросъ свидѣтелей не долженъ имѣть мѣста. Оклеветаннымъ патріотамъ законъ даетъ въ защитники патріотическихъ присяжныхъ; заговорщикамъ же онъ отказываетъ въ защитникахъ*“. Затѣмъ, члены конвента могли привлекаться къ суду трибунала простымъ распоряженіемъ комитета, тогда какъ до сихъ поръ для этого нужно было постановленіе конвента. Самъ революціонный трибуналъ былъ раздѣленъ на три секціи; каждая изъ нихъ состояла изъ предсѣдателя, трехъ судей и девяти присяжныхъ.

Даже Фукье-Тэнвилль пришелъ въ ужасъ отъ этого закона и явился въ комитетъ благосостоянія, чтобы сдѣлать свои представленія о немъ. Билло, Колло и Карно направили его къ Робеспьеру, который вѣдалъ это дѣло. Фукье сказалъ Робеспьеру, что такой законъ лишитъ трибуналъ довѣрія народа. Но Робеспьеръ рѣзко отвѣтилъ ему,

что *такъ могутъ говорить только аристократы.* Фукье въ смущеніи удалился, и эти слова Робеспьера лучше всего доказываютъ, какъ смѣшно и неосновательно то предположеніе, будто онъ хотѣлъ ужасъ подавить ужасомъ.

Въ конвентѣ этотъ законъ вызвалъ всеобщее волненіе, и депутатъ Рюанъ (Ruamps) потребовалъ отсрочки, прибавивъ: „Если этотъ законъ пройдетъ, то каждому изъ насъ не остается ничего иного, *какъ пустить себѣ пулю въ лобъ!*“ Но Робеспьеръ грозно выступилъ противъ предложенія объ отсрочкѣ, и законъ былъ принятъ. На слѣдующій день конвентъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, обвиненіе своихъ членовъ снова поставить въ зависимость отъ своихъ собственныхъ рѣшеній и сдѣлалъ постановленіе въ этомъ смыслѣ. Но теперь Кутонъ напалъ на партію Горы. Бурдонъ изъ Уазы защищалъ ее. Бурдонъ проявилъ при этомъ мужество, котораго конвентъ не привыкъ обнаруживать, когда дѣло шло объ оппозиціи тріумвирату. Рѣчь Бурдона конвентъ покрылъ аплодисментами. Тогда взошелъ на трибуну Робеспьеръ съ повелительными жестами и произнесъ властнымъ голосомъ противъ Бурдона такую грозную рѣчь, что страхъ снова овладѣлъ всѣми. Робеспьеръ держалъ себя совершенно по-диктаторски, и законъ во второй разъ былъ принятъ безъ всякихъ измѣненій.

Съ этого момента болѣе шестидесяти депутатовъ не рѣшались ночевать въ своихъ жилищахъ изъ опасенія подвергнуться аресту. У Робеспьера вездѣ были шпіоны. Законъ о реорганизаціи революціоннаго трибунала произвелъ свое дѣйствіе: въ 45 дней, въ теченіе которыхъ еще продержалось владычество добродѣтельнаго Робеспьера, на эшафотъ должны были взойти 1,285 человѣкъ. Эти массовыя казни называли fournées, „печами“, какъ хлѣбопеки называютъ партіи хлѣба, приготовляемаго ими за одинъ разъ. Эти массовыя бойни волновали населеніе предмѣстій, и Робеспьеру при его паденіи пришлось узнать, какой поворотъ совершился въ народѣ, изъ котораго правительство этого человѣка добродѣтели выхватывало большую часть своихъ жертвъ.

Въ конвентѣ и въ комитетахъ вскорѣ тоже образовалась сильная оппозиція противъ Робеспьера. Колло д'Эбруа, Билло-Вареннъ и Барреръ медленно и осторожно подкапывались подъ основаніе диктатуры добродѣтельнаго человѣка. Они вошли въ соглашеніе съ членами комитета безопасности, гдѣ Вадье, Амаръ, Вульянъ, Леонаръ Бурдонъ и другіе, бывшіе сторонники Марата и Гебера, питали полное отвращеніе къ робеспьеровскому государству добродѣтели и первосвященничеству. Робеспьера старалась выставить на посмѣяніе. Сперва нѣкій Мажанти (Magenthies), по соглашенію съ комитетами, представилъ конвенту петицію о томъ, чтобы во время исповѣданія Высшаго Существа всѣ, злоупотребляющіе именемъ Бога, наказывались смертью.

Надъ этимъ много смѣялись, но смѣхъ еще болѣе усилился, когда комитетъ безопасности съ большимъ шумомъ арестовалъ нѣсколько пьяныхъ, — потому, молъ, что въ царствованіе добродѣтели нельзя напиваться до-пьяна. Тутъ подоспѣло дѣло съ „матерью Тэо“. Одна старуха, по имени Катерина Тэо, собрала вокругъ себя кучку фанатиковъ, которымъ она возвѣщала пришествіе Мессіи, описывая его такъ, какъ только могло придумать ея разстроенное воображеніе. Среди этихъ тронувшихся людей былъ одинъ прежній картезіанскій монахъ, Донъ-Жерль (Dom-Gerle), засѣдавшій нѣкогда вмѣстѣ съ Робеспьеромъ въ Учредительномъ Собраніи и получившій отъ него самого гражданское свидѣтельство, которое должно было защищать его отъ закона о подозрительныхъ. Сектанты эти во время одного изъ своихъ собраній были арестованы, и между бумагами Тэо нашли одно не отправленное письмо къ Робеспьеру, въ которомъ она называла его своимъ „милымъ сыномъ“. Имя этой старухи Тэо (Theot) измѣнили въ *тэóсъ* (theos по-гречески: Богъ),—изъ выраженія „мать Тэо“ сдѣлали слово „*Богоматерь*“ и представили дѣло такъ, что Робеспьеръ фигурировалъ въ качествѣ ея „возлюбленнаго сына“, что вызвало много смѣха. Эта мессіанская роль прекрасно подходила къ роли первосвященника.

Робеспьеръ пришелъ въ ярость и рѣшилъ избавиться отъ своихъ противниковъ въ комитетахъ. Онъ былъ очень чувствителенъ къ обидамъ, и если онъ кого-нибудь разъ возненавидѣлъ, то ужъ никогда не забывалъ своей ненависти. Онъ также не могъ перенести и того, что комитетъ дважды отклонялъ предложеніе формально возложить на Робеспьера диктатуру, чего требовалъ для него Сенъ-Жюстъ. Кромѣ того, члены правительства не позволяли передавать революціонному трибуналу всѣхъ тѣхъ лицъ, которыхъ намѣчалъ Робеспьеръ. Въ комитетѣ благосостоянія дѣло дошло до бурныхъ сценъ между Робеспьеромъ, старшимъ Сенъ-Жюстомъ, хитрымъ Кутономъ, съ одной стороны и Билло, Колло, Баррeромъ и Карно—съ другой. Самому же Карно, который просто по натурѣ не могъ лицемѣрить, Сенъ-Жюстъ грозилъ смертью.

Наконецъ, Робеспьеръ оставилъ комитетъ благосостоянія, — но не потому, чтобы онъ былъ противникомъ крайностей системы ужаса. Его друзья: Сенъ-Жюстъ и Кутонъ заботились о томъ, чтобы исшедшій отъ него законъ 22 прэріаля остался и дѣйствовалъ во всей силѣ. Самъ же Робеспьеръ придумывалъ какъ бы отомстить своимъ врагамъ. Комитеты старались нѣсколько ослабить терроризмъ и постановили, что въ тѣхъ мѣстахъ, которыя имѣютъ менѣе 1,200 жителей, всѣ арестованные и подозрительные должны быть освобождены, если они подѣнщики, сельскіе рабочіе, крестьяне или ремесленники. Подъ арестомъ должны были остаться только лица, обвиняемыя въ

государственной измѣнѣ. Пойти дальше комитеты на этотъ разъ не рѣшились.

Теперь Робеспьеръ началъ произносить у безусловно преданныхъ ему якобинцевъ обвинительныя рѣчи противъ своихъ враговъ въ комитетахъ и конвентѣ. Онъ не задумался снова опутать своихъ противниковъ сѣтью демагогической клеветы; онъ утверждалъ въ клубѣ якобинцевъ, будто въ конвентѣ и въ комитетахъ существуетъ заговоръ противъ республики, оплачиваемый Англіей. „Раньше,—говорилъ онъ, — англійскіе наемники нападали на общія мѣропріятія комитета благосостоянія; теперь же они обратились противъ отдѣльныхъ патріотическихъ членовъ его, чтобы этимъ уничтожить единство и силу правительства". Онъ окружилъ своихъ противниковъ шпіонами и самъ выходилъ только въ сопровожденіи вооруженнаго конвоя.

Комитетъ благосостоянія два раза приглашалъ Робеспьера явиться въ его засѣданіе и дать указанія относительно того заговора, о которомъ онъ безпрестанно говоритъ въ клубѣ якобинцевъ. Но Робеспьеръ не являлся: онъ рѣшилъ выступить съ обвиненіемъ противъ своихъ противниковъ въ самомъ конвентѣ.

8 тэрмидора II г. республики (26 іюля 1794 г.) онъ явился въ конвентъ и держалъ здѣсь длинную, довольно туманную рѣчь, переполненную избитыми фразами о добродѣтели. Онъ говорилъ, что положеніе дѣлъ—самое отчаянное во всѣхъ отношеніяхъ. По обыкновенію онъ увѣрялъ, что онъ не диктаторъ и не тиранъ. Онъ нападалъ на комитеты и партіи въ конвентѣ, Шамбона обозвалъ негодяемъ. Но смыслъ всей этой длинной, темной рѣчи сталъ яснымъ изъ слѣдующихъ словъ: „Каковы же средства противъ этихъ золъ? *Нужно наказать измѣнниковъ, обвинить комитетъ безопасности, очистить комитетъ благосостоянія*, подчинить первый второму, основать единство правительства подъ властью верховнаго единства конвента и, такимъ образомъ, подавить національной властью всѣ партійные раздоры и на ихъ развалинахъ создать царство добродѣтели и свободы".

Молча прослушалъ конвентъ эту рѣчь и сперва было даже постановилъ напечатать ее и разослать по общинамъ и арміямъ. Казалось, Робеспьеръ побѣдилъ. Но вотъ, поднялся старикъ Вадье и заговорилъ противъ Робеспьера; это придало храбрости и необузданному Шамбону; онъ вспыхнулъ. „Пора, — воскликнулъ онъ, — пора сказать всю правду. Одинъ—единственный человѣкъ парализовалъ до сихъ поръ волю цѣлаго конвента и человѣкъ этотъ — Робеспьеръ!" Тутъ-то и обрушились на Робеспьера со всѣхъ сторонъ; постановленіе о напечатаніи его рѣчи было отмѣнено. Робеспьеръ удалился, исполненный ярости. Но онъ показалъ, что онъ не былъ человѣкомъ дѣла, такъ какъ онъ въ этотъ вечеръ пошелъ въ клубъ якобинцевъ и терялъ драгоцѣнное время на повтореніе здѣсь длинной, мистиче-

ской рѣчи, произнесенной имъ въ конвентѣ. Въ заключеніе, — какъ онъ всегда дѣлалъ, когда хотѣлъ взволновать своихъ слушателей, — онъ изобразилъ себя мученикомъ, описалъ свое пораженіе въ конвентѣ и сказалъ: *„Я готовъ спокойно выпить чашу Сократа!“* — „Робеспьеръ! — воскликнулъ живописецъ Давидъ: — *я выпью ее съ тобою!“* Однако Давидъ предпочелъ не пить чаши Сократа.

Якобинцы привѣтствовали рѣчь Робеспьера выраженіями крайняго восторга, и Билло и Колло, также присутствовавшіе здѣсь, должны были бѣжать, чтобы ихъ не поколотили. Тріумвиры постановили напасть въ слѣдующемъ засѣданіи конвента на своихъ противниковъ и потребовать ихъ ареста и обвиненія. Сенъ-Жюстъ взялся составить и произнесть обвинительную рѣчь.

Противники Робеспьера: комитеты, Гора и другія партіи проявили въ ночь съ 8 на 9 термидора необычайную энергію. Изъ рѣчи Робеспьера было ясно, въ чемъ дѣло. Всѣ партіи почувствовали себя въ опасности. Начались переговоры; дантонисты, Талльянъ, Мерленъ, Баррасъ, Фреронъ сговаривались съ остатками жирондистовъ, подъ водительствомъ Буасси д'Англа и долиною, подъ главенствомъ Дюранъ-Мэльяна; но всѣ они сносились съ Горою и комитетами. Пріемы Робеспьера были всѣмъ извѣстны: *„очищеніе комитетовъ, наказаніе заговорщиковъ“* — это означало казнь всѣхъ враждебныхъ ему членовъ комитетовъ и вождей партій. Такимъ образомъ, весь конвентъ соединился противъ Робеспьера, съ которымъ остался только Сенъ-Жюстъ, Кутонъ, Леба и Робеспьеръ младшій.

Въ 11 часовъ утра 9 термидора II года республики (27 іюля 1794 г.) было открыто то засѣданіе конвента, которое должно было превратиться въ столь величественную и богатую послѣдствіями сцену. Если бы Робеспьеръ двинулся теперь на конвентъ во главѣ вооруженной силы, то онъ бы, вѣроятно, вышелъ побѣдителемъ. Но онъ былъ ораторъ и поэтому хотѣлъ побѣдить своихъ враговъ рѣчами. И силамъ, соединившимся противъ Робеспьера, не трудно было управиться съ его ораторскимъ искусствомъ.

Глубокая тишина господствовала въ залѣ конвента, бывшей уже свидѣтельницей столь многихъ бурныхъ сценъ,—когда Сенъ-Жюстъ взошелъ на трибуну, чтобы прочесть свой обвинительный докладъ, который онъ обѣщалъ-было показать своимъ товарищамъ по комитету благосостоянія, но не показалъ. Онъ началъ:

„Я не принадлежу ни къ какому комплоту; я буду бороться со всѣми ими. Обстоятельства сложились такъ, что, можетъ быть, эта трибуна станетъ Тарпейской скалой для того, кто скажетъ вамъ, что члены правительства оставили путь мудрости“.

Талльянъ,—у котораго страданія любимой имъ женщины, томившейся теперь въ тюрьмѣ и ожидавшей казни, вызвали мужество отчаянія,—поднимается и прерываетъ Сенъ-Жюста такими словами: „Нѣтъ

одинъ добрый гражданинъ не можетъ удержаться отъ слезъ при видѣ тѣхъ несчастій, на которыя обречено теперь общественное благосостояніе. Повсюду царятъ раздоры. И сегодня снова хотятъ сцѣпиться, чтобы ввергнуть республику въ пропасть. Я требую, чтобы завѣса была совершенно разорвана!"

„Это необходимо! Она будетъ разорвана!" раздается со всѣхъ сторонъ, и залъ трижды оглашается шумными одобреніями. Сенъ-Жюстъ стоитъ, какъ громомъ пораженный; Билло-Вареннъ устремляется на трибуну и съ жаромъ нападаетъ на тріумвировъ. „Въ клубѣ якобинцевъ",—восклицаетъ онъ,—„грозили уничтожить конвентъ, и онъ погибнетъ, если онъ окажется слабымъ!" Раздаются одобренія и Робеспьеръ спѣшитъ на трибуну, чтобы опровергнуть Билло. Но ему уже нельзя говорить; лишь только онъ раскрылъ ротъ, со всѣхъ сторонъ поднялись громовые крики: *„долой тирана!"* Билло остается на трибунѣ; Робеспьеръ начинаетъ говорить, но сейчасъ же съ Горы съ Долины, съ правой раздается: „долой тирана!", и голосъ его исчезаетъ среди страшнаго шума и гама. Онъ обращается къ Горѣ, къ Долинѣ,—напрасно: онъ уже не будетъ говорить. Охрипшій отъ страшнаго напряженія, съ пѣной у рта, съ раскраснѣвшимся лицемъ Робеспьеръ напрягаетъ послѣднія усилія и кричитъ: *„въ послѣдній разъ,—президентъ разбойниковъ, дашь ли ты мнѣ слово!?"* Кто слышалъ этотъ голосъ, тотъ навѣрное не могъ забыть его всю жизнь. Президентъ дантонистъ Тюріо звонитъ и, когда Робеспьеръ, совершенно выбившійся изъ силъ, еле держится на ногахъ, качается, точно пьяный,—другъ Дантона, Гарнье изъ Обы, кричитъ ему: *„Несчастный, кровь Дантона душитъ тебя!"* Робеспьеръ падаетъ, и Талльянъ, размахивая кинжаломъ, требуетъ ареста Анріо, о которомъ пришло извѣстіе, что онъ на улицахъ призываетъ народъ двинуться на конвентъ. Конвентъ рѣшаетъ арестовать начальника національной гвардіи, а вслѣдъ за этимъ и Робеспьера. Громы одобрительныхъ возгласовъ сопровождаютъ это постановленіе. Рѣшено арестовать также Кутона и Сенъ-Жюста. Робеспьеръ младшій съ гордостью заявляетъ: „Я такъ же виновенъ, какъ и мой братъ, я раздѣляю его добродѣтели и хочу раздѣлить его судьбу". Леба же говоритъ: „я не хочу нести того позора, будто я голосовалъ за арестъ Робеспьера; я требую и моего ареста". Конвентъ велитъ арестовать и ихъ. Арестованныхъ уводятъ. Робеспьеръ восклицаетъ: *„Республика погибла,—разбойники побѣдили!"* Пристава едва осмѣливаются наложить руки на людей, бывшихъ еще только-что столь сильными и такъ внезапно низвергнутыхъ со своей высоты.

Анріо, начальникъ національной гвардіи, могъ бы быть въ этотъ моментъ очень опаснымъ для конвента, если бы онъ двинулся на него со своими батальонами. Но этотъ странный генералъ, еще наканунѣ въ клубѣ якобинцевъ среди самой энергичной казарменной

брани клявшійся разнести своими пушками конвентъ въ прахъ и пепелъ, теперь, въ такой критическій моментъ, былъ совершенно пьянъ. Онъ хотѣлъ собрать передъ ратушей жандармерію, но Мерленъ изъ Тіонвилля велѣлъ его же жандармамъ арестовать его и связаннымъ доставить въ комитетъ безопасности.

Коммуна тѣмъ временемъ собралась въ ратушѣ, и съ нею были самые энергичные изъ сторонниковъ Робеспьера. Она приняла рѣшительныя мѣры. Она издала воззваніе къ парижскому населенію, приглашавшее его стать на сторону Робеспьера, Сенъ-Жюста и Кутона, она велѣла тюремному начальству не принимать никого въ тюрьмы и никого не выпускать изъ нихъ безъ спеціальнаго приказанія муниципальной полиціи; она велѣла ударить въ набатъ, запереть ворота и созвать вооруженныя секціи. Она объявила постановленія конвента не имѣющими никакого значенія. Было собрано немного солдатъ и нѣсколько орудій; энергичный Коффеналь пробрался въ Тюльери и освободилъ Анріо.

Конвентъ въ 7 часовъ снова собрался; Колло д'Эбруа былъ предсѣдателемъ. Теперь Анріо двинулся со своими орудіями на конвентъ. Собраніе тѣмъ временемъ назначило депутата Барра начальникомъ всѣхъ вооруженныхъ силъ и приказало ему призвать къ оружію преданныя конвенту секціи. Но Анріо уже приближался, и конвенту, казалось, оставалось только на выборъ или пасть подъ выстрѣлами Анріо, или идти на гильотину. Когда послышался глухой грохотъ приближающихся пушекъ, президентъ Колло воскликнулъ: *„Граждане! настало намъ время умереть на нашемъ посту!“* Онъ надѣлъ шляпу...—*„Умремъ!“* воскликнули депутаты: безвыходность ихъ положенія придала имъ мужество отчаянія. Но Анріо не могъ заставить своихъ пушкарей стрѣлять и вынужденъ былъ вернуться назадъ. Конвентъ объявилъ Анріо *внѣ закона*, а когда тѣмъ временемъ пришло извѣстіе о возстаніи коммуны и объ освобожденіи Робеспьера, то онъ объявилъ также внѣ закона: мэра Флеріо, національнаго агента Пэйана, президентовъ революціоннаго трибунала Коффеналя и Дюма, обоихъ Робеспьеровъ, Сенъ-Жюста, Кутона и Леба.

Дѣйствіе этого постановленія можно было бы совершенно парировать, если бы Робеспьеръ былъ человѣкомъ дѣла. Но человѣкъ добродѣтели не зналъ въ этотъ критическій моментъ, что ему дѣлать. Его нужно было насильно освободить изъ тюрьмы и тащить въ ратушу къ его друзьямъ, организовавшимъ для него возстаніе, чтобы избавить его отъ смерти. Коммуна клялась жить и умереть съ Робеспьеромъ и постановила, что члены ея не будутъ признавать никакихъ иныхъ властей, кромѣ нея самой. Конвентъ долженъ былъ посмотрѣть на это, какъ на государственную измѣну. Робеспьеръ испугался, когда узналъ, что онъ объявленъ внѣ закона: онъ разсчи-

тывалъ на процессъ передъ трибуналомъ и надѣялся на свое оправданіе. И теперь онъ сидѣлъ неподвижно, предоставляя дѣламъ идти своимъ порядкомъ. Онъ уже совершенно вошелъ въ свою роль мученика, когда на площадь стекалось множество вооруженныхъ людей, чтобы бороться за него. Его товарищи съ отчаяніемъ старались побудить его къ дѣятельности. Но напрасно. Составили прокламацію къ народу и арміи. Робеспьеръ беретъ перо. — „*Отъ чьего имени?*“ спрашиваетъ онъ. — „Отъ имени конвента!“ отвѣчаетъ Кутонъ. Робеспьеръ опускаетъ руку; уже объявленный государственнымъ измѣнникомъ, онъ не рѣшается ничего предпринимать противъ власти конвента.—„Народъ воленъ защитить или оставить насъ“, говоритъ онъ. Столь энергичный въ иное время, Сенъ-Жюстъ, сраженный пассивностью своего учителя, говоритъ:—Въ такомъ случаѣ, намъ остается только умереть!“—„Да, именно такъ!“ отвѣчаетъ Робеспьеръ.

Изъ 48 секцій 18 высказалось за конвентъ и 13 за Робеспьера. Остальныя держали себя нерѣшительно, и Сентъ-Антуанское предмѣстье не хотѣло бороться ни за кого и рѣшило защищать только республику. Рабочіе ставили республику выше „неподкупнаго“. Такъ какъ Робеспьеръ въ бездѣйствіи сидѣлъ въ ратушѣ, не являлся къ народу и даже не подавалъ о себѣ никакихъ вѣстей, то большинство секцій перешло къ конвенту, лишь только комиссары его появились среди нихъ. Вооруженные люди, собравшіеся на площади Гревэ, стали расходиться, потому что они не получали никакихъ распоряженій и не знали, что имъ дѣлать. Былъ часъ ночи, когда Барра, начальникъ вооруженныхъ силъ Конвента, двинулся со своими колоннами на ратушу. Здѣсь ожидали сильнаго сопротивленія. Люди, посланные конвентомъ, шли впередъ, вмѣшивались въ толпу; читалась прокламація конвента, объявлявшая возставшихъ внѣ закона. Услыхавъ эту прокламацію, толпа разсѣевалась: такъ великъ былъ страхъ передъ силою конвента. Анріо вышелъ изъ ратуши, сошелъ внизъ, увидѣлъ, что его пушкари оставили его, и бѣгомъ вернулся назадъ. Ратушу окружили, и прежніе гебертисты принимали въ этомъ очень дѣятельное участіе. Когда толпа ворвалась въ ратушу, она не встрѣтила и слѣда противодѣйствія; лишь вверху, въ большой залѣ совѣта раздалось два выстрѣла.

Паническій страхъ объялъ возставшихъ. Леба застрѣлился. Кутонъ дрожащею рукою нѣсколько разъ вонзаетъ въ себя кинжалъ и падаетъ подъ столъ. Робеспьеръ-младшій бросается изъ окна и переламываетъ себѣ ногу. Коффеналь съ яростью схватываетъ жалкаго Анріо и со словами: „вотъ тебѣ награда за твою трусость!“ выбрасываетъ его за окно, гдѣ тотъ падаетъ на кучу навоза. Робеспьеръ сидитъ съ пистолетомъ въ рукѣ и съ раздробленной нижней челюстью,—и нельзя сказать съ достовѣрностью, самъ ли онъ выстрѣ-

лилъ въ себя, или кто-нибудь иной ранилъ его. Лишь одинъ Сенъ-Жюстъ сохраняетъ полное спокойствіе.

Леонаръ Бурдонъ арестуетъ заговорщиковъ и Барра доставляетъ ихъ въ конвентъ. Передъ дверью зала засѣданій Барра спрашиваетъ, ввести ли арестованныхъ въ залъ. Тюріо патетически отвѣчаетъ: „вносить въ конвентъ тѣло человѣка, покрытаго всѣми преступленіями— это значило бы омрачать славу этого прекраснаго дня. Для него и его товарищей—мѣсто на площади Революціи".

Робеспьера отнесли въ залъ комитета безопасности, гдѣ онъ два часа долженъ былъ ждать врача. Онъ лежалъ на столѣ, подъ головой у него былъ тюкъ актовъ. Враги его тѣснились вокругъ него, и ему приходилось выслушивать самыя жесткія издѣвательства. Онъ не отвѣчалъ ни на одинъ вопросъ и не произнесъ ни одного слова.

Арестованныхъ доставили въ Консьержери. Такъ какъ они были объявлены внѣ закона, то революціонный трибуналъ долженъ былъ только удостовѣрить ихъ личности, что и было сдѣлано утромъ 10 тэрмидора (28 іюля 1794 г.).

Послѣ обѣда 10 тэрмидора Робеспьеръ и еще двадцать человѣкъ отправлены на смертную казнь. Робеспьеръ, братъ его, Сенъ-Жюстъ, Кутонъ и Анріо помѣщались на одной колесницѣ, на другой колесницѣ везли тѣло Леба. Осужденные имѣли ужасный видъ. Блѣдное лицо Робеспьера было завязано повязкою; Анріо былъ въ одной лишь рубахѣ. Сенъ-Жюстъ спокойно, точно въ глубокой задумчивости, смотрѣлъ на толпу, тѣснившуюся вокругъ колесницъ. Жандармы указывали обнаженными саблями на Робеспьера. Среди его товарищей были: Дюма, президентъ революціоннаго трибунала, Флеріо, Пэйанъ, и тотъ сапожникъ, Симонъ, которому было поручено воспитаніе прежняго наслѣдника престола.

Необозримыя толпы народа переполняли улицы, черезъ которыя должно было прослѣдовать шествіе; онѣ шумно, необузданно выражали свою радость. Видно было, что люди добродѣтели стали ненавистными народу. Родственники лицъ, казненныхъ раньше, проталкивались къ осужденнымъ и осыпали ихъ дикими издѣвательствами. Въ окнахъ показывались безстыдно обнаженныя женщины; пороки, загнанные ужасомъ внутрь домовъ, почуяли перемѣну вѣтра и осмѣлились снова выступить открыто. Передъ домомъ, въ которомъ жилъ Робеспьеръ, плясали толпы бѣснующихся женщинъ; онѣ притащили сосудъ съ бычачьей кровью и обрызгали ею стѣны этого дома.

На площади Революціи палачъ сорвалъ съ Робеспьера повязку. Робеспьеръ издалъ страшный крикъ, разнесшійся по всей площади. Когда его голова покатилась, — толпа захлопала въ ладоши и долго аплодировала.

Черезъ день отправлено на эшафотъ семьдесятъ членовъ возставшей коммуны, а на слѣдующій день — еще двѣнадцать сторонни—

ковъ Робеспьера. Коффеналь, которому удалось скрыться, былъ арестованъ черезъ нѣсколько дней и тоже казненъ. Партію Робеспьера хотѣли совершенно истребить.

Такъ палъ Максимиліанъ Робеспьеръ, около четырехъ мѣсяцевъ державшій диктатуру въ своихъ рукахъ. Его государственная идея была столь же ограничена, какъ и его правленіе жестоко. Онъ палъ жертвою своего идеала государства добродѣтели, но онъ боролся со своими врагами коварствомъ и жестокостью. Онъ забылъ, что абстрактныя понятія философіи лишь тогда можно провести въ жизнь, когда въ самой жизни есть для этого соотвѣтствующая матеріальная почва.

Партіи, вступившія въ борьбу 9 тэрмидора, слишкомъ увлеклись пыломъ и страстями распри для того, чтобы взвѣсить возможный исходъ этой борьбы. Ненависть къ Робеспьеру заставила Гору вступить въ союзъ съ другими партіями, чтобы спастись отъ эшафота. Гора думала, что, низвергнувъ Робеспьера, она уничтожила лишь его диктатуру. Но она одержала побѣду больше для своихъ союзниковъ, чѣмъ для самой себя. Она немедленно же должна была убѣдиться, что она низвергла и демократію. Потому что, лишь только открылись шлюзы реакціи,—она снесла всѣ плотины и поглотила Гору.

Прозорливое слово Робеспьера: *„республика погибла,—разбойники побѣдили!“* должно было исполниться. Среди побѣдителей девятаго тэрмидора, раздѣлившихъ теперь власть между собою,—было достаточно разбойниковъ.

Народъ, раньше такъ дорожившій Робеспьеромъ, спокойно допустилъ его паденіе, потому что Робеспьеръ давалъ ему слишкомъ много казней и слишкомъ мало хлѣба. Ничего иного не предложили народу и побѣдители девятаго тэрмидора.

Національный конвентъ.

(Второй періодъ).

Девятаго тэрмидора партія Робеспьера была совершенно уничтожена; болѣе ста ея членовъ погибли на эшафотѣ. Но сверженіе диктатора погубило также и Гору, которая всѣми силами содѣйствовала этой катастрофѣ.

Противъ Робеспьера соединились всѣ партіи: Гора, центръ и остатки жирондистовъ. Но, достигнувъ своей цѣли, этотъ противуестественный союзъ немедленно же долженъ былъ распасться. И это распаденіе совершилось уже въ ближайшіе дни послѣ катастрофы.

Члены комитетовъ полагали, что власть ихъ упрочилась, но они ошибались, и скоро имъ пришлось убѣдиться, что девятое тэрмидора обезсилило ихъ.

Люди долины и остатки жирондистовъ осторожно выжидали поворота въ ходѣ дѣлъ; они понимали, что правленіе добродѣтели и ужаса не можетъ быть продолжительнымъ. Въ этихъ партіяхъ преобладала выдвинутая революціей крупная и мелкая буржуазія съ ея приспѣшниками. У этого класса были сторонники также и въ Горѣ,— именно, въ правой фракціи ея. Союзъ девятаго тэрмидора объединилъ всѣ родственные элементы и произвелъ новое распредѣленіе партій. Съ буржуазіей, къ которой послѣ девятаго тэрмидора перешла власть, соединились карьеристы изъ партіи Горы, люди, плывшіе по теченію и усвоившіе не духъ, а лишь фразы и внѣшніе пріемы революціи.

Девятаго тэрмидора буржуазія употребила всѣ усилія для сверженія Робеспьера. Этому классу не по вкусу была спартанская республика добродѣтели; онъ хотѣлъ воспользоваться побѣдой надъ феодализмомъ, приняться за накопленіе богатствъ и устроить государство и общество сообразно со своими интересами. Онъ хотѣлъ пока удержать внѣшнюю форму республики, но всю свою власть передать въ руки буржуазной аристократіи состоянія и ума. Робеспьеръ, сломивъ силу коммуны и лишивъ этимъ парижскій народъ его правой руки, помогъ буржуазіи достичь господства. Но этимъ

же и самого себя онъ лишилъ всякой опоры, что подтверждается поразительной быстротой его паденія.

Гора, увѣренная въ томъ, что она побѣдила Робеспьера, скоро увидѣла, что въ дѣйствительности она сама была побѣждена девятаго тэрмидора. Послѣ паденія Робеспьера, противъ нея выступила новая, многочисленная и сплочённая группа, члены которой инстинктивно объединялись классовыми интересами буржуазіи. Эти люди называли себя тэрмидористами. Къ нимъ почти цѣликомъ перебѣжала правая фракція Горы,—все, что еще осталось тамъ отъ дантонистовъ. Въ теченіе нѣкотораго времени ораторомъ этой партіи былъ Талльянъ, создавшій себѣ имя ролью, сыгранной имъ девятаго тэрмидора. Лежандръ, Барра, оба Мерлены, Бурдонъ изъ Уазы, Роберъ и Фреронъ соединились съ Сіесомъ, Буасси д'Англа и Дюранъ-Мелльяномъ. Тщеславные и властолюбивые люди были увлечены теперь реакціей, какъ раньше ихъ увлекла революція. Между тѣмъ, какъ раньше конвентъ казался собраніемъ исключительно республиканцевъ, теперь медленно и осторожно всплывали въ немъ роялистическіе элементы.

Отъ Горы осталась только ея радикальная, лѣвая фракція; она была слаба сравнительно съ большой партіей тэрмидористовъ, и членовъ ея противники въ насмѣшку прозвали „людьми вершины" или „вершинниками", такъ какъ они занимали теперь уже только верхнія мѣста прежней Горы. Фракціей этой руководили Билло Варенъ и Колло д'Эбруа; къ ней присоединился также, подъ вліяніемъ своего прошлаго, Барреръ.

Тѣмъ не менѣе остатки Горы все еще были сильной партіей, потому что они могли опираться на вооруженныя предмѣстья, тогда какъ за тэрмидористовъ стояли буржуазные элементы секцій. Враждебныя партіи скоро должны были столкнуться. Крайности терроризма въ послѣдніе мѣсяцы правленія Робеспьера вызвали сильное раздраженіе противъ безпрерывныхъ казней; раздраженіе открыто выражали и радикально настроенные рабочіе предмѣстій. Уже 8 тэрмидора народъ задержалъ колесницы съ осужденными, и его нужно было разогнать кавалеріей Анріо; теперь народъ энергично требовалъ открытія тюремъ, и онѣ были открыты. Такъ какъ во время диктатуры Робеспьера жертвы закона о подозрительныхъ выхватывались въ значительно большей степени изъ среды мѣщанъ, рабочихъ и крестьянъ, чѣмъ изъ аристократической среды, то эта мѣра вызвала всеобщую радость. Но освобожденіе арестованныхъ тоже усилило реакціонные элементы, потому что многія тысячи узниковъ, выпущенныхъ теперь на свободу, были проникнуты пламеннымъ желаніемъ отомстить за свой арестъ, страхъ, пережитый ими, и за своихъ друзей.

Члены старыхъ комитетовъ сперва еще занимали свои должности и, казалось, сохранили свое вліяніе. Но все это скоро измѣ-

нилось, потому что тэрмидористы не упустили случая воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ. Несмотря на возраженія Билло Варенна и Баррера, революціонный трибуналъ былъ закрытъ съ той цѣлью, чтобы дать ему новую организацію; отмѣненъ былъ также законъ 22 прэріаля, уничтожавшій защитниковъ и допросы. Трибуналъ былъ вскорѣ возстановленъ, но теперь имъ уже пользовались тэрмидористы противъ якобинцевъ и террористовъ. Прокуроръ революціоннаго трибунала, страшный Фукье-Тэнвилль былъ отданъ подъ судъ.

Эти мѣры показывали, что власть старыхъ комитетовъ пала. Очень скоро тэрмидористы проникли въ составъ правительства. Надо было замѣстить казненныхъ или находившихся въ отлучкѣ членовъ комитета благосостоянія, и тэрмидористы избирали на ихъ мѣста, понятно, людей изъ своей среды. Впредь ежемѣсячно должна была обновляться четвертая часть комитета благосостоянія. Такимъ образомъ, Талльянъ, Трельяръ, Бреаръ и другіе тэрмидористы вошли въ составъ правительства и парализовали дѣятельность старыхъ членовъ комитета. Вскорѣ затѣмъ выбыли изъ комитета, вслѣдствіе обновленія четвертой части его, Барреръ, Карно и Роберъ-Линдэ, послѣ чего добровольно вышли изъ него Билло Варренъ и Коло д'Эбруа. Подобныя же перемѣны произошли и въ комитетѣ безопасности, и съ этихъ поръ тэрмидористы уже господствовали въ правительствѣ.

Власть комитетовъ была ограничена; хотѣли устранить возможность диктатуры. Комитетъ благосостоянія съ этихъ поръ вѣдалъ уже только общія политическія и военныя дѣла, а комитетъ безопасности завѣдывалъ полиціей. Но, кромѣ нихъ, было учреждено еще четырнадцать комитетовъ, а именно: для финансовъ, законодательства, просвѣщенія, земледѣлія и искусствъ, для торговли и продовольственнаго дѣла, для общественныхъ сооруженій, почты, военныхъ дѣлъ, для судоходства и колоній, для общественныхъ вспомоществованій, для протоколовъ и архива, для петицій, корреспонденціи и депешъ и, наконецъ, для надзора за національнымъ дворцомъ.

Термидористы господствовали во всѣхъ этихъ комитетахъ; они всѣми силами старались лишить народъ того вліянія на общественныя дѣла, которымъ онъ пользовался до сихъ поръ, и забрать всю власть въ свои руки. Число революціонныхъ комитетовъ, пользовавшихся въ послѣднее время такой громадной властью, было значительно уменьшено, власть ихъ была ограничена и составъ измѣненъ. Клубъ якобинцевъ оставляли еще въ покоѣ, имѣя въ виду закрыть его при первомъ удобномъ случаѣ. Теперь еще не рѣшались обезоружить предмѣстья, но то постановленіе, въ силу котораго каждый неимущій посѣтитель секціонныхъ собраній получалъ ежедневно 40 су, было отмѣнено. Это постановленіе привлекало нѣкогда рабочихъ къ живому участію въ политическихъ дѣлахъ и давало имъ нѣкоторую

поддержку въ трудныя времена. Рабочіе довольно равнодушно смотрѣли на сверженіе Робеспьера и уничтоженіе его партіи, потому что имъ были противны крайности системы ужаса, при которыхъ большинство жертвъ выхватывалось изъ среды бѣдняковъ. Но теперь они почувствовали, что у кормила правленія стала совершенно новая сила не думающая о популярныхъ мѣропріятіяхъ. Они теперь держали себя спокойно, потому что и ихъ утомили безпрерывныя возстанія, не доставившія имъ прочнаго улучшенія ихъ судьбы. Къ тому же у нихъ уже не было старой коммуны, всегда заботившейся объ уменьшеніи бѣдствій рабочихъ и уничтоженной Робеспьеромъ. Въ это время рабочіе уже мало чего ждали отъ революціи или даже не ждали отъ нея ровно ничего: они чувствовали, что на мѣсто старыхъ привилегированныхъ сословій выступилъ новый господствующій классъ, который стремится возстановить привиллегіи въ новой формѣ и въ свою пользу. Они смотрѣли, какъ этотъ классъ овладѣвалъ государственной властью, и не трогались съ мѣста. Но весной слѣдующаго года нужда заставила ихъ выйти изъ предмѣстій и двинуться противъ конвента съ требованіемъ хлѣба.

Это равнодушное настроеніе демократическихъ и революціонныхъ рабочихъ массъ, которыя при всѣхъ правительствахъ терпѣли нужду и лишенія, было очень на руку тэрмидористамъ. Равнодушіе это придало имъ смѣлость для уничтоженія демократическаго строя и его послѣднихъ слѣдовъ. Уже черезъ мѣсяцъ послѣ паденія Робеспьера, Лакуантръ изъ Версаля, бывшій раньше ревностнымъ террористомъ, выступилъ съ обвиненіемъ въ 26 пунктахъ противъ нѣкоторыхъ членовъ прежняго правительства, а именно, противъ Билло Варенна, Коло д'Эбруа, Баррера, Вадье и Амара. Но люди Горы защищались очень удачно и одержали полную побѣду; обвиненіе Лекуантра было отвергнуто, какъ клевета.

Сторонниковъ системы ужаса называли теперь „хвостомъ Робеспьера": сюда причисляли также и тѣхъ, которые больше всего содѣйствовали паденію Робеспьера. Отозванные изъ провинцій комиссары подверглись преслѣдованіямъ; противъ Лебона и Каррье, распространявшихъ ужасъ по приказанію комитета благосостоянія на сѣверѣ (Лебонъ) и на югѣ (Каррье), возбуждено было преслѣдованіе. Фукье-Тенвилль былъ отданъ подъ судъ. Тотъ самый конвентъ, который раньше подъ давленіемъ системы ужаса одобрялъ образъ дѣйствій этихъ комиссаровъ, теперь преслѣдовалъ ихъ за ихъ дѣятельность. Обвиняемые комиссары возражали, что если они виновны, то виновенъ также и весь конвентъ,—и это было вѣрно.

Новая партія съ яростью реакціоннаго фанатизма преслѣдовала все, что имѣло связь съ павшей системой. Буржуазная аристократія, которую такъ долго не допускали къ желанному ей господству и добычѣ, жаждала мести, власти и богатства; честолюбцы набросились на

общественныя мѣста и должности. Тутъ начались гоненія, которыя по своей жестокости далеко превзошли крайности системы ужаса.

Сейчасъ же послѣ паденія Робеспьера изъ укромныхъ уголковъ вышло множество лицъ, скрывавшихся отъ системы ужаса и отъ полиціи комитетовъ. Парижъ сбросилъ съ себя мантію добродѣтели, въ которую нарядили его Робеспьеръ и Сэнъ-Жюстъ и которую онъ носилъ лишь изъ страха передъ революціоннымъ трибуналомъ; фривольныя явленія прежняго времени снова показались на улицахъ города, вынесшаго такъ много бурь. Биржевые игроки и ростовщики, ажіотеры и скупщики, галантныя дамы и грязные сводники, мошенники и проходимцы всякаго рода пестрой толпой тѣснились въ Парижѣ и рѣшились уже открыто выходить на свои промыслы. Между тѣмъ, какъ въ предмѣстьяхъ рабочіе глухо роптали, что революція со всѣми ея кризисами не уменьшила ихъ бѣдствій, въ буржуазныхъ кварталахъ образовалось новое, пестрое общество, готовое воспользоваться пріобрѣтеніями революціи для удовлетворенія своей алчности и чувственности. Республика добродѣтели вдругъ превратилась въ свою противоположность; мѣсто спартанской строгости заняла сибаритская распущенность и безнравственность. Преувеличенія политическихъ системъ вызвали то, что люди изъ одной крайности впали въ другую.

Новое общество, подкрѣпленное подозрительными, выпущенными изъ тюремъ, скоро стало господствовать въ секціяхъ. Въ его рукахъ оказалось страшное орудіе борьбы въ видѣ прессы, которая во время диктатуры Робеспьера была совершенно подавлена. Палачъ выбилъ изъ рукъ журнализма талантливое и острое перо Камилла Демулена. Фреронъ, желавшій отомстить за боготворимую имъ Люсиль Демуленъ, сдѣлалъ свой журналъ „Народный Ораторъ“ самымъ выдающимся органомъ тэрмидористовъ. Онъ участвовалъ въ кровавомъ наказаніи контръ-революціоннаго города Тулона и теперь старался добиться забвенія своей террористической дѣятельности, нападая со всей яростью на якобинцевъ. Этотъ наглый перебѣжчикъ, бывшій нѣкогда поклонникомъ Марата, дошелъ въ своемъ лицемѣріи до того, что злоупотреблялъ именемъ Марата, чтобы притворнымъ уваженіемъ къ „другу народа“ прикрыть свои реакціонныя стремленія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался организовать тэрмидористовъ для насилій, въ которыхъ они нуждались для полнаго уничтоженія якобинцевъ. Въ Пале-Роялѣ, гдѣ 12 іюля 1789 г. Камиллъ Демуленъ призвалъ народъ къ оружію, Фреронъ собиралъ вокругъ себя молодежь буржуазной аристократіи, выдвинутой революціей. Онъ воспламенялъ этихъ молодыхъ людей зажигательными статьями своего журнала и фанатизировалъ *ихъ до крайней* степени. Они носили особый костюмъ: кафтанъ съ

большимъ вырѣзомъ, короткіе штаны, чулки до колѣнъ и широкополую шляпу. Этотъ костюмъ называли платьемъ жертвъ гильотины. Они носили длинные, спадающіе на плечи волосы. Эти люди были вооружены тяжелыми свинцовыми палками и, сверхъ того, пистолетами и кинжалами. Пѣніе марсельезы они замѣнили новымъ гимномъ, который назвали: „Пробужденіемъ народа"; меланхолическіе звуки этого гимна, казалось, оплакивали жертвы гильотины. Эти толпы забіякъ прозвали впослѣдствіи „jeunesse dorée"—*золотой молодежью;* споръ о томъ, употреблялось-ли это имя уже тогда, или нѣтъ, для насъ не важенъ. Молодежь эта наполнила Парижъ волненіями и смутами и разгоняла собранія якобинцевъ. Якобинцы уже не могли имѣть опоры ни въ какомъ общественномъ элементѣ, а буржуазія, ставшая теперь у власти, или буржуазная аристократія, всѣми силами поддерживала своеволіе „золотой молодежи".

Осенью 1794 г. Парижъ и Франція оказались всецѣло въ рукахъ новой аристократіи, которая, хотя и оставила Франціи внѣшнюю форму республики, но возстановила своеволіе, роскошь и всѣ пріемы старой аристократіи. Демократическія формы обращенія были снова уничтожены. Не безъ основанія говорятъ, что при господствѣ системы ужаса извѣстное число грубыхъ людей презирало ученость, науку и высшія наслажденія; но то, что настало теперь, было лишь пустой фривольностью, лишенной всякаго ума.

Буржуазія собиралась въ салонѣ, открытомъ госпожей Талльянъ. Эта молодая испанка создала комиссару конвента въ Бордо, Талльяну, репутацію крайней умѣренности. Дочь испанскаго банкира Кабаррю, она была замужемъ за членомъ парламента Фонтенэ и развелась съ нимъ, чтобы выйти за Талльяна. Въ Парижѣ она была арестована и изъ тюрьмы безпрестанно подстрекала Талльяна къ нападенію на Робеспьера. Безъ нея онъ, вѣроятно, никогда не сыгралъ бы своей роли девятаго тэрмидора. Дѣйствительно-ли она любила мужа, неизвѣстно, такъ какъ она впослѣдствіи оставила его и вышла замужъ за князя Шимэ. Талльянъ въ общемъ былъ человѣкъ негодный и незначительный.

Въ салонѣ госпожи Талльянъ бывало много вліятельныхъ людей изъ мужчинъ и элегатныхъ интриганокъ изъ дамъ. Дамы эти пускали въ дѣло всѣ чары своей красоты, любезности, кокетства и любви, чтобы привлечь вліятельныхъ революціонеровъ на сторону термидористовъ. И въ большинствѣ случаевъ это имъ удавалось слишкомъ легко. Г-жа Талльянъ давала тонъ этому обществу, желавшему наслаждаться жизнью въ полной мѣрѣ. Законодательство пришло ему на помощь, и разводы облегчились до такой степени, что для полученія развода достаточно было лишь „не сойтись во вкусахъ". Г-жа Талльянъ давала тонъ также и въ дѣлѣ моды, и дамы высшаго круга стали обнажаться еще въ большей степени, чѣмъ это было принято въ древней Греціи. Мужчины, употребляя выраженіе Виктора Гюго,

обитали въ огромныхъ жабо; они точно старались еще превзойти чопорность и натянутость дореволюціоннаго времени. Платье дамъ какъ будто нарочно было разсчитано на то, чтобы разнузданность возвести въ принципъ. Моду, введенную г-жей Талльянъ, называли платьемъ обнаженія. Дамы носили широкія бѣлыя платья съ большими прорѣзами по бокамъ отъ пояса, охватывавшаго тѣло подъ самой грудью. Грудь и плечи оставались совершенно открытыми. На ногахъ носили сандальи; чулки были совершенно упразднены, потому что г-жа Талльянъ хотѣла щеголять своими изящными ножками. На большихъ пальцахъ ногъ носили кольца. Иногда платье было такъ призрачно, что нужно было носить трико, чтобы хоть сколько-нибудь щадить чувство стыда. Въ каррикатурахъ г-жу Талльянъ часто изображали въ этомъ костюмѣ, который „ничего не скрывалъ".

Въ салонъ гжи Талльянъ являлись будущія свѣтила Франціи,— между прочимъ, молодой Наполеонъ Бонапартъ и его будущая жена, Жозефина Богарнэ, первый мужъ которой, генералъ Богарнэ, былъ гильотинированъ за свои военныя неудачи.

Примѣръ, даваемый этимъ салономъ, производилъ свое дѣйствіе и на постороннихъ лицъ. Казалось, люди хотятъ вернуться къ райской наготѣ. Однажды на улицахъ Парижа произошло сильное волненіе. Три молодыхъ дѣвушки изъ видныхъ семействъ настолько заразились маніей обнаженія, что явились на улицу безъ всякаго платья, кромѣ тонкихъ покрововъ отъ плечъ до колѣнъ. Народная толпа проявила больше чувства приличія и среди насмѣшекъ и издѣвательствъ загнала увлекшихся дѣвушекъ въ ихъ жилища.

Въ зажиточныхъ кварталахъ господствовала бѣшеная толкотня; повсюду царили опьяняющія наслажденія, игры, танцы и самыя безумныя удовольствія. Танцовали и въ церквахъ, и на кладбищахъ, гдѣ были погребены въ негашеной извести жертвы времени ужаса. Въ бальныхъ туалетахъ вошли въ моду обрѣзанные воротники и коротко остриженные волосы осужденныхъ; устраивались балы, на которые могли являться лишь тѣ, у кого хоть одинъ родственникъ умеръ на гильотинѣ. Въ театрахъ всегда была суматоха; якобинцевъ вездѣ, гдѣ только можно было, оскорбляли и унижали.

Люди прокучивали все, что у нихъ было, и бросались на игру, ростовщичество, спекуляцію и ажіотажъ, чтобы снова разжиться. Торговля, промышленность и сношенія остановились. Максимумъ цѣнъ, со страшной строгостью поддерживаемый во время ужаса, теперь сталъ козломъ отпущенія за голодъ и дороговизну. Въ декабрѣ 1794 г. максимумъ былъ отмѣненъ, но дѣйствіе этой мѣры оказалось очень ничтожнымъ, потому что лишь съ уничтоженіемъ таксы цѣнъ ажіотажъ, спекуляція, ростовщичество и мошенничество развернулись во всей красѣ. Ассигнаты послѣ паденія Робеспьера быстро пали въ цѣнѣ. Послѣ уничтоженія максимума они стали падать еще ниже и притомъ

съ неожиданной быстротой. Теперь-то и сказались упущенія прежняго времени. Продовольствованіе Парижа становилось все труднѣе и труднѣе. Обезцѣненные ассигнаты парализовали всѣ предпріятія, а правительство не могло придумать ничего лучшаго, какъ наводнять Францію новыми массами бумажныхъ денегъ.

Между тѣмъ, какъ въ зажиточныхъ кварталахъ царили опьяняющія удовольствія, — въ предмѣстьяхъ страшная нужда доходила до крайнихъ предѣловъ. Жены рабочихъ должны были при всякой погодѣ съ полуночи стоять передъ хлѣбными и мясными лавками, выстраиваясь въ длинные ряды и дожидаясь своей очереди, чтобы купить за высокую цѣну кусокъ негоднаго мяса или плохого хлѣба. Максимумъ избавлялъ, по крайней мѣрѣ, отъ дороговизны. Зима должна была еще больше усилить бѣдствія народа, — а въ зажиточныхъ кварталахъ города жилось все шумнѣе и шумнѣе.

Въ провинціяхъ также повсюду преслѣдовали якобинцевъ и арестовывали множество лицъ, содѣйствовавшихъ комиссарамъ конвента во время ихъ дѣятельности. Къ этому еще присоединилось недовольство сельскаго населенія, все еще поджигаемаго духовенствомъ и роялистическими агентами, безконечные споры и замѣшательства при покупкѣ національныхъ имуществъ и упрямство крестьянъ, которые во время максимума не хотѣли вывозить хлѣбъ на рынокъ, потому что находили цѣну слишкомъ низкой, а теперь не вывозили его потому, что не хотѣли брать обезцѣненныхъ бумажныхъ денегъ.

Вслѣдствіе внезапнаго уничтоженія принудительныхъ мѣропріятій времени ужаса нужда и всеобщее замѣшательство еще больше увеличились. Правящая теперь, новая буржуазная аристократія съ первыхъ же дней проявила свое главное свойство: безчувственность къ бѣдствіямъ народа.

Скоро въ конвентѣ возникла мысль о томъ, чтобы снова вернуть жирондистовъ, объявленныхъ внѣ закона, и освободить 73 депутатовъ, арестованныхъ за протестъ противъ этого постановленія. Но этому мѣшали якобинцы. Клубъ якобинцевъ все еще былъ довольно силенъ, благодаря тому уваженію, которымъ пользовалось его имя, благодаря его связямъ съ предмѣстьями и развѣтвленію его по всей странѣ. Послѣ паденія Робеспьера всѣ демократическіе элементы, всѣ лица, скомпрометировавшія себя во время ужаса, сгруппировались въ клубѣ и въ тѣсной сплоченности стали искать защиты отъ надвигающейся реакціи. Клубъ этотъ считали болѣе сильнымъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности. Сами якобинцы, надѣясь на то имя, которое составило себѣ во всей Европѣ это народное общество, ожидали, что власть снова перейдетъ въ ихъ руки. Но они обманулись, потому что населеніе предмѣстій отнеслось довольно равнодушно

къ судьбѣ клуба. Рабочіе бѣдствовали и тогда, когда власть была въ рукахъ якобинцевъ. Бѣдствіями рабочаго класса раньше воспользовались затѣмъ, чтобы натравить его на аристократовъ, въ пользу же рабочихъ не приняли никакихъ коренныхъ мѣръ, а довольствовались лишь жалкими, временными средствами. Реквизиціи и раздача припасовъ были ничтожными средствами противъ постоянныхъ лишеній массы. Съ другой стороны, предмѣстья не могли забыть, что якобинцы содѣйствовали паденію гебертистовъ и коммуны. Вслѣдствіе этого предмѣстья спокойно смотрѣли, какъ знаменитый клубъ палъ жертвою тэрмидористовъ. Рабочіе стали пессимистами.

Организованная Фрерономъ, молодежь термидористовъ держала себя все нахальнѣе, и борьба между тэрмидористами и якобинцами принимала все болѣе и болѣе страстный характеръ. Тэрмидористы скоро перестали довольствоваться своими палками; они организовались, какъ милиція, и вооружились ружьями и саблями. На парижскихъ улицахъ происходили настоящія стычки. Реакціонеры изливали потоки обвиненій и клеветы на якобинцевъ и настраивали противъ нихъ общественное мнѣніе. Дальше всѣхъ зашелъ Талльянъ: онъ отправился въ одну отдаленную улицу, нанесъ себѣ выстрѣломъ изъ пистолета легкую рану и заявилъ, будто его хотѣли убить якобинцы. Сейчасъ же засуетились всѣ трусы и карьеристы, которые больше всѣхъ бѣсновались во время ужаса и теперь въ роли крайнихъ термидористовъ старались загладить свои революціонные грѣхи. Въ особенности отвратительно держали себя Мерленъ изъ Тіонвилля, Лежандръ, Бурдонъ изъ Уазы, Роверъ и Лекуантръ. Они требовали уничтоженія всего „хвоста якобинцевъ“, а банды тэрмидористовъ повторяли это требованіе съ дикими, кровожадными криками на улицахъ.

Въ клубѣ якобинцевъ Билло-Вареннъ и Колло д'Эбруа явились теперь вождями низвергнутой демократіи и держали рѣчи въ защиту преслѣдуемыхъ проконсуловъ и комиссаровъ времени ужаса. Однажды Билло-Вареннъ потерялъ послѣднее терпѣніе. Кругомъ раздавались жалобы на преслѣдованія, которыя якобинцамъ приходится выносить въ провинціяхъ, и Билло сказалъ: „Когда левъ спитъ, то иные думаютъ, что онъ потерялъ свою силу, — но страшно будетъ его пробужденіе: онъ уничтожитъ своихъ враговъ“. Слова эти, конечно, не взволновали предмѣстій, но въ конвентѣ ими воспользовались для новыхъ рѣзкихъ нападокъ на якобинцевъ и хотя еще не рѣшались сейчасъ же закрыть клубъ, но ему запретили сноситься съ его развѣтвленіями, что сильно подорвало его вліяніе.

Такое поведеніе конвента еще больше увеличило безстыдство „золотой молодежи“; въ Парижѣ повсюду—на улицахъ, въ театрахъ и частныхъ домахъ происходили схватки, побоища и избіенія. Тэрмидористы скоро доставили конвенту столь желательный ему предлогъ для дальнѣйшихъ мѣропріятій противъ якобинцевъ.

8 ноября 1794 г. якобинцы собрались въ своемъ обычномъ помѣщеніи; въ это же время „золотая молодежь“ устремилась въ Пале-Рояль и наполнила тамошнія кафе страшными криками противъ якобинцевъ. Самъ Фреронъ былъ здѣсь и употреблялъ всѣ усилія, чтобы довести волненіе до взрыва. Паролемъ этихъ бандъ стала гибель клуба якобинцевъ. Наконецъ, онѣ двинулись всей массой и напали на помѣщеніе якобинцевъ. Въ окна якобинцевъ полетѣли камни; нападающіе взялись за палки и сабли. Якобинцы, среди которыхъ были также женщины и дѣти, энергично защищались: они сдѣлали вылазку съ членомъ конвента Дюганомъ (Duhem) во главѣ, причемъ произошла страшная рукопашная свалка, въ которой оказались и раненые. Тэрмидористы были въ большинствѣ и они не постыдились жестоко расправляться съ женами якобинцевъ, обнажать ихъ и бить палками. Наконецъ, явились послы комитета безопасности, прекратили борьбу и арестовали много лицъ съ обѣихъ сторонъ. Захваченныхъ тэрмидористовъ скоро освободили, якобинцы же остались подъ арестомъ. Комитетъ безопасности велѣлъ запечатать залъ засѣданій якобинцевъ.

Радость новой аристократіи по случаю этого постановленія вышла изъ всякихъ предѣловъ; во многихъ мѣстахъ зажиточныхъ кварталовъ Парижа устраивались иллюминаціи. Но надругательства золотой молодежи надъ якобинцами продолжались по прежнему и оставались безнаказанными, потому что правительство Талльяна и его товарищей даже не давало себѣ труда скрывать свою враждебность къ якобинцамъ.

При такихъ обстоятельствахъ конвентъ рѣшился окончательно закрыть клубъ якобинцевъ. Онъ утвердилъ распоряженіе комитета съ лживой мотивировкой, будто клубъ якобинцевъ даетъ поводъ къ безпрестаннымъ волненіямъ и грозитъ вызвать гражданскую войну.

Якобинцы со скрежетомъ зубовъ покорились своей судьбѣ: отвратить ее они не могли. Они видѣли, что съ уничтоженіемъ ихъ центральнаго пункта уничтожена и ихъ сила, потому что остатки демократическихъ организацій, уцѣлѣвшіе еще въ Парижѣ, были незначительны. Съ этихъ поръ демократія не имѣла уже въ рукахъ никакого рычага, никакой точки опоры подъ собою. Враги старались уничтожить даже имя знаменитаго клуба, котораго еще недавно страшилась вся Европа, и площадь, на которой стоялъ монастырь св. Якова, переименовали въ рынокъ Тэрмидора. Но изъ исторіи, конечно, нельзя было вычеркнуть память объ этомъ обществѣ, сыгравшемъ такую грандіозную роль.

Послѣ пораженія якобинцевъ конвентъ уже не колебался снова допустить 73 арестованныхъ депутатовъ. По предложенію Карно въ

Вандеѣ была объявлена амнистія для каждаго, кто въ теченіе мѣсяца сложитъ оружіе, — чтобы хоть сколько-нибудь умиротворить эту опустошенную страну. Но если амнистирована была Вандея, то и арестованные депутаты тоже не могли оставаться въ тюрьмѣ. 8 ноября 1794 г. они были освобождены и снова допущены на засѣданія. Это возбудило вопросъ о возвращеніи жирондистовъ, объявленныхъ внѣ закона, и Грегуаръ представилъ записку Лянжюинэ, въ которой этотъ послѣдній требовалъ, чтобы объявленіе внѣ закона было отмѣнено, и жирондисты снова были призваны въ конвентъ. Но тутъ даже нѣкоторые изъ тэрмидористовъ испугались столь быстраго усиленія реакціи. Тэрмидористы, принадлежавшіе къ Горѣ, во время возстанія 31 мая высказались за арестъ жирондистовъ и принадлежали къ ихъ ревностнымъ гонителямъ. Они не могли еще рѣшиться снова допустить жирондистовъ въ конвентъ, и Мерленъ изъ Дуэ яростно восклицалъ: „Неужели вы хотите открыть двери Тампля?“— А въ Тамплѣ содержался сынъ Людовика XVI, бывшій раньше дофиномъ. Наконецъ, было рѣшено отмѣнить постановленіе, объявлявшее жирондистовъ внѣ закона, но не допускать ихъ еще въ конвентъ.

При такихъ обстоятельствахъ, понятно, реакціонеры должны были наброситься съ удвоенной энергіей на якобинцевъ и сторонниковъ системы ужаса. Первыми жертвами мстительности реакціонеровъ были избраны три человѣка со страшной репутаціей: Каррье, Лебонъ и Фукье-Тэнвилль. Люди эти были не виновнѣе всѣхъ остальныхъ, исполнявшихъ приказанія конвента; не были они также виновнѣе и самого конвента, одобрявшаго распоряженія комитетовъ, которыя выполняли эти обвиняемые. Ихъ можно было упрекнуть въ томъ, что они выполняли эти распоряженія съ чрезмѣрной ревностью и нѣкоторой жестокостью, но все же они лишь дѣйствовали по приказанію тѣхъ, которые теперь выступили ихъ обвинителями и судьями. Лебонъ, молодой человѣкъ и любимецъ Робеспьера, былъ посланъ комиссаромъ конвента въ Аррасъ для уничтоженія и наказанія опасныхъ происковъ роялистовъ на сѣверной границѣ. Онъ велъ при этомъ дѣло настолько мягко, что поведеніе его вызвало рѣзкое порицаніе со стороны комитета благосостоянія. Тогда мягкость Лебона перешла въ страшную строгость; онъ производилъ множество казней, и говорили, будто онъ еще велѣлъ читать на эшафотѣ осужденнымъ извѣстія о побѣдахъ, получаемыя съ театра военныхъ дѣйствій, чтобы продлить и усилить ихъ мученія. Говорили также, что онъ приглашалъ къ своему столу палача, какъ „полезнаго гражданина“. Правда ли это, или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ фактъ, что Лебонъ лишь по приказанію комитета благосостоянія впалъ въ террористическое неистовство, и что конвентъ, утверждая мѣропріятія комитета, одобрялъ это приказаніе. Но теперь тотъ же самый конвентъ предалъ Лебона суду *революціоннаго* трибунала, который и осудилъ его на смерть. Въ по-

добномъ же положеніи находился и Каррье, который былъ посланъ въ Нантъ для суда надъ захваченными въ плѣнъ вандейскими инсургентами. Ему было велѣно наказывать съ крайней строгостью. Каррье былъ человѣкъ мрачный и фанатичный; онъ счелъ бы преступленіемъ не выполнить даннаго ему приказанія со всей точностью. Кромѣ того, онъ былъ посланъ въ Вандею, охваченную кровавой гражданской войной, въ которой обѣ стороны дѣйствовали съ безчеловѣчной жестокостью. Каррье былъ неразборчивъ въ средствахъ; онъ назначалъ массовыя казни и производилъ ихъ такъ жестоко, что его отозвали еще въ правленіе Робеспьера. 132 нантскихъ плѣнника онъ отправилъ въ Парижъ на судъ парижскаго революціоннаго трибунала. Этотъ процессъ былъ тогда отложенъ. Теперь же его поставили на очередь, и обвиняемые давали ужасныя показанія о расправахъ Каррье надъ плѣнными вандейцами. По ихъ словамъ, онъ не только казнилъ безъ суда массами плѣнныхъ мужчинъ, но и умертвилъ также множество женщинъ и дѣтей. Каррье, по показаніямъ нантцевъ, ввелъ революціонныя свадьбы и крестины. „Свадьбы“ эти состояли въ томъ, что связывали попарно обнаженныхъ мужчинъ и женщинъ и бросали ихъ въ Лауру. „Крестины“ совершались такъ, что приготовляли суда съ клапанами въ трюмахъ, наполняли трюмы плѣнными и затѣмъ, открывъ клапаны, топили плѣнныхъ. Впрочемъ, грубыя издѣвательства надъ осужденными были тогда въ обычаѣ у всѣхъ партій. Несомнѣнно, въ показаніяхъ вандейцевъ о Каррье не все было правдой и, повидимому, преувеличены ихъ разсказы о томъ, что когда въ трюмахъ топили плѣнныхъ, Каррье пировалъ съ распутными женщинами на палубахъ тѣхъ же судовъ. Каррье не отрицалъ массовыхъ истребленій, но онъ указывалъ въ свое оправданіе на приказы, данные ему, на опасности, угрожавшія республикѣ, и на разнузданность страстей въ гражданской войнѣ. Члены нантскаго революціоннаго трибунала, обвинявшіеся вмѣстѣ съ Каррье, повидимому, также взвалили всю вину на одного Каррье. Когда конвентъ постановилъ предать Каррье суду революціоннаго трибунала, онъ воскликнулъ: „Здѣсь все виновно, все—до колокольчика предсѣдателя!“ И въ этихъ словахъ было много правды.

Каррье, смерти котораго ежедневно требовала „золотая молодежь“, былъ осужденъ и казненъ 18 декабря 1794 г.; во время процесса онъ обнаружилъ много хладнокровія. Фукье-Тэнвилль, бывшій прокуроръ революціоннаго трибунала, добровольно явился для ареста, когда узналъ, что постановлено возбудить противъ него обвиненіе. Процессъ его тянулся очень долго. Фукье заявилъ, что онъ дѣйствовалъ только по приказаніямъ комитетовъ; онъ протестовалъ противъ кроваваго акта 22 прэріаля и оттягивалъ процессъ нантцевъ. Его жестокость много повредила дѣлу демократіи; онъ всегда былъ простымъ, безчувственнымъ орудіемъ господствующей системы. Но

многіе изъ тэрмидористовъ были гораздо болѣе виновны въ усиленіи системы ужаса, чѣмъ Фукье-Тэнвилль; смерти его требовали, главнымъ образомъ, Фреронъ и Мерленъ: одинъ изъ нихъ былъ авторомъ закона о подозрительныхъ, а другой руководилъ казнями въ Тулонѣ. Фукье былъ приговоренъ къ смертной казни, вмѣстѣ съ двѣнадцатью другими членами революціоннаго трибунала; они казнены 7 мая 1795 г., когда Парижъ заволновался вслѣдствіе бурныхъ возстаній предмѣстій. Два года тому назадъ конвентъ учредилъ революціонный трибуналъ, — а теперь отвѣтственность за него взвалилъ на прокурора, двѣнадцать судей и присяжныхъ.

Въ провинціяхъ, также какъ и въ Парижѣ, сторонники павшей системы подвергались жестокимъ преслѣдованіямъ. Реакціонный терроризмъ занялъ мѣсто революціоннаго. Поэтому и законъ о подозрительныхъ былъ оставленъ въ силѣ. Между тѣмъ часто обнаруживалось, что обвиненія, выдвигаемыя противъ отдѣльныхъ комиссаровъ конвента были преувеличены. Такъ, говорили, будто Мэнье, любимецъ Кутона, истреблялъ вмѣстѣ съ революціоннымъ трибуналомъ населеніе въ Оранжѣ, а одну деревню, съ людьми и постройками, совершенно стеръ съ лица земли. Но конвентъ не возбуждалъ противъ него обвиненія.

Вскорѣ Фреронъ нашелъ уже излишнимъ противопоставлять имя Марата имени Робеспьера, какъ онъ лицемѣрно дѣлалъ это до сихъ поръ. „Золотая молодежь“ преслѣдовала Марата и въ гробу и всячески издѣвалась надъ его бюстами и портретами. Прахъ его удалили изъ Пантеона, куда онъ былъ перенесенъ, и конвентъ постановилъ, что никто не можетъ быть погребенъ въ Пантеонѣ, раньше какъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ смерти. Прахъ Марата былъ брошенъ въ клоаку. Великолѣпная картина, на которой Давидъ изобразилъ убійство Марата Шарлотою Кордэ, была уничтожена вандалами золотой молодежи.

Конвентъ очень разумно отмѣнилъ введенное Робеспьеромъ постановленіе относительно Высшаго Существа и объявилъ полную свободу религіи. Государственной религіи теперь уже не было, и на религіозныя учрежденія не отпускалось суммъ изъ государственнаго казначейства. Было только предписано, что церковныя торжества должны совершаться внутри зданій, въ остальномъ же каждый могъ избрать себѣ культъ по своему усмотрѣнію. Правда, конвентъ установилъ оффиціальное празднованіе декадъ, при которомъ играла музыка, устраивались танцы и чтенія, но участіе въ этихъ празднествахъ ни для кого не было обязательнымъ. Такой порядокъ, представлявшій собою полное отдѣленіе церкви отъ государства и дававшій больше всего гарантій противъ столкновеній съ церковными властями, былъ однимъ изъ немногихъ разумныхъ установленій конвента термидористовъ.

Лекуантръ нашелъ, что теперь настало болѣе благопріятное время для обвиненія членовъ старыхъ комитетовъ, и добился того, что конвентъ возбудилъ обвиненіе противъ Билло-Варенна, Коло д'Эбруа, Баррера и Вадье. Вслѣдствіе такого рѣшенія требованіе возвращенія жирондистовъ становилось все настойчивѣе и настойчивѣе. Въ мартѣ 1759 г. послѣ долгихъ и бурныхъ преній это требованіе было удовлетворено. Шенье говорилъ, что во Франціи не нашлось пещеръ, достаточно глубокихъ, чтобы скрыть краснорѣчіе Верніо и геній Кондорсэ. Онъ утверждалъ, что федерализмъ жирондистовъ—пустая клевета, и предложилъ возвратить ихъ. Гора настойчиво противодѣйствовала этому мѣропріятію, потому что отъ вернувшихся жирондистовъ она могла ждать лишь самыхъ сильныхъ нападеній. Противъ возвращенія были также многіе изъ тэрмидористовъ. Бантаболь говорилъ, что если вернуть исключенныхъ 31 мая 1793 г., то надо возбудить преслѣдованіе противъ тѣхъ 80000 человѣкъ, которые въ этотъ день окружили конвентъ; эта мѣра разожжетъ всѣ страсти. Тутъ поднялся Сійесъ, давно уже игравшій въ конвентѣ роль смиреннаго и робкаго молчальника: усиленіе реакціи придало ему теперь мужество. Этотъ аббатъ, такъ часто въ первомъ національномъ собраніи разсѣевавшій сомнѣнія своихъ товарищей относительно законности ихъ дѣйствій, теперь настаивалъ, что постановленіе 31 мая было актомъ незаконнымъ и его нужно признать неимѣющимъ никакого значенія; что до 31 мая конвентъ былъ подавленъ народомъ, а съ тѣхъ поръ до 9-го термидора онъ угнеталъ народъ,—теперь же царитъ справедливость!— „Какъ,—воскликнулъ съ горы Камбонъ,—31 мая не имѣетъ никакого значенія? Тогда и все, что вы сдѣлали съ тѣхъ поръ, не имѣетъ значенія. Весь этотъ огромный трудъ, эта масса законовъ, всѣ декреты, на которыхъ основано нынѣшнее правленіе,—все это тоже не имѣетъ никакого значенія!“

Но реакціонное теченіе было слишкомъ сильнымъ, чтобы для него могло стать опаснымъ противодѣйствіе Горы. Конвентъ постановилъ возвратить жирондистовъ, и Лянжюинэ, Лувэ, Ляривьеръ, Иснаръ, Ляревельеръ-Лепо и другіе снова явились въ конвентъ. Послѣ столь долгаго пребыванія внѣ закона, они были исполнены жаждой мести и немедленно же обрушились на „хвостъ Робеспьера“. Сейчасъ же послѣ ихъ возвращенія конвентъ рѣшилъ арестовать Билло-Варрена, Колло б'Эбруа, Баррера и Вадье.

Со вступленіемъ возвращенныхъ жирондистовъ въ конвентъ, распредѣленіе партій еще разъ измѣнилось. Теперь снова образовалась правая, созданная жирондистами и подкрѣпленная остатками этой партіи, удержавшимися въ конвентѣ во время пребыванія ихъ товарищей внѣ закона. Здѣсь вынырнулъ плохо скрытый роялизмъ, потому что многіе жирондисты объявили себя республиканцами лишь подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

Тѣ самые жирондисты, которые до 10 августа были вождями революціи, теперь стали вождями реакціи. Конечно, не надо упускать изъ виду и того, что самые выдающіеся изъ ихъ главарей погибли въ буряхъ партійной борьбы. Въ такомъ же положеніи находилась и лѣвая, занимавшая гору; она тоже теряла одного за другимъ своихъ первостепенныхъ вождей. Лѣвая сравнительно съ другими партіями была слаба и численностью, и вліяніемъ; тѣмъ сильнѣе былъ центръ, въ которомъ господствовали термидористы. Эта партія не была вполнѣ сплочена, такъ какъ въ ней существовала фракція независимыхъ, не желавшихъ поддаваться реакціи. Но центръ иногда увлекался реакціоннымъ теченіемъ гораздо дальше, чѣмъ онъ разсчитывалъ. Эта партія хотѣла „солидной“, буржуазно-аристократической республики и стояла въ рѣзкомъ антагонизмѣ какъ съ правой, желавшей конституціонной монархіи, такъ и съ лѣвой, стоявшей за конституцію 1793 года. Дѣло должно было дойти до рѣшительной борьбы между этими партіями, и дальше мы увидимъ, какъ центръ съ помощью роялистовъ уничтожилъ демократію, а съ помощью демократіи — роялистовъ.

Послѣ 9 термидора конвентъ почти всю свою дѣятельность направилъ на партійную борьбу и на преслѣдованіе демократіи, теряя много драгоцѣннаго времени въ пустыхъ партійныхъ спорахъ. Экономисты девятаго термидора столь же мало понимали экономическія неурядицы, увеличивавшіяся съ каждымъ днемъ, какъ мало и сочувствовали бѣдствіямъ народа. Они думали, что устранивъ возможно скорѣе ненавистныя имъ установленія времени ужаса, они уже сдѣлаютъ все. Никакихъ новыхъ идей у нихъ не было. Быстрая отмѣна почти всѣхъ принудительныхъ мѣръ времени ужаса лишь увеличила запутанность всѣхъ отношеній и усилила бѣдствія народа. Правда, урожаи теперь былъ обильный, но страна во многихъ мѣстахъ была опустошена гражданской войной. Торговля съ иностранными землями почти совершенно прекратилась и промышленность пала; въ Ліонѣ, бывшемъ нѣкогда самымъ значительнымъ фабричнымъ городомъ страны, работало едва 2000 ткацкихъ станковъ. Не трудно было понять, что для борьбы съ нуждою необходимы самыя энергичныя мѣры. Но экономисты девятаго термидора не могли придумать ничего, кромѣ „свободной конкурренціи“, которая въ то время была именно опаснѣе всего, такъ какъ можно было предвидѣть, что спекулянты, скупщики и ростовщики воспользуются быстрой отмѣной всѣхъ охранительныхъ законовъ и тяжелымъ положеніемъ французовъ для эксплоатаціи народа и собственнаго обогащенія. Тибодо, человѣкъ плоскаго ума, но умѣвшій играть роль въ это время посредственностей, воскликнулъ: „единственное спасеніе—въ *свободѣ торговли* и въ уничтоженіи мак-

симума!“ Максимумъ, какъ мы видѣли, былъ уничтоженъ уже въ декабрѣ; такимъ образомъ, свобода торговли была достаточно возстановлена. Но тѣмъ не менѣе, во всемъ чувствовался недостатокъ, такъ какъ ассигнаты все продолжали падать, и продавцы не являлись на рынокъ. Къ 9 термидора ассигнаты понизились до 33%; послѣ уничтоженія максимума они упали до 19%, а нѣсколько позже до 17%. Въ теченіе зимы недостатокъ въ дровахъ и углѣ до того увеличился, что комитетъ благосостоянія однажды долженъ былъ устроить рубку деревьевъ въ большихъ размѣрахъ, рискуя уничтожить государственные лѣса.

Отъ этихъ всеобщихъ бѣдствій болѣе всего пришлось выстрадать Парижу. Мы уже видѣли, какимъ лишеніямъ подвергались рабочіе предмѣстій и съ какимъ рѣдкимъ терпѣніемъ они ихъ выносили. У нихъ уже не было особенной охоты къ возстаніямъ, потому что они ничего не ждали отъ этихъ возстаній. Но теперь имъ пришлось пережить суровую и продолжительную зиму—это была та зима, когда замерзъ голландскій флотъ,—и бѣдствія ихъ увеличились до крайней степени. Плохая и скудная пища, какую они могли достать, была совершенно недостаточна, и часто бывали случаи голодной смерти. Вандея, такъ долго служившая житницей Парижа, была теперь опустошена и не могла дать ничего. А тутъ еще роскошныя пиршества и вся жизнь новой буржуазной аристократіи въ „чистыхъ“ кварталахъ должны были дѣйствовать на рабочихъ самымъ раздражающимъ образомъ. Они видѣли, какъ рядомъ со страшной нищетой, точно въ насмѣшку, развивалось своеволіе. Голодъ выгонялъ въ предмѣстьяхъ мужчинъ и женщинъ на улицы, и здѣсь составлялись тѣ толпы, въ которыхъ можно было видѣть прелюдію возстанія.

Якобинцы и партія Горы возложили всѣ упованія на то, что бѣдствія зимы доведутъ рабочихъ до возстанія. Они хотѣли воспользоваться этимъ движеніемъ, чтобы снова достигнуть власти и свергнуть жирондистовъ. Народу за его лишенія они, вѣроятно, и на этотъ разъ могли бы предложить только усиленныя преслѣдованія аристократовъ, рабочимъ же и впредь пришлось бы голодать, какъ и въ правленіе Робеспьера. Доведенные до отчаянія и подстрекаемые якобинцами, рабочіе волновались. Имъ данъ былъ лозунгъ, свидѣтельствовавшій о вліяніи на нихъ якобинцевъ: они должны были требовать и добиться возстановленія конституціи 1793 г., а также освобожденія арестованныхъ патріотовъ, какъ теперь называли гонимыхъ сторонниковъ демократіи. Конституція 1793 г. обезпечивала за народомъ преобладаніе во Франціи; якобинцы надѣялись, что введеніе ея снова передастъ власть въ ихъ руки. Но надежда эта врядъ ли бы исполнилась, если бы была введена конституція 1793 г., потому что при плебисцитахъ рѣшающей силой уже стали крестьяне:

они желали міра и спокойнаго труда и, понятно, должны были враждебно относиться къ пылкому и неугомонному якобинству.

Страшныя бѣдствія предмѣстій заставили конвентъ снова серьезнѣе заняться продовольствованіемъ Парижа. Въ половинѣ марта было постановлено выдавать каждому жителю по 1 фунту хлѣба, а рабочимъ, занятымъ тяжелымъ трудомъ, по $1^1/_2$ фунта въ день. Этимъ думали удовлетворить предмѣстья. Однако вышло иначе: вскорѣ 17 марта изъ предмѣстій Сэнтъ-Антуанскаго и Сэнъ-Марсо явилась депутація, имѣвшая представить петицію, требовавшую устраненія недостатка въ хлѣбѣ. Депутація эта говорила, что рабочимъ всегда приходится терпѣть лишь одни лишенія и что они готовы сожалѣть о жертвахъ, принесенныхъ ими для революціи. Тибодо, предсѣдательствовавшій въ конвентѣ, далъ довольно грубый отвѣтъ, а Буасси д'Англа заявилъ, что раціоны хлѣба раздаются правильно. Почтенный Буасси могъ бы понять, что для содержанія человѣка зимой еще недостаточно фунта хлѣба въ день. Депутаціи велѣно было удалиться; рабочіе, понятно, были раздражены; они въ волненіи били кулаками по барьеру, передъ которымъ стояли, крича: „хлѣба, „хлѣба!“ Многочисленная толпа народа, ожидавшая передъ конвентомъ результата депутаціи, заволновалась, когда узнала исходъ дѣла, и попыталась ворваться въ залъ засѣданій. Въ это время подоспѣли вооруженныя секціи изъ зажиточныхъ кварталовъ и разогнали рабочихъ. Депутація удалилась.

Конвентъ нашелъ волненія среди рабочихъ очень опасными, такъ какъ предмѣстья были вооружены и имѣли пушки. Но на этотъ разъ не было принято никакихъ мѣръ для подавленія волненій. Предмѣстья все волновались, потому что комитетъ конвента, завѣдывавшій продовольствованіемъ Парижа, едва могъ доставать 1500 мѣшковъ муки, необходимыхъ для ежедневнаго прокормленія города. Хлѣбъ былъ плохой, и знаменательно, что Буасси д'Англа, предсѣдательствовавшаго въ продовольственномъ комитетѣ, народъ прозвалъ „голоднымъ Буасси“.

20 марта предмѣстья снова поднялись, и рабочіе толпами стекались къ конвенту: они требовали „хлѣба и конституцію 1793 г.!“ Въ ближайшіе дни долженъ былъ начаться процессъ Билло-Варенна, Колло д'Эбруа и Баррера, и поэтому рабочіе воспользовались случаемъ, чтобы потребовать освобожденія арестованныхъ патріотовъ. Передъ Тюльери собралась также часть золотой молодежи, и дѣло дошло у нея до побоища съ рабочими предмѣстій, причемъ нѣкоторые изъ „золотыхъ“ палочниковъ были брошены въ пруды тюльерійскаго сада. Раздавались крики: „Да здравствуетъ конвентъ! Долой террористовъ!“ а въ отвѣтъ на это кричали: „Да здравствуетъ клубъ якобинцевъ! Долой аристократовъ!“

Въ залѣ засѣданій конвента въ это время читалась петиція. Она рекомендовала, какъ средство умиротворенія, конституцію 1793 г.

„Введите", говорилось въ петиціи, — „эту популярную конституцію, которую народъ принялъ и поклялся соблюдать; она примиритъ всѣ интересы, успокоитъ всѣ умы и приведетъ васъ къ цѣли вашей дѣятельности".

Относительно этого предложенія возникли ожесточенныя пренія: Гора поддерживала петицію, тогда какъ другія партіи отвергали ее. Тибодо сдѣлалъ безсмысленное заявленіе, что конституція 1793 г. не демократична. Онъ говорилъ: „Демократична не та конституція, при которой народъ самъ пользуется всей властью, а та, при которой вслѣдствіе мудраго раздѣленія властей народъ наслаждается свободой, равенствомъ и спокойствіемъ". Этой фразѣ конвентъ усиленно аплодировалъ.

Затѣмъ, было постановлено ввести конституцію 1793 г. не раньше, какъ послѣ изданія необходимыхъ органическихъ законовъ: этимъ постановленіемъ термидористы лишь плохо скрывали свое нерасположеніе къ конституціи 1793.

Тѣмъ временемъ подоспѣла золотая молодежь и вооруженныя секціи; послѣ яростной схватки онѣ разсѣяли толпу, собравшуюся передъ Тюльери, и затѣмъ, депутація оставила залъ. Тогда Сійесъ предложилъ „законъ высшей полиціи", устанавливавшій строгія наказанія для предупрежденія массовыхъ сборищъ, и конвентъ принялъ этотъ законъ.

Послѣ этого начался процессъ Билло, Колло и Баррера, которыхъ съ большимъ самоотверженіемъ защищали ихъ товарищи: Карно, Пріеръ и Линдэ. Карно въ своей прекрасной рѣчи указалъ на то, что ни одного члена комитета благосостоянія нельзя считать отвѣтственнымъ за распоряженія, подписанныя имъ, такъ какъ комитетъ былъ настолько заваленъ работой, что члены его едва имѣли время для принятія пищи: они вынуждены были поручать другъ другу подписываться за себя, и поэтому подпись того или иного члена комитета еще ничего не доказываетъ.

Процессъ этотъ вызвалъ сильное возбужденіе, и цѣлую недѣлю партіи яростно боролись въ конвентѣ, не придя ни къ какому результату. Исходъ дѣла казался сомнительнымъ. Но городъ и предмѣстья пришли въ движеніе, такъ какъ якобинцы употребляли всѣ средства для спасенія обвиняемыхъ. Особенно энергично дѣйствовалъ въ предмѣстьяхъ членъ конвента, пылкій и мужественный молодой человѣкъ, Гужонъ. Къ барьеру конвента снова являлись депутаціи мужчинъ и женщинъ, требовавшія хлѣба, и Гужонъ поддерживалъ ихъ. Была представлена новая петиція, въ которой говорилось: „Почему въ Парижѣ нѣтъ муниципалитета? Почему закрыты народныя общества? Что сталось съ жатвой? Почему стоимость ассигнатовъ все понижается? Почему дозволяется молодежи собираться въ Пале-Роялѣ, и почему въ тюрьмахъ сидятъ одни лишь патріоты".

Конвентъ отклонилъ эту петицію, отвѣтивъ, что нарушенія спокойствія будутъ преслѣдоваться.

Раздраженные до крайности рабочіе собрались утромъ 1 апрѣля и съ барабаннымъ боемъ снова направились къ конвенту. Они толпой ворвались въ залъ,—здѣсь они ничего не предпринимали, а лишь мѣшали совѣщаніямъ. Они, очевидно, были не подготовлены и только кричали: „Хлѣба! хлѣба! Конституцію 1793 г.!..“ Депутатовъ, желавшихъ говорить, они прерывали. Совершенно невозможно было принять какое-либо постановленіе. Люди Горы сами не знали, что дѣлать; они видѣли, что съ неорганизованной массой ничего нельзя предпринять. Поэтому они уговаривали толпу удалиться, чтобы можно было принять какое-нибудь рѣшеніе. Но рабочіе не уходили, и нѣкій Ванэкъ выступилъ ихъ ораторомъ; онъ требовалъ освобожденія патріотовъ и конституціи 1793 г. Толпа все требовала хлѣба. Черезъ четыре часа явилась вооруженная сила реакціонныхъ секцій и разогнала толпу. Движеніе снова окончилось неудачей.

Тѣмъ насильственнѣе поступалъ теперь конвентъ, еще недавно признавшій исключеніе жирондистовъ преступленіемъ. Генералу Пишегрю, бывшему тогда въ Парижѣ, было поручено начальствованіе надъ вооруженной силой, и онъ подавилъ всѣ движенія въ пользу обвиняемыхъ членовъ комитета. Билло, Колло, Барреръ и Вадье были приговорены къ ссылкѣ въ Кайену и сейчасъ же увезены. Попытка освобожденія ихъ не удалась, и Билло, и Колло были отправлены въ Кайену, гдѣ Колло въ слѣдующемъ году умеръ. Билло, котораго долго исключали изъ амнистіи, съ гордостью отвергъ амнистію, предложенную ему Наполеономъ. Впослѣдствіи онъ жилъ на о. Гаити. Барреръ и Вадье остались во Франціи. Вся вина въ возстаніи была приписана Горѣ, и семь членовъ лѣвой были присуждены къ заключенію въ замкѣ Анъ (Ham). Среди нихъ находились: Амаръ, Леонаръ Бурдонъ и Шудье; впослѣдствіи къ нимъ присоединили еще девять человѣкъ, среди которыхъ были: Камбонъ, Тюріо и Левассеръ изъ Сарты. Послѣ этого неудачнаго возстанія наступила пауза, и рабочіе, вѣроятно, относились бы къ дальнѣйшему ходу дѣлъ съ тѣмъ же равнодушіемъ, какъ при директоріи и Наполеонѣ, если бы ихъ не такъ сильно мучилъ голодъ. У конвента были для нихъ лишь увѣщанія, обѣщанія и угрозы, за которыми выдвигался реальный доводъ, въ видѣ палокъ золотой молодежи, ружей и пушекъ реакціонныхъ членовъ секцій. Для продовольствованія Парижа, которое едва могло удовлетворять потребностямъ, у конвента уже не хватало средствъ; теперь сказались пагубныя послѣдствія слишкомъ поспѣшной отмѣны принудительныхъ мѣропріятій. Рабочіе страшно страдали. Уже невозможно было доставлять назначенныхъ конвентомъ раціоновъ хлѣба въ 1—1 $^1/_2$ фунта; май мѣсяцъ начался для населенія предмѣстій тѣмъ, что стали выдавать уже лишь по $^1/_2$ фунта хлѣба

на человѣка. Сверхъ хлѣба, бѣдняки могли получать еще по горсти риса. Эти бѣдствія вызвали страшное озлобленіе, которымъ люди Горы воспользовались, чтобы снова произвести возстаніе. Агитацію среди рабочихъ вели, главнымъ образомъ, члены конвента Гужонъ и Бурботтъ; второй изъ нихъ былъ раньше комиссаромъ конвента въ Вандеѣ. Преслѣдованіе якобинцевъ на югѣ Франціи, приведшее къ кровавымъ избіеніямъ, усилило возбужденіе рабочихъ; они боялись утратить всѣ пріобрѣтенія революціи и поэтому еще разъ послушались пылкихъ людей Горы и двинулись противъ конвента.

Это возстаніе съ самаго же начала имѣло мало надежды на успѣхъ. Ему недоставало прежде всего извѣстнаго и популярнаго имени, которое могло бы служить знаменемъ. Революція шла уже на убыль; власть была въ рукахъ противниковъ демократіи, и возставшіе защищали позицію, которая уже на половину была занята врагами. Парижское населеніе было во власти членовъ секцій, сторонниковъ термидористовъ и золотой молодежи, которымъ ихъ успѣхи придали большую самоувѣренность и наглость, тогда какъ якобинцы упали духомъ вслѣдствіе своихъ пораженій. У рабочихъ было еще оружіе, и они надѣялись на него.

19 мая 1795 г. показались предвѣстники возстанія, въ видѣ волненій на улицахъ и возбужденія на галлереяхъ конвента. Вечеромъ явилась массовая петиція, исходившая отъ якобинцевъ, содержавшая въ одиннадцати статьяхъ требованія патріотовъ. Они требовали исключенія изъ конвента жирондистовъ и семидесяти трехъ, возвращенія сосланныхъ и освобожденія заключенныхъ патріотовъ, введенія конституціи 1793 г., организаціи общиннаго совѣта и возстановленія максимума и реквизицій. Изъ этого видно, что якобинцы были столь же бѣдны соціально-экономическими идеями, какъ и ихъ противники; они умѣли лишь совершенно схематически требовать возстановленія мѣропріятій времени ужаса, — при которыхъ народъ тоже терпѣлъ горькую нужду. Но имъ прежде всего важно было свергнуть жирондистовъ и термидористовъ. Поэтому они призывали въ своемъ манифестѣ народъ противъ конвента и приглашали всѣхъ патріотовъ написать на своихъ шляпахъ: „хлѣба и конституцію 1793 г.!“

На слѣдующій день поднялись голодныя массы,—какъ раньше, 31 мая и 2 іюня 1793 г. Въ пять часовъ утра раздался набатъ, вооруженныя массы стали собираться на улицахъ и шли къ конвенту. Якобинцы внутренняго города соединились съ рабочими Сэнтъ-Антуана и Сэнъ-Марсо. Какъ во времена Анріо, раздался пушечный выстрѣлъ въ знакъ тревоги. Когда конвентъ почувствовалъ приближающуюся бурю, онъ потребовалъ отъ секцій, чтобы онѣ предоставили свою вооруженную силу въ его распоряженіе. Но секціи собирались медленно, и золотая молодежь, для которой конвентъ не былъ достаточно роялистическимъ, сперва тоже не проявляла особенной ревности.

Галлереи конвента, занятыя большею частью тѣми женщинами, которыхъ называли швейками Робеспьера, а теперь зло прозвали также вдовами Робеспьера, стража конвента очистила плетями. Но скоро подошла масса возставшихъ и ворвалась въ залъ засѣданій. Повсюду раздавался набатъ. Среди патріотовъ было также много женщинъ и дѣтей; на шляпахъ у мужчинъ было написано мѣломъ: „хлѣба и конституцію 1793 г.!“ Толпа разбила ворота, разогнала стражу конвента сильнымъ ружейнымъ огнемъ, причемъ пули ударялись въ стѣны зала засѣданій, и достигла бюро конвента. Депутатъ Феро, человѣкъ молодой, бросился на встрѣчу ворвавшимся. Его ранили, толпа смяла его и двинулась черезъ него. Его смѣшали съ Фрерономъ, и кровожадный мясникъ Тинель отрѣзалъ ему голову и воткнулъ ее на пику, причемъ ему помогалъ одинъ негръ.

На президентскомъ мѣстѣ сидѣлъ Буасси д'Англа; онъ былъ блѣденъ, но оставался неподвижнымъ во время страшной сутолоки, когда вокругъ него сверкало оружіе возставшихъ. Къ нему протянули на пикѣ голову Феро, и онъ поклонился ей. Толкотня становилась все сильнѣе; толпы отливали и снова приливали, и долго невозможно было приступить ни къ какимъ обсужденіямъ. Возставшіе хотѣли принудить конвентъ къ принятію требованій, изложенныхъ въ петиціи, хотѣли воспроизвести 31 мая. Послѣ долгой и бѣшенной сутолоки, Ромму, Гужону, Бурботту и другимъ людямъ Горы удалось довести дѣло до голосованія относительно требованій возставшихъ. На это уходило важное для нихъ время. Въ этотъ моментъ неизвѣстно было, существуетъ-ли еще какое-нибудь правительство. Депутаты, многіе изъ которыхъ разбѣжались, были стиснуты въ кучку и должны были голосовать. Каждый пунктъ петиціи голосовался отдѣльно, и результатъ каждаго голосованія встрѣчался радостными восклицаніями народа и размахиваніями шапокъ. Комитеты, составлявшіе правительство, были уничтожены и назначенъ исполнительный комитетъ, имѣвшій получить диктаторскую власть. Въ этотъ комитетъ были избраны: Бурботтъ, Пріеръ изъ Марны, Дюкенуа и Дюруа. Субрани былъ назначенъ начальникомъ военныхъ силъ.

Народъ думалъ, что этимъ онъ побѣдилъ реакціонный конвентъ и путемъ переворота, какъ 31 мая, снова доставилъ господство демократіи. Но онъ ошибался, потому что теперь положеніе дѣлъ было совершенно иное. 31 мая почти весь Парижъ съ оружіемъ въ рукахъ поднялся противъ жирондистовъ, теперь же большая часть вооруженнаго населенія Парижа была на сторонѣ конвента. Возставшіе торжествовали рано и не думали о томъ, какъ отразить нападеніе секцій и золотой молодежи, а предавались шумной радости, увѣренные въ своей побѣдѣ. Повидимому, и реакціонеры были увѣрены въ побѣдѣ патріотовъ, и кто-то изъ толпы хитро предложилъ отмѣнить смертную казнь, чтобы про случай обезопасить головы реакціонеровъ. Къ

полуночи исполнительный комитетъ готовился вступить во власть и распорядиться объ арестѣ членовъ правительственныхъ комитетовъ. Но было упущено слишкомъ много времени, и теперь уже подступили вооруженныя секціи. Возгорѣлась ожесточенная борьба, и національная гвардія секцій была отражена, отчаянно защищавшимися возставшими. Тогда послышался генеральный маршъ, секціи явились въ преобладающей силѣ и, бросившись въ штыки, очистили залъ. Возставшіе обратились въ бѣгство и пытались собраться въ городской ратушѣ.

Теперь мстительность конвента обрушилась на тѣхъ депутатовъ Горы, которые проявили свои симпатіи къ возставшимъ; тринадцать изъ нихъ были немедленно арестованы и среди нихъ члены исполнительнаго комитета: Роммъ, Гужонъ, Субрани, а также старикъ Рюль. Декреты, вынужденные у конвента, были объявлены неимѣющими никакого значенія, протоколы сожжены; говорили, что эти декреты продиктованы шайкой разбойниковъ. Конвентъ не зналъ теперь никакихъ границъ; онъ постановилъ обезоружить предмѣстья: въ декретѣ говорилось, что „разбойникамъ, кровопійцамъ, грабителямъ и агентамъ тиранніи, существовавшей до 9 термидора“, нельзя оставлять оружія.

Но этотъ декретъ и этотъ языкъ, полный ярости и ненависти, снова довелъ броженіе въ предмѣстьяхъ до взрыва. На другой день возставшіе вышли изъ ратуши, гдѣ они хотѣли образовать новый конвентъ, и перешли въ предмѣстья; національная гвардія вступила въ Сэнтъ-Антуанъ, но скоро увидѣла передъ собой многочисленную военную силу, вооруженную пушками, и быстро ушла назадъ. Возставшіе снова вышли изъ предмѣстій и опять направились къ конвенту. Въ залѣ засѣданій былъ слышенъ грохотъ перевозимыхъ пушекъ, и Лежандръ театрально воскликнулъ: „Мы должны остаться на нашемъ посту; самое худшее, что насъ можетъ постигнуть, — только смерть!“ Если бы возставшіе теперь сдѣлали нападеніе, они вышли бы побѣдителями, потому что національная гвардія, охранявшая конвентъ, не могла устоять противъ нихъ. Обѣ стороны нѣкоторое время стояли съ оружіемъ въ рукахъ, и битва казалась неизбѣжной. Тогда конвентъ хитро началъ переговоры. Онъ послалъ къ возставшимъ депутацію, которая обѣщала, что конвентъ позаботится о продовольствіи. Возставшіе, лишенные свѣдущаго и опытнаго вождя, были склонны къ примиренію, потому что этимъ рабочимъ, какъ мы видѣли, давно уже надоѣли смуты и возстанія; лишь голодъ побудилъ ихъ теперь къ бунту. Конвентъ постановилъ добыть продовольствіе и поручилъ особой комиссіи въ теченіе четырехъ дней выработать органическіе законы къ конституціи 1793 г. Такимъ образомъ, рабочіе думали, что главныя требованія массовой петиціи выполнены, и когда депутація ихъ, явившаяся въ конвентъ, была обнята предсѣдателемъ и получила

самыя успокоительныя увѣренія, они полагали, что все кончилось для нихъ хорошо. Сладкія рѣчи реакціонеровъ обманули ихъ. Они считали себя побѣдителями, гордо вернулись со своими пушками въ предмѣстья и оставили депутатовъ, защищавшихъ ихъ наканунѣ, въ рукахъ ихъ кровожадныхъ враговъ.

Скоро возставшіе должны были почувствовать, какъ сильно они обманулись, потому что мстительный конвентъ ждалъ лишь прихода вызваннаго имъ войска, чтобы напасть на предмѣстья. Явились сильные отряды пѣхоты и кавалеріи; изъ одной только сѣверной арміи прибыло 3000 человѣкъ кавалеріи. Была назначена военная комиссія для производства полевого суда надъ арестованными участниками возстанія. 22-го мая убійца Феро, Тинель, былъ приговоренъ къ смертной казни, но населеніе Сэнтъ-Антуана освободило его на пути къ эшафоту. Тогда конвентъ привелъ въ исполненіе свой декретъ объ обезоруженіи предмѣстій. Сэнтъ-Антуанъ отказался выдать свои пушки и убійцу Феро; затѣмъ, генералъ Мелу съ 30,000 солдатъ и сильной артиллеріей окружилъ предмѣстье и грозилъ бомбардировать его. Эта угроза произвела свое дѣйствіе: Сэнтъ-Антуанъ выдалъ не только Тинеля, но и свое оружіе и пушки.

Теперь реакціонный конвентъ набросился на все, что было ему неудобно и непріятно. Пашъ и Бушоттъ съ шестью товарищами были преданы суду; арестованы были еще нѣкоторые изъ людей Горы и всѣ члены старыхъ комитетовъ, за немногими исключеніями, среди которыхъ былъ Карно. Реакція дошла до такого бѣшенства, что старикъ Рюль, бывшій нѣкогда гофмейстеромъ у нѣмецкихъ аристократовъ, умертвилъ себя въ тюрьмѣ, отчаявшись въ возможности свободы. Этотъ Рюль, будучи комиссаромъ конвента, торжественно передъ большимъ сборищемъ народа разбилъ на рынкѣ въ Реймсѣ знаменитый сосудъ съ масломъ, принесенный, по преданію, голубемъ съ неба и употреблявшійся для помазанія французскихъ королей при вѣнчаніи ихъ на царство. Когда совершалось помазаніе Людовика XVIII при его коронаціи, сосудъ этотъ снова былъ на своемъ мѣстѣ.

Между тѣмъ, какъ конвентъ потребовалъ докладъ о всѣхъ якобинскихъ комиссарахъ, 17 іюня Гужонъ, Ромъ, Дюруа, Дюкенуа, Субрани и Бурботтъ предстали предъ военной комиссіей. Они не совершали никакихъ преступленій, но 20 мая они защищали въ конвентѣ возставшихъ. Военная комиссія приговорила ихъ къ смертной казни. Всѣ они выдвинулись въ буряхъ революціи: давно свыкшіеся съ мыслью о смерти, они умерли съ мужествомъ античныхъ героевъ. По объявленіи имъ смертнаго приговора, ихъ имѣли препроводить на гильотину. Тогда Роммъ вынулъ кинжалъ и вонзилъ его себѣ въ сердце; умирая, онъ передалъ кинжалъ Гужону, который сдѣлалъ то же самое и, умирая, передалъ кинжалъ Дюкенуа. Такъ это орудіе смерти обошло всѣхъ осужденныхъ. Но лишь трое изъ

нихъ сейчасъ же умерли: Роммъ, Гужонъ и Дюкенуа; Дюруа, Бурботтъ и Субрани были при смерти, въ собственной крови доставлены на эшафотъ и казнены. Эта трагическая смерть преимущественно молодыхъ, преданныхъ дѣлу свободы людей Горы произвела сильное впечатлѣніе, и отвращеніе къ реакціонному терроризму конвента достигло не меньшей степени, чѣмъ и отвращеніе къ массовымъ убійствамъ во время диктатуры Робеспьера.

Съ этихъ поръ рабочіе равнодушно относились къ ходу событій во Франціи. Они смотрѣли, какъ возникаютъ и падаютъ правительства, и оставались безучастными. Такъ кончились движенія въ пользу свободы. Буржуазія, взнесенная революціей, упрочивала свое господство, боролась за множество интересовъ, — только не за свободу и благосостояніе всего народа.

Паденіе демократіи въ Парижѣ почувствовалось въ провинціяхъ еще до послѣдняго большого возстанія предмѣстій. Въ Вандеѣ и Бретани до весны все еще продолжались военныя дѣйствія, хотя въ этихъ опустошенныхъ странахъ можно было вести лишь партизанскую войну. Но реакція съ поразительной быстротой распространялась въ южной и восточной Франціи. Горячая кровь юга всегда сильнѣе воспламеняетъ страсти въ тревожныя времена. Какъ раньше молодежь Марселя и Авиньона, очертя голову, бросилась въ бури революціи, такъ и теперь сангвиническое населеніе юго-востока слѣпо увлеклось потокомъ реакціи. Священники, отвергавшіе присягу, и эмигрировавшіе дворяне вели здѣсь свою пропаганду изъ сосѣдней Швейцаріи. Правда, имъ подъ угрозой смертной казни воспрещено было переходить французскую границу, но они знали, что найдутъ защиту у населенія, враждебно настроеннаго противъ якобинцевъ. Извѣстно, что иные комиссары конвента отличались чрезмѣрной суровостью при подавленіи роялистическихъ и федералистическихъ возстаній. Теперь это было отмщено. Но терроризмъ реакціи былъ гораздо безпощаднѣе, чѣмъ терроризмъ революціи. Революціонный терроризмъ все-таки дѣйствовалъ большею частью въ извѣстныхъ правовыхъ и судебныхъ формахъ, терроризмъ же реакціонный устраивалъ массовыя убійства безъ всякихъ формальностей. Священники, отвергавшіе присягу, всѣми силами старались фанатизировать народъ противъ якобинцевъ. Они просто призывали истреблять „безбожныхъ“ террористовъ огнемъ и мечемъ. Подъ террористами разумѣлись всѣ сторонники Робеспьера и системы ужаса, всѣ тѣ, которые оказывали поддержку революціоннымъ властямъ, революціоннымъ комитетамъ и комиссарамъ. Какъ во время революціи преслѣдовались аристократы, такъ во время реакціи террористы. Священники, отвергавшіе присягу, организовали такъ называемыя общества Іисуса или Солнца,

главной цѣлью которыхъ было преслѣдованіе террористовъ и якобинцевъ. Сверхъ того, духовенство, отвергавшее присягу, объявляло конфискацію церковныхъ имуществъ святотатствомъ, а религіозные акты, совершаемые конституціонными священниками, недѣйствительными. Въ непродолжительное время эти общества Іисуса или Солнца стали очень многочисленны и такъ разъярили народъ, что скоро уже ни одинъ изъ извѣстныхъ якобинцевъ не могъ показаться на улицѣ безъ опасности для жизни. Многіе якобинцы были заключены въ тюрьмы, и такъ какъ надъ ними хотѣли учинить настоящій судъ, то члены обществъ Солнца опасались, что ихъ оправдаютъ. 5 мая 1795 г. въ Ліонѣ производился судъ надъ однимъ человѣкомъ, который исполнялъ полицейскую службу при Колло д'Эбруа. Фанатизированные духовенствомъ, члены обществъ Солнца толпой ворвались въ залу суда и требовали смерти осужденнаго. Когда судьи хотѣли вести дѣло съ соблюденіемъ установленныхъ формальностей толпа убила осужденнаго. Затѣмъ она ворвалась въ тюрьму и убила тамъ безъ всякаго слѣдствія 97 человѣкъ, арестованныхъ по подозрѣнію въ терроризмѣ. Священники въ облаченіи смотрѣли, какъ саблями и топорами избивали арестованныхъ; о массовыхъ слѣдствіяхъ и допросахъ, производившихся при избіеніяхъ въ сентябрѣ 1792 г., не было здѣсь и помина. Исполнители этого реакціоннаго „самосуда“ часто имѣли при себѣ четки. Въ Ліонѣ стоило лишь произнести за кѣмъ-нибудь слово: „Mathavon“, и его бросали въ Рону, какъ террориста. Въ 1792 г. массовыя убійства совершались почти только въ Парижѣ, теперь же такія избіенія распространились по всему югу. Въ Э 11 мая убито тридцать арестантовъ на глазахъ комиссара конвента, который лишь слабо противился этому. Повсюду устраивались большія облавы на якобинцевъ; въ Тарасконѣ захваченныхъ жертвъ втаскивали на высокую башню, и оттуда замаскированные палачи сбрасывали ихъ на скалистый берегъ Роны. Въ Тулонѣ 17 мая дѣло дошло до большого возстанія якобинцевъ, которые составили полчище въ 3000 человѣкъ и мужественно сражались съ подошедшимъ войскомъ конвента. Но военная сила конвента была втрое многочисленнѣе возставшихъ, и они послѣ упорнаго сопротивленія были разбиты. Такъ кончилась неудачей эта попытка противодѣйствія реакціи на югѣ. Въ то же время въ Марселѣ двѣсти арестованныхъ террористовъ, находившихся въ фортѣ Сэнъ-Жанъ, были частью разстрѣляны картечью, а частью сожжены живыми. Власти вмѣшались поздно, и арестованные убійцы были снова освобождены. Кровожадные гонители демократовъ могли безъ помѣхи истреблять свои жертвы; зачинщики многочисленныхъ убійствъ 1795 г. на югѣ Франціи даже не были привлечены къ отвѣтственности.

Несмотря на внутреннія неурядицы и раздоры во Франціи, вторая коалиція, составленная Питтомъ, не имѣла успѣха въ борьбѣ съ республикой. Если военное счастье и измѣняло иногда французамъ, все-таки ни одного солдата коалиціи не было на французской землѣ. Между тѣмъ, какъ партіи терзали другъ друга, республика проявила изумительную силу и устойчивость на полѣ сраженія. Великій геній Карно руководилъ движеніями ея войскъ и придалъ имъ единство прекрасно организованной и сильной арміи.

Нѣкоторые государи были утомлены войной. Великій герцогъ Тосканскій, Фердинандъ III, испугался за свой престолъ, когда увидалъ, что французы побѣдоносно перешли Альпы. Страхъ его былъ сильнѣе его ненависти, и онъ рѣшился просить мира у республики. Онъ послалъ генерала Карлетти въ Парижъ и тотъ заключилъ частный мирный договоръ, которымъ Тоскана обязывалась уплатить милліонъ франковъ военнаго вознагражденія. Съ реакціоннымъ конвентомъ представитель Тосканы, понятно, легче могъ столковаться, чѣмъ это было бы возможно годомъ раньше, а тщеславію тэрмидористовъ льстила роль государственныхъ людей.

Тѣмъ временемъ Пишегрю завоевалъ Голландію. Пишегрю занялъ острова и въ январѣ двинулся противъ англійской арміи, которую онъ отбросилъ въ нѣсколькихъ стычкахъ. Наступили страшные холода; рѣки и болота замерзли и не могли уже служить для защиты. Англійская армія, постоянно преслѣдуемая Пишегрю, пришла въ очень печальное состояніе и была очень рада, когда ей удалось отступленіемъ, болѣе похожимъ на бѣгство, достигнуть нѣмецкой границы. Голландскіе патріоты съ торжествомъ встрѣтили французовъ, и штатгалтеръ Вильгельмъ V, увидѣвъ, какъ мало онъ можетъ разсчитывать на любовь своего народа, бѣжалъ въ Англію. Голландскій флотъ хотѣлъ послѣдовать за нимъ, но дѣло затянулось и, такимъ образомъ, случилось неслыханное событіе: военный флотъ былъ взятъ французской кавалеріей. Суда замерзли, и когда нѣсколько эскадроновъ французскихъ гусаръ смѣло подошли по льду, флотъ сдался на капитуляцію.

Голландскіе патріоты оказывали французамъ всяческое содѣйствіе, и поэтому французы отнеслись къ Голландіи не какъ къ завоеванной, а какъ къ союзной странѣ. 16 мая была учреждена Батавская республика. Потеря Голландіи была для коалиціи очень чувствительной и не мало содѣйствовала ея распаденію.

Фридриху-Вильгельму II прусскому тоже надоѣла война. Удовольствія придворной жизни имѣли для него гораздо больше прелести, чѣмъ изнурительный и опасный походъ противъ французовъ. Побѣды республики вызвали у прусскаго короля опасеніе, что если французы вступятъ побѣдителями въ Германію, то они могутъ потребовать вознагражденія за нападеніе 1792 года. У него также

не было денегъ, потому что война и хозяйничанье фаворитовъ при его дворѣ опустошили его кассу. Субсидіи Англіи были недостаточны. Отъ Австріи нельзя было получить денегъ, потому что ея касса тоже была пуста. Австріи было предложено платить Пруссіи за участіе въ коалиціи ежегодно тридцать милліоновъ талеровъ и дать ей, въ видѣ залога, австрійскую Силезію. Но Австрія на это не согласилась. Сверхъ того, Пруссія, послѣ подавленія польской революціи въ предыдущемъ году, боялась возникновенія споровъ съ Россіей изъ-за дѣлежа Польши, и дружба съ Австріей тоже была ненадежна. Каждая изъ этихъ державъ опасалась, что союзница ея заключитъ миръ съ французской республикой къ ея невыгодѣ. Вслѣдствіе этого начались мирные переговоры, которые велись, главнымъ образомъ, въ Базелѣ между прусскимъ повѣреннымъ Гольтцомъ и французскимъ посломъ въ Швейцаріи, Бартелеми. Уже въ январѣ прусскій секретарь посольства Гарнье прибылъ въ Парижъ для непосредственныхъ переговоровъ съ комитетомъ благосостоянія. Съ тэрмидористами прусскій дипломатъ, понятно, могъ поладить; заходила рѣчь даже о союзѣ между Франціей и Пруссіей. До этого дѣло не дошло, но 5 апрѣля былъ заключенъ отдѣльный мирный договоръ Пруссіи съ Франціей. Пруссія оставила всѣ свои владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна во власти Франціи до общаго мира, заключенію котораго долженъ былъ содѣйствовать прусскій король. Тайной статьей мирнаго договора установлялось что если Германская имперія уступитъ лѣвый берегъ Рейна республикѣ, то прусскій король по соглашенію съ республикой долженъ получить—понятно въ Германіи же!—территоріальное вознагражденіе за свои земли на этомъ берегу. Соглашеніе это очень достопримѣчательно: осуществиться могло оно, разумѣется, на счетъ Австріи. 17 мая была объявлена демаркаціонная линія, проходившая отъ восточной Фрисландіи до Майна и Кохера и опредѣлявшая будущую нейтральную область. Относительно Ганноверскаго королевства, принадлежавшаго Англіи, возникли нѣкоторыя затрудненія, и прусскіе дипломаты проявляли склонность устранить эти затрудненія посредствомъ присоединенія Ганновера къ Пруссіи. Но Пруссія должна была ждать еще семьдесятъ лѣтъ, пока она могла навсегда присоединить Ганноверъ.

Послѣ выхода Пруссіи изъ коалиціи былъ заключенъ мирный договоръ также и съ Испаніей. Переговоры съ Испаніей были еще разъ прерваны, потому что испанскій кабинетъ главнымъ условіемъ мира съ Франціей ставилъ возстановленіе въ ней королевской власти на основаніи конституціи 1791 г.; онъ требовалъ также освобожденія содержавшагося въ Тамплѣ сына Людовика XVI. Тѣмъ временемъ молодой Капетъ умеръ, что дало поводъ обвинять республиканцевъ въ убійствѣ его. Французы теперь снова одержали побѣды въ Испаніи. Монсэ, командовавшій западно-пиринейской арміей, разбилъ ис-

панцевъ при Ормеѣ 6 іюня и взялъ Бильбао. Шереръ, начальникъ восточно-пиринейской арміи, несмотря на жалкое состояніе своего войска, далъ испанцамъ нѣсколько благопріятныхъ для французовъ стычекъ, взялъ крѣпость Фигуэрасъ съ большими военными запасами и готовился двинуться на Мадридъ. „Князь мира", Годой, любимецъ королевы, управлявшій Испаніей, пришелъ въ ужасъ; онъ боялся, что успѣхи французовъ вызовутъ демократическое возстаніе въ Испаніи. Состоялось соглашеніе; Франція получила испанскую часть о. Гаити, возвративъ за это всѣ свои завоеванія въ самой Испаніи. 22 іюля былъ заключенъ базельскій миръ.

Тѣмъ временемъ декретъ объ амнистіи, изданный конвентомъ, произвелъ свое дѣйствіе въ Вандеѣ; инсургенты лишь притворно покорялись, потому что они были совершенно истощены. Вожди возставшихъ не ладили между собой. Ларошъ-Жакеленъ палъ въ одной стычкѣ; Стоффле и Шареттъ враждовали другъ съ другомъ, такъ Шареттъ получилъ отъ графа Прованскаго титулъ генералъ-лейтенанта, что Стоффле счелъ обидой для себя. Республиканскими войсками командовали: въ Вандеѣ — Канкло, а въ Бретани — Гошъ. Оба эти генералы усвоили разумную тактику примиренія. Въ Вандеѣ возстаніе было уже незначительнымъ, въ Бретани же маркизъ де-Пюнсо и одинъ искатель приключеній, по имени Кормatенъ, организовали шуанерію, энергичную партизанскую войну, причемъ шуаны дѣйствовали, какъ разбойники. Шареттъ и Стоффле покорились, чтобы дать Вандеѣ возможность оправиться отъ ея полнаго истощенія, и заключили съ республикой мирные договоры по всей формѣ,— однако, лишь затѣмъ, чтобы выждать перваго благопріятнаго случая и снова подняться противъ республики.

Такимъ образомъ, конвентъ одержалъ верхъ надъ своими врагами внутри Франціи и разстроилъ коалицію Питта, которая состояла теперь уже только изъ Англіи, Австріи, Португаліи, Сардиніи и Неаполя. Франція вышла побѣдительницей изъ борьбы съ иностранными державами. Но у тэрмидористовъ не было ни умѣнья, ни желанія надлежащимъ образомъ воспользоваться этимъ успѣхомъ. Преслѣдованіе террористовъ и обогащеніе на общественныхъ должностяхъ всецѣло поглотило этихъ людей.

Тэрмидористы и соединившіеся съ ними жирондисты думали, что теперь настало время окончательно умиротворить революцію и устроить государство и общество въ ихъ собственномъ вкусѣ. Якобинцы были раздавлены и ежедневно подвергались кровавымъ преслѣдованіямъ; парижскія предмѣстья были обезоружены и безпомощно стонали подъ гнетомъ нищеты; буржуазная аристократія достигла неоспоримаго господства. Теперь конвентъ просто оставилъ вопросъ о

конституціи 1793 г. и избралъ комиссію изъ двѣнадцати членовъ, которая должна была выработать проектъ новой конституціи.

Тѣмъ временемъ въ республиканскомъ Парижѣ роялизмъ уже совершенно открыто поднялъ голову. Правая конвента не скрывала, что она стоитъ за возстановленіе монархіи. Въ зажиточныхъ частяхъ города роялизмъ распространялся съ чрезвычайной быстротой. Иные эмигранты рѣшились уже возвращаться. Г-жа Сталь, особа, значеніе которой такъ часто преувеличивается, снова открыла свой салонъ, ставшій сборнымъ пунктомъ реакціонеровъ всякаго рода. Золотая молодежь открыто выступала въ пользу монархіи, и скоро въ Парижѣ снова уже была роялистическая пресса. Наблюдая жизнь въ Сэнъ-Жерменѣ, можно было подумать, что воскресла аристократія старой Франціи. Еще и года не прошло со времени паденія Робеспьера, а Парижъ, столько лѣтъ бывшій фокусомъ революціи и душою республики, казалось, ничего не желаетъ такъ пламенно, какъ возстановленія монархіи.

Молодой Капетъ, котораго роялисты называли Людовикомъ XVII, умеръ въ Тамплѣ. Сапожникъ Симонъ, у котораго мальчикъ сперва жилъ, обращался съ бывшимъ дофиномъ очень сурово; послѣ казни Симона, отправленнаго на эшафотъ 9 тэрмидора вмѣстѣ съ Робеспьеромъ, мальчика содержали подъ арестомъ, такъ какъ правители республики боялись, что если его похитятъ, то это усилитъ роялистическое движеніе. Мы не можемъ рѣшить, вѣрны ли тѣ потрясающіе разсказы, которые сообщаются роялистическими историками относительно обращенія съ мальчикомъ, и оставляемъ этотъ вопросъ безъ разсмотрѣнія. Несомнѣнно, однако, что мальчикъ, страдавшій и раньше англійской болѣзнью, долгое время жилъ въ тяжелыхъ условіяхъ. Но говорить о „медленномъ убійствѣ“ его все-таки слишкомъ смѣло. Какъ бы тамъ ни было,—молодой Капетъ умеръ 8 іюня 1795 г., и предположеніе, что язвы, покрывавшія его тѣло, были слѣдствіемъ англійской болѣзни, представляется намъ самымъ правдоподобнымъ. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, являлись обманщики, выдававшіе себя за бывшаго дофина и встрѣчавшіе довѣріе среди роялистовъ. Всѣ они утверждали, что дофинъ былъ похищенъ изъ тюрьмы, а на его мѣсто былъ посаженъ другой мальчикъ. Тщательныя разслѣдованія показали, что Людовикъ, сынъ Людовика XVI и Маріи-Антуанеты, дѣйствительно умеръ въ Тамплѣ 8 іюня 1795 г. Особенно настойчиво выдавалъ себя за дофина часовщикъ Наундорфъ изъ Пруссіи; ему многіе повѣрили, и онъ жилъ этимъ обманомъ. Потомки его по сей день утверждаютъ, что они происходятъ отъ Людовика XVII.

Послѣ смерти молодого Капета, графъ Прованскій сталъ называть себя Людовикомъ XVIII, а братъ его, д'Артуа, принялъ титулъ Monsieur. Первый изъ нихъ оставался въ Веронѣ, графъ же д'Артуа, жившій въ Англіи, полагалъ, что теперь настало время для втор-

женія эмигрантовъ во Францію. У него были надлежащія связи съ Бретанью и Вандеей. Особенно энергично старался подготовить возстаніе въ этихъ, такъ страшно опустошенныхъ войной, провинціяхъ Пюиссэ. Шареттъ и Стоффле при первомъ приглашеніи изъявили готовность снова начать враждебныя дѣйствія противъ республики.

Въ Англію прибыло множество эмигрантовъ, куда ихъ призвалъ графъ д'Артуа, и англійское правительство выразило готовность дать для этого предпріятія военныя суда и оружіе. Дѣйствительно ли Питтъ вѣрилъ въ возможность успѣха этого фантастическаго предпріятія? Возможно, что при его страстной ненависти къ республикѣ и революціи виды на успѣхъ казались ему лучшими, чѣмъ они были въ дѣйствительности. Хотѣли пристать къ западному берегу Франціи, высадить тамъ эмигрантовъ и проникнуть внутрь страны для соединенія съ вооруженными силами Шаретта, Стоффле и Корматена. Затѣмъ, сейчасъ же предполагался походъ на Парижъ. Вышло, однако, иное.

Эмигранты обучались военнымъ пріемамъ и организовались въ Англіи. Ихъ было около 1,500 человѣкъ; къ нимъ присоединили 3,000 военно-плѣнныхъ солдатъ французской республики, которыхъ одѣли въ англійскую военную форму, снабдили бѣлыми кокардами и распредѣлили по батальонамъ эмигрантовъ. Надо было имѣть очень превратное представленіе о положеніи дѣлъ во Франціи, чтобы думать, будто эти насильно переодѣтые республиканцы даже на французской землѣ пойдутъ за роялистическимъ знаменемъ.

Графъ д'Эрвильи и Пюиссэ командовали этимъ экспедиціоннымъ отрядомъ, доставленнымъ во Францію англійскимъ флотомъ подъ начальствомъ адмирала Уорэна. На судахъ, сверхъ того, былъ провіантъ на 600 человѣкъ на три мѣсяца, 17,000 мундировъ для пѣхоты и 4,000 для кавалеріи, 27,000 ружей, 10 пушекъ и 600 бочекъ пороха. Въ военной кассѣ эмигрантовъ было 10,000 луидоровъ.

Англійскій флотъ отплылъ въ море, имѣлъ 23 іюня стычку съ французскимъ флотомъ, который отступилъ, и присталъ 25 іюня у полуострова Киберона на западномъ берегу Бретани. Въ Вандеѣ и Бретани уже собрались полчища роялистическихъ крестьянъ; въ одномъ только Морбіанѣ стояло подъ ружьемъ около 10,000 человѣкъ. Они соединились съ эмигрантами и двинулись къ Ванну. Хотя между вождями роялистовъ были раздоры, но вначалѣ казалось, что все складывается благопріятно для нихъ. Войска Гоша, начальствовавшаго здѣсь надъ республиканской арміей, были разбросаны, и онъ не былъ подготовленъ къ столь сильному и внезапному нападенію непріятеля. Двинувшись съ Киберона, эмигранты взяли приступомъ фортъ Понтьевръ, расположенный на узкомъ перешейкѣ, соединяющемъ полуостровъ Киберонъ съ материкомъ.

Но въ это время Гошъ собралъ свои силы и напалъ на бретан-

скихъ шуановъ, тщетно ждавшихъ подкрѣпленія отъ эмигрантовъ. Эмигранты же, получившіе тѣмъ временемъ подкрѣпленіе изъ Англіи, все стояли на Киберонѣ, такъ какъ ихъ вожди не могли столковаться относительно плана наступленія. Но вскорѣ передъ нимъ явился Гошъ съ войскомъ, доведеннымъ до 15,000 человѣкъ; прибыли также Талльянъ и Бладъ съ чрезвычайными полномочіями, въ качествѣ комиссаровъ конвента. Занявъ позицію близъ Сэнъ-Барба, Гошъ отрѣзалъ полуостровъ Киберонъ съ эмигрантами отъ материка. 16 іюля эмигранты подъ предводительствомъ Эрвильи съ большой яростью двинулись съ полуострова; но Гошъ ихъ отразилъ и снова загналъ на опасный полуостровъ. Положеніе эмигрантовъ стало отчаяннымъ, такъ какъ тѣмъ временемъ и полчища возставшихъ крестьянъ тоже во всѣхъ мѣстахъ были разбиты и разсѣяны.

Ночью Гошъ напалъ на фортъ Понтьевръ, еще прикрывавшій полуостровъ, и взялъ его. Республиканскіе солдаты, которыхъ принудили въ Англіи къ участію въ экспедиціи эмигрантовъ, не мало содѣйствовали успѣху этого приступа и массами переходили къ Гошу. Утромъ эмигранты увидѣли на фортѣ трехцвѣтное знамя и уже поняли, что они погибли. Они отступили на крайній конецъ полуострова между тѣмъ какъ графъ Сомбрёль, прибывшій недавно изъ Англіи, пытался оказать послѣднее противодѣйствіе. Англійскій флотъ помогалъ эмигрантамъ, обстрѣливая изъ пушекъ полуостровъ. Гошъ не сразу двинулся впередъ, и полагаютъ, что онъ по своей мягкости хотѣлъ дать эмигрантамъ время спастись на англійскіе корабли. Но англійскія шлюпки подоспѣли очень поздно, и нельзя было въ короткое время принять на суда тысячи людей, толпившихся на полуостровѣ. Когда республиканцы вышли, наконецъ, изъ форта и двинулись на полуостровъ, среди эмигрантовъ возникла страшная паника. Они такъ безпорядочно бросались въ шлюпки, что англійскіе матросы часто должны были разгонять ихъ ударами сабель. Лишь небольшую часть ихъ можно было принять въ шлюпки. Пюиссэ, считавшій свою жизнь слишкомъ драгоцѣнной, чтобы подвергать ее здѣсь опасности, бѣжалъ въ шлюпкѣ. Сомбрель же приблизительно съ 1,000 эмигрантовъ, болѣе 3,000 шуановъ и 1,600 бывшихъ республиканскихъ солдатъ были взяты въ плѣнъ.

Гошъ вскорѣ отступилъ со своимъ войскомъ, когда ушелъ англійскій флотъ; наказаніе плѣнныхъ было предоставлено комиссарамъ конвента, Талльяну и Бладу. Талльянъ въ это время былъ заподозрѣнъ въ сношеніяхъ съ роялистами; онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы подновить свою республиканскую репутацію, и въ рѣзкой рѣчи предложилъ наказать киберонскихъ плѣнныхъ по закону. По закону же они подлежали смертной казни. Въ Орэ былъ учрежденъ военный судъ, и около 600 плѣнныхъ были осуждены и разстрѣляны.

Попытка роялистовъ уничтожить республику при помощи Англіи

кончилась неудачей. Тогда они снова принялись за свои происки въ Парижѣ, гдѣ въ это время конвентъ обсуждалъ новую конституцію. Парижскія секціи настолько подпали вліянію роялистовъ, что вскорѣ онѣ, за немногими лишь исключеніями, были уже на сторонѣ роялизма.

Конституція, принятая реакціоннымъ конвентомъ, уже не имѣла демократическаго характера, хотя по имени она и была республиканской. Введены были косвенные выборы: избиратели назначали выборщиковъ, которые и избрали народныхъ представителей. Выборщикомъ могъ быть лишь тотъ, кто имѣлъ извѣстное состояніе и могъ представить доказательства, что онъ регулярно платилъ подати; избирателемъ же былъ каждый гражданинъ, достигшій двадцати-лѣтняго возраста. Для того, чтобы быть избраннымъ въ народные представители, нужно было достигнуть опредѣленнаго возраста и имѣть опредѣленное состояніе. Новая конституція снова вводила двухпалатную систему. Такимъ образомъ, вернулись назадъ еще дальше конституціи 1791 г., которая установляла одну палату. Народное представительство имѣло состоять изъ двухъ корпорацій: совѣта пятисотъ и совѣта старѣйшинъ (conseil des anciens). Члены совѣта пятисотъ должны были быть не моложе тридцати лѣтъ. Ежегодно обновлялась треть этого совѣта. Эта корпорація предлагала законы, которые для вступленія ихъ въ силу нуждались въ утвержденіи сената. Совѣтъ старѣйшинъ состоялъ изъ 250 членовъ; треть его тоже должна была ежегодно обновляться. Члены его должны были избираться изъ лицъ не моложе сорока лѣтъ, женатыхъ или раньше состоявшихъ въ бракѣ. Совѣтъ старѣйшинъ имѣлъ настоящее право вето относительно постановленій совѣта пятисотъ, что доводило безсмысленность двухпалатной системы до крайней степени. Правительственная власть въ собственномъ смыслѣ слова находилась въ рукахъ директоріи, состоявшей изъ пяти членовъ и отвѣтственной передъ народнымъ представительствомъ. Ежегодно долженъ былъ выходить въ отставку одинъ изъ директоровъ, и онъ не могъ быть избранъ вторично. Отдѣльныя отрасли управленія были поручены новымъ министрамъ. Эта конституція, казалось, нарочно была придумана затѣмъ, чтобы вызвать возможно больше конфликтовъ, потому что столь тяжеловѣсный и сложный правительственный аппаратъ непремѣнно долженъ былъ запутаться въ безысходныхъ противорѣчіяхъ. Конституція была украшена объявленіемъ правъ человѣка, но это было сдѣлано точно на смѣхъ, потому что, хотя признавалась свобода печати и совѣсти, но одно изъ важнѣйшихъ народныхъ правъ, право коалицій, было просто отмѣнено этой конституціей, воспрешавшей всѣ народныя общества, устраивавшія публичныя засѣданія, имѣвшія трибуну или бюро.

Затѣмъ было установлено, что обѣ палаты сами могутъ избирать мѣсто своихъ засѣданій, и что ни одинъ законъ не можетъ войти въ силу, пока онъ не будетъ принятъ въ трехъ чтеніяхъ; однако въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, сенатъ могъ принимать исключительныя постановленія.

Этой конституціей роялисты перехитрили конвентъ. Она была лишена всякаго демократическаго характера и сдѣлала народную массу снова политически-безправной, допустивъ къ участію въ законодательствѣ и управленіи лишь имущихъ. Дононъ, бывшій, главнымъ образомъ, авторомъ этой конституціи и представившій докладъ о ея проектѣ, думалъ, что онъ осчастливилъ отечество чрезвычайно мудрыми и глубокими идеями. Скоро онъ долженъ былъ разочароваться. Преслѣдованіями якобинцевъ и террористовъ демократія была уничтожена. Изъ этого само собой вытекало, что въ предстоящихъ выборахъ народныхъ представителей будутъ избраны исключительно реакціонеры.

Конвентъ вдругъ съ ужасомъ увидѣлъ это и почувствовалъ, что новая конституція означаетъ монархію или гражданскую войну. Среди выскочекъ революціи было очень много такихъ, которые должны были страшиться возстановленія монархіи; правящая буржуазія хотѣла, по крайней мѣрѣ, не выпускать оружія изъ рукъ. Люди увидѣли, что они увлеклись реакціей слишкомъ далеко и подрыли почву даже подъ собственными ногами. Но конвентъ не могъ также рѣшиться снова уничтожить уже принятую имъ конституцію; такимъ образомъ, она была окончательно утверждена подъ именемъ конституціи III года республики.

Такъ, колеблясь между страхомъ и надеждой, конвентъ напалъ на самый странный выходъ, какой только можно себѣ представить; онъ попытался обезпечить за собою на ближайшее время большинство въ палатахъ. Съ этой цѣлью, рядомъ съ конституціей, было издано два особыхъ декрета. Одинъ изъ нихъ опредѣлялъ, что двѣ трети состава каждой палаты должны состоять изъ членовъ конвента, другой же говорилъ, что эти двѣ трети должны выбираться не избирателями, а самимъ конвентомъ. Такимъ образомъ, конвентъ могъ исключить изъ новаго представительства остатки партіи Горы и возстановить въ немъ прежнее большинство.

Конституція III года и оба декрета были переданы на утвержденіе первичныхъ собраній. Конвентъ могъ разсчитывать на ихъ принятіе и не ошибся, потому что народная масса была настроена все еще достаточно демократически, чтобы, по мѣрѣ возможности, противодѣйствовать реакціи. Конечно, съ точки зрѣнія демократическихъ принциповъ, народъ долженъ былъ бы голосовать противъ этой конституціи; онъ не имѣлъ также никакихъ основаній гарантировать реакціонному конвенту продолженіе его господства. Но ему

предстояло лишь выбрать одно изъ двухъ золъ, и онъ выбралъ то, которое казалось меньшимъ.

Конституція была принята французскимъ народомъ почти единогласно, такъ какъ за нее голосовали и роялисты, потому что она открывала имъ благопріятные виды. Но и декреты относительно большинства двухъ третей тоже были приняты, несмотря на то, что роялисты всѣми силами старались провалить ихъ. Они шумно упрекали конвентъ въ томъ, что онъ нарушаетъ державность народа,—которая, понятно, въ дѣйствительности ихъ не очень-то заботила. Золотая молодежь, бывшая теперь вполнѣ роялистической и враждебной конвенту, ходила толпами по улицамъ съ криками: „долой двѣ трети!“ Въ Парижѣ одна лишь секція Quinze-Vingts приняла декреты, во всѣхъ же другихъ секціяхъ они были отвергнуты, и роялисты держали себя при этомъ столь безстыдно, что рекомендовали всѣмъ патріотамъ не являться на собранія избирателей, а тѣхъ изъ нихъ, кто все-таки явился, просто прогнали.

Когда конвентъ объявилъ 22 сентября, что конституція и оба декрета приняты народомъ, роялисты пришли въ сильное движеніе. Они надѣялись посредствомъ конституціи возстановить королевскую власть. Теперь они увидѣли, что эта возможность предотвращена декретами относительно двухъ третей. Они рѣшились дѣйствовать вооруженной рукой.

Такимъ образомъ, эта несчастная конституція уже при своемъ появленіи накликала на Францію кровавую гражданскую войну. Черезъ годъ съ четвертью послѣ паденія терроризма Парижъ увидѣлъ роялистическое возстаніе противъ конвента: съ такой изумительной быстротой усиливалась реакція.

Рабочіе предмѣстій оставались безучастными, хотя они должны были чувствовать приближеніе бури. Они ничего не ждали отъ роялистовъ, но ничего не ждали они также и отъ конвента, который оставлялъ въ нищетѣ и разоружилъ ихъ. Они безучастно ждали исхода борьбы.

Въ эти дни много эмигрантовъ частью тайно, частью явно прибыли въ Парижъ, такъ какъ видно было, что вооруженное столкновеніе между роялистами и республиканцами стало неизбѣжнымъ. Секціи избирали вождей для предстоящей борьбы изъ дворянъ. Нѣкій Ламетръ организовалъ роялистическое движеніе противъ конвента.

Когда конвентъ назначилъ на 2 и 12 октября новые выборы для подлежащихъ избранію двухъ третей обѣихъ палатъ, въ Парижѣ возникли бурные и кровавые безпорядки. Золотая молодежь вступала въ стычки съ вооруженной силой конвента. Конвентъ издалъ рядъ энергическихъ декретовъ противъ роялистовъ и отмѣнилъ также законъ о подозрительныхъ, потому что онъ давалъ слишкомъ большую власть городскимъ учрежденіямъ, ставшимъ теперь вполнѣ роялистическими. Борющіяся партіи разгорячались все больше и боль-

ше, и золотая молодежь уже не скрывала, что имѣется въ виду окружить конвентъ, разогнать его и возстановить монархическую власть. Такъ собирались теперь напасть на конвентъ тѣ самые люди, которые помогали ему подавить предмѣстья, когда они полгода тому назадъ двинулись противъ конвента.

Четыре секціи созвали своихъ выборщиковъ задолго до дня выборовъ и охраняли ихъ вооруженной силой. Конвентъ запретилъ собранія выборщиковъ до дня выборовъ, но его декретъ былъ встрѣченъ насмѣшками и издѣвательствами. Тогда и конвентъ сталъ готовиться къ борьбѣ; онъ велѣлъ силой разогнать собранія выборщиковъ, объявилъ свои засѣданія безпрерывными и назначилъ чрезвычайную комиссію для охраны общественнаго порядка. Въ своемъ стѣсненномъ положеніи конвентъ обратился за помощью къ террористамъ и якобинцамъ, которыхъ онъ такъ сурово преслѣдовалъ, и они имѣли достаточно великодушія, чтобы явиться на этотъ зовъ. Они были снабжены оружіемъ и образовали „баталіонъ патріотовъ 1789 г.“ численностью въ 2000 человѣкъ. Неспособный генералъ Мену, трусости котораго секціи были обязаны своими первоначальными упѣхами, отказался командовать баталіономъ патріотовъ, потому что этотъ баталіонъ, по его словамъ, состоялъ изъ бандитовъ. Баталіонъ патріотовъ въ послѣдней битвѣ за конвентъ сражался съ большой храбростью.

Секція Лепеллетье составляла центральный пунктъ возстанія, къ которому изъ 48 секцій присоединилось 44. Военная сила секцій доходила до 40.000 человѣкъ, но съ прэріаля мѣсяца у нихъ не было пушекъ. Раздался генеральный маршъ; сошлись вооруженные національные гвардейцы, и въ пламенной прокламаціи противъ „палачей въ конвентѣ“ было по всей формѣ объявлено возстаніе. Генералъ Мену двинулся съ войсками конвента противъ секціи Лепеллетье, но натолкнулся на энергичное противодѣйствіе и отступилъ. Онъ былъ сейчасъ же смѣненъ.

Въ этотъ критическій моментъ Барра, назначенный конвентомъ главнымъ начальникомъ вооруженныхъ силъ, вспомнилъ объ одномъ голодомъ офицерѣ, который, по его мнѣнію, былъ способенъ отразить нападеніе роялистовъ. „Я знаю“, сказалъ онъ: *„одного маленькаго корсиканца, который не станетъ церемониться“*. Этотъ маленькій корсиканецъ былъ не кто иной, какъ *Наполеонъ Бонапартъ*; онъ еще подъ Тулономъ обнаружилъ свои необычайныя способности, но затѣмъ, послѣ паденія Робеспьера, сторонникомъ котораго онъ считался, просидѣлъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ и былъ оставленъ безъ должности. Онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ ожидалъ въ Парижѣ подходящаго назначенія, безъ всякой надежды получить его. Пылкое воображеніе Бонапарта наполняло его голову фантастическими планами, такъ что иные считали его сумасбродомъ. Барра потребовалъ,

чтобы его назначили вторымъ начальникомъ вооруженной силы, и Бонапартъ, призванный въ комиссію пяти, говорилъ о средствахъ, которыя должны доставить конвенту побѣду, съ такой импонирующей увѣренностью, что ему сейчасъ же поручили защиту Тюльери. Никто и предчуствовать не могъ, какія послѣдствія долженъ будетъ имѣть этотъ шагъ, и никто не могъ бы предугадать въ тщедушномъ, молчаливомъ молодомъ офицерѣ будущаго императора французовъ.

Между тѣмъ, какъ секціи медлили съ нападеніемъ на конвентъ, Бонапартъ сейчасъ же принялъ самыя рѣшительныя мѣры. Онъ зналъ, что пушки національной гвардіи стояли въ Медонѣ въ паркѣ; немедленно же былъ отправленъ сильный кавалерійскій отрядъ, чтобы привезти эти пушки. Бонапартъ располагалъ, самое большее, 7000 человѣкъ, но ему давали преимущество пушки, дисциплина его войска и его геній. Вскорѣ зданіе Тюльери было превращено въ крѣпость, изъ которой можно было обстрѣливать всѣ пути, ведущіе къ нему. Бонапартъ подумалъ также и о возможности отступленія и на этотъ случай велѣлъ принести въ залъ засѣданій конвента 800 ружей и патронташей, чтобы вооружить депутатовъ, какъ резервъ. Провіантъ былъ запасенъ на нѣсколько дней.

Возставшими начальствовалъ генералъ Даникапъ, эмигрантъ, сражавшійся раньше въ Вандеѣ за республику, но смѣненный за нерасторопность. Даникапъ понялъ, что противъ баттарей Бонапарта, ему съ національными гвардейцами трудно что нибудь предпринять, но его принудили къ наступленію. Отбросивъ одинъ выдвинувшійся впередъ постъ Бонапарта, онъ послалъ къ конвенту парламентеровъ, требуя, чтобы собраніе отозвало всѣ свои войска, обезоружило террористовъ и отмѣнило декреты относительно двухъ третей. Роялисты конвента проявили склонность вступить въ переговоры. Но поэтъ Шенье увлекъ за собою конвентъ. „Я удивляюсь, воскликнулъ онъ:— что насъ занимаютъ требованіями мятежныхъ секцій. Здѣсь нечего переговариваться или измѣнять,—конвенту остается лишь смерть или побѣда!“ Слова эти вызвали бурныя одобренія, и переговоры были прерваны.

Тогда, въ 4 часа послѣ обѣда 4 октября (13 вандимьера) 1795 г., Даникапъ повелъ роялистическія секціи противъ конвента. Возставшіе двинулись по всѣмъ улицамъ, ведшимъ къ Тюльери. Они были встрѣчены страшнымъ залпомъ картечи и приведены въ смятеніе на всѣхъ пунктахъ. Затѣмъ, Бонапартъ двинулъ свои баталіоны и энергичнымъ ударомъ въ штыки обратилъ непріятеля въ бѣгство у церкви св. Роха, гдѣ роялисты выставили было свои лучшія силы. Онъ выдвинулъ впередъ баттареи, и къ 6 часамъ вечера пораженіе секцій было настолько полнымъ, что Бонапартъ велѣлъ стрѣлять по бѣжавшимъ холостыми зарядами во избѣжаніе излишняго кровопролитія. Въ этой битвѣ пало съ обѣихъ сторонъ вмѣстѣ около 400 человѣкъ, но по-

бѣда конвента была полной. Въ ночь Бонапартъ занялъ всѣ важные пункты города.

Конвентъ отнесся къ побѣжденнымъ не съ такой строгостью, какъ раньше къ якобинцамъ и возставшимъ предмѣстьямъ. Онъ ограничился только обезоруженіемъ секціи Лепеллетье, увольненіемъ генеральнаго штаба національной гвардіи и распущеніемъ стрѣлковыхъ отрядовъ золотой молодежи. Особая комиссія должна была судить участниковъ возстанія. Но скомпрометированнымъ лицамъ дали достаточно времени для бѣгства, и преслѣдованіе велось такъ небрежно, что нѣкоторые изъ осужденныхъ in contumatiam совершенно открыто показывались въ Парижѣ.

Реакціонный конвентъ словно старался, чтобы не возникло никакого сомнѣнія въ его расположеніи къ роялистамъ, которые только что нападали на него съ оружіемъ въ рукахъ и пытались уничтожить республику.

Теперь, въ концѣ своей трехлѣтней дѣятельности, конвентъ выбралъ изъ среды своихъ членовъ двѣ трети обѣихъ палатъ и членовъ будущаго правительства, директоріи. Возстаніе секцій показало распространенность и силу вновь просыпающагося роялизма, и буржуазія, старавшаяся удержать власть въ своихъ рукахъ, озабоченно смотрѣла на будущее. Въ послѣдніе дни снова оживилось республиканское настроеніе. Въ директорію были избраны лишь люди, голосовавшіе за казнь Людовика XVI: Барра, Ревбель, Ляревелльеръ-Лепо, Летурнеръ и, вмѣсто Сійеса, отклонившаго избраніе, Карно. Потомъ конвентъ издалъ амнистію, распространявшуюся на всѣ политическіе акты, но изъ нея были исключены граждане, отправленные въ ссылку. Тотъ самый конвентъ, который такъ мягко поступилъ съ возставшими секціями, отказалъ въ амнистіи Билло-Варенну и Колло д'Эбруа.

Затѣмъ, конвентъ объявилъ революцію законченной, какъ будто это зависѣло отъ какого-нибудь парламентскаго акта, и переименовалъ прежнюю площадь Революціи, гдѣ стоялъ эшафотъ, въ площадь Согласія.

25 октября 1795 г. конвентъ распустилъ себя. Президентъ его сказалъ при этомъ: „Конвентъ объявляетъ, что миссія его исполнена, и засѣданія его закончены". При крикахъ: „Да здравствуетъ республика!" члены конвента разошлись.

Этотъ парламентъ, правившій республикой среди бурь революціи и отправившій на эшафотъ столь многихъ изъ своихъ членовъ, всегда будетъ занимать выдающееся мѣсто въ исторіи. Недостатки его были велики; но еще болѣе велики были его труды, содѣйствовавшіе полному преобразованію Франціи. Они часто носятъ печать поспѣшности и скороспѣлости, что вполнѣ понятно у собранія, обязаннаго защищать Францію отъ большой коалиціи Питта и вмѣстѣ съ тѣмъ вести *самую* страшную гражданскую войну. Конвентъ, вышедшій изъ рес-

публиканскаго возстанія, вскорѣ послѣ открытія своихъ засѣданій увидѣлъ, что двѣ трети Франціи поднялись противъ него съ оружіемъ въ рукахъ; побѣдивъ всѣхъ своихъ противниковъ, онъ склонился предъ властью Робеспьера и образовалъ интересную эпоху государства съ добродѣтелью и ужасомъ, чтобы закончить свою дѣятельность внезапной вспышкой энергіи. Онъ видѣлъ, какъ съ оружіемъ въ рукахъ шли на него колонны демократіи и роялизма, и громъ пушекъ Бонапарта послужилъ введеніемъ къ закрытію его оживленныхъ и бурныхъ засѣданій.

Этотъ парламентъ, въ которомъ было такъ много блестящихъ именъ, хотя и привелъ Францію къ побѣдѣ въ борьбѣ съ коалиціей Питта, но оставилъ страну въ послѣдней степени истощенія. Во время терроризма конвентъ старался бороться съ народными бѣдствіями насильственными средствами: послѣ паденія терроризма онъ воспользовался властью, чтобы подавить всѣ движенія народныхъ массъ, измученныхъ крайней нуждой. Подъ давленіемъ терроризма онъ принялъ рядъ принудительныхъ мѣропріятій, слишкомъ усердное примѣненіе которыхъ должно было привести къ пагубнымъ послѣдствіямъ; съ окончаніемъ правленія ужаса, какъ мы видѣли, эти принудительныя мѣропріятія были вдругъ отмѣнены, и внезапная отмѣна ихъ должна была произвести вдвойнѣ пагубное дѣйствіе.

Финансовыя затрудненія постоянно были разъѣдающей язвой, противъ которой не помогали никакія принудительныя мѣропріятія. При расшатанности всѣхъ отношеній подати поступали очень нерегулярно, и правительству не осталось ничего иного, какъ наводнять Францію все новыми и новыми массами ассигнатовъ. Эта масса бумагъ еще больше увеличивалась фальшивыми ассигнатами, которые постыднымъ образомъ пускала въ обращеніе Англія. Чѣмъ больше правительство выпускало ассигнатовъ, тѣмъ ниже падала ихъ цѣна, а чѣмъ ниже падала цѣна ассигнатовъ, тѣмъ больше ихъ печатали. Потребность въ ассигнатахъ настолько увеличилась, что невозможно было уже ихъ печатать съ достаточной быстротой. Уже весной 1795 г. курсъ ассигнатовъ упалъ до 7%; лѣтомъ 1795 г. они имѣли уже лишь $2^1/_2$% номинальной стоимости. Государственнымъ кредиторамъ приходилось плохо: они должны были принимать ассигнаты по номинальной стоимости. У кого были долги, тотъ выплачивалъ ихъ ассигнатами по номинальной стоимости, и противъ этого мало что можно было подѣлать. По мѣрѣ того, какъ падала стоимость ассигнатовъ, быстро повышались цѣны. Лучше всего было еще крестьянамъ, арендовавшимъ обрабатываемую ими землю, такъ какъ цѣны на хлѣбъ достигли необычайной высоты; отъ этого и теперь по деревнямъ встрѣчалась сравнительная роскошь, стоявшая въ рѣзкомъ противорѣчіи съ нищетою массъ въ большихъ городахъ. Арендаторы земли могли покрыть арендную плату выручкой отъ продажи совершенно

ничтожной части урожая. Раньше по деревнямъ предпринимались реквизиціи, чтобы облегчить нищету въ городахъ; теперь городской пролетаріатъ былъ предоставленъ своимъ бѣдствіямъ, и крестьяне, обязанные своей свободой возстаніямъ столичнаго населенія, стали теперь консервативными и не интересовались ничѣмъ, кромѣ своей земли.

Буржуазія, достигшая господства, наслаждалась въ полной мѣрѣ. Безумная суета въ столицѣ продолжалась при всѣхъ дальнѣйшихъ политическихъ катастрофахъ. Отмѣна принудительныхъ законовъ снова открыла путь всѣмъ грязнымъ способамъ пріобрѣтенія; было время, когда въ Парижѣ сплошь всѣ вели мѣновую торговлю, обдѣлывали крупныя ростовщическія дѣла, скупая массами всѣ предметы и продукты за малоцѣнные кредитные билеты, чтобы перепродать ихъ и извлечь пользу изъ безпрестанныхъ колебаній курса.

Народная масса, какъ и всегда, больше всѣхъ страдала отъ этихъ неурядицъ. Но какъ неугомонны были до сихъ поръ рабочіе,—такъ равнодушны стали они теперь ко всѣмъ политическимъ измѣненіямъ. Къ тому же, самые энергичные элементы изъ ихъ среды поглощались безпрестанными войнами республики. Парижскія предмѣстья послѣ ихъ разрушенія въ маѣ 1795 г. нельзя было уже привести въ движеніе. Исходъ всѣхъ возстаній лишилъ ихъ всякой надежды на улучшеніе ихъ судьбы.

Такъ исчезла у всѣхъ классовъ страсть къ свободѣ, въ теченіе нѣкотораго времени господствовавшая во всей Франціи. Тѣ, кто пожалъ плоды революціи,—буржуазія и крестьяне,—не хотѣли переворотовъ, потому что они желали спокойствія и безопасности для своего имущества и пріобрѣтенія; рабочіе и пролетаріи тоже не хотѣли революціи, потому что они не видѣли отъ нея никакой пользы. Это положеніе дѣлъ дало мѣсто военной власти, которая сумѣла замѣнить страсть къ свободѣ страстью къ славѣ. Франція и Европа должны были дорого заплатить за эту страсть къ славѣ:—четвертью вѣка военной суматохи.

Директорія.

Къ этому времени идеализмъ, преобладавшій въ первый періодъ революціи, почти совершенно исчезъ. Масса французской буржуазіи жаждала покоя, благосостоянія и наслажденія; пролетаріатъ желалъ уменьшенія своихъ бѣдствій. Время, когда искренно настаивали на равенствѣ и братствѣ, прошло окончательно; теперь правительство считалось уже только съ силой. Нужно было нѣкоторое мужество, чтобы принять правленіе во Франціи, оставленной революціоннымъ конвентомъ. Все находилось въ плачевномъ состояніи. Войска терпѣли лишенія, и даже генералы часто не получали жалованія. Вороватые поставщики обогащались, а защитникамъ республики не доставлялось ничего. Въ правленіе террористическаго конвента на общественныя должности пробралось множество карьеристовъ; существовалъ огромный бюрократическій аппаратъ, и все-таки ничего не дѣлалось. Народное просвѣщеніе, судъ, пути сообщенія—все пришло въ упадокъ, такъ какъ за спартанской строгостью системы ужаса послѣдовала болѣе чѣмъ аѳинская распущенность. Правда, и время ужаса среди быстрой смѣны событій и яростной борьбы партій тоже мало что организовало, но оно, по крайней мѣрѣ, выставило принципы. Теперь же все падало и расползалось.

Новое правительство имѣло всѣ основанія быть благодарнымъ конвенту за его декреты относительно двухъ третей, потому что если бы эти декреты не обезпечили за нимъ большинства въ палатахъ, то неизбѣжно наступило бы замѣшательство, исходъ котораго не трудно было бы предугадать. Результаты всѣхъ новыхъ выборовъ оказались въ пользу роялистовъ, и если бы избирался весь составъ палатъ, то монархія, вѣроятно, была бы возстановлена парламентскимъ путемъ. Когда это правительство, не располагавшее ни деньгами, ни довѣріемъ, явилось въ отведенный ему Люксембургскій дворецъ, его затруднительное положеніе сказалось даже во внѣшней обстановкѣ. Во дворцѣ не оказалось рѣшительно никакой мебели, и кастелянъ его долженъ былъ дать новому правительству въ пользованіе кривоногій столъ и пять продранныхъ соломенныхъ стульевъ, чтобы оно могло начать

свои засѣданія. Къ счастью, бумагу, перья и чернила директоры принесли съ собой. Въ этомъ первомъ засѣданіи директорія составила посланіе къ палатамъ и избрала своихъ министровъ.

Самымъ вліятельнымъ членомъ этого правительства оказался Барра, хотя онъ собственно не обладалъ ни политическими, ни военными талантами. Онъ происходилъ изъ низшаго дворянства, былъ въ военной службѣ и участвовалъ въ походахъ въ Остъ-Индію и Америку. Онъ состоялъ членомъ перваго національнаго собранія и конвента. Онъ былъ сторонникомъ дантонистовъ, что ему, однако, не помѣшало въ 1793 г. участвовать съ Фрерономъ въ кровавомъ наказаніи Тулона. Роль его 9 термидора и 13 вандэмьера намъ извѣстна. Онъ обладалъ большой способностью къ интригамъ и проявлялъ много наглости; въ остальномъ же это былъ испорченный, безнравственный человѣкъ, который выше всего ставилъ свое собственное благополучіе, всѣмъ льстилъ, всѣхъ обманывалъ и предавалъ. Барра, занимавшійся главнымъ образомъ внутренними дѣлами, былъ настоящимъ представителемъ того класса, вынесеннаго наверхъ революціей, который стремился насладиться своей побѣдой среди кутежей и распутства. Наполеонъ не безъ основанія называлъ Барра и его сторонниковъ гнилыми.

Карно, единственный изъ директоровъ, имѣвшій истинно-демократическія убѣжденія, представлялъ прямую противоположность Барра своей нравственной строгостью и чистотой своего характера. Карно неповиненъ въ низменной дѣятельности директоріальнаго правительства. Онъ и теперь занимался почти исключительно военными дѣлами, и главная забота его состояла въ томъ, чтобы удержать за Франціей тѣ границы, которыя онъ считалъ естественными. Карно держался Летурнеръ, управлявшій морскими и колоніальными дѣлами. Но Ревбелль и Ляревелльеръ-Лепо, вмѣстѣ съ Барра, составляли прочное большинство. Ревбелль, адвокатъ изъ Эльзаса, держалъ себя тихо во время ужаса и затѣмъ выступилъ ярымъ гонителемъ якобинцевъ. По внѣшнему виду онъ казался гордымъ и настойчивымъ, слылъ же за человѣка любостяжательнаго и подкупнаго. Однако это былъ умѣлый и умный администраторъ; юстиціей и финансами онъ управлялъ настолько хорошо, насколько это было возможно въ то трудное время. Наконецъ, Леревелльеръ-Лепо, завѣдывавшій просвѣщеніемъ, науками и искусствами, былъ жирондистъ, объявленный въ свое время внѣ закона. Онъ воспользовался правительственной властью для осуществленія своей несчастной идеи основать новую религію, которую онъ хотѣлъ противопоставить грубому матеріализму, господствовавшему у торжествующей буржуазіи. Онъ основалъ такъ называемую теофилантропію, послѣдователямъ которой онъ предоставилъ десять приходскихъ церквей. Это была гуманная религія; основнымъ принципомъ *ея была* любовь къ Богу и людямъ; ея послѣдователи вѣрили въ без-

смертіе души. Теофилантропія подвергалась множеству насмѣшекъ, и основатель ея за свою некрасивую наружность сталъ мишенью французскаго остроумія.

Таково было правительство, взявшее теперь власть въ свои руки. Примѣненіе новой конституціи сразу же началось нарушеніемъ ея посредствомъ декретовъ относительно двухъ третей; но безъ этого нарушенія новая конституція вообще не могла бы существовать. Изъ этого же нарушенія возникли опасные конфликты, приведшіе къ новымъ нарушеніямъ конституціи и, наконецъ, къ паденію директоріальнаго правительства.

Было двѣ партіи, враждебныя директоріи: демократическая и роялистическая. Но обѣ эти партіи были въ 1795 г. подавлены конвентомъ и обезоружены; онѣ не могли устраивать въ Парижѣ уличныя битвы, такъ какъ невозможно было вовлечь въ борьбу народныя массы. Поэтому за періодомъ возстаній послѣдовалъ періодъ заговоровъ, къ которымъ всегда приходятъ рѣшительные вожаки, если у нихъ нѣтъ силы для открытой борьбы. Народъ привыкъ молча переносить лишенія, которыя въ это время снова достигли послѣднихъ предѣловъ возможности. Онъ смотрѣлъ на борьбу партій, не увлекаясь ни одной изъ нихъ. У него было уже лишь одно убѣжденіе,— убѣжденіе въ безнадежности его судьбы.

Если директорамъ въ началѣ ихъ дѣятельности и удалось внести нѣкоторый порядокъ въ государственное управленіе, то финансовыя затрудненія все-таки были и остались неизсякающимъ источникомъ неурядицы. Государственное банкротство, котораго нѣкогда боялся Мирабо, наступило если и не формально, то фактически, лишь только государство стало принимать ассигнаты уже по ихъ дѣйствительному курсу. А государство такъ и сдѣлало: между тѣмъ, какъ раньше оно принимало ассигнаты за 20%, теперь оно стало принимать ихъ уже по значительно низшему курсу. Невозможно было уже покрывать убытки, возникавшіе отъ принятія ассигнатовъ за 20%. Убытки же государственнаго банкротства должны были нести граждане въ видѣ потерь, приносимыхъ имъ все усиливающимся паденіемъ стоимости ассигнатовъ.

При стѣсненности своего финансоваго положенія директорія пыталась найти выходъ въ принудительномъ займѣ у богачей. Заемъ этотъ имѣлъ быть сдѣланъ на сумму въ 600 милліоновъ франковъ и имѣлъ вноситься металлическими деньгами или ассигнатами по текущему курсу. Ассигнаты въ это время равнялись лишь 1% своей стоимости. Хотѣли, чтобы принудительный заемъ палъ только на богатыхъ. Обѣ палаты утвердили этотъ заемъ, но онъ не имѣлъ ожидавшагося успѣха. Если бы онъ удался, то директорія могла выйти изъ

своего затруднительнаго положенія. Но можно было предвидѣть, что богатые люди, къ которымъ предполагалось примѣнить это мѣропріятіе, всѣми силами будутъ противодѣйствовать ему; можно было также заранѣе догадаться, что во Франціи, вынесшей такъ много бурь, большая часть денегъ припрятана или отправлена за границу. Уже при оцѣночныхъ работахъ возникли безконечныя затрудненія и, въ концѣ-концовъ, все это мѣропріятіе пришлось признать неудачнымъ. Придумывая, какимъ путемъ достать денегъ, правительство вынуждено было все-таки снова выпускать ассигнаты. Его пугала огромная масса ассигнатовъ, находившихся въ обращеніи; неизвѣстно было даже, сколько ихъ выпущено. Говорили, что выпущено 40.000.000.000 ассигнатовъ, и это было приблизительно вѣрно.

Правительство изворачивалось среди постоянныхъ дефицитовъ и прибѣгало къ самымъ отчаяннымъ средствамъ. Такъ, рѣшено было не платить чиновникамъ; затѣмъ, было объявлено, что чиновниковъ слишкомъ много, и въ короткое время ихъ было уволено около 12.000 человѣкъ. Дѣйствительно, обремененіе государства писцами и канцеляристами было очень велико. Директорія подвергалась множеству нападокъ въ печати и во вновь образующихся клубахъ; роялисты нападали на нее за финансовыя неурядицы, республиканцы за увольненіе чиновниковъ, демократы по обѣимъ этимъ причинамъ. Общественное мнѣніе было сильно настроено противъ директоріи, и она потерпѣла парламентское пораженіе по вопросу о конфискаціи имуществъ роялистовъ. Въ свое время было объявлено, что имущества родителей эмигрантовъ, въ случаѣ ихъ смерти, переходятъ въ собственность республики; законъ этотъ не приводился въ исполненіе; теперь исполненіе его было предложено директоріей и принято совѣтомъ пятисотъ, но отвергнуто сенатомъ.

Въ это время ассигнаты опустились до $^1/_2{}^0/_0$ своей стоимости, такимъ образомъ, за одинъ франкъ звонкой монеты или стоимость его давали 200 франковъ ассигнатами. Рѣшено было не выпускать больше ассигнатовъ, а пріискать иныя средства. Печатаніе ассигнатовъ должно было прекратиться, когда сумма ихъ достигнетъ 40 милліардовъ. Станокъ, на которомъ печатались ассигнаты, 21 февраля 1796 г. былъ торжественно и публично сожженъ при огромномъ стеченіи народа, который очень радовался этому акту. Меньше удовольствія доставилъ докладъ Камю въ совѣтѣ пятисотъ, что хотя въ обращеніи имѣется только $39^1/_2$ милліарда ассигнатовъ, но отпечатано ихъ на сумму свыше 45 милліардовъ. Такимъ образомъ, сумма, опредѣленная закономъ, была превышена на цѣлыхъ пятьсотъ милліоновъ. Когда это стало извѣстно, ассигнаты упали до $^1/_{40}{}^0/_0$ своей стоимости.

Старались опредѣлить, сколько еще осталось національныхъ имуществъ, но свѣдѣнія по этому предмету были неточны и неопредѣленны. Существовали лишь приблизительныя представленія объ истин-

номъ положеніи дѣлъ. Директорія была безпомощна. Объ облегченіи участи рабочихъ въ предмѣстьяхъ уже мало думали; выдача раціоновъ хлѣба была прекращена. Зато старались помочь рантье, которые попали въ очень затруднительное положеніе, такъ какъ они получали свои ренты ассигнатами по курсу. Знаменательно, что рантье сочли больше нуждающимися въ помощи, чѣмъ рабочихъ. Но и имъ невозможно было помочь, потому что слабыя законодательныя мѣропріятія оказались совершенно безсильными передъ законами денежнаго и товарнаго обращенія.

Но директорія снова нуждалась въ деньгахъ, и такъ какъ уже нельзя было фабриковать ассигнаты, то пришлось изобрѣсти новое средство. Послѣ долгихъ размышленій были придуманы новыя бумажныя деньги.

Дѣло само по себѣ казалось довольно надежнымъ, такъ какъ высчитали, что у государства было еще на 8.400 милліоновъ свободныхъ отъ долговъ земель, которыя могли служить ипотекой для новыхъ бумажныхъ денегъ. Надѣялись, что новыми государственными билетами можно будетъ вытѣснить совершенно обезцѣненные ассигнаты. Вслѣдствіе этого 17 марта 1796 г. были установлены такъ называемые мандаты или земельные мандаты. Они носили надпись: „Promesse de mandat territorial“, и на нихъ можно было покупать національныя имущества по цѣнѣ 1790 г. Цѣна 1790 года опредѣлялась доходомъ съ земли въ теченіе 22 лѣтъ. Рѣшено было выпустить 2.400 милліоновъ мандатовъ; на 840 милліоновъ имѣли быть выкуплены находившіеся въ обращеніи ассигнаты по курсу въ 3%. Но если докладъ Камю въ другихъ отношеніяхъ былъ вѣренъ, то этихъ 800 милліоновъ не могло бы хватить на выкупъ ассигнатовъ по трехъ-процентному курсу. 1.100 милліоновъ мандатовъ правительство имѣло выпустить немедленно, остальные же 1.300 милліоновъ должны были служить для него обезпеченіемъ на будущее время.

Всѣ возликовали, такъ какъ казалось, что найдено средство избавиться отъ страшнаго наводненія ассигнатовъ. На мандаты смотрѣли, какъ на звонкую монету. Оказалось, однако, что послѣдствія обезцѣненія бумажныхъ денегъ не такъ-то легко было устранить новыми бумажными деньгами. Дѣльцы отнеслись къ мандатамъ съ недовѣріемъ, опасаясь выпуска ихъ такими массами, что номинальная стоимость ихъ превзойдетъ стоимость національныхъ имуществъ, служившихъ для нихъ обезпеченіемъ. Мандатовъ не принимали, вслѣдствіе чего дѣло дошло до уличныхъ безпорядковъ и даже грабежей. Надѣялись, что полноцѣнные мандаты, которыми по трехъ-процентному курсу погашались ассигнаты, поднимутъ курсъ ассигнатовъ. Однако, сами мандаты падали въ цѣнѣ съ поразительной быстротой и опустились до 5%. Обезцѣненію этихъ бумагъ содѣйствовала также безумная биржевая спекуляція.

Такъ, кончилась неудачей вся эта финансовая операція, и правительство оказалось безпомощнымъ со все возрастающимъ дефицитомъ, уменьшающимся поступленіемъ доходовъ и безъ всякаго кредита. Это непремѣнно привело бы къ печальному концу и государственное банкротство по всей формѣ стало бы неизбѣжнымъ,—если бы не открылось какихъ-либо чрезвычайные вспомогательныхъ источниковъ.

Такіе источники открылись: молодой генералъ Бонапартъ одерживалъ въ это время свои блестящія побѣды въ Италіи. Милліоны, получаемые имъ съ итальянскихъ государей въ видѣ контрибуціи и военнаго вознагражденія, отправлялись въ Парижъ, въ кассы правительства, которое, благодаря этому, могло нѣсколько укрѣпить свои совершенно истощенные финансы.

Борьба 18 вандэмьера, при которой конвенту понадобилась помощь баталіона патріотовъ, нѣсколько ободрила подавленную демократію, и амнистія, объявленная конвентомъ въ концѣ его дѣятельности, освободила многихъ террористовъ, содержавшихся въ тюрьмахъ. Они соединились съ бывшими членами Горы, еще уцѣлѣвшими остатками этой фракціи, такъ часто подвергавшейся истребленіямъ. Хотя при конституціи III года трудно было основывать общества, однако попытка была сдѣлана. Въ это время выступилъ Франсуа Ноэль Бабефъ, человѣкъ еще молодой и до сихъ поръ мало извѣстный. Раньше онъ былъ осужденъ за фальсификацію, но этотъ приговоръ былъ кассированъ, какъ неосновательный. Послѣ 9 термидора Бабефъ, какъ ревностный террористъ, попалъ въ тюрьму и познакомился тамъ съ итальянцемъ Буонаротти, бывшимъ другомъ Робеспьера, который былъ теперь арестованъ будто бы за злоупотребленія, сдѣланныя имъ въ качествѣ коммиссара конвента. Къ нимъ присоединился Дартэ, бывшій раньше секретаремъ казеннаго коммиссара конвента Лебона въ Аррасѣ. Эти три человѣка часто бесѣдовали о средствахъ доставить благосостояніе народу. Бабефа, обладавшаго философскимъ умомъ, бесѣды эти побудили составить новую соціально-политическую систему. Онъ еще о конвентѣ говорилъ, что—дѣйствительно ли пятьсотъ болтливыхъ адвокатовъ лучше одного короля?

Когда арестованные были освобождены, Бабефъ началъ въ своей газетѣ „Народный Трибунъ“ рѣзко нападать на директорію и господствующіе классы. Онъ принялъ имя Гракха, желая этимъ показать, что онъ стоитъ за неимущихъ гражданъ. Вскорѣ вокругъ него собрались сторонники Марата и Робеспьера, бывшіе члены демократическихъ клубовъ и революціонныхъ комитетовъ. Но демократы скоро должны были понять, что ихъ партія послѣ послѣднихъ пораженій слишкомъ слаба, чтобы заставить правительство считаться съ собой. Бабефъ, человѣкъ непреклонной воли и смѣлости, не остановился передъ этимъ. Приступили къ заговору съ цѣлью подготовить возстаніе.

Сперва была сдѣлана попытка основать клубъ въ предѣлахъ тѣхъ стѣснительныхъ формъ, какія предписывались конституціей. Былъ основанъ клубъ Пантеона, въ которомъ впервые во время революціи выступилъ продуманный соціализмъ. Директорія подвергла этотъ клубъ внимательному надзору. Въ немъ было до 4.000 человѣкъ, и онъ со всей тщательностью исполнялъ предписанія закона. У него не было ни президента, ни секретарей; онъ также никогда не вступалъ въ связь съ другими обществами. Но легко было увидѣть, что якобинцы и террористы здѣсь снова создали себѣ сборный пунктъ. Дартэ рѣзко нападалъ здѣсь на роскошь и излишества знатнаго парижскаго общества, а Бабёфъ изображалъ въ своемъ журналѣ лишенія народа. Онъ говорилъ о томъ, что люди, взявшіе нѣкогда Бастилію, теперь страдаютъ отъ голода и наполняютъ собою тюрьмы. Вниманіе массъ было возбуждено, и директорія, опасаясь болѣе значительнаго движенія, снова ввела недавно отмѣненную ею раздачу хлѣба и мяса. Это мѣропріятіе на время успокоило массы, но директорія воспользовалась первымъ случаемъ, чтобы закрыть клубъ Пантеона. Предлогомъ для закрытія его послужила одна рѣзкая рѣчь Дартэ, и это распоряженіе было выполнено генераломъ Бонапартомъ.

Но это не сломило энергіи демократовъ; они только были лишены гласности клуба и перешли къ другимъ средствамъ. Такъ какъ имъ уже нельзя было устраивать открытыя собранія, то они стали собираться тайно. Бабёфъ, преслѣдуемый полиціей, скрывался и, подобно Марату, издавалъ свою газету тайно. Онъ много размышлялъ объ экономическихъ вопросахъ и часто имѣлъ столкновенія съ людьми Горы, которые говорили лишь о казняхъ, организовать же не умѣли ничего. Бабёфъ былъ мыслитель и обладалъ характеромъ, внушающимъ уваженіе всякому, кто только ближе присмотрится къ этому оригинальному человѣку, хотя бы онъ и не раздѣлялъ его взглядовъ. Основу общественнаго блага онъ видѣлъ въ избавленіи народныхъ массъ отъ нищеты и невѣжества. Историки извратили образъ Бабёфа, стараясь представить его грубымъ насильникомъ, который, увлекаясь плоскимъ матеріализмомъ, хотѣлъ пожертвовать образованіемъ, культурой и свободой ради неосуществимаго равенства наслажденій. Но при болѣе близкомъ ознакомленіи онъ оказывается совершенно инымъ.

Что Бабёфъ приспособилъ свою систему къ явленіямъ революціи, это вполнѣ понятно. Ни одно изъ правительствъ революціи не останавливалось передъ насильственными переворотами: такъ и Бабёфъ со своими товарищами задумывалъ возстаніе. Былъ организованъ тайный инсуррекціонный комитетъ благосостоянія, состоявшій изъ семи членовъ, и агенты его подготовляли секціи. Сѣть этой организаціи была раскинута по всему Парижу. Въ рабочихъ кварталахъ нашлись нѣкоторые элементы, готовые къ возстанію, тогда какъ

масса населенія ихъ не хотѣла уже и слышать о возстаніяхъ и ничего не ожидала отъ нихъ. Но къ заговору примкнуло много уволенныхъ офицеровъ, среди которыхъ были: Россиньоль, Фіонъ, Жерменъ и другіе; они поддерживали связи съ войскомъ и были увѣрены въ его сочувствіи. Полицейскій легіонъ, очень многочисленный и уволенный въ отставку директоріей, былъ охваченъ крайнимъ недовольствомъ и сочувствовалъ заговору въ пользу равенства, какъ Бабёфъ назвалъ свое предпріятіе.

Бабёфъ говорилъ, что равенство, которое до сихъ поръ такъ часто объявлялось, было лишь обманомъ. Онъ хотѣлъ установить фактическое равенство, положивъ въ основу его собственность. Съ этою цѣлью онъ хотѣлъ образовать для своего новаго общества обще-національное владѣніе (grande communauté nationale), которое имѣло составиться изъ имуществъ всѣхъ осужденныхъ и бѣглыхъ реакціонеровъ. Путемъ отмѣны права наслѣдованія это обще-національное владѣніе имѣло увеличиваться и, наконецъ, охватить всю страну. Главнымъ образомъ, въ общее владѣніе должна была поступить земля. Воспитаніе молодежи должно вестись однообразно въ большихъ національныхъ заведеніяхъ. Всѣ граждане обязаны заниматься полезнымъ трудомъ, какимъ должны считаться земледѣліе, ремесла и военная служба. Должны быть организованы рабочіе классы, состоящіе подъ надзоромъ выборныхъ лицъ; каждый гражданинъ долженъ вступить въ одинъ изъ такихъ классовъ. Продукты труда должны сдаваться въ государственные и общинные магазины, откуда всѣ граждане могли бы получать поровну все необходимое. Лѣность должна была наказываться принудительнымъ трудомъ. Деньги уничтожались, и вся внѣшняя торговля становилась монополіей правительства. Какъ ученикъ Робеспьера, Бабёфъ желалъ также возстановленія культа Высшаго Существа. Для политическихъ преобразованій руководящей нитью служила конституція 1793 г.

Такова система Бабёфа, о которой столь много говорили, которую столь часто называли враждебной культурѣ и варварской. Ученые возмущаются, что Бабёфъ не отнесъ къ полезному труду наукъ и искусствъ. Но онъ полезность, очевидно, понималъ въ экономическомъ смыслѣ слова и хотѣлъ этимъ избѣжать образованія новыхъ классовъ. Что онъ вообще отвергалъ науки и искусства, это вымыселъ. Фанатики индивидуализма утверждаютъ, будто его система неизбѣжно подавила бы всѣ побужденія къ дѣятельности, — какъ они утверждаютъ и относительно всякой государственной организаціи труда, что ежечасно опровергается желѣзными дорогами и почтами. Система Бабёфа была предчувствіемъ современнаго научнаго соціализма, отлившимся въ нѣсколько грубую форму, какъ это всегда бываетъ съ новыми, наскоро составленными системами. Современный соціализмъ, конечная и мирная цѣль котораго состоитъ въ регулиро-

ваніи обществомъ производства и потребленія на пользу всѣхъ, изгладилъ шероховатости системы Бабёфа. Система эта является столь несовершенной, потому что экономическія отношенія, къ которымъ она была приспособлена, были крайне запутаны и находились въ началѣ новой стадіи развитія: она имѣетъ насильственный характеръ, потому что она появилась въ эпоху безпрестанныхъ насильственныхъ катастрофъ и переворотовъ. Но при всемъ томъ каждый безпристрастный наблюдатель долженъ признать, что Бабёфъ былъ оригинальнымъ мыслителемъ и человѣкомъ—филистеры сказали бы: мечтателемъ—рѣдкой силы убѣжденія.

Бабёфъ вездѣ искалъ связей и скоро нашелъ ихъ у остатковъ партіи Горы. Амаръ, Друэ, Роберъ Линдэ, Леньо, Шудье, Жавогъ, Гюге (Huget), Кюссэ и другіе бывшіе члены конвента сблизились съ заговорщиками. Достопримѣчательно, что съ ними сблизился также и Барра; однако его отношенія къ заговорщикамъ не вполнѣ выяснены. Какъ бы то ни было, этотъ испорченный человѣкъ хотѣлъ обезопасить себя также на случай побѣды заговорщиковъ. Сблизиться съ партіей Горы было нѣсколько трудно, потому что Бабёфъ, Буонаротти и Дартэ были поклонниками Робеспьера, паденію котораго такъ много содѣйствовали Вадье и Амаръ. Въ собраніяхъ заговорщиковъ пѣлись пѣсни, оплакивавшія смерть Марата, Робеспьера и Сэнъ-Жюста. Въ эти собранія являлись также и женщины.

Наконецъ, состоялось соединеніе Бабефа и его сторонниковъ со старыми членами Горы, и былъ составленъ полный планъ возстанія. Рѣшено было въ опредѣленное время расклеить объявленія такого содержанія: „Конституція 1793 г.! Равенство! Общее благо!“ На другомъ плакатѣ имѣло быть написано: „Всѣ, узурпировавшіе власть, должны быть убиты свободными людьми“. Заговорщики хотѣли начать вооруженное возстаніе въ секціяхъ и увлечь за собою народъ; затѣмъ они разсчитывали обезопасить себя со стороны директоріи и палатъ и созвать новый конвентъ. Этотъ конвентъ имѣлъ состоять изъ 68 еще оставшихся членовъ Горы, а также изъ представителей, которыхъ имѣлъ назначить новый комитетъ благосостоянія, по одному отъ каждаго департамента. Онъ долженъ былъ получить диктаторскую власть, возстановить конституцію 1793 г. и основать національное общее владѣніе посредствомъ конфискаціи имущества арестованныхъ и бѣглыхъ реакціонеровъ.

Тутъ въ заговоръ проникъ шпіонъ и донесъ обо всемъ властямъ. Въ общество былъ введенъ одинъ капитанъ, по имени Гризель, который своими возбуждающими листками и рѣчами сумѣлъ внушить заговорщикамъ довѣріе къ себѣ. Онъ вызвался установить связи съ войскомъ, стоявшимъ лагеремъ на Гренелльской равнинѣ. Но тѣмъ временемъ онъ донесъ обо всемъ директоріи, и Карно, бывшій тогда президентомъ директоріи, былъ крайне возмущенъ, такъ

какъ этотъ заговоръ онъ счелъ покушеніемъ на жизнь директоровъ. Гризель сообщилъ также, гдѣ скрывается Бабёфъ, который вслѣдствіе этого 10 мая былъ застигнутъ, вмѣстѣ съ Буонаротти, и арестованъ. Всѣ компрометирующія бумаги попали въ руки полиціи; она объявила собравшемуся народу, что арестуется шайка воровъ.

Послѣ своего ареста Бабёфъ обратился къ директоріи съ письмомъ, полнымъ гордости и достоинства. „Граждане директоры, — писалъ онъ: — неужели вы сочли бы ниже своего достоинства отнестись ко мнѣ, какъ сила къ силѣ? Вы видѣли, какимъ огромнымъ довѣріемъ я пользовался. Вы видѣли, что моя партія можетъ почти сравниться съ вашей. Вы видѣли безчисленныя развѣтвленія ея, и я увѣренъ, что вы задрожали при этомъ зрѣлищѣ". Директорія обнародовала это письмо. Арестовано было много заговорщиковъ. Они были переданы суду вандомской палаты, такъ какъ среди нихъ былъ Друэ, котораго, какъ члена совѣта пятисотъ, нельзя было судить въ Парижѣ, и, сверхъ того, не хотѣли, чтобы въ Парижѣ производился возбуждающій процесъ. Впрочемъ, Друэ удалось бѣжать.

Процессъ затянулся и заговорщики, оставшіеся на свободѣ, попытались произвести переворотъ. Они хотѣли склонить на свою сторону войска, стоявшія на Гренелльской равнинѣ, и затѣмъ, двинуться противъ директоріи. 9 сентября 1796 г. произошелъ бунтъ, въ которомъ принимали участіе Друэ и еще три бывшихъ члена конвента. Около 700 плохо вооруженныхъ демократовъ отправились въ гренелльскій лагерь, неся съ собою вино, ветчину и колбасы въ знакъ того, что они имѣютъ желаніе побрататься съ солдатами. Солдаты находились въ палаткахъ, такъ какъ было уже около полуночи. Возставшіе, полагая, что солдаты сочувствуютъ имъ, стали кричать: „да здравствуетъ республика! — да здравствуетъ конституція 1793!". Однако начальствовавшій надъ войскомъ ротмистръ Мало велѣлъ ударить тревогу; войско было выстроено, кавалерія сѣла на лошадей и бросилась на демократовъ, которые, пораженные столь неожиданнымъ пріемомъ, обратились въ бѣгство. Многіе изъ нихъ были арестованы и преданы суду военной коммиссіи, расправившейся съ ними крайне быстро: 86 человѣкъ были осуждены и 31 изъ нихъ приговорены къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе; среди разстрѣлянныхъ были также прежніе члены конвента: Гюге, Жавогъ и Кюссэ. Друэ снова бѣжалъ.

Дѣло Бабёфа и его сообщниковъ поступило на разбирательство вандомской судебной палаты въ концѣ февраля 1797 г. Арестованныхъ везли въ Вандомъ въ телѣгахъ за рѣшетками; реакціонныя толпы смотрѣли на нихъ, какъ на дикихъ звѣрей, и издѣвались надъ ними. Были, однако, города, гдѣ демократическіе муниципалитеты принимали ихъ дружелюбно. Гризель выступилъ свидѣтелемъ со стороны обвиненія, и обвиняемые осыпали его самыми презрительными

названіями. Обвиняемые, за которыми послѣдовали и ихъ семьи, въ каждомъ засѣданіи суда пѣли марсельезу. Присяжные признали заговоръ съ цѣлью сверженія директоріи недоказаннымъ,—но обвиняемые хотѣли возстановить конституцію 1793 г. и, слѣдовательно, уничтожить насиліемъ конституцію III года. Затѣмъ состоялся приговоръ: изъ обвиняемыхъ, которые всѣ держали себя гордо и мужественно, Бабёфъ и Дартэ были приговорены къ смертной казни, а Буонаротти, Жерменъ и пять другихъ къ ссылкѣ.

Когда Бабёфъ и Дартэ услыхали смертный приговоръ, они вынули кинжалы и попытались убить другъ друга; но нанесли себѣ лишь легкія раны и были отправлены на гильотину, гдѣ они умерли съ мужествомъ,—не представлявшимъ рѣдкости въ тѣ времена.

Могло ли предпріятіе Бабёфа увѣнчаться успѣхомъ,—этого нельзя безусловно ни утверждать, ни отрицать. Равнодушіе массъ, безъ всякаго сомнѣнія, было бы главнымъ препятствіемъ для смѣлыхъ заговорщиковъ. Господствующіе классы пришли въ ужасъ, когда узнали крайнія теоріи и планы Бабёфа. Они уже свыклись съ той мыслью, что они лишь одни призваны пожать плоды революціи: теперь Бабёфъ требуетъ этихъ плодовъ для всего общества, произведшаго революцію. Въ этомъ собственно и состояло великое преступленіе Бабёфа, потому что перевороты и насильственные акты совершались въ теченіе этой революціи всѣми партіями. Именно соціалистическіе выводы сдѣланные Бабёфомъ изъ революціи, были вмѣнены ему господствующими классами въ тяжкую вину. Поэтому-то они и старались опозорить его память и представить его образъ въ уродливомъ видѣ. Его система была, конечно, незрѣла и расплывчата; но если бы осуществленіе ея привело ко всѣмъ несчастьямъ, которыя господствующіе классы считали ея неизбѣжными слѣдствіями, то все-таки для французскаго народа это было бы значительно легче, чѣмъ бѣдствія и неурядицы подъ владычествомъ той буржуазіи, которая устроила 9 тэрмидора и создала конституцію III года.

Заговоръ Бабёфа былъ послѣдней попыткой возстановить владычество народа. Послѣ этой катастрофы власть осталась въ рукахъ господствующихъ классовъ, чтобы затѣмъ перейти въ желѣзныя руки военной диктатуры.

Страшное пораженіе эмигрантовъ на Киберонѣ не положило конца возстанію Вандеи. Старые вожди, Шареттъ и Стоффле, нарушили свой миръ съ республикой; Шареттъ начальствовалъ надъ возставшими въ самой Вандеѣ, Стоффле—въ Анжу, а Жоржъ Кадудаль, имя котораго пріобрѣло теперь извѣстность, взволновалъ Бретань. Возстаніе приняло опасный для республики характеръ, когда въ возставшихъ провинціяхъ распространились извѣстія, что графъ д'Артуа съ

нѣсколькими сотнями опытныхъ въ военномъ дѣлѣ офицеровъ самъ идетъ на Вандею, чтобы стать во главѣ возставшихъ. Легитимистическіе крестьяне снова стали толпами стекаться подъ знамена Шаретта и Стоффле. Дѣйствительно, принцъ съ англійской эскадрой явился у береговъ Бретани. Но онъ въ бездѣйствіи оставался на островѣ д'Іе и, когда Шареттъ прибылъ со своимъ войскомъ къ морю, ожидая высадки принца,—принцъ уже принялъ иное рѣшеніе. Онъ прислалъ Шаретту почетную шпагу съ надписью: „Я никогда не отступаю",— а самъ тѣмъ временемъ поспѣшно бѣжалъ, не желая подвергать опасностямъ свою драгоцѣнную жизнь. Онъ отплылъ назадъ въ Англію, между тѣмъ какъ Шареттъ горько жаловался на трусость этого принца.

Значительная часть крестьянъ разошлась, и вожди не ладили другъ съ другомъ. Въ то же самое время Гошъ началъ разумную и плодотворную политику примиренія. Этотъ молодой генералъ собралъ значительную военную силу. Онъ велъ дѣло совсѣмъ иначе, чѣмъ генералы конвента, которые со своими „адскими колоннами" хотя и превратили Вандею въ пустыню, но не подавили возстанія. Онъ прежде всего сталъ дружелюбно обращаться съ духовенствомъ, которое пользовалось въ этихъ провинціяхъ чрезвычайнымъ вліяніемъ; онъ обезпечилъ ему уваженіе и терпимость и, такимъ образомъ, до извѣстной степени примирилъ его съ республикой. Истребленія огнемъ и мечомъ прекратились. Гошъ искусно провелъ свои колонны между отдѣльными территоріями, такъ что отряды возставшихъ не могли сноситься другъ съ другомъ. Затѣмъ, онъ принялся за разоруженіе отдѣльныхъ мѣстностей; гдѣ ему не выдавали оружія, онъ велѣлъ захватывать скотъ и задерживать его, пока оружіе не будетъ принесено. Такъ умиротворилъ онъ одну провинцію за другой, пока возстаніе не было сведено лишь на одну небольшую территорію. Здѣсь Гошъ преслѣдовалъ возставшихъ со всей энергіей, не давая имъ отдыха. Разрозненныя толпы инсургентовъ были разбиты въ различныхъ стычкахъ и частью истреблены, а частью разсѣяны; Стоффле былъ въ февралѣ выданъ измѣнниками изъ среды своихъ воиновъ республиканцамъ и разстрѣлянъ въ Анжерѣ. Въ январѣ Шареттъ былъ разбитъ на голову, потерялъ свое послѣднее войско въ 5.000 человѣкъ; онъ обратился въ бѣгство и скитался по окрестностямъ, преслѣдуемый Траво, генералъ-адъютантомъ Гоша. Въ послѣднее время онъ уже имѣлъ лишь около 50 человѣкъ и, наконецъ, былъ окруженъ въ лѣсу. Послѣ самой отчаянной защиты онъ, получивъ нѣсколько ранъ, былъ взятъ въ плѣнъ и разстрѣлянъ въ мартѣ 1796 г. въ Нантѣ. Во время казни онъ самъ скомандовалъ солдатамъ стрѣлять и до послѣдней минуты сохранилъ то мужество, съ которымъ онъ велъ свою страшную борьбу противъ республики.

Затѣмъ Гошъ обратился противъ Кадудаля, который былъ про-

гнанъ назадъ въ Бретань и здѣсь, наконецъ, попалъ въ такое отчаянное положеніе, что ушелъ съ немногими товарищами на корабль и уѣхалъ въ Англію. Это положило конецъ роялистическому возстанію, которое такъ долго опустошало эти провинціи и наполнило ихъ кровью и пожарами. 15 іюня 1796 г. директорія оффиціально сообщила палатамъ объ окончаніи гражданской войны.

Однако въ этихъ мѣстностяхъ, которыя съ неимовѣрнымъ фанатизмомъ были привязаны къ династіи Бурбоновъ и исполнены столь же неимовѣрной ненавистью къ республикѣ, было еще достаточно горючаго матеріала, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ снова вспыхнула гражданская война.

Пораженіе Вандеи было для роялистовъ столь же тяжелымъ ударомъ, какъ и катастрофа на Киберонѣ, и они съ этихъ поръ снова вступили на путь тайныхъ заговоровъ, такъ какъ у нихъ уже не было средствъ для открытаго возстанія. Происки роялистовъ во Франціи были организованы: существовало три большихъ агентуры бурбонскаго двора, который находился тогда въ Бланкенбургѣ, въ Гарцѣ. Аббатъ Вроттье, игравшій нѣкоторую роль еще при экспедиціи на Киберонъ, бывшій членъ парламента Лавилль д'Эрнуа (d'Heurnois) и офицеръ флота Дювернь-дю-Пресль составили планъ организаціи роялистическаго возстанія въ Парижѣ. Хотѣли устроить неожиданное возстаніе, избить директорію и ея министровъ и арестовать палаты. Разсчитывали на содѣйствіе Ліона и Вандеи. Затѣмъ долженъ былъ явиться въ Юрѣ „Людовикъ XVIII", послѣ чего, какъ надѣялись, должна была возстать вся Франція. Новый монархъ долженъ былъ объявить амнистію, чтобы обмануть французовъ. Потомъ парламентъ долженъ былъ кассировать эту амнистію, и затѣмъ имѣла начаться кровавая расправа со всѣми республиканцами и революціонерами.

Заговорщики, получавшіе инструкціи отъ министра „Людовика XVIII", старались найти сообщниковъ въ арміи; они считали ревностнымъ роялистомъ начальника директоріальной гвардіи Рамеля, а также ротмистра Мало за его рѣзкія выходки противъ демократовъ и за бойню, устроенную имъ на Гренелльской равнинѣ. Они обратились въ этимъ офицерамъ, которые отнеслись къ нимъ довольно дружелюбно. Заговорщики довѣрились имъ и были приглашены для переговоровъ къ Мало, взявъ съ этой цѣлью свои бумаги. Они прибыли къ квартиру Мало съ полномочіями, присланными имъ „Людовикомъ XVIII", и здѣсь ихъ захватила полиція со всѣми компрометирующими документами: Мало заранѣе извѣстилъ обо всемъ полицію.

Документы, найденные у заговорщиковъ, были такъ краснорѣчивы, что всякая защита казалась излишней. Тѣмъ не менѣе директоріальное правительство чрезвычайно мягко отнеслось къ этимъ роялистическимъ заговорщикамъ, которые въ случаѣ удачи ихъ плана даже виновниковъ конституціи 1791 г. сочли бы достойными смерт-

ной казни. Судъ надъ агентами „Людовика XVIII" стоялъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ судомъ надъ Бабёфомъ. Правда, они были преданы военному суду, но судъ нашелъ для нихъ смягчающія обстоятельства, и они, такимъ образомъ, были приговорены къ десятилѣтнему тюремному заключенію.

Роялизмъ скоро уже пересталъ нуждаться въ заговорахъ; вскорѣ онъ могъ оставить мракъ тайной агитаціи и смѣло поднять свою голову въ парламентѣ. Тамъ и мы снова встрѣтимся съ нимъ.

Къ концу 1795 г. борьба въ открытомъ полѣ велась французами съ поразительной небрежностью. Уже видно было, что воодушевленіе 1793 и 1794 годовъ исчезло у французовъ. Журданъ и Пишегрю двинулись на нижній и верхній Рейнъ, гдѣ союзники занимали еще только Майнцъ и Люксембургъ. Люксембургъ былъ взятъ, Майнцъ осажденъ. Затѣмъ французы послѣ многихъ стычекъ перешли Рейнъ близъ Нэйвида и взяли Дюссельдорфъ и Маннгеймъ. Но отсюда они снова были прогнаны за Рейнъ, Майнцъ былъ освобожденъ отъ осады, а Маннгеймъ эрцгерцогъ Карлъ взялъ приступомъ. Въ это время талантливый генералъ Пишегрю перешелъ на сторону роялистовъ и сталъ измѣнникомъ, вступивъ въ тайныя сношенія съ врагомъ. Онъ самъ разстроилъ свои операціи. Но вскорѣ онъ былъ заподозрѣнъ въ измѣнѣ и смѣненъ.

Въ Пьемонтѣ, гдѣ Келлерманъ терпѣлъ лишь неудачи, послѣ заключенія мира съ Испаніей явился Шереръ со своей освободившейся теперь арміей и побѣдой при Лоано снова доставилъ преобладаніе французамъ.

На Рейнѣ 31 декабря было заключено перемиріе.

На морѣ французы въ борьбѣ съ Англіей терпѣли неудачи, и, вмѣстѣ съ ними, и ихъ союзница, батавская республика. Англія воспользовалась этимъ случаемъ для захвата земель, вознаграждая себя за пораженіе на Киберонѣ, о которомъ Фоксъ, въ отвѣтъ на заявленіе, что тамъ не пролито англійской крови, сказалъ, что зато англійская честь лилась тамъ изъ всѣхъ поръ. Англія отняла у французовъ еще оставшіяся у нихъ владѣнія на Малыхъ Антильскихъ островахъ, а у батавской республики ея владѣнія на Цейлонѣ и мысѣ Доброй Надежды. Она протянула также свои хищническія руки и на Гаити. Но этотъ островъ защитилъ отъ нея Туссэнъ ль'Увертюръ, черный союзникъ республики.

Въ 1796 г. французы снова начали военныя дѣйствія съ неожиданной энергіей. Въ движеніяхъ военныхъ силъ Франціи сразу же можно узнать могучую руку Карно. Его гигантскій планъ наступленія на Австрію долженъ былъ теперь подвергнуть большой опасности этого стараго и неутомимаго врага французовъ. Было образовано

три сильныя арміи, которыя должны были различными путями проникнуть въ сердце Австріи и соединиться въ Вѣнѣ. Маасской и самбрской арміи подъ начальствомъ Журдана надлежало выступить черезъ Рейнъ во Франконію и идти на Вѣну съ сѣвера; рейнская армія подъ начальствомъ храбраго и истинно-республиканскаго генерала Моро должна была перейти верхній Рейнъ и двинуться на Вѣну черезъ Швабію и Баварію; наконецъ, итальянской арміи предстояло идти на Вѣну черезъ Ломбардію и Тироль. По ходатайству директора Барра, начальствованіе надъ итальянской арміей было поручено генералу Бонапарту. Бонапартъ женился на вдовѣ гильотинированнаго генерала Богарнэ, красивой и изящной креолкѣ Жозефинѣ Ташеде-ля Пажери. Эта дама была пріятельницей Барра, въ салонѣ котораго она блистала; начальствованіе надъ итальянской арміей она, такъ сказать, принесла генералу Бонапарту въ качествѣ свадебнаго подарка.

Если Австрія теперь не была раздавлена военной силой французовъ, то этимъ она обязана лишь своему особенному счастью и стратегическому таланту молодого эрцгерцога Карла, который имѣлъ проявиться въ начинающейся гигантской борьбѣ. Но въ то же время началъ одерживать свои блестящія побѣды Бонапартъ, на двадцать лѣтъ приковавшій къ себѣ вниманіе всего міра.

31 марта перемиріе было нарушено; Журданъ и Моро двинулись черезъ Рейнъ, а Бонапартъ черезъ Альпы.

Журданъ отбросилъ австрійцевъ въ битвѣ при Альтенкирхенѣ 4 іюня и быстрымъ маршемъ прогналъ ихъ назадъ. Но вдругъ, явился эрцгерцогъ Карлъ съ сильнымъ войскомъ, бросился на Журдана со всей яростью и послѣ нѣсколькихъ стычекъ, въ которыхъ австрійцы одержали побѣду, отбросилъ его на нижній Рейнъ.

Однако успѣхъ эрцгерцога былъ лишь призрачный, потому что теперь Карно двинулъ впередъ рейнскую армію подъ начальствомъ Моро. Вскорѣ Моро обнаружилъ свои выдающіяся способности; онъ оттѣснилъ назадъ австрійцевъ, находившихся подъ начальствомъ Вурмзера, и разбилъ спѣшившаго на выручку эрцгерцога Карла въ битвѣ при Эттлингенѣ 10 іюля. Это вызвало отступленіе австрійцевъ по всей линіи—черезъ Швабію и Баварію. Журданъ снова двинулся впередъ и прогналъ австрійцевъ. Онъ подступилъ къ Франкфурту, который защищали австрійцы; послѣ сильной бомбардировки Франкфуртъ сдался. Позже и Майнцъ снова перешелъ въ руки французовъ.

Послѣ отступленія австрійцевъ мелкими государями и имперскими землями Южной Германіи овладѣлъ паническій страхъ. Они поспѣшили заключить миръ съ французской республикой. Баденъ заключилъ миръ въ Баденъ-Баденѣ, Вюртембергъ и Швабскій округъ въ Штутгартѣ. Они вынуждены были уступить Франціи свои вла-

дѣнія на лѣвомъ берегу Рейна и уплатить значительныя военныя контрибуціи.

Журданъ вторгся во Франконію, и вслѣдствіе его быстраго движенія впередъ имперскія земли верхне-саксонскаго и франконскаго округовъ не замедлили войти въ соглашеніе съ Франціей. Когда Моро явился у Леха, Мюнхенъ также упалъ духомъ, и курфюрстъ баварскій заключилъ миръ съ Франціей, причемъ онъ вынужденъ былъ уплатить десять милліоновъ контрибуціи наличными деньгами, дать французамъ, по ихъ выбору, 20 картинъ изъ своей картинной галлереи и много припасовъ натурою.

Французскія войска, не получавшія ничего изъ Парижа, были тяжелымъ бременемъ для занятыхъ и пройденныхъ ими провинцій. Офицеры, позволявшіе себѣ впослѣдствіи въ войнахъ Наполеона всякія угнетенія, вымогательства и грабежи, начали теперь свою карьеру. Это не были уже прежніе свободолюбивые борцы революціи; на нѣмецкія провинціи нахлынула толпа хищныхъ искателей приключеній. Грабежи, насилія надъ женщинами и дѣвушками, жестокости всякаго рода стали заурядными явленіями, и высшіе начальники, при всемъ своемъ желаніи, были безсильны бороться съ ними. Это вызвало сильное озлобленіе сельскаго населенія, что французы должны были почувствовать при своемъ отступленіи.

Съ другой стороны, и союзники тоже не лучше обращались съ французами; войны приносятъ съ собою такъ называемое военное право, которое означаетъ лишь право сильнаго.

Такъ какъ въ это время и Бонапартъ одержалъ въ Италіи большія побѣды, то Австрія попала въ критическое положеніе. Помочь ей долженъ былъ эрцгерцогъ Карлъ.

Эрцгерцогъ внезапно перемѣнилъ свое положеніе относительно французской арміи и двинулся черезъ Дунай на сѣверъ. Онъ сумѣлъ искусно скрыть свое движеніе отъ Моро и соединился съ Ватеслебеномъ, который отступилъ передъ побѣдоноснымъ движеніемъ Журдана съ Верхней Франконіи къ богемской границѣ. Затѣмъ эрцгерцогъ со всей силой напалъ на Журдана, не ожидавшаго такого энергичнаго нападенія, и близъ Амберга обратилъ маасскую и самбрскую арміи въ бѣгство. Моро прогналъ стоявшихъ передъ нимъ австрійцевъ подъ начальствомъ Латура, чтобы поспѣшить на помощь Журдану, но онъ не могъ удержать эрцгерцога, который, энергично двинувшись впередъ, разбилъ французовъ на голову въ битвѣ при Вюрцбургѣ и обратилъ ихъ въ безпорядочное бѣгство. Теперь во всѣхъ мѣстахъ поднялись крестьяне, подстрекаемые духовенствомъ противъ „безбожныхъ“ французовъ; они нападали на французовъ врассыпную, истребляя все, что имъ попадалось въ руки, такъ какъ французы своимъ жестокимъ обращеніемъ довели ихъ до крайняго озлобленія. Отступленіе Журдана сопровождалось всѣми ужасами,

какіе только можно представить себѣ въ подобномъ положеніи. Близъ Альтенкирхена Журданъ снова выстроилъ свое деморализованное войско и снова потерпѣлъ полное пораженіе. Въ битвѣ близъ Альтенкирхена палъ во цвѣтѣ лѣтъ рыцарственный французскій генералъ Марсо, одинаково славившійся какъ своей храбростью, такъ и своей человѣчностью. Этого красиваго, пылкаго солдата любили за его благородный характеръ какъ друзья, такъ и враги. Ему были устроены торжественныя похороны и впослѣдствіи на мѣстѣ его смерти поставленъ памятникъ. Журданъ передалъ главное начальствованіе генералу Бернонвиллю, который отступилъ съ остатками маасской и самбрской арміи къ Дюссельдорфу.

Это страшное пораженіе Журдана совершенно измѣнило положеніе дѣлъ. Побѣдоносный эрцгерцогъ, не теряя ни минуты, двинулся на Моро, чтобы обойти его и совершенно отрѣзать отъ Франціи.

Моро, несмотря на свои таланты, не отличался большой смѣлостью. Иначе онъ, несмотря на пораженіе Журдана, вѣроятно, пошелъ бы впередъ, такъ какъ въ это время ему могли доставить выгоду побѣды Бонапарта въ Италіи. Осторожный и осмотрительный, онъ рѣшилъ отступить, чтобы не оставить безъ прикрытія французскую границу отъ вторженія непріятеля. Это отступленіе прославило Моро; оно требовало большого искусства, такъ какъ австрійцы гнались за Моро подъ начальствомъ Латура, и эрцгерцогъ Карлъ, поспѣшившій изъ Франконіи, употреблялъ всѣ усилія, чтобы отрѣзать рейнской арміи отступленіе. Но Моро проложилъ себѣ дорогу черезъ Баварію, Швабію, Шварцвальдъ и въ 37 дней достигъ Рейна, гдѣ эрцгерцогъ осаждалъ Кельнскій мостъ. Оттиснутый у Эммендингена, Моро перешелъ Рейнъ близъ Гюнингена въ концѣ октября 1796 г. Это отступленіе причисляютъ къ величайшимъ военнымъ дѣламъ революціонныхъ войнъ.

Если Австрія на сѣверѣ одержала верхъ надъ своими противниками, то на югѣ оказался у нея гораздо болѣе опасный врагъ, съ которымъ ей не суждено было управиться, — генералъ Бонапартъ. Здѣсь имѣли совершиться военныя дѣла, приведшія міръ въ изумленіе и повергшія старую Австрію въ горе, страхъ и отчаяніе. Держава, въ теченіе пяти лѣтъ безпрестанно нападавшая на Францію, имѣла потерпѣть здѣсь тяжелое пораженіе.

Когда Бонапартъ прибылъ въ итальянскую армію, онъ засталъ ее въ самомъ плачевномъ состояніи. Всякая дисциплина исчезла; солдаты не получали достаточно пищи и одежды; о жалованіи солдатамъ не было и рѣчи. Но энергія молодого главнокомандующаго сейчасъ же измѣнила дѣло къ лучшему. Онъ досталъ деньги и провіантъ для арміи и смѣнилъ много неспособныхъ офицеровъ и вороватыхъ чиновниковъ, выбравъ на ихъ мѣсто подходящихъ людей. Онъ сумѣлъ вселить энтузіазмъ въ свою армію, открывъ ей соблазнительные виды

на славу и добычу. Его первая прокламація должна была вос
нить страсти этой арміи,—имѣвшей стать первой въ Европѣ.

„Солдаты",—говорилъ Бонапартъ въ этой прокламаціи:—
плохо кормятъ и держатъ почти голыми. Правительство много
жно вамъ, но оно теперь не можетъ для васъ ничего сд
Ваше терпѣніе, ваше мужество оказываютъ вамъ большую чес
они не доставляютъ вамъ ни выгоды, ни славы. *Я поведу ва
плодороднѣйшія земли міра. Вы увидите большіе города и
тыя провинціи. Вы найдете тамъ не только славу, но и богат*
Солдаты итальянской арміи,— развѣ не хватитъ у васъ мужест
этого?".

Это былъ совершенно новый языкъ, и онъ долженъ былъ у
массу. Этому энтузіазму австрійская солдатчина могла противо
вить лишь свою дисциплину, поддерживаемую палками. Сарди
армія, находившаяся подъ начальствомъ генерала Колли, была
дежна, сардинцы большею частью были проникнуты духомъ новш
занесеннымъ къ нимъ изъ Франціи.

Все это Бонапартъ понялъ и сумѣлъ обратить въ свою по
Онъ проявилъ изумительную энергію и умъ. Онъ носился съ
діозными планами, а его обращеніе къ войску свидѣтельствует
его эгоизмѣ. Онъ идетъ въ Италію не только ради славы, но
обогащенія. И солдаты, которымъ онъ тоже обѣщаетъ и сла
богатства, идутъ за нимъ полуголодные, плохо одѣтые, плохо в
женные, но съ лихорадочно-блестящими, жадными глазами. Он
детъ ихъ къ побѣдѣ.

Австрійскій генералъ Больё, командовавшій войскомъ, в
леннымъ противъ Бонапарта, былъ ветеранъ со всѣми недоста
старой школы,—нерѣшительный, тяжеловѣсный и педантичный.
презиралъ республиканскаго генерала: куда же годится этотъ
полководецъ, который даже своихъ чиновъ не заслужилъ над
щимъ образомъ, и въ которомъ австрійскіе цеховые военачал
могли видѣть лишь профана, пачкуна въ военномъ дѣлѣ? Но
скоро долженъ былъ получить хорошій урокъ. Его медленныя
женія дали Бонапарту время достаточно подготовиться къ напа
Больё отдѣлился отъ сардинцевъ, стоявшихъ подъ начальствомъ К
Этого Бонапартъ только и ждалъ; теперь онъ двинулся со с
колоннами и 11 апрѣля напалъ на австрійцевъ. Здѣсь произош
событіе, что полковникъ Рампонъ, окруженный съ 1200 солдата
своихъ шанцахъ, подъ непріятельскимъ огнемъ поклялся со
командой не сдавать шанцевъ до смерти. Они сдержали свою к
и съ непреоборимой храбростью отстояли шанцы, отъ которых
висѣло рѣшеніе битвы. Австрійцы были совершенно разбиты
жали, энергично преслѣдуемые французами. Послѣ нѣсколькихъ
чекъ, благопріятныхъ для французовъ, Больё былъ вполнѣ отр

отъ Колли. Тогда Бонапартъ бросился на Колли и нанесъ ему при Мондови столь рѣшительное пораженіе, что сардинцы бѣжали къ Турину и туринскій дворъ въ испугѣ попросилъ мира. Виктору-Амедею II было дано перемиріе, но на тяжелыхъ условіяхъ. Онъ долженъ былъ навсегда уступить Франціи Савою и Ниццу, открыть французамъ свои крѣпости, выслать французскихъ эмигрантовъ и дать амнистію пьемонтскимъ демократамъ, которыхъ онъ преслѣдовалъ. Такъ отмщено было теперь Турину то, что онъ въ свое время сталъ центральнымъ пунктомъ происковъ французскихъ эмигрантовъ.

По туринскому миру, заключенному вскорѣ послѣ этого перемирія и подтвердившему эти условія, Викторъ-Амедей навсегда вышелъ изъ коалиціи. У него не было иного средства сохранить свой престолъ.

Примѣръ Пьемонта былъ заразителенъ, и итальянскіе государи и государства, видя, какъ падаетъ могущество Австріи, вскорѣ послѣдовали ему. Папа Пій VI, правительства Пармы, Модены и Неаполя просили мира и признанія Франціей ихъ нейтралитета; такимъ же образомъ поступила и аристократическая республика Генуя.

Бонапартъ сразу же показалъ, что онъ былъ не только стратегомъ, но и дипломатомъ, хотя его дипломатія носила суровый отпечатокъ. Чтобы получить свободу дѣйствій, онъ далъ перемиріе всѣмъ правительствамъ, просившимъ мира. Но затѣмъ онъ потребовалъ съ нихъ значительныхъ контрибуцій и большихъ поборовъ натурою. Изъ ихъ музеевъ, въ которыхъ были собраны сокровища итальянскаго искусства, онъ взялъ по своему выбору много картинъ и статуй и отправилъ ихъ въ Парижъ. Онъ полагалъ, что этимъ онъ увеличиваетъ славу Франціи. Папѣ пришлось больше всѣхъ поплатиться за свою враждебность къ республикѣ; онъ долженъ былъ уплатить французамъ 20 милліоновъ франковъ, отдать имъ 100 лучшихъ картинъ и статуй и 500 дорогихъ рукописей изъ ватиканской библіотеки. Герцогъ Моденскій долженъ былъ дать 10 милліоновъ и 20 картинъ; герцогъ Пармскій—4 милліона и 20 картинъ; Неаполь—5 милліоновъ; Генуѣ тоже пришлось уплатить крупную сумму въ 4 милліона.

Этими суммами Бонапартъ поправилъ разстроенные финансы своего правительства, которое такимъ образомъ мало-по-малу избавилось отъ пагубныхъ бумажныхъ денегъ. По старому варварскому принципу, что война должна кормить войну, онъ содержалъ свои войска на счетъ занятыхъ имъ провинцій. Удивительно ли, что въ такой войнѣ, ведшейся со всѣми, обычными тогда ужасами, развилась подобная система грабительства?

Въ 1793 г. генералъ Кюстинъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности вслѣдствіе того, что изъ Германіи поступили жалобы на его контрибуціи и поборы. Теперь же побѣдоносные генералы не могли

достаточно награбить, чтобы удовлетворить любостяжаніе своего п
вительства, нуждавшагося въ деньгахъ. Бонапартъ въ итальянск
походѣ не только пріобрѣлъ славу, но и сдѣлалъ выгодное дѣло.

По заключеніи перемирія съ Пьемонтомъ, Бонапартъ снова
чалъ наступленіе на австрійцевъ. Онъ не давалъ покоя отступавш
Больё и оттѣснилъ его за По. Болье отступилъ передъ врагс
силу котораго онъ теперь узналъ, за Адду и попытался защит
Лодійскій мостъ. Этотъ мостъ, длиною въ 300 шаговъ, австрі
заняли 14 пушками; берегъ Адды защищался множествомъ стрѣлк
Мостъ казался неприступнымъ, но Бонапартъ велѣлъ взять его п
ступомъ. Это опасное порученіе взяли на себя Ожеро, Массен
Бертье; они стали во главѣ своихъ колоннъ и подъ страшнымъ
жейнымъ и пушечнымъ огнемъ двинулись впередъ. Отчаянный п
ступъ удался; нѣсколько разъ отбитые, французы снова собира
и, наконецъ, обратили австрійцевъ въ хаотическое бѣгство, такъ
эта битва за мостъ превратилась въ полное пораженіе Больё.
ченіе этой побѣды было громадно,—вся Ломбардія перешла въ р
французовъ. Они заняли Павію, Пиццигетону, Кремону. Боль
своимъ деморализованнымъ и уменьшившимся войскомъ бѣжал
Эчъ, чтобы найти тамъ новую оборонительную линію. 15 мая Б
партъ совершилъ свой тріумфальный въѣздъ въ Миланъ, глав
городъ Ломбардіи.

Народъ радостно встрѣтилъ французовъ, потому что австрій
владычество было ему до крайности ненавистно. Онъ видѣл
французахъ своихъ освободителей и былъ счастливъ, когда Бонап
далъ завоеванной имъ области республиканское государствен
устройство. Побѣдоносный генералъ создалъ свое первое крупное
литическое твореніе: республики циспаданскую и транспаданскую,
расположенныя по сю сторону и по ту сторону По. Герцогство
ланское образовало республику транспаданскую. Для циспадан
республики необходимо было герцогство моденское; поэтому гер
объявили окончаніе перемирія и заняли его территорію. Этотъ
пой и деспотическій государь бѣжалъ со своими сокровищами
Венецію; но съ паденіемъ Венеціи и его сокровища попали въ р
французовъ. Обѣ эти республики-дочери впослѣдствіи были со
нены въ цизальпинскую республику.

Но ломбардцы скоро должны были почувствовать, что генер
Бонапартъ не во имя свободы выступилъ въ поле. Ломбардцы п
гали, что французы только избавили ихъ отъ австрійскаго ига,
пришли въ немалое изумленіе, когда увидѣли, что на нихъ во
жено новое иго, такъ какъ Бонапартъ, вѣроятно, побуждаемый н
давшейся въ деньгахъ директоріей, безъ всякихъ околичностей
ложилъ Ломбардію контрибуціей въ двадцать милліоновъ франк
Тогда радость, съ которой были встрѣчены французы, превратилас

сильное недовольство, а въ Миланѣ и Павіи дѣло дошло даже до вооруженныхъ возстаній, для подавленія которыхъ нужны были большія усилія. Съ этого момента увлеченіе французами навсегда исчезло у ломбардцевъ.

Устроивъ въ новыхъ республикахъ правленіе и управленіе совершенно по французскому образу, Бонапартъ снова двинулся противъ австрійцевъ. Тѣмъ временемъ Больё оставилъ начальствованіе надъ войскомъ, и главнокомандующимъ австрійскихъ военныхъ силъ въ Италіи былъ назначенъ старый маршалъ Вурмзеръ, суровый, храбрый, но не особенно способный солдатъ. Онъ принадлежалъ къ старымъ австрійскимъ паркетнымъ генераламъ, которые обыкновенно говорили: „Съ этимъ Бонапартомъ ничего не подѣлаешь,—онъ совсѣмъ не придерживается военныхъ правилъ!“

Въ рукахъ австрійцевъ находилась еще большая и важная крѣпость, Мантуя, безъ занятія которой собственно нельзя было говорить объ обладаніи Ломбардіей. Въ іюлѣ Бонапартъ съ большимъ стараніемъ началъ осаду этой крѣпости, между тѣмъ какъ Вурмзеръ собиралъ новое войско. Значеніе этой крѣпости было понято обѣими сторонами; французы напрягали всѣ усилія, чтобы завладѣть этой твердыней; австрійцы же всѣми силами старались освободить Мантую отъ осады, удержать ее, чтобы воспользоваться ею, какъ точкой опоры для уничтоженія французскаго владычества въ Италіи.

Вурмзеръ посредствомъ набора у постоянно готовыхъ къ войнѣ тирольцевъ довелъ свое войско до 80.000 человѣкъ, тогда какъ у Бонапарта было только около 50.000 человѣкъ. Когда Вурмзеръ со своими преобладающими силами выступилъ изъ Тироля, казалось, что французамъ придется очень плохо. Но военный геній Бонапарта быстро подмѣтилъ слабыя стороны противника. Вурмзеръ слишкомъ далеко раздвинулъ части своего войска, и на этомъ Бонапартъ построилъ свой планъ. Со своей обычной рѣшительностью онъ оставилъ осаду Мантуи и даже бросилъ врагамъ свои тяжелыя осадныя орудія, около 200 пушекъ. Вурмзеръ думалъ, что Бонапартъ обратился въ бѣгство: скоро онъ долженъ былъ разочароваться. Смѣлымъ маршемъ Бонапартъ подошелъ такъ быстро, что могъ броситься лишь на одну часть арміи Вурмзера. Этотъ корпусъ разбилъ Ожеро, послѣ чего самъ Бонапартъ напалъ на Вурмзера и въ кровавой битвѣ Бонапартъ проявилъ все свое стратегическое искусство: его маневры были задуманы и выполнены такъ искусно, что эта битва стоила сравнительно немногихъ жертвъ, и тѣмъ не менѣе побѣда была полная.

Вурмзеръ бѣжалъ съ остатками своего войска назадъ въ Тироль, а Бонапартъ снова осадилъ Мантую. Въ этой страшной борьбѣ Австрія напрягала послѣднія усилія, и у нея, точно изъ земли, являлись арміи. Уже въ концѣ августа Вурмзеръ опять вышелъ изъ Тироля съ новымъ сильнымъ войскомъ. Бонапартъ двинулся противъ него

вверхъ по Эчу, оставивъ подъ Мантуей слабый блокадный корпусъ. Вурмзеръ снова раздѣлилъ свои войска, и Бонапартъ сумѣлъ воспользоваться этимъ. Въ кровавой битвѣ при Ровередо 4 сентября Вурмзеръ былъ снова совершенно разбитъ, и его армія разрѣзана на двое, причемъ французы заняли Тріэнтъ, главную квартиру Вурмзера.

Вурмзеръ полагалъ, что Бонапартъ пойдетъ теперь внутрь Австріи, и хотѣлъ сдѣлать смѣлый маневръ, быстро двинувшись со своимъ разбитымъ, но еще способнымъ къ бою войскомъ на Мантую. Но Бонапартъ погнался за нимъ. Вурмзеръ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, но затѣмъ снова былъ разбитъ при Солано Ожеро и при Бассано Бонапартомъ. Отчаявшись во всѣхъ иныхъ средствахъ спасенія, онъ долженъ былъ сдѣлать попытку пробиться въ Мантую, что ему и удалось. 12 сентября онъ пробился въ крѣпость, которую французы сейчасъ же снова окружили со всѣхъ сторонъ. Борьба за эту крѣпость стала теперь тѣмъ гибельнѣе, что, вслѣдствіе болотистой и нездоровой мѣстности, среди осажденныхъ и осаждавшихъ начали свирѣпствовать болѣзни. У австрійцевъ насчитывалось до 9.000, а у французовъ 15.000 лихорадочныхъ больныхъ.

Міръ съ изумленіемъ смотрѣлъ на побѣды молодого генерала, и французская національная гордость, снова явившаяся у господствующихъ классовъ и занявшая мѣсто прежняго братства со всѣми народами, была польщена, когда Мюратъ, въ качествѣ адъютанта Бонапарта, представившій директоріи знамена, отнятыя у австрійцевъ, говорилъ: „Въ теченіе одного только похода завоевана Италія, три сильныхъ арміи совершенно уничтожены, взято болѣе 50 непріятельскихъ знаменъ, 40,000 австрійцевъ принуждены были сложить оружіе, —и все это дѣло арміи, въ которой не болѣе 50,000 французовъ, и генерала, едва достигшаго двадцати-семилѣтняго возраста“.

Но если Бонапартъ думалъ, что онъ теперь можетъ спокойно заняться осадой Мантуи, то онъ ошибался, такъ какъ Австрія въ короткое время снова собрала войско, чтобы употребить его на освобожденіе Мантуи. Главное начальствованіе надъ нимъ получилъ опытный, храбрый и талантливый генералъ Альвинци, который доставилъ Бонапарту много хлопотъ, и пораженія котораго въ значительной степени были вызваны тѣмъ, что его недавно набранныя войска не могли сравниться съ испытанными въ бояхъ баталіонами французовъ.

Успѣхи въ битвахъ съ Журданомъ и Моро снова подняли духъ австрійцевъ, и Альвинци въ ноябрѣ быстрымъ и энергичнымъ маршемъ выступилъ изъ долины Эча. Въ нѣсколькихъ кровавыхъ стычкахъ онъ отбросилъ французовъ. У Арколя на Альпонѣ, притокѣ Эча, сошлись главныя враждебныя арміи, и здѣсь произошла трехдневная страшная битва 15, 16 и 17 ноября. 15 ноября австрійцы занимали Арколь, отъ обладанія которымъ зависѣлъ исходъ сраженія.

Черезъ Альпонъ велъ мостъ, который австрійцы укрѣпили и прикрыли пушками. Бонапартъ со своей обычной рѣшительностью, велѣлъ взять это австрійское укрѣпленіе съ фронта. Ожеро, Ланъ, Бонъ, Вернъ, самые отважные изъ французскихъ генераловъ, пробовали взять этотъ мостъ приступомъ, но были отбиты сильнымъ огнемъ австрійцевъ. Ожеро водрузилъ на мосту французское знамя, но не могъ увлечь за собою своихъ солдатъ.

Бонапартъ спѣшитъ къ мосту сраженія, видитъ безуспѣшность попытокъ взять мостъ приступомъ и сейчасъ же посылаетъ Гюіе перейти Альпонъ въ нѣсколько отдаленномъ мѣстѣ, гдѣ былъ бродъ, чтобы обойти австрійцевъ съ тыла. Но маневръ Гюіе тянется слишкомъ долго для молодого, пылкаго полководца, и Бонапартъ самъ идетъ на приступъ. Онъ схватываетъ знамя, собираетъ вокругъ себя отборныхъ храбрецовъ и съ крикомъ: „впередъ—за вашимъ генераломъ!“ бросается на мостъ. Подъ градомъ пуль, высоко поднявъ знамя, Бонапартъ бѣжитъ впередъ. Залпъ за залпомъ сыплется въ его густую колонну, храбрецы падаютъ, рядомъ съ Бонапартомъ палъ его адъютантъ, Мюиронъ. Осаждающіе пробились до самыхъ австрійцевъ, какъ вдругъ страшный залпъ картечи посыпался съ ближайшей мѣстности въ ихъ густую колонну. Тогда осаждающіе подаются, австрійцы бросаются въ штыки на смѣшавшійся отрядъ и прогоняютъ французовъ, причемъ Бонапартъ былъ оттиснутъ въ трясину, которая едва не засосала его. Нѣсколько гренадеровъ вытаскиваютъ Бонапарта изъ трясины, онъ, весь въ грязи, садится на коня и отбрасываетъ австрійцевъ снова за Альпонъ. Но австрійцы удержали мостъ; ночью подходитъ Гюіе и видитъ, что австрійцы оставили деревню Арколь, но и французы тоже отступили къ своимъ линіямъ. Поэтому онъ снова возвращается черезъ Альпонъ, и деревня Арколь, за которую велась столь кровавая борьба, на слѣдующій день была снова занята австрійцами.

На второй день битвы исходъ ея былъ нерѣшителенъ. Гдѣ французы выдвигались противъ австрійцевъ, ихъ съ урономъ отбрасывали, и когда австрійцы вышли изъ своихъ линій, чтобы атаковать французовъ, они послѣ страшнаго побоища снова загонялись въ свои линіи. Къ вечеру второго дня воюющія стороны все еще оставались на своихъ мѣстахъ, но положеніе австрійцевъ было поколеблено. На третій день Бонапартъ различными искусными маневрами вселилъ въ австрійцевъ увѣренность, что имъ грозитъ опасность нападенія съ тыла; они вообразили, что французы обошли ихъ съ обѣихъ сторонъ, и когда теперь началась энергичная общая аттака французовъ на всей линіи, австрійцы подались и оставили позицію, которую они такъ долго защищали. Французы настойчиво преслѣдовали ихъ, и Альвинци отвелъ свои изможденныя войска назадъ за Бренту.

Имя Бонапарта пронеслось по всему міру, и этотъ молодой че-

ловѣкъ, который еще годъ тому назадъ не могъ получить мѣста и толкался по переднимъ высшихъ офицеровъ, сталъ предметомъ почти суевѣрнаго поклоненія своей арміи и значительной части французскаго народа. Его военныя дѣла окружили его такимъ ореоломъ, о какомъ только могла мечтать самая смѣлая фантазія. Онъ сумѣлъ замѣнить въ своей арміи стремленіе къ свободѣ стремленіемъ къ славѣ и добычѣ. Въ немъ соединена была суровость солдата съ хитростью и коварствомъ дипломата, и онъ сразу выступилъ всестороннимъ государственнымъ человѣкомъ, между тѣмъ какъ въ немъ видѣли все еще *„маленькаго капрала“*, какъ его въ шутку прозвали его солдаты. Этотъ „маленькій капралъ“ готовился стать наслѣдникомъ великой революціи, и его честолюбивыя мечты должны были исполниться.

Послѣ распаденія большой коалиціи, директорія направила свои взоры на Англію и стала думать о томъ, какъ бы отомстить ей за дѣятельность Питта. Этотъ государственный дѣятель сдѣлалъ все, что только было въ силахъ могущественной Англіи, чтобы повредить Франціи и погубить ее. Изъ ненависти къ демократіи онъ ввелъ запретительную систему торговли, велѣлъ захватывать французскія суда, содѣйствовалъ заговорамъ противъ французскихъ правительствъ, поддерживалъ вооруженныя вторженія во Францію и даже прибѣгъ къ постыдному средству, къ массовому распространенію поддѣльныхъ ассигнатовъ. Французы сперва соорудили много каперныхъ судовъ, которыя причинили немалый вредъ англійскому торговому флоту. Затѣмъ, директорія заключила союзъ съ Испаніей въ С. Идельфонсо, и Испанія въ октябрѣ 1796 г. объявила войну Англіи, громко и вполнѣ основательно протестуя противъ наглой и лживой политики Англіи, какъ морской державы.

Но директорія хотѣла напасть на англичанъ въ самой Англіи и съ этой цѣлью рѣшено было воспользоваться недовольствомъ ирландцевъ для экспедиціи въ Англію. Гошъ имѣлъ высадиться въ Ирландіи съ 15.000 человѣкъ и въ декабрѣ онъ отплылъ изъ Франціи. Однако буря разбила его флотъ, и лишь часть этого флота достигла англійскихъ береговъ, но вскорѣ вернулась назадъ. Экспедиція окончилась полной неудачей.

Зато къ Франціи снова перешла Корсика, возставшая противъ англичанъ, которые было заняли ее. Англичане были изгнаны и корсиканцы, не желавшіе быть подданными алчной Англіи, присоединились къ Франціи.

Палаты требовали, чтобы директорія упорядочила финансы. Но для этого нужны были прежде всего новыя денежныя средства, которыя можно было бы получить только путемъ новыхъ налоговъ, а новыхъ налоговъ палаты не утверждали. Между директоріей и пала-

тами велась борьба относительно колоній, свободы печати, внѣшней и внутренней политики. Государственное управленіе оставалось въ жалкомъ состояніи, потому что директорія во всѣхъ своихъ мѣропріятіяхъ наталкивалась на противодѣйствіе роялистовъ.

При слѣдующемъ обновленіи третьей части палатъ, онѣ, безъ всякаго сомнѣнія, стали бы вполнѣ роялистическими. Директоры: Барра, Ревбелль и Ляревельеръ-Лепо рѣшили предупредить это посредствомъ государственнаго переворота и уничтожить насиліемъ оппозицію какъ въ самой директоріи, такъ и въ палатахъ. Они постарались обезпечить за собой поддержку арміи, что имъ вполнѣ удалось. Они обратились къ войскамъ съ адресами, написанными рѣзкимъ, пламеннымъ языкомъ. Они возлагали свои надежды на генераловъ: Бонапарта, Гоша, Ожеро и другихъ военачальниковъ, преданныхъ республикѣ. Бонапартъ, хотя онъ и состоялъ въ интимной перепискѣ съ Карно, выразилъ директоріи свою безусловную преданность, и на одномъ банкетѣ Ланнъ провозгласилъ гибель роялистическаго клуба Клиши. Армія Бонапарта послала директоріи адресъ къ палатамъ, въ которомъ говорилось:

„Трепещите, роялисты, потому что отъ Эча до Сены для насъ одинъ шагъ. *Трепещите, потому что грѣхи ваши сочтены, и возмездіе за нихъ — на остріяхъ нашихъ штыковъ.* Съ возмущеніемъ видѣли мы, какъ интриги роялизма угрожали свободѣ. Тѣнями героевъ, павшихъ за отечество, поклялись мы вести непримиримую борьбу съ роялизмомъ. Пусть покажутся роялисты,—и они навсегда исчезнутъ".

Этотъ рѣзко-республиканскій языкъ, въ которомъ будущій цезарь выразилъ чувства своихъ солдатъ, испугалъ роялистовъ. Онъ ободрилъ также директорію, не поладившую съ Гошемъ. Директорія велѣла Гошу перевести нѣсколько полковъ изъ находившейся подъ его начальствомъ маасской и самбрской арміи въ окрестности Парижа. Но по конституціи войска могли приближаться къ Парижу только на разстояніе шести миріаметровъ (около 56 верстъ). Гошъ колебался и вернулся къ своей арміи въ Гиссенъ. Адреса итальянской арміи были доставлены директоріи Ожеро, суровымъ солдатомъ, отличавшимся большимъ личнымъ мужествомъ, который считалъ себя первымъ полководцемъ въ мірѣ, а о Бонапартѣ говорилъ, что онъ только не лишенъ „кое-какихъ способностей". Ожеро, происходившій изъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, былъ вполнѣ подходящимъ человѣкомъ для того, чтобы желѣзной рукою сжать роялизмъ; его, тогда еще республиканскій, образъ мыслей придавалъ ему особенную ревность, и роялистамъ стало жутко, когда они увидѣли въ Парижѣ отчаяннаго борца на Аркольскомъ мосту. Вскорѣ революціонная военщина сцѣпилась съ роялизмомъ, желавшимъ конституціоннымъ путемъ уничтожить конституцію.

Роялисты, вождями которыхъ въ эти дни выступили генералы Пишегрю и Валло, прекрасно поняли намѣреніе директоріи избавиться отъ парализующей ее роялистической оппозиціи путемъ государственнаго переворота. Противное конституціи передвиженіе войскъ къ Парижу взволновало роялистовъ, и они готовились предложить палатамъ возбудить обвиненіе противъ директоровъ: Барра, Ревбелля и Ляревелльеръ-Лепо. Многіе изъ роялистическихъ депутатовъ чувствовали себя настолько въ опасности, что даже не ночевали въ своихъ квартирахъ.

Роялисты хотѣли задержать трехъ упомянутыхъ директоровъ, если предложеніе о преслѣдованіи ихъ будетъ принято палатами. Думали ли они о возстаніи, не выяснено; вѣроятнѣе всего, у нихъ не было средствъ для открытаго возстанія, и они увидѣли себя вынужденными ограничиться законнымъ противодѣйствіемъ.

Директорія получила отъ Моро доказательства измѣны Пишегрю; въ захваченной каретѣ одного австрійскаго генерала Моро нашелъ всю переписку Пишегрю съ непріятелемъ. Моро не сразу объявилъ объ этой важной находкѣ, можетъ быть, по слабости, а можетъ быть, потому, что не хотѣлъ выдавать своего прежняго товарища по оружію. Но въ этотъ критическій моментъ онъ представилъ найденныя бумаги.

Роялисты въ палатахъ старались приготовиться къ сопротивленію; они увеличили власть инспекторовъ залы, среди которыхъ были Пишегрю и Валло, и поставили стражу законодательнаго собранія подъ ихъ начальство. Они рѣшили возстановить національную гвардію, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи роялистическія секціи, и составили предложеніе объ удаленіи войскъ изъ Парижа. Но директорія не медлила: въ ночь на 4 сентября (18 фрюктидора) Барра, Ревбелль и Ляревелльеръ-Лепо выполнили давно задуманный ими государственный переворотъ.

Въ эту ночь Ожеро съ войсками, расположенными въ окрестностяхъ Парижа, вступилъ въ городъ, и вскорѣ Тюльери было окружено 12.000 человѣкъ съ большимъ количествомъ пушекъ. Въ Тюльери находились Пишегрю и Валло со всѣми остальными инспекторами залы; Тюльери занимала стража законодательнаго собранія. Но эта стража, повидимому, не очень-то увлекалась роялизмомъ, такъ какъ она безъ противодѣйствія позволила Ожеро арестовать ея коменданта, Рамеля. Ожеро явился со своимъ войскомъ передъ рѣшеткой тюльерійскаго замка, опустилъ обнаженную саблю и воскликнулъ: „республиканцы ли вы?“ Гренадеры стражи сейчасъ же отвѣтили: „да здравствуетъ Ожеро! — да здравствуетъ директорія!“ Они отворили ворота, впустили Ожеро съ его солдатами и присоединились къ нимъ. Ожеро обыскалъ всѣ помѣщенія Тюльери и арестовалъ *инспекторовъ* залы, среди которыхъ были Пишегрю и Валло. Онъ

занялъ всѣ важные пункты въ городѣ. Этимъ кончился переворотъ, и войскамъ вскорѣ оставалось лишь арестовать въ различныхъ частяхъ города нелюбимыхъ депутатовъ, роялистическихъ журналистовъ, вернувшихся священниковъ и эмигрантовъ. Многіе изъ лицъ, внесенныхъ въ проскрипціонный списокъ, бѣжали; между ними былъ и Карно. Не было никакого основанія смѣшивать Карно съ роялистами; онъ сталъ жертвой ненависти своихъ товарищей въ директоріи. Ему удалось бѣжать въ Швейцарію, гдѣ онъ въ особомъ сочиненіи раскрылъ постыдныя дѣянія Барра и его товарищей.

Весь государственный переворотъ 18 фрюктидора совершился въ два часа, и парижане лишь утромъ узнали изъ прокламаціи, расклеенной на стѣнахъ, что республика спасена директоріей отъ большого роялистическаго заговора. Отъ этой опасности едва ли и замѣтили что либо въ широкихъ кругахъ публики, ставшей совершенно равнодушной къ политической борьбѣ. Правда, роялисты стремились къ уничтоженію конституціи законнымъ путемъ, а директорія спасла конституцію нарушеніемъ самой же конституціи. Но развѣ партіи, когда онѣ борются за власть и отстаиваютъ ее, — развѣ онѣ задумываются надъ законностью средствъ, употребляемыхъ ими?

Въ этотъ день въ Парижѣ снова послышались давно смолкшія восклицанія: „да здравствуетъ республика!“ Палаты собрались въ Одеонѣ и въ фармакологической школѣ; въ первый разъ теперь трибуны снова наполнились народомъ, пришедшимъ изъ любопытства. Въ палатахъ сперва замѣчалось противодѣйствіе государственному перевороту; но вскорѣ явилось посланіе директоріи, въ которомъ она старалась оправдать свои мѣропріятія. Въ посланіи говорилось, что если бы промедлить еще дней восемь, то республика была бы предана врагамъ; сами палаты были сборнымъ пунктомъ заговорщиковъ, которые въ прошлую ночь достали оружіе и устраивали мятежныя собранія. „Общественная безопасность“, говорилось, наконецъ, въ посланіи: „и безопасность депутатовъ, вѣрныхъ республикѣ, была бы нарушена, если бы ихъ оставили вмѣстѣ съ врагами отечества въ преисподней заговоровъ“.

Палаты, пораженныя силою событій, дали свое одобреніе чрезвычайнымъ мѣропріятіямъ директоріи; они оправдали также и противоконституціонное призваніе войскъ въ Парижъ. Затѣмъ, особымъ закономъ относительно общественной безопасности директоріи передана была какъ бы диктаторская власть, которой она и не замедлила воспользоваться.

На этотъ разъ заговорщики отдѣлались не такъ легко, какъ роялисты комплота, открытаго въ прошломъ году, управлявшагося изъ Бланкенбурга. Правда, и на этотъ разъ не было казней, но жертвы переворота были приговорены къ ссылкѣ въ знойныя, болотистыя и нездоровыя мѣста Кайены. Къ ссылкѣ приговорены были оба дирек-

тора: Карно и Бартелеми и 41 человѣкъ изъ членовъ совѣта пятисотъ, среди которыхъ были: Буасси д'Англа, Пишегрю, Бурдонъ изъ Уазы, ставшій роялистомъ, Валло и Вилльяре-Жуаіезъ; далѣе,—одиннадцать сенаторовъ, среди нихъ Роверъ и Тронсонъ-Дюкудрэ; затѣмъ, комендантъ Рамель, генералъ Миранда, бывшій членъ конвента Майль; къ нимъ еще присоединили трехъ вождей прошлогодняго роялистическаго заговора. Сверхъ того, отправлены были въ ссылку еще издатели и редакторы 35 журналовъ, враждебныхъ директоріи.

Большинство осужденныхъ были отправлены въ Кайену, откуда многіе бѣжали. Но многіе также умерли въ ея нездоровомъ климатѣ.

Выборы въ 48 департаментахъ были объявлены недѣйствительными и директоріи были предоставлены широкія полномочія уничтожать выборы, опасныя для республики. Затѣмъ снова были возстановлены, отмѣненные совѣтомъ пятисотъ, законы противъ священниковъ, отвергавшихъ присягу, и эмигрантовъ. Въ директорію, вмѣсто двухъ директоровъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ, были избраны Мерленъ изъ Дуэ и Франсуа де-Нефшато, пользовавшіеся репутаціей республиканцевъ.

На короткое время снова установилось какъ бы революціонное правительство, но не было энергіи и умѣнія, которыя могли бы улучшить состояніе Франціи. Въ правленіи и администраціи остались прежніе безпорядки. Нецѣлесообразная конституція вскорѣ стала источникомъ новыхъ конфликтовъ, приведшихъ, наконецъ, къ паденію этой конституціи, сохранять которую можно было лишь при помощи нарушеній ея.

Генералъ Гошъ, вступившій тѣмъ временемъ съ самбрской и маасской арміей въ Германію, умеръ 17 сентября 1797 года въ Ветцларѣ отъ болѣзни, оставшейся неясной врачамъ. Обвиняли директорію въ отравленіи молодого полководца, что, разумѣется, было клеветой, измышленной роялистами. Многіе полагаютъ, что Гошъ, если бы онъ прожилъ дольше, сталъ бы опаснымъ соперникомъ Бонапарта. Разбирать этотъ вопросъ было бы излишне. Молодой генералъ умеръ во всемъ блескѣ славы республиканскаго военачальника, который своимъ мужествомъ, геніемъ и энергіей выбился изъ самаго низкаго положенія, прославилъ республику блестящими побѣдами и при своихъ побѣдахъ никогда не закрывалъ своего сердца для мягкости и человѣчности. Подобныхъ ему немного было среди суровыхъ солдатъ того времени.

Когда весной 1797 года Гошъ и Моро снова перешли Рейнъ и проникли до Шварцвальда, причемъ не случилось особенно важныхъ событій, Бонапартъ простоялъ зиму подъ Мантуей, которую старикъ Вурмзеръ защищалъ со всей энергіей. Австрія сдѣлала еще одну по-

пытку освободить осажденную крѣпость и очень быстро собрала новое войско. Начальство надъ нимъ получилъ Альвинци; этому войску дано было знамя, вышитое собственноручно императрицей и имѣвшее воодушевить солдатъ, — ожиданіе, при данныхъ условіяхъ довольно оптимистическое. Венгерскіе государственные чины на сеймѣ 12 ноября 1796 года снова дали деньги и солдатъ для войны, послѣ того какъ Францъ II выяснилъ доблестнымъ мадьярамъ, что дѣло идетъ о „высшихъ благахъ“ — въ дѣйствительности, объ итальянскихъ владѣніяхъ габсбургскаго дома,—и борьба ведется съ націей, которая своей жестокостью, дикостью и безбожіемъ превзошла всѣ варварскіе народы“.—Такія слова императора имѣли большой вѣсъ у мадьяръ; они развязали свои кошельки, и разбитый въ ноябрѣ Альвинци могъ уже въ январѣ двинуться съ новымъ войскомъ къ Мантуѣ.

Вначалѣ Альвинци имѣлъ успѣхъ; онъ вездѣ прогналъ всѣ слабые отряды, оставленные Бонапартомъ для прикрытія осады къ сѣверу отъ Мантуи. Но тутъ быстро выступилъ самъ Бонапартъ, находившійся тогда въ Болоньѣ, и двинулся на него со всей своей силою. Произошла битва при Риволи, продолжавшаяся съ 14 по 16 января, самая страшная и кровопролитная изъ всѣхъ битвъ этой войны. Австрійцы нѣсколько раздвинули свои силы въ горахъ, чтобы обойти французовъ и напасть на нихъ съ тыла; но Бонапарту удалось быстрыми и искусными маневрами проникнуть между отдѣльными частями австрійскаго войска, послѣ чего сперва былъ разбитъ до полнаго уничтоженія Альвинци при Риволи, а затѣмъ, его отдѣльные корпуса. Паническій страхъ овладѣлъ австрійцами; они бѣжали, какъ разсказываетъ самъ Альвинци, совершенно неудержимо: главнокомандующій велѣлъ застрѣлить одного солдата, приказалъ лицамъ своей свиты останавливать бѣжавшихъ ударами сабель,—ничего не помогло. Изъ 25.000 человѣкъ у Альвинци осталось послѣ этой кровопролитной битвы только 10.000 человѣкъ.

Теперь должна была капитулировать и совершенно истощенная голодомъ Мантуя, такъ какъ исчезла всякая надежда на освобожденіе ея. 2 февраля 1797 года Вурмзеръ сдалъ крѣпость, за которую велась столь кровавая борьба. Самъ Вурмзеръ со своимъ штабомъ, 500 солдатъ и 6 пушками получилъ право свободнаго отступленія; остальной же гарнизонъ съ 500 пушекъ былъ взятъ въ плѣнъ. Здѣсь было еще 12.000 солдатъ. Что Бонапартъ избавилъ отъ плѣна старика Вурмзера, въ этомъ австрійцы видѣли свидѣтельство особеннаго уваженія съ его стороны. Вѣроятно, Бонапартъ надѣялся, что Вурмзеръ снова получитъ начальство надъ войскомъ, чтобы снова — потерпѣть пораженіе.

Затѣмъ настало шести-недѣльное перемиріе, и въ теченіе его вся Европа съ изумленіемъ смотрѣла на молодого генерала, геній кото-

раго возсіялъ такимъ яркимъ свѣтомъ. Но Австрія еще не считал себя пораженной и еще не хотѣла заключить миръ. Когда директорія предложила австрійскому кабинету заключить перемиріе и начат мирные переговоры, она получила высокомѣрный отвѣтъ: *„Въ Вѣнѣ не знаютъ французской республики!“* Скоро въ Вѣнѣ имѣли уж всѣ основанія горько раскаяться въ такой необдуманности: у рес публики, которой не хотѣли признавать, пришлось униженно просит мира.

Если директорія надѣялась имѣть въ лицѣ Бонапарта поклади стаго генерала, то она вскорѣ должна была увидѣть свое заблужденіе Молодой полководецъ дѣйствовалъ въ завоеванной имъ области, как абсолютный монархъ, и вполнѣ произвольно передвигалъ границы го сударствъ. Циспаданскую и транспаданскую республики онъ соединилъ въ одну республику—цизальпинскую. Онъ вовсе не заботился о томъ пріятны ли директоріи эти его новыя политическія творенія: онъ пре красно зналъ, какъ сильно нуждается правительство въ побѣдахъ, которыхъ онъ извѣщалъ, и въ милліонахъ, которые онъ посылалъ Его популярность и пламенная привязанность къ нему его арміи за щищали его отъ всякаго нападенія со стороны директоріи, а то время когда комитетъ благосостоянія съ неуклонной строгостью наказывал честолюбивыхъ генераловъ, давно миновало.

Для „округленія“ цизальпинской республики Бонапарту нужн была часть папской области, и онъ объявилъ святому отцу Пію V окончаніе перемирія. Сверхъ того, святой отецъ не уплатилъ фран цузамъ условленной контрибуціи и поддерживалъ сношенія съ ав стрійцами, что французамъ казалось опаснымъ. Затѣмъ, онъ не мог рѣшиться отмѣнить свои прежнія буллы, въ которыхъ онъ осыпал проклятіями республиканскую Францію. Бонапартъ не сталъ церемо ниться, онъ послалъ въ церковную область войско, которое разбил папскую армію, такъ называемыхъ, солдатъ ключа, и двинулось на Рим Тогда святой отецъ устрашился за свои земныя владѣнія и уступил Онъ попросилъ мира. Миръ заключенъ былъ въ Толентино, и па уступилъ легатства Романью, Болонью и Феррару для округлен цизальпинской республики, передалъ французамъ крѣпость Аскалу уплатилъ 30 милліоновъ. Отмѣнѣ проклятій Бонапартъ не придавал значенія.

Во время похода на Римъ французы охотно заграбили бы со кровища лоретской Богоматери. Но эти сокровища успѣли скрыт отъ невѣрныхъ республиканцевъ.

Тѣмъ временемъ Австрія вооружилась, чтобы еще разъ вступить въ борьбу. Эрцгерцогъ Карлъ, побѣды котораго во Франконіи и на Рейнѣ достаточно доказали его военный талантъ, былъ назначен главнокомандующимъ въ Италіи. Но и онъ не могъ сдѣлать чуд *при томъ ужасѣ*, который внушало имя французскаго генерала и пр

его геніи. Австрійцевъ уже нельзя было наэлектризовать. Въ мартѣ Бонапартъ двинулся въ походъ, чтобы, наконецъ, проникнуть въ сердце австрійскихъ владѣній. Со своими ново-организованными войсками онъ направился въ Тироль и Каринтію. Эрцгерцогъ мѣрялся съ нимъ силами въ различныхъ стычкахъ, но всѣ онѣ окончились въ ущербъ австрійцамъ. Австрійцы оттѣснялись все дальше и дальше; Бонапартъ взялъ Бриксенъ, Ботценъ, Клагенфуртъ и Лайбахъ и подошелъ, наконецъ, на разстояніе лишь 36 часовъ пути отъ Вѣны. Если эрцгерцогъ, можетъ быть, и замышлялъ такой же маневръ, какой онъ употребилъ противъ Моро и Журдана, но который здѣсь ему врядъ ли бы удался, то вѣнскій дворъ теперь окончательно потерялъ голову, когда страшный врагъ оказался на столь близкомъ разстояніи. Онъ торопливо бѣжалъ изъ Вѣны и сталъ просить перемирія, съ цѣлью заключенія мира,—у республики, къ которой онъ еще недавно отнесся съ такимъ презрѣніемъ.

Бонапартъ принялъ предложеніе, такъ какъ венеціанская республика вооружалась, чтобы напасть на него съ тыла. Состоялось юденбургское перемиріе, и затѣмъ, 18 апрѣля 1797 г., прелиминарный мирный договоръ. Австрія совершенно отказалась отъ Бельгіи, уступила Франціи всѣ свои итальянскія владѣнія до Ольвіо и признала цизальпинскую республику. Территорія же отъ Ольвіо до По осталась за нею, а для заключенія мира съ Германской имперіей долженъ былъ состояться особый конгрессъ.

Теперь Австрія, заявившая нѣсколько недѣль тому назадъ, что она не знаетъ французской республики, сама предложила признать республику. Бонапартъ отвергъ это предложеніе и сказалъ: „Французская республика сама себя признала. *Не признавать ее—это все равно что не признавать существованія солнца среди яснаго дня*“. Австрійскіе дипломаты должны были безпрекословно снести это униженіе.

Такимъ образомъ, большая коалиція Питта была теперь совершенно разбита, и на полѣ сраженія были уже лишь Англія съ Португаліей. Но, при всѣхъ пораженіяхъ на сушѣ, Питтъ оставался побѣдителемъ на морѣ. Испанскій флотъ подъ начальствомъ адмирала Кордовы готовился въ началѣ 1797 г. отплыть въ Брестъ, чтобы тамъ соединиться съ французскимъ флотомъ. У мыса Сэнъ-Винсента на него напалъ болѣе слабый англійскій флотъ подъ начальствомъ адмирала Джервиса (Jarvis); онъ былъ разбитъ и съ большими потерями долженъ былъ вернуться назадъ. Голландскій флотъ, вышедшій изъ Текселя подъ начальствомъ Винтера, также былъ совершенно разбитъ старымъ англійскимъ адмираломъ Дэнкэномъ (Duncan) у Кампердуины и отброшенъ назадъ въ Тексель, причемъ англичане захватили половину голландскихъ кораблей.

Но Бонапартъ нанесъ старымъ державамъ другой чувствитель-

ный ударъ; онъ бросился на старинную аристократическую республику Венецію, раздражившую его своими вооруженіями. Это, нѣкогда столь славное и могущественное государство прогнило до мозга костей; развращенный народъ его томился подъ деспотизмомъ спѣсиваго патриціата. Если Бонапартъ не имѣлъ права уничтожать это старое государство, то и патриціанская республика уже не имѣла права на существованіе. Здѣсь столкнулись сила и коварство, и сила побѣдила.

Предлогъ для нападенія на Венецію легко нашелся у Бонапарта: венеціанцы противъ него вооружались, кровавымъ образомъ подавили нѣсколько демократическихъ возстаній и преслѣдовали сторонниковъ французовъ. Случилось такъ, что въ Веронѣ произошелъ кровавый конфликтъ, причемъ населеніе города и страны по незначительному поводу поднялось противъ французовъ, съ жестокостью избило больныхъ во французскихъ лазаретахъ, а также женщинъ и дѣтей въ ихъ обозѣ. Французы подвергли городъ бомбардировкѣ изъ занятой ими крѣпости; на третій день вступили французскія войска и устроили кровавую расправу. Такъ возрастало озлобленіе съ обѣихъ сторонъ. Въ леобенскомъ договорѣ Бонапартъ обѣщалъ венеціанской республикѣ вознагражденіе за ея территорію, уступленную Австріи; теперь онъ въ рѣзкомъ письмѣ осыпалъ дожа упреками за то, что этотъ послѣдній отплатилъ ему неблагодарностью за его великодушіе. Однако, Бонапартъ навѣрное заранѣе имѣлъ намѣреніе не соблюдать статьи леобенскаго договора, относившейся къ Венеціи. Онъ послалъ въ Венецію своего адъютанта Жюно, который держалъ себя передъ трепещущимъ сенатомъ со всей рѣзкостью завоевателя. Сенатъ отправилъ депутацію къ генералу Бонапарту, который встрѣтилъ ее громовой рѣчью и упрекалъ Венецію за всѣ ея историческіе грѣхи. Бонапартъ сказалъ, что онъ, наконецъ, отопретъ пресловутые инквизиціонные казематы, раскроетъ свинцовыя кровли и разрушитъ мостъ слезъ; въ Венеціи должна быть свобода мысли и слова. Если венеціанцы не сложатъ оружія, то онъ уже самъ разоружитъ ихъ. „*Ваше правленіе устарѣло*“, сказалъ онъ въ концѣ своей рѣчи:—„*оно должно совершенно исчезнуть*“.

Трусливые и трепещущіе патриціи заикнулись было о золотѣ и вознагражденіи, но Бонапартъ закричалъ на нихъ: „Если бы вы могли предложить мнѣ всѣ сокровища Перу, если бы вы могли покрыть золотомъ всю землю, то и это еще не вознаградило бы за пролитую французскую кровь!“

Генералъ не очень-то серьезно говорилъ такія рѣчи, но онъ хорошо сыгралъ свою комедію. Венеціи была объявлена война. Венеціанскіе патриціи попытались купить неприкосновенность своего государства; они послали директоріи большую сумму денегъ съ выгодными предложеніями. Но Бонапартъ перехватилъ корреспонденцію, и

директорія больше не рѣшалась вмѣшиваться. Генералъ поступалъ, какъ настоящій диктаторъ.

Столкновеніе одного французскаго судна съ венеціанскими береговыми баттареями ускорило начало враждебныхъ дѣйствій, и французы двинулись на Венецію, взявшую для своей защиты славонскихъ наемниковъ. На морскомъ берегу устроены были баттареи, и среди грома пушекъ дрожащій венеціанскій сенатъ обсуждалъ, что дѣлать. Онъ рѣшилъ измѣнить конституцію въ демократическомъ смыслѣ. Тутъ возникли смуты въ городѣ; реакціонное населеніе поднялось противъ демократіи, славонскіе наемники стали ненадежными,—тогда сенатъ рѣшилъ впустить французовъ въ городъ для возстановленія спокойствія. 3000 французовъ вступили въ городъ и возстановили спокойствіе, но этимъ былъ положенъ и конецъ венеціанской республикѣ. Она была объявлена уничтоженой, и территорія ея присоединена частью къ Австріи, а частью къ цизальпинской республикѣ. Іонические острова, принадлежавшіе Венеціи, были заняты французскимъ флотомъ.

Внутреннее разложеніе Венеціи очень ускорило паденіе этой старой республики. Въ это же время пало и старое, аристократическо-республиканское государство, Генуя. Патриціанское правительство этой республики пыталось обезпечить свой нейтралитетъ крупной суммой денегъ. Но демократія, поддерживаемая французскимъ посломъ, была очень неугомонна, и въ маѣ 1797 г. здѣсь вспыхнуло возстаніе противъ аристократіи. Сельское населеніе явилось на помощь аристократіи, и въ городѣ разыгралась кровавая борьба, въ которой демократія была бы разбита, если бы не вмѣшались французы. Французы заняли городъ и всю генуэзскую землю и превратили ее въ одну изъ республикъ-дочерей Франціи съ конституціей, составленной самимъ Бонапартомъ. Ее назвали лигурійской республикой.

Тѣмъ временемъ снова начались мирные переговоры въ Кампо-Формію близъ Удины. Австрійцы, желавшіе дипломатическими хитростями снова вернуть себѣ часть того, что было утрачено ими на полѣ битвы, требовали возвращенія Мантуи и грозили вмѣшательствомъ Россіи. Но Бонапартъ показалъ, что онъ по хитрости вполнѣ можетъ тягаться съ австрійскимъ дипломатомъ Кобентцлемъ, и, наконецъ, пустилъ въ ходъ грозныя рѣчи. Когда Кобентцль снова сталъ грозить вмѣшательствомъ Россіи, молодой французскій полководецъ въ порывѣ гнѣва схватилъ дорогую вазу, подаренную русской императрицей Екатериною II и украшавшую карнизъ кампо-формійскаго замка. Онъ бросилъ эту вазу на полъ съ такой силою, что она разлетѣлась въ куски, и воскликнулъ: „*Хорошо же! Перемиріе кончилось и война объявлена. Но берегитесь: я разобью вашу имперію на столько же кусковъ, сколько черепковъ валяется здѣсь!*“ Тогда Кобентцль уступилъ, и 17 октября 1797 года былъ заключенъ

кампо-формійскій миръ. Этотъ миръ имѣлъ чрезвычайно важныя послѣдствія; онъ преобразилъ верхнюю Италію и произвелъ рядъ измѣненій на западной границѣ германской имперіи. Австрія признала батавскую и лигурійскую республики и получила Венецію, Истрію и Далмацію. Франція же удержала Іоническіе острова. За то Франція получила весь лѣвый берегъ Рейна, и Австрія дала свое согласіе на вознагражденіе имперскихъ князей посредствомъ секуляризаціи духовныхъ владѣній, и медіатизаціи имперскихъ городовъ. Австрійскія войска должны были очистить германскую имперію и имперскія крѣпости. Затѣмъ въ Раштатѣ собрался конгрессъ, представлявшій собою обычное зрѣлище дипломатическихъ интригъ. Весь 1798 годъ занятъ былъ на этомъ конгрессѣ переговорами и интригами, причемъ французы держали себя рѣзко и грубо, а германскіе послы избрали менѣе выгодную роль приниженности и смиренія. Раштатскій конгрессъ, трактовавшій на основаніи кампо-формійскаго мира, не привелъ ни къ какимъ результатамъ и закончился страшнымъ и позорнымъ преступленіемъ,—убійствомъ французскихъ пословъ.

Такъ побѣды юнаго генерала преобразили среднюю Европу. Имя Бонапарта пролетѣло по всѣмъ странамъ, и новая яркая звѣзда уже затмила другія славныя имена. Господствующіе классы Франціи были опьянены блескомъ его побѣдъ. Многіе уже предчувствовали въ немъ человѣка будущаго. Но пока еще всѣ партіи надѣялись на него. Демократы причисляли къ своимъ этого популярнаго генерала, бывшаго нѣкогда другомъ якобинцевъ; аристократы угадывали въ его самоувѣренномъ поведеніи тайные планы относительно возстановленія королевской власти. Но люди дальновидные понимали, что этотъ человѣкъ не станетъ загребать жаръ для другихъ; его властное и диктаторское поведеніе выдавало его смѣлые планы.

Вся политическая жизнь Франціи сосредоточилась въ палатахъ и парижскихъ клубахъ, такъ какъ народная масса не проявляла уже безусловно никакого интереса къ дѣламъ правленія и управленія государствомъ. Многіе изъ впечатлительныхъ французовъ въ увлеченіи побѣдами Бонапарта забыли все остальное; народъ, бѣдствія котораго эти побѣды смягчали столь же мало, какъ и раньше казни времени ужаса, молча смотрѣлъ на смѣну партій у власти.

Государственный переворотъ снова придалъ мужество демократамъ, такъ какъ роялисты, пораженные тяжелымъ ударомъ, вездѣ были обречены на бездѣйствіе. Думали, что директорія постарается упрочить свое положеніе укрѣпленіемъ демократіи, такъ какъ ей еще только что пришлось защищаться отъ роялистическихъ комплотовъ. Но эта надежда оказалась ложной: директоры продолжали свою прежнюю, странную и гибельную политику. Едва лишь нѣсколько

упрочилось положеніе директоріи, она снова выступила противъ демократовъ, которыхъ она, съ цѣлью устрашить пугливое мѣщанство, называла анархистами. Дополнительные выборы на мѣста исключенныхъ членовъ палатъ совершенно произвольно откладывались директоріей, пользовавшейся для этого диктаторскою властью, данною ей 18 фрюктидора.

Демократы, въ противоположность республиканцамъ директоріи, вступили теперь на тотъ же путь, на которомъ еще только что роялисты потерпѣли столь большую неудачу; они хотѣли парламентскимъ путемъ возстановить конституцію 1793 года, между тѣмъ какъ республиканцы стояли за конституцію III года.

Всѣ махинаціи директоріи не могли остановить развитія демократической партіи. Директорію теперь ненавидѣли и имущіе классы, такъ какъ она вынуждена была финансовыми затрудненіями прибѣгнуть къ террористическимъ мѣропріятіямъ противъ богатыхъ. Милліоны, посылаемые Бонапартомъ, могли удовлетворить лишь малую часть потребностей этого задолжавшагося правительства; бумажныя деньги вскорѣ снова упали до самаго низкаго курса, и кредитъ директоріи равнялся нулю. При такомъ тяжеломъ положеніи прибѣгли къ принудительному займу въ 80 милліоновъ, чтобы достать средства для вооруженія армій; сверхъ того, еще было введено много новыхъ налоговъ. Къ платежу привлекли только богатыхъ, потому что съ обобраннаго и голоднаго народа уже немного можно было взять. Но всѣ эти финансовыя мѣропріятія, какъ ни обременительны они были для тѣхъ, на кого они распространялись, всегда имѣли одинаково жалкіе результаты, и директорія оставалась безъ денегъ, безъ кредита и безъ уваженія.

Изъ директоріи вышелъ Франсуа де-Нефшато, и на его мѣсто былъ избранъ Трельяръ, республиканецъ, сидѣвшій въ „болотѣ“ конвента и впослѣдствіи оказавшій большія услуги при разработкѣ „Code pénal“.

Демократическая партія получила въ это время сильное распространеніе, и новые выборы, которыхъ дольше уже нельзя было оттягивать, провели въ палаты значительное число демократовъ. Директорія, неспособная мудрой, экономной и искусной политикой обезоружить оппозицію, испугалась, что эта перемѣна приведетъ къ уничтоженію конституціи III года, хотя и легальнымъ, парламентскимъ путемъ. Вслѣдствіе этого правительство снова прибѣгло къ насильственной мѣрѣ, на которую, впрочемъ, послѣ 18 фрюктидора ей было дано право ея чрезвычайными полномочіями. 11 мая 1798 г. (22 флореаля VI г. респ.) директорія кассировала всѣ непріятные ей демократическіе выборы и замѣнила депутатовъ кандидатами республиканскаго меньшинства.

Это насиліе еще разъ продлило существованіе директоріи, зави-

сѣвшее отъ безпочвенной и нарушенной ею конституціи. Однако въ общественномъ мнѣніи это жалкое правительство, могшее держаться лишь нечистыми средствами, падало все ниже и ниже, и если бы изнуренный революціей народъ не былъ такъ равнодушенъ ко всѣмъ политическимъ дѣламъ, то дни директоріи были бы сочтены. Но теперь она, презираемая всѣми партіями, продолжала влачить свое существованіе.

Новые выборы 1799 г. дали значительное большинство демократической партіи въ совѣтѣ пятисотъ; въ совѣтѣ же старѣйшинъ эта партія стала сильнымъ и рѣшительнымъ меньшинствомъ. Директорія уже не рѣшалась такъ безцеремонно кассировать выборы, какъ прошлый разъ, — тѣмъ болѣе, что и въ ея составѣ произошла перемѣна. Ревбелль долженъ былъ по жребію выйти изъ директоріи, и его мѣсто занялъ человѣкъ, политическія превращенія котораго привели въ забвеніе его большія заслуги въ 1789 г., именно, — аббатъ Сійесъ. Этотъ бывшій дворянинъ притаился во время бурь революціи и молчалъ, когда было опасно говорить. Во время директоріи, избраніе въ которую онъ отклонилъ, онъ получалъ дипломатическія миссіи и въ качествѣ французскаго посла въ Берлинѣ пріобрѣлъ репутацію ловкаго политическаго интригана. Онъ придумывалъ новую конституцію, которая явилась бы вполнѣ своеобразной, и отрывки которой онъ время отъ времени сообщалъ своимъ друзьямъ. Благодаря своей замкнутости и высокомѣрію, онъ слылъ за большого государственнаго человѣка. Теперь Сійесъ думалъ, что время его настало, вообразивъ, что ему придется еще сыграть важную роль въ исторіи Франціи. Его конституціонныя идеи, повидимому, содержали соотвѣтствовавшія времени заимствованія изъ всѣхъ политическихъ системъ. Сійесъ дѣлалъ видъ, что онъ склоняется къ демократической партіи, и ему удалось пріобрѣсти вліяніе, такъ какъ къ нему примкнули многіе республиканцы, ожидавшіе отъ него рѣшенія конституціоннаго вопроса. Такъ образовалась партія Сійеса, занявшая середину между республиканцами и демократами.

Въ самой директоріи произошелъ раздоръ, который долженъ былъ парализовать дѣятельность правительства. За сохраненіе конституціи III года стояли Ляревелльеръ-Лепо, Трельяръ и Мерленъ изъ Дуэ; тщеславный Сійесъ стоялъ за свою собственную, еще не вполнѣ выработанную конституцію, а распутный Барра въ это время уже велъ переговоры съ Бурбонами съ цѣлью уничтоженія республики.

Въ палатахъ партіи тоже передвинулись. Въ совѣтѣ старѣйшинъ большинство принадлежало партіи Сійеса; республиканцы здѣсь были слабы, демократы составляли сильное меньшинство. Въ совѣтѣ же пятисотъ демократамъ принадлежало подавляющее большинство, а республиканцы и партія Сійеса были слабы.

Демократы и партія Сійеса дѣйствовали теперь вмѣстѣ противъ

конституціи III года и ея сторонниковъ. Они прежде всего свергли Трельяра, доказавъ, что при выборѣ его въ директорію было допущено нарушеніе формальностей. Вмѣсто Трельяра былъ избранъ Гоіе (Gohier), демократъ, человѣкъ честный, но незначительный и слабый, который былъ министромъ юстиціи въ 1793 году и въ качествѣ президента различныхъ судовъ тоже не особенно отличился своей мудростью. Барра въ это время не подвергался нападеніямъ, потому что его измѣна была еще неизвѣстной, и онъ такъ льстилъ всѣмъ партіямъ, что всѣ считали его своимъ. Тѣмъ рѣзче нападали демократы и партія Сійеса на остальныхъ двухъ директоровъ: Мерлена изъ Дуэ и Ляревелльера-Лепо. Ихъ осыпали оскорбленіями и открыто требовали ихъ выхода изъ директоріи. „Отчего", восклицалъ демократическій депутатъ Бертранъ въ совѣтѣ пятисотъ: „отчего вы колеблетесь доставить вашимъ выходомъ высшему учрежденію республики единство принциповъ и стремленій? Вы уже не пользуетесь довѣріемъ даже тѣхъ низкихъ льстецовъ, которые вырыли вашу политическую могилу. Закончите же вашу каррьеру актомъ самоотверженія, который сумѣетъ оцѣнить добродушіе истинныхъ республиканцевъ".

Мерленъ и Ляревелльеръ-Лепо вынуждены были оставить свои мѣста въ директоріи и вышли изъ нея 18 іюня 1799 г. (30 прэріаля VII). На мѣсто ихъ демократы провели въ директорію генерала Мулена, а партія Сійеса—Роже-Дюко.

Такимъ образомъ, противники конституціи III года были вездѣ въ большинствѣ. Въ директоріи Сійесъ и Роже-Дюко, опиравшіеся на большинство совѣта старѣйшинъ и имѣвшіе связи съ арміей, составляли противовѣсъ Мюлену и Гоіе, которые опирались на большинство совѣта пятисотъ. Предатель Барра казался единственнымъ сторонникомъ конституціи, но онъ такъ же мало дорожилъ ею, какъ и остальные. Большинство въ обѣихъ палатахъ было противъ конституціи. Демократы основали новый клубъ, клубъ манежа, устраивавшій свои засѣданія въ манежѣ, гдѣ нѣкогда засѣдало учредительное собраніе. Здѣсь снова собирались уцѣлѣвшіе якобинцы, и держались рѣзкія рѣчи, показывающія, какъ значительно усилилось демократическое движеніе. Но и роялизмъ тоже зашевелился. Демократическая партія провела очень строгій законъ противъ роялистовъ. Законъ о заложникахъ, какъ называли это террористическое мѣропріятіе, предоставлялъ властямъ арестовывать и конфисковать имущества всѣхъ родственниковъ тѣхъ эмигрантовъ и бывшихъ дворянъ, которые производили смуты гдѣ бы то ни было. Въ случаѣ убійства гражданина, купившаго національныя имущества, и если убійца его не отысканъ, должны были высылаться изъ Франціи четыре родственника какого-либо эмигранта. Арестованные и родные эмигрантовъ стали не только отвѣтственны своимъ имуществомъ за убытки, причиняемые роялисти-

ческими смутами, но и должны были также платить вознагражденіе за содержаніе эмигрантовъ и т. д.

Такимъ образомъ, родные эмигрантовъ отвѣчали своимъ имуществомъ за поведеніе эмигрантовъ за границею. Эта суровая мѣра привела въ движеніе роялистовъ, и Вандея снова возстала. На югѣ тоже возникли роялистическіе бунты.

Среди этой всеобщей неурядицы ясно было со всей очевидностью лишь одно,—что паденіе конституціи III года неизбѣжно. Демократы дѣйствовали очень энергично и надѣялись на ближайшихъ выборахъ одержать полную побѣду. Сійесъ, предвидѣвшій побѣду демократовъ на выборахъ, задумываетъ государственный переворотъ по образу 18 фрюктидора, который долженъ былъ доставить власть ему и его партіи и этимъ дать возможность осуществленія его химерическихъ плановъ.

Честолюбивый аббатъ уже видѣлъ въ себѣ будущаго властелина Франціи и сталъ учиться верховой ѣздѣ, чтобы умѣть разыгрывать роль диктатора „на лошади". Но этотъ пустой и безпринципный человѣкъ оказался неспособнымъ стать наслѣдникомъ революціи. Въ тотъ моментъ, когда онъ уже думалъ, что власть досталась ему, она была вырвана у него сильной рукою безцеремоннаго солдата, — который научился ѣздить верхомъ раньше и лучше, чѣмъ аббатъ Сійесъ.

Когда Голландія, какъ мы видѣли, была превращена въ батавскую республику, въ ней было созвано учредительное національное собраніе, открытое въ началѣ 1796 г. Оно выработало конституцію, совершенно подобную французской конституціи III года. Но въ Голландіи существовала многочисленная демократія, которая была недовольна негодной директоріальной конституціей и склонялась къ конституціи 1793 г. Народная масса была настроена демократически, потому что, когда директоріальная конституція была предложена на голосованіе въ первичныхъ собраніяхъ, народъ отвергъ ее. Но французская директорія безусловно хотѣла, чтобы конституція III года была введена и въ Голландіи, и генералъ Дэндельсъ, главнокомандующій французскихъ войскъ въ Голландіи, получилъ приказаніе ввести ее силою. Дэндельсъ, суровый солдатъ, голландецъ по происхожденію, отличившійся въ возстаніи 1795 г., велѣлъ просто арестовать и посадить въ тюрьму двадцать двухъ вліятельныхъ демократическихъ членовъ голландскаго учредительнаго собранія. Этотъ безцеремонный государственный переворотъ совершенно подавилъ голландскую демократію. Народъ сталъ равнодушнымъ къ политическимъ перемѣнамъ. Онъ спокойно смотрѣлъ, какъ національное собраніе учредило новую конституціонную комиссію и установило временное правительство изъ пяти человѣкъ.

Эта комиссія приняла конституцію III года, и реакціонное голландское національное собраніе, въ подражаніе конвенту, избрало будущія палаты и директорію изъ своей среды. Однако, новое правительство заявило себя столь реакціоннымъ, что у парижской директоріи возникло опасеніе, какъ бы Англія не встрѣтила здѣсь поддержки для своихъ опасныхъ интригъ. Поэтому директорія поручила генералу Дэндельсу снова произвести государственный переворотъ: онъ долженъ былъ теперь свергнуть реакціонную директорію Голландіи. Дэндельсъ, слѣпое орудіе власть имущихъ, исполнилъ данное ему приказаніе съ прежней хитростью и грубостью. Онъ пригласилъ директоровъ къ себѣ въ гости и во время пирушки объявилъ имъ, что они смѣщены и арестованы. Во время суматохи, возникшей при этомъ, два изъ нихъ бѣжали. Дэндельсъ распорядился теперь о выборѣ новаго національнаго собранія, которому онъ велѣлъ избрать новыя палаты и директорію. Такъ умиротворена была Голландія, и ея „свобода“ была совершенно въ такомъ же положеніи, какъ и „свобода“ французовъ при ихъ директоріальной конституціи.

Въ Швейцаріи, примыкающей къ юго-западной границѣ Франціи, революція скоро отразилась въ различныхъ движеніяхъ. Швейцарскій народъ, нѣсколько столѣтій тому назадъ славно завоевавшій и защищавшій свою свободу, находился въ самой тяжелой зависимости отъ швейцарской аристократіи, которая вездѣ захватила правительственную власть въ свои руки. Эта пестрая республика, кантоны которой лишь слабо объединялись общимъ сеймомъ, обсуждавшимъ только внѣшнія политическія дѣла, имѣла еще совершенно средневѣковый видъ. Со взрывомъ великаго переворота во Франціи и швейцарцы мѣстами пытались стряхнуть съ себя иго правящей аристократіи. Такъ, уже въ 1792 г. базельцы прогнали своего епископа. Но аристократія пока подавила демократическія движенія, и многіе демократы должны были отправиться въ изгнаніе.

Однако, демократическія идеи продолжали распространяться, и два человѣка прежде всего подготовляли преобразованіе: оберцунфтмейстеръ Петръ Оксъ въ Базелѣ и адвокатъ Цезарь Лагарпъ въ Ваадтландѣ (Ваадтъ, Во). Лагарпъ, несмотря на свои республиканскія убѣжденія, былъ приглашенъ русской императрицей Екатериной II въ воспитатели ея внука, впослѣдствіи императора Александра I. Вернувшись изъ Россіи, Лагарпъ скоро сталъ въ рѣшительную оппозицію къ аристократическому правительству Берна, угнетавшему Ваадтландъ. Агитація Лагарпа много способствовала тому, что Ваадтландъ въ концѣ 1797 г. возсталъ въ надеждѣ на помощь Франціи: примѣру его послѣдовали и нѣкоторые другіе кантоны. Ваадтъ, Базель, Шаффхаузенъ, Аппенцелль и Валлисъ принадлежали къ демократическимъ или революціоннымъ кантонамъ, Бернъ же, Цюрихъ, Солотурнъ, С. Галленъ, Ури, Швицъ, Люцернъ, Унтервальденъ, Цугъ, Гларусъ и Грау-

бюнденъ оставались реакціонными или лишь въ незначительной части демократическими.

Бернскіе аристократы готовились усмирить возставшій Ваадтландъ оружіемъ. Но тутъ вмѣшалась парижская директорія, давно уже бросавшая жадные взоры на Швейцарію, и объявила, что если бернскія войска вступятъ въ Ваадтландъ, то она сочтетъ это за casus belli. Французскій корпусъ подъ начальствомъ генерала Меснара сталъ на ваадтландской границѣ.

Бернъ все-таки рѣшился на борьбу, хотя его шультгейссъ (глава правительства, президентъ. *Перев.*), Штейгеръ, чувствовалъ, что аристократическое правленіе во всякомъ случаѣ должно будетъ уступить революціонному духу времени. Бернскія войска подъ начальствомъ генерала Вейсса вступили въ Ваадтландъ, куда явились также и французы и сейчасъ же объявили объ учрежденіи Леманской республики.

Директорія съ радостью воспользовалась случаемъ вмѣшаться въ швейцарскія дѣла и немедленно послала въ Швейцарію двѣ арміи. Шауэнбургъ вступилъ въ Швейцарію черезъ Базель, Брюнъ — изъ Италіи. Брюну надлежало взять корпусъ Меснара, соединиться съ Шауэнбургомъ и пойти на Бернъ. Бернское правительство выставило значительную армію подъ начальствомъ генерала Эрлаха изъ Гиндэльбанка. Но какъ ни мужественно сражались швейцарцы, они должны были уступить болѣе искусной тактикѣ французовъ; въ двойной стычкѣ при Фрауэнбруннѣ и Нэйенэггѣ они были совершенно разбиты и разсѣяны. Эрлаха и Штейгера аристократы обвиняли въ измѣнѣ, и Штейгеръ бѣжалъ въ Австрію, Эрлахъ же былъ убитъ во время отступленія нѣсколькими фанатичными швейцарцами.

Французы заняли почти всю Швейцарію и въ наказаніе обложили аристократовъ и ихъ сторонниковъ тяжелыми контрибуціями. Лагарпъ и Оксъ воспользовались случаемъ для преобразованія Швейцаріи, и Оксъ выработалъ новую конституцію, которая и была одобрена директоріей. Она была торжественно провозглашена 12 апрѣля 1798 г. Эта конституція превратила Швейцарію въ цѣльное государство, состоявшее изъ 18 кантоновъ. Женева была присоединена къ Франціи. Конституція была составлена по образцу французской конституціи III года и имѣла всѣ недостатки этой послѣдней, однако она все-таки была прогрессомъ, въ области между-кантональныхъ отношеній сравнительно съ прежнимъ порядкомъ. Казалось, что большинство швейцарцевъ довольны этой конституціей, освободившей ихъ отъ личной зависимости и уничтожившей привиллегіи и власть патриціанскихъ и аристократическихъ родовъ.

Но во многихъ кантонахъ духовенство возбуждало народъ противъ французовъ, какъ „безбожниковъ“, „сыновъ дьявола“ и „святотатцевъ“. Потомки героевъ Маргартена и Семпаха дѣйствительно вѣрили, что они окажутъ услугу человѣчеству, если послушаются

своего духовенства и съ оружіемъ въ рукахъ будутъ защищаться отъ новой конституціи. Такъ фанатизмъ духовенства возбудилъ въ мирныхъ долинахъ Швейцаріи кровавую войну. Генералъ Шауэнбургъ двинулся противъ возставшихъ, которые сражались съ античнымъ мужествомъ, но тѣмъ не менѣе вездѣ были разбиты. Кантонъ за кантономъ сдавались. Послѣдними боролись еще съ Шауэнбургомъ Швицъ, Ури и Унтервальденъ подъ предводительствомъ ландамманна (глава кантональнаго правительства, президентъ—*Перев.*) Алоиза Рединга, но были разбиты при Моргатенѣ и заключили въ Айнзидельнѣ договоръ, которымъ они присоединились къ гельветической республикѣ. Казалось, что теперь Швейцарія можетъ спокойно заняться устройствомъ своихъ внутреннихъ дѣлъ. Но духовенство и старая аристократія мѣшали этому. Когда надо было присягать на вѣрность новой конституціи, католическое духовенство снова призвало народъ къ противодѣйствію, и старые кантоны еще разъ ринулись въ истребительную борьбу. Во главѣ ихъ сталъ Унтервальденъ и онъ одинъ только выставилъ 1.200 человѣкъ. Шауэнбургъ поспѣшилъ сюда и у Станцштадта произошла яростная битва, продолжавшаяся три дня. Швейцарцы дрались отчаянно, и битва была отвратительна сверхъ всякой мѣры, такъ какъ обѣ стороны не щадили раненыхъ и истребляли ихъ со всей жестокостью. Среди швейцарцевъ сражалось много женщинъ и 80 изъ нихъ пало на полѣ битвы. Наконецъ, Шауэнбургъ одолѣлъ отчаяннаго противника. 4.000 труповъ лежало на полѣ битвы, вся мѣстность была опустошена, Станцштадтъ сожженъ. Противодѣйствіе Унтервальдена было сломлено, и побѣжденные принуждены были дать клятву на вѣрность конституціи. Правительство гельветической республики имѣло мѣстопребываніе въ Люцернѣ, но партійная борьба была перенесена съ поля битвы на парламентскую почву.

Безцеремонная политика директоріи и фанатизмъ католическаго духовенства въ Швейцаріи сдѣлали все, что могли, чтобы покрыть цвѣтущія долины старыхъ кантоновъ грудами дымящихся развалинъ и превратить ихъ въ пустыни.

Въ Италіи директорія вынуждена была изъ вниманія къ Австріи и Испаніи пока не касаться Тосканы и Пармы. Зато она принялась теперь за Церковную Область, купившую свой нейтралитетъ у генерала Бонапарта. Въ среднихъ классахъ римскаго населенія замѣчено было рѣшительное республиканское направленіе. Въ самомъ Римѣ городское населеніе было вполнѣ республиканскимъ, тогда какъ невѣжественное населеніе предмѣстій, находившееся подъ сильнымъ вліяніемъ духовенства и подстрекаемое имъ, было проникнуто раболѣпіемъ и фанатической ненавистью къ французской революціи.

Жозефъ Бонапартъ, старшій братъ генерала, былъ назначенъ французскимъ посломъ въ Римѣ и всѣми мѣрами старался поддерживать республиканское движеніе. 28 декабря 1797 г. 300 римскихъ

республиканцевъ собрались въ отелѣ французскаго посла. Голытьба изъ Трастевере, нанятая и подстрекаемая дворянствомъ и духовенствомъ, съ шумомъ и гамомъ окружила отель, и папская гвардія не воспрепятствовала этому. Жозефъ Бонапартъ съ генераломъ Дюфо и нѣсколькими вооруженными римлянами вышелъ для возстановленія спокойствія. Но когда они выступили изъ воротъ, раздался залпъ, направленный въ нихъ, и генералъ Дюфо палъ мертвымъ. Тогда Жозефъ Бонапартъ уѣхалъ, и директорія воспользовалась представившимся, наконецъ, случаемъ послать въ церковную область армію подъ начальствомъ генерала Бертье. 15 февраля 1798 г. Римъ былъ занятъ и объявлена римская республика, получившая, какъ и всѣ подобныя республики, конституцію, составленную по образцу конституціи III года. Престарѣлый папа, Пій VI, былъ взятъ въ плѣнъ и пересылался съ мѣста на мѣсто; наконецъ, его отправили въ Венецію, гдѣ онъ и умеръ.

Преемникомъ Бертье въ начальствованіи надъ этой арміей былъ генералъ Массена, сильно озлобившій римское духовенство конфискаціей золотыхъ и серебряныхъ церковныхъ сосудовъ. Массена былъ суровый солдатъ, пользовавшійся столь же дурной репутаціей за свои грабежи, какъ и большой славой за свою храбрость и таланты военачальника. Контрибуцію, возложенную на римлянъ, онъ взималъ безъ всякой пощады. Духовенство кричало о святотатствѣ и возбуждало трастеверское населеніе, такъ что во время одной непродолжительной отлучки Массены дѣло дошло до кровопролитной уличной борьбы, продолжавшейся нѣсколько дней, пока французы, наконецъ, не перебили картечью множества римлянъ и не принудили ихъ покориться. Директорія, однако, смѣнила Массену.

Пьемонтъ директорія захватила очень коварнымъ способомъ. Сардинскій король, Карлъ-Эмануилъ II, подавилъ одно республиканское возстаніе въ своей странѣ и велѣлъ казнить предводителей возстанія. Вслѣдствіе этого лигурійская и цизальпинская республики объявили ему войну. Директорія предложила королю защиту отъ республикъ-дочерей, и Карлъ-Эмануилъ по глупости или изъ трусости принялъ это предложеніе. Защита Франціи была ему обѣщана, но онъ долженъ былъ отдать свою единственную крѣпость, туринскую цитадель, которая и была занята генераломъ Жубером. Съ началомъ большой коалиціонной войны, этотъ государь, ведшій тайныя сношенія съ другими дворами противъ Франціи, былъ изгнанъ изъ своей страны.

Къ этимъ ново-созданнымъ государствамъ прибавилась еще партенопейская республика въ Неаполѣ, о которой мы будемъ говорить ниже.

Эти республики-дочери не имѣли серьезнаго значенія и существовали не долго. Новыя государства образовывались не за тѣмъ, чтобы доставить ихъ населенію свободу, которой не было уже и у

самихъ французовъ. За свободу, братство шли на войну въ 1792 и 1793 гг. Директорія же вела обыкновенную завоевательную политику и посылала свои войска для захвата богатствъ въ завоеванныхъ земляхъ. Внѣшняя политика директоріи была смѣсью безцеремонности, коварства и жадности.

Наполеонъ Бонапартъ.

Молодой полководецъ, побѣдоносное оружіе котораго привело въ трепетъ гордую Австрію, окончилъ свои дѣла въ Италіи и долженъ былъ отправиться на раштатскій конгрессъ, гдѣ онъ готовился выступить въ качествѣ перваго посла французской республики. Бонапарту было тогда 28 лѣтъ. Характеръ его представляетъ рѣдкое и оригинальное соединеніе пламенной страстности и холодной расчетливости. Генералъ, сражавшійся въ столь многихъ битвахъ, основывавшій государства, ведшій обширные дипломатическіе переговоры, все еще находилъ при этомъ время писать своей женѣ, креолкѣ Жозефинѣ, самыя нѣжныя письма, украшенныя всѣмъ пыломъ юношеской любви. Очевидно, онъ тогда искренно любилъ эту красивую, интересную женщину, прошлое которой было не безъ пятенъ. Мы приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ сохранившихся писемъ его, чтобы показать, какъ этотъ замѣчательный человѣкъ, среди своихъ грандіозныхъ военныхъ передвиженій, среди битвъ, мечталъ о своей красавицѣ-женѣ. Въ началѣ похода 1796 г. онъ писалъ ей:

„Какими чарами удалось вамъ полонить меня и все духовное существо мое соединить съ собою? Это очарованіе, любовь моя, кончится лишь съ моей жизнью. Жить для Жозефины—въ этомъ вся исторія моей жизни. Всѣ желанія мои направлены на то, чтобы быть возлѣ васъ... Человѣчество опротивѣло мнѣ, я почти готовъ ненавидѣть его: оно отрываетъ меня отъ любви сердца моего!.. Я въ Портъ-Морисѣ, завтра я буду въ Альбенгѣ: обѣ арміи въ движеніи. Мы стараемся обойти другъ друга,—побѣда за тѣмъ, кто лучше поведетъ свою игру!—Я очень доволенъ Больё; если онъ доставилъ мнѣ много хлопотъ, то онъ лучше своего предшественника. Надо думать я дамъ ему хорошій урокъ. Вы не безпокойтесь обо мнѣ, любите меня, какъ зеницу ока своего,—нѣтъ, этого мало,—какъ себя самое, больше, чѣмъ себя, какъ свою мысль, свою душу, свой видъ, свое все! Моя любовь, простите мнѣ,—я изнемогаю. Природа слишкомъ слаба для того, кто сильно чувствуетъ, кто любитъ васъ!“

Черезъ тринадцать лѣтъ онъ удалилъ отъ себя женщину, которой теперь клялся любить лишь ее одну. Но человѣкъ, который могъ предаваться такимъ аркадскимъ мечтаніямъ, явился на раштатскомъ

конгрессѣ, какъ настоящій дипломатъ. Онъ поразилъ всѣхъ своими глубоко задуманными комбинаціями и рѣзко устранилъ съ своего пути дипломатовъ старой школы съ той же энергіей, съ какой онъ бралъ приступомъ аркольскій мостъ. Но на этомъ конгрессѣ онъ не долго пробылъ. Директорія призвала его въ Парижъ, куда онъ и прибылъ въ декабрѣ 1797 г.

Привезъ ли онъ съ собою богатства изъ Италіи? Директоріи онъ, по его словамъ, переслалъ пятьдесятъ милліоновъ. Отчета въ полученныхъ деньгахъ у него не спросили. Говорятъ, что по возвращеніи изъ Италіи онъ имѣлъ 300.000,— сумма въ тѣ дни, когда почти всѣ генералы обогащались, сравнительно ничтожная. Четыре милліона, предложенные ему герцогомъ моденскимъ, чтобы пріобрѣсти его покровительство, онъ, говорятъ, отвергъ съ гордыми словами: „я не продамся герцогу моденскому за четыре милліона!“ Мы бы удивились, если бы человѣкъ, вступившій въ Италію съ настоящими грабительскими прокламаціями, лучше не позаботился о себѣ. Если онъ отвергъ семь милліоновъ, предложенныхъ ему Венеціей, то это была столь же хорошо разсчитанная тактика, какъ и отказъ отъ денегъ, предложенныхъ карликовымъ герцогствомъ, которыми Австрія разсчитывала укротить его гигантское честолюбіе.

Награды со стороны государства деньгами или землями генералъ не получилъ: предложенія по этому предмету были отвергнуты съ замѣчаніемъ, что подвиги такого полководца нельзя вознаградить золотомъ. Но зажиточный Парижъ встрѣтилъ человѣка, такъ пріятно польстившаго національному чувству французовъ, съ безмѣрнымъ восторгомъ. Бонапартъ держалъ себя такъ, точно все это само собою разумѣется, хотя и полной грудью вдыхалъ фиміамъ, воскурявшійся ему. Его поведеніе будто разсчитано было на то, чтобы еще больше увеличить интересъ къ покорителю Мантуи. Онъ казался холоднымъ, замкнутымъ, мрачнымъ, избѣгалъ торжествъ и публичныхъ оказательствъ. Онъ обнаруживалъ большое отвращеніе къ навязчивости; это должна была на себѣ испытать г-жа Сталь, старавшаяся приблизиться къ новому свѣтилу; эта дама, считавшая себя гораздо умнѣе, чѣмъ она была въ дѣйствительности, получила отъ честолюбиваго корсиканца рѣзкій, но заслуженный отпоръ.

Мысль о захватѣ государственной власти, безъ сомнѣнія, являлась уже тогда у генерала, хотя онъ тщательно скрывалъ ее. Когда онъ торжественно передавалъ директоріи въ люксембургскомъ дворцѣ кампо-формійскій договоръ, онъ въ своей рѣчи прославлялъ конституцію III года, которую онъ имѣлъ черезъ полтора года уничтожить. Но слабыя стороны жалкаго директоріальнаго правительства, конечно, не могли оставаться для него тайной. Онъ долженъ былъ увидѣть, что эта конституція, все больше и больше увеличивавшая неурядицу,

не можетъ обезпечить Франціи никакого будущаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ видѣлъ, какими безмѣрными симпатіями онъ былъ окруженъ. Если онъ уже и въ это время видѣлъ въ себѣ будущаго властелина Франціи, то не считалъ еще умѣстнымъ сдѣлать рѣшительный шагъ къ пріобрѣтенію власти. Были республиканскіе генералы, мужество и популярность которыхъ могли стать при подобномъ предпріятіи опасными для него.

Рѣшающее значеніе для Бонапарта имѣла явившаяся теперь мысль о нападеніи на Англію на востокѣ. Онъ мечталъ о блестящей и всемірно-исторической роли восточнаго завоевателя. Его пламенная фантазія создавала завоевательные планы, подобные завоеваніямъ Александра Македонскаго. Онъ отложилъ свои планы относительно Франціи и отправился на востокъ.

Питтъ рѣшилъ продолжать борьбу съ французской республикой. Кампо-формійскій миръ не помѣшалъ ему употребить всѣ усилія для образованія второй коалиціи противъ Франціи, послѣ того какъ первая была разстроена побѣдами республики. Англійскіе купцы были очень довольны этой политикой главы своего правительства, потому что собственно расходы такихъ предпріятій, насколько эти расходы нужно было покрывать въ самой Англіи, взваливались на народъ, который долженъ былъ платить также и проценты по громадному государственному долгу, постоянно увеличивавшемуся войнами Питта. Пріобрѣтеніе же новыхъ колоній и расширеніе морского владычества Англіи оживляли ея торговлю, и англійскіе купцы, извлекавшіе изъ этого огромные барыши, считали политику Питта самой умной и искусной въ мірѣ. Такимъ образомъ, постоянно доставались деньги, которыя англійская дипломатія должна была платить своимъ союзникамъ, потому что многіе изъ нихъ воевали лишь за высокую плату. Англійская же дипломатія должна была только возбуждать и поддерживать у большихъ и малыхъ дворовъ ненависть къ французской республикѣ.

Въ Австріи Питтъ уже немедленно послѣ заключенія кампоформійскаго мира началъ свои интриги, и ему удалось побудить габсбургскій домъ къ вступленію въ новую коалицію, хотя Австрія вела въ Раштадтѣ переговоры о заключеніи окончательнаго мира. Съ 1794 г. внѣшней политикою Австріи руководилъ баронъ фонъ Тугутъ, выскочка, которому приличнѣе было бы удержать его прежнюю фамилію—Тунихтгутъ *). Этотъ человѣкъ, у котораго рѣшающее зна-

*) Игра словъ: Thu' gut—значитъ: дѣлай хорошо; Thu' nicht gut — дѣлай не хорошо.

ченіе имѣли англійскія деньги, а не интересы Германіи или Австріи, безъ колебаній послѣдовалъ указанію Питта найти случай для разрыва съ Франціей. Такой случай скоро нашелся. Въ Вѣнѣ праздновалось торжество въ честь одной побѣды, одержанной австрійцами надъ французами. Французскій посланникъ Бернадоттъ, ставшій впослѣдствіи королемъ Швеціи, принялъ это нѣсколько близко къ сердцу и требовалъ, чтобы празднованіе торжества было отмѣнено, такъ какъ Австрія и Франція находятся теперь въ мирѣ. Когда празднество все-таки состоялось, онъ вывѣсилъ на зданіи посольства трехцвѣтное знамя съ надписью: „свобода и равенство". Вѣнцы выбили ему окна; зданіе посольства было опустошено, знамя сорвано и втоптано въ грязь. Полиція не препятствовала всему этому, и фанатизмъ „добродушныхъ" вѣнцевъ могъ разыграться безъ всякихъ стѣсненій. Бернадоттъ не могъ добиться удовлетворенія за это оскорбленіе, и австрійское правительство, сверхъ того, взвалило на него вину во всемъ этомъ происшествіи.

Питтъ воспользовался наступившей натянутостью въ отношеніяхъ между Австріей и Франціей, чтобы привлечь Австрію къ коалиціи; остальное же сдѣлали англійскія деньги у Тугута. Австрія снова соединилась съ Англіей для борьбы съ Франціей. Къ коалиціи присоединилась также и Россія. Императоръ Павелъ I не могъ дружелюбно относиться къ французской республикѣ; сверхъ того, французы въ это время отняли островъ Мальту у павшаго мальтійскаго ордена, великимъ магистромъ котораго сталъ Павелъ; Павелъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ и не замедлилъ послѣдовать призыву Англіи.

Неустанно интригующая дипломатія Питта старалась также присоединить къ коалиціи и Пруссію, но здѣсь она натолкнулась на непреодолимое нежеланіе новой войны. Въ Пруссіи тѣмъ временемъ умеръ Фридрихъ-Вильгельмъ II, и вступившій на престолъ Фридрихъ-Вильгельмъ III не имѣлъ склонности предпринимать романтическіе походы, въ родѣ похода 1792 г. Въ это время въ Пруссіи велась бережливая и трезвая политика, и англійскія деньги не производили поэтому такого искушенія, какъ при Фридрихѣ-Вильгельмѣ II, роскошный и расточительный дворъ котораго поглощалъ огромныя суммы. Правда, въ Пруссіи были вовсе не прочь отъ увеличенія территоріи, но боялись подвергнуть опасности соглашенія базельскаго мира, вслѣдствіе чего Пруссія на этотъ разъ не участвовала въ большой коалиціонной войнѣ съ французской республикой. Въ это время въ Берлинѣ былъ Сійесъ и успѣшно противодѣйствовалъ англійскому вліянію на Пруссію. Къ аббату относились при строго-аристократическомъ прусскомъ дворѣ не особенно предупредительно вслѣдствіе его голосованія въ процессѣ Людовика XVI и приписываемыхъ ему словъ: „la mort sans phrase!" Сійесъ счелъ теперь нужнымъ отрицать

послѣднія слова: „sans phrase“. Въ Берлинѣ, онъ, говорятъ, пользовался не очень-то чистыми средствами, что и не удивительно, такъ какъ никто не употреблялъ болѣе грязныхъ средствъ, чѣмъ англійская дипломатія, съ которой онъ боролся.

Швеція и Данія остались нейтральными; Португалія примкнула къ коалиціи съ Англіей; Тоскана присоединилась къ Австріи. Неаполь безъ колебанія вступилъ въ коалицію, такъ какъ тамъ боялись нападенія со стороны римской республики, и королева Каролина, дочь Маріи Терезіи, пылала ненавистью къ французской республикѣ. Король сардинскій присоединился къ коалиціи пока тайно. Англія склонила къ коалиціи также папу и даже султана, такъ что эти смертельные враги явились союзниками въ борьбѣ съ „безбожной“ французской республикой. Папа, находившійся въ плѣну у французовъ, не много могъ повредить Франціи, но онъ охотно благословилъ коалицію, отъ чего именно добрый австрійскій народъ долженъ былъ ожидать большого успѣха.

Коалиція ждала лишь момента, благопріятнаго для нападенія. Моментъ такой, казалось, наступилъ, когда самый страшный французскій полководецъ, генералъ Бонапартъ, отправился со своимъ флотомъ въ Египетъ и вслѣдствіе пораженія и уничтоженія его флота при Абукирѣ былъ совершенно отрѣзанъ отъ Европы. Дѣло началъ Неаполь. Король Фердинандъ VI, человѣкъ безъ всякихъ способностей, былъ, какъ Бурбонъ, исполненъ ненавистью къ французской республикѣ: еще больше ненавидѣла республику совершенно господствовавшая надъ нимъ жена его, сестра Маріи Антуанеты. Первый министръ, Актонъ, состоявшій въ интимныхъ отношеніяхъ съ королевой, какъ ея явный любовникъ, былъ наемнымъ агентомъ Англіи. Затѣмъ, при неаполитанскомъ дворѣ находилась леди Гамильтонъ, бывшая раньше проституткой и нѣсколько лѣтъ переходившая изъ рукъ въ руки, пока, наконецъ, не женился на ней лордъ Гамильтонъ, плѣненный ея опьяняющей красотой. Гамильтонъ былъ англійскимъ посломъ при неаполитанскомъ дворѣ, и жена его, вышедшая изъ грязи проституціи, стала любимицей королевы Каролины. Мы увидимъ, сколько несчастій причинила эта низкая женщина, леди Гамильтонъ, когда впослѣдствіи въ нее влюбился лордъ Нельсонъ. Актонъ и Гамильтонъ неограниченно царили въ неаполитанской политикѣ. Въ самой странѣ правительство террористически расправлялось со всѣми, заподозрѣнными въ симпатіяхъ къ французской республикѣ, и пользовалось самыми ничтожными поводами для своихъ розысковъ; опасности обвиненія въ сношеніяхъ съ Франціей подвергался даже тотъ, кто носилъ короткіе штаны. Это жалкое правительство вскорѣ довело дѣло до того, что всѣ горожане, ученые, художники, военные и даже часть дворянства въ тайнѣ склонялись къ идеямъ французской революціи. Зато подъ вліяніемъ духовенства находилась огром-

ная часть населенія, лаццарони. Невѣжественные и раболѣпные, они на всякій либерализмъ смотрѣли, какъ на преступленіе. Лаццарони, тогдашній пролетаріатъ лохмотниковъ, играли въ неаполитанскихъ переворотахъ отвратительную роль. Ихъ было тогда приблизительно 50 — 60.000 душъ.

Бертье изъ Рима потребовалъ у Неаполя высылки французскихъ эмигрантовъ, увольненія Актона и отъѣзда англійскаго посланника. Опасное сосѣдство римской республики еще болѣе подстрекало Неаполь къ нападенію. Неаполитанское правительство попросило у Австріи полководца, и она послала извѣстнаго Макка, имѣвшаго пріобрѣсти себѣ своею неспособностью и безтолковостью незавидное мѣсто въ исторіи. Каролина удержала своего Актона, хотя на увольненіи его настаивалъ и вотчимъ ея, король испанскій. Въ ноябрѣ 1798 г. генералъ Маккъ съ войскомъ въ 40.000 человѣкъ вышелъ изъ Неаполя и вступилъ въ предѣлы римской республики. Французскій генералъ Шампіоннэ, начальствовавшій надъ войскомъ въ Римѣ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи не болѣе 10.000 человѣкъ и долженъ былъ отступить, очистивъ Римъ и Анкону. Маккъ и король Фердинандъ торжественно вступили въ Римъ. Духовенство и затибрское населеніе пришли въ восторгъ; остальные римляне оставались безучастными. Маккъ полагалъ, что сдѣлалъ замѣчательное дѣло, и неаполитанскій дворъ не могъ ничѣмъ лучшимъ ознаменовать свою побѣду, какъ учинивъ кровавую расправу надъ республиканскимъ населеніемъ Рима. Къ этому уже и готовились.

Но дѣло должно было принять иной оборотъ. Шампіонэ, молодой, пылкій и способный военачальникъ, получилъ тѣмъ временемъ подкрѣпленія и со всей силой ударилъ на Макка. Онъ вездѣ разбивалъ неаполитанцевъ и внушилъ имъ такой страхъ, что трусливый Маккъ уже въ началѣ декабря ушелъ изъ Рима. Нельсонъ сразу вѣрно оцѣнилъ этого Макка. Онъ говорилъ: „генералу Макку надо пять каретъ, чтобы тронуться съ мѣста,—вотъ, мое мнѣніе о немъ!“ Относительно же неаполитанскихъ офицеровъ, чрезвычайно боявшихся свиста пуль, онъ говорилъ: „неаполитанскіе офицеры потеряли не много чести, потому что Богу извѣстно, какъ мало они могли потерять ея, — но они потеряли все, что у нихъ было“.

Затѣмъ, Шампіоннэ вступилъ въ Неаполь, и дворъ настолько упалъ духомъ, что уже 21 декабря 1798 г. бѣжалъ въ Сицилію, хотя въ гавани стоялъ Нельсонъ со своимъ флотомъ.

Тѣмъ временемъ и король сардинскій утратилъ свой престолъ, такъ какъ его связи съ коалиціей были извѣстны. Его войско было обезоружено, и онъ нѣсколько позже долженъ былъ уступить свою страну Франціи; впослѣдствіи онъ объявилъ свое отреченіе „вынужденнымъ“,—какъ будто подобныя вещи когда-нибудь дѣлаются добровольно!

Шампіоннэ неудержимо шелъ дальше. У крѣпости Капуи Маккъ еще разъ попытался выступить противъ него, но лишь затѣмъ, чтобы сейчасъ упасть духомъ и вмѣстѣ со столь же трусливымъ княземъ Пиньятелли, который, какъ прежній начальникъ коалиціи былъ назначенъ вице-королемъ Неаполя, униженно просить мира. Въ кальпійскомъ договорѣ Шампіоннэ далъ имъ перемиріе, но лишь подъ условіемъ немедленной передачи французамъ Капуи со всѣми запасами и оружіемъ и уплаты городомъ Неаполемъ 10 милліоновъ.

Этотъ договоръ лаццарони сочли измѣною и, подстрекаемые неаполитанскимъ духовенствомъ и нѣкоторыми дворянами, прибѣгли къ возстанію съ убійствами и грабежами. Лаццарони избивали всѣхъ, въ комъ они подозрѣвали симпатіи къ французамъ. Пиньятелли бѣжалъ, и Маккъ, не чувствовавшій себя въ безопасности, ушелъ въ лагерь Шампіоннэ, куда онъ прибылъ въ австрійскомъ мундирѣ. Такъ какъ Австрія еще не вела войны съ Франціей, то Маккъ думалъ, что этотъ мундиръ спасетъ его отъ плѣна. Но Шампіоннэ не смутился этимъ страннымъ маскарадомъ, и Маккъ былъ задержанъ. Какъ военно-плѣнный, онъ былъ отпущенъ на честное слово и поселенъ въ Парижѣ, откуда онъ, нарушивъ свое слово, вскорѣ бѣжалъ.

Неаполитанскіе граждане, желая избавиться отъ террора лаццарони, призвали генерала Шампіоннэ, и онъ вступилъ въ городъ. Ему была передана крѣпость, господствовавшая надъ городомъ. Но лаццарони снова возстали, и во время этого яростнаго возстанія погибло много французовъ. Въ кровопролитномъ сраженіи на улицахъ лаццарони были разбиты и подверглись кровавой бойнѣ. Многіе изъ нихъ бѣжали въ горы. 28 января 1799 г. Шампіоннэ, въ согласіи съ республиканской частью населенія, провозгласилъ партенопейскую республику, — названную такъ отъ Партенопеи, древняго имени Неаполя.

Такимъ образомъ, борьба въ Италіи начата была крупнымъ успѣхомъ французовъ. Но именно эта партенопейская республика должна была имѣть лишь кратковременное существованіе, хотя укрѣпленію ея содѣйствовали лучшіе люди Неаполя. Вновь начинающаяся теперь великая борьба должна была совершенно преобразить Италію.

Послѣ заключенія кампо-формійскаго мира, директорія стала подумывать о средствахъ нанести чувствительный ударъ Англіи, бывшей самымъ дѣятельнымъ и страшнымъ врагомъ французской республики. Вслѣдствіе неограниченнаго господства Англіи на морѣ, трудно было противъ нея что-нибудь предпринять, и поддержка со стороны испанскаго и голландскаго флотовъ, какъ мы видѣли, оказалась не достаточно сильной, чтобы Франція могла сравниться на

морѣ съ Англіей. Для ослабленія Англіи нужно было нанести ударъ ея торговымъ интересамъ. Какъ это часто бываетъ, грандіозное предпріятіе вызвано было незначительнымъ поводомъ. Французскій консулъ въ Египтѣ, нѣкій Магаллонъ, предложилъ основать въ Египтѣ французскую колонію, чтобы положить начало французской торговлѣ съ востокомъ. Изъ этого возникла мысль совершенно захватить Египетъ для Франціи и отсюда двинуться на Индію, чтобы напасть непосредственно на источникъ англійскаго богатства.

Этотъ гигантскій планъ имѣлъ не очень-то много шансовъ на успѣхъ. Если все-таки взялись за осуществленіе его, то это, главнымъ образомъ, по двумъ причинамъ. Директорія уже боялась опаснаго честолюбія Бонапарта и надѣялась надолго или даже навсегда избавиться отъ генерала, отправляя его въ восточную экспедицію, исходъ которой былъ сомнителенъ. Бонапарта же томила жажда приключеній; онъ надѣялся еще больше увеличить романтическій ореолъ, уже окружавшій его.

Директорія рѣшила отправить большую экспедицію въ Египетъ подъ начальствомъ генерала Бонапарта. Надо было тщательно скрывать этотъ планъ, потому что Египта можно было достигнуть только моремъ, слѣдовательно, Англія могла преградить экспедиціи путь и уничтожить все предпріятіе въ самомъ началѣ. Поэтому съ большимъ шумомъ стали распространять извѣстіе, будто Франція собирается напасть на англичанъ въ ихъ странѣ. Во всѣхъ французскихъ гаваняхъ снаряжались военныя суда; въ тулонской же гавани со всей тишиной былъ собранъ огромный флотъ, который долженъ былъ перевезти побѣдителя Австріи съ его привычнымъ къ побѣдамъ войскомъ на востокъ. Чтобы обмануть англичанъ, тулонскій флотъ называли „лѣвымъ крыломъ англійской арміи“.

Но директорія также серьезно готовилась и къ вторженію въ Англію. Мы видѣли, что въ 1796 г. вторженіе Гоша въ Ирландію не удалось лишь потому, что буря разсѣяла его флотъ. Удачное вторженіе въ Ирландію нанесло бы Англіи очень чувствительный ударъ и могло бы подвергнуть опасности все ея существованіе. Ирландцы, которыхъ Англія нѣсколько вѣковъ угнетала, притѣсняла и обирала съ одинаковой жестокостью, страстно ждали прихода французовъ, обѣщавшихъ избавить ихъ отъ англійскаго деспотизма, потому что Ирландія, также какъ и колоніи этого обширнаго государства, никогда не чувствовала и слѣда прославленной англійской свободы. Въ Ирландіи образовался обширный заговоръ, готовый поддержать французовъ при ихъ вторженіи. Союзъ ирландцевъ, на который опирался этотъ заговоръ, имѣлъ, говорятъ, болѣе полу-милліона членовъ. Въ Дублинѣ образовалась тайная директорія, въ которой были: лордъ Фитцгеральдъ, Эмметтъ и О'Коннеръ. Англійское правительство скоро замѣтило этотъ огромный заговоръ, въ которомъ участвовала и масса

католическаго духовенства, и послала въ Ирландію много войска; оно своими насиліями возбуждало ирландцевъ къ еще большему сопротивленію. Но тѣмъ временемъ дипломатическія ухищренія Англіи задерживали французовъ, и отправка экспедиціи очень затянулась. Такимъ образомъ, англійское правительство могло заблаговременно подавить ирландцевъ. Нашелся предатель, и 12 марта 1798 г. революціонная директорія была застигнута въ Дублинѣ и арестована. Ирландія была обезоружена, нѣсколько инсуррекціонныхъ отрядовъ безъ труда были разсѣяны, и затѣмъ началась кровавая расправа надъ участниками заговора, преданными суду военной коммиссіи. Англійская жестокость проявилась здѣсь во всей красѣ, и многіе кончили жизнь на висѣлицѣ за попытку избавить Ирландію отъ англійской тираніи.

Лордъ Корнваллисъ подавилъ мятежныя движенія мягкостью и энергіей, какъ Гошъ усмирилъ Вандею. Лишь 22 августа 1798 г. явились французы подъ начальствомъ генерала Юмбера (Humbert) и высадились въ Киллальской бухтѣ. Но у Юмбера было только 1,100 человѣкъ, а ирландской инсуррекціонной арміи не оказалось. Къ нему присоединилось лишь нѣсколько мелкихъ отрядовъ ирландскихъ инсургентовъ, полная недисциплинированность которыхъ не могла способствовать успѣху предпріятія. Юмберъ вступилъ въ страну, но лордъ Корнваллисъ вышелъ противъ него съ преобладающими силами и 8 сентября у Бэлльнэмекка (Ballnamuck) принудилъ его сложить оружіе. Этотъ исходъ предпріятія отразился и на другихъ экспедиціяхъ. Генералъ Рей, высадившійся у острова Рётланда, сейчасъ же вернулся назадъ; генералъ Арди, отправившійся съ 3,000 человѣкъ изъ Бреста, былъ прогнанъ назадъ англійскимъ адмираломъ Уорономъ, а генералъ Савари, прибывшій въ Киллальскую бухту, получилъ извѣстіе о пораженіи Юмбера и сейчасъ же отплылъ обратно во Францію.

Такимъ образомъ, Англіи удалось подавить большое возстаніе и отразить нашествіе французовъ. Въ томъ же году она завоевала островъ Минорку.

Между тѣмъ, двинулась фантастическая экспедиція на востокъ. 20 мая 1798 г. Бонапартъ съ огромнымъ флотомъ отплылъ въ море. Флотъ состоялъ подъ начальствомъ адмирала Брюе (Brueys) и имѣлъ 15 линейныхъ кораблей, — среди которыхъ былъ большой военный корабль: „Orient“ съ 120 пушками, — 14 фрегатовъ, 72 менѣе значительныхъ военныхъ судовъ и 400 транспортныхъ кораблей. Съ Бонапартомъ было много лучшихъ офицеровъ; армія его состояла изъ 30,000 человѣкъ и была прекрасно снабжена всѣмъ необходимымъ. Англійскій адмиралъ Нельсонъ долженъ былъ наблюдать за тулонскою гаванью, и онъ, несомнѣнно, открылъ бы французскій флотъ, если бы какъ разъ теперь одинъ изъ военныхъ кораблей, съ которыми онъ крейсировалъ около Тулона, не сталъ негоднымъ къ пла-

ванію. Онъ бросилъ якорь въ Сардиніи, чтобы починить этотъ корабль. Тѣмъ временемъ Бонапартъ отплылъ и, такимъ образомъ, безъ всякой помѣхи вышелъ въ открытое море.

Французскій флотъ направился сперва къ Мальтѣ, которую хотѣли взять и занять, какъ опорный пунктъ на Средиземномъ морѣ. Мальтійскіе рыцари, владѣвшіе островомъ, были уже не тѣ герои, которые нѣкогда такъ храбро защищали Мальту отъ турокъ. Мальта сама по себѣ была почти неприступна. Но французскіе рыцари ордена были расположены въ пользу Бонапарта и, когда Бонапартъ 10 іюля явился передъ Мальтою, они настояли на сдачѣ острова. Трусливый великій магистръ ордена Гомпешъ выговорилъ себѣ полученіе княжества въ Германіи, взамѣнъ чего заключилъ капитуляцію и сдалъ Мальту французской республикѣ. Онъ долженъ былъ получать ежегодную пенсію въ 300,000 франковъ, но удалось ему получить отъ директоріи всего 15,000 франковъ. Впослѣдствіи этотъ смѣшной рыцарь протестовалъ противъ капитуляціи, — понятно, безъ всякихъ практическихъ послѣдствій.

Затѣмъ, Бонапартъ направился черезъ Кандію въ Египетъ, между тѣмъ какъ Нельсонъ, значительно увеличивъ свой флотъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы найти французовъ, но именно вслѣдствіе своего излишняго усердія не отыскалъ ихъ. Онъ прибылъ въ Египетъ раньше Бонапарта, вернулся назадъ, истощилъ свой провіантъ и долженъ былъ простоять нѣкоторое время. Тѣмъ временемъ Бонапартъ прибылъ въ Александрію и началъ высаживать здѣсь свою армію. Съ солдатами высадился и тотъ небольшой отрядъ ученыхъ-математиковъ, естествоиспытателей, врачей, географовъ и историковъ, которые приняли участіе въ этой замѣчательной и опасной экспедиціи, чтобы изслѣдовать и описать большею частію еще неизвѣстную страну. Труды этихъ ученыхъ и остались единственнымъ прочнымъ результатомъ египетской экспедиціи.

Даже театръ и балетъ веселые французы привезли съ собою въ Египетъ. Но дѣло здѣсь должно было принять болѣе серьезный оборотъ, чѣмъ иные, можетъ быть, предполагали.

1 іюля 1798 г. произошла высадка войска въ Александрійской гавани, а 3 іюля Александрія, старая крѣпость которой могла оказать лишь слабое сопротивленіе, была уже взята приступомъ. Въ гавани завоеваннаго древняго города были помѣщены транспортные корабли, военный флотъ стоялъ нѣсколько дальше къ востоку, на Абукирскомъ рейдѣ, такъ какъ гавань была недостаточно глубока для большихъ судовъ.

Такимъ образомъ, произошло вторженіе въ Египетъ, причемъ не сочтено было даже нужнымъ объявить войну государю этой страны.

Египетъ находился подъ верховнымъ владычествомъ Порты, которая вслѣдствіе этого была задѣта вторженіемъ Бонапарта, что и

ускорило присоединеніе Порты къ Англіи и Россіи. Въ Египтѣ существовали тогда три класса населенія: бедуины, ведшіе бродячую жизнь въ пустынѣ и занимавшіеся грабежами, земледѣліемъ и торговлею; затѣмъ, феллахи, обрабатывавшіе землю и мало чѣмъ отличавшіеся отъ настоящихъ рабовъ; господствующимъ классомъ были мамелюки, каста воиновъ, спеціальностью которыхъ было военное дѣло. Они пополнялись рабами, которые шли большею частію изъ Грузіи и Черкесскаго края. 24 бея мамелюковъ правили 24 округами, изъ которыхъ состоялъ Египетъ; тогда два изъ этихъ вождей, Мурадъ и Ибрагимъ-бей, достигли независимости и отложились отъ Порты. Мотивомъ своего вторженія Бонапартъ выставилъ желаніе принудить отложившихся беевъ къ повиновенію Портѣ. Само собою разумѣется, что Порта не придавала этому никакого значенія. Англія и Россія общими силами дѣйствовали на Порту и, наконецъ, султанъ Селимъ III въ сентябрѣ 1798 г. объявилъ войну французской республикѣ.

Мамелюки, имѣвшіе защищать Египетъ, были прекрасные солдаты, полные мужества и презрѣнія къ смерти. Всѣ они составляли конницу и имѣли великолѣпныхъ лошадей. Но они далеко не могли сравняться съ французами по дисциплинѣ и вооруженію.

Когда Бонапартъ двинулся вверхъ по Нилу, предводитель мамелюковъ Мурадъ-бей собралъ свою военную силу, чтобы отбросить французовъ назадъ въ море. Онъ считалъ это не особенно труднымъ, и мамелюки похвалялись изрубить своими кривыми саблями всѣхъ французовъ, „какъ тыквы“. Дѣло оказалось не такъ-то легкимъ.

Французы, сопровождаемые флотиліей, быстро шли вверхъ по рѣкѣ и здѣсь впервые познакомились со знойнымъ солнцемъ Африки. Многіе упали духомъ въ этой печальной странѣ, въ которой, казалось, нечего было ждать, кромѣ пустынь и лишеній. Мамелюки затрудняли движеніе французовъ смѣлыми нападеніями и безжалостно отрубали головы всѣмъ раненымъ и плѣннымъ. 13 іюля была серьезная стычка съ мамелюками, причемъ они были отброшены. Когда 21 іюня французское войско подошло къ окрестностямъ Каира, и на западѣ показались могучія громады пирамидъ, передъ нимъ открылась обширная равнина, покрытая блестящими отрядами всадниковъ. Мамелюки, великолѣпно разодѣтые и вооруженные, выстроились здѣсь къ бою.

У деревни Эмбабехъ мамелюки устроили грубые шанцы и вооружили ихъ 40 плохими пушками; египетская пѣхота, находившаяся за ними, состояла изъ ненадежнаго сброда. Бонапартъ выстроилъ свои дивизіи въ крѣпкія каре, двигавшіяся впередъ къ лагерю мамелюковъ. Передъ битвою Бонапартъ воодушевилъ свое войско рѣчью въ томъ сжатомъ военномъ стилѣ, эффектъ котораго онъ такъ мастерски умѣлъ увеличивать блестящими картинами и фразами. Онъ и здѣсь сумѣлъ подзадорить чувство гордости и честолюбіе своихъ солдатъ. „*Солдаты*“!

воскликнулъ онъ: *„подумайте, — сорокъ вѣковъ смотрятъ на васъ съ этихъ пирамидъ!“*

Конница мамелюковъ отчаяннымъ галопомъ налетѣла на французовъ: они думали сильнымъ и быстрымъ ударомъ разорвать французскія каре. Но французы приняли ихъ убійственнымъ залпомъ изъ ружей и пушекъ, и отчаянная атака разбилась о французскія каре. Не разъ Мурадъ-бей и его воины съ полнымъ презрѣніемъ смерти бросались на французскіе штыки. Послѣ страшныхъ потерь они обратились въ бѣгство. Тѣмъ временемъ французы взяли непріятельскій лагерь и изъ него ударили на мамелюковъ съ тыла. Массы мамелюковъ были сброшены въ Нилъ и погибли въ его волнахъ. Мурадъ-бей съ немногими спутниками спасся поспѣшнымъ бѣгствомъ; все его войско было разсѣяно. Въ этой замѣчательной битвѣ у французовъ пало мертвыми 50, а у мамелюковъ 2.000 человѣкъ.

Французскіе солдаты нашли у павшихъ мамелюковъ много золота и драгоцѣнныхъ вещей, что ихъ до извѣстной степени вознаградило за лишенія и изнурительность передвиженій въ африканскомъ климатѣ. На второй день они вступили въ Каиръ. Французы ожидали найти одинъ изъ роскошнѣйшихъ городовъ востока и были очень разочарованы, когда увидѣли, что онъ, за исключеніемъ мамелюкскихъ частей города, состоитъ изъ грязныхъ низкихъ лачугъ.

Для управленія страной Бонапартъ учредилъ особую коммиссію. Онъ со всей своей энергіей занялся дѣлами по доставкѣ провіанта и обезпеченію путей сообщенія. Онъ натолкнулся при этомъ на громадныя затрудненія; удручающе дѣйствовало также и то, что изъ Европы не было никакихъ извѣстій. Онъ носился съ грандіозными планами и все еще думалъ объ основаніи большого восточнаго государства. Но тутъ случилось событіе, которое нанесло тяжелый ударъ всѣмъ его надеждамъ.

Нельсонъ снова явился у береговъ Египта. Этотъ суровый морякъ, одинъ изъ національныхъ героевъ Англіи, имѣвшій пріобрѣсти столь большую славу въ борьбѣ съ Бонапартомъ, былъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ враговъ Франціи. Его мужество, умъ и хладнокровіе были изумительны; это былъ стратегическій геній на морѣ, флагъ котораго всегда сопровождала побѣда. На морѣ онъ постоянно вырывалъ побѣду изъ рукъ могучаго корсиканца, уничтожавшаго все на сушѣ. Въ остальномъ же это былъ человѣкъ грубый и безсовѣстный, и своимъ раболѣпнымъ служеніемъ прихотямъ такой отверженной женщины, какъ леди Гамильтонъ, онъ навсегда запятналъ свое имя.

1 августа Нельсонъ явился у Абукира съ флотомъ изъ 13 линейныхъ кораблей и двухъ фрегатовъ и немедленно же смѣло напалъ на гораздо болѣе сильный французскій флотъ. Завязалась страшная борьба, въ которой скоро сказалось достоинство англійскаго флота. Французскій флотъ стоялъ недалеко отъ берега, и англійскій адми-

ралъ воспользовался этимъ для своего смѣлаго маневра. Онъ съ частью своихъ кораблей прошелъ въ неглубокій фарватеръ между французскимъ флотомъ и берегомъ. Такимъ образомъ, дѣйствуя подъ огнемъ французскихъ береговыхъ баттарей и подвергаясь опасности сѣсть на мель, онъ поставилъ французскій флотъ между двухъ огней, что сейчасъ же произвело опустошительное дѣйствіе. Большой французскій адмиральскій корабль „Orient" былъ зажженъ, и адмиралъ Брюе убитъ пушечнымъ выстрѣломъ. Корабль со страшнымъ грохотомъ взлетѣлъ на воздухъ. Сраженіе приняло теперь такой оборотъ, что на одинъ французскій корабль постоянно могли нападать нѣсколько англійскихъ судовъ. Французы отчаянно защищались, корабль за кораблемъ изъ ихъ флота англичане захватывали или пробивали. Два французскихъ корабля были потоплены самими ихъ экипажами, когда они увидѣли, что все погибло. Французскій вице-адмиралъ Вилльнеръ ушелъ съ битвы съ двумя линейными кораблями и двумя фрегатами; всѣ же остальныя суда были уничтожены или захвачены побѣдителями.

Болѣе пяти тысячъ французовъ погибли въ этой кровопролитной битвѣ и болѣе трехъ тысячъ взяты въ плѣнъ. Англичане, по ихъ словамъ, потеряли лишь 900 человѣкъ.

Исходъ этого морского сраженія былъ страшнымъ ударомъ для Бонапарта, поставившимъ его въ болѣе чѣмъ критическое положеніе. Генералъ хотѣлъ занять Египетъ и осенью снова вернуться во Францію. Теперь онъ потерялъ свой флотъ и долженъ былъ остаться въ Египтѣ,—отрѣзанный отъ Европы, въ чужой странѣ, гдѣ онъ уже четыре недѣли не получалъ никакихъ извѣстій изъ Франціи. Въ подобномъ положеніи иной упалъ бы духомъ; но съ Бонапартомъ этого не случилось. Его фатализмъ поддерживалъ его. Онъ вѣрилъ въ „свою звѣзду",—какъ и вообще, онъ былъ нѣсколько суевѣренъ.

Нельсонъ помогъ ему до нѣкоторой степени оправиться отъ абукирскаго пораженія: англійскій адмиралъ четырнадцать дней чинилъ свои суда и затѣмъ отплылъ въ Неаполь, чтобы припрятать свою добычу и побыть у ногъ леди Гамильтонъ. Бонапартъ со свойственной ему энергіей устроился на продолжительное пребываніе въ Египтѣ.

Ибрагимъ-бей, изъ вражды къ Мурадъ-бею не принимавшій участія въ войнѣ съ французами, стоялъ съ сильнымъ войскомъ на окраинѣ сирійской пустыни. Бонапартъ напалъ на него, совершенно разбилъ и разсѣялъ его войска и прогналъ его въ пустыню. Противъ Мурадъ-бея, снова собравшаго значительныя силы въ верхнемъ Египтѣ, былъ посланъ Десэ, разбившій бея при Седиманѣ и тоже прогнавшій его въ пустыню. Десэ вступилъ въ верхній Египетъ и прошелъ до нильскихъ пороговъ. Его войско сопровождали многіе ученые для изслѣдованія верхняго Египта. Эти ученые ѣхали на ослахъ, и когда

французскіе солдаты при нападеніи мамелюковъ строились въ каре, то раздавалась команда: „ослы и ученые въ середину!“. Ословъ этихъ насмѣшливые французы называли „полу-учеными“, demisavants; но въ общемъ, солдаты относились къ ученымъ съ уваженіемъ. Результаты ихъ наскоро-произведенныхъ изслѣдованій были встрѣчены ученымъ міромъ съ величайшимъ интересомъ и дали не одно полезное и интересное указаніе.

Тогда Бонапартъ все свое вниманіе направилъ на внутреннее устройство Египта. Онъ былъ достаточно дальновидѣнъ, чтобы не затрагивать религіозныхъ предразсудковъ египтянъ. Онъ проявлялъ величайшее уваженіе къ магометанству и даже способствовалъ обращенію одного изъ своихъ генераловъ, Мену, въ исламъ. Онъ учредилъ диванъ изъ сорока вліятельныхъ египтянъ, съ которымъ онъ совѣщался о дѣлахъ страны. Онъ уже здѣсь обнаружилъ то искусство съ которымъ онъ впослѣдствіи расположилъ къ себѣ французовъ. Ему даже удалось побудить египетскихъ богослововъ объявить его наслѣдникомъ Магомета; богословы также установили, что египтяне должны платить дань французамъ.

Но европейскій правительственный аппаратъ не нравился египтянамъ. Они не привыкли платить подати, содержать судъ и тому подобныя учрежденія. Есть одна турецкая исторія Египта, въ которой описано французское владычество въ этой странѣ. Въ этой книгѣ говорится, между прочимъ: „Если кто-нибудь умиралъ, то нужно было предварительно запросить диванъ, можно ли взять трупъ, и въ двадцать четыре часа послѣ смерти нужно было составить опись всего имущества умершаго. Если бы семейство умершаго воспротивилось составленію описи, то диванъ завладѣлъ бы всѣмъ, и наслѣдникамъ ничего бы не досталось. Если же опись составлялась, то нужно было платить; когда являлся наслѣдникъ, отъ него требовали денегъ; если предъявлялъ требованіе кредиторъ умершаго, онъ долженъ былъ платить, чтобы признали его долгъ, и когда онъ получалъ свои деньги, то опять долженъ былъ платить. Даже путешественники не могли двинуться съ мѣста безъ бумаги, за которую нужно было платить. Кто хотѣлъ внести въ регистръ новорожденныхъ или умершихъ, тоже долженъ былъ платить; мало того, — нужно было платить даже за всякую сдѣлку между частными лицами“.

Отсюда видно, что налоги этого рода были чужды жителямъ востока и особенно обременительны: до сихъ поръ здѣсь ничего подобнаго въ такихъ размѣрахъ не знали. Хотя мѣстная знать льстила завоевателямъ и относилась къ нимъ, повидимому, со всѣмъ уваженіемъ, но мусульманская масса была исполнена фанатической ненавистью къ „невѣрнымъ“, „франкамъ“. Ненависть эту поддерживали изъ Константинополя, и, такимъ образомъ, въ Каирѣ, гдѣ французскимъ правленіемъ были очень недовольны, совершенно незамѣтно для

французовъ подготовлялось возстаніе. Въ октябрѣ это движеніе пришло къ взрыву. По условленному знаку египетское населеніе поднялось и со всей яростью бросилось на ничего не ожидавшихъ французовъ. Многіе изъ французскихъ чиновниковъ и солдатъ были по одиночкѣ избиты, пока Бонапартъ успѣлъ собрать свои войска. Онъ вышелъ изъ возставшаго города и подвергъ его изъ цитадели страшной бомбардировкѣ, причемъ загорѣлось много общественныхъ зданій. Затѣмъ, французы, стоявшіе у воротъ города, пошли на приступъ; улицы были очищены картечью, и возставшіе, среди ужасной бойни, разсѣяны; многіе изъ нихъ бѣжали въ пустыню. Каиръ лежалъ въ развалинахъ и плавалъ въ крови. Съ этого времени французскій генералъ оставилъ политику примиренія и говорилъ, что на востокѣ можно управлять лишь страхомъ и ужасомъ. И у него не было недостаткахъ въ кровавыхъ расправахъ.

Зиму Бонапартъ провелъ спокойно и, между тѣмъ какъ Іоническіе острова были отняты у Франціи и превращены въ уродливую республику подъ покровительствомъ Россіи и Турціи, генералъ, отрѣзанный въ Египтѣ, носился со своими фантастическими планами завоеванія Сиріи и основанія на востокѣ новаго всемірнаго царства. Впослѣдствіи онъ самъ разсказывалъ, что онъ тогда обдумывалъ обширные планы. Онъ хотѣлъ пойти на Сирію и Малую Азію, населеніе которыхъ, какъ онъ полагалъ, склонно присоединиться къ французамъ, дойти до Константинополя и продиктовать миръ трепещущей Портѣ. О событіяхъ въ Европѣ до него доходили лишь смутныя извѣстія.

Чтобы утвердиться пока въ Египтѣ, Бонапартъ хотѣлъ прежде всего завладѣть сирійскимъ побережьемъ. Онъ зналъ, что турки задумываютъ нападеніе на Египетъ изъ Сиріи; у сирійскаго берега явилась также англійская эскадра для поддержки турокъ.

Въ Акрѣ сидѣлъ жестокій Джеззаръ-паша (джеззаръ значитъ мясникъ), бывшій не въ ладахъ съ султаномъ и властвовавшій почти во всей Сиріи. Бонапартъ старался привлечь его на свою сторону. Но англичане предупредили французскаго генерала и расположили Джеззара въ пользу изгнанія французовъ, за что ему было обѣщано мѣсто египетскаго паши: Джеззаръ получилъ отъ англичанъ много военныхъ запасовъ и сталъ для Бонапарта опаснымъ противникомъ.

Въ февралѣ 1799 г. Бонапартъ съ войскомъ около 12.000 человѣкъ выступилъ въ Сирію, передавъ управленіе Египтомъ нѣсколькимъ изъ своихъ генераловъ. Пограничный фортъ Эль-Аришъ, занятый войскомъ Джеззара, сдался, и Бонапартъ велѣлъ отпустить 2.000 арнаутовъ, занимавшихъ его, взявъ съ нихъ обѣщаніе не участвовать впредь въ войнѣ съ французами. Эль-Аришъ имѣлъ воспрепятствовать переходу французовъ черезъ Суецкій перешеекъ. Послѣ *его паденія* Бонапартъ безпрепятственно вступилъ въ Сирію. Войско

ликовало, когда оно, послѣ изнурительнаго похода въ пустынѣ, увидѣло передъ собою богатыя земли Палестины, полныя воспоминаніями о великихъ событіяхъ древности. Газа была взята приступомъ, и гарнизонъ ея бѣжалъ въ Яффу, гдѣ онъ, несмотря на плохія укрѣпленія, оказалъ упорное сопротивленіе. 7 марта была взята приступомъ Яффа. Гарнизонъ ея на половину палъ въ битвѣ, а на половину былъ взятъ въ плѣнъ, и среди плѣнныхъ, казалось, узнавали тѣхъ 2.000 арнаутовъ, которые были отпущены въ Эль-Аришѣ подъ условіемъ не участвовать впредь въ войнѣ съ французами. Бонапартъ пришелъ въ ярость и велѣлъ разстрѣлять этихъ 2.000 арнаутовъ,—бойня, послѣ побѣды столь же излишняя, какъ и варварская.

Отъ Яффы Бонапартъ двинулся къ укрѣпленной Акрѣ, гдѣ находился Джеззаръ со своими главными силами. Когда французскій генералъ осматривалъ старыя башни и стѣны этого города, столь славнаго со временъ крестовыхъ походовъ, онъ и не предчувствовалъ, что здѣсь долженъ былъ настать конецъ его военнымъ успѣхамъ на востокѣ. Ему казалось, что завоеваніе этого гнѣзда не представитъ особенныхъ трудностей. Но побѣдитель въ столь многихъ битвахъ ошибся; онъ недостаточно оцѣнилъ какъ энергію Джеззара, такъ и умъ начальника англійскаго флота, Сиднея Смита, стоявшаго на якорѣ въ акрской гавани. Европейскіе офицеры, особенно французскій эмигрантъ, инженеръ Филиппо, руководили защитой города, который Сидней Смитъ обильно снабдилъ всѣми военными запасами.

Сидней Смитъ былъ, правда, тщеславный и спѣсивый человѣкъ, но распорядительный и внимательный начальникъ и свое дѣло велъ съ большимъ искусствомъ. Онъ нанесъ французамъ большой ущербъ, захвативъ у предгорья Кармила ихъ флотилію съ тяжелыми орудіями, посланными изъ Египта. Орудія, имѣвшія разрушать стѣны Акры, были теперь поставлены на валахъ и стрѣляли въ французовъ.

Турки, сражавшіеся съ большой храбростью, которымъ Джеззаръ давалъ высокую плату за голову каждаго француза, съ урономъ отбивали приступы французовъ, и рѣшительный штурмъ все оттягивался. Бонапартъ, повидимому, не допускалъ даже мысли, что столь незначительная крѣпость можетъ устоять противъ его оружія, и велъ осаду со всей своей энергіей. Тѣмъ временемъ въ Сиріи было собрано войско для освобожденія крѣпости. Войско это было очень многочисленно, но плохо вооружено и не дисциплинировано. Клеберъ, Мюратъ и Жюно выступили противъ сирійцевъ, и при горѣ Ѳаворѣ произошло сраженіе, которое быстро рѣшилъ Бонапартъ, подоспѣвшій со своими главными силами.

Подъ Акрой дѣло оставалось въ прежнемъ положеніи, и Бонапартъ рѣшился на грандіозный штурмъ, чтобы завладѣть, наконецъ, этимъ гнѣздомъ, которое, повидимому, стояло на пути всѣмъ его фантастическимъ планамъ. 7 мая начался кровопролитный штурмъ.

Пробита была брешь, и французы ворвались въ крѣпость, но послѣ кровавой стычки были отбиты. На второй день было пробито три бреши и французы съ большой храбростью проникли въ нихъ. Англичане и турки бросились имъ навстрѣчу, и французы снова должны были отступить. Такъ приступы и отраженія ихъ продолжались до 12 мая. Упорство защиты равнялось силѣ нападеній, и когда турецкій флотъ доставилъ въ Акру подкрѣпленія, Бонапартъ, наконецъ, увидѣлъ, что города взять невозможно, пока остается открытой его гавань. Многочисленные приступы были сопряжены съ тяжелыми потерями, и, такимъ образомъ, французскій полководецъ рѣшился отступить, подвергнувъ передъ отступленіемъ Акру еще разъ страшной бомбардировкѣ. Онъ отступилъ 20 мая.

Объ эту небольшую крѣпость, стѣны которой оказались непреодолимыми для колоннъ Бонапарта, разбились планы французскаго полководца относительно основанія новаго всемірнаго государства на востокѣ. Здѣсь въ первый разъ онъ долженъ былъ увидѣть, что есть границы и для силы его оружія.

Успѣшная защита Акры дала иной оборотъ всей войнѣ. Теперь Бонапартъ вынужденъ былъ ограничиться Египтомъ, въ который онъ вернулся правильнымъ и искуснымъ маршемъ. Разсказы о томъ, что при отступленіи отъ Яффы, французы отравляли своихъ солдатъ, больныхъ чумою, чтобы избавить ихъ отъ турокъ, оказались вымысломъ. 14 іюля 1799 г. Бонапартъ прибылъ въ Каиръ.

Въ Египтѣ генералу представился случай подновить его военную славу, нѣсколько потускнѣвшую отъ безуспѣшной осады Акры. Въ устьяхъ Нила высадилось турецкое войско и взяло фортъ Абукиръ; этой экспедиціей, выполненной на англійскихъ судахъ, начальствовалъ Мустафа-паша. Бонапартъ немедленно выступилъ изъ Каира, чтобы прогнать турокъ, что ему вполнѣ удалось 25 іюля близъ Абукира. Эта блестящая побѣда совершенно возстановила военную славу Бонапарта.

Турки окопались близъ Абукира. Бонапартъ искусными маневрами принудилъ ихъ выйти изъ шанцовъ; въ открытомъ полѣ они сперва имѣли нѣкоторый успѣхъ, пока французы не двинулись всей своей массой и не разбили турецкой позиціи. Турки были отброшены въ море; при яростномъ преслѣдованіи французовъ они не могли спастись на флотъ и погибали массами. До 6.000 труповъ плавали въ волнахъ. Около 4.000 турокъ бросились въ абукирскій фортъ, гдѣ они вскорѣ должны были капитулировать.

Но, несмотря на этотъ тяжелый ударъ, нанесенный врагамъ французовъ, Бонапарту становилось жутко въ Египтѣ. Онъ видѣлъ, что его позиціи надолго удержать невозможно. Мамелюки никогда не были окончательно уничтожены; постоянно грозили возстанія, лишь только на мѣстѣ не было военной силы; французская армія сильно

уменьшилась, такъ какъ она не могла получать подкрѣпленій, а черезъ Сирію шла сильная турецкая армія подъ начальствомъ Юсуфа-паши. Сверхъ того, изъ Франціи получились извѣстія, показавшія Бонапарту, что наступило время для той роли во Франціи, которую его честолюбіе давно уже рисовало ему. Директорія стала ненавистной всѣмъ партіямъ и потерпѣла большія пораженія; настала пора счастливому и смѣлому солдату взять власть въ свои руки и дать французамъ прочное и славное правленіе. Такъ разсуждалъ генералъ и вмѣстѣ съ тѣмъ думалъ, какъ избѣжать катастрофы, которая со временемъ должна была стать неизбѣжной въ Египтѣ. Рѣшеніе его вскорѣ было готово: онъ рѣшилъ оставить свое храброе войско и вернуться во Францію.

Рѣшеніе не славное, потому что оно было продиктовано эгоизмомъ и честолюбіемъ. Какъ дезертиръ, оставилъ Бонапартъ свою армію, отъ командованія которой онъ не былъ уволенъ правительствомъ. Другой генералъ былъ бы привлеченъ къ отвѣтственности, преданъ военному суду; но Бонапартъ зналъ французовъ. Онъ положился на свою чрезвычайную популярность и всеобщее недовольство директоріей. Онъ зналъ, что египетскій походъ окружилъ его новымъ, фантастическимъ, сказочнымъ ореоломъ. Бонапартъ оставилъ запечатанный приказъ генералу Клеберу и 22 августа 1799 г. со своими лучшими генералами и близкими друзьями тайно сѣлъ въ Александріи на корабль, предоставивъ армію на волю судьбы.

Онъ счастливо избѣжалъ англійскихъ крейсеровъ, неоднократно подвергаясь опасности быть захваченнымъ ими, и 9 октября высадился у Фрежю на французскій берегъ.

Восторгъ овладѣлъ всей Франціей при извѣстіи о его возвращеніи. Въ немъ видѣли спасителя отъ тяжелаго кризиса этого года. Франція, такъ сказать, бросилась на шею этому тридцатилѣтнему генералу, совершенно не спрашивая о его намѣреніяхъ. Слава его дѣлъ опьянила всѣхъ. Таинственный и сказочный ореолъ окружавшій серьезную фигуру молодого завоевателя, воспламенилъ впечатлительныхъ французовъ. Они едва знали, какія почести оказать ему; когда они жертвовали республикой, имъ казалось, что эта жертва слишкомъ незначительна передъ его величіемъ.

Такъ ослѣпляютъ и опьяняютъ людей военные успѣхи. Бонапартъ привыкъ презирать людей. У него это и понятно.

Большая коалиція, образованная англійскими деньгами и интригами Питта, не объявляла войны Франціи, но всѣ ея мѣропріятія были таковы, что директорія стала заблаговременно готовиться къ войнѣ. Набрано было 200.000 рекрутъ, чтобы замѣнить потери понесенныя французскими войсками въ прежніе походы. Эта мѣра моти-

вирована была тѣмъ, что въ концѣ 1798 г. прибыло въ Австрію для отправки въ Италію около 60.000 русскихъ подъ начальствомъ побѣдителя Польши, страшнаго фельдмаршала Суворова. Сверхъ того, австрійскій генералъ Готце съ 6.000 чел. явился на помощь граубюнденцамъ, отказавшимся признать конституцію новой Гельветики. Это было сдѣлано въ то время, когда на раштаттскомъ конгрессѣ еще велись переговоры объ окончательномъ мирѣ съ Германской имперіей.

Директорія выставила пять армій. Главное войско подъ начальствомъ Журдана стояло на верхнемъ Рейнѣ и называлось дунайской арміей, такъ какъ готовилось двинуться въ Австрію по теченію Дуная; въ Италіи главное начальствованіе было поручено Шереру, а въ Неаполѣ директорія замѣнила слишкомъ самостоятельнаго Шампіоннэ Макдональдомъ. На сѣверѣ было собрано войско подъ начальствомъ Брюна и соединено съ войскомъ батавской республики, командуемымъ Дэндельсомъ, подъ именемъ голландской арміи.

Директорія велѣла сообщить въ Раштаттѣ, что на вступленіе русскихъ войскъ въ Германскую имперію она должна смотрѣть, какъ на объявленіе войны. Австрія ограничилась лишь отвѣтомъ, что Франція должна очистить Италію и Швейцарію. Такъ безъ всякихъ околичностей началась большая война.

Массена выступилъ противъ Готце въ Граубюнденѣ и въ нѣсколькихъ стычкахъ отбросилъ его. Журданъ перешелъ Рейнъ. На встрѣчу ему выступилъ эрцгерцогъ Карлъ, бывшій его противникомъ въ 1796 г., съ арміей болѣе 100.000 человѣкъ. Въ концѣ марта здѣсь произошло двѣ стычки у Остраха и у Стоккаха, близъ Боденскаго озера. Эти стычки были сами по себѣ нерѣшительны, потому что ихъ пришлось прекратить съ наступленіемъ ночи, но онѣ дезорганизовали войска Журдана, и онъ началъ отступленіе къ Рейну. Начальствованіе отъ него было отнято, и дунайская армія соединена съ арміей Массены въ Швейцаріи. Эрцгерцогъ Карлъ не воспользовался этимъ, благопріятнымъ для него случаемъ, и почти безъ дѣла стоялъ въ Баденѣ и Вюртембергѣ, такъ какъ онъ попалъ въ конфликтъ съ мудрецами гофкригсрата (придворный военный совѣтъ) въ Вѣнѣ, и это парализовало всѣ его движенія.

Тѣмъ временемъ мирный конгрессъ въ Раштаттѣ продолжалъ свои засѣданія, и Австрія всячески старалась разстроить его. Правда, конгрессъ имперскихъ князей въ Регенсбургѣ принялъ предложенія французской республики. Но Питтъ и Тугутъ устроили такъ, что Германская имперія прервала переговоры, и послы ея объявили 23 апрѣля, что конгрессъ долженъ разойтись, такъ какъ началась война, и требованія Франціи слишкомъ велики. Требованія эти уже были приняты Германской имперіей. Но Тугутъ не обратилъ на это никакого вниманія; онъ хотѣлъ вовлечь во всеобщую суматоху Германскую имперію, не желавшую войны съ Франціей.

Конгрессъ былъ закрытъ, и конецъ его осложнился кровавымъ насиліемъ, навсегда запятнавшимъ имя Тугута, позорнымъ убійствомъ пословъ въ Раштаттѣ. Французскіе послы получили отъ австрійскаго полковника Барбачи, командовавшаго въ Раштаттѣ гусарскимъ полкомъ, приказаніе немедленно оставить городъ. Французскихъ пословъ было три: Бонье д'Арко, Робержо и Жанъ де-Бри; два послѣдніе были раньше членами конвента и ярыми якобинцами. Получивъ приказаніе о выѣздѣ, они обратились къ полковнику Барбачи съ просьбой о прикрытіи. Въ отвѣтъ на это они получили лишь распоряженіе оставить Раштаттъ въ 24 часа. Еще въ тотъ же день 28 апрѣля вечеромъ, они выѣхали съ женами и прислугою. На разстояніи четверти часа пути отъ Раштатта показался отрядъ австрійскихъ гусаръ и задержалъ кареты пословъ. Гусары окрыли кареты, съ отвратительнымъ насиліемъ вытащили изъ нихъ пословъ и такъ изрубили ихъ саблями, что Бонье и Робержо тутъ же умерли на глазахъ у своихъ женъ, а Жанъ де-Бри заползъ въ ровъ, гдѣ его ночью не могли найти. На слѣдующій день, онъ былъ доставленъ въ Раштаттъ, гдѣ послѣ продолжительной болѣзни выздоровѣлъ. Убійцы при свѣтѣ факеловъ обыскали кареты пословъ и захватили всѣ ихъ бумаги.

Это дѣяніе, которымъ Тугутъ сравнялся съ Джеззаромъ-пашой, отрубившимъ головы французскимъ парламентерамъ, въ другое время оттолкнуло бы въ Австріи всѣхъ ея союзниковъ. Варварское убійство безоружныхъ пословъ, вопреки всякому международному праву, должно было возмутить всѣхъ. Но союзники Австріи не оставили ея. Правда, возмущеніе было велико, и эрцгерцогъ Карлъ, человѣкъ благороднаго характера, добился назначенія слѣдствія по этому позорному дѣлу. Но слѣдствіе не привело ни къ какому результату; Барбачи впослѣдствіи былъ даже произведенъ въ генералы. Дѣло осталось неразъясненнымъ, и тайныя причины его, конечно, навсегда отсанутся неизвѣстными. Можно лишь предположить, что нападеніе устроилъ Тугутъ, чтобы отнять у французскихъ пословъ бумаги, которыя могли бы бросить невыгодный свѣтъ на отношенія Австріи къ Германской имперіи. Это распоряженіе было съ разбойничей жестокостью выполнено австрійскими офицерами, которые воспользовались случаемъ, чтобы дать французскимъ „якобинцамъ“ почувствовать свою ненависть къ нимъ.

Извиненіе, приводившееся главой австрійскаго правительства, было столь же безсмысленно, какъ и само преступленіе отвратительно: говорили, что это *„одинъ изъ безпорядковъ обычныхъ на войнѣ“*. Но извѣстно, что съ послами войны не ведутъ.

Убійство пословъ, дѣло преступное и насильственное, равное которому врядъ-ли и найдется въ исторіи, привело къ тому, что теперь разгорѣлась война съ обѣихъ сторонъ. Директорія не могла добиться въ Австріи удовлетворенія, такъ какъ вѣнскій кабинетъ,

ободренный успѣхами эрцгерцога Карла и помощью Россіи, снова поднялъ голову. Поэтому французы хотѣли добиться удовлетворенія съ оружіемъ въ рукахъ. Но дѣла у нихъ шли неудачно, и военное счастье, повидимому, совершенно оставило ихъ.

Генералъ Шереръ вступилъ съ итальянской арміей въ великое герцогство Тосканское, прогналъ великаго герцога Фердинанда III и занялъ страну. Великій герцогъ не присоединился открыто къ коалиціи, но тайныя сношенія его были извѣстны, и французы не хотѣли имѣть въ тылу врага. Но этимъ успѣхи довольно неспособнаго Шерера и ограничились. Подошли австрійцы съ преобладающими силами подъ предводительствомъ Края. Край хотя не былъ талантливымъ генераломъ, но обладалъ энергіей и мужествомъ. Онъ разбилъ неспособнаго Шерера въ стычкѣ при Пастренго и отѣснилъ его назадъ. Вслѣдъ за тѣмъ произошла битва при Маньяно 6 апрѣля, въ которой Шереръ потерпѣлъ такое пораженіе, что онъ со своими деморализованными и уменьшившимися войсками долженъ былъ отступить за Минчіо. Наконецъ, Шереръ былъ уволенъ, и начальствованіе передано Моро, который, несмотря на свою славу, съ республиканской скромностью служилъ подъ начальствомъ неспособнаго Шерера.

Но войска, находившіяся въ распоряженіи Моро, были недостаточны, чтобы устоять противъ того страшнаго врага французской республики, который теперь выступилъ на поле битвы. Это былъ русскій фельдмаршалъ Суворовъ, прибывшій со своимъ войскомъ въ Италію. Край сдалъ команду, и австрійцы были поставлены подъ начальство талантливаго генерала Меласса. Главнокомандующимъ былъ Суворовъ.

Этотъ оригинальный человѣкъ подъ странной, почти смѣшной внѣшностью обладалъ военнымъ геніемъ первой степени. Въ частныхъ сношеніяхъ, въ обществѣ онъ держалъ себя, какъ дурачекъ, но на полѣ сраженія проявлялъ такую энергію, которая все сокрушала. Во время своихъ яростныхъ нападеній онъ совершенно не щадилъ людей. Онъ постоянно шелъ впередъ, не давая вздохнуть непріятелю. Опустошивъ страну огнемъ и мечомъ, онъ обыкновенно плакалъ о ея бѣдствіяхъ. Во время турецкой войны онъ устроилъ кровавую бойню при взятіи Измаила; онъ желѣзной рукой раздавилъ Польшу и о пражской бойнѣ послалъ въ Петербугъ такое донесеніе: „Прага пылаетъ, Варшава дрожитъ“. Набожный, консервативный, онъ страстно ненавидѣлъ французскую революцію; ему было уже 70 лѣтъ, но вмѣшательство его произвело полный переворотъ въ положеніи Европы. Такъ какъ Тугутъ черезъ вѣнскій гофкригсратъ поучалъ генераловъ, отчего происходили его частые раздоры съ эрцгерцогомъ Карломъ, то Суворовъ выговорилъ себѣ условіе, что онъ будетъ получать приказанія лишь непосредственно отъ императора Франца. Но

это условіе ему нисколько не помогло, такъ какъ императоръ приказывалъ лишь то, что ему совѣтовалъ Тугутъ. Суворовъ немедлено перешелъ въ наступленіе. Край долженъ былъ осадить Мантую; Суворовъ же и Меласъ напали на Моро, который со своими слабыми военными силами далеко не могъ сравниться съ сильнымъ врагомъ. При Кассано 27 апрѣля Суворовъ съ преобладающими силами яростно напалъ на Моро и послѣ упорнаго сопротивленія разбилъ его на голову. Подъ неудержимымъ натискомъ непріятеля Моро долженъ былъ отступить къ Александріи; въ этой битвѣ онъ потерялъ 8.000 человѣкъ и 100 пушекъ.

Когда Моро подъ прикрытіемъ пушекъ Александріи; старался собрать остатки своего войска, Суворовъ дошелъ до Милана и совершилъ торжественный въѣздъ въ этотъ городъ,—причемъ у сѣдла его висѣла нагайка Ломбарцы, бывшіе подъ французскимъ владычествомъ большей частью добрыми республиканцами, соперничали другъ съ другомъ въ непостоянствѣ и привѣтствовали фельдмаршала, какъ освободителя. Архіепископъ миланскій подалъ примѣръ этому и во главѣ своего клиро со многими католическими сановниками встрѣтилъ человѣка съ нагайкой, какъ „спасителя Италіи“. Цизальпинская республика была объявлена уничтоженной. Затѣмъ, Суворовъ быстро двинулся на Туринъ и заперъ французовъ въ цитадели. Онъ хотѣлъ теперь отбросить Моро за Альпы, но приказанія императора удержали его. Ему велѣно было сперва завоевать крѣпости.

Слѣдствіемъ побѣдоностнаго шествія Суворова было то, что Макдональдъ съ французскимъ войскомъ въ Неаполѣ очутился въ опасности быть совершенно отрѣзаннымъ. Онъ отступилъ и, оставивъ сильный гарнизонъ въ неаполитанской крѣпости, предоставилъ партенопейскую республику на волю судьбы. Искуснымъ отступленіемъ черезъ неаполитанскую и римскую территорію онъ достигъ сѣверной Италіи. Теперь Макдональду, во что бы то ни стало, надо было постараться соединиться съ Моро, который отступилъ до Генуи. Но онъ былъ честолюбивъ и надѣялся нанести непріятелю смѣлый и рѣшительный ударъ, чтобы возстановить преобладаніе французскаго оружія, и славы этого предпріятія онъ не хотѣлъ дѣлить съ Моро. Такимъ образомъ, онъ старался напасть на отдѣленія русско-австрійской арміи и уничтожить ихъ по одиночкѣ. Но Суворовъ не допустилъ его до этого; онъ стянулъ значительное войско и съ чрезвычайной быстротой поспѣшилъ на встрѣчу французскому генералу. На берегахъ Треббіи, гдѣ нѣкогда Ганнибалъ побѣдилъ римлянъ, произошла страшная трехдневная битва, съ 17 по 19 іюля, въ которой преобладающая сила и ярость необузданнаго Суворова одержали побѣду надъ французской храбростью. Потери, понесенныя въ этой битвѣ, были чрезвычайно велики; у Макдональда изъ 20.000 человѣкъ едва половина осталась еще способной къ бою, потери же Суворова

были еще гораздо выше, такъ какъ онъ при своихъ свирѣпыхъ аттакахъ совершенно не принималъ въ соображеніе жизни своихъ солдатъ.

Теперь Макдональдъ соединился съ Моро, и оба побѣжденные генералы ждали въ приморскихъ Альпахъ подкрѣпленій, которыя имѣли придти изъ Франціи, между тѣмъ какъ Италія была завоевана союзниками, и укрѣпленная Мантуя снова перешла въ руки Австріи. Политическія созданія Бонапарта исчезли такъ же быстро, какъ и появились, и дѣло приняло такой видъ, точно въ Ломбардіи никогда не было республиканцевъ.

Между тѣмъ, какъ побѣдоносный Суворовъ носился съ мыслью о вторженіи во Францію, отъ котораго его удержали лишь безтолковыя распоряженія вѣнскаго двора, эрцгерцогъ Карлъ, послѣ отступленія Журдана, перешелъ черезъ Рейнъ, чтобы напасть на Массену, который, соединившись съ остатками дунайской арміи, занялъ крѣпкую позицію подъ Цюрихомъ. Эрцгерцогъ двинулся черезъ Шафгаузенъ на Цюрихъ. Готце имѣлъ пройти черезъ Граубюнденъ и соединиться съ нимъ. Это соединеніе удалось,—въ особенности потому, что реакціонные старые кантоны Швейцаріи оказывали сильную поддержку Готце. Тогда Карлъ приступилъ къ нападенію; произошла первая цюрихская битва, продолжавшаяся съ 3 по 6 іюня. Эта четырехдневная битва стоила много жертвъ, не приведя къ рѣшительному результату. Оба полководца оказались достойными другъ друга и пускали въ ходъ всѣ средства военнаго искусства, но ни одинъ изъ нихъ не могъ одолѣть противника. Однако Массена оставилъ свою позицію, очистилъ Цюрихъ и укрѣпился на Итлибергѣ, въ чрезвычайно сильной и хорошо прикрытой позиціи, гдѣ онъ ожидалъ нападенія врага.

Но этого нападенія не послѣдовало, потому что военныя операціи союзниковъ, какъ въ Италіи, такъ и въ Швейцаріи, вдругъ прекратились. Интриги Тугута опять привели къ тому, что полководцы снова были въ распрѣ съ вѣнскимъ кабинетомъ. Эрцгерцогъ Карлъ былъ раздраженъ тѣмъ поведеніемъ, которое позволялъ себѣ относительно него гофкригсратъ. Суворовъ пришелъ въ ярость отъ поведенія австрійскихъ генераловъ, которые не хотѣли повиноваться ему. Сверхъ того, онъ могъ доказать, что Австрія хотѣла удержать Сардинію для себя, вмѣсто того, чтобы, по желанію императора Павла, возвратить ее королю Виктору-Амедею. Это привело въ раздраженіе императора Павла, и онъ, можетъ быть, уже теперь отозвалъ бы свои войска, если бы австрійскій посолъ въ Петербургѣ, графъ Кобентцль, не нашелъ средствъ отвратить гнѣвъ императора. Онъ сумѣлъ отклонить вниманіе Павла, отъ жалобъ Суворова и поддержать въ немъ желательное Австріи настроеніе. Этимъ удалось удержать Павла въ коалиціи. Рѣшено было однако, что впредь русскіе и австрійцы бу-

дутъ вести отдѣльно войну съ Франціей: русскіе въ Швейцаріи, австрійцы въ Италіи.

Но раньше, чѣмъ отдѣлиться отъ австрійцевъ, Суворовъ еще разъ сдѣлалъ нападеніе. Французская армія въ Италіи была усилена и получила новаго главнокомандующаго, въ лицѣ молодого и пылкаго генерала Жуберта. Жубертъ со всей своей силой вышелъ изъ Ривьеры, гдѣ собрались французы. Близъ Нови онъ вдругъ увидѣлъ передъ собою страшнаго Суворова и потерялъ увѣренность въ своихъ дѣйствіяхъ, когда узналъ, что имѣетъ дѣло съ главной русско-австрійской силою. 15 августа 1799 г. произошла битва при Нови, самая страшная изъ всѣхъ битвъ этого похода.

Суворовъ напалъ на французовъ со всей яростью, свойственною его способу веденія войны. Онъ двинулъ свои массы на штурмъ французской позиціи, не обращая вниманія на страшныя потери, которыя наносило имъ упорное сопротивленіе французовъ. Храбрый Жубертъ леталъ по полю битвы, являясь въ первыхъ рядахъ боевой линіи, чтобы воодушевить своихъ солдатъ. Онъ только что сталъ во главѣ одного полка, чтобы ударить въ штыки,—какъ одинъ тирольскій стрѣлокъ взялъ его на прицѣлъ и поразилъ прямо въ грудь. Жубертъ замертво упалъ съ коня, французы пришли въ смятеніе отъ потери вождя. Моро вынужденъ былъ принять начальствованіе надъ войскомъ. Но замѣшательство было уже слишкомъ велико; при бурномъ натискѣ Суворова, сраженіе послѣ страшнаго побоища было совершенно проиграно французами. Потери были огромны; французы потеряли 16.000, русскіе же и австрійцы при суворовской тактикѣ, столь расточительной относительно жизни солдатъ,—около 25.000 человѣкъ убитыми и ранеными.

Французы должны были снова отступить въ приморскіе Альпы; Суворовъ двинулся въ Швейцарію, а Меласъ остался въ прежней позиціи противъ французовъ.

Но военное счастье измѣнило союзникамъ. Директорія поставила генерала Мюллера во главѣ новообразованной арміи съ приказаніемъ вторгнуться въ южную Германію. Узнавъ объ этомъ, эрцгерцогъ Карлъ рѣшилъ отступить изъ Швейцаріи, предоставивъ борьбу съ Массеною новому русскому вспомогательному войску, прибывшему въ Швейцарію подъ начальствомъ князя Корсакова. Эрцгерцогъ не могъ надлежащимъ образомъ условиться съ Корсаковымъ, такъ что операціи обѣихъ армій не имѣли достаточной связи между собой. Массена напалъ на отступавшихъ австрійцевъ и 14 августа вездѣ отбросилъ ихъ. Многія изъ частей ихъ арміи перешли Рейнъ въ безпорядочномъ бѣгствѣ.

Корсаковъ надѣялся теперь на соединеніе съ Суворовымъ, который вступилъ въ Швейцарію черезъ Сенъ-Готтардъ, чтобы сжать французскую армію близъ Цюриха между обоими русскими корпу-

сами. Но Массена, рѣшительный, смѣлый и высокоталантливый военачальникъ, не ждалъ прихода Суворова, а напалъ 24 сентября на Корсакова. Возгорѣлась вторая цюрихская битва, окончившаяся послѣ двухдневной кровопролитной борьбы полнымъ пораженіемъ русскихъ Городъ Цюрихъ, бывшій центральнымъ пунктомъ битвы, сталъ мѣстомъ страшной бойни на городскихъ улицахъ. Улицы буквально были залиты кровью и, кромѣ тысячъ французовъ и русскихъ, погибло также много жителей, совершенно не участвовавшихъ въ битвѣ. Отрядъ австрійцевъ, оставшійся съ русскими подъ начальствомъ Готце, былъ также разбитъ и самъ Готце палъ въ битвѣ.

Эта внезапная и блестящая побѣда подняла духъ французовъ, и Массену восхваляли, какъ спасителя республики, которому ради его выдающихся военныхъ талантовъ прощали его грабительство и жестокость.

Корсаковъ съ остатками своего разбитаго войска перешелъ Рейнъ у Шаффхаузена. Массена не преслѣдовалъ его, а обратился противъ Суворова, который послѣ смѣлаго перехода черезъ Сенъ-Готтардъ, шелъ на Цюрихъ. Русскіе страшно страдали въ негостепріимныхъ мѣстностяхъ, черезъ которыя имъ нужно было проходить; они не могли запастись въ достаточной мѣрѣ провіантомъ и аммуниціей и должны были идти по совершенно непроходимымъ мѣстамъ. Значительно уменьшенные въ числѣ и деморализованные, они подвергались нападеніямъ Массены, который принуждалъ ихъ къ кровавымъ битвамъ. Въ этомъ страшномъ положеніи Суворовъ напрягъ всѣ силы своего генія и съ изумительной храбростью отражалъ многократныя нападенія Массены. Но онъ долженъ былъ отступить, и это отступленіе стало полной гибелью для большей части его войска. Тысячами погибали русскіе отъ истощенія, замерзали или обрывались въ пропасти Альповъ. Когда Суворовъ съ остатками своей арміи достигъ Хура, онъ потерялъ всѣ свои пушки, и его войско превратилось въ безпорядочную, оборванную толпу, для которой плохимъ утѣшеніемъ была слава, что она совершила отступленіе, почти единственное въ военной исторіи. Вскорѣ послѣ этого императоръ Павелъ отозвалъ русскихъ на родину.

Такъ вторженіе во Францію и не состоялось, и молодой генералъ Шампіонэ, назначенный вмѣсто Моро главнокомандующимъ французской арміи въ Ривьерѣ, двинулся въ октябрѣ 1799 г. снова впередъ. Онъ хотѣлъ смѣлымъ движеніемъ загладить несчастья этого года. Но Меласъ 4 сентября встрѣтился съ нимъ у Савильяно и энергично отбросилъ его назадъ. Въ концѣ этого кровопролитнаго и столь обильнаго катастрофами похода у французовъ остались въ Италіи лишь Генуя и Ницца. На Рейнѣ военное счастье тоже оставило французовъ. Эрцгерцогъ Карлъ прогналъ разбитую рейнскую армію и взялъ приступомъ Мангеймъ, между тѣмъ какъ крестьяне

Шпессарта и Оденвальда вели съ французами ожесточенную партизанскую войну.

Питтъ искалъ въ этомъ году случая для одного изъ тѣхъ хищническихъ набѣговъ, въ которыхъ Англія обыкновенно обогащалась военною добычею. Такіе набѣги всегда значительно ослабляли военный флотъ и торговыя связи націй, подвергавшихся имъ, и англійскіе купцы извлекали изъ этого выгоду. Разыскивая добычу которая вознаградила бы англичанъ за деньги, затраченныя на коалицію, Питтъ бросилъ свои жадные взоры на голандскій флотъ, стоявшій въ Текселѣ. Питту удалось склонить русскато императора Павла къ участію въ экспедиціи въ Голландію, для чего онъ выдумалъ предлогъ, будто онъ желаетъ возстановить въ Голландіи наслѣдственнаго штаттгалтера Вильгельма V Оранскаго, изгнаннаго французами. Въ дѣйствительности это возстановленіе ни мало не интересовало его, но русскій императоръ согласился на участіе въ экспедиціи, и, такимъ образомъ, былъ заключенъ трактатъ, по которому 20.000 русскихъ и столько же англичанъ готовились вмѣстѣ вторгнуться въ Голландію.

Союзныя войска, подъ начальствомъ герцога Іоркскаго и русскаго генерала Германна, высадились въ Голландіи, гдѣ имъ вышли на встрѣчу только сторонники Оранскаго дома. Директорія выставила для защиты Голландіи батавскую армію подъ начальствомъ Брюна и Дэндельса, но нападенія уже не ожидали, такъ какъ союзники явились лишь въ августѣ, и средства защиты не были приведены въ надлежащій порядокъ. Союзники овладѣли тексельскимъ мысомъ, и англичане могли теперь захватить голландскій флотъ, состоявшій изъ 30 кораблей. Среди экипажа флота существовалъ заговоръ въ пользу штаттгалтера, и заговорщики не допустили энергичнаго адмирала Стори до защиты; они выдали его англичанамъ вмѣстѣ съ его кораблями.

Штаттгалтеръ Вильгельмъ V Оранскій обратился къ голландцамъ съ прокламаціей, но встрѣтилъ въ народѣ полное равнодушіе къ своей особѣ. Герцогъ Іоркскій оказался медлительнымъ и неумѣлымъ. Теперь Брюнъ достаточно приготовился къ битвѣ; англичане двинулись впередъ, но 19 сентября въ сраженіи при Бергенѣ были разбиты и оттиснуты въ пустынную мѣстность Ципа, гдѣ они терпѣли недостатокъ во всемъ, и вскорѣ ихъ посѣтили злокачественныя лихорадки, свирѣпствующія въ той мѣстности. Герцогъ Іоркскій охотнѣе всего теперь же возвратился бы въ Англію, но вслѣдствіе настойчивыхъ требованій русскихъ онъ еще разъ перешелъ къ наступленію. Съ 2 по 6 октября произошла борьба при Алькмаарѣ, результатомъ которой было то, что русскіе и англичане снова были отброшены въ болота Ципа. Тогда полководцы упали духомъ и вступили въ переговоры съ Брюномъ. Онъ предоставилъ имъ свободное отступленіе, но они должны были выдать всѣхъ французскихъ и

голландскихъ плѣнныхъ и возстановить разрушенныя ими плотины и крѣпости.

Этотъ успѣхъ французскаго оружія не могъ вознаградить за пораженія въ Италіи. Но онъ поднялъ духъ французовъ въ концѣ этого, столь несчастаго для нихъ года. Старая Англія захватила свою добычу, и эта добыча, очевидно, была милѣе торгашамъ, чѣмъ самыя блестящія побѣды Суворова.

Молодой генералъ Шампіоннэ употреблялъ всѣ усилія, чтобы вдохнуть жизнь въ свое политическое созданіе, неаполитанскую республику. Территорія Неаполя была раздѣлена на одиннадцать департаментовъ, и законодательная власть передана совѣту изъ 25 членовъ. Но гражданскіе комиссары поборами, конфискаціями и вымогательствами всякаго рода способствовали озлобленію народа, между тѣмъ какъ Шампіоннэ до нѣкоторой степени умиротворилъ лаццарони, склонивъ при помощи денегъ духовенство къ тому, чтобы было совершенно извѣстное чудо св. Януарія. Противъ гражданскихъ коммиссаровъ и ихъ хищеній онъ принималъ строгія мѣры и увольнялъ ихъ. Директорія отозвала этого генерала, содѣйствовавшаго раскопкамъ въ Помпеѣ и желавшаго соорудить памятникъ римскому поэту Виргилію, и его мѣсто занялъ генералъ Макдональдъ, ирландецъ по происхожденію, какъ полководецъ, можетъ быть, и болѣе способный, но въ организаціи новаго государства понимавшій, несомнѣнно, гораздо меньше, чѣмъ Шампіоннэ.

Неаполитанская страна никогда не была вполнѣ умиротворена, и происки духовенства и неаполитанскаго двора никогда здѣсь не прекращались. Вскорѣ фанатизированное и ослѣпленное сельское населеніе поднялось противъ французовъ и неаполитанской демократіи—именно, въ Апуліи и Калабріи. Демократы и роялисты свирѣпствовали другъ противъ друга со всей жестокостью, на какую способны неаполитанцы, обыкновенно не очень-то отличающіеся мужествомъ на войнѣ. Совершались отвратительныя убійства, разрушались цѣлыя деревни, и населеніе ихъ истреблялось. Для организаціи возстанія прибылъ, въ качествѣ посла отъ двора, находившагося въ Сициліи, фанатичный кардиналъ Руффо. Онъ сумѣлъ организовать возстаніе, подстрекая крестьянъ именемъ религіи. Подъ его знамена стекался всевозможный сбродъ; къ нему посылали помилованныхъ преступниковъ, и подъ его начальствомъ служило много бандитовъ, желавшихъ возстановить свою „честь“. Пресловутый предводитель разбойниковъ, Микель Пецца, служилъ подъ начальствомъ Руффо въ чинѣ полковника и продѣлывалъ отвратительныя жестокости, которыя доставили ему у изумленной черни прозваніе Фра-Діаволо (братъ-діаволъ). Впослѣдствіи *французы поймали* и повѣсили его.

Руффо обѣщалъ всѣмъ своимъ сподвижникамъ полное отпущеніе грѣховъ, что въ особенности пріятно было бандитамъ; затѣмъ, онъ объявилъ освобожденіе отъ налоговъ на десять лѣтъ. Крестьяне толпами стекались къ нему, и вскорѣ подъ его начальствомъ было болѣе 100.000 человѣкъ. Руффо и неаполитанскій архіепископъ разыграли также комедію, предавъ другъ друга проклятію.

Макдональдъ легко управился бы съ этими очень хищническими, но тѣмъ менѣе способными къ войнѣ ордами, хотя ихъ поддерживали англійскія, русскія и даже турецкія суда. Но тѣмъ временемъ въ верхней Италіи французская армія потерпѣла пораженія, и директорія велѣла Макдональду уйти изъ Неаполя, чтобы не быть отрѣзаннымъ. Макдональдъ стянулъ свои войска, занятыя подавленіемъ роялистическаго возстанія, и выступилъ 5 мая изъ Неаполя, оставивъ въ городской крѣпости французскій гарнизонъ.

Положеніе неаполитанской демократіи было печально, потому что въ столицѣ были лаццарони, отъ которыхъ ежеминутно можно было ждать возстанія, а теперь прибылъ къ неаполитанскимъ берегамъ также и поклонникъ негодной леди Гамильтонъ, Нельсонъ, чтобы своимъ флотомъ содѣйствовать революціи. Даже отрядъ турокъ соединился съ защитниками вѣры кардинала Руффо. Среди страшныхъ опустошеній и ужасовъ кардиналъ шелъ къ столицѣ.

Республиканцы готовились къ защитѣ, и военный министръ Монтонэ, человѣкъ желѣзной силы воли, проявилъ энергичную дѣятельность. Роялистическіе заговоры въ Неаполѣ подавлялись со страшной жестокостью, казнено много шпіоновъ и предателей. Но у республиканцевъ не было ни хорошихъ офицеровъ, ни надежныхъ войскъ; неустойчивые неаполитанцы хотя и поступали въ баталліоны республики, но лишь затѣмъ, чтобы при первомъ столкновеніи обратиться въ бѣгство или перейти къ врагу. Эта демократія лишь теперь увидѣла, что почва, на которой она стояла, не была подготовлена для нея. Лучшіе и благороднѣйшіе люди страны были въ демократіи. Они видѣли, какъ приближается гибель въ лицѣ дикихъ и разнузданныхъ шаекъ Руффо, и вынесли катастрофу съ мужествомъ, которое уже не было обычнымъ въ это время. Когда знаменитый естествоиспытатель Чирилло вступилъ въ законодательное собраніе, онъ сказалъ: *„Я знаю, что беру на себя опасную обязанность, но я охотно отдаю свою жизнь отечеству“.*

Руффо и король Фердинандъ объявили амнистію, за немногими исключеніями, каждому, кто изъявитъ покорность, тогда какъ Нельсонъ въ своей грубой злобѣ неустанно требовалъ вѣшаній и разстрѣляній. Само собою разумѣется, что у Руффо, также какъ у двора, была задняя мысль—не давать, послѣ покоренія Неаполя, обѣщанной амнистіи. Республиканцы не покорялись, потому что они знали своихъ враговъ.

Монтонэ раздѣлилъ слабое войско республики на три колонны и выставилъ ихъ противъ преобладавшаго численностью врага. Но при первомъ столкновеніи войско разсѣялось; половина его перешла къ врагу, а національная гвардія бѣжала въ Неаполь. Тогда многочисленная армія Руффо двинулась къ городу, который 14 іюня перешелъ въ ея руки, за исключеніемъ крѣпости, занятой французами. Напрасно канонерскія лодки республиканскаго адмирала Каррачіоли направляли огонь на приближающіяся шайки Руффо; Неаполь попалъ въ руки контръ-революціонеровъ, для которыхъ теперь настало время давно желанной мести республиканцамъ.

Разбойничій сбродъ лаццарони поднялся, чтобы отомстить безоружнымъ теперь демократамъ за кровавые уроки, полученные имъ въ январѣ отъ Шампіоннэ. Начались разбои и грабежи, какихъ можно ожидать только отъ лаццарони. Не щадили ни возраста, ни пола. Кто только носилъ коротко остриженные волосы, того убивали, грабили его жилище и домъ сравнивали съ землею. Знатныхъ дамъ, провинившихся сочувствіемъ демократіи, совершенно обнаженными сѣкли публично и выставляли у позорнаго столба. Руффо стоялъ за городомъ, и сволочь лаццарони могла безъ стѣсненій удовлетворить свою страсть къ разбоямъ и грабежамъ. 15 іюня онъ вступилъ въ городъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ города республиканцы защищались съ отчаяннымъ мужествомъ; огонь изъ укрѣпленій поддерживалъ ихъ. 16 іюня преобладающая сила враговъ одолѣла ихъ, и лишь теперь Руффо остановилъ лаццарони. Французскіе коменданты укрѣпленій вступили въ переговоры, и была заключена капитуляція, по которой французы и вожди демократіи, бѣжавшіе въ укрѣпленія, должны были получить свободный пропускъ, лишь только прибудутъ транспортныя суда.

Руффо, очевидно, хотѣлъ соблюсти этотъ договоръ, но не таковы были желанія королевы, отверженной леди Гамильтонъ и ея поклонника, Нельсона. Слабый король не зналъ, что ему дѣлать; Нельсонъ же, прибывшій теперь изъ Сициліи въ Неаполь, далъ кардиналу обѣщаніе соблюдать договоръ. Но интриги Гамильтонъ побудили королеву написать въ Неаполь письмо такого содержанія: *„Скажите Нельсону, чтобы онъ поступилъ съ Неаполемъ, какъ съ мятежнымъ городомъ въ Ирландіи“*.

Этого было достаточно для грубаго моряка, исполненнаго двойнымъ желаніемъ: насытить свою ненависть къ демократіи и угодить куртизанкѣ Гамильтонъ. Нельсонъ просто нарушилъ договоръ, заключенный Руффо, и велѣлъ своему флоту напасть на транспортныя суда, куда были доставлены демократы, находившіеся въ укрѣпленіяхъ, и захватить демократовъ. Всѣ, остававшіеся еще на сушѣ, тоже, несмотря на капитуляцію, были арестованы и доставлены на корабли Нельсона.

Едва ли когда-нибудь храбрый воинъ, порабощенный низкой *женщиною*, велъ себя постыднѣе, чѣмъ теперь Нельсонъ.

Адмиралъ Каррачіоли, примкнувшій къ республикѣ больше вслѣдствіе отсутствія самостоятельности, чѣмъ по убѣжденію, былъ раньше близокъ ко двору и Нельсону, и поэтому грязная котерія преслѣдовала его съ самой сильной ненавистью. Именно Гамильтонъ требовала его смерти, и Нельсонъ въ этомъ случаѣ больше чѣмъ угодилъ ей. Онъ велѣлъ связаннаго адмирала доставить на свой корабль и назначилъ надъ нимъ военный судъ. Военный судъ хотѣлъ дать адмиралу время, представить документы для своей защиты. Но Нельсонъ сурово заявилъ: *„Всякая дальнѣйшая задержка излишня!“* Когда затѣмъ военный судъ все-таки приговорилъ адмирала только къ пожизненному тюремному заключенію, Нельсонъ схватилъ приговоръ, написалъ подъ нимъ: *„Къ смертной казни!“* и велѣлъ повѣсить Каррачіоли на рѣ.

Эта Гамильтонъ, умершая въ нищетѣ, должна была пережить тотъ позоръ, что Англія съ презрѣніемъ отвергла желаніе, выраженное Нельсономъ въ его завѣщаніи, чтобы нація позаботилась о Гамильтонъ и о ея дочери отъ него.

Еще Руффо учредилъ государственную юнту для суда надъ арестованными демократами. Этотъ судъ былъ возстановленъ, и начались процессы противъ арестованныхъ, которыхъ было около 8000 человѣкъ. Послѣдовали многочисленныя казни, а также приговоры къ тяжелому тюремному заключенію. Сколько жертвъ погибло отъ безнаказанныхъ убійствъ лаццарони и въ отвратительныхъ тюрьмахъ, невозможно опредѣлить. Мы назовемъ лишь знаменитыя жертвы этого реакціоннаго терроризма; кромѣ Каррачіоли, погибли: князь Стронголи, благородные Гримальди и Колонна, естествоиспытатель Чирилло, талантливая республиканка Элеонора Фонсека Пиментель, редактировавшая „Монитеръ“ республики и навлекшая на себя ненависть двора. Знаменитый композиторъ Чимароза спасся отъ эшафота лишь благодаря ходатайствамъ иностранныхъ дворовъ.

Преслѣдованія демократовъ продолжались до 1801 г. Тогда Бонапартъ во флорентійскомъ мирномъ договорѣ отчетливо потребовалъ прекращенія этихъ гоненій.

Съ партенопейской республикой пала и римская. Папа умеръ плѣнникомъ Франціи, но Римъ заняли неаполитанцы и принялись тамъ за жестокія и кровавыя преслѣдованія республиканцевъ. Къ концу 1799 г. исчезли всѣ республики-дочери Франціи, и положеніе самой Франціи было бы въ высшей степени критическимъ, если бы большая коалиція не парализовала самое себя несогласіями среди ея членовъ.

Военныя неудачи Франціи не мало способствовали тому, что директоріальное правительство потеряло и тотъ остатокъ уваженія, какимъ оно раньше пользовалось. Въ самой странѣ это правительство

было ненавистно богатымъ, потому что оно донимало ихъ принудительными займами; оно было ненавистно бѣднымъ, потому что ничего не дѣлало для нихъ; ненавистно оно было и среднему слою, потому что дѣла шли плохо, и причину этого видѣли въ дурной внѣшней и внутренней политикѣ правительства; оно было ненавистно также крестьянамъ, потому что угнетало ихъ налогами. Сверхъ того, и въ самой директоріи былъ разладъ. Она все еще страдала хроническимъ безденежьемъ. Подати были въ страшномъ безпорядкѣ, такъ что онѣ давили именно тамъ, гдѣ должны были не быть обременительными. Землевладѣльцы были до крайности озлоблены несообразнымъ и произвольнымъ обложеніемъ. Случалось, что мелкіе землевладѣльцы оставляли свои участки сборщикамъ податей съ замѣчаніемъ, что пусть они сами обрабатываютъ эти участки и добудутъ изъ нихъ средства для уплаты податей. Затѣмъ, еще значительная часть поступившихъ налоговъ прилипала къ рукамъ вороватыхъ чиновниковъ, а на тѣ доходы, какіе поступали въ государственную кассу, тогдашній министръ финансовъ, Роберъ-Линдэ, заранѣе выдавалъ векселя. При этихъ векселяхъ правительство теряло часто половину суммы; министръ финансовъ съ трудомъ убѣдилъ нѣсколькихъ парижскихъ банкировъ дать свои подписи подъ этими векселями. Такихъ векселей, называвшихся квитанціями синдиката, было выпущено на сумму до 30 милліоновъ. Въ началѣ они сохранили свой курсъ, но когда на биржѣ узнали, какого рода эти векселя, курсъ ихъ упалъ съ поразительной быстротой.

Торговля и промышленность совершенно пали; постыдныя усилія Питта отрѣзать Францію отъ международной торговли достигли своей цѣли. Торговыя сношенія большихъ портовыхъ городовъ, благодаря англійскимъ крейсерамъ, сократились до минимума, и можно представить себѣ, каковы должны быть послѣдствія, если такіе города, какъ Марсель, отрѣзаны отъ всякихъ сношеній съ колоніями. Промышленность вездѣ пала, чему значительно способствовало пониженіе покупательной силы народа вслѣдствіе обѣднѣнія массъ; въ Ліонѣ стояло безъ работы 5.000 ткацкихъ станковъ. Рабочіе оставались безъ дѣла и, если они не были въ арміи, должны были жить въ нищетѣ и вынужденной праздности. Необезпеченность стала всеобщей въ странѣ. Тысячи людей искали средствъ къ жизни въ уличныхъ грабежахъ. Образованіе находилось въ плачевномъ состояніи какъ въ низшихъ, такъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, потому что — откуда директоріи, не выходившей изъ денежныхъ затрудненій, откуда ей было взять средства на содержаніе учебныхъ заведеній? Обѣднѣніе государства отразилось въ неимовѣрномъ пренебреженіи къ попеченію о больныхъ и бѣдныхъ; подкидыши умирали огромными массами. Обѣднѣніе народа все еще увеличивалось. Передъ этими *бѣдствіями* правительство казалось совершенно безпомощнымъ: такимъ

оно и было въ дѣйствительности. Сійесъ, тщеславный и притязательный человѣкъ, воображавшій, будто онъ выше своихъ товарищей, время отъ времени сообщалъ отрывки изъ своей таинственной конституціи, придумать же какой-нибудь выходъ изъ всеобщаго обнищанія онъ былъ неспособенъ.

Тѣмъ временемъ демократы были въ большомъ движеніи, и въ клубѣ манежа раздавались грозныя нападки на правительство. Оба демократа, состоявшіе въ директоріи, Гоіе и Муленъ, оказывали содѣйствіе своимъ единомышленникамъ въ народѣ. Бернадоттъ, впослѣдствіи король Швеціи, рѣшительно держалъ сторону якобинцевъ, какъ и генералы Шампіоннэ и Ожеро, въ особенности же Журданъ, который, раздраженный своими пораженіями, не скрывалъ среди демократовъ своего отвращенія къ директоріи. На одномъ демократическомъ банкетѣ Журданъ провозгласилъ тостъ за возстановленіе пикъ 1792 года. Клубъ манежа требовалъ возбужденія обвиненія противъ нѣкоторыхъ прежнихъ директоровъ, министровъ-предателей и вороватыхъ поставщиковъ и агентовъ правительства.

Сійесъ теперь совершенно порвалъ съ демократами; демократическій военный министръ, Бернадоттъ, былъ уволенъ, и Фуше, бывшій террористъ и одинъ изъ самыхъ хитрыхъ, но также коварныхъ и испорченныхъ людей, назначенъ министромъ полиціи.

Возстаніе въ Вандеѣ вновь поднялось и было въ полномъ ходу. Кадудаль, Фроттэ и Бурмонъ начальствовали теперь надъ крестьянами, сражавшимися раньше подъ предводительствомъ Шарета и д'Эльбе. При побѣдахъ Суворова и эрцгерцога Карла роялисты съ увѣренностью надѣялись на возстановленіе монархіи.

Когда въ сентябрѣ 1799 г. все еще приходили удручающія извѣстія съ театра войны, когда стала извѣстной потеря батавскаго флота, возбужденіе снова усилилось. Оно достигло своего зенита, когда генералъ Журданъ сдѣлалъ въ совѣтѣ пятисотъ предложеніе *объявить отечество въ опасности*, какъ было въ 1792 г. Онъ отрицалъ, будто онъ хочетъ снова вернуть время ужаса; но онъ въ рѣзкой рѣчи требовалъ наказанія измѣнниковъ, враговъ свободы и мошенниковъ; онъ требовалъ свободы печати и собраній, такъ какъ Фуше только что велѣлъ закрыть клубъ манежа; онъ требовалъ назначенія на общественныя должности честныхъ и рѣшительныхъ республиканцевъ.

Предложеніе Журдана привело въ движеніе всю Францію; но противъ него выдвинули клевету, будто осуществленіе его повлекло бы за собою лишь возобновленіе безпрестанныхъ казней. Масса народа, желавшая спокойствія, работы и заработка, была вслѣдствіе этого сильно настроена противъ предложенія Журдана: она не хотѣла еще разъ пережить смуты террора. Совѣтъ пятисотъ отвергъ предложеніе Журдана сильнымъ большинствомъ.

Сійесъ, какъ мы уже видѣли, давно работалъ надъ заговоромъ съ цѣлью уничтоженія конституціи III года, вмѣсто которой онъ хотѣлъ затѣмъ ввести свои собственныя конституціонныя фантазіи. Но тѣмъ временемъ случилось событіе, нарушившее честолюбивыя мечты аббата. Наполеонъ Бонапартъ прибылъ въ Парижъ, убѣжденный, что насталъ моментъ для захвата имъ власти.

Бонапартъ въ это время былъ самымъ популярнымъ человѣкомъ во Франціи. Это показало его тріумфальное шествіе отъ Фрежю до Парижа; восторгъ, съ которымъ населеніе встрѣчало побѣдителя при пирамидахъ и Абукирѣ, былъ безпредѣленъ. Можно было бы подумать, что французскій народъ, обнаруживший такую страсть къ свободѣ, исполнился теперь не менѣе страстнымъ стремленіемъ возможно скорѣе снова найти себѣ деспота, который попралъ бы его ногами. Деспота онъ долженъ былъ пріобрѣсти легче и скорѣе, чѣмъ свободу.

Когда Бонапартъ прибылъ въ Парижъ, правительство, которое собственно должно было отдать его подъ судъ за бѣгство съ поля битвы, встрѣтило его съ чрезмѣрными почестями. Всѣ партіи надѣялись на этого генерала, который обманулъ ихъ всѣхъ. Онъ былъ сдержанъ со всѣми, жилъ просто и уединенно на улицѣ Шантрень, совершенно не говорилъ о политикѣ и не принималъ никакихъ посѣщеній. Онъ прекрасно зналъ, что эта комедія раздражаетъ воображеніе французовъ и возвышаетъ его значеніе въ ихъ глазахъ. Вожди всѣхъ партій пытались примкнуть къ нему, но онъ вначалѣ отстранялъ ихъ всѣхъ. Онъ, очевидно, хотѣлъ сперва ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ и осторожно избрать себѣ союзниковъ.

Въ это время Люсьянъ Бонапартъ, младшій братъ генерала, былъ президентомъ совѣта пятисотъ. Люсьянъ, несмотря на свои молодые годы, проявилъ способности государственнаго человѣка; онъ обладалъ большимъ хладнокровіемъ и энергіей и былъ неразборчивъ въ средствахъ. Люсьянъ принималъ большое участіе въ заговорѣ, предшествовавшемъ государственному перевороту.

Узнавъ относительныя силы партій, генералъ Бонапартъ рѣшилъ соединиться съ партіей аббата Сійеса для уничтоженія конституціи. Хитрый дипломатъ Таллейранъ и Редереръ, сыгравшій такую достопримѣчательную роль 10 августа 1792 г. въ Тюльери, устроили сближеніе между генераломъ и аббатомъ, что было не легко, такъ какъ каждый изъ нихъ былъ исполненъ одинаковымъ высокомѣріемъ, подозрительностью и тщеславіемъ. Рѣшено было оружіемъ принудить обѣ палаты къ принятію новой конституціи, придуманной Сійесомъ. Для выполненія этого переворота Бонапартъ долженъ былъ воспользоваться своей громадной популярностью въ арміи. И онъ притворился теперь, будто сочувствуетъ идеямъ Сійеса, съ тайнымъ намѣреніемъ послѣ захвата власти приспособить новую конституцію къ *своимъ* желаніямъ.

Сійесъ твердо вѣрилъ въ то, что онъ предназначенъ для великой роли, и употреблялъ большія усилія для распространенія заговора.

Незадолго до переворота палаты устроили банкетъ въ честь генераловъ Бонапарта и Моро. Уже на этомъ банкетѣ можно было замѣтить тѣнь предстоящаго переворота. Всѣ были серьезны и мрачны. Бонапартъ хотя и явился на банкетъ, но ничего не ѣлъ изъ опасенія быть отравленнымъ и скоро удалился. Это было 6 ноября 1799 года; 8 ноября совершился государственный переворотъ.

Палаты всячески способствовали перевороту, сами того не зная и не желая. Въ бюджетѣ директоріи за 1799 г. до начала 1800 г. былъ дефицитъ въ 260 милліоновъ франковъ; новый принудительный заемъ далъ лишь небольшую сумму. Поэтому рѣшено было прекратить принудительные займы и къ прямымъ налогамъ прибавить дополнительный сборъ. Но при существовавшей тогда неурядицѣ въ сборѣ налоговъ это постановленіе не могло устранить затрудненій. Финансовыя затрудненія продолжали грозно тяготѣть надъ государствомъ.

Съ Барра Бонапартъ не могъ придти къ соглашенію, хотя и сдѣлалъ попытку къ этому; такимъ образомъ, онъ рѣшилъ устранить „партію гнилыхъ“, какъ онъ называлъ Барра и его товарищей. Но самые выдающіеся офицеры, за исключеніемъ Бернадотта и Журдана, примкнули къ заговору. Даже Ожеро, который, какъ ярый республиканецъ, казался неудобнымъ, сказалъ Бонапарту: „вы, вѣдь, можете положиться на вашего маленькаго Ожеро!“ Моро, Макдональдъ, Лефебръ и многіе офицеры какъ въ арміи, такъ и въ національной гвардіи, готовы были слѣдовать за Бонапартомъ во всемъ, что бы онъ ни предпринялъ. Они еще не знали его конечныхъ цѣлей.

Въ сенатѣ на сторонѣ заговорщиковъ было значительное большинство, въ совѣтѣ же пятисотъ меньшинство, руководимое Люсьяномъ Бонапартомъ. Люсьянъ былъ избранъ въ президенты совѣта пятисотъ, потому что его брата, генерала, считали тайнымъ якобинцемъ. Это заблужденіе должно было имѣть тяжелыя послѣдствія.

Заговоръ вселилъ разладъ и раздоръ въ среду представителей власти и вызвалъ ихъ на борьбу другъ съ другомъ. Побѣдительницей изъ этой борьбы должна была выйти та сторона, въ распоряженіи которой была военная сила. И какая изъ борющихся сторонъ должна была выйти побѣдительницей, сомнѣній въ этомъ быть уже не могло.

Бонапартъ самовольно призвалъ въ Парижъ нѣсколько полковъ, чтобы 9 ноября произвести имъ смотръ. Утромъ въ этотъ день въ его домѣ было чрезвычайно блестящее собраніе офицеровъ, столь многочисленное, что оно едва могло помѣститься въ домѣ генерала. Совѣтъ старѣйшинъ собрался въ 7 часовъ и „по ошибкѣ“ не пригласилъ на засѣданіе своихъ демократическихъ членовъ. Съ большой поспѣшностью было рѣшено, что засѣданія обѣихъ палатъ должны быть перенесены въ Сенъ-Клу, такъ какъ въ Парижѣ онѣ, будто бы,

не безопасны со стороны якобинцевъ. Нѣкоторые изъ членовъ совѣта старѣйшинъ, участвовавшихъ въ заговорѣ, представили столь же устрашающую, какъ и лживую картину опаснаго положенія, въ которое будто бы поставили Францію якобинцы, устремляющіеся, дескать, теперь толпами въ Парижъ, чтобы возстановить систему террора. Члены совѣта старѣйшинъ, состоявшіе въ заговорѣ, со страху одобрили все, что отъ нихъ требовали. Такимъ образомъ, палаты были переведены въ Сенъ-Клу, чтобы въ рѣшительный моментъ онѣ были далеко отъ Парижа; Бонапартъ былъ назначенъ главнокомандующимъ военныхъ силъ внутри страны, и ему поручена была защита народнаго представительства. Такъ какъ среди якобинцевъ замѣтили нѣкоторое движеніе, то общественный совѣтъ былъ распущенъ, и Фуше, по соглашенію съ заговорщиками, велѣлъ запереть заставы города.

Уже въ 8 часовъ Бонапартъ получилъ декретъ, которымъ, точно въ насмѣшку, ему поручалась защита народнаго представительства. Онъ пригласилъ офицеровъ, собравшихся въ его домѣ, присягнуть ему и затѣмъ отправился въ совѣтъ старѣйшинъ, чтобы дать присягу на вѣрность конституціи, которую онъ какъ разъ теперь собирался уничтожить. Въ этомъ случаѣ, дѣйствительно, уже не важно было больше или меньше одной ложной клятвой. *Онъ клялся постоянно защищать свободу и республику*, что также было ложной клятвой. Затѣмъ, комедія разыгралась быстро. Въ совѣтѣ пятисотъ декретъ о перенесеніи палатъ былъ прочитанъ какъ разъ во время обсужденія финансовыхъ дѣлъ. Пятьсотъ были изумлены и поражены; они хотѣли подвергнуть декретъ обсужденію, но президентъ, Люсьянъ Бонапартъ, прекратилъ всякія обсужденія, заявивъ, что дебаты могутъ продолжаться только въ Сенъ-Клу. Въ совѣтѣ же старѣйшинъ явились директоры: Сійесъ и Роже-Дюко и сдѣлали лицемѣрное заявленіе, что они должны сложить съ себя обязанности директоровъ, такъ какъ конституція уже столь часто нарушалась. Немедленно Барра угрозами принудили тоже отказаться отъ должности, и онъ подъ прикрытіемъ уѣхалъ въ свои помѣстья. Съ этимъ отъѣздомъ жалкій Барра, конспирировавшій въ послѣднее время съ роялистами, навсегда сошелъ съ политическаго поприща. О его комплотахъ невозможно было получить точныхъ свѣдѣній, такъ какъ послѣ его смерти въ 1829 году бурбонское правительство велѣло конфисковать всѣ его бумаги.

Теперь директорія была уже почти совершенно уничтожена, потому что оставшіеся члены ея, демократы Гоіе и Муленъ, не могли принимать никакихъ постановленій, такъ какъ по конституціи для законности засѣданій директоріи нужно было присутствіе трехъ ея членовъ. Гоіе и Муленъ были достаточно наивны, чтобы поспѣшить къ Бонапарту и Сійесу со своими представленіями, которыя были съ *насмѣшкою* отвергнуты заговорщиками, чувствовавшими себя побѣ-

дителями. Гоіе и Муленъ находились въ Люксембургскомъ дворцѣ подъ охраною отряда войска, и, наконецъ, Гоіе человѣкъ нѣсколько робкій, тоже вышелъ въ отставку.

Бонапартъ занялъ квартиру въ Тюльери и, когда онъ быстро проходилъ по комнатамъ, казалось, что онъ уже вполнѣ вошелъ въ свою роль будущаго повелителя Франціи. *„Это должно кончиться“*, воскликнулъ онъ: *„я не хочу больше комплотовъ, не хочу никакихъ комплотовъ!“*

Въ теченіе дня населеніе Парижа, остававшееся довольно безучастнымъ, узнало, что въ правительствѣ снова произошли перемѣны. Постановленіе совѣта старѣйшинъ, а также и отреченіе директоровъ были объявлены посредствомъ прокламацій, расклеенныхъ на стѣнахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ появилась также и прокламація генерала Бонапарта, тонъ которой показывалъ, что Франція нашла своего господина. По адресу директоріи въ ней говорилось:

„Что сдѣлали вы съ этой Франціей, которую я оставилъ вамъ въ такомъ блескѣ? Я оставилъ вамъ миръ и застаю войну; я оставилъ вамъ побѣды и застаю пораженія; я оставилъ вамъ милліоны изъ Италіи и застаю нищету и грабительскіе налоги. Что сдѣлали вы съ тѣми сотнями тысячъ воиновъ, которыхъ я знаю, какъ товарищей моей славы? Они погибли!.. *Такое положеніе дѣлъ не можетъ продолжаться: въ три года оно привело бы насъ къ абсолютизму*“.

Демократы пришли въ ужасъ отъ этого языка, которымъ уже такъ долго никто не говорилъ во Франціи. Ночью партіи совѣщались. Сійесъ совѣтовалъ Бонапарту арестовать до сорока депутатовъ. Но Бонапартъ не послѣдовалъ этому совѣту снова возмечтавшаго о себѣ аббата. Генералъ не вѣрилъ въ возможность серьезнаго сопротивленія.

Демократы не знали, какъ имъ защищаться отъ насилія популярнаго генерала. Они сдѣлали то, что слабые всегда дѣлаютъ въ подобныхъ случаяхъ, и рѣшили противъ военной безцеремонности сослаться на законъ.

Палаты явились 9 ноября (19 брюмэра) 1799 г. въ Сенъ-Клу, гдѣ готовился заключительный актъ государственнаго переворота. Они собрались въ замкѣ; въ галлереѣ Марса засѣдалъ совѣтъ старѣйшинъ, а въ оранжереѣ совѣтъ пятисотъ. Бонапартъ велѣлъ окружить замокъ войскомъ, которымъ командовалъ участвовавшій въ заговорѣ генералъ Сэррюрье.

Засѣданіе совѣта пятисотъ, за которымъ послѣдовали въ Сенъ-Клу и его частные посѣтители, было чрезвычайно бурнымъ. Парламентаріи думали, что они уже выиграли дѣло, разъ они собрались вмѣстѣ и могли принимать постановленія. Депутатъ Годэнъ, принадлежавшій къ заговорщикамъ, предложилъ выразить благодарность

сенату и побудить его къ дальнѣйшимъ мѣропріятіямъ для спасенія республики. Это предложеніе Іуды, слишкомъ рано открывшее карты противника, вызвало бурю. Поднялся страшный шумъ, и хотя демократическое большинство совѣта пятисотъ было противъ конституціи 1793 г., тѣмъ не менѣе оно считало своей обязанностью всѣми силами защищать ее отъ государственнаго переворота. Среди шума и гама, несмотря на протестъ Люсьяна Бонапарта, рѣшено было, что каждый долженъ присягнуть на вѣрность существующей конституціи. Присяга немедленно же была дана съ большимъ увлеченіемъ и среди бурныхъ восклицаній: „да здравствуетъ республика!“

Бонапартъ, прибывшій съ Сійесомъ и Рожеръ-Дюко, не безъ изумленія узналъ о противодѣйствіи совѣта пятисотъ. Демократическій принципъ народной державности, установленный революціей, нѣсколько устрашилъ своей нравственной силой этого человѣка сабли и пушекъ, когда онъ рѣшался напасть на народное представительство съ обнаженнымъ оружіемъ. Поэтому онъ явился въ совѣтъ старѣйшинъ, ища здѣсь поддержки. Онъ взошелъ на ораторскую трибуну и, не привыкшій говорить передъ такимъ собраніемъ, началъ прерывающимся, дрожащимъ голосомъ:

„Граждане, вы находитесь не въ обыкновенныхъ условіяхъ,— вы стоите теперь на вулканѣ. Позвольте мнѣ дать нѣкоторыя объясненія. Вы нашли, что отечество въ опасности, вы распорядились о перенесеніи законодательнаго корпуса въ Сенъ-Клу, вы возложили на меня исполненіе вашего декрета. Я мирно жилъ въ лонѣ моей семьи, когда приказанія совѣта старѣйшинъ призвали меня къ оружію. Повинуясь вашему зову, я призвалъ моихъ товарищей по оружію на службу отечеству. Въ награду за это на меня клевещутъ, говорятъ о какомъ-то новомъ Кромвелѣ, новомъ Цезарѣ. Граждане,— если бы меня соблазняла подобная роль, то мнѣ легко было бы выполнить ее, когда я въ моментъ величайшаго тріумфа вернулся изъ Италіи, и партіи, какъ и армія, побуждали меня къ захвату верховной власти. Я этого тогда не сдѣлалъ и теперь не дѣлаю. Клянусь вамъ,—республика не имѣетъ болѣе безкорыстнаго гражданина, чѣмъ я. Мы окружены опасностями, намъ грозитъ гражданская война. *Не будемъ же рисковать благами, за которыя нами принесено столько жертвъ, свободой и равенствомъ!*“

Здѣсь демократическій депутатъ Ленгле прервалъ генерала, повидимому, нарочно выражавшагося неясно, и воскликнулъ: „*Такъ, говорите же и о конституціи!*“

„Конституція!...“ отвѣтилъ Бонапартъ, на мгновеніе смутившись и остановившись:—„*У васъ уже нѣтъ конституціи! Вы сами уничтожили ее.* Вы уничтожили ее 18 фрюктидора нападеніемъ на народное представительство, 22 флореаля уничтоженіемъ демократическихъ *выборовъ*, 30 прэріаля сверженіемъ двухъ директоровъ. Эта

конституція, о которой говорятъ всѣ партіи, нарушена всѣми ими; всѣ партіи хотятъ и впредь нарушать ее. Всѣ дѣлали меня повѣреннымъ своихъ плановъ и просили меня поддерживать ихъ. Я этого не хотѣлъ, потому что я желалъ слѣдовать вашему зову. Окруженный моими братьями по оружію, я сумѣю защитить васъ. Увѣряю васъ именемъ тѣхъ храбрыхъ гренадеровъ, штыки которыхъ я вонъ тамъ вижу и которыхъ я такъ часто велъ противъ врага, увѣряю васъ именемъ ихъ мужества, что мы поможемъ вамъ спасти отечество. И если какой-нибудь, нанятый иностранцами, ораторъ осмѣлится говорить о томъ, чтобы объявить меня внѣ закона, я аппелирую къ моимъ товарищамъ по оружію. Вспомните, что меня повсюду сопровождалъ богъ побѣды и богъ счастья!“

Въ дверяхъ засверкали штыки гренадеровъ Бонапарта, что, конечно, произвело еще большее впечатлѣніе, чѣмъ угрозы самого Бонапарта. Сверхъ того, большинство совѣта старѣйшинъ было посвящено въ заговоръ. Никто не возражалъ. Когда Бонапартъ оставилъ залъ и былъ встрѣченъ громкими восклицаніями своихъ солдатъ, онъ чувствовалъ, что здѣсь онъ побѣдилъ.

Съ совѣтомъ пятисотъ управиться было не такъ легко.

Когда Бонапартъ достигъ оранжереи, гдѣ пятьсотъ какъ разъ теперь клялись охранять конституцію, онъ вошелъ въ залъ со шляпой въ рукѣ, между тѣмъ какъ его гренадеры остановились въ дверяхъ. При появленіи узурпатора моментально поднялся страшный крикъ и шумъ; кричали: *„Долой диктатора! Объявите его внѣ закона! Долой штыки!“* Народные представители въ тогахъ и беретахъ—ихъ форменное платье—массой оставили свои мѣста, бросились къ генералу и съ яростными угрозами окружили его. Демократическій депутатъ Бижоннэ схватилъ его за руку и воскликнулъ: *„Назадъ, наглецъ, вы оскорбляете святилище законовъ!“*

Бонапартъ былъ пораженъ и поблѣднѣлъ; тутъ онъ, очевидно, потерялъ самообладаніе. Его гренадеры окружили его и вывели изъ толпы. Въ самомъ залѣ суматоха продолжалась, и сдѣлано было предложеніе объявить генерала Бонапарта внѣ закона. Люсьянъ сильно возражалъ противъ этого предложенія и напоминалъ о заслугахъ генерала. Ему отвѣчали, что эти заслуги еще не оправдываютъ государственнаго переворота. Наконецъ, Люсьянъ въ ярости сложилъ съ себя достоинство президента, и отрядъ гренадеръ вывелъ его во дворъ къ брату.

Бонапартъ теперь погибъ бы, если бы онъ не принялъ быстраго рѣшенія. Онъ колебался, — онъ, который въ огнѣ битвы принималъ свои рѣшенія съ такой быстротой: яростное противодѣйствіе совѣта пятисотъ лишило его самообладанія. Люсьянъ проявилъ въ этотъ день больше рѣшительности и твердости, чѣмъ его братъ. Комедія, разыгранная теперь обоими братьями, была нехороша и недостойна,

и ея одной было бы достаточно, чтобы оставить неизгладимое пятно на памяти Бонапарта.

Хотя Люсьянъ сложилъ съ себя президентское достоинство, но передъ солдатами онъ все-таки выступилъ, какъ президентъ. Онъ вскочилъ на коня, выѣхалъ передъ фронтъ неподвижно стоявшихъ гренадеровъ и обратился къ нимъ съ такими словами: „Граждане солдаты! Президентъ совѣта пятисотъ объявляетъ вамъ, что большинство совѣта *держатъ въ страхѣ нѣсколько представителей съ кинжалами*, которые осаждаютъ ораторскую трибуну, угрожаютъ смертью своимъ товарищамъ и, такимъ образомъ, проводятъ самыя преступныя постановленія. Генералъ и вы, солдаты! вы будете признавать законодателями лишь тѣхъ, которые будутъ со мною. *Тѣхъ же, что остаются въ оранжереѣ, необходимо прогнать силою, потому что они не представители народа, — а представители кинжала*". Наконецъ, Люсьянъ клялся, что онъ убилъ бы своего брата, если бы тотъ предпринялъ что-либо противъ свободы. Эта комедія подѣйствовала на солдатъ. Наполеонъ Бонапартъ воскликнулъ: *„Президентъ, ваше требованіе будетъ сейчасъ же исполнено!"* Затѣмъ, генералъ обратился къ войску и сказалъ: *„Солдаты, я постоянно велъ васъ къ побѣдѣ,—могу ли я разсчитывать на васъ?"*—„Да! да!" раздалось въ рядахъ: *„да здравствуетъ генералъ!"* — „Солдаты", продолжалъ Бонапартъ: „можно было бы ожидать, что совѣтъ пятисотъ спасетъ отечество. Вмѣсто этого онъ ввергъ его въ самую яростную борьбу партій. Зачинщики смутъ стараются натравить его на меня. *Солдаты, могу ли я разсчитывать на васъ?*"—„Да, да!—да здравствуетъ Бонапартъ!" воскликнуло войско, и Бонапартъ далъ приказъ разогнать совѣтъ пятисотъ штыками,—приказъ, который Мюратъ немедленно велѣлъ исполнить генералу Лекрерку.

Пятьсотъ, увлеченные страстными дебатами послѣ ухода Люсьяна, не могли придти ни къ какому рѣшенію. У нихъ не было также энергіи для того, чтобы сдѣлать единственное, что они могли предпринять,—именно, отправиться въ Парижъ и призвать народъ противъ мятежнаго генерала. Насильственному перевороту они противопоставили „пассивное сопротивленіе", свидѣтельствующее лишь объ отсутствіи мужества и энергіи.

Леклеркъ, молодой безцеремонный солдатъ, шуринъ Бонапарта, является со своими гренадерами въ залъ засѣданія. Солдаты входятъ съ ружьями на-перевѣсъ. Леклеркъ кричитъ громкимъ голосомъ: *„Именемъ генерала Бонапарта! Совѣтъ пятисотъ распущенъ! Кто добрый гражданинъ, пусть удалится!"* Депутаты издаютъ крикъ возмущенія, но не оставляютъ своихъ мѣстъ; нѣкоторые изъ нихъ съ достоинствомъ драпируются въ тоги, точно они хотятъ умереть на своемъ посту, какъ нѣкогда римскіе сенаторы при вторженіи дикихъ галловъ. Но Леклеркъ командуетъ: *„гренадеры, впередъ!"* и ведетъ

своихъ мирмидоновъ впередъ во всю ширину зала. Штыки сверкаютъ, бьютъ барабаны, и депутаты вскакиваютъ со своихъ мѣстъ съ крикомъ: *„да здравствуетъ республика!“* Гренадеры все идутъ впередъ, и депутаты, чтобы не быть пронзенными штыками, должны бѣжать черезъ окна оранжереи. Они обращаются въ бѣгство, и къ шести часамъ вечера Франція оказывается безъ конституціоннаго представительства и въ рукахъ военной власти.

Ясно, что такое собраніе не въ состояніи было защищаться кинжалами; впрочемъ, ложь Люсьяна и исторически доказана.

Еще вечеромъ насильственный переворотъ, какъ водится въ такихъ случаяхъ, былъ освященъ дополнительной легализаціей. Люсьянъ Бонапартъ собралъ меньшинство совѣта пятисотъ, состоявшее въ заговорѣ съ Бонапартомъ и Сійесомъ. Оно приняло такое постановленіе: *„Директорія отмѣнена, и правительственная власть временно передана тремъ консуламъ. Консулами избраны: Наполеонъ Бонапартъ, Сійесъ и Роже-Дюко.* Шестьдесятъ два члена народнаго представительства исключены. Собраніе представительства отложено до 1 вантоза (20 февраля 1800 г.); тѣмъ временемъ особая коммиссія изъ 28 членовъ съ двумя консулами должна выполнить подготовительныя работы для новой конституціи“.

Это постановленіе еще въ ту же ночь было утверждено совѣтомъ старѣйшинъ, послѣ чего консулы дали присягу на вѣрность единой и нераздѣльной республикѣ, свободѣ, равенству и представительной системѣ. Затѣмъ Бонапартъ выразилъ благодарность офицерамъ за ихъ содѣйствіе, и государственный переворотъ былъ законченъ.

Народная масса безучастно смотрѣла и на эту перемѣну въ положеніи дѣлъ. Якобинцевъ сдерживали войска и мѣры предосторожности Фуше. Большинство французовъ даже желало сильнаго правительства, которое заботилось бы о спокойствіи, порядкѣ и трудѣ, потому что демократія въ различныхъ ея фазисахъ не могла или лишь въ малой степени могла смягчить бѣдствія массъ и революція надоѣла людямъ. Конечно, нападенія иностранныхъ державъ больше всего способствовали тому, чтобы запутать положеніе дѣлъ во Франціи.

Теперь смѣлый и счастливый солдатъ взялъ бразды правленія въ свои руки. Буржуазія была въ восторгѣ, потому что сабельная диктатура, казалось, дастъ ей время и спокойствіе для накопленія капиталовъ. Дѣйствительно, сейчасъ же послѣ государственнаго переворота рента поднялась съ 7 на 12 процентовъ.

Было, сверхъ того, много легковѣрныхъ, которые серьезно относились къ клятвамъ Бонапарта и вѣрили, что онъ воспользуется своей властью для упроченія свободы. Они забыли, что имѣютъ дѣло не съ идеалистомъ, а лишь съ человѣкомъ необычайнаго самолюбія.

И все-таки этотъ человѣкъ съ его геніемъ могъ бы стать благодѣтелемъ всей страны, если бы онъ старался содѣйствовать ея мирному развитію. Но онъ употребилъ свой геній на безцѣльныя завоеванія и основалъ государство, которое не могло существовать, потому что оно основывалось единственно на насиліи.

Наполеонъ Бонапартъ говорилъ впослѣдствіи, на островѣ Св. Елены, что онъ былъ убѣжденнымъ республиканцемъ, но французы не годились для республики. Однако этимъ нельзя оправдать насильственнаго переворота 18 брюмэра. Можетъ быть, на него можно было бы взглянуть иначе, если бы Бонапартъ воспользовался пріобрѣтенной имъ властью для мирнаго развитія благосостоянія своей страны. Но онъ ввергъ Европу въ почти безпрерывную войну на пятнадцать лѣтъ и всю часть свѣта превратилъ въ военный лагерь.

Военная власть неограниченно царила во Франціи; раздавались лишь приказы генераловъ, видны были лишь марширующіе полки, и слышались лишь громы пушекъ. Народъ, плативщій свою дань имуществомъ и кровью, мало-по-малу сталъ нѣмъ, какъ въ восточной деспотіи.

Консульство.

Бонапартъ со своей сильной военной властью завербовалъ на свою службу классовые интересы буржуазіи и, такимъ образомъ, создалъ себѣ опору, которая была крѣпче какой-либо партіи. Въ шпагѣ молодого генерала, въ его опьяняющей славѣ, въ его огромномъ вліяніи на войско буржуазія видѣла гарантію противъ демократическихъ смутъ и движеній. Она была еще полна ненависти къ директоріи, донимавшей ее принудительными займами, и для нея хороша была всякая форма правленія, которая обезпечила бы ей спокойную эксплуатацію рабочей силы массъ. Военная диктатура Наполеона Бонапарта вполнѣ способна была оправдать ея надежды, ибо Бонапартъ оцѣнилъ значеніе новаго класса; онъ вѣдь и самъ возвысился благодаря третьему сословію. Отъ этой власти буржуазіи нечего было, по крайней мѣрѣ, опасаться мелочныхъ прижимокъ и притѣсненій, которымъ подвергалось почтенное гражданство при старомъ строѣ.

Среднее и мелкое мѣщанство, робкое и пугливое, еще легче покорилось новому порядку вещей. Этотъ классъ, далекій отъ какихъ бы то ни было политическихъ идеаловъ, потерялъ лучшіе и самые энергичные элементы свои въ этой борьбѣ и кризисахъ революціи; теперь онъ представлялъ собою лишь косную массу, которую не такъ-то легко было увлечь чѣмъ-либо. Ей, можетъ быть, еще больше всего импонировала военная слава и военныя формы, а этихъ вещей было достаточно у Бонапарта. Создавая порядки, при которыхъ горожанинъ могъ спокойно заниматься своими дѣлами, Бонапартъ могъ быть увѣренъ въ симпатіяхъ этого класса.

Рабочимъ все стало безразличнымъ. Они продѣлали рядъ возстаній, они въ теченіе нѣкотораго времени обладали общественной властью въ Парижѣ, и все-таки ничего не вышло въ ихъ пользу въ ходѣ этой продолжительной и полной превратностей революціи, великимъ событіямъ которой рабочіе такъ много способствовали. Они терпѣли отъ всего: высокія цѣны на жизненныя средства, негодныя бумажныя деньги, ростовщичество и вообще, бѣдствія въ послѣднихъ и самыхъ мучительныхъ дѣйствіяхъ своихъ всегда тяжелыми ударами обрушались на рабочій классъ. Эти многочисленные потребители, живущіе со дня на день, должны были вынести на своихъ плечахъ почти

все бремя экономической неурядицы, потому что господствующіе и средніе классы сумѣли безъ ущерба для себя держаться на промежуточныхъ станціяхъ денежнаго и товарнаго обращенія. Безработица въ связи съ застоемъ въ производствѣ и прекращеніемъ торговыхъ сношеній стала источникомъ хроническихъ бѣдствій для рабочихъ. Казалось, что въ странѣ производится недостаточно для удовлетворенія потребностей Франціи,—такъ въ дѣйствительности и было. Но покупательная сила народныхъ массъ была истощена, и безпорядочное частное производство, которое всегда представляетъ собою и спекуляцію, развивалось не соотвѣтственно спекуляціоннымъ стремленіямъ предпринимателей. Рабочіе, платившіеся за всю эту неурядицу, разочаровались во всѣхъ пріобрѣтеніяхъ революціи; первоначальная идея свободы и равноправности была для нихъ лишь призракомъ. Поэтому они совершенно спокойно смотрѣли, какъ демократія въ совѣтѣ пятисотъ разгонялась штыками Бонапарта. Съ тѣмъ же спокойствіемъ они смотрѣли, какъ утверждалась новая военная власть. Они давали ей своихъ сыновей, въ качествѣ „пушечнаго мяса“, и впослѣдствіи съ удовольствіемъ слушали, что *„каждый солдатъ носитъ маршальскій жезлъ въ своемъ ранцѣ“*. Тутъ сыновья ихъ могли еще добиться чего нибудь. Тѣмъ не менѣе эти рабочіе все еще имѣли достаточно идеализма и пониманія, чтобы предпочитать наполеоновское владычество старому бурбонству. Они это ясно проявили при паденіи Наполеона и при возвращеніи его съ Эльбы.

Но былъ еще одинъ многочисленный классъ, который въ крѣпкой правительственной власти видѣлъ основу своего экономическаго существованія. Мы говоримъ о крестьянахъ, мелкихъ землевладѣльцахъ, покупщикахъ національныхъ имуществъ. Этотъ классъ сталъ консервативнымъ, лишь только пріобрѣлъ собственность; для него революція достигла своей цѣли съ принятіемъ конституціи 1791 г.

Вотъ, къ чему привели ошибки демократіи: раздробленіе земельной собственности, отклоненіе требованій рабочихъ, преувеличенія и вырожденіе системы ужаса, правленіе выскочекъ и продажныхъ людей, негодная конституція 1795 г. создали фундаментъ, на которомъ диктаторъ соорудилъ теперь смѣлое зданіе своего владычества. Чистой демократіи основать не могли: реакція привела къ чистому абсолютизму.

При устройствѣ новаго государственнаго правленія Бонапартъ показалъ, что онъ прекрасно знаетъ французовъ. Все свое искусство онъ употребилъ на то, чтобы дать новымъ учрежденіямъ возможно больше внѣшняго блеска и возможно меньше демократическаго содержанія. Онъ старался ослѣпить массу блескомъ своего правленія и *умѣлъ импонировать* ей своей твердостью. Оставивъ государству

внѣшнюю форму республики, онъ вселилъ въ массы увѣренность, что пріобрѣтенія революціи спасены и сохранены имъ. Всѣ партіи надѣялись на него. Партія Сійеса ожидала отъ него осуществленія ея конституціонныхъ фантазій; республиканцы вѣрили, что онъ упрочитъ республику, и даже демократы частью питали безумныя надежды, что Бонапартъ, одолѣвъ всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, поставитъ своей послѣдней цѣлью учрежденіе чистой демократіи. Они, повидимому, не понимали, что Бонапартъ ихъ самихъ долженъ былъ причислять къ внутреннимъ врагамъ, хотя имъ и пришлось достаточно испытать это на себѣ 18 брюмэра.

Но всѣ партіи обманулись въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, который взялъ теперь правленіе въ свои руки и велъ его по своей волѣ.

Его личность, его воля скоро стали господствовать повсюду. Его товарищи въ консульствѣ были первоначально равны съ нимъ, но уже въ первый день они почувствовали его превосходство. Роже-Дюко былъ человѣкъ незначительный и во всемъ безусловно соглашался съ Бонапартомъ, предъ которымъ онъ преклонялся. Сійесъ теперь именно проявилъ свою неумѣлость въ практическихъ государственныхъ дѣлахъ. Этотъ надменный человѣкъ долженъ былъ теперь ограничиться своей конституціонной игрой. Впрочемъ, онъ понялъ положеніе дѣлъ. Сейчасъ же послѣ перваго засѣданія трехъ консуловъ онъ сказалъ: „*У насъ есть господинъ, который все умѣетъ, все можетъ и все хочетъ дѣлать*“.

Такъ оно и было въ дѣйствительности. Быстро проникающій въ сущность дѣлъ, геній Бонапарта, имѣвшаго, сверхъ того, возможность пріобрѣсти достаточный опытъ въ практическихъ дѣлахъ правленія, скоро отодвинулъ въ сторону аббата съ его важничаньемъ и его иллюзіями. Передъ націей Бонапартъ одинъ представлялъ консульство, на его товарищей едва обращали вниманіе. Въ засѣданіяхъ самого консульства существовало извѣстное постоянство. Сійесъ часто дѣлалъ предложенія, и Бонапартъ постановлялъ относительно нихъ рѣшенія; Роже-Дюко не возвышался до самостоятельныхъ мыслей. Онъ, по крайней мѣрѣ, имѣлъ то достоинство, что не пытался стать выше своего дѣйствительнаго значенія.

Реакціонный характеръ новаго правительства скоро выступилъ открыто, такъ какъ значительное число демократовъ были приговорены къ ссылкѣ за ихъ поведеніе 18 и 19 брюмэра. Эта мѣра была столь-же тиранической, какъ и постыдной, ибо демократы 18 и 19 брюмэра провинились лишь въ томъ, что они высказались за законносуществующую конституцію противъ насильственнаго переворота. И они даже не пытались сопротивляться силой, а были просто разогнаны штыками. 37 демократовъ изъ совѣта пятисотъ были сосланы въ Кайену, въ знойный климатъ лихорадочныхъ болотъ; 21, среди

которыхъ находился и генералъ Журданъ, были высланы въ департаментъ Нижней Шаранты подъ надзоръ полиціи; однако многіе изъ нихъ покорились.

Если бы Бонапарту государственный переворотъ не удался, то люди, которыхъ онъ теперь ссылалъ, должны были бы преслѣдовать его, какъ государственнаго преступника. Такъ успѣхъ силы измѣняетъ положеніе дѣлъ.

Съ буржуазіей Бонапартъ старался стать въ возможно дружественныя отношенія, и это было ему не трудно, такъ какъ она въ его военной власти видѣла защиту своихъ экономическихъ интересовъ. Но онъ поспѣшилъ примирить съ собою буржуазію также окончательнымъ уничтоженіемъ принудительныхъ займовъ. Къ тому же онъ отмѣнилъ суровый законъ о заложникахъ и въ значительной степени склонилъ на свою сторону роялистовъ, такъ какъ не всѣ роялисты были приверженцами Бурбоновъ. Затѣмъ, была дана амнистія роялистамъ, сосланнымъ или объявленнымъ внѣ закона 18 фрюктидора. Многіе эмигранты, желавшіе принять участіе въ бретанскомъ возстаніи и арестованные по этому случаю, были снова освобождены.

Такъ въ самомъ же началѣ сказалось направленіе, которое готовилась принять политика новаго правительства. Время демократическихъ правительствъ миновало, республиканскимъ правленіе оставалось теперь лишь по имени.

Этому соотвѣтствовалъ и выборъ министровъ, которымъ предстояло вести собственно дѣла правленія. Бонапартъ сказалъ при этомъ важномъ актѣ: *„Мы образуемъ новую эпоху; мы должны помнить изъ прошлаго лишь хорошее и забыть дурное“*.

Это „хорошее“ имѣло нѣсколько странный видъ, потому что прошлое явилось прежде всего въ лицѣ низкаго Фуше, котораго Бонапартъ назначилъ своимъ министромъ полиціи. Полиція при деспотическомъ правленіи Бонапарта имѣла особенно важное значеніе, и Фуше, бывшій раньше ярымъ якобинцемъ, со своимъ адскимъ талантомъ превратилъ ее въ аппаратъ, производившій изумительное дѣйствіе. Онъ покрылъ всю Францію полицейскою сѣтью, проскользнуть сквозь которую было не легко, и не останавливался передъ самыми низкими средствами, если дѣло шло о преслѣдованіи враговъ Бонапарта. Но впослѣдствіи онъ предалъ своего императора, также какъ и тотъ знаменитый дипломатъ, который теперь сталъ вести иностранныя дѣла Франціи,—именно, де Таллейранъ-Перигоръ, въ качествѣ епископа Отэнскаго, способствовавшій раньше въ учредительномъ собраніи обращенію земель духовенства въ національную собственность. Таллейранъ, одинъ изъ величайшихъ дипломатическихъ талантовъ, отъ котораго исходитъ знаменитое изреченіе, что языкъ намъ данъ затѣмъ, чтобы скрывать мысли, эмигрировалъ было во время

революціи. Вернувшись во Францію, онъ при директоріи сталъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Уволенный затѣмъ въ отставку, онъ угадалъ въ Бонапартѣ будущаго диктатора и присоединился къ нему. Своими интригами онъ содѣйствовалъ перевороту 18 брюмэра, отъ котораго онъ ожидалъ возстановленія монархіи и былъ готовъ служить ей. При Таллейранѣ иностранная политика Франціи приняла характеръ того коварства, въ которомъ соединялись: насиліе, хитрость и лицемѣріе. Мало было людей, которые могли бы соперничать въ лукавствѣ съ Таллейраномъ; мало было и такихъ, которые при ближайшемъ ознакомленіи съ ними производили бы болѣе отталкивающее впечатлѣніе.

Фуше и Таллейранъ придали новому правительству его характеръ, и кто зналъ этихъ людей, тотъ долженъ былъ убѣдиться, что развитіе государственныхъ установленій въ направленіи къ свободѣ кончилось во Франціи.

Камбасересъ, игравшій нѣкоторую роль въ качествѣ тэрмидориста, былъ назначенъ теперь министромъ юстиціи и принесъ на этотъ постъ свои обширныя знанія и свое огромное трудолюбіе. Бертье, котораго Бонапартъ очень цѣнилъ, назначенъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Бертье былъ очень способный генералъ, и его дѣятельность, какъ начальника генеральнаго штаба, въ войнахъ имперіи была грандіозна; однако онъ скоро былъ замѣненъ Карно, котораго Бонапартъ, какъ и другихъ бѣглецовъ, вернулъ изъ изгнанія. Но и Карно не долго оставался на этомъ посту, потому что онъ, какъ строгій республиканецъ, уже не могъ мириться съ Бонапартомъ.

Чтобы сдѣлать уступку образованной части населенія, Бонапартъ, который при всякомъ удобномъ случаѣ называлъ себя членомъ французской академіи, назначилъ знаменитаго астронома Лапласа министромъ внутреннихъ дѣлъ. Но вскорѣ оказалось, что этотъ человѣкъ не годится для такой должности, и на его мѣсто былъ назначенъ Люсьянъ Бонапартъ, который 18 брюмэра оказалъ своему брату столь важныя услуги и теперь прекрасно помогалъ ему разыгрывать псевдо-республиканскую комедію. Этотъ Люсьянъ былъ очень высокаго мнѣнія о себѣ и впослѣдствіи любилъ подчеркивать, что безъ его рѣшительнаго вмѣшательства 18 брюмэра братъ его не захватилъ бы власти. Можетъ быть, онъ и былъ правъ.

Министерство финансовъ получилъ Годэнъ, служившій въ этомъ министерствѣ еще при Людовикѣ XVI. Годэну изъ всѣхъ министровъ предстояла самая трудная задача. Если Бертье нашелъ военную организацію запущенной, если и Камбасересъ долженъ былъ вновь организовать юстицію, то жалкое состояніе финансовъ превосходило всякія описанія. Директорія вела дѣло крайне неумѣло, и полное банкротство при плачевномъ хозяйничаньи этого неспособнаго правительства было неизбѣжно. Въ казначействѣ республики Годэнъ нашелъ

167.000 франковъ, остатокъ отъ одного займа, сдѣланнаго директоріей у частнаго лица. Вся остальная наличность государственнаго казначейства состояла изъ бумагъ, не имѣвшихъ почти никакой цѣны.

Надо было достать денегъ. Сдѣлано это было очень просто: возвысили налоги на 25 процентовъ. Для этого не нужно было особеннаго ума; главное, однако, состояло въ томъ, чтобы упорядочить взиманіе налоговъ. Возвышеніе прямыхъ налоговъ на землю и движимое имущество, подушной подати на одну четверть, съ условіемъ, что, по крайней мѣрѣ, половина этихъ налоговъ должна уплачиваться звонкой монетой, хотя и вызвало недовольство плательщиковъ, но его сумѣли ослабить уничтоженіемъ принудительныхъ займовъ. Здѣсь сказалась вся безцеремонность внутренней политики Бонапарта: она стремилась пріобрѣсти расположеніе господствующихъ классовъ, недовольство же массъ позволяла себѣ подавлять, въ случаѣ надобности, оружіемъ. Бѣдствія народной массы были такъ же велики, какъ и раньше, но она молча и терпѣливо сносила ихъ, потому что самая энергичная и сильная часть ея, молодежь, находилась въ войскахъ. Эти войска тогда содержали просто на счетъ занятыхъ ими земель. Такъ было на Рейнѣ, въ Голландіи и Италіи. При этомъ въ войскахъ водворилась сильная распущенность, особенно въ итальянской арміи.

Уничтоженіе принудительныхъ займовъ пріобрѣло Бонапарту также расположеніе и биржевыхъ воротилъ. Онъ пригласилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ къ себѣ и своими настойчивыми убѣжденіями склонилъ ихъ дать государству въ заемъ двѣнадцать милліоновъ. Это уже кое что значило и въ общемъ укрѣпило кредитъ государства. Нѣкоторыя финансовыя мѣропріятія Годэна не удались, такъ какъ деньги все еще слабо поступали въ кассы правительства. Но Годэнъ сдѣлалъ довольно искусный шагъ, облегчивъ условія платежа покупателямъ національныхъ имуществъ. При всемъ этомъ нѣкоторый порядокъ въ финансахъ установлялся лишь медленно; неурядица, оставшаяся отъ прошлаго времени, была ужъ слишкомъ велика.

Возстановленіе мира внутри страны удалось съ поразительной быстротой. Шуаны въ Бретани еще массами стояли въ полѣ и Вандея снова поднялась. Бурмонъ, Флотте, Кадудаль и Отишанъ (Autichamp) начальствовали надъ инсургентами. Всѣ они воображали, будто у Бонапарта нѣтъ иного намѣренія, какъ возстановить во Франціи престолъ Бурбоновъ; эти закоренѣлые роялисты считали легитимизмъ столь плѣнительнымъ, что могли разсчитывать, будто честолюбивый генералъ преклонится передъ нимъ и откажется отъ владычества надъ страною, лежавшею у его ногъ. Вслѣдствіе этого они были теперь болѣе склонны къ переговорамъ, чѣмъ раньше. Бонапартъ предписалъ строжайшія мѣры; за вооруженное сопротивленіе предписано было подвергать смертной казни, возставшія деревни сожигать, а общины, принимавшія инсургентовъ, предавать военному суду. Снова имѣла

пойти въ ходъ система „адскихъ колоннъ“. Но до этого дѣло не дошло, потому что если у генерала Бріона, начальствовавшаго надъ войсками въ Ванедѣ, и не было недостатка въ строгости и энергіи, то Бонапартъ не пренебрегалъ также переговорами и достигъ посредствомъ нихъ умиротворенія возставшихъ областей. Нѣкій аббатъ Бернье, пользовавшійся большой популярностью въ западныхъ провинціяхъ, облегчилъ переговоры, убѣдивъ предводителей возстанія сложить оружіе. Бурмонъ, Шатильонъ и Отишанъ заключили миръ съ Бонапартомъ на выгодныхъ для себя условіяхъ; многіе изъ инсургентовъ сложили оружіе. Кадудаль на время прекратилъ борьбу. Воевать продолжалъ одинъ только Флотте, и это такъ раздражило Бонапарта, что онъ назначилъ призъ за голову Флотте. Флотте явился къ своимъ противникамъ, по его словамъ, для переговоровъ, но былъ схваченъ, приговоренъ съ нѣсколькими офицерами къ смертной казни и разстрѣлянъ. Это было въ февралѣ; въ концѣ же этого мѣсяца спокойствіе въ западныхъ провинціяхъ было возстановлено.

Такимъ образомъ, Бонапарту удалось твердостью и энергіей упрочить свою власть, нагло захваченную имъ 18 брюмэра. На его сторонѣ было и счастье, и искусство. Скоро образовалась огромная партія его сторонниковъ, которые не имѣли никакихъ опредѣленныхъ политическихъ принциповъ, а просто желали порядка и спокойствія. Бонапартъ далъ порядокъ и спокойствіе, но они были пріобрѣтены цѣной свободы. Миръ, данный Франціи этимъ насильникомъ, не былъ спокойствіемъ счастья, а покоемъ могилы, и порядокъ, данный имъ общественной жизни, не былъ упорядоченностью улья, а порядкомъ казармы.

Для Бонапарта было требованіемъ государственной мудрости оставить пока республиканскія формы и наполнить ихъ монархическимъ содержаніемъ. Поэтому онъ перешелъ къ конституціоннымъ идеямъ аббата Сійеса, которыя при другихъ условіяхъ онъ, конечно, съ презрѣніемъ бы отвергъ. Въ этотъ моментъ, когда вмѣсто уничтоженной конституціи нужно было ввести новую, Бонапартъ вынужденъ былъ считаться съ Сійесомъ, который одинъ только могъ оспаривать у него первое мѣсто въ законодательствѣ. Но честолюбивый аббатъ скоро долженъ былъ увидѣть, что его мистическія конституціонныя идеи не могутъ устоять противъ военной власти и ея замѣчательнаго носителя.

Этотъ конституціонныхъ дѣлъ мастеръ излагалъ по частямъ передъ коммиссіей свои мысли объ образцовой конституціи, долженствовавшей удовлетворить всѣхъ. Слушатели были поражены этимъ усидчиво разработаннымъ, частью остроумнымъ, а частью безсмысленнымъ механизмомъ, который теперь явился на свѣтъ, и который аббатъ дѣйствительно считалъ способнымъ предохранить государство отъ насильственныхъ переворотовъ, диктатуры, конфликтовъ и обез-

печить ему вполнѣ ненарушимое развитіе. Сійесъ, все еще старавшійся прослыть мудрымъ и оригинальнымъ систематикомъ, стоящимъ головою выше своего времени, положилъ въ основу своей конституціи странную утопію: онъ основалъ ее на воображаемыхъ преимуществахъ противоположныхъ политическихъ системъ. Онъ взялъ изъ демократіи то, что ему казалось выгоднымъ, и слилъ съ аристократическо-монархическими установленіями, насколько они ему подходили. Этотъ взглядъ онъ выразилъ на словахъ: *„Довѣріе должно идти снизу, а власть сверху“*.

Иной, видавшій перемѣны, совершившіяся въ теченіе революціи, остановился бы передъ такою задачею. Но Сійесъ выразилъ свои принципы въ точныхъ формулахъ.

Довѣріе снизу онъ думалъ отлить въ слѣдующую политическую форму.

Каждый французъ, достигшій 21 года, вносился въ списокъ гражданъ. Принималось, что во Франціи пять милліоновъ гражданъ. Эти пять милліоновъ имѣли избрать изъ своей среды одну десятую часть, т. е. пятьсотъ тысячъ, эти же пятьсотъ тысячъ представляли собой такъ называемый списокъ нотаблей. Этотъ низшій списокъ назывался спискомъ коммунальныхъ нотаблей; изъ него имѣли избираться коммунальныя и окружныя власти, низшіе судьи и т. д.; пятьсотъ тысячъ нотаблей коммунальнаго списка, въ свою очередь, должны были выдѣлить десятую часть. Эти пятьдесятъ тысячъ лицъ составляли департаментскій списокъ, изъ котораго должны избираться управленія департаментовъ, высшія инстанціи судовъ и т. д. Изъ пятидесяти тысячъ этого списка снова должна была выдѣлиться десятая часть, и эти пять тысячъ человѣкъ образовывали національный списокъ нотаблей, изъ которыхъ имѣли избираться народные представители, члены государственныхъ учрежденій и т. д.

Это странное просѣваніе должно представлять въ конституціи Сійеса довѣріе снизу. Въ строгомъ смыслѣ это была расширенная система косвенныхъ выборовъ: новой была здѣсь лишь форма просѣванія.

Власть вверху Сійесъ еще больше расчленилъ. Государственный совѣтъ и трибунатъ, законодательный корпусъ и охранительный сенатъ представляли законодательную власть. Государственный совѣтъ долженъ былъ лишь предлагать законы, трибунатъ—лишь обсуждать ихъ, законодательный же корпусъ лишь подвергать ихъ голосованію. Раздробивъ такимъ образомъ законодательную власть, Сійесъ парализовалъ ее и лишилъ всякаго значенія. Каждое изъ этихъ учрежденій постоянно мѣшало другимъ. Но самое лучшее назначеніе было у охранительнаго сената, имѣвшаго принимать въ свой составъ и этимъ „абсорбировать“ всякаго гражданина, который своимъ честолюбіемъ, талантами и вліяніемъ могъ стать

опаснымъ государству, чтобы превратить, такимъ образомъ, опаснаго человѣка въ тунеядца, живущаго на содержаніи государства. Это замѣчательное учрежденіе имѣло такой видъ, какъ будто оно нарочно было придумано для самого Бонапарта.

Во главѣ исполнительной власти имѣлъ стоять великій избиратель (proclamater-electeur), у котораго должна быть лишь одна обязанность: назначать двухъ высшихъ административныхъ чиновниковъ, консуловъ войны и мира. Эти консулы имѣли затѣмъ назначать министровъ и другихъ чиновниковъ.

Великій избиратель, смѣшной далай-лама въ конституціонномъ государствѣ, имѣвшій пріятную задачу представлять націю, вызвалъ сильное недовольство Бонапарта, который думалъ, что его самого прочатъ въ великіе избиратели, чтобы этимъ свести его власть къ нулю. Въ своемъ гнѣвѣ онъ вѣрно оцѣнилъ эту затѣю. Съ раздраженіемъ сказалъ онъ Сійесу: „Вашъ великій избиратель—государственный тунеядецъ, а время государственныхъ тунеядцевъ прошло. *Какъ могли вы вообразить, что человѣкъ съ нѣкоторымъ талантомъ и небольшимъ честолюбіемъ примирится съ ролью кормленнаго борова съ нѣсколькими милліонами на придачу?*“ Сійесъ увидѣлъ, что Бонапартъ проникъ въ его замыслы и долженъ былъ отказаться отъ своего „великаго избирателя“.

Законодательныя коммиссіи, находившіяся всецѣло подъ вліяніемъ Бонапарта, показали, что онѣ лишь одному научились у Сійеса, что ему, вѣроятно, меньше всего пришлось по вкусу. Какъ Сійесъ изъ демократическихъ и аристократическо-монархическихъ политическихъ системъ выбралъ то, что ему лично нравилось, такъ теперь Бонапартъ и законодательныя коммиссіи взяли изъ предложеній Сійеса лишь то, что имъ казалось подходящимъ, и такимъ образомъ возникла конституція VIII года или такъ называемая конституція консульства, бывшая одной изъ самыхъ негодныхъ и смѣшныхъ конституцій, какія только когда либо существовали во Франціи, и державшаяся лишь потому, что она подъ гнетомъ неограниченной военной власти не имѣла рѣшительно никакого значенія.

Списки нотаблей, придуманные Сійесомъ, были съ удовольствіемъ положены въ основу новой конституціи, потому что они сокращали избирательное право народа. Такимъ образомъ, нотабли общины, департамента и государства представляли собою кандидатовъ, изъ которыхъ должны были избираться власти. Но избраніе ихъ принадлежало не народу, а правительству.

Государственная власть была раздѣлена на правительственную и законодательную.

Великій избиратель, „кормленный боровъ“ Сійеса, былъ совершенно отвергнутъ и правительству данъ былъ автократическій глава, примѣнительно къ характеру Бонапарта и его честолюбивымъ стрем-

леніямъ. Первый консулъ долженъ былъ избираться на десять лѣтъ; онъ стоялъ во главѣ государства, какъ раньше неотвѣтственный конституціонный король. Онъ имѣлъ назначать изъ списковъ нотаблей всѣхъ государственныхъ чиновниковъ и всѣхъ офицеровъ арміи и флота и руководить всей политикой. Къ нему было присоединено два консула, но онъ самъ назначалъ ихъ, и они пользовались лишь совѣщательнымъ голосомъ, такъ что они собственно не имѣли рѣшительно никакого значенія и были излишни. Они были только призрачно-демократическимъ украшеніемъ этого псевдо-республиканскаго строя. Первый консулъ получалъ окладъ въ 500.000 франковъ ежегодно; два другіе консула получали за свой совѣщательный голосъ по 150.000 каждый и квартиру. Всѣ три консула помѣщались въ Тюльери, гдѣ нѣкогда жили короли, и послѣ нихъ засѣдалъ конвентъ.

Законодательство было регулировано по мысли Сійеса, т. е. власть его была разбита и раздроблена. Государственный совѣтъ изъ 30 членовъ назначался консулами и долженъ былъ предлагать законопроекты законодательному корпусу, посылая туда депутацію изъ трехъ членовъ, которые должны были доказывать пользу и необходимость соотвѣтствующихъ законовъ. Трибунатъ, состоявшій изъ 100 членовъ, считался, собственно, народнымъ представительствомъ, хотя онъ былъ лишь каррикатурой на представительство, такъ какъ члены его назначались сенатомъ. Это учрежденіе рѣшало, рекомендовать ли законодательному корпусу принятіе предлагаемаго закона, или отверженіе его. Трибуны получали ежегодно по 15.000 франковъ. Законодательный корпусъ состоялъ изъ 300 членовъ, назначавшихся сенатомъ; онъ имѣлъ лишь принимать или отвергать предлагаемые законопроекты; члены его получали за это по 10.000 франковъ. Сенатъ состоялъ изъ 60 членовъ и самъ пополнялъ себя. Онъ имѣлъ право вэто, если находилъ, что законы, изданные законодательнымъ корпусомъ, противорѣчатъ конституціи. Сенатъ избиралъ перваго консула, членовъ трибуната и законодательнаго корпуса, затѣмъ—высшій судебный и административный персоналъ. Члены его получали по 25.000 франковъ и не могли занимать никакой иной общественной должности, даже послѣ выхода въ отставку. Предполагалось, что сенаторы съ ихъ большими окладами будутъ независимыми людьми, но въ дѣйствительности, что вполнѣ понятно, они были лишь ставленниками того человѣка, котораго они должны были избрать на мѣсто перваго консула. Они отличались своимъ раболѣпіемъ.

Эта конституція вполнѣ соотвѣтствовала своей цѣли, такъ какъ она представляла собою, хотя и не особенно стройное, но все же отводящее глаза народу, украшеніе военной власти Бонапарта.

Чтобы довести комедію до конца, устроено было народное голосованіе относительно этой конституціи. Французы, опьяненные

успѣхами Бонапарта, почти единогласно вотировали за нее; 3.011.007 голосовъ подано въ пользу конституціи и лишь 1.562 противъ нея.

Но при введеніи конституціи Бонапартъ проявилъ свое самовластіе. О назначеніи сенаторовъ было установлено только, что сенатъ, еще не существовавшій, будетъ самъ пополнять себя. Бонапартъ воспользовался этимъ, надо думать, нарочно оставленнымъ пробѣломъ, чтобы составить сенатъ исключительно изъ своихъ креатуръ. Затѣмъ, онъ самъ себя назначилъ первымъ консуломъ, такъ какъ сената еще не было. Такимъ образомъ, едва появившаяся конституція была уже нарушена. Потомъ Бонапартъ избралъ въ консулы Камбасереса и Лебрена (Lebrun), а они съ Сійесомъ и Роже-Дюко избрали въ члены сената людей, казавшихся имъ подходящими, которые затѣмъ пополняли свой составъ Такъ образовался сенатъ, который не зналъ границъ въ раболѣпіи передъ Бонапартомъ. Сійесъ былъ назначенъ президентомъ сената и, такимъ образомъ, навсегда лишился надежды стать когда-либо во главѣ государства. Бонапартъ велѣлъ назначить ему высокое вознагражденіе и дать прекрасное имѣніе въ видѣ „національнаго дара". Къ этому было прибавлено значительное пожалованіе деньгами, которое аббатъ вѣчно старавшійся быть остроумнымъ, называлъ яблокомъ для утоленія жажды. Сенатъ „абсорбировалъ" честолюбца по его же собственному плану. Онъ вскорѣ отказался отъ своей должности и былъ забытъ.

Вручивъ самому себѣ верховную власть, Бонапартъ не замедлилъ сдѣлать изъ нея самое широкое употребленіе. Онъ теперь уже меньше боялся фигурировать во всемъ блескѣ абсолютнаго монарха. Когда онъ вступалъ въ Тюльери, видно было, что во Франціи явился монархъ,—недоставало еще лишь соотвѣтствующаго титула Бонапартъ былъ окруженъ свитою придворныхъ льстецовъ и лакеевъ и совершенно открыто проявлялъ свое презрѣніе къ людямъ. И вполнѣ понятно, что онъ долженъ былъ презирать этихъ людей, которые десять лѣтъ болтали о свободѣ и равенствѣ, а теперь соперничали въ раболѣпіи передъ новымъ повелителемъ.

Послѣдовалъ рядъ мѣропріятій, которыя не оставляли никакого сомнѣнія въ томъ, что Бонапартъ стремится къ монархіи по излюбленному имъ образцу. Онъ старался примириться со всѣми элементами власти, съ которыми боролась демократія. Онъ снова предоставилъ церкви тому культу, которому онѣ раньше были посвящены, и открылъ ихъ для свободнаго пользованія, чѣмъ было вытѣснено республиканское празднованіе декадъ. Снова возстановлено было празднованіе воскресенія. Вопросъ о томъ, какъ быть со священниками, не принимавшими присяги, онъ рѣшилъ очень просто; онъ освободилъ духовенство отъ присяги на вѣрность гражданской конституціи и обязалъ его лишь давать обѣщаніе повиноваться конституціи.

Затѣмъ, Бонапартъ создалъ ту централизацію, которою онъ

сумѣлъ такъ сильно укрѣпить свою власть. Для этого онъ воспользовался раздѣленіемъ страны на департаменты и устроилъ такъ, что органы правительства и администраціи густой сѣтью раскинулись по всей странѣ, причемъ концы этой сѣти онъ держалъ въ своихъ рукахъ. Департаментъ, округъ и коммуна были политическими единицами въ его управленіи. Коммуна управлялась мэромъ, округъ— подпрефектомъ, департаментъ — префектомъ. Такъ какъ Бонапартъ замѣстилъ всѣ эти должности своими ставленниками, то централизація была осуществлена, потому что правительственный и административный аппаратъ дѣйствовалъ, какъ одно цѣлое.

Затѣмъ была преобразована судебная организація. Установлены были мировые судьи для коммунъ, гражданскіе суды для округовъ, апелляціонные трибуналы и въ каждомъ департаментѣ учрежденъ уголовный судъ. Высшей судебной инстанціей былъ кассаціонный трибуналъ, но онъ могъ кассировать приговоры лишь въ случаѣ нарушенія формальностей. Бонапартъ вскорѣ издалъ распоряженіе о составленіи гражданскаго, уголовнаго и торговаго кодекса, что составляетъ его безсмертную заслугу. Эти законопроекты вступили впослѣдствіи въ силу подъ именемъ Code Napoleon. Трудъ этотъ принадлежитъ къ лучшимъ дѣламъ наполеоновской эры. Не надо, однако, забывать, что Бонапартъ лишь осуществилъ мысль конвента, и что ученые, составлявшіе эти уложенія, внесли въ Наполеоновъ кодексъ часть политическихъ идей революціи.

Бонапартъ работалъ неустанно и этимъ показалъ, какимъ благодѣтелемъ онъ могъ бы стать для Франціи, если бы онъ обратилъ свое вниманіе на ея внутреннее благосостояніе, вмѣсто славы и завоеваній. Онъ объѣзжалъ въ это время провинціи Франціи, чтобы лично ознакомиться съ ихъ состояніемъ. Онъ старался улучшить средства сообщенія, прорывалъ каналы, строилъ гавани и прежде всего особенное вниманіе обратилъ на проведеніе дорогъ, результатомъ чего было то, что рабочіе снова имѣли большой заработокъ. Эта дѣятельность заставила въ общемъ мириться съ его владычествомъ, послѣ того какъ столь многія возстанія не доставили свободы. Многіе демократы совершенно покорились ему и поступили на его службу. Онъ былъ достаточно уменъ, чтобы воспользоваться услугами большинства ихъ.

При этомъ финансовыя затрудненія не прекращались, несмотря на всѣ усилія Годэна. Бонапартъ изыскивалъ временные источники, принудивъ угрозами Гамбургъ, выдавшій Англіи одного ирландскаго бѣглеца, уплатить нѣсколько милліоновъ, причемъ Бонапартъ выставилъ себя защитникомъ международнаго права; Генуя и Голландія тоже должны были платить контрибуціи. Но при неимовѣрной разстатанности финансовъ и энергія Бонапарта не могла упорядочить ихъ.

Производя грандіозныя сооруженія, устроивъ три моста черезъ

Сену, прорывъ сэнъ-кэнтенскій каналъ, соорудивъ дорогу черезъ Симплонъ, Бонапартъ совершенно уничтожилъ свободу печати. Оппозиціонныя газеты просто запрещались, существованіе же остальныхъ газетъ было поставлено въ зависимость отъ ихъ отношенія къ правительству: имъ было объявлено, что если онѣ желаютъ существовать, то не должны печатать ничего противъ конституціи, арміи или дружественныхъ Франціи правительствъ. Рука объ руку съ этой отвратительной тиранією шли послабленія роялистамъ и эмигрантамъ. Большинство эмигрантовъ были вычеркнуты изъ списковъ и оставлены лишь тѣ, которые поднимали оружіе противъ Франціи или состояли непосредственно на жалованьи у эмигрировавшихъ принцевъ или у дворовъ, враждебныхъ Франціи.

Полицейское хозяйничанье Фуше было неслыханнымъ. Этотъ негодный человѣкъ руководился принципомъ, что въ его положеніи надо стараться дѣлать *„возможно меньше зла"*. Ему были предоставлены самыя широкія полномочія, и онъ могъ арестовать или подвергнуть полицейскому надзору всякаго, кто только казался ему революціонеромъ, эмигрантомъ или заговорщикомъ. Онъ покрылъ страну сѣтью шпіоновъ. При этомъ Бонапартъ былъ такъ подозрителенъ, что установилъ надзоръ даже надъ самимъ Фуше и, какъ впослѣдствіи оказалось, не безъ основанія.

Такова была конституція и правленіе Бонапарта послѣ переворота 18 брюмэра. Оно ничѣмъ не отличалось отъ деспотическаго правленія другихъ странъ,—кромѣ своего названія. Революція доставила господство новымъ классамъ, политическое же рабство стараго строя было снова возстановлено.

Бонапартъ въ прокламаціяхъ, которыми онъ возвѣстилъ о своемъ вступленіи во власть, выставлялъ себя миролюбивымъ правителемъ. Сколько въ этомъ было искренности, рѣшить трудно. Но онъ сдѣлалъ попытку разстроить коалицію Питта мирнымъ путемъ. Онъ написалъ непосредственно королю англійскому и императору австрійскому и предложилъ этимъ монархамъ заключить миръ съ Франціей. Онъ ссылался на требованія гуманности и цивилизаціи. Этимъ онъ расположилъ въ свою пользу общественное мнѣніе, что онъ, можетъ быть, единственно и имѣлъ въ виду, отправляя свои письма. Ему отвѣтили не непосредственно, а дипломатическими нотами, причемъ ему дано было понять, что оба государя не могутъ считать его равнымъ съ собою. Англичанамъ же то обстоятельство, что Бонапартъ рѣшился обратиться непосредственно къ королю Великобританіи, казалось болѣе возмутительнымъ, чѣмъ европейская война. Въ англійской нотѣ данъ былъ Бонапарту грубый отказъ на его мирныя предложенія, причемъ повторялись обычныя обвиненія противъ фран-

цузской республики. Австрія тоже отклонила мирныя предложенія, но нѣсколько вѣжливѣе. Положеніе ея было опаснѣе, чѣмъ положеніе Англіи:—отсюда и вѣжливость.

Однако дипломатическому искусству Таллейрана удалось совершенно отдѣлить отъ коалиціи русскаго императора. Павелъ I до нѣкоторой степени разошелся съ Австріей и Англіей, и Таллейранъ съ большой ловкостью воспользовался этимъ, чтобы довести дѣло до полнаго разрыва. Павелъ I, какъ извѣстно, требовалъ, чтобы Австрія, послѣ побѣдъ Суворова, возстановила изгнанныхъ французами итальянскихъ государей. Но когда Кобентцль, австрійскій посланникъ въ Петербургѣ, объявилъ, что Австрія удержитъ за собой не только Сардинію и Тоскану, но и Церковную область, Павелъ пришелъ въ раздраженіе. Гнѣвъ его еще больше усилился, когда англичане, которыми онъ и безъ того былъ недоволенъ за неудачное вторженіе въ Голландію, проявили намѣреніе удержать за собою осажденный ими островъ Мальту. А вѣдь Павелъ былъ великимъ магистромъ мальтійскаго ордена.

Бонапартъ предложилъ русскому императору передать ему Мальту, такъ какъ онъ зналъ, что осажденная англичанами крѣпость скоро должна будетъ пасть. Затѣмъ, онъ вызвался возстановить сардинскаго короля и папу. Онъ пошелъ еще дальше. Въ плѣну у французовъ находилось 6.000 русскихъ изъ голландскаго похода, и Англія отказалась выкупить ихъ. Бонапартъ обмундировалъ этихъ плѣнниковъ и отослалъ ихъ безъ выкупа въ Россію, написавъ лично русскому министру Панину, что *онъ не можетъ допустить, чтобы эти храбрые воины по винѣ англичанъ оставались дольше вдали отъ родины.*

Этимъ первый консулъ, пріобрѣлъ расположеніе императора Павла, который былъ сильно раздраженъ противъ англичанъ за оставленіе въ плѣну 6.000 русскихъ. Сверхъ того, Павелъ давно уже чувствовалъ расположеніе къ Бонапарту, такъ какъ онъ видѣлъ, къ чему направлены стремленія перваго консула. Павелъ не замедлилъ также дать доказательства своего расположенія, отозвавъ всѣ русскія войска, чѣмъ онъ фактически отказался отъ участія въ коалиціи.

Теперь Англія и Австрія должны были вести борьбу однѣ, потому что Неаполь и папа въ это время не участвовали въ коалиціи. Но Англія ограничилась почти исключительно морскою войною и направила свои силы главнымъ образомъ на Египетъ. Такимъ образомъ, воевать на материкѣ пришлось одной только Австріи, и поэтому императоръ Францъ провелъ на регенсбургскомъ сеймѣ постановленіе, что Германская имперія должна послать ему на помощь 300.000 человѣкъ. Но когда прибыли разношерстные имперскіе контингенты, въ нихъ оказалось не болѣе 30.000 человѣкъ.

Тѣмъ энергичнѣе вооружалась Австрія. Въ Италіи Меласъ, по-

бѣдитель при Савильяно, командовалъ большой арміей въ 130.000 чел. между тѣмъ какъ Франція владѣла въ этой странѣ уже только Генуей. Притомъ французы терпѣли недостатокъ во всемъ самомъ необходимомъ. Солдаты одичали при жалкомъ продовольствіи, которое вынуждало ихъ заботиться о себѣ своими средствами, и дисциплина исчезла. Массена, начальствовавшій здѣсь надъ войскомъ, при всей своей энергіи могъ лишь медленно водворять порядокъ въ этой распущенной толпѣ.

Въ Германіи Австрія выставила армію въ 110.000 чел. Этой арміей начальствовалъ ничтожный Край, такъ какъ эрцгерцогъ Карлъ не хотѣлъ уже командовать войскомъ подъ руководствомъ Тугута и его придворнаго военнаго совѣта.

Бонапартъ со всей энергіей принялся за вооруженія, въ чемъ большую помощь оказывалъ ему Карно, бывшій въ это время военнымъ министромъ. Первый консулъ обратился съ воззваніемъ къ французской молодежи, приглашая ее на добровольную службу, и молодежь массами стекалась подъ его знамена. Французы были озлоблены, что мирныя предложенія Бонапарта такъ грубо отвергнуты. Тѣмъ сильнѣе было увлеченіе первымъ консуломъ. Такимъ образомъ, онъ, прибѣгнувъ еще разъ къ конскрипціи, собралъ войско въ 300.000 челов., съ которымъ могъ вездѣ выступить противъ врага. 100.000 чел. подъ начальствомъ генерала Моро должны были оперировать въ Германіи, и столько же человѣкъ стояло близъ Генуи подъ начальствомъ Массены, которому Бонапартъ далъ пышное названіе: „сынъ побѣды“. 40.000 чел. подъ начальствомъ Ожеро прикрывали границу и, наконецъ, къ Дижону стянута была резервная армія въ 6.000 человѣкъ, назначеніе которой еще держали въ тайнѣ. Въ этой арміи было много новобранцевъ, и поэтому ее сдѣлали въ Англіи предметомъ насмѣшекъ. Насмѣшки эти должны были скоро прекратиться. Затѣмъ, ядро арміи представляла консульская гвардія, состоявшая изъ испытанныхъ и лично преданныхъ Бонапарту воиновъ.

Операціи начались въ Италіи значительнымъ успѣхомъ австрійцевъ. Меласъ двинулся противъ позиціи Массены, который со своими деморализованными войсками долженъ былъ стать въ оборонительное положеніе. Лѣвое крыло Массены подъ начальствомъ генерала Сюше было отрѣзано и оттиснуто за Варъ. 18 апрѣля Меласъ напалъ на самого Массену при Вольтри и разбилъ его, такъ что Массена съ остаткомъ своего войска долженъ былъ искать защиты въ Генуѣ. Онъ бросился съ 25.000 солдатъ въ крѣпость и былъ тамъ осажденъ австрійскимъ корпусомъ подъ начальствомъ генерала Отта съ суши и англійскимъ флотомъ подъ начальствомъ адмирала Кэйта съ моря.

Австрійцы стояли у самой французской границы, и роялисты Прованса пришли въ движеніе. Они послали къ англійскому адмиралу посольство съ заявленіемъ, что они готовы возстать, лишь только

союзники перейдутъ границу. Тогда вѣнскій придворный военный совѣтъ велѣлъ колебавшемуся генералу Меласу вступить въ предѣлы Франціи.

Меласъ готовился перейти Варъ за отступавшимъ Сюше. Но тутъ властной рукою вмѣшался въ операціи Бонапартъ, и Меласъ долженъ былъ почувствовать, съ какимъ страшнымъ противникомъ онъ имѣетъ дѣло.

Бонапартъ не спѣшилъ, какъ ожидали австрійцы, на помощь стѣсненному Сюше, а придумалъ планъ, который, въ случаѣ удачи, долженъ былъ совершенно поразить противника и поставить его въ самое тяжелое положеніе. Онъ быстрымъ маршемъ повелъ резервную армію изъ Дижона черезъ Швейцарію, чтобы перейти въ Альпы, спуститься въ Ломбардію и напасть на австрійцевъ съ тыла. Этотъ смѣлый планъ былъ выполненъ съ такой точностью и искусствомъ, которыя повергли міръ въ изумленіе.

Въ Лозаннѣ, куда прибылъ также военный министръ Карно, сошлись французскіе корпуса, и сейчасъ-же начался столь тщательно и тайно подготовленный переходъ черезъ Альпы. Лошади и мулы были доставлены въ большомъ количествѣ; при арміи было много швейцарцевъ и итальянцевъ, которые должны были служить въ качествѣ проводниковъ. Провіантъ былъ заготовленъ. Къ тому же установилась ясная погода, и армія увѣренно поднялась на обрывистыя высоты Альповъ. Орудія приходилось тащить въ выдолбленныхъ стволахъ деревьевъ. Особенно трудныя мѣста брали штурмомъ. Альпы переходили у Монъ-Сэниса, малаго Сэнъ-Бернарда, Симплона и Готтарда. Черезъ большой Сэнъ-Бернардъ, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ, гдѣ нужно было переправляться черезъ пропасти, глетчеры и отвѣсныя скалы, перешелъ самъ Бонапартъ съ ядромъ своей арміи.

Этотъ переходъ сравнивали съ знаменитымъ переходомъ Ганнибала черезъ Альпы. При этомъ надо, конечно, помнить, что Бонапартъ не имѣлъ ни непріятельскаго войска передъ собою, ни враждебнаго населенія на своемъ пути, и что его переходъ могъ быть тщательно подготовленъ.

Когда французы проходили мимо уединеннаго монастыря на большомъ Сэнъ-Бернардѣ, монахи угощали ихъ хлѣбомъ, виномъ и сыромъ. Затѣмъ, они спустились въ Аостскую долину, гдѣ стоялъ имъ на дорогѣ крѣпкій фортъ Бардъ. Смѣлымъ ночнымъ маршемъ, они прошли мимо этого форта, причемъ авангардъ подъ начальствомъ Ланна взялъ приступомъ Иврею и обратилъ въ бѣгство отрядъ австрійцевъ. Тѣмъ временемъ раздѣлившіеся корпуса снова соединились, и черезъ Готтардъ перешли также подкрѣпленія, посланныя первому консулу генераломъ Моро изъ своей арміи по распоряженію Карно.

На Меласа извѣстіе, что большая французская армія подъ на-

чальствомъ самого Бонапарта появилась у него въ тылу, подѣйствовало удручающимъ образомъ. Онъ оставилъ мысль о вторженіи въ Провансъ и немедленно ретировался. Генералу Отту онъ приказалъ прекратить осаду Генуи, которую Массена до сихъ поръ защищалъ съ большимъ умѣньемъ и выносливостью. Но именно теперь лишенія въ Генуѣ достигли такой степени, что сдача стала неизбѣжной. Провіантъ почти совершенно вышелъ; не было ни мяса, ни хлѣба, и то, что солдаты ѣли подъ именемъ хлѣба, не заслуживало этого названія. Во время этой страшной осады, говорятъ, много тысячъ людей умерло отъ голода. Массена держался съ желѣзной твердостью и самъ раздѣлялъ со своими солдатами всѣ лишенія осады, такъ что они говорили о немъ: „раньше чѣмъ онъ капитулируетъ, онъ еще заставитъ насъ съѣсть свои сапоги". Но 4-го іюня Массена изъ состраданія къ населенію города уступилъ и капитулировалъ подъ условіемъ свободнаго пропуска съ оружіемъ и имуществомъ,—какъ разъ въ то время, когда Оттъ получилъ приказаніе отступить отъ крѣпости.

Такъ Генуя еще разъ перешла въ руки австрійцевъ, которые сейчасъ же заняли ее. Но это нисколько не могло улучшить ихъ положенія, потому что Бонапартъ быстро завладѣлъ Ломбардіей и, такимъ образомъ, отрѣзалъ Меласа отъ Австріи. 2-го іюня Бонапартъ торжественно вступилъ въ Миланъ и объявилъ возстановленіе цизальпинской республики.

Меласъ стянулъ всѣ свои войска и послѣ того, какъ онъ въ стычкѣ съ пылкимъ Ланномъ при Монтебелло потерпѣлъ сильное пораженіе, обѣ главныя арміи сошлись на широкой равнинѣ у Александріи. Деревня Маренго составляла центральный пунктъ поля битвы.

Меласъ, увидѣвъ, что онъ можетъ выйти изъ своего отчаяннаго положенія лишь смѣлымъ нападеніемъ, напалъ 14 іюня съ преобладающими силами на французовъ при Маренго и отбросилъ ихъ назадъ. Какъ ни усиливался Бонапартъ остановить страшное замѣшательство, Меласъ весь день одолѣвалъ французовъ, и къ вечеру французскіе ряды разстроились. Цѣлые отряды французовъ стали обращаться въ бѣгство, и австрійцы яростно шли впередъ. Быстрыми кавалерійскими аттаками они разсѣевали французскія колонны. Меласъ счелъ себя побѣдителемъ и послалъ въ Вѣну извѣстіе о побѣдѣ, между тѣмъ какъ Бонапартъ отправилъ въ Парижъ курьера съ извѣстіемъ о своемъ пораженіи. Австрійскій генералъ, изнуренный тяжелой битвой, сдалъ начальствованіе надъ войскомъ генералу Цаху и уѣхалъ въ Александрію.

Цахъ яростно бросился на отступавшихъ французовъ, къ которымъ въ этотъ моментъ спѣшилъ со своей дивизіей на помощь лишь недавно вернувшійся изъ Египта генералъ Десэ. Французы приготовились къ новому удару съ мужествомъ отчаянія. Надвигавшіяся массы австрійцевъ были встрѣчены сильнымъ пушечнымъ огнемъ; затѣмъ

Десэ перешелъ въ наступленіе, что подняло духъ всего французскаго войска. Австрійцы, порядокъ у которыхъ во время преслѣдованія разстроился, подались теперь, съ своей стороны, назадъ. Генералъ Десэ палъ, и его войско, потрясенное смертью фанатически любимаго имъ вождя, котораго называли „Баярдомъ республики", пришло въ ярость, бѣшенно бросилось на австрійцевъ въ штыки и отбросило ихъ далеко назадъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Келлерманъ ворвался со своей кавалеріей въ австрійскіе ряды и довелъ ихъ замѣшательство до послѣдняго предѣла. Генералъ Цахъ былъ взятъ въ плѣнъ, и его войска, еще недавно побѣждавшія, бѣжали теперь въ паническомъ страхѣ. Первоначальная побѣда австрійцевъ превратилась въ ихъ полное пораженіе. Энергичное преслѣдованіе завершило разстройство австрійской арміи. Австрійцы потеряли 5,000 человѣкъ убитыми и ранеными, 20 орудій и 6,000 плѣнныхъ; французы потеряли убитыми и ранеными около 6,000 чел. Бонапартъ былъ очень опечаленъ смертью Десэ, котораго онъ высоко цѣнилъ. Когда его поздравляли съ побѣдой словами: „какой прекрасный день", побѣдитель отвѣтилъ: „да, прекрасный день,—если бы только я могъ сегодня обнять на полѣ битвы Десэ!"

Дѣйствіе этой побѣды было громадно: австрійцы сразу потеряли все, что было пріобрѣтено ими во время похода 1799 г. Меласъ вынужденъ былъ просить перемирія. Перемиріе ему было дано 16 іюля въ Александріи, но только подъ условіемъ, чтобы австрійская армія отступила за Минчіо, и французамъ было отдано все оружіе и амуниція въ подлежащихъ очищенію областяхъ.

Въ Германіи военное счастье въ этотъ походъ было тоже на сторонѣ французовъ. 25 апрѣля Моро перешелъ Рейнъ. Тщательно обдуманнымъ операціямъ этого столь же искуснаго, какъ и осторожнаго тактика, неспособный Край, начальствовавшій надъ австрійцами, могъ противопоставить только храбрость рубаки. Моро разбилъ австрійцевъ поочередно при Энгенѣ, Месскирхѣ и Пуллендорфѣ и принудилъ ихъ искать защиты въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ прикрытіемъ пушекъ Ульма. Край, войско котораго было вслѣдствіе пораженій совершенно деморализовано и имѣло такъ много больныхъ, что стали подозрѣвать у солдатъ эпидемическую симуляцію, надѣялся въ своей позиціи передъ Ульмомъ задержать дальнѣйшее движеніе Моро. Но Моро обошелъ австрійскую позицію. Онъ занялъ Аугсбургъ и затѣмъ началъ переправляться черезъ Дунай въ тылу у Края. Край сталъ теперь бояться, что его отрѣжутъ отъ Австріи; поэтому онъ вышелъ изъ своего лагеря и старался помѣшать переправѣ Моро черезъ Дунай. Однако онъ былъ разбитъ Моро у Гехштэдта, на томъ самомъ полѣ битвы, гдѣ французы почти за сто лѣтъ раньше побѣдили принца Евгенія и Мальборо (Malborough), и бѣжалъ съ остатками своего войска къ австрійской границѣ. Моро за-

нялъ Мюнхенъ, и французы отступили до Инна. 15 іюля было заключено перемиріе, передавшее въ руки французовъ почти всю Баварію, за исключеніемъ нѣкоторыхъ блокированныхъ ими крѣпостей. Рѣшено было, что эти крѣпости останутся подъ блокадою съ тѣмъ, чтобы черезъ каждые 14 дней въ нихъ пропускался провіантъ въ количествѣ, необходимомъ на такой періодъ времени.

Бонапартъ принялъ перемиріе подъ тѣмъ условіемъ, чтобы были начаты переговоры о мирѣ. Но Австрія хотѣла перемирія лишь затѣмъ, чтобы оправиться отъ своего пораженія, и мирные переговоры скоро разстроились.

Такъ властная рука Бонапарта, точно колдовствомъ, повернула общее политическое положеніе въ пользу Франціи, когда еще недавно дѣло имѣло такой видъ, будто республика стоитъ на краю гибели. Неудивительно, если ограниченная масса съ суевѣрнымъ благоговѣніемъ взирала на человѣка, счастье котораго казалось столь же великимъ, какъ и его геній.

Побѣдитель при Маренго поспѣшилъ извлечь финансовую выгоду изъ успѣховъ своего оружія. Организуя вновь цизальпинскую республику, онъ конфисковалъ монастырскія и государственныя земли въ Ломбардіи; цизальпинская республика должна была платить Франціи ежемѣсячно два, Пьемонтъ—ежемѣсячно полтора милліона. Массена былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Италіи. Этотъ генералъ—герой на полѣ битвы, но грабитель на постоѣ—совершалъ такія вымогательства, офицеры и комиссары такъ усердно подражали ему, что къ Бонапарту поступили самыя тяжкія жалобы, и пришлось замѣнить Массену Бенурюномъ. Моро, насколько могъ, держался въ сторонѣ отъ грабежей, но теперь онъ долженъ былъ по приказанію собирать контрибуцію, и онъ собралъ ее на сумму въ сорокъ милліоновъ. Такъ дорого должны были оплачивать народы ненависть Габсбурскаго дома и Питта къ французской республикѣ.

Но тѣмъ не менѣе французскіе финансы все еще не могли оправиться. Передъ финансовой неурядицей даже энергія Бонапарта была безсильна. Въ бюджетѣ и на этотъ разъ былъ дефицитъ въ 200 милліоновъ.

Бросая въ Египтѣ свое храброе войско, Бонапартъ оставилъ генералу Клеберу запечатанный приказъ, который могъ быть вскрытъ лишь тогда, когда главнокомандующій будетъ уже въ открытомъ морѣ. Въ этомъ приказѣ главное начальствованіе передавалось генералу Клеберу. Бонапартъ не любилъ этого генерала, который былъ человѣкъ прямодушный и искренній республиканецъ. Родомъ изъ Страсбурга, Клеберъ, о которомъ ходилъ слухъ, будто онъ былъ побочнымъ сыномъ одной высокопоставленной особы, поступилъ сперва

на австрійскую военную службу. Но онъ, какъ непривиллегированный, не могъ получить повышенія въ этой странѣ предразсудковъ и поэтому перешелъ на службу французской республики, гдѣ его достоинства скоро открыли ему дорогу. Онъ съ большимъ успѣхомъ сражался въ Майнцѣ, въ Вандеѣ и въ маасской и самбрской арміи; битва при Альтенкирхенѣ была выиграна французами, главнымъ образомъ, благодаря его уму и храбрости. Солдаты питали безграничное довѣріе къ этому мужественному генералу, могучій голосъ котораго они слышали даже среди грохота битвы.

Вслѣдствіе тайнаго отъѣзда Бонапарта французская армія въ Египтѣ сильно упала духомъ. Тѣмъ не менѣе энергичный Клеберъ, какъ ни возмущенъ онъ былъ поступкомъ Бонапарта, сумѣлъ придать бодрость солдатамъ. Но отъ него не могло укрыться, что положеніе его очень затруднительно. Численность войска, начальствованіе надъ которымъ онъ добросовѣстно принялъ, доходила до 20,000 чел., и Клеберъ видѣлъ, что безъ подкрѣпленія изъ Европы онъ не можетъ надолго удержать Египетъ. Между тѣмъ, какъ Сидней Смитъ безпрестанно подвозилъ въ страну турецкія войска, черезъ Сирію и Палестину шелъ турецкій великій визиръ Юсуфъ съ арміей въ 80,000 человѣкъ. Клеберъ счелъ нужнымъ сдѣлать попытку сохранить республикѣ ея войско и вступилъ въ переговоры съ Сиднеемъ Смитомъ, между тѣмъ какъ великій визиръ Юсуфъ занялъ фортъ Эль-Аришъ на границѣ между Египтомъ и Палестиною. Здѣсь состоялся договоръ, заключенный 20 января 1800 г. Клеберъ долженъ былъ очистить правый берегъ Нила и Каиръ и въ опредѣленное время переправиться на англійскихъ судахъ во Францію.

Клеберъ не имѣлъ никакой иной гарантіи исполненія этого договора, кромѣ устнаго обѣщанія Сиднея Смита. Человѣкъ высокой честности, Клеберъ предполагалъ это качество и въ другихъ людяхъ. Теперь ему пришлось познакомиться съ коварствомъ Альбіона.

Французы немедленно уступили туркамъ правый берегъ Нила и Каиръ. Но вскорѣ послѣ этого Сидней Смитъ сообщилъ французскому главнокомандующему, что англійское правительство приказало лорду Кэйту, главному начальнику англійскаго флота, признать эль-аришскую конвенцію лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Клеберъ со своей арміей сдался англичанамъ въ плѣнъ.

Клеберъ, поступившій при заключеніи договора слишкомъ довѣрчиво и нѣсколько легкомысленно, такъ какъ онъ положился лишь на устное обѣщаніе, пришелъ въ сильное раздраженіе. Но это вернуло ему также и всю его энергію. Желая пригвоздить къ позорному столбу низость англійскаго правительства, онъ обнародовалъ письмо, полученное имъ отъ лорда Кэйта. Письмо это гласило:

„Отъ его британскаго величества я получилъ отчетливыя приказанія не признавать никакой капитуляціи съ арміей, состоящей

подъ вашимъ начальствомъ, иначе, какъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы она сложила оружіе, сдалась въ плѣнъ и выдала всѣ суда, находящіяся въ александрійской гавани".

Клеберъ прибавилъ въ своемъ приказѣ по арміи: *„Солдаты! На такое безстыдство отвѣчаютъ только побѣдою. Готовьтесь къ бою!"*.

20 марта онъ стоялъ близъ развалинъ древняго Геліополиса передъ несравненно болѣе сильнымъ турецкимъ войскомъ. У Клебера было лишь 12,000 челов. противъ 80,000 турокъ, но онъ и его армія были воодушевлены мужествомъ отчаянія. Когда на французовъ надвигались сильныя колонны великаго визиря, Клеберъ ѣздилъ передъ фронтомъ своихъ баталіоновъ. „Друзья", говорилъ онъ имъ: „у васъ въ Египтѣ нѣтъ ничего, кромѣ той земли, что у васъ подъ ногами. Если вы хоть шагъ отступите назадъ, вы погибли!"

Мужество французовъ возгорѣлось, и они бурно двинулись на турокъ. Ярость французовъ, смѣлые маневры Клебера, страхъ турокъ передъ французскимъ оружіемъ—все это соединилось вмѣстѣ, чтобы сдѣлать атаку французовъ непреодолимой. Яростнымъ и общимъ ударомъ въ штыки они сбили боевой строй турокъ и обратили массы великаго визиря въ бѣгство. Турки въ страхѣ бѣжали до самой Сиріи.

Эта блестящая побѣда стоила французамъ лишь нѣсколько сотъ человѣкъ. Но имъ еще предстояла тяжелая и обильная потерями борьба,—вторичное завоеваніе Каира.

Населеніе этого большого города, какъ мы видѣли, еще при Бонапартѣ возставало противъ французовъ. Кровавое подавленіе возстанія вызвало у египтянъ сильное озлобленіе. Когда Клеберъ сражался съ турками при Геліополисѣ, населеніе Каира снова поднялось, такъ какъ оно съ увѣренностью ожидало пораженія и уничтоженія французовъ. Въ Каирѣ осталось лишь немного французовъ. Теперь египтяне напали на нихъ и перебили ихъ. Ибрагимъ-бей, сражавшійся со своими мамелюками при Геліополисѣ, бѣжалъ въ Каиръ и налгалъ египтянамъ, будто французы разбиты. Вскорѣ 50,000 египтянъ взялись за оружіе. Но 27 марта передъ Каиромъ явился Клеберъ и показалъ его жителямъ, что онъ не побѣжденъ. Когда въ Каирѣ египтяне грабили и убивали всѣхъ французовъ и, вообще, христіанъ, Ибрагимъ старался отстоять городъ отъ французовъ. Произошелъ рядъ кровопролитныхъ стычекъ, которыя не привели ни къ какому результату, хотя Каиръ и былъ подвергнутъ бомбардировкѣ. Наконецъ, Клеберъ рѣшился взять предмѣстье Каира, Булакъ, приступомъ. 15 апрѣля французы проникли въ Булакъ, но имъ пришлось еще выдержать жестокую борьбу съ египтянами и мамелюками, раньше чѣмъ можно было взять предмѣстье. Отчаянные защитники массами погибали отъ картечи или штыковъ, взрывались на воздухъ цѣлые ряды домовъ. 400 домовъ были разрушены или

погибли въ пламени и избито было много тысячъ людей, пока, на конецъ, французы овладѣли Булакомъ.

Послѣ этой страшной побѣды Ибрагимъ-бей вступилъ въ переговоры съ Клеберомъ, и Каиръ былъ сданъ французамъ, Ибрагимъ же ушелъ со своими мамелюками въ Сирію. 27 апрѣля 1800 г. французы снова вступили въ Каиръ. Такимъ образомъ, вторичное завоеваніе города заняло цѣлый мѣсяцъ времени.

Управленіе страной было организовано Клеберомъ вновь и съ большимъ искусствомъ. Онъ считался съ привычками и потребностями египтянъ и соблюдалъ умѣренность во взиманіи налоговъ. Онъ обнаружилъ большую мягкость и не мучилъ такъ египтянъ реквизиціями, какъ Бонапартъ. Поэтому египтяне скоро полюбили его, и онъ получилъ нѣкоторую надежду удержать Египетъ до тѣхъ поръ, пока въ Европѣ не заключатъ мира.

Но этой надеждѣ не пришлось исполниться.

14 іюля 1800 г. Клеберъ вышелъ съ однимъ проводникомъ въ садъ своего дворца въ Каирѣ,—въ тотъ самый часъ, когда другъ его Дэсе палъ, сраженный австрійской пулею на полѣ битвы при Маренго. Вдругъ, изъ одной высохшей цистерны выскочилъ мусульманинъ и со страшной быстротой и мѣткостью вонзилъ длинный кинжалъ въ сердце ничего не предчувствовавшаго генерала. Клеберъ упалъ мертвымъ; проводникъ его хотѣлъ задержать бѣжавшаго убійцу, но былъ при этомъ раненъ кинжаломъ. Убійцу задержали подоспѣвшіе солдаты.

Это былъ нѣкій Сулейманъ изъ Алеппо, мистикъ и религіозный фанатикъ, бродившій по востоку. Онъ видѣлъ остатки турецкой арміи, разбитой при Геліополисѣ, и страхъ, распространенный среди мусульманъ этой побѣдой Клебера. Онъ рѣшилъ убить „султана французовъ“ и выполнилъ свой замыселъ.

Собралась военная коммиссія и открыла, что замыселъ Сулеймана былъ извѣстенъ четыремъ шейхамъ. Шейхи эти были обезглавлены, Сулейманъ же приговоренъ къ посаженію на колъ, и этотъ восточный приговоръ былъ исполненъ надъ нимъ съ восточной жестокостью. Онъ въ теченіе четырехъ часовъ выносилъ свои муки съ равнодушіемъ, какое можетъ дать только фанатизмъ.

Преемникомъ Клебера былъ генералъ Мену, перешедшій въ исламъ и женившійся на турчанкѣ; онъ принялъ имя Абдалла-Мену. Но онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ не пригоденъ для той роли, которую ему пришлось взять на себя; его умственныя способности не были на высотѣ его положенія, а его внѣшность сдѣлала его предметомъ насмѣшекъ: онъ былъ такъ толстъ, что едва могъ сидѣть на конѣ. Его мѣропріятія были неудачны и раздражали египтянъ. Подкрѣпленія, которыя хотѣли послать изъ Европы, были задержаны англійскими крейсерами, и положеніе французовъ становилось все *опаснѣе.*

Тѣмъ временемъ событія въ Европѣ складывались благопріятно для французовъ въ Египтѣ. 5 сентября англичане вслѣдствіе капитуляціи заняли Мальту, которую въ теченіе двухъ лѣтъ французскій генералъ Вобуа защищалъ отъ англійскихъ, русскихъ, неаполитанскихъ и португальскихъ военныхъ кораблей. Занятіемъ Мальты англичане навлекли на себя гнѣвъ русскаго императора Павла и, опасаясь его мщенія, старались, во что бы то ни стало, удалить французовъ изъ Египта. Они предложили Мену признать эль-аришскую конвенцію; Сидней Смитъ сообщилъ ему объ этомъ. Но Мену отвергъ это предложеніе, такъ какъ для принятія его онъ, по его словамъ, нуждался въ согласіи перваго консула.

Вслѣдствіе этого англійскій министръ рѣшилъ сдѣлать то, чего не могли сдѣлать турки, и завоевать Египетъ. Была образована армія въ 17.000 человѣкъ, навербованная почти во всѣхъ странахъ Европы, и подъ начальствомъ генерала Ральфа Эберкромби доставлена лордомъ Кэйтомъ въ Египетъ.

Эберкромби, дѣльный и энергичный полководецъ, сейчасъ же взялъ фортъ Абукиръ и 21 марта 1801 г. далъ французамъ сраженіе при Рамани, въ которомъ они, послѣ столь же отчаянной, какъ и безуспѣшной кавалерійской аттаки, были совершенно разбиты. Эберкромби палъ въ битвѣ, но преемникъ его Хётчинсонъ (Hutchinson) прогналъ французовъ къ валамъ Александріи; Мену бросился съ частью своего войска въ городъ, остальное же войско подъ начальствомъ генерала Белльяра занимало Каиръ. Хётчинсонъ осадилъ Александрію и двинулся къ Каиру. Такъ какъ турки съ сильнымъ войскомъ снова шли на помощь англичанамъ, а въ Красномъ морѣ уже показался англійскій флотъ, имѣвшій привезти изъ Италіи 7 тыс. чел., то Белльяръ рѣшилъ капитулировать. Каирской капитуляціей отъ 27 іюля 1801 г. французамъ предоставлено было свободное отступленіе съ оружіемъ и багажемъ; они должны были переправиться во Францію на англійскихъ корабляхъ. И ученые, сопровождавшіе французскую армію, тоже могли вернуться на родину со своими бумагами и коллекціями. 27 августа капитулировалъ также и Мену въ Александріи на тѣхъ же условіяхъ. 2-го сентября посадка французовъ на корабли была уже окончена. Такъ какъ англичане имѣли случай показать себя великодушными, то посадка французовъ совершилась съ нѣкоторой пышностью. Французовъ содержали во время плаванія очень хорошо. Египтяне, скомпрометировавшіе себя во время французскаго владычества, тоже могли отправиться съ французами.

Таковъ былъ конецъ этого фантастическаго предпріятія, цѣль котораго—подорвать положеніе Англіи на Востокѣ—была совершенно не достигнута. Но французы не избавились также и отъ честолюбиваго генерала, котораго они боялись; египетскій походъ только увеличилъ его популярность и, такимъ образомъ, способствовалъ

удачѣ государственнаго переворота 18 брюмэра. Единственный положительный результатъ этой экспедиціи составляли изслѣдованія, чертежи и коллекціи ученыхъ, оплаченные нѣсколько дорогой цѣной, —кровью многихъ людей.

Послѣ битвы при Маренго Бонапартъ снова сдѣлалъ мирныя предложенія и постановилъ болѣе мягкія условія, чѣмъ можно было ожидать отъ побѣдителя. Но Австрія не согласилась, потому что интриганъ Тугутъ заключилъ уже новый договоръ о субсидіи, по которому Австрія могла вести мирные переговоры съ Франціей лишь съ согласія Англіи. Англичане уплатили Австріи два милліона фунтовъ стерлинговъ, и Тугутъ выигралъ свою безчестную игру. Война началась снова.

Бонапартъ предоставилъ дальнѣйшее веденіе войны своимъ генераламъ, самъ же еще въ началѣ іюля вернулся въ Парижъ, гдѣ этотъ человѣкъ, своей сильной рукой снова повернувшій судьбы Франціи, былъ встрѣченъ массой населенія, какъ полубогъ. Французы были опьянены его успѣхами.

Въ сентябрѣ въ Италіи начались снова военныя дѣйствія. Генералъ Макдональдъ вторгся въ Тироль, перешелъ смѣлымъ маршемъ Шплюгенъ и взялъ Тріентъ. Брюнъ двинулся черезъ Минчіо и отбросилъ Белльгарда, принявшаго команду отъ старика Меласа. Брюнъ уже вступилъ въ долину Эча, когда изъ Германіи пришло извѣстіе о новомъ перемиріи, вслѣдствіе чего были пріостановлены военныя дѣйствія и въ Италіи.

Австрія во время парсдорфскаго перемирія предприняла обширныя вооруженія и выставила новое войско противъ Моро. Эрцгерцогъ Карлъ ни подъ какимъ условіемъ не хотѣлъ подъ властью Тугута принимать начальствованіе надъ войскомъ. Но въ Австріи, повидимому, думали, что войско вообще можетъ имѣть успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, если имъ командуетъ принцъ, и такъ какъ эрцгерцогъ Карлъ упорно отказывался, то главное начальствованіе было передано брату его, Іоанну. Этотъ, тогда 18-лѣтній юноша, сыгравшій спустя полстолѣтіе въ Германіи трагикомическую роль правителя имперіи (Reichsverweser), долженъ былъ теперь спасти Австрію; онъ дѣйствительно и самъ считалъ себя призваннымъ къ этому. Если могъ одерживать побѣды братъ его, Карлъ, то отчего не можетъ и онъ. Такъ и долженъ былъ онъ разсуждать, принимая на вѣру все, что говорили ему льстецы. Въ военные совѣтники дали ему не какого-нибудь генерала, испытаннаго въ бояхъ съ французами, а одного фельдцехмейстера, по имени Лауэра, всѣ заслуги котораго состояли въ томъ, что онъ въ походѣ 1796 г. доказалъ свою полную неспособность. И *этому эрцгерцогу* Іоанну съ генераломъ Лауэромъ предстояло одолѣть

войска французской республики, находившіяся подъ начальствомъ самыхъ лучшихъ полководцевъ! Если бы не было извѣстно, что Тугутъ дѣлаетъ такія распоряженія вслѣдствіе именно своей безтолковости, то можно было бы подумать, что въ Вѣнѣ царитъ безуміе.

Послѣ того, какъ австрійская армія получила значительныя подкрѣпленія,—причемъ нужно было прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ, такъ какъ и терпѣливымъ австрійцамъ уже надоѣла безпрестанная война,—28 ноября снова начались враждебныя дѣйствія. Войско Моро тоже усилилось, такъ какъ онъ присоединилъ къ себѣ сѣверную армію, состоявшую подъ начальствомъ генерала Ожеро. И молодому Іоанну тоже суждено было имѣть маленькій успѣхъ. 1 декабря онъ съ преобладающими силами натолкнулся на двѣ французскія дивизіи и отбросилъ ихъ. Не было недостатка въ льстецахъ, которые чудовищно раздували это дѣло, и Іоаннъ самъ теперь уже увѣровалъ въ свой стратегическій геній. Онъ вѣрилъ, что все уже выиграно. Моро вскорѣ разувѣрилъ его.

3 декабря враждебныя войска сошлись у деревни Гогенлинденъ (Hohenlinden). Французскіе генералы сразу же увидѣли какой у нихъ противникъ, и одинъ изъ нихъ сказалъ наканунѣ сраженія: „Напишемъ сейчасъ же реляцію: 50 орудій и 10.000 плѣнныхъ“. Онъ былъ правъ.

Раннимъ утромъ въ ясный зимній день возгорѣлась битва на покрытой снѣгомъ лѣсистой равнинѣ, среди которой расположена деревня Гогенлинденъ. Неумѣлымъ движеніямъ эрцгерцога Моро противопоставилъ все свое стратегическое искусство. Австрійскія линіи были прорваны, укрѣпленныя позиціи эрцгерцога взяты или обойдены, и вскорѣ остатки австрійской арміи безпорядочной массой обратились въ поспѣшное бѣгство. Іоаннъ потерялъ 7.000 мертвыми и ранеными, 11.000 плѣнными и 100 орудій; у французовъ было мертвыхъ и раненыхъ около 2.500 человѣкъ.

Пораженіе было уничтожающее; Австрія совершенно пала. Съ паденіемъ ея палъ также и Тугутъ, такъ какъ теперь, когда все уже было потеряно, главнокомандующимъ надъ разбитой арміей снова былъ назначенъ эрцгерцогъ Карлъ, а онъ согласился принять назначеніе лишь подъ условіемъ отставки Тугута. Тугутъ, можетъ быть, былъ бы уволенъ еще до битвы при Гогенлинденѣ, такъ какъ императоръ Францъ II желалъ видѣть во главѣ арміи своего талантливаго брата Карла. Но какъ разъ въ это время прибыла въ Вѣну королева неаполитанская, Каролина, со своей пресловутой фавориткой, леди Гамильтонъ, и такъ какъ родственныя души сходятся, то и эти зловредные натуры сошлись съ Тугутомъ. Они добились того, что Тугутъ остался на своемъ посту. Но теперь онъ долженъ былъ выйти въ отставку, и эрцгерцогъ Карлъ принялъ начальствованіе надъ разбитымъ войскомъ, съ которымъ онъ уже ничего не могъ подѣлать.

Онъ отступилъ въ Штирію, и Моро послѣдовалъ туда за нимъ. Французская армія была уже на разстояніи лишь 11 миль отъ Вѣны. Большой тріумфъ былъ бы для нея, если бы она вступила въ непріятельскую столицу. Но эрцгерцогъ Карлъ добросовѣстно объявилъ императору, что Австрія можетъ быть спасена только быстрымъ заключеніемъ мира, и когда эрцгерцогъ предложилъ французскому генералу перемиріе, предложеніе его было принято. 25 декабря 1800 г. въ Штайерѣ было заключено перемиріе, по которому въ рукахъ французовъ осталась Баварія и Верхняя Австрія. Для нихъ должно было также остаться открытымъ сообщеніе съ Италіей.

Вотъ какіе удары нужны были для того, чтобы склонить Австрію къ миру. Вскорѣ начались также мирные переговоры, въ основу которыхъ Бонапартъ, чтобы быть великодушнымъ, положилъ условія кампо-формійскаго мирнаго договора, Миръ, возвратившій Франціи все, полученное ею въ Кампо-Форміо, заключенъ былъ 9 февраля въ Люневиллѣ. Австрійскую границу въ Италіи составляла рѣка Эчъ, Тоскана перешла во владѣніе Франціи, причемъ великій герцогъ ея Фердинандъ III долженъ былъ получить соотвѣтствующее вознагражденіе въ Германіи. Этотъ мирный договоръ былъ утвержденъ регенсбургскимъ конгрессомъ имперскихъ князей 7 марта 1801 г.

Мѣщанство, высшая буржуазія, крупные и мелкіе землевладѣльцы хорошо чувствовали себя подъ владычествомъ Бонапарта, который доставилъ имъ спокойствіе, снова возвысилъ ихъ ренты, далъ занятія рабочимъ на войнѣ или при общественныхъ сооруженіяхъ и подавилъ демократію. Казалось, никакихъ принциповъ уже не существовало, все слилось въ восхваленіи великаго человѣка, который преобразовалъ Францію и укротилъ льва революціи.

Отъ старыхъ партій сохранились уже лишь развалины, и вліятельныя личности, за немногими исключеніями, покорились всемогущему правленію Бонапарта. Но осталось еще нѣкоторое число роялистовъ и демократовъ, у которыхъ было достаточно характера, чтобы не покориться безъ всякихъ околичностей человѣку 18 брюмэра. Успѣхъ не очаровалъ ихъ. Большинство ихъ со злобой удалилось отъ общественной жизни, и когда такіе ненадежные люди, какъ Барреръ, соглашались нести властелину сыскную службу, Карно счелъ уже несовмѣстимымъ со своими непреклонно-республиканскими убѣжденіями оставаться военнымъ министромъ Бонапарта.

Но среди оппозиціи обоихъ лагерей были также люди горячіе, склонные къ насиліямъ, которые не могли оставаться спокойными, а стали придумывать, какъ бы устранить перваго консула насильственнымъ путемъ. Такъ какъ о возстаніи народа нечего было и думать, *то занялись* покушеніями на убійство. Это доставляло большое удо-

вольствіе Фуше, потому то такія покушенія были ему очень желательны, чтобы укрѣпиться въ своемъ положеніи стража безопасности. Мало того, дѣло имѣло даже такой видъ, будто министръ полиціи искусственно „составлялъ“ заговоры и затѣмъ „открывалъ“ ихъ, чтобы показать свою проницательность и бдительность.

Въ Парижѣ тогда жилъ одинъ корсиканецъ, по имени Арена, ревностный республиканецъ; говорили, будто братъ его 19 брюмэра въ совѣтѣ пятисотъ, членомъ котораго онъ былъ, замахнулся кинжаломъ на Бонапарта. Онъ часто видался съ итальянцемъ Чераки, талантливымъ скульпторомъ и тоже ревностнымъ республиканцемъ, а также съ живописцемъ Топино-Лебреномъ, бывшимъ нѣкогда присяжнымъ въ революціонномъ трибуналѣ. Фанатики эти часто говорили о Брутѣ, который имъ былъ желателенъ для освобожденія Франціи отъ Бонапарта. Сами они не чувствовали влеченія къ этой опасной роли, но они познакомились съ однимъ отставнымъ офицеромъ, по имени Арреломъ (Harrel), который имъ казался вполнѣ подходящимъ для нея. Нѣкій Домервиль и нѣкій Діана были посвящены въ тайну, и Аррелю со всей серьезностью было сдѣлано предложеніе заколоть кинжаломъ перваго консула. Онъ, повидимому, согласился, но одновременно съ этимъ обо всемъ узналъ министръ полиціи Фуше и слѣдилъ за комплотомъ. Заговорщики рѣшили убить перваго консула въ оперѣ. Фуше получилъ отъ своихъ агентовъ, участвовавшихъ въ комплотѣ, точныя свѣдѣнія о мѣстѣ и времени покушенія и когда заговорщики явились въ театръ, ихъ арестовала полиція. Впрочемъ, у нихъ не было при себѣ кинжаловъ: вооружены были лишь агенты Фуше. Не было также противъ нихъ и никакихъ доказательствъ, кромѣ доносовъ полицейскихъ агентовъ. Общественное мнѣніе склонялось къ тому, что Фуше самъ составилъ этотъ комплотъ, чтобы воспользоваться имъ въ интересахъ перваго консула, и даже президентъ трибунала довольно ясно высказалъ такой взглядъ на дѣло въ своей рѣчи. Дѣйствительные или мнимые заговорщики тѣмъ временемъ оставались подъ арестомъ.

Но къ этой полицейской интригѣ Фуше вскорѣ присоединилось серьезное событіе. Роялисты мало-по-малу пришли къ тому убѣжденію, что отъ Бонапарта имъ нечего ждать возстановленія легитимной монархіи. Претендентъ на престолъ, называвшій себя Людовикомъ XVIII, написалъ самъ Бонапарту. „Вы“, говорилъ онъ въ своемъ письмѣ: „такъ же мало можете достигнуть счастья Франціи безъ возстановленія меня на престолѣ, какъ мало могу и я безъ вашего содѣйствія вступить на престолъ, на который я имѣю право. Поэтому поспѣшите окончить доброе дѣло, начатое вами, которое вы одни можете выполнить, и назначьте вознагражденіе, какое вы потребуете за вашу любезность“.

Этотъ Бурбонъ въ самомъ дѣлѣ обладалъ достаточнымъ тупо-

уміемъ и самомнѣніемъ, чтобы думать, будто такой побѣдоносный воинъ, какъ Бонапартъ, откажется отъ своего властнаго положенія въ пользу ничтожнаго во всѣхъ отношеніяхъ претендента. Бонапартъ отвѣтилъ ему, что сожалѣетъ о его несчастіи, но для возвращенія ему Франціи пришлось бы пожертвовать 100.000 человѣкъ, а этому, онъ, первый консулъ, не можетъ содѣйствовать.

Впослѣдствіи должно было погибнуть гораздо болѣе 100.000 человѣкъ ради возстановленія владычества Бурбоновъ.

И съ политическими агентами въ лицѣ прекрасныхъ, остроумныхъ и знатныхъ дамъ роялисты тоже не имѣли успѣха у Бонапарта. Тогда они отчаялись, наконецъ, въ возможности привлечь къ себѣ новаго самодержца и рѣшили убить его.

Выполненіе заговора взялъ на себя необузданный предводитель шаекъ въ Бретани, Жоржъ Кадудаль, обладавшій необходимой для этого дерзостью. Онъ тайно прибылъ во Францію и скрывался въ Бретани, откуда послалъ въ Парижъ трехъ агентовъ для убійства перваго консула. Они должны были взорвать его на воздухъ при помощи бочки, наполненной порохомъ и картечью. Заговорщики, имѣвшіе выполнить этотъ разбойничій планъ, назывались Карьянъ, Сэнъ-Режанъ и Лимоэланъ.

Вечеромъ 23 декабря 1800 г. Бонапартъ хотѣлъ отправиться въ оперу, затѣмъ онъ рѣшилъ остаться дома, но его уговорили поѣхать, и онъ поѣхалъ. На кривой улицѣ Сэнъ-Никэзъ заговорщики поставили телѣгу съ пороховой бочкой. Бонапартъ проѣзжалъ въ своей каретѣ мимо адской машины, какъ называли телѣгу съ пороховой бочкой; Сэнъ-Режанъ зажегъ фитиль. Но онъ немного опоздалъ, а пьяный кучеръ Бонапарта гналъ лошадей нѣсколько быстрѣе, чѣмъ обыкновенно, такъ что въ моментъ взрыва адской машины Бонапартъ уже завернулъ за уголъ. Раздался страшный взрывъ, — настолько сильный, что въ каретѣ Бонапарта разбило стекло, и первый консулъ крикнулъ сидѣвшему противъ него генералу Бессьеру: „Мы взорваны на воздухъ!“ Грохотъ слышно было на разстояніи нѣсколькихъ миль. Нѣсколько домовъ были совершенно разрушены, убито до 20 человѣкъ и шестьдесятъ ранено. Бонапартъ все-таки поѣхалъ въ театръ, куда онъ прибылъ совершенно спокойнымъ.

Это постыдное покушеніе, повергшее въ скорбь многія семьи, вызвало во Франціи продолжительное возбужденіе. Фуше пустилъ въ ходъ всю свою многосложную полицейскую машину, чтобы разыскать виновниковъ покушенія. Совершенно неосновательно заподозрили демократовъ, многіе изъ которыхъ были арестованы. Тогда Бонапартъ рѣшилъ прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ противъ этой партіи; простымъ полицейскимъ распоряженіемъ онъ выслалъ до 130 сторонниковъ этой партіи, среди которыхъ было много лю-

дей, пріобрѣтшихъ извѣстность въ революціи; часть ихъ была сослана на пустынные Сешельскіе острова.

Государственный совѣтъ согласился на это насиліе, а раболѣпный сенатъ еще отчетливо выразилъ, что конституція этимъ не нарушена,—Бонапартъ могъ быть доволенъ такимъ китайскимъ раболѣпіемъ. Теперь были казнены и участники заговора Арены, за исключеніемъ предателей и шпіоновъ, хотя никто не вѣрилъ серьезно въ ихъ виновность.

Постыдный Фуше вскорѣ разыскалъ, откуда вышло покушеніе съ адской машиной, но это не мѣшало ему производить аресты и высылать демократовъ съ прежней ревностью. Ему удалось захватить двухъ виновниковъ покушенія. Правда, Кадудаль сейчасъ же послѣ покушенія снова отплылъ въ Англію и Лимоэланъ выѣхалъ изъ Парижа за границу. Но Сэнъ-Режанъ остался, потому что во время взрыва онъ самъ былъ раненъ въ руку; Карьянъ, лично извѣстный Фуше, тоже скрывался въ Парижѣ. Фуше напалъ на слѣдъ этихъ двухъ заговорщиковъ, и ему удалось задержать ихъ. Они были приговорены къ смертной казни и казнены. Процессъ ихъ долженъ былъ каждаго убѣдить, что надъ демократами совершена величайшая несправедливость ссылкой ихъ за адскую машину. Но Бонапартъ цинически замѣтилъ: „Я избавился лишь отъ главнаго штаба якобинцевъ, а адская машина доказываетъ только, что и за роялистами надо смотрѣть такъ же строго, какъ и за демократами“.

Дѣло съ адской машиной усилило выраженія преданности и энтузіазма къ первому консулу, и онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы еще больше сократить гражданскую свободу. Онъ былъ вынужденъ очень осторожно идти къ абсолютной монархіи. Покушеніе облегчило ему осуществленіе его плановъ.

Тиранія англичанъ на морѣ, наносившая неизмѣримый ущербъ интересамъ Франціи, Испаніи и Голландіи, увѣнчалась такъ называемымъ правомъ обыска, присвоеннымъ себѣ Англіей, противъ котораго была нѣкогда заключена, по настояніямъ русской императрицы, Екатерины II, сѣверная конвенція о нейтралитетѣ. Но Англія нисколько не смущалась этой конвенціей, а осуществляла присвоенное ею право, гдѣ ей было угодно, вооруженной рукой и нападала на всѣ суда, на которыхъ предполагалась военная контрабанда. Если же суда противились обыску, ихъ обстрѣливали и захватывали. Такъ случилось съ нѣсколькими шведскими кораблями и съ датскимъ фрегатомъ „Фреей“.

Во всей Европѣ выражали возмущеніе такой наглостью англичанъ, и Бонапартъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы вооружить Россію противъ Англіи. Россія, Пруссія, Данія и Швеція уже давно

вели переговоры о возстановленіи морского нейтралитета,—и теперь Данія заявила, что захватъ фрегата „Фреи“ является нарушеніемъ международнаго права. Англія отвѣтила на это со своей обычной наглостью тѣмъ, что послала противъ Даніи флотъ.

Бонапартъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы вмѣшать Россію въ эту распрю, и императоръ Павелъ предложилъ себя Англіи въ посредники. Англія отклонила это предложеніе; тогда Данія вынуждена была уступить и угрожаемая англійскимъ флотомъ, должна была признать право обыска: заключенъ былъ договоръ, по которому Данія не могла впредь посылать съ транспортными судами, для ихъ охраны, военныхъ кораблей.

Этотъ договоръ императоръ Павелъ объявилъ не имѣющимъ значенія и совершенно порвалъ съ Англіей, которая его тѣмъ временемъ раздражила также захватомъ Мальты. Онъ велѣлъ задержать всѣ англійскіе корабли, стоявшіе въ русскихъ гаваняхъ, и заключилъ договоръ съ Даніей, Швеціей и Пруссіей, которымъ снова возстановлялся морской нейтралитетъ сѣверныхъ державъ. Морскія державы стали вооружаться. Бонапартъ достигъ своей цѣли; между Англіей и Россіей готова была вспыхнуть война.

При извѣстіи о заключеніи договора относительно нейтралитета Англія задержала въ своихъ гаваняхъ всѣ русскіе, датскіе и шведскіе корабли, и каперы ея захватывали всѣ суда сѣверныхъ державъ. Англійскій же флотъ подъ начальствомъ Паркера и Нельсона направился къ Копенгагену, между тѣмъ какъ Данія закрыла для англичанъ всѣ нѣмецкія гавани Сѣвернаго моря.

Сѣверныя государства не были достаточно подготовлены къ внезапному нападенію англичанъ, и, такимъ образомъ, маленькая Данія должна была теперь одна бороться съ сильнымъ тираномъ морей.

Тѣмъ временемъ Бонапартъ дѣйствовалъ на Пруссію, чтобы побудить ее занять курфюршество Ганноверское, бывшее въ личной уніи съ Англіей. Пруссія сперва колебалась, но когда Павелъ пригрозилъ, что займетъ Ганноверъ 25,000 русскихъ, Пруссія завладѣла Ганновером,—шагъ, который пруссаки старались оправдать въ Лондонѣ тѣмъ, будто они желали этимъ предупредить занятіе Ганновера русскими и французами. Эта двусмысленная прусская политика увѣнчивалась тѣмъ, что тогда же прусскій посолъ въ Парижѣ, Лукке-зини, старался получить позволеніе Бонапарта на окончательное присоединеніе Ганновера къ Пруссіи.

Англійскій флотъ явился передъ Копенгагеномъ, гдѣ датчане приготовились къ отчаянному сопротивленію. Весь датскій народъ поднялся противъ наглаго нападенія англичанъ. Но на сторонѣ Нельсона была сила, и онъ подвергъ Копенгагенъ страшной бомбардировкѣ. Въ кровопролитномъ морскомъ сраженіи на Зундѣ передъ *Копенгагеномъ* датскій флотъ былъ разбитъ, и Данія погибла, такъ

какъ русскій и шведскій флоты, по случаю льда, не могли придти ей на помощь. Пришлось вступить въ переговоры со счастливымъ поклонникомъ леди Гамильтонъ, и Нельсонъ самъ прибылъ въ разрушенный имъ городъ, гдѣ гордаго побѣдителя датскій народъ встрѣтилъ съ громкими выраженіями негодованія. Заключено было перемиріе, и англійскій флотъ отправился противъ Швеціи. Тѣмъ временемъ, преемникъ Павла, Александръ I, сталъ въ иныя отношенія къ Англіи, вслѣдствіе чего сѣверный морской нейтралитетъ прекратился.

Такимъ образомъ, присвоенное англичанами право обыска осталось, и попытка Бонапарта подорвать могущество Англіи на морѣ кончилась неудачею.

Возбужденіемъ, вызваннымъ покушеніемъ съ адской машиной, Бонапартъ прекрасно воспользовался для увеличенія своей власти. Прежде всего была значительно увеличена консульская гвардія, назначенная для охраны перваго консула; затѣмъ, учрежденъ былъ спеціальный судъ, которому подлежали участники вооруженныхъ возстаній и всѣ обвиняемые по особенно важнымъ дѣламъ. Этотъ судъ, состоявшій изъ восьми членовъ, пять изъ которыхъ назначались правительствомъ, рѣшалъ дѣла безапелляціонно и безъ участія присяжныхъ. Такимъ образомъ, снова явился, хотя и въ другой формѣ, революціонный трибуналъ. Впрочемъ, учрежденіе этого суда все-таки натолкнулось на противодѣйствіе въ трибунатѣ и законодательномъ корпусѣ, какъ ни тщательно были перечищены эти корпораціи. Бонапартъ долженъ былъ увидѣть, что демократическія традиціи еще не вполнѣ исчезли, и это задѣло его тѣмъ сильнѣе, что онъ думалъ, будто слава его имени должна затмить всѣ теоріи.

Полиція была увеличена, и на нее затрачивались громадныя суммы. Содержалась огромная масса шпіоновъ и доносчиковъ, которые проникали въ самые интимные кружки и доносили обо всемъ, что говорилось. Фуше не останавливался передъ самыми низкими средствами. Онъ давалъ даже привиллегіи тѣмъ домамъ терпимости, изъ которыхъ ему доставлялись доносы; такъ же поступалъ онъ и съ игорными домами. Полицейская власть Фуше вскорѣ до того усилилась, что самъ деспотъ въ Тюльери сталъ опасаться ея и раздробилъ полицію, такъ что отдѣльные департаменты ея надзирали взаимно другъ за другомъ. Свободомыслящіе люди обоихъ половъ, писатели, депутаты и политики всякаго рода при этомъ неслыханномъ полицейскомъ режимѣ состояли подъ строжайшимъ надзоромъ и преслѣдовались. Карно, какъ непреклонный республиканецъ, не могшій долго оставаться въ военномъ министерствѣ, Шенье, авторъ „Chant du départ“, не желавшій стать придворнымъ поэтомъ перваго кон-

сула, даже г-жа Сталь состояли при этомъ владычествѣ полиціи подъ надзоромъ и отчасти терпѣли гоненія.

Въ своемъ стремленіи возстановить монархическія формы, Бонапартъ, учредившій уже въ Тюльери дворъ съ придворнымъ этикетомъ, подумалъ также и о религіи. Во Франціи все еще было достаточно священниковъ, не принимавшихъ присяги; впрочемъ, конституціонный клиръ былъ кое-какъ организованъ. Съ папой Піемъ VII Бонапартъ давно уже велъ переговоры о возвращеніи католицизму правъ государственной религіи. Философской Франціи, полагавшей что введеніе государственной религіи, стало уже невозможнымъ было это не особенно пріятно; но Бонапартъ считалъ католическую религію необходимой, какъ опору своего самодержавія, и вслѣдствіе этого состоялся конкоратъ, еще до сихъ поръ существующій во Франціи.

Конкордатъ былъ заключенъ 14 іюля 1801 г. Во введеніи къ этому достопримѣчательному договору сказано:

„Правительство, признавая, что католическая религія есть религія большинства французовъ... папа, усматривая, съ своей стороны, что эта религія потерпѣла въ тяжелыя времена существенный ущербъ, и ожидая величайшаго блага возстановленія католической религіи во Франціи отъ того, что консулы сами исповѣдуютъ эту религію,— заключаютъ слѣдующее соглашеніе:

1. Католическая религія должна свободно исповѣдываться во Франціи, признаваться государственной религіей, и ея богослуженіе должно совершаться открыто; однако она должна подчиняться полицейскимъ предписаніямъ, какія будутъ признаны правительствомъ необходимыми для охраны спокойствія.

2. Папа, по соглашенію съ французскимъ правительствомъ, составитъ новое распредѣленіе епархій и можетъ потребовать отъ нынѣшнихъ епископовъ сложенія сана, если это окажется нужнымъ для осуществленія новой организаціи.

3. Епископскія каѳедры, освободившіяся вслѣдствіе такого сложенія сана или, въ случаѣ нежеланія епископовъ, вслѣдствіе смѣщенія ихъ, и всѣ каѳедры, имѣющія освободиться впослѣдствіи, папа замѣщаетъ послѣ предварительнаго назначенія кандидатовъ (nomination) французскимъ правительствомъ.

4. Новые епископы должны давать присягу на вѣрность правительству и руководиться служебникомъ, въ которомъ содержатся особыя молитвы о консулахъ.

5. Церковныя мѣста подлежатъ новому распредѣленію, и для этого должны быть избраны епископы, однако лишь такія лица, на назначеніе которыхъ правительство дастъ свое согласіе.

6. Правительство издастъ надлежащія постановленія относительно духовенства, и папа совершенно отказывается за себя и за своихъ

преемниковъ отъ всѣхъ правъ на какія бы то ни было требованія и притязанія относительно церковныхъ имуществъ, проданныхъ въ теченіе революціи".

Конкордатъ передалъ французскому государству отнятую у папы верховную власть въ церковныхъ дѣлахъ. Въ конкордатѣ говорилось еще, что если католическая церковь пожелаетъ основывать семинаріи, то она должна производить это на собственный счетъ, и тайной статьей его папа далъ священникамъ, женившимся въ теченіе революціи, отпущеніе этого грѣха.

Пій VII, не лишенный государственнаго ума, уступилъ и предпочелъ пожертвовать большею частью своего вліянія на церковныя дѣла во Франціи, чѣмъ навлечь на себя гнѣвъ всевластнаго перваго консула.

Если уже 6 статья хитро была разсчитана на то, чтобы обезпечить сочувствіе правительству Бонапарта массы мелкихъ землевладѣльцевъ, гарантировавъ имъ владѣніе бывшими церковными имуществами, то среди образованной Франціи проявилась тѣмъ большая оппозиція конкордату. Трибунатъ и законодательный корпусъ были проникнуты оппозиціей, и можно было ожидать, что они не согласятся утвердить конкордатъ. Могло случиться, что они станутъ противодѣйствовать и дальнѣйшимъ планамъ Бонапарта. Самодержца, опиравшагося уже на солдатъ и крестьянъ противъ независимой части образованныхъ классовъ, должно было поразить, что въ трибунатѣ, въ общемъ столь покорномъ ему, сталъ проявляться духъ противленія.

Онъ рѣшилъ „очистить" противодѣйствующія ему корпораціи. Сенатъ, подобранный Бонапартомъ, вопреки конституціи, изъ его ставленниковъ, безъ труда можно было побудить къ противоконституціоннымъ мѣрамъ противъ оппозиціи. Поэтому отъ сената было потребовано, чтобы онъ исключилъ изъ трибуната 20, а изъ законодательнаго корпуса 60 членовъ, и сенатъ раболѣпно исполнилъ это требованіе. Этой простой мѣрой устранили почти всѣхъ оппозиціонныхъ представителей, прибѣгнувъ къ коварному толкованію соотвѣтствующихъ статей конституціи совершенно противоположно ихъ дѣйствительному смыслу. Мѣста исключенныхъ представителей, понятно, заняли ставленники Бонапарта.

Теперь конкордатъ былъ утвержденъ законодательными властями. Республиканскій календарь тоже уже лишь отчасти оставили въ силѣ, и снова по прежнему было введено празднованіе воскресенія.

Въ день Пасхи 1802 г. съ большимъ торжествомъ праздновалось возстановленіе стараго культа, и дѣло имѣло совершенно такой видъ, какъ будто Бурбоны снова живутъ въ Тюльери; лишь военщина играла большую роль, чѣмъ это было въ обычаѣ до революціи. Бонапартъ въ придворной каретѣ на шести лошадяхъ прибылъ въ

церковь, куда явились всѣ высшія власти; войска стояли подъ ружьемъ на парижскихъ площадяхъ, и пушечные залпы извѣстили, что католическая государственная религія снова возстановлена.

Но и среди генераловъ, слѣдовавшихъ за „звѣздой" Бонапарта, были многіе, которымъ не нравился такой поворотъ. На обратномъ пути изъ собора Парижской Богоматери, гдѣ совершалось торжество, Бонапартъ спросилъ генерала Делольма, какъ ему понравилось все это? Генералъ со смѣлостью прямодушнаго воина отвѣтилъ: *„Хорошая была капуцинада,—недоставало лишь милліона людей, сложившихъ свои головы за уничтоженіе того, что вы теперь возстановляете!"*

Но Бонапартъ шелъ дальше по начатому имъ пути. Послѣ примиренія съ церковью, онъ приступилъ къ возстановленію дворянства. Онъ уже подготовилъ это декретомъ, дозволявшимъ вернуться во Францію большинству эмигрантовъ. Но ему нужно было не родовое дворянство, а служилое, и онъ пришелъ, такимъ образомъ, къ мысли объ учрежденіи почетнаго легіона. По первоначальному плану Бонапарта, почетный легіонъ состоялъ изъ 15 когортъ, въ каждой изъ которыхъ было 7 великихъ офицеровъ, 20 командоровъ, 30 офицеровъ и 350 легіонеровъ. Члены почетнаго легіона клялись защищать республику, неприкосновенность ея территоріи и національной собственности. Учредитель почетнаго легіона вскорѣ самъ далъ соблазнительный примѣръ нарушенія этой присяги. Первый консулъ могъ принять въ почетный легіонъ каждаго гражданина за гражданскія или военныя заслуги. Члены легіона получали оклады: великіе офицеры 5000, командоры 2000, офицеры 1000 и легіонеры 250 франковъ въ годъ. Знакомъ его была лента со звѣздой и надписью: „Honneur et patrie"

Уже въ государственномъ совѣтѣ Бонапартъ со своимъ почетнымъ легіономъ натолкнулся на противодѣйствіе, и Бернье назвалъ его игрушкою. Возражая на это Бернье, Бонапартъ высказалъ свои мысли о средствахъ управлять французскимъ народомъ. „Укажите мнѣ", говорилъ онъ: „древнюю или новую республику, въ которой бы не было никакихъ знаковъ отличій. Говорятъ, что это игрушка! *Да,—но посредствомъ игрушекъ управляютъ людьми.* Я не сказалъ бы этого на ораторской трибунѣ, но въ совѣтѣ мудрыхъ и государственныхъ людей нужно все говорить. *Я не думаю, что французскій народъ любитъ свободу и равенство.* Десять лѣтъ революціи еще не измѣнили французовъ. *У нихъ есть лишь одно чувство и это—чувство чести.* Ему нужно дать пищу, а для этого нужны отличія".

Надо отдать справедливость этимъ словамъ: они содержатъ правильную оцѣнку людей. Сверхъ того, они показываютъ, какъ глубоко презиралъ людей человѣкъ, обошедшій и поработившій французовъ.

Почетный легіонъ былъ принятъ въ государственномъ совѣтѣ

лишь очень незначительнымъ меньшинствомъ, трибунатъ отвергъ его, а законодательный корпусъ принялъ тоже незначительнымъ большинствомъ; наконецъ, раболѣпный сенатъ далъ ему свое утвержденіе. Почетный легіонъ былъ учрежденъ, назначены его кавалеры, которые и получили знаки отличія. Но въ народѣ и арміи много потѣшались надъ почетнымъ легіономъ, и Бонапартъ пришелъ въ сильное раздраженіе, когда онъ узналъ о случаѣ, бывшемъ у Моро. У этого славнаго генерала, который, какъ побѣдитель при Гогенлиденѣ, пользовался почти такой же популярностью, какъ и Бонапартъ, собрались однажды офицеры; послѣ основательной пирушки, они пожаловали генеральскому повару „за гражданскія заслуги“ почетную ложку и торжественно возвели его въ достоинство „кавалера ложки“. Бонапартъ никогда не могъ забыть Моро этой удачной насмѣшки надъ почетнымъ легіономъ.

Такъ честолюбивый солдатъ, фактически ставшій наслѣдникомъ революціи, осторожно создавалъ опоры престола, на который онъ готовился вступить.

Послѣ Люневильскаго мира, по которому Австрія вышла изъ большой коалиціи, въ войнѣ съ Франціей, Испаніей и Голландіей оставались еще Англія, Неаполь и Португалія. Россія не заключила еще съ Франціей формальнаго мира. Чувствовалась всеобщая потребность въ мирѣ, такъ какъ страны, опустошенныя войной, хотѣли отдыха, и такъ какъ выяснилось, наконецъ, что побѣдить Францію невозможно.

Неаполь вскорѣ заключилъ миръ въ виду того, что Бонапартъ приказалъ генералу Мюрату вступить въ эту страну и возстановить партенопейскую республику. Неаполитанскій дворъ, еще недавно чинившій жестокую расправу надъ республиканцами и еще преслѣдовавшій ихъ, обратился къ императору Павлу съ просьбой о заступничествѣ. Это заступничество увѣнчалось успѣхомъ и помѣшало республиканцамъ отмстить за нарушеніе капитуляціи 1799 г. 21 марта 1801 г. былъ заключенъ миръ во Флоренціи; по этому миру преслѣдованія республиканцевъ должны были прекратиться и неаполитанская гавань должна была оставаться закрытой для англичанъ. 1200 французовъ заняли Неаполь, правительство должно было содержать ихъ и, сверхъ того, платить ежемѣсячно 500.000 франковъ. Партенопейская республика не была возстановлена, такъ какъ основаніе новыхъ республикъ было уже не въ интересахъ Бонапарта. Это показало также и образованіе изъ тосканскаго великаго герцогства такъ называемаго королевства Этруріи. Но Бонапартъ теперь снова господствовалъ надъ Италіей: всѣ итальянскія государства были въ полной зависимости отъ Франціи.

Португалію принудили къ миру. Ея правительство испугали новымъ объявленіемъ войны, хотя война съ нею давно велась. Испанцы и французы вторглись въ Португалію и разогнали португальцевъ. 6 іюня 1801 г. между Испаніей и Португаліей былъ заключенъ миръ, по которому пограничный округъ Оливенца перешелъ къ Испаніи. Миръ между Португаліей и Франціей заключенъ былъ въ сентябрѣ въ Мадридѣ, и португальскія гавани должны были до заключенія всеобщаго мира оставаться закрытыми для англійскихъ кораблей.

Замѣчательно, что отношенія между французской республикой и Россіей долго оставались хорошими. Преемникъ Павла, Александръ I, поддерживалъ дружественныя отношенія съ первымъ консуломъ; они поняли другъ друга. Конечно, уже тогда у нихъ была мысль, которую впослѣдствіи они пытались осуществить: раздѣлить между собою вліяніе въ Европѣ. Они тайно заключили мирный договоръ въ Парижѣ 6 октября 1801 г.; Франція вознаградила короля сардинскаго и вывела свои войска изъ Неаполя. Она признала курьезную республику Іоническихъ острововъ, состоявшую подъ покровительствомъ Россіи и Турціи, и, наконецъ, Франція и Россія соединились, чтобы *общими силами регулировать вознагражденіе германскихъ и итальянскихъ государей*. Этотъ послѣдній пунктъ показываетъ, въ какомъ жалкомъ положеніи находилась Германія.

Затѣмъ, и Англія заключила миръ послѣ того, какъ Питтъ въ теченіе девяти лѣтъ велъ войну, чтобы уничтожить французскую республику, грабилъ и опустошалъ города и страны, захватывалъ флоты и колоніи. Благодаря расходамъ этой войны государственный долгъ Англіи возвысился съ 246 до 597 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Крупные купцы, конечно, получили свою прибыль, но народъ, которому приходилось платить проценты по государственному долгу, только терпѣлъ отъ послѣдствій войны и радостно привѣтствовалъ миръ. Сверхъ того, война между Англіей и Франціей причинила большія потери въ людяхъ и судахъ. Такимъ образомъ, состоялся прелиминарный мирный договоръ въ Лондонѣ; окончательный миръ заключенъ 27 марта въ Амьенѣ. Англія возвратила всѣ свои завоеванія, въ томъ числѣ и Мальту обязалась возвратить мальтійскому ордену, и удержала за собою только острова Тринидадъ и Цейлонъ. Турція заключила миръ съ Франціей въ іюнѣ 1802 г. въ Парижѣ.

Этими мирными договорами закончились собственно революціонныя войны. Договоры эти не произвели значительныхъ измѣненій въ политической картѣ Европы, они большею частью лишь подтвердили тѣ измѣненія границъ, которыя совершались во время самихъ войнъ.

Оставалось еще рѣшить, такъ называемый, германскій вопросъ о вознагражденіи. Германская имперія, столь пестрая и разрозненная,

была избрана для печальной роли—дать вознагражденіе государямъ, потерявшимъ свои земли и подданныхъ вслѣдствіе революціонныхъ войнъ. И негерманскіе государи тоже должны были получить вознагражденіе изъ германскихъ земель,—точно въ Германіи того времени населеніе жаждало еще чужеземныхъ государей, когда въ ней и своихъ было болѣе, чѣмъ достаточно, и когда, съ другой стороны, германская имперія казалась какой-то безхозяйной землей. Имѣлась въ виду, главнымъ образомъ, секуляризація духовныхъ владѣній и медіатизація многихъ карликовыхъ государствъ, покрывавшихъ Германію въ видѣ вольныхъ имперскихъ городовъ.

Можно было думать, что конгрессъ германскихъ имперскихъ князей въ Регенсбургѣ, обыкновенно называемый регенсбургскимъ имперскимъ сеймомъ, устроитъ это дѣло, такъ какъ оно было ему передано. Имперскій сеймъ избралъ чрезвычайную имперскую депутацію изъ своей среды, состоявшую изъ представителей имперскихъ земель (Reichsständen): Баваріи, Богеміи, Бранденбурга, Вюртемберга, Гессенъ-Касселя, Майнца и великаго магистра нѣмецкаго ордена.

Но имперскому сейму и имперской депутаціи была отведена лишь призрачная роль, потому что измѣненія въ Германіи были рѣшены Франціей и Россіей. Первый консулъ и царь сами рѣшили, какія изъ самостоятельныхъ государствъ Германіи должны существовать и какія нѣтъ. И новое раздѣленіе Германіи вполнѣ соотвѣтствовало желаніямъ перваго консула и царя и ихъ фаворитовъ. На интересы же самой Германіи не было обращено вниманія.

Къ тюльерійскому двору явились цѣлыя толпы, такъ называемыхъ, просителей земель, имперскихъ рыцарей, сенаторовъ имперскихъ городовъ и всевозможныхъ пословъ изъ Германіи, которые вымаливали клочки земель и третировались Бонапартомъ и его министромъ Таллейраномъ очень высокомѣрно. Эти представители пагубной старинной нѣмецкой разрозненности не принесли чести своей родинѣ. Своеобразная судьба Германіи привела тогда къ тому, что разорванность и разношерстность могли быть уменьшены лишь благодаря иностранному вліянію; регенсбургскій сеймъ не достигъ бы этого.

Какъ царь и первый консулъ относились къ имперскимъ князьямъ въ Регенсбургѣ, лучше всего видно изъ парижской ноты отъ 25 августа 1801 г., въ которой въ рѣзкихъ выраженіяхъ объявлялось, что имперскіе чины (Retchsstände) были не въ состояніи осуществить люневильскій мирный договоръ—что было вовсе не ихъ дѣло—и что поэтому Россія и Франція представили планъ, на основаніи котораго должны быть регулированы внутреннія дѣла Германіи. Имперскіе чины должны были уладить весь этотъ вопросъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, и это—говорилось далѣе—тѣмъ болѣе возможно, *что воля его величества императора русскаго и перваго консула такова, чтобы*

въ постановленныхъ ими рѣшеніяхъ по вопросу о вознагражденіи не производилось никакихъ измѣненій.

Такъ распоряжались два иностранныхъ автократа германскими дѣлами, и имперская депутація покорно исполнила ихъ волю. Впрочемъ, государи при первой возможности сами заняли земли, назначенныя имъ въ вознагражденіе, вооруженной рукой, и главное постановленіе имперской депутаціи, состоявшееся 25 февраля 1802 г., отъ котораго обыкновенно производятъ эти измѣненія въ Германіи, лишь подтвердило совершившійся фактъ. Такимъ образомъ, главное постановленіе имперской депутаціи было, собственно говоря, лишь запоздалой комедіей.

На лѣвомъ берегу Рейна, перешедшемъ къ Франціи, исчезли курфюршества и епископства майнцское, кёльнское и трирское: они были секуляризированы. Нѣкоторые вольные имперскіе города здѣсь тоже потеряли свою самостоятельность. На правомъ берегу Рейна осталось лишь шесть вольныхъ имперскихъ городовъ, именно: Гамбургъ, Бременъ, Любекъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Нюрнбергъ и Аугсбургъ. Всѣ остальные имперскіе города были медіатизированы, и ихъ территоріи, вмѣстѣ съ духовными владѣніями, употреблены на вознагражденія государей. Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь конфискацію церковныхъ имуществъ,—какъ и во Франціи во время революціи, съ тою разницею однако, что во Франціи эти имущества были конфискованы въ пользу націи, въ Германіи же въ пользу владѣтельныхъ особъ,—именно, въ пользу тѣхъ лицъ, которыя подняли такой вопль по поводу конфискаціи церковныхъ имуществъ во Франціи и выставили ее причиной войны съ Франціей.

Наибольшее вознагражденіе получила Пруссія, чему, можетъ быть, не мало способствовали ея мирныя отношенія съ Франціей за послѣдніе годы. Она получила области: Падерборнъ, Гильдесгеймъ, Мюнстеръ, Эссенъ, Ферденъ, Эрфуртъ, Кведлинбургъ, Мюльгаузенъ, Госларъ и Нордгаузенъ — въ общемъ, около 240 квадратныхъ миль, тогда какъ потеряла она на лѣвомъ берегу Рейна всего 46 квадратныхъ миль. Баденъ получилъ Пфальцъ, Констанцъ и нѣкоторыя части епископствъ; Вюртембергъ получилъ нѣсколько имперскихъ городовъ и церковныхъ владѣній; Баварія же—области: Вюрцбургъ, Бамбергъ и Фрейзингъ. Курфюрстъ Майнцскій получилъ Регенсбургскую область, Ашаффенбургъ и Ветцларъ, Вюртембергъ, Баденъ и Гессенъ-Кассель стали свѣтскими курфюршествами; новыхъ церковныхъ курфюршествъ не было создано. Затѣмъ, бывшее епископство Зальцбургское было дано прежнему великому герцогу тосканскому; герцогъ моденскій получилъ Брейсгау. Наконецъ, бывшій генералъ-штатгалтеръ голландскій получилъ секуляризованное епископство Фульду.

Такъ раздѣлили Германію царь и первый консулъ. Они уменьшили историческую раздробленность, сдѣлавшую Германію предметомъ

насмѣшекъ Европы; но они все-таки оставили ее въ достаточной степени для того, чтобы Германія была слабой и безпомощной.

На этой слабости Германіи первый консулъ и царь основывали завоевательные планы, занимавшіе ихъ. Что царь могъ регулировать новое распредѣленіе Германіи по своему усмотрѣнію, это было однимъ изъ первыхъ плодовъ раздѣла Польши, въ которомъ такъ много повинны Пруссія и Австрія.

Честолюбіе Бонапарта гнало его все дальше и дальше впередъ. Его фактическая власть не удовлетворяла его, онъ хотѣлъ окружить себя и внѣшнимъ блескомъ. Общественное мнѣніе, встревоженное конкордатомъ и почетнымъ легіономъ, онъ успокоилъ до нѣкоторой степени, велѣвъ ученымъ составить гражданскій кодексъ. „Единственно полезная и нужная свободная конституція есть хорошій гражданскій кодексъ", сказалъ онъ однажды. Бонапартъ позаботился также о просвѣщеніи, основавъ политехническій институтъ. Проведеніе каналовъ и дорогъ, сооруженіе мостовъ, основаніе естественныхъ и художественныхъ музеевъ нравилось французамъ.

Обладая государственной властью, Бонапартъ, хотя у него и не было непосредственныхъ наслѣдниковъ, хотѣлъ прикрѣпить ее къ себѣ. Камбасересъ уже давно зондировалъ среди вліятельныхъ политиковъ, и теперь сенату дано было понять, что слѣдуетъ представить первому консулу новое доказательство національной признательности. Сенатъ продлилъ консульство Бонапарта на десять лѣтъ, такъ какъ пожизненное занятіе должности, чего хотѣлъ Бонапартъ, онъ не могъ считать согласнымъ съ конституціею.

Но Бонапартъ остался недоволенъ этимъ доказательствомъ національной признательности; онъ безусловно не желалъ подвергаться случайностямъ выборовъ на мѣсто главы государства. Оскорбленный, онъ хотѣлъ уже отклонить постановленіе сената, какъ Камбасересъ сдѣлалъ предложеніе, которое показалось ему подходящимъ. По предложенію Камбасереса, Бонапартъ принялъ назначеніе его первымъ консуломъ на десять лѣтъ, но съ условіемъ, чтобы этотъ вопросъ былъ переданъ на народное рѣшеніе. Государственный совѣтъ назначилъ народное голосованіе, но поставилъ вопросъ такъ, что народъ долженъ былъ рѣшить, быть ли Бонапарту *пожизненнымъ* консуломъ? Этотъ фокусъ, въ которомъ насиліе было такъ же мало прикрыто, какъ и коварство, былъ выполненъ посредствомъ якобы демократической комедіи плебисцита. Народъ, чувствовавшій себя спокойнѣе при консульствѣ, чѣмъ раньше, рѣшилъ въ пользу Бонапарта: изъ 3.577,259 гражданъ, участвовавшихъ въ голосованіи, 3.568.885 высказались за пожизненное консульство. Тогда сенатъ, сожалѣвшій, что не угадалъ желаній Бонапарта, исправилъ свой поступокъ, и принялъ такое постановленіе:

„Французскій народъ назначаетъ и сенатъ объявляетъ Наполеона Бонапарта пожизненнымъ консуломъ. Статуя мира съ лавровымъ вѣнкомъ въ одной рукѣ и декретомъ сената въ другой будетъ свидѣтельствовать передъ потомствомъ о признательности націи. Сенатъ представитъ первому консулу выраженіе довѣрія, любви и изумленія французскаго народа".

Когда Бонапартъ достигъ такого увеличенія своей власти, думали, что онъ на нѣкоторое время успокоится. Но ошибочность такого мнѣнія не замедлила обнаружиться; Бонапартъ замѣнилъ конституцію VIII года конституціей X года, въ которой уничтожилъ почти всѣ конституціонныя ограниченія своей власти, приблизивъ свое положеніе и по формѣ къ абсолютизму, какимъ оно уже давно было по существу.

Изобрѣтенные Сійесомъ списки нотаблей Бонапартъ уничтожилъ. Ихъ мѣсто заняли теперь пожизненныя избирательныя коллегіи, что называли возстановленіемъ избирательнаго права, такъ какъ избирательныя коллегіи назначались на основаніи общаго списка гражданъ. Народу казалось совершенно безразличнымъ, есть ли это избирательное право, или нѣтъ. Раболѣпный сенатъ былъ увеличенъ 40 членами и имѣлъ теперь право измѣнять конституцію посредствомъ такъ называемыхъ органическихъ постановленій сената; онъ могъ также распускать законодательный корпусъ и трибунатъ. Трибунатъ же, время отъ времени позволявшій себѣ противодѣйствовать деспотизму Бонапарта, былъ сведенъ до 50 членовъ, и его засѣданія стали закрытыми.

Всѣ консулы назначены были пожизненно; первый консулъ получилъ еще право помилованія, тогда какъ сенатъ могъ отмѣнять приговоры судовъ, если находилъ ихъ вредными для государства.

Первый консулъ могъ по своему усмотрѣнію объявлять войну и заключать миръ. Затѣмъ, онъ могъ назначить себѣ преемника, чѣмъ была возстановлена наслѣдственность высшей власти въ государствѣ. Теперь Бонапартъ держалъ себя уже какъ неограниченный монархъ и велѣлъ чеканить монету со своимъ изображеніемъ и надписью: *„Наполеонъ Бонапартъ, первый консулъ"*.

Можно было бы думать, что „человѣкъ съ нѣкоторымъ талантомъ и небольшимъ честолюбіемъ", какъ характеризовалъ себя Бонапартъ, удовлетворится столь необычайно-властнымъ положеніемъ. Путемъ преступленія противъ конституціи, путемъ государственнаго преступленія сталъ онъ во главѣ государства; но все-таки передъ нимъ была прекрасная и оригинальная роль, если бы онъ удовлетворенія своего честолюбія искалъ въ счастьѣ Франціи. Онъ могъ сдѣлать великое дѣло не только для Франціи, но и для всей Европы, для всего человѣчества, если бы онъ создалъ установленія, которыя *могли бы* служить основой свободнаго и народнаго государства. Но

насколько блестящъ былъ его геній, настолько же мелка была его душа. Онъ искалъ удовлетворенія лишь въ безпрестанномъ увеличеніи блеска своей власти, которую онъ довелъ почти до азіатскаго деспотизма. Мыслителей и философовъ онъ съ презрѣніемъ называлъ *„идеологами“*. Народъ подъ его владычествомъ оставался приблизительно въ столь же печальномъ положеніи, какъ и раньше, но онъ сумѣлъ занять массу своими войнами. Кого не поглощала война, тѣхъ занималъ онъ предпринятыми имъ общественными сооруженіями. Ни одного имени во Франціи не слышно было уже рядомъ съ его именемъ, и правленіе его вскорѣ стало столь же абсолютнымъ, какъ и правленіе Людовика XIV.

На прекрасномъ островѣ Гаити или Санъ-Доминго, послѣ ожесточенной борьбы между черными, цвѣтными и бѣлыми, при участіи французовъ и англичанъ, постепенно образовалась негрская республика, во главѣ которой стоялъ негръ Туссэнъ ль'Увёртюръ, пользовавшійся сильной диктаторской властью. Этотъ Туссэнъ, человѣкъ умный и энергичный, возвысившійся до своей властной роли изъ низкаго положенія раба, подражалъ во многихъ отношеніяхъ консулу Бонапарту, что, можетъ быть, не особенно нравилось этому послѣднему. Негры боготворили Туссэна, какъ освободителя ихъ расы.

Бонапартъ съ самаго же начала былъ недоволенъ диктатурой Туссэна, но ничего не предпринималъ противъ него до начала мирныхъ переговоровъ съ Англіей. Тогда, когда море снова стало свободнымъ, онъ бросилъ жадные взоры на этотъ островъ. Франція никогда формально не признавала независимости Гаити, и на этомъ Бонапартъ обосновалъ свое предпріятіе. Сенатъ долженъ былъ объявить, что цвѣтомъ кожи природа установила различіе между людьми, и что черные не могутъ имѣть тѣхъ правъ, какія имѣютъ бѣлые. Этой безсмыслицей хотѣли оправдать насильственную политику Бонапарта.

Туссэнъ, употреблявшій всѣ усилія, чтобы остаться въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Франціей и оказавшій ей раньше большую услугу своей борьбой съ англичанами, не хотѣлъ подчиниться рѣшенію Бонапарта, по которому островъ Гаити изъ самостоятельнаго государства превращался въ колонію Франціи. Бонапартъ рѣшилъ занять островъ оружіемъ.

Во французскихъ гаваняхъ западнаго берега адмиралъ Вилляре-Жуайезъ собралъ сильную эскадру, которая съ 25.000 солдатъ отплыла къ Гаити. Начальствованіе надъ этой арміей поручено было молодому генералу Леклеру, отличившемуся во время походовъ въ Германіи, а также 18 брюмэра и женатому на сестрѣ Бонапарта, легкомысленной Полинѣ.

Однако покорить островъ оказалось не такъ легко, какъ полагали въ Парижѣ. Туссэнъ ль'Увертюръ и предводители негровъ: Якобъ Дессалинъ и Генрихъ Кристофъ защищали свою родину отъ французовъ съ большой храбростью. Въ открытомъ полѣ они часто должны были отступать передъ преобладавшей силою французовъ, но побѣдить ихъ было невозможно, и они вели кровавую партизанскую войну со своими врагами. Французы сильно страдали отъ климата Гаити, и Леклеръ понялъ, что въ открытой борьбѣ онъ не достигнетъ своей цѣли. Поэтому онъ пустилъ въ ходъ всѣ постыдныя средства подкупа и обмана, и, дѣйствительно, ему удалось устроить такъ, что остальные вожди негровъ оставили Туссэна. Когда Туссэнъ увидѣлъ, что дальнѣйшее сопротивленіе французамъ невозможно, онъ заключилъ съ Леклеромъ капитуляцію, состоявшуюся въ маѣ 1802 г. Туссэнъ покорился и призналъ верховную власть Франціи, причемъ ему были оставлены его имѣнія, чинъ генерала и свобода. Затѣмъ, Туссэнъ спокойно жилъ въ своемъ имѣніи Эннэри, не прекращая сношеній съ неграми. Но французы считали его слишкомъ опаснымъ для того, чтобы оставить его на свободѣ, и рѣшили погубить его. Предводитель негровъ былъ обманомъ преданъ въ руки французовъ. Леклеръ пригласилъ его на свиданіе подъ предлогомъ, будто онъ желалъ узнать, какія мѣстности Гаити болѣе здоровы. Не подозрѣвая ничего дурного, Туссэнъ принялъ предложеніе и, такъ какъ онъ былъ нѣсколько тщеславенъ, то отправился даже съ удовольствіемъ. „Бѣлые все-таки не обойдутся безъ стараго чернаго Туссэна", говорилъ онъ. Съ нѣсколькими неграми онъ прибылъ на мѣсто свиданія. Леклеръ сейчасъ же велѣлъ сильному отряду французскихъ солдатъ напасть на Туссэна, обезоружить его и доставить на бортъ приготовленнаго къ отправкѣ судна, которое затѣмъ отплыло съ плѣнникомъ во Францію.

Туссэнъ зналъ, что онъ погибъ, и переносилъ тяжелый ударъ съ величественнымъ презрѣніемъ къ постыдному поведенію французовъ. Когда его доставили на корабль, онъ сказалъ: *„Со мною палъ лишь стволъ дерева свободы черныхъ. Но корни остались: они дадутъ новые побѣги, потому что они глубоки и многочисленны"*.

Бонапартъ велѣлъ заключить плѣннаго негрскаго генерала безъ всякаго суда и слѣдствія въ глубокіе и страшные казематы форта Жу, въ которыхъ сидѣлъ нѣкогда Мирабо. Такъ возобновилъ Бонапартъ деспотизмъ стараго строя. Съ Туссэномъ обращались крайне сурово и буквально замучили его. 5-го апрѣля 1803 г. смерть избавила его отъ мучителей.

Французы старались оправдать это постыдное дѣло, приписывая Туссэну письмо, въ которомъ говорилось о предстоящемъ возстаніи негровъ. Но негровъ поступокъ съ Туссэномъ привелъ въ ярость: образовался сильный заговоръ, и когда стало извѣстнымъ, что фран-

цузы на нѣкоторыхъ Антильскихъ островахъ снова ввели рабство, вспыхнуло въ 1803 г. предсказанное Туссэномъ возстаніе негровъ. Французы, страшно страдавшіе отъ желтой лихорадки, увидѣли, что всѣ цвѣтные возстали противъ нихъ съ оружіемъ въ рукахъ, и въ начавшейся затѣмъ кровопролитной партизанской войнѣ не могли уже управиться съ неграми. Леклеръ самъ умеръ отъ желтой лихорадки, и остатки французскаго войска должны были оставить Гаити, послѣ чего жестокій Дессалинъ, предводитель негровъ, объявившій себя впослѣдствіи императоромъ Гаити, устроилъ всеобщее избіеніе бѣлыхъ.

Такъ Франція навсегда потеряла этотъ прекрасный островъ, и предательское насиліе надъ Туссэномъ ль'Увертюромъ дорого обошлось французамъ.

Директорія, къ которой послѣ изгнанія русскихъ и австрійцевъ перешло управленіе Швейцаріей по конституціи 1798 г., состояла, послѣ выхода изъ нея базельскаго демократа Петра Окса, изъ Лагарпа, Оберлина, Секретана, Дольдера и Савари. Первые трое были республиканцы по убѣжденію, Дольдеръ же и Савари были сторонниками Бонапарта. Они хотѣли преобразовать Швейцарію по образцу консульскаго правленія во Франціи. 7-го января 1800 г. они произвели свое восемнадцатое брюмэра; трое республиканскихъ директоровъ были насильственно устранены отъ должности, и мѣсто директоріи занялъ исполнительный совѣтъ изъ семи членовъ, что было одобрено Бонапартомъ. Ничего не имѣлъ онъ также и противъ уничтоженія обѣихъ палатъ, служившихъ по конституціи 1798 г. швейцарскимъ народнымъ представительствомъ. Савари и Дольдеръ опирались при этомъ на французское оружіе и думали, что устранены всѣ препятствія, мѣшавшія введенію въ Швейцаріи консульской конституціи. Но въ самомъ исполнительномъ совѣтѣ возникъ большой разладъ, потому что трое изъ членовъ его, хотя и были противниками конституціи 1798 г., но хотѣли возстановить старое кантональное устройство Швейцаріи. Составлено было нѣсколько проектовъ новой конституціи Гельвеціи, но всѣ они были отвергнуты, чему много содѣйствовало вліяніе Бонапарта. Швейцарія находилась въ состояніи крайней неурядицы, и неизвѣстно было, какимъ способомъ установить порядокъ.

Такое положеніе, очевидно, было желательно Бонапарту и теперь онъ вмѣшался въ швейцарскія дѣла. Онъ хотѣлъ организовать Швейцарію не какъ цѣльное, а какъ федералистическое государство, чтобы легче сломить ея самостоятельность. Сторонники Франціи снова произвели въ Бернѣ государственный переворотъ и установили временный сенатъ изъ 28 членовъ, который взялъ правленіе въ свои руки.

Въ 1802 г. изъ Парижа прислана была для Швейцаріи конституція, составленная Бонапартомъ и бывшая вполнѣ федералистической. Кантоны снова получали верховную власть; возстановленъ также старый сеймъ, президентъ котораго съ титуломъ ландаманна, долженъ былъ являться до нѣкоторой степени центральной властью. Сенатъ принялъ эту конституцію и обнародовалъ ее. Но швейцарцы не хотѣли и слышать о ней и, когда, вслѣдствіе всеобщаго мира, французскія войска оставили Швейцарію, взялись за оружіе. Бернское правительство вынуждено было бѣжать въ Лозанну. Распря стала всеобщей, потому что и сторонники единства созвали въ Бернѣ собраніе нотаблей и объявили конституцію 1802 года уничтоженной, чтобы замѣнить ее новой по образцу 1798 года. Противъ этого опять поднялись сторонники конституціи 1702 года, и среди этой всеобщей неурядицы Бонапартъ, котораго просили о вмѣшательствѣ обѣ партіи, объявилъ себя „посредникомъ“ въ Швейцаріи. Въ своей прокламаціи онъ упрекалъ швейцарцевъ, что они не могутъ установить порядокъ, — а между тѣмъ онъ самъ дѣлалъ все, что могъ, чтобы увеличить безпорядокъ. Онъ объявилъ, что вмѣшательство его необходимо. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ созвалъ въ Парижѣ собраніе нотаблей, которые должны были выработать тамъ новую конституцію. Но такъ какъ въ Швейцаріи все еще было сильное противодѣйствіе стремленіямъ Бонапарта осчастливить эту страну, то въ нее вступила французская армія изъ 40.000 человѣкъ подъ начальствомъ генерала Нэя, которая подавила здѣсь всякое сопротивленіе. Швейцарецъ Алоисъ Рединг, предводитель возстанія въ пользу возстановленія стараго кантональнаго строя, былъ захваченъ и посаженъ въ тюрьму въ Ааргау.

Въ Парижѣ была составлена новая конституція, которая получила названіе посредническаго акта. Она была объявлена 11 февраля 1803 г. и введена назначенной Бонапартомъ коммиссіей изъ семи членовъ. Эта конституція признавала Бонапарта покровителемъ Швейцаріи. Затѣмъ онъ составилъ новыя учрежденія по своему вкусу, причемъ особенное предпочтеніе было оказано патриціямъ.

По новой конституціи, которою подъ давленіемъ военной силы Бонапарта была осчастливлена Швейцарія, страна эта состояла изъ 19 кантоновъ. Кантоны эти были слѣдующіе: Ааргау, Аппенцель, Базель, Фрейбургъ, Гларусъ, Леманъ (Ваадтъ), Люцернъ, Реція (Граубюнденъ), Шаффгаузенъ, Швицъ, Золотурнъ, Сенъ-Галленъ, Тессинъ, Тургау, Унтервальденъ, Ури, Цюрихъ и Цугъ. Аристократическо-демократическая конституція объединяла эти кантоны общимъ сеймомъ (Tagsatzung), на который каждый кантонъ посылалъ одного представителя. Сеймъ, составлявшій общее правительство Швейцаріи, засѣдалъ ежегодно по очереди въ Базелѣ, Бернѣ, Фрейбургѣ, Люцернѣ, Золотурнѣ и Цюрихѣ, и бургермейстеръ того города, кантонъ

котораго былъ въ данномъ году на очереди, являлся въ качествѣ ландаманна главой центральнаго правительства.

Швейцарія должна была заключить съ Бонапартомъ договоръ, по которому она обязалась давать 16,000 человѣкъ въ войско Бонапарта и покупать у Франціи ежегодно 20,000 центнеровъ соли.

Такимъ образомъ, Швейцарія осталась федеративной республикой лишь потому, что всемогущій покровитель ея въ Парижѣ полагалъ, что федералистическая Швейцарія будетъ слабѣе централизованной, и онъ, конечно, не ошибся.

Конституція 1803 г. не содержала ничего особенно прогрессивнаго. Сохраненіе же ея было достаточно обезпечено штыками Бонапарта.

Въ Англіи была партія, которая лишь противъ воли мирилась съ прекращеніемъ войны съ Франціей, хотя Англію эта война ввергла въ настоящую бездну долговъ. Это была партія Питта и его товарищей, которые надѣялись образовать съ помощью англійскихъ денегъ новую коалицію. Англійская политика съ ея алчностью и коварствомъ принесла гораздо больше вреда мирнымъ интересамъ Европы, чѣмъ честолюбіе Бонапарта. Нарушивъ амьенскій миръ, Англія прежде всего вызвала начавшійся теперь рядъ страшныхъ войнъ, которыя опустошали Европу до 1815 г.

Первый консулъ не затруднилъ англичанамъ нарушенія амьенскаго мира. Онъ сталъ теперь полнымъ самодержцемъ и пріобрѣлъ все высокомѣріе, а также и всю чувствительность, свойственную человѣку въ этомъ положеніи. Онъ получилъ теперь цивильный листъ въ шесть милліоновъ. Чѣмъ больше приближался онъ къ монархіи, тѣмъ больше оскорбляло его всякое противорѣчіе. Насмѣшки и издѣвательства надъ первымъ консуломъ, ежедневно появлявшіяся въ англійской прессѣ, вызывали гнѣвъ властелина, что было довольно мелочно. Онъ предъявлялъ жалобы англійскому правительству на нападки прессы и на заговоры эмигрантовъ и такъ какъ онъ не могъ получить удовлетворенія, какое ему казалось нужнымъ, то вскорѣ снова установились натянутыя отношенія между обѣими державами.

Чтобы вызвать новую войну, Англія совершила постыдное и ничѣмъ неоправдываемое нарушеніе своего обязательства. По амьенскому договору Англія торжественно обязалась возвратить о. Мальту, но не сдѣлала этого. Англія удержала Мальту и на всѣ настоянія Бонапарта отвѣчала пустыми увертками. Она ссылалась на поведеніе Бонапарта относительно Швейцаріи, на докладъ генерала Себастіани и на иныя обстоятельства, которыя нисколько не могли измѣнить того факта, что удержаніе Мальты являлось нарушеніемъ договора и мира. Бонапартъ требовалъ соблюденія *„всего амьенскаго договора“*.

Очевидно, онъ искренно желалъ тогда мира, потому что онъ хотѣлъ еще больше упрочить свое владычество внутри страны. Поэтому онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы уладить конфликтъ относительно Мальты мирнымъ путемъ. Онъ хотѣлъ вывести свои войска изъ Швейцаріи и Голландіи, хотѣлъ дать Англіи, вмѣсто Мальты, иной островъ,— все было напрасно. Англійская алчность желала войны, и война поэтому была неизбѣжной.

Что Бонапартъ былъ раздраженъ, это вполнѣ понятно. Когда онъ узналъ, что Англія снова вооружается, онъ обратился съ рѣзкими словами къ англійскому послу Уайтворту (Whitworth) на одномъ собраніи въ Тюльери 13 марта 1803 г.

— Такъ вы хотите войны?

— Нѣтъ, отвѣтилъ англійскій дипломатъ.

— Нѣтъ, сказалъ Бонапартъ,—мы пятнадцать лѣтъ воевали другъ съ другомъ, — вы хотите воевать еще пятнадцать лѣтъ и хотите принудить меня къ войнѣ. — Англичане, обратился Бонапартъ къ посламъ другихъ державъ: хотятъ войны; но если они первые обнажатъ мечъ, то я буду послѣднимъ, который вложитъ его снова въ ножны.—Затѣмъ, онъ опять обратился къ англійскимъ посламъ: Къ чему эти вооруженія? Противъ кого принимаются всѣ эти мѣры предосторожности? У меня нѣтъ ни одного линейнаго корабля во всѣхъ французскихъ гаваняхъ, но если вы вооружаетесь, то стану вооружаться и я; если вы готовитесь къ войнѣ, то приготовлюсь и я; вы можете разрушить Францію, но не устрашить ее.

Англійскій посолъ далъ на это лицемѣрный отвѣтъ:

— Мы не хотимъ ни того, ни другого; мы хотимъ жить въ добромъ согласіи съ Франціей.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Бонапартъ,—вы должны соблюдать трактаты. *Горе тѣмъ, которые позволяютъ себѣ нарушать ихъ; они отвѣтственны за это передъ всей Европой.*

Первый консулъ былъ здѣсь безусловно правъ; но англійская наглость еще никогда не заботилась о томъ, на чьей сторонѣ право. Нарушеніе амьенскаго мира было очевиднымъ; но столь же очевидной была и вздорность тѣхъ предлоговъ, которыми англійская дипломатія старалась прикрыть свою безсовѣстность и жадность.

Послѣ нѣсколькихъ призрачныхъ попытокъ рѣшить вопросъ мирно, англійскій посолъ уѣхалъ изъ Парижа, и 18 марта 1803 г. Англія объявила войну Франціи.

Сейчасъ же началось обычное грабительство Англіи, обнаруживая истинный характеръ англійской политики. Еще раньше, чѣмъ объявленіе войны стало извѣстнымъ, англійскіе крейсеры уже начали охоту на французскіе торговые и транспортные корабли. Въ отвѣтъ на это Бонапартъ велѣлъ считать военноплѣнными и задержать всѣхъ англичанъ, живущихъ или путешествующихъ во Франціи. Распоря-

женіе Бонапарта вызвало много шума въ Англіи и дружественныхъ ей странахъ, такъ что даже Камбасересъ совѣтовалъ отмѣнить это мѣропріятіе. Изъ англичанъ задержаны были лишь тѣ, кто принадлежалъ къ англійской милиціи и путешествовалъ по порученію своего правительства. Они даже не были заключены въ тюрьмы, а только помѣщены на честное слово во французскихъ крѣпостяхъ.

Изъ этого можно видѣть, какъ безтолково часто бываетъ общественное мнѣніе; въ данномъ случаѣ оно приняло сторону Англіи, коварное поведеніе которой должно было бы вызвать всеобщее возмущеніе, если бы общественное мнѣніе было справедливымъ.

Бонапартъ былъ до крайности раздраженъ поведеніемъ Англіи и задумалъ теперь серьезное нападеніе на Британскіе острова. О побѣдѣ надъ англійскимъ флотомъ въ открытомъ морѣ послѣ опытовъ при Сенъ-Винцентѣ и Абукирѣ и думать было невозможно; закрыть для англійской торговли европейскій материкъ, для этого Бонапартъ не имѣлъ достаточно силы; такимъ образомъ, онъ рѣшилъ уничтожить страшнѣйшаго врага Франціи въ его же собственномъ жилищѣ.

Этотъ планъ представлялъ большія трудности; надо было ожидать отчаяннаго сопротивленія англичанъ; надо было также разсчитывать, что преобладающій англійскій флотъ поставитъ величайшія и опаснѣйшія препятствія французской арміи при переправѣ черезъ каналъ. Но если бы Англія была завоевана, что пришлось бы сдѣлать съ этой страной, которая навѣрное никогда не подчинилась бы вполнѣ французамъ и навсегда осталась бы источникомъ новыхъ смутъ, заговоровъ и возстаній?

Но Бонапартъ думалъ, что его энергія можетъ преодолѣть всѣ трудности, и составилъ грандіозный планъ высадки въ Англію. Этотъ проектъ, выполнявшійся совершенно открыто, былъ очень популяренъ во Франціи, такъ какъ французамъ было бы пріятно, если бы удалось проучить англичанъ за ихъ враждебное отношеніе къ французской республикѣ. Добровольно собраны были значительныя денежныя средства для покрытія расходовъ экспедиціи, и итальянскія республики по собственному почину дали четыре милліона для снаряженія кораблей.

Близъ Булони, откуда должна была отправиться экспедиція въ Англію, устроенъ былъ огромный лагерь, тянувшійся на нѣсколько часовъ пути вдоль морского берега. Здѣсь предполагалось собрать 150.000 челов., 10.000 лошадей и 400 орудій; 2.000 транспортныхъ кораблей должны были перевезти эту армію въ Англію. Работы велись съ чрезвычайнымъ усердіемъ. Устраивали особые шанцы для прикрытія лагеря отъ безпрестанныхъ нападеній англійской эскадры: предпринята была постройка огромной гавани, сборнаго пункта для флота. Придуманы были новыя суда для перевозки войскъ, лошадей и баттарей.

Адмиралы Декрэ и Брюи руководили этими приготовленіями къ высадкѣ, которыя вскорѣ приняли такіе размѣры, что морской берегъ у Булони былъ покрытъ настоящими военными колоніями. Бонапартъ самъ часто являлся туда, чтобы ускорить работы. Одновременно съ этимъ онъ велѣлъ занять курфюршество ганноверское, состоявшее въ личной уніи съ Англіей и теперь снова возстановленное Пруссіей. Въ маѣ 1803 г. генералъ Мортье вступилъ въ Ганноверъ. Ганноверская армія подъ начальствомъ Вальмодена не довела дѣла до битвы, а капитулировала, такъ какъ ганноверцы не имѣли особеннаго желанія проливать кровь за свою принадлежность къ британскому государству. 3 іюня 1803 г. заключена была въ Золингенѣ капитуляція, въ силу которой ганноверская армія отступила за Эльбу, обязавшись честнымъ словомъ не принимать участія въ настоящей войнѣ, Ганноверъ же предоставить французамъ. Георгъ III пришелъ въ такую ярость, когда министръ предоставлялъ ему этотъ договоръ, что бросилъ его въ лицо министру. Онъ отказался дать ему свое утвержденіе. Но ганноверцы, для которыхъ было совершенно безразлично, принадлежать ли Англіи, или Франціи, разъ они должны принадлежать иностранной державѣ, сложили оружіе и разошлись по домамъ. 30.000 французовъ заняли Ганноверъ, имѣвшій, сверхъ того, еще уплатить контрибуцію. Ганноверскія сѣверныя гавани были закрыты, что причинило чувствительный вредъ англійской торговлѣ.

Хотя англичане и похвалялись, что ни одинъ французъ не вступитъ на англійскую почву, имъ стало жутко, когда они увидѣли, какъ успѣшно идутъ работы въ булонскомъ лагерѣ. У нихъ не было сухопутной арміи, которая могла бы устоять противъ французовъ. Но Питтъ, при этихъ критическихъ обстоятельствахъ снова вернувшійся къ власти, вспомнилъ, что иностранныя державы въ долгихъ революціонныхъ войнахъ такъ часто продавали за англійское золото кровь своихъ народовъ. Теперь снова обратились къ этому испытанному средству, и Питтъ образовалъ третью большую коалицію, чѣмъ ему удалось отвратить отъ Англіи грозившее ей нападеніе и ограничить войну европейскимъ материкомъ.

Чѣмъ больше Бонапартъ вводилъ монархическія установленія, тѣмъ сильнѣе становилась оппозиція его планамъ. Въ арміи было еще много республиканскихъ элементовъ, и во главѣ ихъ стоялъ генералъ Моро. Побѣдитель при Гогенлинденѣ, какъ мы видѣли, имѣлъ мужество смѣяться надъ монархическими выходками Бонапарта; Бонапарта это очень раздражало, а будущій самодержецъ не легко прощалъ оскорбленія, какъ всѣ тщеславные люди, и меньше всего могъ выносить насмѣшки. Онъ предварительно сдѣлалъ попытку привлечь Моро на свою сторону. Но Моро оставался холоднымъ и сторонился

человѣка, старавшагося основать на развалинахъ республики самодержавіе. Когда однажды Моро былъ у Бонапарта, и Карно принесъ пару прекрасныхъ пистолетовъ для перваго консула, этотъ послѣдній сказалъ: „они какъ разъ хороши для Моро!“ Моро принялъ подарокъ съ такимъ выраженіемъ лица, точно съ нимъ случилось что-то очень непріятное. Позже Моро не пожелалъ явиться на одно изъ празднествъ перваго консула, что очень не понравилось Бонапарту, и онъ не пригласилъ Моро на другое оффиціальное празднество. Насмѣшка Моро надъ почетнымъ легіономъ довела натянутость отношеній между обоими знаменитыми полководцами до вражды. Вокругъ Моро, считавшагося главой республиканцевъ въ арміи, собрались всѣ недовольные уничтоженіемъ демократическихъ установленій Бонапартомъ, и такимъ образомъ Моро, можетъ быть, противъ собственной воли сталъ главой партіи. Это былъ человѣкъ честный и мужественный, но ему не доставало рѣшительности, и серьезнымъ соперникомъ Бонапарта онъ, конечно, никогда не могъ бы стать. Сверхъ того, онъ слишкомъ поддавался вліянію своей жены, женщины честолюбивой и имѣвшей аристократическія наклонности.

Когда въ арміи образовывалась республиканская оппозиція Бонапарту, роялисты тоже усердно вели свое дѣло. Эмигрировавшіе французскіе принцы устроили обширный заговоръ, цѣлью котораго было убійство Бонапарта. Британское правительство поддерживало этотъ заговоръ, и нѣкоторые изъ его пословъ, какъ впослѣдствіи было доказано, много содѣйствовали ему, именно, послы въ Мюнхенѣ и Штуттгартѣ. Хотѣли вызвать роялистическое возстаніе, и герцогъ Энгьенскій, внукъ принца Кондэ, поселился близъ французской границы, въ Эттэнгеймѣ на баденской территоріи, чтобы имѣть возможность сейчасъ же стать во главѣ роялистическаго возстанія.

Но главныя нити этого большого заговора сходились въ Лондонѣ. Тамъ къ этому времени поселился знаменитый завоеватель Голландіи, генералъ Пишегрю, сосланный, какъ роялистъ, послѣ переворота 28 фрюктидора 1797 г. въ Кайену и бѣжавшій оттуда. Онъ вступилъ въ сношенія съ другимъ бѣглецомъ, жившимъ въ Лондонѣ, необузданнымъ предводителемъ бретанскихъ бандъ, Жоржемъ Кадудалемъ, устроившимъ покушеніе съ адской машиной. Англійское правительство давало деньги на это предпріятіе, потому что Питтъ въ средствахъ сжить со свѣта столь ненавистнаго ему Бонапарта былъ гораздо менѣе разборчивъ, чѣмъ Бонапартъ въ средствахъ достиженія власти. Наблюдали тщательно за настроеніемъ въ Парижѣ, и Пишегрю надѣялся вовлечь въ заговоръ генерала Моро. Въ этомъ онъ долженъ былъ разочароваться.

Пишегрю и Кадудаль приблизительно съ тридцатью рѣшительными роялистическими заговорщиками прибыли во Францію. Среди

заговорщиковъ находились также братья Полиньякъ, одинъ изъ которыхъ впослѣдствіи игралъ нѣкоторую роль въ качествѣ министра Карла X. Англійскій капитанъ Райтъ (Whrigt) высадилъ заговорщиковъ въ Монбіанѣ на сушу. У нихъ были хорошія связи, и они устроили своего рода этапную дорогу отъ морского берега до Парижа.

Кадудаль хотѣлъ придать дѣлу нѣсколько рыцарскую окраску, чтобы предохранить себя отъ обвиненія въ тайномъ убійствѣ. Онъ хотѣлъ открыто напасть во главѣ сотни рѣшительныхъ шауновъ на перваго консула, когда тотъ отправится со своей лейбъ-гвардіей изъ Парижа въ Мальмэзонъ. Затѣмъ, онъ разсчитывалъ собственноручно убить Бонапарта въ единоборствѣ. Этимъ онъ думалъ придать покушенію видъ битвы. Такое предпріятіе вполнѣ соотвѣтствовало натурѣ необузданнаго и презиравшаго смерть Кадудаля.

Пишегрю и Кадудаль скрывались въ Парижѣ такъ искусно, что объ ихъ прибытіи не было ничего извѣстно. Вскорѣ Пишегрю удалось войти въ тайныя сношенія съ Моро, и Моро имѣлъ неосторожность сноситься со старымъ товарищемъ по оружію. Пишегрю устроилъ свиданіе его съ Кадудалемъ, дикій фанатизмъ котораго могъ лишь оттолкнуть Моро. Моро гнушался покушеній и не хотѣлъ ничего и слышать о Кадудалѣ, который, въ свою очередь, отзывался очень презрительно о Моро и называлъ его трусомъ. Моро, повидимому, не имѣлъ желанія вмѣшиваться въ роялистическіе планы, какъ ни сильна была его ненависть къ Бонапарту. Но онъ достаточно скомпрометировалъ себя сношеніями съ Пишегрю, чтобы его не могли привлечь къ отвѣтственности.

Выполненіе покушенія замедлилось, потому что Кадудаль хотѣлъ, чтобы какой-нибудь изъ французскихъ принцевъ былъ при томъ, какъ онъ зарубитъ Бонапарта на пути въ Мальмэзонъ. Эти принцы, искусно умѣвшіе держать въ безопасности свои высокія особы, когда ихъ сторонники умирали за нихъ, понятно, не имѣли охоты принимать участіе въ опасномъ приключеніи.

Тѣмъ временемъ заговоръ былъ открытъ полиціей. Три роялистическихъ агента, ходившихъ изъ Парижа къ морю и обратно, были заподозрѣны полиціей и, такъ какъ до нея уже дошли темные слухи о предпріятіи Кадудаля, то эти три человѣка были подвергнуты пыткѣ. Они были признаны агентами Кадудаля и военный судъ приговорилъ ихъ къ смертной казни. Имъ обѣщали даровать жизнь, если они выдадутъ своихъ сообщниковъ. Но двое изъ осужденныхъ были разстрѣляны, никого не выдавъ; третій упалъ духомъ передъ ружьями, направленными на него, и выдалъ. Такимъ образомъ, полиція узнала, что Кадудаль и Пишегрю уже давно живутъ въ Парижѣ съ цѣлью убить перваго консула.

Получивъ такія свѣдѣнія, полиція разузнала вскорѣ и даль-

нѣйшія подробности. Однако ей не легко было захватить заговорщиковъ, и Кадудаль былъ такъ хитеръ и смѣлъ, что говорили, будто онъ, переодѣвшись слугой, проникъ въ Тюльери, чтобы убить Бонапарта, но случайно не нашелъ его. Разслѣдованія полиціи оставались безъ результатовъ, пока Бонапартъ не принялъ строжайшихъ мѣръ. Онъ велѣлъ закрыть парижскія заставы и строго смотрѣть за тѣмъ, чтобы никто не могъ выйти изъ города. Особымъ закономъ назначена была смертная казнь каждому, кто дастъ убѣжище заговорщикамъ; кто зналъ ихъ мѣстопребываніе и не донесъ объ этомъ, тотъ подлежалъ шестилѣтнему тюремному заключенію въ цѣпяхъ. День и ночь обыскивали дома. Пишегрю выдали, и онъ былъ арестованъ. Кадудаль, не могшій уже найти никакого убѣжища, дни и ночи ѣздилъ въ дрожкахъ, пока его, наконецъ, не выслѣдили двое полицейскихъ. Когда они задержали его экипажъ, онъ застрѣлилъ одного изъ нихъ, но тѣмъ не менѣе былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму.

Въ то же время былъ арестованъ и Моро въ своемъ имѣніи, гдѣ онъ жилъ совершенно спокойно. Арестъ его вызвалъ сильные толки въ Парижѣ, причемъ говорилось мало лестнаго о первомъ консулѣ. Большинство не вѣрило, чтобы Моро участвовалъ въ такомъ заговорѣ, другіе же утверждали, что вся эта исторія вымышлена Бонапартомъ съ цѣлью погубить генерала Моро, военная слава котораго мѣшала ему. Въ трибунатѣ нашлись рабскія души, которыя, желая угодить первому консулу, признали вину Моро доказанной. Когда же братъ Моро протестовалъ противъ этого, то надъ нимъ издѣвались. Рабскія души показали себя во всей своей наготѣ.

Первый консулъ получилъ отъ своихъ креатуръ самыя краснорѣчивыя увѣренія въ ихъ радости по поводу того, что онъ спасся отъ столь страшнаго комплота. Самъ же Бонапартъ выразилъ свой гнѣвъ противъ Пишегрю и особенно противъ Моро. „Я расправлюсь съ Моро“, воскликнулъ Бонапартъ: — „такъ же, какъ со всякимъ инымъ, потому что онъ входитъ въ комплоты, которые по своимъ цѣлямъ гнусны, а по сношеніямъ, необходимымъ для нихъ, постыдны“. Заговорщику 18 брюмэра не слѣдовало бы говорить ни о гнусности, ни о постыдности.

Слѣдствіе установило, что одинъ бурбонскій принцъ, имя котораго не было названо, руководилъ комплотомъ и готовъ былъ явиться, чтобы присутствовать при убійствѣ Бонапарта Кадудалемъ. Это не могъ быть никто иной, кромѣ графа д'Артуа. Бонапартъ, еще недавно тщетно сносившійся съ Бурбонами относительно того, не пожелаютъ ли они отказаться отъ своихъ притязаній за какое-либо вознагражденіе, былъ исполненъ сильной ненависти къ Бурбонамъ и поклялся отомстить имъ. Онъ изливался въ яростныхъ выраженіяхъ противъ Бурбоновъ. Онъ говорилъ: „Эти Бурбоны воображаютъ, что мою кровь можно пролить, какъ кровь какой-нибудь скотины! Но

моя кровь такъ же дорога, какъ и ихъ. Я имъ покажу страхъ, который они хотятъ внушить мнѣ. *Перваго изъ этихъ принцевъ, какой только попадется въ мои руки, я безъ милосердія велю разстрѣлять.* Я имъ покажу, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло. Какой-нибудь Бурбонъ значитъ для меня не больше, чѣмъ Моро или Пишегрю,— даже гораздо меньше. Эти принцы, считающіе себя неприкосновенными, не задумываясь губятъ массу несчастныхъ и затѣмъ прячутся за море. Пусть же они берегутся: я такъ же безпощадно пролью кровь какого-нибудь Бурбона, какъ и кровь послѣдняго шуана".

Этотъ взрывъ ярости бросаетъ яркій свѣтъ на то, что затѣмъ случилось съ герцогомъ Энгьенскимъ.

Этотъ молодой принцъ служилъ въ корпусѣ эмигрантовъ во время революціонныхъ войнъ и состоялъ на жалованьѣ у англичанъ. Теперь онъ жилъ въ Эттенгеймѣ, въ баденскомъ герцогствѣ, на англійскія деньги. У него была здѣсь любовная связь съ графинею де Роганъ-Рошфоръ. Въ общемъ, это былъ человѣкъ довольно незначительный. Непосредственнаго участія въ заговорѣ онъ, навѣрное, не принималъ. Думалъ ли Бонапартъ, что герцогъ Энгьенскій и есть тотъ принцъ, участіе котораго въ заговорѣ было открыто, или нѣтъ, онъ рѣшилъ показать примѣръ на этомъ герцогѣ, чтобы отучить Бурбоновъ отъ дальнѣйшихъ заговоровъ.

Герцогъ жилъ на нейтральной территоріи, нейтралитетъ которой нужно было нарушить для того, чтобы завладѣть имъ. Но какое же значеніе могъ имѣть для Бонапарта нейтралитетъ маленькаго государства, состоявшаго въ мирѣ съ Франціей! Коленкуръ, покорное орудіе Бонапарта, получилъ простой приказъ схватить герцога Энгьенскаго и доставить въ Парижъ. Ночью 15 мая 1804 г. Коленкуръ съ 300 драгуновъ подъ начальствомъ полковника Ордена переправился черезъ Рейнъ. Городишко Эттенгеймъ былъ окруженъ и французы вторглись въ жилище герцога. Онъ сперва хотѣлъ было защищаться, но затѣмъ увидѣлъ, что это невозможно, и сдался. Его доставили сперва въ страсбургскую цитадель, затѣмъ въ Парижъ, а оттуда въ Венсеннъ. Тамъ нарядили надъ нимъ военно-судную коммиссію, предсѣдателемъ которой былъ генералъ Гюлленъ, участвовавшій во взятіи Бастиліи. Герцогу не могли доказать, что онъ принималъ участіе въ заговорѣ. Но онъ подлежалъ еще дѣйствію закона объ эмигрантахъ, по которому эмигранты, участвовавшіе въ войнѣ съ Франціей, могли быть приговорены къ смертной казни. Принцъ призналъ передъ военно-судной коммиссіей, что онъ, состоя на англійскомъ жалованьѣ, воевалъ съ Франціей. Коммиссія присудила его къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе, и этотъ приговоръ былъ безпощадно немедленно же исполненъ подъ руководствомъ генерала Савари при свѣтѣ факеловъ въ ночь на 22 марта 1804 г. Могила, въ которой похоронили трупъ, *была вырыта* еще во время разбора дѣла.

Этотъ случай вызвалъ чрезвычайное возбужденіе, которымъ враги Бонапарта пользовались всѣми силами. Правда, международное право было нарушено здѣсь далеко не такъ нагло, какъ при убійствѣ пословъ въ Раштаттѣ, но реакціонеры въ подобныхъ случаяхъ всегда проявляютъ непостижимое искусство. Сверхъ того, жертвой здѣсь былъ Бурбонъ, въ Раштаттѣ же простые смертные.

Бонапартъ самъ держалъ себя въ дѣлѣ герцога Энгьенскаго со свойственной ему двусмысленностью; впослѣдствіи онъ увѣрялъ, что казни онъ собственно не желалъ, и лишь вслѣдствіе излишней поспѣшности его подчиненныхъ она была произведена такъ быстро, что онъ не могъ воспрепятствовать ей. Но этому противорѣчатъ всѣ обстоятельства дѣла; если бы онъ не хотѣлъ показать примѣръ на Бурбонѣ, то незачѣмъ было бы нарушать международное право вторженіемъ въ баденскую территорію. Впрочемъ, Бурбоны съ этихъ поръ, повидимому, уже не составляли заговоровъ на жизнь Бонапарта.

22 марта былъ разстрѣлянъ герцогъ Энгьенскій, а 7 апрѣля генералъ Пишегрю былъ найденъ мертвымъ въ своей тюрьмѣ. Онъ, очевидно, былъ удавленъ. Вокругъ шеи Пишегрю былъ завязанъ черный шелковый платокъ, въ который была продѣта палка. Говорили, будто онъ вертѣлъ эту палку до тѣхъ поръ, пока не задохся. Но въ публикѣ не вѣрили этому объясненію и разсказывали, будто Бонапартъ велѣлъ задушить своего бывшаго учителя въ Бріенской военной школѣ. Смерть завоевателя Голландіи такъ и осталась невыясненной, и тотъ взглядъ, будто онъ былъ убитъ, удержался, хотя, съ другой стороны, Бонапартъ могъ быть вполнѣ увѣренъ, что раболѣпные судьи обвинятъ Пишегрю. Вскорѣ послѣ этого и англійскій капитанъ Райтъ (Whtigt), привезшій заговорщиковъ во Францію и затѣмъ взятый въ плѣнъ въ одной морской стычкѣ, былъ найденъ мертвымъ въ своей тюрьмѣ. Это еще болѣе усилило слухи о тайныхъ убійствахъ въ тюрьмахъ.

Кадудаль со своими товарищами держалъ себя передъ судьями Бонапарта гордо и внушительно. Этотъ неукротимый шуанъ сохранилъ мужество до послѣдняго мгновенія и осыпалъ своихъ судей ѣдкими насмѣшками. Президента суда, извѣстнаго прежняго якобинца Тюріо (Thuriot), предсѣдательствовавшаго 9 тэрмидора въ конвентѣ, онъ называлъ не иначе, какъ monsieur Tue-toi- –господинъ цареубійца! Двадцать заговорщиковъ приговорены были къ смертной казни, но семь изъ нихъ, среди которыхъ былъ и Арманъ дэ-Полиньякъ, помилованы. Кадудаль и его шуаны пошли на смерть безъ всякаго страха; неукротимый заговорщикъ повелъ своихъ товарищей на эшафотъ, точно на бой. Бонапартъ могъ лишь тогда свободно вздохнуть, когда навсегда освободился отъ этого страшнаго врага.

Съ Моро управиться было не такъ легко: общественное мнѣніе въ народѣ и арміи стояло за славнаго генерала, который служилъ

своему отечеству въ столь многихъ кризисахъ съ полнымъ самопожертвованіемъ и самоотверженіемъ. Судьи хотѣли оправдать его, такъ какъ можно было доказать лишь то, что онъ два раза имѣлъ свиданіе съ Пишегрю. Однако боялись, что оправданіе подвергнетъ Моро мести Бонапарта, и, такимъ образомъ, судъ приговорилъ Моро къ двухлѣтнему тюремному заключенію. Вслѣдствіе различныхъ ходатайствъ, въ которыхъ принималъ очень живое участіе и Фуше, этотъ приговоръ былъ замѣненъ изгнаніемъ, и Моро отправился въ Сѣверную Америку. Политическая и военная роль его была окончена. Онъ увезъ съ собой славу храбраго солдата, чистаго характера и благороднаго человѣка. У французовъ онъ омрачилъ свою память тѣмъ, что въ 1813 г. примкнулъ къ русскому императору изъ ненависти къ своему смертельному врагу, Бонапарту, и трагическая смерть его въ битвѣ близъ Дрездена доставила ему лишь нѣкоторое почтеніе со стороны Бурбоновъ.

Послѣ подавленія этого послѣдняго опаснаго заговора роялистовъ, Бонапартъ не встрѣчалъ уже препятствій на пути къ верховной власти въ желанной ему формѣ. Онъ хотѣлъ доставить своему положенію блескъ, сіяющій въ теченіе многихъ вѣковъ, и протянулъ руку къ коронѣ, чтобы возложить ее на свою голову. Блескъ его короны ослѣплялъ его самого, можетъ быть, больше, чѣмъ его современниковъ.

Занятіе Ганновера привело къ сближенію Пруссіи съ Россіей, такъ какъ Александръ I желалъ играть роль третейскаго судьи. Англія не желала его суда, и поэтому онъ заключилъ личную дружбу съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III прусскимъ, причемъ онъ лишь плохо могъ скрыть свою эгоистичную политику. Александръ хотѣлъ образовать противовѣсъ единовременно и противъ Англіи, и противъ Франціи. Но Пруссію онъ не могъ побудить къ рѣшительнымъ шагамъ; она требовала отъ Бонапарта лишь освобожденія ганноверскихъ гаваней на Сѣверномъ морѣ. Бонапартъ отклонилъ это требованіе, но предложилъ Пруссіи союзъ противъ Англіи и курфюршество Ганноверское. Хотя разумный прусскій министръ Гаугвицъ (Haugwitz) совѣтовалъ принять это предложеніе, что, вѣроятно, предохранило бы Пруссію отъ пораженія въ 1806 г., но оно было отклонено подъ вліяніемъ Россіи. Бонапартъ, желавшій прикрыть союзомъ съ Пруссіей свой планъ предполагаемаго нападенія на Англію, не могъ найти опоры въ колеблющейся прусской политикѣ; поэтому онъ обратился къ Испаніи и заключилъ съ нею договоръ, по которому она обязалась платить ему ежемѣсячную субсидію въ шесть милліоновъ франковъ.

Тѣмъ временемъ англійскимъ торгашамъ, несмотря на всѣ ихъ

похвальбы, стало жутко при видѣ вооруженія Бонапарта въ Булони. Англійская армія изъ 130.000 человѣкъ навербована была въ разныхъ странахъ; она состояла изъ гессенцевъ, швейцарцевъ, ганноверцевъ, ирландцевъ, шотландцевъ и мальтійцевъ и была раздѣлена между Англіей, Ирландіей, Британской Америкой, Индіей и Египтомъ. Въ Англіи собрана была резервная армія изъ 50.000 человѣкъ, въ которую, однако, сыновья зажиточныхъ и богатыхъ людей могли нанимать замѣстителей, потому что англійскіе купцы, хотя и охотно загребали барыши, доставляемые хищническими набѣгами англійскаго флота, но не имѣли желанія отдавать своихъ сыновей въ военную службу: для этого были дѣти бѣдняковъ. Обнародовано было также воззваніе, приглашавшее образовать армію добровольцевъ, въ которую призывались волонтеры, въ возрастѣ отъ 17 до 55 лѣтъ. Эти добровольцы имѣли особую форму, собирались еженедѣльно на нѣсколько часовъ для военныхъ упражненій, въ остальное же время занимались своими дѣлами.

Но страхъ англійскихъ торгашей достигалъ крайней степени, когда они думали о возможности борьбы въ ихъ же странѣ съ испытанными въ бояхъ войсками Бонапарта. Этотъ страхъ и былъ причиной того, что англійское правительство не затруднилось поддерживать заговоръ Пишегрю и Кадудаля на жизнь Бонапарта. Но когда этотъ заговоръ не удался, въ Англіи пришли къ мысли, что все же лучше, чтобы другія державы на англійскія деньги вели борьбу съ Франціей на европейскомъ материкѣ. Питтъ, вышедшій передъ амьенскимъ миромъ въ отставку, теперь легко снова сталъ во главѣ правительства съ порученіемъ образовать новую коалицію противъ Франціи.

Третья коалиція образовалась сравнительно легко, такъ какъ для подстрекательства дворовъ воспользовались казнью герцога Энгьенскаго. Въ этомъ поступкѣ Бонапарта дворы видѣли лишь одно изъ проявленій французской революціи. Казнью герцога Энгьенскаго старались пользоваться также для подстрекательства народовъ. Но Бонапартъ сдѣлалъ противъ этого ловкій ходъ; онъ обнародовалъ попавшія въ его руки письменныя доказательства того, что англійскіе послы Дрэкъ (Drake) въ Мюнхенѣ и Спенсеръ въ Штуттгартѣ принимали непосредственное участіе въ заговорѣ Кадудаля, и что англійское правительство снабжало заговорщиковъ деньгами. Это измѣнило настроеніе общественнаго мнѣнія. Но развѣ автократы тѣхъ дней смущались общественнымъ мнѣніемъ? Когда Бонапартъ становился въ Парижѣ императоромъ французовъ, въ Европѣ всѣми средствами уговоровъ и дипломатическихъ подвоховъ, въ особенности же съ помощью англійскихъ денегъ, составлена была третья коалиція, которая должна была имѣть страшныя послѣдствія.

Густавъ IV, король шведскій, свергнутый впослѣдствіи дворцо-

вой революціей съ престола за свои безумныя выходки, какъ заклятый врагъ Бонапарта, заключилъ договоръ съ Англіей за наличныя деньги. Пруссія заняла болѣе умное положеніе; правда, она прервала переговоры съ Бонапартомъ о Ганноверѣ, но тщательно соблюдала нейтралитетъ, хотя вошла въ тайныя соглашенія съ Россіей. Дѣйствительно, Пруссіи не было основанія впутываться въ новую опустошительную войну съ Франціей лишь потому, что Англія боялась нашествія французовъ.

Австрія пока изъ осторожности оставалась спокойной; она выжидала благопріятнаго момента. Александръ I наложилъ трауръ при своемъ дворѣ по случаю разстрѣлянія герцога Энгьенскаго. Это раздражило французскаго самодержца, и онъ послалъ Александру особое объясненіе относительно насилія надъ герцогомъ Энгьенскимъ. Въ этомъ объясненіи говорилось, что Бонапартъ совершилъ свой поступокъ лишь для самозащиты, и что Россія въ подобномъ случаѣ сдѣлала бы то же самое. Пришлось снести и это оскорбленіе со стороны Бонапарта.

Питтъ, съ которымъ царь сносился относительно своихъ регенераціонныхъ идей, сдѣлалъ видъ, будто соглашается съ нимъ, заключилъ съ Россіей такъ называемый концертный договоръ и объявилъ войну Испаніи, союзницѣ Франціи. По концертному договору армія въ 500.000 человѣкъ должна была вытѣснить французовъ изъ Ганновера, Голландіи и Италіи, Англія должна была платить за каждые сто тысячъ солдатъ четыре милліона фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Къ коаліціи присоединился Неаполь, а вскорѣ затѣмъ и Австрія, которой была обѣщана Ломбардія.

Хитрая Англія снова устроила такъ, что половина Европы соединилась противъ Франціи. Она щедро раздавала деньги. Кабинеты получали деньги, народы же думали, будто въ этой борьбѣ дѣло дѣйствительно идетъ о томъ, чтобы осуществить прекрасную идею прочнаго мира и дать Европѣ такое устройство, которое обезпечило бы ей лучшее будущее. Они и не предчувствовали, что совмѣстное дѣйствіе Англіи и Россіи уже тогда заключало въ себѣ нѣкоторое соперничество за всемірное господство, и дѣйствительно повѣрили, будто свобода Европы нуждается въ защитѣ хищной Англіи и Россіи отъ революціонной Франціи. На самомъ же дѣлѣ, Питтъ достигъ, чего ему надо было: опасность высадки французовъ въ Англію была предотвращена, и война, грозившая разыграться на англійской территоріи, опустошала теперь страны материка. Англійскія деньги снова достигли цѣли.

Наполеонъ Бонапартъ потому является столь великимъ, что онъ такъ долго могъ держаться въ этой титанической борьбѣ, опустошившей цѣлую часть свѣта.

Въ это время, послѣ изгнанія Моро, казни Пишегрю и Кадудаля, во Франціи не было уже партій, которыя могли бы стать опасными первому консулу. Тогда онъ сдѣлалъ послѣдній шагъ къ внѣшнему упроченію своей власти и совершенно порвалъ съ республиканскими формами, вынесенными изъ революціи.

Фуше, всегда необходимый, ловкій и никогда не попадавшій въ затрудненіе министръ полиціи, долженъ былъ тщательно подготовить общественное мнѣніе къ появленію новаго императора, хотя это уже никого не могло поразить. Каждый легко могъ видѣть, что дѣло клонится къ тому, чтобы Наполеону Бонапарту стать императоромъ по формѣ, какимъ онъ былъ уже на дѣлѣ.

И въ различныхъ собраніяхъ, между которыми раздроблена была законодательная власть, тоже велась оживленная агитація и подготовлялось предложеніе объявить Наполеона Бонапарта императоромъ французовъ. Титулъ „король“ былъ тогда не популяренъ у очень значительнаго числа французовъ. Императоръ же представлялся властелиномъ могучаго государства, и этотъ титулъ долженъ былъ льстить національному честолюбію французовъ. Онъ напоминалъ объ античныхъ цезаряхъ.

Комедія, предшествовавшая облаченію перваго выскочки революціи въ мантію цезарей, была столь же прозрачна, какъ и противна. Но она удалась.

Организованъ былъ наплывъ адресовъ. Власти, выдающіяся лица, къ которымъ примкнула масса гражданъ, заявили первому консулу о необходимости сдѣлать его власть наслѣдственной, чтобы обезопасить Францію отъ происковъ ея враговъ внутри страны и за границей. Какъ будто наслѣдственность власти могла достигнуть этой цѣли! Бонапартъ, будучи впослѣдствіи уже императоромъ, самъ удачно опровергъ этотъ взглядъ, сказавъ однажды, что его престолъ ничего не значитъ,—это лишь дерево, обтянутое бархатомъ: дѣло все въ томъ, кто сидитъ на немъ!

Но адреса привели въ движеніе раболѣпный сенатъ. 27 марта,—т. е. черезъ пять дней послѣ разстрѣлянія герцога Энгьенскаго,—сенатъ обратился къ первому консулу съ посланіемъ, въ которомъ высказывалъ, что его наслѣдственное владычество необходимо для счастья Франціи.

„Гражданинъ первый консулъ“, говорилось въ этомъ рабскомъ посланіи: „вы полагаете основаніе новой эпохѣ. Но вы должны также и упрочить ее. Блескъ—ничто безъ долговѣчности. *Мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что вы останавливались уже надъ этой великой мыслью, такъ какъ творческій геній вашъ обнимаетъ все и не забываетъ ничего.* Вы находитесь подъ давленіемъ времени, событій, заговоровъ, честолюбцевъ и безпокойства, которое смущаетъ французовъ. Вы можете господствовать надъ временемъ, овладѣть

событіями, обезоружить честолюбцевъ, успокоить всю Францію, если вы дадите ей установленія, которыя укрѣпятъ ваше сооруженіе и упрочатъ за вашими дѣтьми то, что вы сдѣлали для отцовъ. Гражданинъ первый консулъ, будьте увѣрены, что сенатъ обращается къ вамъ отъ имени всѣхъ гражданъ".

Первый консулъ, понятно, принялъ это раболѣпіе со всей серьезностью и не уступилъ въ притворствѣ сенату. Онъ тоже сдѣлалъ видъ, будто благосостояніе Франціи зависитъ отъ того, будетъ ли его власть наслѣдственной. Въ этомъ смыслѣ составленъ и его отвѣтъ, полученный сенатомъ. Въ немъ говорилось:

„Ваше обращеніе не выходило изъ моихъ мыслей. *Оно было предметомъ моихъ безпрестанныхъ размышленій.* Вы признали наслѣдственность высшаго сана въ государствѣ необходимой, чтобы обезопасить народъ отъ комплотовъ нашихъ враговъ и отъ смутъ, вызываемыхъ честолюбіемъ соперниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вы находите, что нѣкоторыя установленія наши нуждаются въ усовершенствованіи, чтобы навсегда обезпечить *побѣду равенства и общественной свободы* и дать какъ націи, такъ и правительству двойную гарантію, въ которой они нуждаются. Чѣмъ больше вниманіе мое обращается на эти великіе предметы, тѣмъ больше я чувствую, что мнѣ при этихъ столь же новыхъ, какъ и важныхъ обстоятельствахъ нуженъ вашъ мудрый совѣтъ, ваша опытность, чтобы осуществить всѣ мои идеи. Поэтому я приглашаю васъ высказать мнѣ вашу мысль вполнѣ откровенно".

Лицемѣріе его зашло такъ далеко, что въ тотъ моментъ, когда онъ завершалъ чисто азіатскую военную монархію, онъ еще говорилъ о побѣдѣ „равенства и свободы". Теперь понятливый сенатъ зналъ, какъ упрочить „счастье Франціи", и постановилъ: „Сенатъ убѣжденъ, что для французскаго народа въ высшей степени важно *передать правленіе республикой первому консулу, какъ наслѣдственному императору*".

3 мая это постановленіе сената поступило въ трибунатъ. Кюрэ, хорошо выдрессированная рабья натура, началъ обычныя восхваленія, которыя владыка Франціи привыкъ слышать отъ этихъ поклонниковъ его успѣховъ. „Настало время", говорилъ онъ:—„отказаться отъ политическихъ иллюзій. Внутреннее спокойствіе Франціи снова возстановлено, миръ съ иностранными державами обезпеченъ блестящими побѣдами. Наши финансы снова упорядочены, наши кодексы обновлены и снова установлены. Настало время обезпечить за націей пользованіе этими благами и на будущее время".

Настоящее море лести, преклоненій и унизительныхъ раболѣпныхъ фразъ показало первому консулу рабскую преданность этой пресловутой корпораціи. Это наводненіе чрезмѣрной лояльности, казалось, устранило всякую оппозицію. Но поднялся одинъ голосъ

противъ новаго цезаризма. Карно, непреклонный республиканецъ, былъ еще здѣсь и онъ тутъ произнесъ ту знаменитую рѣчь, которую называютъ *послѣднимъ вздохомъ свободы великой революціи.*

„Я далекъ отъ желанія", говорилъ Карно: — „умалять славу, воздаваемую первому консулу. Но какія бы услуги ни оказалъ гражданинъ своему отечеству, есть границы, которыя честь и разумъ полагаютъ національной признательности. Если этотъ гражданинъ возстановилъ общественную свободу, если онъ спасъ свое отечество, то развѣ можно предлагать ему въ вознагражденіе эту же свободу? Не значитъ ли это уничтожать собственное дѣло, если онъ превращаетъ отечество въ свою наслѣдственную собственность? — Съ того момента, когда французскому народу предложено было высказаться относительно пожизненнаго консульства, каждый легко могъ понять, что за этимъ еще что-то скрывается. Послѣдовалъ рядъ явно монархическихъ установленій. Сегодня, наконецъ, открываютъ цѣль столь многихъ временныхъ предпріятій. Мы приглашены высказаться относительно формальнаго предложенія возстановить монархію и передать наслѣдственное императорское достоинство первому консулу. *Неужели свобода была лишь показана человѣку затѣмъ, чтобы онъ никогда не могъ пользоваться ею? Нѣтъ, я никогда не могу согласиться считать простой иллюзіей это благо, предпочитаемое людьми всѣмъ остальнымъ благамъ. Сердце мое говоритъ мнѣ, что свобода возможна, что царство ея легче и прочнѣе, чѣмъ какое бы то ни было царство произвола.* Я, съ своей стороны, голосовалъ противъ пожизненнаго консульства; такъ же и теперь я голосую противъ возстановленія монархіи".

Эта рѣчь не могла не произвести сильнаго впечатлѣнія. Но разлившійся уже потокъ раболѣпія прорвалъ всѣ преграды; каждый изъ этихъ достопримѣчательныхъ трибуновъ хотѣлъ первымъ опровергать Карно. Три дня продолжались эти отвратительныя пренія; затѣмъ, трибунатъ почти единогласно высказался за императорское достоинство.

Карно сошелъ съ политическаго поприща и жилъ въ гордой и достойной удивленія бѣдности, чтобы затѣмъ снова предложить свои услуги, когда отечество его было занято войсками союзныхъ монархій.

18 мая 1804 г. (30 флорэаля) сенатъ постановилъ объявить перваго консула Наполеона Бонапарта императоромъ французовъ подъ именемъ Наполеона I. Полный и противорѣчивый императорскій титулъ Наполеона былъ таковъ: *„Наполеонъ I, Божіею милостію и установленіями республики императоръ французовъ".*

Народъ принялъ прокламацію новаго императора безъ особеннаго возбужденія, потому что ему было безразлично, назывался ли неограниченный властелинъ, попиравшій Францію, первымъ консуломъ

или императоромъ. Но тѣмъ сильнѣе было движеніе среди военныхъ и господствующихъ классовъ. Все спѣшило воздать почести новому императору, и выскочки революціи повергались въ прахъ передъ нимъ. Иностранныя державы тоже не замедлили принести свои поздравленія могучему корсиканцу,—за исключеніемъ Англіи, Россіи и Швеціи. Старымъ дворамъ легче было сноситься съ монархомъ, чѣмъ съ главой республики. Мелкіе нѣмецкіе государи, чувствовавшіе опасность несомнѣнно предстоявшей новой войны, поспѣшили принести императору свои поздравленія и просить его благосклонности. Новый плебисцитъ утвердилъ имперію; $3^1/_2$ милліона гражданъ высказались за нее. Наполеонъ сталъ презирать людей, когда онъ увидѣлъ все у своихъ ногъ. Если посмотрѣть на все, что пресмыкалось теперь передъ нимъ, то надо только удивляться, что онъ вообще еще умѣлъ сдерживаться, что его успѣхи и его власть не опьянили его еще больше, что онъ не проникся еще большимъ презрѣніемъ къ людямъ.

Онъ устроилъ теперь свой дворъ совершенно въ стилѣ старой монархіи и велѣлъ послѣ тщательныхъ изслѣдованій установить этикетъ двора, дабы во всемъ этомъ маскарадѣ не оказалось никакого недочета; родственники Бонапарта превращены были въ императорскихъ принцевъ и принцессъ, генералы—въ маршаловъ имперіи, высшія должностныя лица—въ сановниковъ. Необозримая толпа камергеровъ, придворныхъ дамъ, пажей и лакеевъ всякаго рода, какъ водится при дворахъ, вдругъ точно изъ земли появилась, а надъ нею и надъ зѣвающимъ народомъ возвышалось въ облакахъ китайской недоступности величество бывшаго лейтенанта артиллеріи, Наполеона Бонапарта,—нынѣ наслѣдника великой революціи и императора французовъ. Неограниченная императорская власть, установленная теперь, вернулась назадъ гораздо дальше конституціи 1791 г. и въ абсолютизмѣ превзошла даже монархію Бурбоновъ до 1789 г. Революція точно описала кругъ и вернулась къ своей исходной точкѣ.

Чтобы окружить себя всѣмъ великолѣпіемъ, Наполеонъ назначилъ на 2 декабря 1804 г. свое торжественное коронованіе. Соборъ Парижской Богоматери, видѣвшій въ своихъ стѣнахъ богослуженіе старой монархіи и служеніе Разуму временъ парижской коммуны, увидѣлъ теперь и то, какъ сынъ корсиканскаго судьи и жена его, дочь вестъ-индскаго капитани гавани, короновались, какъ императорская чета.

Папа Пій VII, конечно, не могъ не послѣдовать желанію Наполеона присутствовать при его коронованіи; желаніе сильнаго есть приказъ для слабаго. Онъ прибылъ, и вмѣстѣ съ нимъ явилось и все духовенство, новая знать, всѣ высшіе сановники и послы иностранныхъ державъ. Наполеонъ съ Жозефиной ѣхалъ въ церковь въ императорской каретѣ на шести лошадяхъ, одѣтый въ коронаціонную

мантію, расшитую пчелами. Помазавъ его предъ алтаремъ и благословивъ знаки императорскаго достоинства, папа хотѣлъ возложить ему на голову корону, но Наполеонъ быстро взялъ ее и самъ возложилъ на свою голову. Такъ же онъ самъ короновалъ и Жозефину, ставшую на колѣни предъ алтаремъ; затѣмъ, императорская чета въ своемъ облаченіи взошла на престолъ. Наполеонъ далъ передъ евангеліемъ установленную присягу, и затѣмъ, герольдъ возгласилъ: *„Всеславнѣйшій и всепресвѣтлѣйшій императоръ французовъ короновался и вступилъ на престолъ.—Да здравствуетъ императоръ!“*

Присутствовавшіе воскликнули: „Vive l'empereur!“ — „да здравствуетъ императоръ!“—восклицаніе, которому суждено было въ теченіе десяти лѣтъ раздаваться по Европѣ. А за стѣнами церкви громъ орудій возвѣстилъ французамъ, что ихъ цезарь сталъ и по всей формѣ императоромъ.

Заключеніе.

2 декабря 1804 г. революція закончила свой кругъ. Абсолютный монархъ снова стоялъ во главѣ французскаго государства и правилъ огромнымъ царствомъ со своими родными и знатью, которымъ онъ раздавалъ короны и титулы, какъ другіе государи раздаютъ золотыя табакерки. Интересно видѣть Европу подъ владычествомъ всѣхъ этихъ выскочекъ. Эти маршалы, побѣдители въ сотняхъ битвъ, — Мюратъ, Нэй, Сультъ, Массена, Ожеро, Даву, Бернадоттъ, Ланнъ, Бертье и Мармонъ, подобно своему императору, возвысились, большею частью, во время бурь революціи изъ низшаго положенія; иные изъ нихъ были раньше простыми ремесленниками или рабочими. Они властвовали не лучше, но и не хуже, чѣмъ старыя династіи. Они наполнили міръ лязгомъ оружія, небывалымъ до тѣхъ поръ; они превратили свое время въ рядъ битвъ, опустошеній, насилій и грабительствъ. Міръ дрожалъ подъ ихъ желѣзными шагами. Но какъ ни могучъ былъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности,—всѣ они далеко отступали передъ фигурой царя битвъ, человѣка въ маленькой треугольной шляпѣ и простомъ мундирѣ, какъ запечатлѣлся его историческій образъ въ памяти народовъ. И долго еще будутъ помнить его, этотъ историческій образъ, точно бурей пронесшійся надъ человѣчествомъ.

И все-таки,—этотъ цезарь, какъ ни самовластенъ, повидимому, онъ былъ, долженъ былъ только выполнить историческую миссію, которую не самъ онъ избралъ себѣ, а навязали ему обстоятельства.

Въ медовые мѣсяца революціи французы, казалось, имѣли лишь одну страсть, — страсть къ свободѣ. Все дышало воодушевленіемъ, энтузіазмомъ, самопожертвованіемъ, идеализмомъ. Какое-то безграничное, чарующее опьяненіе овладѣло этимъ народомъ, который своимъ спокойствіемъ, своимъ достояніемъ и своей кровью радостно жертвовалъ для свободы.

Воодушевленіе исчезло, когда народная масса увидѣла, что ея жизнь и дѣятельность, хотя и подняты взмахами революціи, все-таки остаются въ тѣсномъ кругу лишеній. Воодушевленіе буржуазіи исчезло, когда вмѣсто борьбы за идеи началась борьба за интересы. Борьба за конституцію 1791 г. была еще полна идей. Но паденіе феодализма очистило во Франціи мѣсто для буржуазнаго общества, и новая эпоха была исполнена буржуазныхъ интересовъ. Мы видѣли,

какъ попытка установить чистую демократію не удалась, благодаря доктринерству вождей демократіи. Почтенное гражданство стало господствующимъ классомъ во Франціи, и масса преклонилась предъ его господствомъ, какъ нѣкогда третье сословіе гнулось подъ господствомъ феодализма.

Этотъ господствующій классъ, новая буржуазія, опиралась ли она на движимую или недвижимую собственность, скоро отбросила всѣ идеалы, какъ негодный хламъ. Для этой буржуазіи основанный Наполеономъ французскій банкъ съ его кредитомъ былъ важнѣе, чѣмъ всѣ теоріи стараго и новаго міра. Для нея революція имѣла значеніе лишь настолько, насколко она измѣнила отношенія собственности. То же самое было и съ многочисленными землевладѣльцами и крестьянами. Они пріобрѣли во время революціи земли духовенства и эмигрантовъ и теперь спокойно сидѣли на своихъ участкахъ. Они боялись лишь одного,—какъ бы эмигранты и старая династія не вернулись во Францію и не потребовали обратно своей собственности. Могучая военная сила Наполеона давала имъ извѣстную гарантію противъ возвращенія стараго режима,—оттого-то этотъ классъ упорнѣе всѣхъ и стоялъ за него. Наполеонъ былъ солдатскимъ и и крестьянскимъ императоромъ. Плебисцитный императоръ прекрасно зналъ, что при плебисцитахъ онъ можетъ вполнѣ положиться на крестьянъ.

Землевладѣльцы и буржуазія хотѣли спокойствія, необходимаго для накопленія капитала; крестьяне хотѣли мирно обрабатывать свою землю. Вслѣдствіе этого имъ было совершенно безразлично, что Наполеонъ соорудилъ надъ буржуазнымъ обществомъ надстройку деспотично-іерархическаго военнаго государства,—лишь бы онъ внутри страны поддерживалъ спокойствіе, которое обезпечивало бы новыя отношенія собственности, и отражалъ нападенія иностранныхъ державъ, стремившихся къ возстановленію стараго строя во Франціи. Это опредѣлило миссію Наполеона; его войны были оборонительными войнами новаго буржуазнаго соціальнаго строя во Франціи.

Лишь при поверхностномъ наблюденіи можетъ показаться, будто наполеоновскія войны вызывались исключительно честолюбіемъ современнаго цезаря. Онѣ вызывались тѣмъ, что старыя феодальныя державы продолжали бороться противъ гражданскаго преобразованія Франціи. Но суровость войны не позволяетъ побѣдителю оставить побѣжденному его прежнюю силу. Онъ долженъ ослабить побѣжденнаго и самъ усилиться на его счетъ. Изъ этой необходимости возникаютъ завоеванія. Завоеванія Наполеона были для него постояннымъ источникомъ новыхъ войнъ, такъ какъ побѣдитель не можетъ оставить завоеванной имъ области безъ борьбы, не ослабляя этимъ самого себя. Наполеонъ долженъ былъ завоевывать, чтобы сохранить свои завоеванія. Такъ бросался этотъ могучій человѣкъ отъ войны къ войнѣ и расточалъ свои силы на основаніе и защиту

государствъ, которыя не въ состояніи были держаться,—онъ, геній и энергія котораго могли бы сдѣлать его страну счастливѣйшей въ Европѣ.

Его мирную дѣятельность все-таки нужно признать довольно великой, если мы вспомнимъ, что за все его царствованіе оружіе никогда не выпускалось изъ рукъ. Его строительная дѣятельность была грандіозна. Онъ провелъ болѣе 7000 миль шоссе и дорогъ и устроилъ болѣе десяти каналовъ, соединяющихъ судоходныя рѣки Франціи. Развитію сношеній онъ вообще содѣйствовалъ въ широкой степени и устроилъ большія дороги черезъ Симплонъ, Монъ-Сенисъ и Монъ Женевръ. Велико число устроенныхъ имъ гаваней, плотинъ, шлюзовъ и т. д. Собственно Парижъ обязанъ ему цѣлымъ рядомъ улучшеній и украшеній; имъ сооружены здѣсь мосты, общественныя площади, магазины, бойни, крытыя галлереи для рынковъ и много величественныхъ общественныхъ зданій. Половину рабочаго населенія онъ занималъ своими сооруженіями, а другая стояла въ полѣ. Такимъ образомъ, недовольство массъ было мало замѣтно или вовсе не замѣтно.

Его пять кодексовъ, которымъ дано общее названіе „Наполеонова кодекса", были вскорѣ закончены и введены. Они еще и теперь считаются во многихъ отношеніяхъ образцовыми. Это—гражданскій кодексъ, уставъ гражданскаго судопроизводства, торговый кодексъ, уставъ уголовнаго судопроизводства и уголовный кодексъ.

Едва Наполеонъ возложилъ на свою голову императорскую корону, какъ онъ снова уже долженъ былъ идти на войну. Онъ двинулся противъ Австріи и Россіи. При Ульмѣ онъ взялъ въ плѣнъ австрійскую армію подъ начальствомъ Макка, а 2 декабря 1805 г. взошло для него солнце Аустерлица. На морѣ, правда, побѣдительницей оставалась Англія, но за побѣду при Трафальгарѣ Нельсонъ заплатилъ своей жизнью.

Послѣ пораженія Австріи, вступила въ коалицію Пруссія. Но Наполеонъ управился съ коалиціей. Страшное пораженіе при Іенѣ уничтожило Пруссію, и нужно было много времени, чтобы ей оправиться.

Наполеонъ прошелъ до русской границы и въ Тильзитѣ продиктовалъ миръ, ослабившій Пруссію. Гигантская борьба съ Англіей приняла тогда новую форму; Наполеонъ велъ ее посредствомъ такъ называемой континентальной системы. Онъ закрылъ для англійской торговли всѣ страны, находившіяся подъ его вліяніемъ. Этимъ онъ несомнѣнно, принесъ громадный вредъ и европейскому материку.

Своимъ братьямъ и роднымъ онъ раздавалъ королевства и герцогства, какъ и когда хотѣлъ. Назначеніе новаго короля было у него лишь семейнымъ событіемъ, въ которомъ міръ долженъ былъ принимать соотвѣтствующее участіе. Братъ его, Жозефъ, сталъ *королемъ неаполитанскимъ*; вскорѣ онъ замѣнилъ его своимъ шуриномъ,

Мюратомъ, а Жозефъ сталъ королемъ испанскимъ Другой братъ его, Людовикъ, сдѣланъ былъ королемъ голландскимъ.

Государственныя способности Наполеона были огромны, хотя проявленіе ихъ стѣснялось его эгоизмомъ.

Подъ давленіемъ владычества Наполеона пала германская имперія. Относительно Германіи императоръ не могъ стать выше той мысли, которую отчасти имѣлъ уже Людовикъ XVI. Онъ основалъ Рейнскій союзъ, сдѣлалъ курфюрстовъ баварскаго и вюртембергскаго королями, превратилъ Баденъ въ великое герцогство. Основанное имъ королевство Вестфалію онъ далъ брату своему Жерому, королю „morgen wieder lustig!“ Такъ онъ старался ослабить и раздробить Германію, полагая, что сила Франціи обусловливается слабостью Германіи.

Подъ французскимъ владычествомъ въ Германіи была сдѣлана масса улучшеній, и этимъ объясняется то почитаніе Наполеона, которое еще нѣсколько десятилѣтій тому назадъ можно было встрѣтить у стариковъ. Послѣдствія германской раздробленности ложились такимъ тяжелымъ бременемъ на народъ, что Наполеонъ могъ казаться ему избавителемъ. Онъ внесъ много облегченій въ тѣ части Германіи, которыя находились подъ его властью и властью его вассаловъ: введеніемъ французскаго законодательства, уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ и проч. Но тяготы его владычества вскорѣ перевѣсили облегченія. Вѣчныя передвиженія войскъ, насилія его солдатъ, вымогательства его генераловъ и агентовъ, его контрибуціи и войсковые контингенты, его полиція и система шпіонства создали въ Германіи ту ненависть къ французскому владычеству, которая должна была низвергнуть Наполеона. Затѣя уничтожить самостоятельность такого большого народа, какъ германскій, сдѣлать невозможнымъ его возвращеніе къ естественному единству была столь же безумна, какъ и дерзка, и она могла съ такимъ же успѣхомъ возникнуть въ головѣ какого-нибудь азіатскаго деспота. Насилія, какъ разстрѣляніе книгопродавца Пальма, увеличивали въ Германіи тлѣвшую ненависть къ французамъ.

Объ отношеніяхъ Германіи къ Франціи въ теченіе различныхъ фазисовъ революціи и во время имперіи никто не высказалъ болѣе интересныхъ и достопримѣчательныхъ мыслей, чѣмъ знаменитый Карно въ своемъ посмертномъ сочиненіи, которое было найдено лишь внукомъ его, покойнымъ президентомъ третьей французской республики.

„Со времени первыхъ нашихъ движеній“, говоритъ Карно:— „инстинктъ нѣмецкаго народа чувствовалъ, что совершается явленіе, въ которомъ заинтересовано все человѣчество. Ничто не показываетъ этого лучше, какъ тотъ всеобщій откликъ, который встрѣтило взятіе Бастиліи. Уничтоженіе народнымъ возстаніемъ государственной тюрьмы, событіе, которое при другихъ условіяхъ считалось бы лишь случайнымъ, имѣющимъ только мѣстное значеніе, получило значеніе символа,—символа уничтоженія тиранніи. Не стѣны были

здѣсь уничтожены, здѣсь была уничтожена идея. Потому-то взятіе Бастиліи и прославлялось на всѣхъ языкахъ, представлялось на сценѣ и изображалось карандашемъ и кистью. Нѣмецкій художникъ-граверъ Ходовецкій талантливо характеризовалъ это событіе, изобразивъ солнце, поднимающееся надъ развалинами знаменитой крѣпости". Затѣмъ, Карно указываетъ, что самые блестящіе умы Германіи открыто выражали свое сочувствіе освободительному движенію, какъ Клопштокъ, Виландъ, Шубертъ, Фоссъ, Гёте, Шиллеръ, Кантъ, Генрихъ Кампе, Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, Фихте, Варнгагенъ, Форстеръ, Бюргеръ и Бетховенъ. И дальше онъ говоритъ: „Благороднѣйшіе умы Германіи были увлечены французскимъ движеніемъ. Нападая на насъ, нѣмецкій народъ повиновался вовсе не чувству національной антипатіи и не желанію подавить революцію: это желаніе было лишь у союзныхъ монарховъ. Даже сама война не вызвала ненависти, проявившейся впослѣдствіи съ такой силой. Когда явились надежды на миръ, ихъ радостно привѣтствовали на обоихъ берегахъ Рейна. Правда, конечно, что многіе иностранцы, сочувствовавшіе нашей революціи, отвернулись отъ насъ, при видѣ нашихъ заблужденій,—но они сдѣлали это не вслѣдствіе объявленія новыхъ принциповъ. Исторія показываетъ, что чрезмѣрная національная ненависть,—я говорю здѣсь не о преступленіяхъ, осуждаемыхъ всѣми,—почти всегда являлась отвѣтомъ на угрожающіе вызовы: заговоры внутри страны, сношенія съ непріятелемъ, происки, подвергавшіе опасности существованіе не только нашей республики, но и нашей націи; извнѣ же оскорбленія, нападенія, подстрекательства къ гражданской войнѣ, употребленіе гнусныхъ и постыдныхъ средствъ, отвергаемыхъ самымъ простымъ чувствомъ приличія (напр., поддѣлка бумажныхъ денегъ),—все это направлялось противъ гордаго народа, который не проявилъ желанія посягнуть на свободу какого-либо иного народа, а хотѣлъ лишь отстоять свою свободу. При учрежденіи консульства какъ въ Германіи, такъ и во Франціи, была надежда, что это новое правительство будетъ благопріятно новымъ идеямъ, но громадное разочарованіе вызвало недовольство друзей свободы въ обѣихъ странахъ. Затѣмъ, политическое раздробленіе Германіи учрежденіемъ Рейнскаго союза и нашествіе Наполеона на Пруссію, но больше всего тѣ обиды, которыя побѣдитель наносилъ побѣжденному, оттолкнули отъ насъ сердца нѣмцевъ, исполненныя до тѣхъ поръ сочувствіемъ къ намъ. Патріоты вмѣнили себѣ въ обязанность, во что бы то ни стало, избавить свою страну отъ позора. Страстно взывали они къ національному чувству, и на эти воззванія послѣдовалъ страстный откликъ: народъ, который до тѣхъ поръ не былъ настроенъ враждебно къ намъ, даже когда онъ воевалъ съ нами, систематически воспитывали къ ненависти, довели его до пароксизма, и онъ сталъ нашимъ непримиримымъ врагомъ. *Это, можетъ быть, самый большой*

упрекъ, какой философія, исторія и политика могутъ сдѣлать памяти Наполеона".

Когда Наполеонъ создавалъ себѣ такимъ образомъ въ Германіи непримиримаго врага, когда онъ ослаблялъ Пруссію и раздроблялъ Германскую имперію, между нимъ и Александромъ I продолжалась та странная дружба, о которой нельзя сказать, искренна ли она была.

Дружба распалась, потому что Александръ, наконецъ, все-таки заподозрилъ Наполеона въ желаніи возстановить Польшу.

Въ Испаніи, совершенно занятой Наполеономъ, возникло то противодѣйствіе, котораго Наполеонъ никогда не могъ одолѣть; Испанія постоянно оставалась зіяющей язвой его имперіи. Когда Англія пришла на помощь Испаніи съ военной силой, ихъ уже невозможно было побѣдить, и Англія пріобрѣла то, чего у нея не было,—испытанное въ битвахъ сухопутное войско.

Въ 1809 г. вліяніе Англіи снова побудило Австрію обнажить оружіе. Австрія сочла Германію созрѣвшей для возстанія и издала воззваніе, въ которомъ говорилось, что *„свобода Европы бѣжала подъ знамена Австріи"*. Но Германія не поднялась, и Австрія была разбита; страшная битва при Ваграмѣ рѣшила ея судьбу.

Наполеонъ стоялъ на вершинѣ своего могущества, и честолюбіе побудило его теперь взять себѣ въ жены принцессу изъ первостепеннаго царствующаго дома. Онъ по политическимъ соображеніямъ развелся съ Жозефиной, которая не родила ему наслѣдника, и женился на Маріи-Луизѣ, во всѣхъ отношеніяхъ ничтожной дочери австрійскаго императора. Въ 1811 г. она родила сына, которому Наполеонъ далъ титулъ короля римскаго. Въ величественныхъ титулахъ у него никогда не было недостатка.

Между тѣмъ, какъ Пруссія готовилась посредствомъ реформъ Шарнгорста къ неизбѣжной борьбѣ съ завоевателемъ, а „тугендбундъ",—„союзъ добродѣтели" вездѣ разжигалъ ненависть къ французамъ, произошелъ конфликтъ между Наполеономъ и Александромъ, который поставилъ подъ оружіе всю Европу противъ Франціи. Огромная военная машина Наполеона не могла оставаться въ бездѣйствіи, а Александръ еще задѣлъ его тѣмъ, что не принялъ континентальной системы противъ Англіи. Соперники за владычество надъ Европой должны были помѣряться силами и Наполеонъ двинулся на Россію.

Судьба Карла XII должна была бы предостеречь его. Завоевать Россію невозможно. Но Наполеономъ въ это время овладѣло то помраченіе величія, которое привело его къ гибели. Во времена старой римской имперіи онъ, не задумываясь, объявилъ бы себя богомъ. Говорилъ же онъ еще на о. св. Елены, что большая комета 1811 г. появилась лишь ради него!

Съ большой арміей, огромнымъ войскомъ свыше 500.000 человѣкъ, въ которое должны были поставить свои контингенты всѣ вас-

салы и союзники французской имперіи, Наполеонъ вступилъ въ 1812 г. въ Россію. Правое крыло его арміи направилось въ южную Россію; лѣвое пошло къ Петербургу. Центръ разбилъ русскихъ въ кровопролитныхъ сраженіяхъ подъ Смоленскомъ и при Бородинѣ подъ Москвой, и Наполеонъ вступилъ въ Москву. Но русскіе подожгли Москву. Наполеонъ долженъ былъ предпринять отступленіе, во время котораго вслѣдствіе суровости русской зимы погибло все его войско.

Эта неудача произвела подавляющее впечатлѣніе; невольные или вольные союзники Наполеона большею частью отпали отъ него. Пруссія вступила въ союзъ съ Россіей и Англіей; Австрія тоже присоединилась къ нимъ. Италія и Рейнскій союзъ держались Наполеона. Большая борьба 1813 г. произошла въ Саксоніи; послѣ перемѣнчиваго военнаго счастья, Наполеонъ въ трехдневной гигантской битвѣ подъ Лейпцигомъ былъ подавленъ преобладающей силой союзниковъ и бѣжалъ за Рейнъ, послѣ чего отъ него отпали и государи Рейнскаго союза. Въ 1814 г. союзники перешли Рейнъ и послѣ кровопролитныхъ битвъ, въ которыхъ снова обнаружилось все блестящее военное искусство Наполеона, взяли Парижъ. Наполеонъ отрекся въ Фонтенебло отъ престола и получилъ островъ Эльбу съ титуломъ императора.

Графъ Прованскій, братъ Людовика XVI, былъ призванъ союзниками на французскій королевскій престолъ съ именемъ Людовика XVIII. Онъ вернулся во Францію съ остатками стараго режима, какъ онъ говорилъ, „въ девятнадцатомъ году своего царствованія". Для этого Бурбона было сущимъ пустякомъ вычеркнуть изъ исторіи республику и имперію.

Но хотя онъ далъ „конституціонную хартію", въ качествѣ конституціи, которая была болѣе конституціонной, чѣмъ далайламовская конституція имперіи, недовольство во время этой первой реставраціи было все-таки чрезвычайно велико. Народъ озлоблялъ гнетъ налоговъ, наполеоновскіе офицеры терпѣли униженія, и, когда въ Вѣнѣ конгрессъ союзниковъ обсуждалъ преобразованіе Европы, во Франціи образовался сильный заговоръ бонапартистовъ. Въ мартѣ 1815 г. Наполеонъ бѣжалъ съ Эльбы, высадился во Франціи и тріумфальнымъ шествіемъ направился въ Парижъ, такъ какъ всѣ войска переходили къ нему. Людовикъ XVIII бѣжалъ въ Гентъ. Наполеонъ возстановилъ всѣ свои учрежденія и далъ дополнительный актъ къ своей конституціи. Однако и онъ, давшій при своемъ возвращеніи много либеральныхъ обѣщаній, но не исполнившій ихъ, вскорѣ вызвалъ недовольство, такъ какъ онъ правилъ въ прежнемъ самодержавномъ духѣ.

Союзники объявили Наполеона внѣ законовъ. Въ ихъ прокламаціи говорилось: *„Наполеонъ Бонапартъ, какъ врагъ и нарушитель спокойствія міра, поставленъ внѣ всѣхъ гражданскихъ и общественныхъ отношеній и преданъ общественному преслѣдованію"*.

Среди великихъ державъ, объявившихъ его внѣ законовъ, не

было ни одной, которая не нарушала бы мира въ такой же степени, какъ и Наполеонъ.

Войска союзниковъ двинулись черезъ Рейнъ, но рѣшеніе судьбы произошло въ Бельгіи, гдѣ Наполеонъ сперва разбилъ пруссаковъ при Линьи, но затѣмъ, при Ватерлоо или Белль-Альянсѣ 18 іюня 1815 г безуспѣшно напалъ на англичанъ и, благодаря прибытію пруссаковъ, былъ совершенно разбитъ. Армія его была уничтожена. Вскорѣ войско союзниковъ во второй разъ явилось подъ стѣнами Парижа. Наполеонъ отрекся отъ престола и сдался англичанамъ, которые отнеслись къ нему, какъ къ военноплѣнному, и сослали его на уединенный скалистый островъ святой Елены. Тамъ жилъ Наполеонъ послѣ своей титанической карьеры еще шесть лѣтъ, снѣдаемый гнѣвомъ и досадой вслѣдствіе мелочныхъ прижимокъ англійскихъ торгашей. Онъ умеръ 5 мая 1721 г.

Вторая реставрація разразилась надъ Франціей, какъ опустошительная буря. Съ Людовикомъ XVIII прибыли всѣ представители стараго режима и съ жаждой мести обрушились на всѣхъ, кто только чѣмъ-нибудь скомпрометировалъ себя во время ста дней, которые Наполеонъ царствовалъ по возвращеніи съ Эльбы. Кровавая расправа учинена была надъ рядомъ храбрыхъ людей, и за нею послѣдовала масса дикихъ оргій мести со стороны роялистической черни, которымъ власти не препятствовали и не преслѣдовали ихъ зачинщиковъ. Рядъ выдающихся бонапартистовъ отправленъ былъ въ ссылку; всѣ жившіе еще и не перешедшіе къ роялизму члены конвента также были изгнаны изъ Франціи, какъ „цареубійцы“. „Бѣлый терроръ“ свирѣпствовалъ во Франціи среди мира не меньше, чѣмъ нѣкогда красный терроръ въ пылу гражданской войны.

Такимъ образомъ, по внѣшнему виду политическій строй Франціи, существовавшій до революціи, былъ въ общемъ снова возстановленъ. Была конституція, которая не имѣла особеннаго значенія, потому что безъ конституціи уже не рѣшались править Франціей: для этого Франція все-таки осталась слишкомъ современной. Но и экономическихъ измѣненій, вышедшихъ изъ революціи, тоже невозможно было уничтожить. Это произвело бы всеобщее замѣшательство, Собственниковъ національныхъ имуществъ, отчужденныхъ во время революціи, нельзя было экспропріировать безъ всякихъ околичностей. Имущества за это время часто переходили въ другія руки, многіе изъ первоначальныхъ владѣльцевъ ихъ умерли за границей, а иные уже не предъявляли своихъ претензій. Стараго феодальнаго зданія уже нельзя было возстановить, и реставрація должна была страшиться раздраженія многочисленнаго класса мелкихъ крестьянъ, которые хотя и давно отреклись отъ самой революціи, но всѣми фибрами держались за землю, освобожденную отъ феодальныхъ тяготъ или пріобрѣтенную ими во время революціи.

Легко представить себѣ, какъ безпрерывно осаждался дворъ тол-

пами эмигрантовъ, требовавшихъ вознагражденія за свои имущества, такъ какъ самихъ имуществъ имъ уже нельзя было возвратить. Карлъ X, вступившій на престолъ въ 1824 г., наконецъ, уступилъ, и въ 1825 г. палатамъ былъ предложенъ законъ относительно вознагражденія эмигрантовъ, съ нѣкоторыми измѣненіями и принятый ими. По этому закону эмигранты получали вознагражденіе въ одинъ милліардъ въ видѣ трехъ-процентной ренты—ежегодно 30 милліоновъ. Но послѣ іюльской революціи 1830 г. взглянули на этотъ вопросъ иначе, и въ 1831 г. рента была снова отмѣнена.

Такъ феодализмъ поплатился за свою историческую роль огромными потерями и не могъ уже снова водвориться во Франціи, потому что сила его основывалась на его собственности и привиллегіяхъ. Собственность и привиллегіи отняла у него революція, и реставрація не могла ихъ возвратить ему.

„Свободный крестьянинъ“ остался прочнымъ пріобрѣтеніемъ французской революціи. Но былъ ли онъ дѣйствительно свободенъ? Нѣтъ, — свободенъ онъ не былъ; онъ все-таки оставался glebae adscriptus, человѣкомъ, прикрѣпленнымъ къ землѣ, хотя ему и не надо было отдавать большую часть своего дохода землевладѣльцу. Мы уже указывали на то, какую пагубную ошибку сдѣлала революція раздробленіемъ земельной собственности на участки. На время эта мѣра достигла цѣли, потому что она привязала массу мелкихъ землевладѣльцевъ къ революціи. Мы видѣли, какъ держали себя участковые крестьяне въ различные фазисы революціи. Они были самой прочной опорой имперіи и приверженцами всякой реакціи, если только она обезпечивала имъ состояніе и гарантировала ихъ отъ конфискаціи ихъ имуществъ. Поэтому-то и реставрація вела дѣло такъ осторожно, и вознагражденіе, назначенное ею эмигрантамъ, заставила выплачивать не однихъ только владѣльцевъ прежнихъ національныхъ имуществъ, а всю французскую націю.

Но участковая система шла своимъ неизбѣжнымъ путемъ; землевладѣніе раздроблялось все больше и больше, и положеніе французскихъ крестьянъ ухудшалось. Если наставали особенно плохія времена, то налоги, которые крестьянинъ долженъ былъ вносить государству уже наличными деньгами, конечно, давили его не меньше, чѣмъ нѣкогда сборы натурою, дававшіеся имъ землевладѣльцу.

Объ это крестьянство, чуждое всякихъ идеаловъ, всякихъ интересовъ, кромѣ интересовъ своей земли, разбилось также возстаніе 1848 г. во Франціи, а наполеоновская легенда сдѣлала остальное, чтобы во второй разъ возвести на престолъ крестьянскаго императора въ лицѣ Наполеона III. Все совершилось по образцу 1799 г., и 2-ое декабря 1851 г. было лишь новымъ изданіемъ 18-го брюмэра 1799 г., — хотя по своимъ причинамъ и результатамъ и очень ухудшенное изданіе.

Но тѣмъ значительнѣе было нормальное дѣйствіе французской

революціи. Она придала обществу ту демократическую черту, которую уже невозможно изгладить. Уничтоживъ сословія, она объявила равенство, которое на практикѣ превратилось въ равноправность или равенство предъ закономъ. Для того времени это было огромнымъ шагомъ впередъ и составило основу новаго буржуазнаго общества. Буржуазное общество вмѣсто стараго сословнаго господства ввело господство классовое, преобладаніе имущихъ классовъ надъ неимущими, которое является первоначально не основанной на законѣ, но фактической привиллегіей и потому отражается также на современномъ законодательствѣ. Задача нашего времени состоитъ въ устраненіи противорѣчій, на которыхъ основывается классовое господство. Задача эта занимаетъ насъ въ видѣ того, что въ наши дни называютъ *соціальнымъ вопросомъ*.

Французская революція является, можетъ быть, самой интересной изъ всѣхъ историческихъ эпохъ, и изученіе ея въ высшей степени поучительно. Какая масса блестящихъ и захватывающихъ явленій, какое благородство и какая пошлость, какіе герои и какія рабскія натуры, какіе потоки крови и какія блага! Мы, нѣмцы, съ ужасомъ отворачиваемся отъ кровавыхъ катастрофъ, отъ массовыхъ избіеній безоружныхъ: они не въ нашей натурѣ. Это больше въ характерѣ романскихъ народовъ проявлять жестокость и безпощадность къ побѣжденнымъ; наша исторія показываетъ, что мы менѣе жестоки, такъ какъ у насъ было мало избіеній безоружныхъ, а въ новѣйшей исторіи нашей ихъ вовсе не было. Большая бойня въ Верденскомъ лѣсу, когда Карлъ Великій велѣлъ избить 4000 плѣнныхъ саксовъ, была болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ; подобныя жестокости мы могли бы еще представить себѣ развѣ лишь во время тридцатилѣтней войны, когда всѣ націи Европы свирѣпствовали на нѣмецкой землѣ. Кровавыя жестокости гражданскихъ войнъ во Франціи, Италіи, Испаніи и Южной Америкѣ противорѣчатъ натурѣ германцевъ, которая мягче и покладистѣе, и не такъ поддается необузданнымъ страстямъ, какъ согрѣтая солнцемъ юга кровь романцевъ.

Но многочисленныя привлекательныя и интересныя явленія французской революціи создали также особаго рода *революціонную романтику*, которая часто уже оказывала пагубное вліяніе. Есть мечтатели и фанатики, которые считаютъ свою жизнь потерянной, если они не пережили подобной же бурной эпохи. Они вѣрятъ, будто исторія есть лишь вѣчное повтореніе до мелочей, и съ ребяческой вѣрой ждутъ того часа, когда настанетъ и „ихъ“ революція.

Кто долго пробылъ на одномъ мѣстѣ и затѣмъ, оставилъ его, у того воспоминанія объ этомъ мѣстѣ обыкновенно принимаютъ совершенно своеобразный видъ. Все непріятное, противное и тягостное, существующее въ этомъ мѣстѣ, обыкновенно болѣе или менѣе изглаживается изъ нашей памяти или представляется намъ издали болѣе сноснымъ. Все же пріятное, прекрасное и возвышенное, пережитое

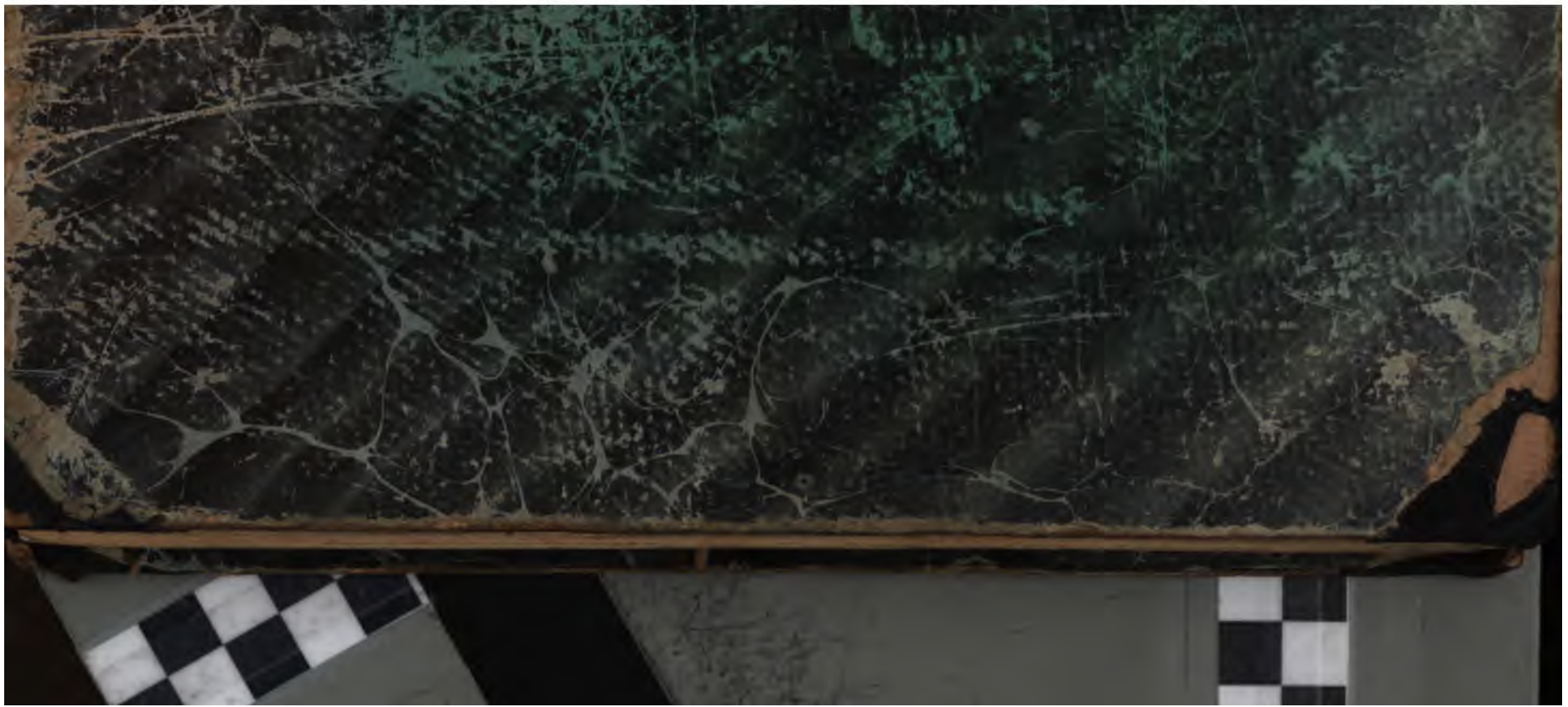
нами тамъ, встаетъ въ нашихъ воспоминаніяхъ съ удвоенной силой. Но если мы снова вернемся въ то мѣсто, исполненные пріятныхъ воспоминаній, то насъ постигнетъ разочарованіе, когда мы увидимъ передъ собою голую дѣйствительность.

То же самое и съ историческими эпохами. Если мы разсматриваемъ ихъ лишь поверхностно, лишь издали, мы видимъ въ нихъ только интересное и пріятное. Если же мы углубимся въ ихъ причины и слѣдствія, то рядомъ съ интересными и возвышеннымм явленіями мы увидимъ и ихъ тѣневыя стороны. Ихъ не надо игнорировать, ибо иначе представленіе будетъ ложнымъ. Романтики же обыкновенно отчасти или даже совершенно игнорируютъ эти тѣневыя стороны.

Одинъ уважаемый нами историкъ какъ-то сказалъ, что внушать народу революціонную романтику столь же преступно, какъ и давать мореплавателю невѣрныя карты. Онъ правъ,—и мы старались слѣдовать его указанію. Поэтому-то мы и останавливались на экономическихъ условіяхъ во время переворота. Изъ нихъ видно, что̀ народъ долженъ вытерпѣть при столь большомъ переворотѣ, какія жертвы онъ долженъ нести своимъ достояніемъ и кровью, какія страданія долженъ онъ претерпѣть,—между тѣмъ какъ плоды усилій всѣхъ почти всегда достаются на долю лишь нѣкоторыхъ, немногихъ.

Вы видите, что истинныя улучшенія для всего общества пріобрѣтаются въ исторіи лишь медленно и постепенно. Гдѣ проявляется чрезмѣрная поспѣшность, тамъ неизбѣжно наступаетъ реакція; исторія французской революціи учитъ насъ этому на сотняхъ примѣровъ.— Быстрое развитіе нашего времени быстрѣе также поведетъ насъ на пути къ лучшему. Цѣлый вѣкъ отдѣляетъ насъ отъ того всеобъемлющаго переворота, и за это время совершилось еще не одно преобразованіе. Наше образованіе увеличилось, наши нравы улучшились, вся наша жизнь стала требовательнѣе. *Силл мысли* повсюду увеличилась и становится выше *силы кулака*. Идея человѣчности проложила себѣ дорогу. Это позволяетъ намъ надѣяться, что преобразованія, зрѣющія въ лонѣ будущаго, примутъ болѣе мягкія и человѣчныя формы.

Если правда, что будущее принадлежитъ демократіи, то иначе и быть не *можетъ*. Храмъ демократіи, говоритъ одинъ великій мыслитель, составляютъ науки. Съ ихъ помощью демократія, столь сильно проявляющаяся теперь особенно въ рабочемъ мірѣ, должна приблизиться къ рѣшенію вопросовъ времени. Гдѣ царятъ науки, тамъ нѣтъ мѣста царству жестокости.

Исторія складывается не по желаніямъ романтиковъ. Лишь въ томъ случаѣ, если мы тщательно и честно изучаемъ прошлое, намъ позволительно дѣлать заключенія относительно перемѣнъ въ будущемъ.

DC 149 .B6517 1906 C.1
Frantsuzskaia revoliutsiia :
Stanford University Libraries
3 6105 036 774 722
DC
149
.B651
1906
DATE DUE